10
Д 29
Дельбрюк Г.
Истор. военн.
иск-ва.
Т 5
1937

Г. Дельбрюк

10
D 29

ВОЕНИЗДАТ

Hans Delbrück

Geschichte der Kriegskunst

IM RAHMEN DER POLITISCHEN GESCHICHTE

FÜNFTER TEIL

NEUZEIT

(FORTSETZUNG)

VON EMIL DANIELS

VERLAG VON GEORG STILKE
BERLIN 1928

40
D 29

Ганс Дельбрюк

История военного искусства

В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ТОМ ПЯТЫЙ

НОВОЕ ВРЕМЯ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

В ИЗЛОЖЕНИИ Э. ДАНИЭЛЬСА

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО Е. МАРТЫНОВА и А. РАЧИНСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА 1937

Ганс Дельбрюк

ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ТОМ ПЯТЫЙ

НОВОЕ ВРЕМЯ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Перевод с немецкого
Е. И. Мартынова и А. К. Рачинского

В настоящем V томе подробно рассмотрены три войны: восточная (1854—1856 гг.), итальянская (1859 г.) и австро-прусская (1866 г.).

Том V (как и следующие за ним VI и VII тт.) написан не самим проф. Г. Дельбрюком, а по его материалам другим автором—Эмилем Даниэльсом. Вследствие этого труд „История военного искусства" утратил свой первоначальный характер глубокого (по первоисточникам) исследования истории военного искусства, о котором Ф. Меринг писал, что он „является наиболее серьезным трудом исторической мысли буржуазной Германии последнего столетия".

Продолжатель Дельбрюка, Э. Даниэльс, ограничивает свою задачу подробным изложением военных событий. И в отношении фактов и в попытках критического их разбора у Даниэльса нередко встречаются ошибки и противоречия, отмеченные в примечаниях Е. Мартынова.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
877776

НОВОЕ ВРЕМЯ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

С согласия издателя проф. Ганс Дельбрюк, занятый другими работами, передал мне продолжение своей «Истории военного искусства». Ценность и интерес исторического труда в значительной мере зависят от личности автора, субъективность которого сообщает историческим событиям тот или иной вид и характер. Если подумать, насколько ученики Ранке отличаются от своего учителя, можно, пожалуй, рискнуть на парадокс, что, собственно говоря, исторических школ не может быть. Во всяком случае каждый историк, который отваживается приступить к исследованию крупного вопроса, должен избрать свой собственный путь. История военного искусства, бесспорно, немалое дело, почему я и позволяю себе в обработке темы не придерживаться Дельбрюка, а сохранять свою индивидуальность.

Дельбрюк предпочитает извлекать из источников отвлеченные истины (Begriffliche Wahrheiten), сравнивая, например, манипулярную фалангу (Manipular-Phalanx) с эшелонной тактикой (Treffen-Taktik) или противопоставляя стратегию измора стратегии сокрушения. Я же выдвигаю на первый план развитие событий (Das Rollen der Begebenheit). Оба подхода к материалу имеют свои основания. Второй, как сказано, отвечает не только моей индивидуальности, но также и природе моей задачи, потому что в описываемую мной эпоху не произошло таких крупных изменений в военном искусстве, как в некоторые предшествовавшие столетия, а, сле-

довательно, она дает меньше поводов к теоретическим рассуждениям. Мне кажется, что в отношении военного искусства XIX в. методом, обещающим самый богатый научный результат, будет включение этих теоретических рассуждений в соответствующие места исторического рассказа.

Само собой разумеется, что я опишу лишь те войны, которые представляют новые этапы в развитии военного искусства. Для настоящего тома я выбрал: Крымскую войну как первую позиционную войну в мировой истории; войну 1859 г., в которой идеологические силы, влиявшие как на подъем, так и на упадок военного искусства, проявились более, чем когда-либо раньше; войну 1866 г., в которой военное искусство Мольтке успешно выходит за пределы методов наполеоновской стратегии.

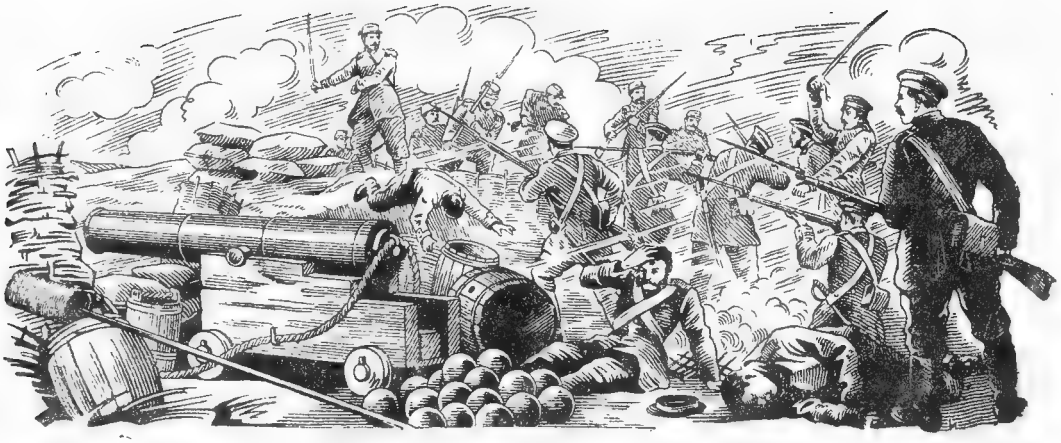
Американскую междоусобную войну я не включил, но не потому, что не признаю исторического значения этих боевых действий, а опять-таки в силу моей индивидуальной точки зрения—именно, что военно-историческое развитие старого света представляет собой органическое целое, достаточное для того, чтобы обнять научную работу целой человеческой жизни. Не желая выходить за пределы поставленных себе задач, я поместил, тотчас же после похода 1859 г., внутренне тесно с ним связанный поход 1866 г. Следующий том должен заключать в себе войну 1870—1871 гг. и русско-японскую войну 1904—1905 гг.—последнюю перед мировой войной.

Излагая историю войн и военного искусства «в рамках политической истории» и полностью придерживаясь в этом отношении плана Дельбрюка, я выпускаю специальные вопросы, например, эволюцию техники вооружения и т. п. Точно так же мне совершенно чуждо желание поучать военных в специальных вопросах, показывая им, как действовали их предшественники. Несомненно, это было бы прекрас-

ной задачей для солдата, взявшегося за перо, но не для историка. Назначение историка—руководить мыслящими читателями всех профессий в понимании великих государственных и военных условий прошлого с твердой верой в то, что общему образованию присуща сила бесконечно повышать квалификацию даже людей, работающих в какой-либо известной специальности.

Эмиль Даниэльс.

От редакции. Все подстрочные примечания, не отмеченные как авторские, принадлежат Е. Мартынову—переводчику I и II частей настоящего труда.



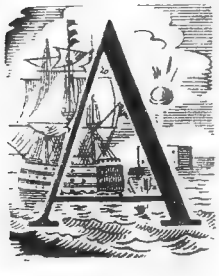
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВАЯ ПОЗИЦИОННАЯ ВОЙНА В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

(Крымская война 1854—1856 гг.)

Глава I

Первоначальные действия союзников и сражение на р. Альме (20 сентября 1854 г.)



АНГЛИЯ И ФРАНЦИЯ хотели развернуть против России военные действия в широком масштабе; война должна была превратиться в крестовый поход всех цивилизованных государств против московитян. С этою целью названные западные державы послали в Болгарию армию, а в Балтийское море флот. Они рассчитывали на присоединение Австрии и Швеции. Австрия должна была напасть с тыла на русскую армию, сражавшуюся с турками в Дунайских княжествах, и поднять восстание в Польше; Швеция должна была произвести нападение на прибалтийские пограничные области и на Петербург.

В этих расчетах немалое место уделялось Пруссии. Там шла борьба сторонников западной и русской ориентации. Разделяя ту антипатию, которой пользовался царь Николай I за свое долговременное господство в Европе, прусские руссофобы не желали отказываться от совместных действий с союзом цивилизованных и либеральных государств [1]. Но контрреволюционные силы были сильнее этой партии.

[1] В течение 30 лет Николай играл в Европе роль жандарма, являясь на помощь для подавления всякого национально-освободительного движения.

Тяготея по своим политическим идеям к востоку, они могли при этом ссылаться на государственные интересы Пруссии. Едва ли Пруссии было выгодно заключить союз со своим противником в Германском союзе — Австрией — для того, чтобы восстановить Польшу. Но, пожалуй, еще опаснее, чем Австрия, был бы для Пруссии второй фальшивый друг — Франция. Французы надеялись, что война приведет к уничтожению ненавистных им договоров 1815 г., а главное развяжет руки в отношении Рейна. От своих притязаний на Бельгию и Италию они были вынуждены отказаться ради Англии и Австрии, но на Рейне они не рассчитывали встретить непреодолимые препятствия. По мысли Наполеона III, Пруссии следовало дать «больше округления и силы на севере», за что она должна была предоставить Франции Рейнскую провинцию. Получить согласие Англии император, видимо, считал возможным.

За подобного союзника Пруссии оставалось только благодарить. Тогда уже лучше было бы ожидать требования Наполеона о пропуске его войск через Пруссию. Обстановка походила на существовавшую в 1806 г., когда Пруссия была также замешана в войну с Францией, желавшей через Пруссию наступать на Россию. В 1854 г. положение Пруссии было даже менее благоприятно в том смысле, что в 1806 г. она могла рассчитывать наряду с помощью России еще на Англию и, может быть, Австрию, тогда как теперь в качестве союзника России ей угрожал натиск всей остальной Европы.

Последовавший в конце концов отказ Австрии от проекта крестового похода против России избавил короля Фридриха Вильгельма IV от тяжелого решения, которое он должен был бы принять, если бы Наполеон потребовал пропустить его войска. Австрийский историк Фридъюнг в своей книге «Der Krimkrieg und die Oesterreichische Politik» [1] дал поучительную историю борьбы австрийской военной партии с друзьями России при венском дворе. Хотя летом 1854 г. на русской границе и развернулись две австрийские армии, но это было не началом войны, а только средством дипломатического давления. Австрия вынудила этим русских очистить Дунайские княжества, захват которых в 1853 г. русским царем у Порты и привел к европейской войне.

Остановка Австрии на полпути парализовала также воинственность Швеции. Правда, летом 1854 г., когда союзный флот появился в Балтийском море, шведы и норвежцы (оба государства находились еще в унии) были за войну.

Швеция уже тогда боялась русских намерений относительно Варангер-фиорда, снова выявившихся перед самой мировой войной. В Швеции и Норвегии с живейшей симпатией следили за операциями могучей союзной армады, состоявшей из 30 линейных кораблей, 50 фрегатов и других судов. Впрочем союзники не одержали успехов, хоть сколько-нибудь соответствовавших колоссальному напряжению сил. Россия тщательно прикрыла свое Балтийское побережье и особенно Петербург. Из 716 батальонов русской армии тут стояло 215. Для защиты кронштадтской гавани русские применили торпеды, использовав впервые в истории военного искусства оружие, описанное еще около 1290 г. в сочинении испанца Гассана Альраммей [2]. Союзникам удался только один удар. В августе 1854 г. французский десант-

[1] Моя рецензия в т. 129-м журнала «Preussische Jahrbücher».
[2] Delbrück, Geschichte der Kriegskunst, IV, 29.

ный корпус, силою в 10 000 чел., осадил крепость Бомарзунд на Аландских островах и взял ее в течение 8 дней, захватив 2 400 русских пленных. При осаде Бомарзунда отличился французский инженерный генерал Ниель, о котором речь будет еще впереди. Наполеон, давно уже питавший к нему особое доверие, теперь в награду за этот подвиг сделал его своим ген.-адъютантом.

Но что было делать союзникам с Аландскими островами? Зимой Ботнический залив замерзает; тогда союзные флоты должны были бы уйти, а русские могли бы двинуться по льду, как в 1809 г., когда они отобрали у шведов Аландские острова.

Завоевание, которое нельзя было удержать военной силой, Наполеон попытался использовать в дипломатической игре. Он предпринял шаги в Стокгольме, чтобы предложить Аландские острова шведскому королю. Оскар I в согласии с обоими своими народами был склонен вступить в войну, хотя вследствие тяжелой болезни дни его были сочтены. Кронпринц Карл, в котором было много ума и жизни, еще решительнее предавался этим честолюбивым стремлениям. Но страх перед Россией был все еще силен в Швеции. Правда, ореол императора Николая несколько померк от того, что он отступил из Дунайских княжеств по требованию Австрии, поддержанному также Пруссией и Германским союзом. Повидимому, вокруг России, монарх которой до сих пор, особенно после 1848 г., являлся третейским судьей на континенте Европы, был установлен моральный кордон. Однако, король Оскар знал изменчивость политических конъюнктур. Наполеон пошел с Англией только потому, что Николай отверг его многочисленные предложения о союзе, считая, что Англия охраняет Бельгию и Рейн. Оскар полагал, что в случае разрыва с Россией он лишь тогда будет до некоторой степени защищен от ударов в тыл, когда это государство будет совершенно низвергнуто со своей высоты. Для этого у русских следовало отнять не только Финляндию, но и все прибалтийские провинции, включая Петербург.

Оскар заявил французам, что эти цели могут быть достигнуты лишь при совместном выступлении против России всей Германии или хотя бы Австрии с западными державами и Швецией. В этом случае он соглашался напасть на Финляндию с армией из 60 000 шведо-норвежцев и 60 000 французов.

Мысли короля были хорошо взвешены как в политическом, так и в военном отношении. Те 215 батальонов, которые Россия могла выставить для прикрытия своих прибалтийских провинций и Петербурга, насчитывали 150 000 чел. Правда, при необходимости охранять пространные берега Балтийского моря из этих сил нельзя было выделить слишком много против шведско-французской армии.

Однако, после очищения русскими Дунайских княжеств в начале сентября 1854 г. Австрия больше не вмешивалась в дело. Хотя 250 000 чел. на русской границе и оставались еще на военном положении, а антирусская партия при венском дворе далеко еще не считала свою игру проигранной, но сосредоточенные войсковые массы были расположены на широких квартирах, а отчасти даже переведены из Галиции обратно в Венгрию.

При таких условиях Оскар и Наполеон не могли сговориться. Вследствие этого,— когда, с приближением зимы, союзный флот оставил Балтийское море, — укрепления Бомарзунда были взорваны.

Как следовало вести против России дальнейшую войну, длившуюся уже 5 месяцев? Вторжение англо-французской армии из Болгарии через Дунай в Бессарабию совершенно исключалось вследствие ее слабости. Сотрудничество турок могло мало помочь, потому что их армия была хороша только при обороне, наступательная же сила турецкой армии была ничтожна. Лишь вступление в войну Австрии давало возможность англо-французам, сосредоточенным у Варны, и туркам — у Шумлы, наступать на север.

Нелегко ответить на вопрос, сколько именно французов Наполеон послал на Балканский полуостров. Выпущенное по его приказанию после войны гигантское роскошное издание «Atlas Historique et Topographique de la guerre d'Orient»[1] с великолепно гравированными картами и таблицами, но с пояснительным текстом, вызывающим критику, содержит таблицу «Composition de l'armée d'Orient au premier août 1854»[2], по которой Восточная армия состояла тогда из 57 875 чел., находившихся под ружьем. Но, видимо, эти сведения основывались на том предположении, что батальоны, отправленные в мае на восток в составе 1 000 чел. каждый, сохранили свой состав, несмотря на значительные потери от болезней. Различные признаки указывают, что французская Восточная армия располагала в августе 1854 г. не 58 000, а только 37 000 чел.

Англичане имели у Варны 28 000 чел. С чисто военной точки зрения французы, вероятно, могли выставить более значительные силы, хотя отправка на кораблях войск и запасов доставляла морскому министру большие затруднения. Однако, по политическим причинам Наполеон хотел как можно меньше связывать себя в военном отношении на Балканском полуострове. Интересы Франции на востоке являлись на его взгляд второстепенными; он выступал с Англией только потому, что никакая другая держава не пожелала войти с ним в соглашение. Точно загипнотизированный, император смотрел из-за Вогез на Рейн; он хотел дать такое направление войне, при котором Франция сделала бы там завоевания.

Дипломатическая кампания открылась жалобой Парижа на то, что дружественное в отношении России поведение германских правительств якобы угрожает безопасности Франции. Это была старая песня, которой предстояло еще часто повторяться. В действительности же не крайне скромному честолюбию Германского союза, а собственной жажде завоеваний французы должны были приписать то обстоятельство, что не только в Берлине, но и в Мюнхене, и в Дармштадте и в других столицах Германского союза ориентировались на Россию, рассматривая ее как гаранта их территориальной неприкосновенности. Эти реальные политические интересы были прочным цементом, связывавшим германские дворы с русским царем; влияние России в Германии основывалось не только на реакционных чувствах, но и на боязни французского нашествия с его не поддававшимися учету территориальными и внутриполитическими последствиями.

Вследствие отказа германских держав и Германского союза от участия в войне и от пропуска французов через свою территорию, союзникам оставалась возможной только одна операция против России: Англия и Франция могли надеяться нанести чувствительный удар

[1] «Исторический и топографический атлас Восточной войны».
[2] «Состав Восточной армии к 1 августа 1854 г.».

противнику без помощи других европейских государств лишь в Крыму (схема 1). Севастополь, являвшийся для русских исходной позицией для наступления против Константинополя, был в то время значительно хуже защищен от внезапного нападения, чем в позднейшие периоды восточного конфликта. Правда, гавань Севастополя имела сильные укрепления, но город оставался открытым [1]. Крым, по пространству равный Сицилии, предоставлял для высадки много мест, которые русская армия не в состоянии была прикрыть от союзников. Под защитой своего превосходного флота союзники могли без большого труда произвести где-либо высадку. О русских силах в Крыму они были в основном хорошо осведомлены. Армия под начальством

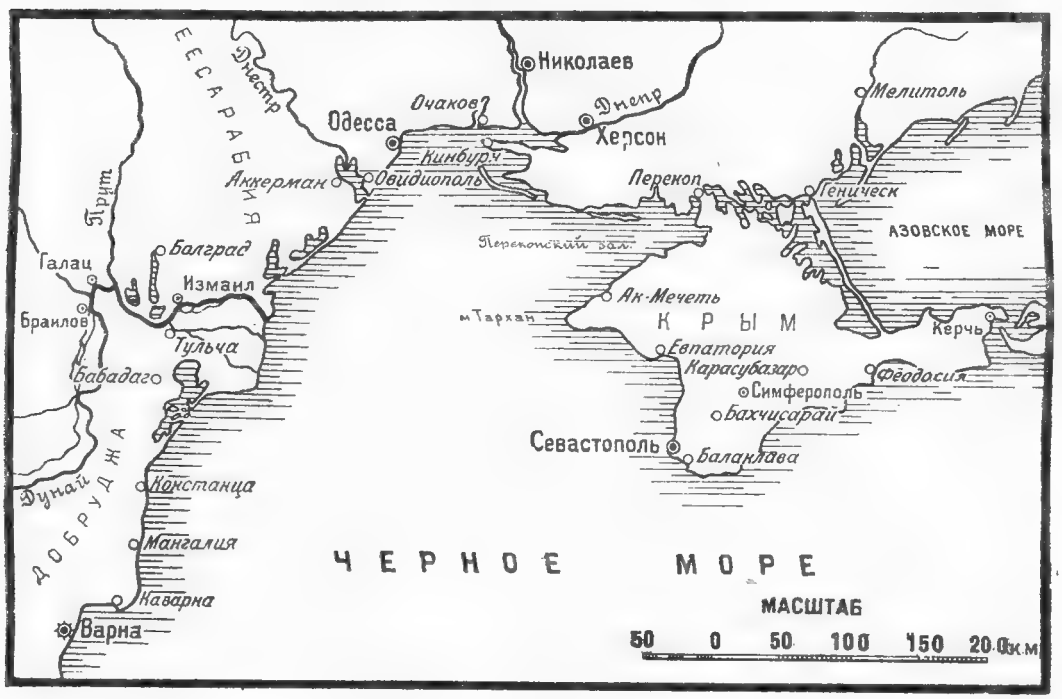


Схема 1. Варна — Крым

князя Меньшикова состояла из 45 000 чел.; из них 38 000 стояли на юго-западном берегу, опираясь на Севастополь, а 12 000 — на юго-востоке в Феодосии (Каффе) и в Керчи [2].

Союзники имели в Варне 65 000 чел. и, кроме того, они могли взять с собой турок; но тоннажа, бывшего в распоряжении французов, нехватало, чтобы погрузить сразу всю их армию. Когда экспедиция в Крым была окончательно решена, французский главнокомандующий маршал Сент-Арно должен был согласиться на то, чтобы одна из пяти пехотных дивизий и одна кавалерийская дивизия остались временно в Варне. Кроме того, одна бригада осталась в Пирее [3], чтобы удержать греков от нападения на турок, и иностранный легион в Галлиполи.

[1] Необходимо добавить, что для англичан едва ли не главной целью войны было уничтожение морских сил России на Черном море. Для этого надо было прежде всего взять Севастополь, базу и стоянку черноморского флота.

[2] При сложении получается 50 000 а не 45 000.

[3] Пирей — гавань Афин.

Таким образом, 5 и 7 сентября на суда были погружены только 23 000 французов, 27 000 англичан и 7 000 турок, всего 57 000 чел. Они имели при себе полевую артиллерию, состоявшую из 122 орудий. Более богатый тоннаж англичан позволил им взять с собой половину кавалерии — 1 000 всадников.

Эта военная экспедиция через море была самой крупной из всех известных в мировой истории. Бонапарт перевез в Египет только 30 000 чел. и притом на берег, который не защищался никакой военной силой. Только в классической древности можно найти аналогию с Крымской экспедицией. В гражданской войне между Цезарем и Помпеем первый переплыл Адриатическое море с 7 легионами и кавалерийским корпусом, всего с 40 000 чел. Вторым рейсом транспортный флот Цезаря перевез еще 25 000 чел. [1].

Последнее предприятие являлось более смелым, чем Крымская экспедиция, потому что флот Помпея господствовал на Адриатическом море, тогда как черноморский флот русских не решался выйти из Севастополя.

Англо-французские генералы и адмиралы сознавали тот большой риск, на который они шли. Они предприняли эту экспедицию только потому, что оба правительства категорически потребовали ее от своих военных и морских начальников, видя, что никакой другой операции против России предпринять нельзя. Позднее время года внушало беспокойство обоим адмиралам — Дундасу и Гамелену. Правда, на Черном море в сентябре и октябре обычно стоит очень хорошая погода, но Понту Эвксинскому [2] нельзя было доверять. На 23 сентября приходилось осеннее равноденствие. Хотя к этому времени армия и должна была высадиться, но флот попрежнему оставался базой армии. Поэтому нельзя было производить высадку в любом пункте, пригодном для десанта; флот нуждался в обеспеченной гавани, чтобы равноденственные бури не прервали его связи с армией. Могли ли решения и действия сухопутных стратегов своевременно обеспечить флот защищенною гаванью?

Сент-Арно и английский главнокомандующий лорд Раглан чувствовали еще большую ответственность, чем адмиралы. С 57 000 чел. они должны были напасть на величайшую в мире военную державу. Россия имела на своих границах 600 000 чел., к которым следовало еще присоединить не менее 300 000 чел. запасных и гарнизонных войск. Конечно, все эти силы не могли быть двинуты против союзников. Политическое положение вынуждало Россию держать целые армии на австрийской и шведской границах. Кроме того, Россия не имела еще железных дорог, и передвижения войск при больших расстояниях и плохих путях сообщения были связаны с затруднениями.

Признавая эти слабые стороны противника, Сент-Арно и Раглан оставались при убеждении, что нападение на Крым является с военной точки зрения очень рискованной операцией. Нельзя было предвидеть, какую форму примет развитие русских сил в Крыму; более чем вероятным представлялось, что гигантское государство найдет средства для создания на пути наступающего величайших затруднений.

Сент-Арно в своем операционном плане пошел навстречу опасениям адмиралов, предложив своему английскому товарищу выса-

[1] Delbrück, Geschichte der Kriegskunst, 1, 493.
[2] Понт Эвксинский—древнее название Черного моря.

диться у Феодосии (схема 1). Этот город находился некогда под властью генуэзцев и являлся тогда чрезвычайно важным складом товаров. Феодосия представляла собой хорошо обеспеченную гавань. Но не одно только внимание к своему флоту побуждало французского полководца выбрать пунктом высадки Феодосию. В качестве стратегического объекта действий Сент-Арно имел в виду не Севастополь, а административный центр Крыма — Симферополь, где находились магазины и перевозочные средства русской крымской армии. Русская армия не могла жить местными средствами. Хотя горные долины Южного Крыма и плодородны, но заняты виноградниками и садами; хлеб туда ввозится. Северный Крым — степная страна; немногочисленное его население занималось скотоводством. Вообще весь полуостров имел редкое население: 430 000 жителей были расселены на пространстве, равном, как сказано, Сицилии (Сицилия имела по переписи 1861 г. 2 400 000 жителей).

Из степи, расположенной по р. Салгиру, русская армия могла получать нужное ей количество мяса, а также часть рабочего скота для обоза, но все остальные продукты и боевые припасы приходилось с колоссальными затруднениями доставлять из внутренней России. Все подвозимое сосредоточивалось в складах в Симферополе. Тут же были расположены и госпитали крымской армии.

Сент-Арно был убежден, что для защиты этого узлового пункта русские дадут сражение и, проиграв его, очистят Крым вместе с Севастополем. Путь от Феодосии к Симферополю шел по ровной или слегка всхолмленной местности; шоссе еще не существовало, но дороги могли быть улучшены без особого труда. Правда, зимой они превращались в непролазную грязь, но наступления дождей следовало ожидать только через несколько недель, а Феодосия была удалена от Симферополя самое большее на 6 переходов. Долина Верхнего Салгира, где лежит Симферополь, очень плодородна; везде видны фруктовые сады, огороды, табачные плантации и рощи.

Впрочем французы везли с собой достаточные запасы. На их кораблях находилось муки, вина и водки по меньшей мере на четыре недели; риса, сахара и кофе — даже на 6 недель; фуража — на 4 недели; дров и угля — почти на месяц. 27 хлебопекарных печей были частью готовы, частью строились. Все эти грузы могли подвозиться к войскам хорошо организованным обозом.

Напротив, англичане почти совершенно не имели обоза. Впоследствии я разъясню этот поразительный факт, теперь же ограничусь лишь упоминанием о нем. Во время месячной стоянки армии в Болгарии лорд Раглан ничего не сделал для формирования обоза, хотя он, конечно, знал, что армия без обоза неспособна к операциям. Впрочем организацию обоза трудно импровизировать. Раглану пришлось бы взять значительное число нужных для этого офицеров, унтер-офицеров и рядовых из других родов войск. Следовало бы настоять на присылке из Англии обученных ездовых, лошадей и повозок. Но все это было трудно выполнимо, особенно при существовавших в Англии административных порядках, описываемых нами дальше.

Еще во время переговоров о совместных действиях с Австрией Раглан набрал в Болгарии около 5 000—6 000 вьючных лошадей, но в обученном личном составе, который мог бы быть использован для обоза, испытывался такой недостаток, что он решил лучше отказаться от животных. Они остались близ Варны.

Понятно, что без обоза не было и интендантства. Англичане совершили переезд в Крым с легким багажом и именно по этой причине оказались не в состоянии двинуться внутрь страны; английская армия могла оперировать только на побережье. Вследствие этого Раглан вынужден был отвергнуть план похода, предложенный Сент-Арно. Это привело к острому разногласию между ними. Однако, в конце концов Сент-Арно уступил, так как англичанин действовал под давлением необходимости. Было решено, что высадка будет произведена не на восточном берегу у Феодосии, а на западном, где лежит Севастополь (схема 2). Таким образом, стратегическим объектом действий явился не Симферополь, а Феодосия. Район действий решено было ограничить прибрежной полосой.

Перед союзниками стояла задача возможно скорее овладеть какой-нибудь безопасной гаванью. План Сент-Арно наряду с другими поло-

Схема 2. Юго-западный берег Крыма

жительными его сторонами представлял еще ту выгоду, что первым действием союзников в Крыму являлось занятие удобной гавани (Феодосии). Однако, этот план был отвергнут. На западном берегу условия складывались хуже. Тут подходящей гаванью была Балаклава. По соседству с ней находились и другие удобные гавани, но горный характер побережья на этом участке облегчал отражение десанта. Вследствие этого союзники решили произвести высадку довольно далеко от Севастополя, южнее Евпатории. Этот город имеет незащищенную гавань, которая и по своим размерам не могла служить базой флота. Но берег у соленого озера Кизил-яр был как бы создан для высадки (схема 2). Будучи низким и ровным, он мог обстреливаться на всю дальность тяжелых морских орудий. На обоих флангах имелись озера. 84 корабля военного флота, размещенные по

обеим сторонам 300 транспортных судов, могли развить более интенсивный огонь, чем самая сильная крепость.

Высадка была назначена на раннее утро 13 сентября, но Черное море еще раз показало свой особо коварный характер: накануне ночью поднялся порывистый северо-западный ветер, приведший в беспорядок весь транспортный флот. Вследствие этого десант пришлось отложить на сутки. Он начался в 2 часа утра 14 сентября. К вечеру из 10 дивизий были высажены уже 5, а также большая часть артиллерии с лошадьми. Таким образом, можно было рассчитывать, что высадка будет закончена если не 15-го, то 16-го числа. Но 15 сентября вследствие большого волнения на море выгрузка — особенно лошадей и военных припасов — вызвала величайшие затруднения. Даже при слегка волнующемся море погрузка и выгрузка лошадей с судов очень трудны, усиленный же прибой делает их почти невозможными.

Оставшуюся часть артиллерийских лошадей, а также лошадей и мулов французских обозов и английскую кавалерию пришлось высаживать с наступлением более спокойной погоды. У французов высадка заняла целых двое суток; только вечером 16 сентября они имели на берегу 600—700 животных. Еще медленнее происходила эта операция у неповоротливых англичан, которые обладали весьма несовершенной системой военной подготовки в мирное время. Они трудились до вечера 18 сентября и все же высадили только легкую кавалерийскую бригаду; тяжелая оставалась еще на судах. Тогда раздраженный Сент-Арно объявил, что на следующее утро французская армия во всяком случае перейдет в наступление и что недостающая английская бригада должна нагнать армию. Раглан не решился возражать.

Таким образом, высадка продолжалась более 6 дней. Из этого факта историк может сделать кое-какие поучительные выводы. Историческая критика порицала римлян за то, что они не перебросили больших армий морем в Испанию и Африку, чтобы напасть на Ганнибала с тыла и тем помочь Сагунту [1]. Но военные экспедиции на море не так просты. Достижением являлось уже то, что римляне послали морем в Массилию 24 000 чел., чтобы встретить Ганнибала хотя бы на Роне. Командовавший этим войском консул Сципион имел при себе 2 000 всадников; вспомним, сколько хлопот доставила англичанам их 1 000 всадников под «старым фортом» (Северным укреплением в Севастополе.— Р е д.).

После того как австрийцы и шведы отказались вступить в войну, русский главнокомандующий в Крыму должен был больше чем когда-либо ожидать атаки Севастополя. Однако, она представлялась ему иначе, чем произошла в действительности. Меньшиков едва ли предполагал, что неприятель всю армию высадит на крымском берегу, чтобы там искать боя; впрочем этого не ожидал и генеральный штаб в Петербурге. Русские считали лишь, что союзный флот может попытаться форсировать форты Севастопольской гавани, чтобы уничтожить черноморский флот и высадить небольшой десантный корпус для разрушения доков и арсеналов. Еще задолго до Крымской войны русский генеральный штаб считал, что такая попытка неприятельских сил может когда-нибудь произойти. Поэтому уже в 1834 г. было ре-

[1] D e l b r ü c k, Geschichte der Kriegskunst, I, 323.

шено укрепить Севастополь, но только слегка — против внезапного нападения, а не против осады, которую считали невозможной.

Вследствие бюджетных затруднений круговая крепостная ограда осталась в зачаточном состоянии. В действительности осенью 1854 г. Севастополь представлял собой неукрепленный город. Меньшиков выписал инж.-подполк. Тотлебена [1]. Во время русско-турецкой войны 1853 г., в которую в 1854 г. вмешались западные державы, Тотлебен отличился при осаде Силистрии. Теперь он должен был выстроить несколько укреплений у Севастополя, чтобы облегчить Меньшикову оборону города.

Впрочем Меньшиков чувствовал себя относительно в безопасности. Для обороны Крыма он имел 50 000 чел., правда, не только для одного Севастополя, но и важной в военном отношении Керчи. В соседней стране черкесов боролся с 1824 г. Шамиль [2]. Теперь он получал деньги и оружие от союзников, господствовавших на Черном море. Если бы успешные действия союзного флота в Азовском море воодушевили партию Шамиля (мюридов), то это религиозно-демократическое движение могло бы потрясти русское владычество в Азии. Так по крайней мере думали англичане, которые охотно использовали бы Крымскую войну для того, чтобы воспрепятствовать продвижению русских к Индии; в Петербурге это также вызывало заботы.

Таким образом, Меньшиков должен был держать войска и на восточном берегу Крыма. Но он не допускал, чтобы неприятельский флот теперь, в позднее время года, отважился на решительные действия; нападения он ожидал только весною.

Однако, 13 сентября Меньшиков получил из Евпатории несколько быстро следовавших одна за другой телеграмм о появлении все большего числа союзных кораблей. Вечером один казак донес ему, что сосчитать суда почти невозможно. Вскоре Меньшикову стало ясно, что союзная армия захватила его врасплох. Он вытребовал из Керчи на западный берег Московский полк. Пройдя с батареей за 5 дней расстояние в 250 км, считая по воздушной линии, полк показал, на что способны хорошо дисциплинированные войска. Присоединившись к армии вечером накануне сражения, он сражался на другой день с упорством и потерял четверть своего состава.

Однако, я упреждаю события. 18 сентября на территории Крыма находились 57 000 союзников; отсутствовало лишь несколько английских эскадронов. В Евпатории и ее окрестностях англичане реквизировали 350 арб и воловьих подвод; состоявшие при последних татарские возницы были вынуждены принять участие в походе. Они выглядели, «как пойманные зайцы», говорит английский историк Крымской войны Кинглек. Их страх был обоснован, так как в конце концов все они гибли от недостаточной заботливости о них непрошенных английских работодателей. Но для английской армии, как говорит Кинглек, эти арбы были жизненно необходимы: только на них она могла перевезти запас своих боевых припасов.

Утром 19 сентября началось наступление вдоль берега на Севастополь. Союзники не сомневались в том, что Меньшиков примет сражение, но не страшились этого, так как были уверены в своем числен-

[1] Он был прислан князем Горчаковым, командовавшим войсками в Дунайских княжествах.

[2] Шамиль вел войну в Дагестане.

ном и качественном превосходстве над русскими. Главной заботой союзных полководцев было возможно скорее овладеть Балаклавой: база союзников находилась не на суше, а на флоте, который большей частью состоял еще из парусных судов. Правда, армия могла воспользоваться кое-чем из местных средств. После высадки войск один английский интендант так донес правительству о своих впечатлениях: «С интендантской точки зрения прекрасная страна, богатая стадами скота, полями зернового хлеба и заготовленным сеном».

Интендант охотно воспользовался бы этими благами, но английская кавалерия была слишком слаба для реквизиций [1].

Сопровождаемые сновавшими вокруг казаками, союзники при благоприятной погоде наступали по холмистой местности; рядом с ними плыл флот. В полдень, прибыв к р. Булганак, они увидели перед собой русскую армию. Она стояла в расстоянии менее мили, на высотах по ту сторону р. Альмы. Сент-Арно и Раглан остановились, решив атаковать ее на следующее утро. В этом они были единодушны, но по поводу плана сражения возникли крупные разногласия. За вычетом отряда, оставленного в Евпатории, союзники имели 55 000 чел., русские—34 000. Это несоответствие в силах увеличивалось еще тем, что левое русское крыло подвергалось огню союзного флота. Ввиду численного превосходства союзников Сент-Арно хотел обойти неприятеля с обоих флангов: французы, составлявшие правое крыло союзной армии,—со стороны моря, англичане—выше, по р. Альме. Расположение англичан на левом крыле союзной армии объяснялось тактическими соображениями: англичане обладали конницей, которой не было у французов. Таким образом, французы шли, примыкая к морю, а походные колонны английской пехоты прикрывались кавалерией.

Однако, Раглан отнюдь не чувствовал себя обеспеченным своей конницей, так по крайней мере он заявил об этом Сент-Арно. У него было 10 эскадронов против 16 русских эскадронов и 11 сотен казаков. Это звучало опаснее, чем было в действительности. Казаки были превосходны для разведки и малой войны, но не подготовлены для атак. В свою очередь русская кавалерия, предназначенная для производства в сражениях сомкнутых атак (Schlachten-Kavallerie), не имела лошадей, соответствовавших полностью ее задаче. Поэтому 16 русских эскадронов едва ли стоили больше 10 английских, имевших отличный конский состав [2]. Раглан мог тем менее опасаться атак русской кавалерии, что его пехота была вооружена дальнобойными ружьями Минье, а не гладкоствольными, с которыми пехоте Веллингтона пришлось при Ватерлоо отражать 26 кавалерийских полков Нея.

Раглан участвовал в сражении при Ватерлоо и потерял там руку; боевые воспоминания молодости глубоко запечатлелись в его памяти. Кроме опасений русской кавалерии, у него была другая — более основательная — причина отказаться от обхода правого русского фланга: его пехоте недоставало тактической подвижности. Она все еще сра-

[1] Скорее мешал недостаток обоза.

[2] Это не совсем верно. Никогда русская кавалерия не имела такого конского состава, как при Николае I, но она готовилась, как впрочем и вся армия, главным образом, для парадов. Процветали тонкая манежная езда, церемониальный марш с педантическим равнением и сложные эволюции на ровной местности. Полевой ездой пренебрегали, а разведывательной и сторожевой службе вовсе не обучали. Считалось, что это дело казаков.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

жалась в линиях, как при Ватерлоо и в эпоху Фридриха Великого. Между тем маневрировать в длинных окостенелых линиях было необычайно трудно. Знаменитый военный теоретик XVIII в. ген. Ллойд говорит, что иногда боевому порядку требовалось несколько часов, чтобы продвинуться вперед всего на четверть часа пути [1].

Эту малоподвижность можно было в известной мере преодолеть упражнениями в мирное время. Знаменитый потсдамский вахтпарад, как это обнаружилось под Россбахом и Лейтеном, дал в этом отношении изумительные результаты. Но школы нигде не создалось, особенно в Англии. Там существовало только батальонное учение. Вследствие разбросанности батальонов по гарнизонам упражнений в составе бригад и дивизий вообще не производилось [2]. Парламентский антимилитаризм не соглашался отпускать на это денежные средства, как и на постоянный обоз в мирное время.

Антимилитаризм привел к полнейшему окостенению армии. Раглан, четыре начальника дивизий (из пяти) и инженерный ген. Бургойн являлись ветеранами испанских походов Веллингтона. В книге Г. Бапста о маршале Канробере сказано: «После перерыва в 50 лет появился переживший себя генеральный штаб старого герцога, как группа восставших из гробов, чтобы командовать армией».

Итак, Раглан объявил Сент-Арно, что он не может предпринять охвата русских, так как его собственный левый фланг висит в воздухе. Он произведет лишь атаку с фронта. Охват противника должны предпринять одни французы; они могут это сделать, так как прикрыты с одной стороны морем, а с другой — англичанами.

Этот ответ Раглана не ставил под сомнение вопрос о победе, но он сильно понижал те практические результаты, которые ожидались от выигранного сражения. Сент-Арно надеялся окружить неприятеля с трех сторон и таким способом почти совершенно его разгромить. Трезвый расчет, основанный на имевшихся материальных силах, был перечеркнут посредственностью Раглана. Взаимное раздражение обоих полководцев достигло высокой степени, хотя формы обращения всегда оставались вежливыми. Это были два различных человека. Раглан — пятый сын герцога Бофора, женатый на племяннице герцога Веллингтона, являлся одним из ярких представителей высшей английской аристократии. Он держал себя как прирожденный вождь, и в то же время его приятные манеры, изысканные ловкие выражения и тонкий такт привлекали к нему симпатии людей самых различных характеров и социальных слоев. Наряду с его благородством и любезностью хвалили его стоицизм. Рассказывают, что при ампутации правой руки (еще без хлороформа) он даже не поморщился. И только когда фельдшер бросил отпиленную руку в таз, Раглан воскликнул: «Ау, мое обручальное кольцо!»

Раглан обладал не только твердым характером и хорошим сердцем, но и умом. Он быстро все схватывал и отличался дипломатическими способностями. Но сила его личности лежала все-таки в моральной, а не в интеллектуальной области. Его способности почти не выходили из рамок посредственности. Раглан являлся учеником и последователем Веллингтона [3]. Одно из наилучших мест в трудах Кобдена с пла-

[1] Delbrück, Geschichte der Kriegskunst, IV, 313.
[2] Полки не существовали.
[3] В наполеоновских войнах он был его адъютантом.

стической наглядностью представляет личность Веллингтона, который был мастером в войне и политике, насколько им можно быть без силы воображения и искры творческого гения. Характерно, что Раглан называл Веллингтона величайшим человеком века.

Раглан нашел певца своей славы в Кинглеке, авторе «The Invasion of the Crimea» [1]. Это — не исторический труд о лесах и лугах. Кинглек был собственно адвокатом. От этой карьеры он отказался после выбора в парламент, где участвовал преимущественно в дебатах по внешней политике. Он был умеренным либералом. Свою литературную славу Кинглек завоевал «Письмами путешественника с Востока». Во время Крымской войны он находился в штабе Раглана. Ошибкой большинства военных историков является то, что они слишком вдаются в детали, но никто не грешит этим в такой мере, как Кинглек. Более обстоятельной книги, чем история Крымской войны Кинглека, никогда еще не было написано [2]. И тем не менее нельзя сказать, чтобы этот объемистый труд утомлял читателя. Автор никогда не дает материала, лишь наполовину переваренного и преподнесенного в безвкусной форме. Он не разбрасывается: это — сосредоточенный мыслитель, и все, что он рассказывает,— как великое, так и малое,— им основательно продумано; он умеет писать.

Хотя Кинглек и не был военным, но у него было правильное представление о военном искусстве своей эпохи. В противоположность некоторым историкам, еще со времен Геродота рассуждавшим о военных событиях, подобно слепым о красках, он освещает внутреннюю связь военных событий. Кинглек использовал очень хорошие источники. Вдова Раглана передала ему все бумаги своего мужа, и притом не только его официальную, но и частную переписку. Кроме того, он получил ценные сведения от других английских, французских и особенно русских генералов. В 1869 г. он был с Тотлебеном в Севастополе. Таким образом, Кинглек собрал разносторонний материал, но все же он — очень субъективный историк. Когда Кинглек хочет прославить своего героя Раглана, он теряет чувство меры и доходит до самых романических утверждений, что мы увидим из описаний сражений на р. Альме и при Инкермане. Кинглек любит английскую армию так же, как Тьер французскую; он увековечивает славу каждого лейтенанта и каждого сержанта, отличившихся в бою с неприятелем. Вследствие малочисленности английской армии он мог в этом отношении позволить себе больше, чем Тьер. У нас нет столь выдающихся военно-исторических произведений, написанных штатскими.

Кинглек прославляет не только английскую армию, но и английскую политику. Правда, он стремится быть беспристрастным, как суд истории, но объективность ему несвойственна. В моей книге «Englische Staatsmänner von Pitt bis Asquith und Grey» [3] я попытался показать то недоверие и тот страх, которые испытывали англичане перед Францией. После Крымской войны страсти разгорелись сильнее, чем когда-либо. Они захватили и Кинглека, который в своей книге о Крымской войне развернул настоящую кампанию против Наполеона III в связи с понесенными 2 декабря кровавыми потерями.

---

[1] «Вторжение в Крым».

[2] Фактами, приведенными в дальнейшем изложении, автор опровергает это чересчур смелое утверждение.

[3] «Английские государственные люди от Питта до Асквита и Грея».

Французы платили Кинглеку за его враждебность тем, что в насмешку оценивали его исторический труд как роман. И в этом есть доля правды.

Прежде всего нужно отметить эпическую широту стиля, которая, несмотря на допускаемые гиперболы, часто приносит большую пользу рассказу. Педантичная обстоятельность Кинглека вызывалась как художественными, так и научными стремлениями этого историка, желающего быть одновременно и наглядным и поучительным.

Выше я сам назвал эпопею Раглана романической. К сожалению, Кинглек не чужд склонности к сенсации. Действительно, романом — и притом плохим — является знаменитая история о том заседании английского совета министров, на котором было принято решение об экспедиции в Крым и во время которого все министры, за исключением одного или двух, будто бы задремали.

Несмотря на эти недостатки, книга является украшением английской научной и художественной литературы [1].

Понятно, что маршал Сент-Арно, который в качестве военного министра Наполеона утопил в крови противников государственного переворота, показан Кинглеком с отрицательной стороны. Сент-Арно был человеком совершенно иного происхождения, чем Раглан. Если последний принадлежал к цвету английской аристократии, то первый происходил из буржуазии и притом, несомненно, не из высшей. В годы реставрации он поступил младшим лейтенантом в гвардию, выдавая себя за пламенного роялиста. Но с красивым кутилой, имевшим также склонность к поэзии и музыке, произошла какая-то темная история, вследствие которой он, несмотря на свои роялистские убеждения, был уволен в чистую отставку. За этим последовала беспокойная кочевая жизнь в различных странах и между прочим попытка артистической карьеры, а затем столь же тщетная попытка пробить себе дорогу в Грецию в качестве горячего филэллина [2]. После июльской революции, в возрасте 33 лет, ему удалось вновь получить во Франции чин подпоручика, на этот раз в армии. Теперь он стал пламенным орлеанистом [3]. Но опять произошла темная история, и как прежде в гвардии, так теперь в армии его имя было вычеркнуто из списка офицеров.

В то время он носил имя не Сент-Арно, а Жак Ле-Руа. В 40 лет Жак Ле-Руа снова выплыл в иностранном легионе в Алжире, получив патент поручика под именем Ахилл Сент-Арно. Это имя он сделал историческим. Он перебесился, и теперь из негодного человека, авантюриста и пройдохи превратился в честолюбца крупного масштаба. Его действия в боях против кабилов и арабов были выдающимися. После иностранного легиона, служба в котором являлась как бы надиром [4] его военной карьеры, мы находим его опять в должности батальонного командира в отборных войсках, в зуавах. Сент-Арно имел сухое, закаленное гимнастическими упражнениями сложение. Впрочем он страдал одной хронической болезнью, выражавшейся в

---

[1] Трудно притти к такому выводу на основании сделанной автором — правда, не особенно четкой — характеристики.

[2] Так назывались в 20-х годах XIX в. сторонники независимости греков, поддерживавшие последних в борьбе против турецкого владычества.

[3] Приверженец Орлеанской династии.

[4] В астрономии — низшая точка, в противоположность высшей точке — зениту.

чрезвычайно болезненных припадках, которую он, вероятно, приобрел не без собственной вины. Однако, Сент-Арно обладал столь огромной энергией, что если близ его одра болезни шел бой, он, превозмогая себя, спешил на поле сражения. Часто его дрожавшая рука не могла держать саблю, но он заставлял себя участвовать в бою, чтобы его новое имя попало в реляцию. «Я хочу отличиться или умереть», говорил он.

За 14 лет он дослужился до дивизионного генерала. В этой ответственной должности он все еще оставался несколько поверхностной натурой. Видно было, что его радовала военная пышность, когда в мундире, расшитом золотом, он сидел на своем благородном арабском коне, а галопировавшие адъютанты передавали подчиненным начальникам его приказания. Но никто не мог отказать ему в необычайном уме, а знанием света и людей он обладал благодаря Одиссее своей молодости satis superque [1].

Кинглек находился с Сент-Арно в Алжире, когда последний (тогда еще полковник на генеральской должности) во главе движущейся колонны вел наступление против одного восставшего племени. Несмотря на всю ненависть и презрение к Сент-Арно, Кинглек признавал, что ему редко приходилось слушать такие трезвые суждения о военном деле, как из уст этого маленького, сильного и стройного оратора.

Трепетавшие туземцы называли экспедицию адской колонной, потому что Сент-Арно, подобно всем своим товарищам, вел африканскую войну с превосходством ума европейцев, а в случае нужды и с применением варварских средств Востока. Беззастенчивая жестокость уживалась в этой сложной натуре с мягкими порывами души. Однако, Сент-Арно до сегодняшнего дня пользуется у своих соотечественников такой же дурной репутацией, как и у Кинглека, — не столько вследствие грехов своей частной жизни, сколько по политическим мотивам. С большой выгодой для своей военной карьеры он еще раз политически переучился, сделавшись пламенным бонапартистом и правой рукой Наполеона при удушении республики. В ночь с 1 на 2 декабря 1851 г., за несколько часов до выступления войск и арестов, он писал: «C'est sur moi, que reposent l'action et la force» [2].

Однако, с английским главнокомандующим он не мог расправиться так, как с французским национальным собранием. Сент-Арно знал, как вести войну в Крыму, чтобы быстро достигнуть решительных результатов, но его хорошо обдуманные предложения наталкивались на холодный отказ Раглана. С зубовным скрежетом отказался он от высадки у Феодосии. На биваке у р. Булганак он пытался придать неправильно начатому стратегическому наступлению хотя бы наиболее благоприятную тактическую форму, предлагая обход русских на обоих крыльях. Он нажимал на Раглана то на английском языке, на котором научился бегло говорить во время своей Одиссеи, то скороговоркой по-французски. Сдержанные англичане потешались над жестикуляциями Сент-Арно, в чем его еще превосходил его адъютант Трошю. Но все было напрасно — как жесты, так и слова. Французы грызли гранит или, вернее, ледяную глыбу.

Историк должен быть осторожен в своей критике; никто не может сказать, была ли английская пехота способна сделать то, чего от нее

---

[1] Достаточно и даже слишком.

[2] «На меня возложены действия и у меня сила».

требовал Сент-Арно. Но довольно верно, что Раглан над этим вопросом не ломал себе головы, подобно тому как в Болгарии он не развивал особой деятельности для обзаведения обозом. Он хотел все делать так, как это делал в Испании и Бельгии «величайший человек века». Та истина, что задача военного гения заключается в новом понимании и оформлении вечно текучего, вечно изменчивого элемента, была выше понимания Раглана.

Пальмерстон [1], уважая характер Раглана не менее других, находил, однако, что аристократические манеры и отнятая рука еще не делали его пригодным для занимаемого поста; он прямо говорил, что Раглан — бедное мыслями, действующее по привычке животное (Gewohnheitstier). Так как Сент-Арно не мог преодолеть пассивное сопротивление действовавшего совместно с ним англичанина, то он должен был опять отказаться от своего плана. Был принят контрпроект Раглана, заключавшийся в том, что французы обходили левое крыло русских, а англичане атаковали правое крыло с фронта.

Выступление было назначено на 7 час. утра 20 сентября, однако, англичане задержались. Раглан хотел сначала перегруппировать свою армию. Схема 3 показывает, что если бы английская армия двинулась из своего лагеря прямо вперед, то ее левое крыло как раз охватило бы противника. Но ведь Раглан не желал этой операции, он хотел произвести фронтальную атаку и поэтому передвинул свое левое крыло за правое. На это топтание на месте, если так можно выразиться, были затрачены часы. Потеря времени увеличивалась еще тем, что пришлось передвинуть вправо и импровизированный обоз с его волами и «зайцами», которые, конечно, не интересовались знакомством с русскими. В этом обозе находился запас боевых припасов.

По указанной причине наступление союзников вместо 7 час. утра началось только в 11½. Французы были раздражены, англичан тяготило сознание своей вины. Но если медлительность Раглана вообще заслуживает строгого осуждения, то на практике она едва ли принесла большой вред. Меньшиков не мог использовать выигрыш времени, потому что, занимая выгодную позицию, хотел принять чисто оборонительный бой. Он стоял на левом берегу р. Альмы, на скалистой местности, возвышавшейся на 100 фут. На противоположном берегу реки, которая впрочем почти всюду проходима вброд, на сильно пересеченной местности находились три деревни с многочисленными фруктовыми садами (схема 3).

Скалы между деревней Альматамак и морем были настолько обрывисты, что Меньшиков считал их недоступными. Вследствие этого он занял пространство у устья реки только одним батальоном. Однако, французская пехота была подвижнее русской. Дивизия Боске (Bosquet) прежде всего вытеснила русских стрелков, гнездившихся в Альматамаке и соседних садах. Одновременно 7 союзных военных судов подошли к самому устью р. Альмы и своими гаубицами прогнали русские посты. Благодаря измерению с французских судов глубины реки был открыт брод. По этому броду прошла одна бригада Боске, другая перешла реку у Альматамака.

Зуавы, тюркосы, егеря, легкая и линейная пехота вместе с артиллерией, преодолевая местные препятствия, поднялись на высоты. При этом расстроился тактический порядок ротных колонн. Мартенпре, на-

[1] Знаменитый английский государственный деятель (1784—1866 гг.).

чальник штаба Сент-Арно, наблюдавший с беспокойством за происшедшим беспорядком, обратил на это внимание Сент-Арно. Однако, последний имел достаточно ума, чтобы оценить преимущества стрелковой тактики: «Оставьте их, — сказал он, — это — сражение солдат».

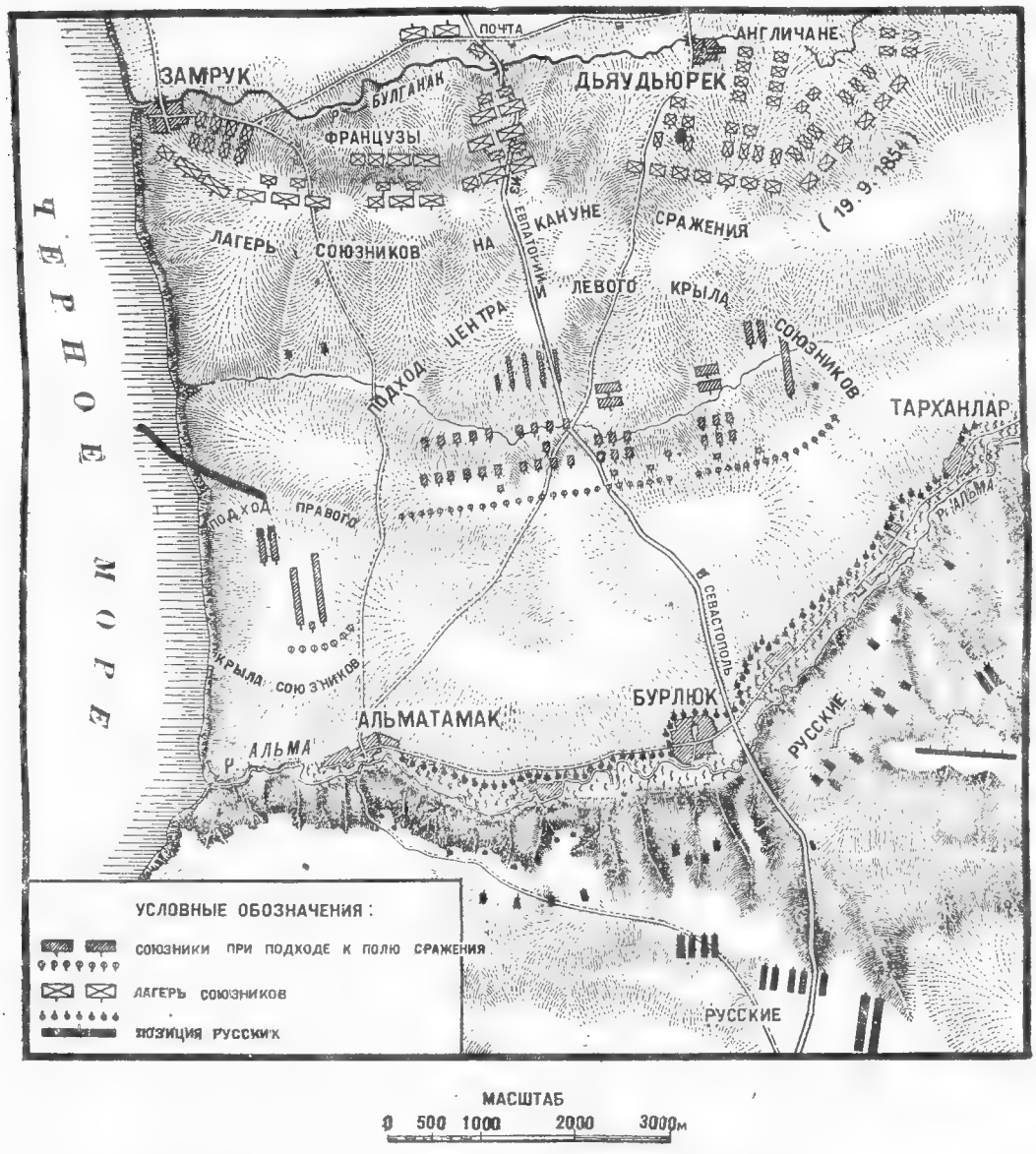


Схема 3. Сражение на р. Альме 20/IX 1854 г.

Нельзя поручиться за то, что Меньшиков серьезно считал высоты у устья р. Альмы недоступными. Возможно, что он только внушил себе это мнение, так как не мог протянуть свою позицию дальше; ее длина и без того уже равнялась почти 1 германской миле (около 7 км), т. е. на 1 м приходилось только 4—4,5 чел. Меньшиков имел много ума и обладал знанием света и людей, присущим русскому аристократу [1];

[1] Характеристика, совершенно недостаточная и могущая дать ложное представление. Ум Меньшикова выражался, главным образом, в его остроумии. По Петербургу ходили его злые остроты и каламбуры. Свойствами, необходимыми для пол-

разумеется, он имел представление и о подвижности французской пехоты. Но признать эту истину, а тем более высказать ее он не мог. Честь требовала преградить союзникам путь на Севастополь с наличными силами, несмотря на весь риск [1].

Когда дивизия Боске развернулась для наступления, Меньшиков сначала объяснил это уловкой; затем он уже не мог более скрывать серьезности положения и выдвинул из своего резерва влево силы, состоявшие из всех трех родов войск; тут были и 8 эскадронов гусар, которые попали под огонь кораблей, обстреливавших их 22-см бомбами и 12-см гаубичными гранатами. Гусары повернули назад. Больше русская кавалерия не участвовала в сражении.

Русская пехота, атаковавшая дивизию Боске, натолкнулась на восстановленный тактический порядок. Доверие Сент-Арно к своим солдатам оправдалось на деле. Войсковые части приняли построения, соответствовавшие особенностям местности: один линейный полк стоял в глубоких колоннах за могильными холмами, примыкавшими к краю высот; рядом тюркосы и зуавы — в развернутом строю; другие зуавы — в лощине в ротных колоннах; некоторые — совсем впереди, в качестве застрельщиков. Эта пехота обладала бесконечным разнообразием тактических форм.

Русские в этом отношении далеко уступали ей. Они еще воспитывались в духе Суворова: «Пуля — дура, штык — молодец». Это не означало, что успех действительно зависел от штыкового боя. Суворов хотел сказать: «Бросайтесь в штыки, не обращая внимания на огонь неприятеля, — тогда последний очистит поле, не доводя дела до боя холодным оружием».

Подобная ударная тактика требует действия в густых колоннах. Эти формы применялись и французами. Мы видели, что именно так стал один полк и притом позади закрытия, где русским орудиям было трудно его поражать. Различие между французскими и русскими боевыми колоннами состояло в том, что французская пехота могла в зависимости от обстановки принимать более тонкие построения, в то время как русские едва ли могли атаковать иначе, как в густых массах.

Незадолго до войны в России под влиянием пруссаков был издан строевой устав, которым наряду с батальонной и полковой колоннами вводилась также ротная колонна. В сражениях в Крыму часть русской пехоты всегда развертывалась в ротных колоннах. Но этот способ ведения боя не отвечал национальному духу русских. Союзникам бросились в глаза бескровные лица и тупой, забитый вид скудно живших русских. Крепостные солдаты, предводимые офицерами и унтерофицерами, вообще неспособные принимать самостоятельное решение, не были пригодны для боя в рассыпном строю. Под неприятельским огнем ротные колонны инстинктивно жались в батальонные колонны,

---

ководца, он не обладал. Необычайно самоуверенный и недоверчивый, он все желал делать сам. В это время он даже не имел штаба и все распоряжения по армии отдавал через личных адъютантов. Меньшиков не доверял даже таким людям, как Корнилов и Тотлебен. К войскам он относился холодно и безучастно; не имел обыкновения с ними здороваться и не посещал раненых.

[1] Для правильной оценки дальнейших событий необходимо иметь в виду, что Меньшиков не отдавал письменного приказа о предстоявшем сражении, а ограничился указаниями через посланного офицера, где войскам стать. При этом не были намечены ни общая цель, ни частные задачи, вследствие чего помимо всего остального нельзя было и требовать от частных начальников сознательных, связных действий.

так что традиционная национальная тактика возрождалась, несмотря на новый устав.

В густых массах двинулись Московский и Минский полки против дивизии Боске: 8 русских батальонов против 10 французских. Меньшее число русской пехоты с избытком искупалось значительным превосходством в артиллерии, потому что французские пушки не могли сразу взобраться на гору. Но Московскому и Минскому полкам не удалось дойти до штыкового удара. По сравнению с ударной тактикой рассыпной строй представляет то удобство, что он позволяет использовать гораздо большее число ружей, чем это может сделать глубокая колонна. Суворов потому и ругал пулю дурой, что она мало помогала русским.

Огневое превосходство дивизии Боске усиливалось еще тем, что французы имели ружье Минье, тогда как русские были вооружены гладкоствольными ружьями [1]. Подобно торпеде, ружье Минье связано со средневековым изобретением — ружьем, появившимся в XV в. наряду с аркебузой [2]. Нарезное ружье в том виде, какой ему придал Минье, допускало такую же быструю стрельбу, как гладкоствольное. Против колонн и артиллерии его можно было использовать с величайшим успехом до 1 000 шагов, тогда как гладкоствольное поражало только на расстоянии до 300 шагов. Манипуляции с ружьем Минье мало отличались от манипуляций с гладкоствольным, тем не менее это было более сложное оружие, требовавшее бережного обращения. Ввиду этого русский военный министр медлил дать карабин Минье своим малоразвитым солдатам, руководимым инертными офицерами [3].

Столкновение сомкнутого и рассыпного строев, гладкоствольного и нарезного ружей привело к огромным потерям в рядах противника, стоявшего на более низкой ступени тактики и имевшего более примитивное вооружение. Командиры Московского и Минского полков, а также большинство батальонных и ротных командиров были выведены из строя. Уцелевшие офицеры тщетно старались собрать заколебавшихся людей; один из них действовал с такой энергией, что Боске, заметивший в бинокль его усилия, воскликнул: «О, храбрый офицер! Если бы он был здесь, я бы его поцеловал!»

Минский и Московский полки потеряли почти 40% своего состава Так же сильно пострадала русская артиллерия. Численное ее превосходство над французской нисколько не помогло ей, так как она не

---

[1] Это ошибка. Большая часть французской армии была также вооружена гладкоствольными ружьями. Ружья Минье имели только гвардия, егеря и африканские части. Автор сам заметил эту ошибку и исправил ее, но уже дальше, в описании войны 1859 г. Между тем на ней основываются последующие пространные рассуждения.

[2] Delbrück, IV, 462.

[3] Необходимо добавить, что в каждой роте линейной пехоты 6 рядовых, а в каждом батальоне 2 унтерофицера были вооружены литтихскими штуцерами. Эти так называемые „штуцерные" могли действовать в рассыпном строю. Кроме того, штуцерами были вооружены и все нижние чины стрелковых батальонов. Что касается главной массы пехоты, вооруженной гладкоствольными ружьями, то она, можно сказать, совершенно не обучалась стрельбе. На солдата отпускалось в год 10 боевых патронов, но так как смотров стрельбы не производилось, то обыкновенно не выпускали ни одной пули, свинец же войсковые части продавали. Обучение стрельбе ограничивалось производством эффектных залпов холостыми патронами. Главное внимание при подготовке пехоты обращалось на проделывание ружейных приемов и особенно на церемониальный марш. Полевая служба была в пренебрежении, саперная подготовка, гимнастика и фехтование отсутствовали.

могла справиться с неприятельскими стрелками: пуля Минье обладала большей дальностью, чем картечь. Французские стрелки подкрадывались к русским орудиям и производили такие опустошения среди орудийного расчета и лошадей, что русская артиллерия была вынуждена преждевременно оставить позиции и покинуть свою пехоту.

Потрясение левого русского крыла оказало парализующее действие на центр. Вследствие этого французская дивизия Канробера без особых затруднений поднялась на плато, оттеснив русских стрелков между деревнями Альматамак и Бурлюк. Для облегчения подъема она сбросила ранцы.

Наверху дивизия Канробера несла потери только от русской артиллерии; пехота не решалась приблизиться. Но вообще, как показывает военная история, массированные построения и густые ударные колонны, где только они были тактически возможны, всегда производили сильное впечатление на противника. Ген. Канробер не без страха смотрел на хорошо дисциплинированные русские массы в серых шинелях и касках, которые прицеливались по команде своих начальников. Солдаты Канробера, как и солдаты Боске, повидимому, вышли из рук своих начальников. Это беспокоило Канробера в такой же мере, как и Мартенпре. Что произошло бы, если бы русская кавалерия атаковала рассыпной боевой порядок? Канробер был счастлив, что хотя один полк стоял в ротных колоннах.

Левее Канробера двигалась дивизия принца Наполеона, затем начинался английский боевой порядок. Коалиционные армии всегда чувствительны в том пункте, где смыкаются различные национальные контингенты. Кроме того, принц Наполеон (Plon-Plon) не был солдатом, так же как Раглан не был полководцем. Каждый из них был проникнут самым большим недоверием к соседу другой национальности. Раглан хотел, чтобы принц Наполеон атаковал раньше, принц в свою очередь предъявлял такое же требование Раглану. Кому из обоих атаковать первым, это имело значение для безопасности его фланга, в случае если бы русские перешли в наступление из деревни Бурлюк. Правда, наступательная сила русских была, видимо, ничтожна; по словам Кинглека, они действовали тупо и терпеливо, но кто мог знать?

Англичанам при их линейной тактике требовалось много времени для развертывания, но и они уже давно успели развернуться. И все же Раглан не атаковал, выжидая, пока принц Наполеон перейдет через р. Альму и будет наверху. Он приказал своим войскам лечь, чтобы несколько прикрыться от неприятельского артиллерийского огня. После продолжительного бездействия Раглан приказал, наконец, итти в атаку, — но не потому, что он решил увлечь за собой Наполеона, а по той причине, что в его пехоте вследствие больших потерь обнаружились симптомы нервности. Ввиду этого он, по его собственному выражению, вынужден был поспешить с наступлением.

Французы с изумлением видели, как позади стрелковых цепей двинулись вперед окоченелые красные линии их союзника, всего 16 000 чел. в 4 шеренги. Тонкая нить растянулась на 3 км. «Как при Фонтенуа!» — воскликнули французы [1]. Покачивая головой, наблюдали они, как ба-

[1] В сражении при Фонтенуа (1745) французская и англо-ганноверская гвардии сблизились без выстрела на 50 шагов. Офицеры обменивались комплиментами и каждая сторона предлагала другой сделать первый залп. В конце концов открыли огонь англичане и с таким убийственным действием, что почти вся французская гвардия пала, а оставшиеся в живых обратились в бегство — *Прим. авт.*

тальоны, несколько выдвинувшиеся вперед, останавливались, поджидая отставших.

Ген. Канробер никогда не упускал возможности вспомнить рассказ английского ген. Броуна о том, как он во время наступления галопировал от одного батальона своей дивизии к другому, ровняя линию.

До Великой революции французы имели подобную же тактику; мы видели, что и теперь еще некоторые французские войсковые части при случае разворачивались в линию, потому что этот способ боя также имел свои особые преимущества. Но французы применяли линейный порядок лишь тогда, когда он вызывался особой тактической обстановкой, английская же армия, всегда и во всем отсталая, вообще не знала другого построения для главных сил пехоты.

Особенно труднооодолимым препятствием для англичан явилась горевшая деревня Бурлюк, которую они обходили в линейном порядке. Линия сломалась: одна часть ее обходила справа, другая — слева; представляя собой красные мишени для русской артиллерии, англичане перешли р. Альму и на противоположном берегу реки вновь сомкнулись под неприятельским огнем. Они выполнили этот маневр медленно и неискусно, но все-таки держались вместе и при колоссальных потерях выказали храбрость, которая произвела глубокое впечатление на французских наблюдателей и заставила умолкнуть техническую критику.

Когда принц Наполеон увидел себя прикрытым с обоих флангов, он также перешел р. Альму и примкнул к дивизии Канробера. За Боске на плато поднялась турецкая дивизия. Сент-Арно выпустил также из рук свой резерв — дивизию Форей, приказав ей следовать за другими войсками. Все правое крыло союзников — более 40 французских и турецких батальонов — стояло теперь на высотах. Перед ними начал медленное отступление 21 батальон русского левого крыла. Отход прикрывала кавалерия. Несмотря на то, что обслуживавший орудия личный состав сильно пострадал от французских стрелков, русская артиллерия продолжала вести бой уступами. Русская армия медленно отходила назад; французы видели, как русские унтерофицеры своими саблями [1] (в русской армии унтерофицеры не носили ружей) били солдат, когда они отступали слишком быстро.

Однако, хорошая дисциплина, соблюдавшаяся русскими при отступлении, — как и раньше, в бою, — основывалась не только на страхе. Армия была еще нетронута разрушительными тенденциями. Перед сражением священники с крестом и святой водой обходили ряды; их благословение давало верующим воинам силы переносить те огромные потери, которые они несли благодаря превосходству тактики и вооружения противника.

Было 2 часа пополудни; бой на французском крыле союзников, продолжавшийся полтора часа, постепенно затих. Однако, англичане и русские продолжали ожесточенно сражаться еще в течение нескольких часов. Соотношение сил тут было благоприятнее для русских, чем на другом крыле: 21 русский батальон стоял против 26 английских. Но против линейной тактики англичан русские колонны могли сделать даже еще меньше, чем против рассыпной тактики французов [2]. При

[1] Только фельдфебели имели сабли.

[2] Автор неожиданно переходит к восхвалению применявшейся англичанами линейной тактики XVIII в.

тонком расположении английских батальонов использовалось каждое ружье. Берег р. Альмы, на котором стояли русские, был пологий, между тем англичане двигались по волнистой равнине, вследствие чего проявились все выгоды линейной тактики. Полк великого князя Михаила наступал против дивизии Броуна. Англичане подпустили русских на 20 шагов и затем дали залп. С русской стороны пали полковник, 2 батальонных командира и почти половина полка.

Половина Владимирского полка также осталась на поле сражения. Из 58 офицеров из строя выбыли 48. Английские залпы наносили еще большие потери, чем менее управляемый французский огонь в Минском и Московском полках.

Ружье Минье в руках английских стрелков причиняло русской артиллерии такие же тяжелые потери, как и на французском крыле. Тем более героическим являлось наступление русской пехоты. Мы видели, что ее надвигавшиеся глубокие колонны вызвали беспокойство ген. Канробера.

Так рассказывают, что в сражении при Пидне римский полководец Эмилий Павел содрогнулся при приближении тесно сомкнутой, ощетинившейся копьями македонской фаланги [1]. Подобное же впечатление произвела на Кинглека атака Владимирского полка. Он говорит: «Русская колонна в хорошем порядке — это высокое выражение воинской силы. Она имеет жесткие, резкие очертания стены и цвет темной тучи... В часы сражения ее вид поражает воображение возбужденного человека. Ее значение представляется в 100 раз больше действительного,— и теперь, когда колонна владимирцев в 3 000 чел. без выстрела, в полном молчании текла через гребень высоты, она производила на зрителя впечатление, подобное мрачной могучей тени, отбрасываемой военной державой...»

Французы не пришли на помощь англичанам в их тяжелой борьбе. Неясно, почему они не вели энергичных боевых действий до конца сражения. Здоровье Сент-Арно было совершенно подорвано, хотя он достиг всего 58 лет; ему оставалось жить всего несколько дней. Это была одна из причин, сдерживавших наступательный порыв французов, но, конечно, еще сильнее действовало чувство почтения, внушаемое упорством русских. Французы победили ценою незначительных потерь; они потеряли всего 1 300 чел.; но, как это ни звучит парадоксально, именно вследствие таких малых потерь французские генералы не питали полного доверия к моральной силе сопротивления своих войск.

За исключением смертельно больного Сент-Арно, все они были хотя и хорошими солдатами, но, что называется, простыми фронтовиками. В качестве таковых они все еще разделяли то отрицательное отношение к новой тактике революционных армий, которое проявлялось полвека назад военными старого режима. Один из таких фронтовиков, пруссак, писал в 1800 г., что рассыпная тактика республики и Бонапарта питает лишь естественную трусость, гнездящуюся в каждом человеке. Если выпустить людей из плотно сомкнутых линий, где они находятся под постоянным надзором своих офицеров, то среди боя они убегут или будут искать убежища за заборами, в канавах, ямах и т. д.: «В общем мужество, проявленное войсками в бою, нужно измерять числом убитых и раненых,— и тогда по хорошо

[1] Delbrück, I, 364.

известным цифрам потерь французские революционные войны не выдержат никакого сравнения с Семилетней войной».

Только после Аустерлица и Иены австрийские и прусские военные увидели, что новая французская система, хотя и дававшая бойцам возможность укрываться от опасности, все-таки представляла собой высшую форму тактики. Этот способ боя вводится всюду, и только в Англии, где в армии принципиально отказывались от каких-либо изменений, осталась линейная тактика.

Однако, фронтовики всех стран — и в том числе даже Франции — сохранили страх перед опасной новой тактикой, которая вырывала солдат из рук начальников. С величайшим восхищением смотрели французы, как английские линии оставались сомкнутыми под русской картечью и как войска, несмотря на огромные потери, не думали искать закрытий. Французы говорили, что английская пехота, конечно, оказалась бы неспособной разрешить такую задачу, как подъем на обрывистые высоты близ устья р. Альмы, где отдельным солдатам приходилось самим отыскивать себе дорогу, но на ровной местности она действует лучше, и что французы должны вернуться к старой тактике. Из страха перед контрударами русских колонн и кавалерии [1] французы строили отступавшему левому крылу русских золотой мост и не пришли на помощь англичанам. «Atlas Historique et Topographique» в 5-й карте к Альминскому сражению изображает даже тот загиб, который образовала дивизия принца Наполеона «pour couvrir l'aile gauche de l'armée» [2], как сказано в тексте. Столь мало французы были уверены в своей победе.

В связи с этим Кинглек делает ошеломляющее утверждение, будто французы с их рассыпной тактикой вообще проиграли бы сражение, если бы орлиный взгляд Раглана не изменил судьбу дня. Когда, дескать, разложение всех французских войск вызвало самые тяжелые опасения, Раглан приказал двум орудиям въехать на холм; их огонь произвел чудо, отвлекши русскую картечь от французской пехоты. Это звучит совсем так, как упомянутая выше история о задремавших министрах, — как роман и притом плохой. Несомненно, что 40 французских и турецких батальонов, победив 21 батальон русских, удовлетворились этим.

Пристрастие Кинглека, являющегося рупором английских военных, к линейной тактике настолько велико, что он ставит ее не только выше французской, но после походов 1866 и 1870 гг. также и выше прусской. Однако, на р. Альме англичане со своей чисто фронтальной атакой никогда не достигли бы успеха собственными силами. У них оставалось 6 свежих батальонов, а у русских — 20. Если русские начали отступление и на правом крыле, то лишь потому, что их левое крыло было обойдено и уже отступало. Они не оставили почти ни одного нераненого пленного, потеряв только два подбитых орудия, лошади которых были ранены.

По утверждению англичан, их потери едва достигали 2 000 чел. Однако, в помещенной вскоре после этого заметке в «Moniteur» между прочим сообщалось, что во французских госпиталях на Босфоре лежат 2 060 раненых англичан. Следовательно, они потеряли не 2 000, а по меньшей мере 3 000 чел., около 25% численности сражав-

[1] Припомним, что французы не имели кавалерии.
[2] «Для обеспечения левого крыла армии».

шихся частей. Неудивительно, что стойкость русских произвела на англичан еще более глубокое впечатление, чем на французов. Полные серьезных мыслей, английские генералы указывали после сражения на груды убитых русских и англичан, нагроможденных друг на друга. Местами трупы лежали так плотно, что нельзя было пройти, не наступив на них.

Английские генералы говорили, что если в Англии кто-либо думает, будто в Крыму легко достичь цели, то он заблуждается. Правда, русская армия в известном смысле низкопробна, но она все-таки настолько хороша, что ее нельзя одолеть малыми операциями, а только развертывая широкие военные действия. Английские генералы указывали на это с сильным беспокойством, потому что для ведения большой войны английская армия не имела средств.

В ходе Крымской войны Канробер был отозван во Францию. Он присутствовал на одном балу, который Наполеон и Евгения давали королеве Виктории и принцу-супругу. Английские высочайшие особы прибыли в Париж, чтобы ответить на визит, сделанный императорской четой в Англию. Канробер стоял в одной из ниш зала и смотрел на кадриль. Он удивлялся тому, как добросовестно танцовала английская королева. Она не пропускала ни одного па. «У француженок, — подумал Канробер, — это не слывет хорошим тоном». Тогда по чрезвычайно странной ассоциации идей ему пришла в голову неожиданная мысль. Он вспомнил о происшедших сражениях и подумал: «Англичане сражались, как Виктория танцует кадриль».

Русские потеряли 3 700 чел. из 16 000 принимавших участие в деле, т. е. более 30%. Несмотря на отсталость их тактики, они в рамках своей самобытности показали себя действительно отлично.

В день сражения, окончившегося около 4 часов, они прошли еще в полном порядке 10 км до р. Качи, за которой стали биваком [1]. Зажигать костры ночью было запрещено. На следующий день марш продолжался дальше до плато Херсонес Таврический к югу от Севастополя (схема 4). Тут армия вышла на дорогу, ведущую через Бахчисарай в Симферополь — ее главную базу.

По психологическим причинам союзники не могли и думать о преследовании. К тому же французы не имели кавалерии, а англичане — обоза. Отечественный антимилитаризм отказал английской армии в санитарной части, соответствовавшей современным требованиям. Хотя и имелось некоторое число санитаров, но они уже давно были незаконно разобраны в ординарцы и денщики. При таких условиях на поле сражения, не особенно обширном, многим раненым пришлось лежать до следующего утра.

Для доставки раненых на корабли английские санитарные повозки были слишком тяжелы. На помощь должен был прийти французский вьючный транспорт; собственными силами англичане никогда не разрешили бы задачу перевозки тысяч раненых на 6 км. Боевая обста-

[1] В действительности отступление русских войск к р. Каче совершалось стихийно; общих распоряжений отдано не было; войска не знали, куда и зачем идут. Некоторые полки продолжали отступление дальше; например, Тарутинский и Владимирский полки прошли в Севастополь. Вечером в обозах произошла паника, и только утром 21 сентября войска успели переправиться через р. Качу. Меньшиков, обнаруживший полнейшую несостоятельность, в донесении царю оклеветал армию, сказав, что альминская позиция была оставлена вследствие недостаточной стойкости войск.

новка не позволяла также открыть военный госпиталь на месте; впрочем англичане имели всего 6 арб (двухколесных повозок) с палатками и бельем.

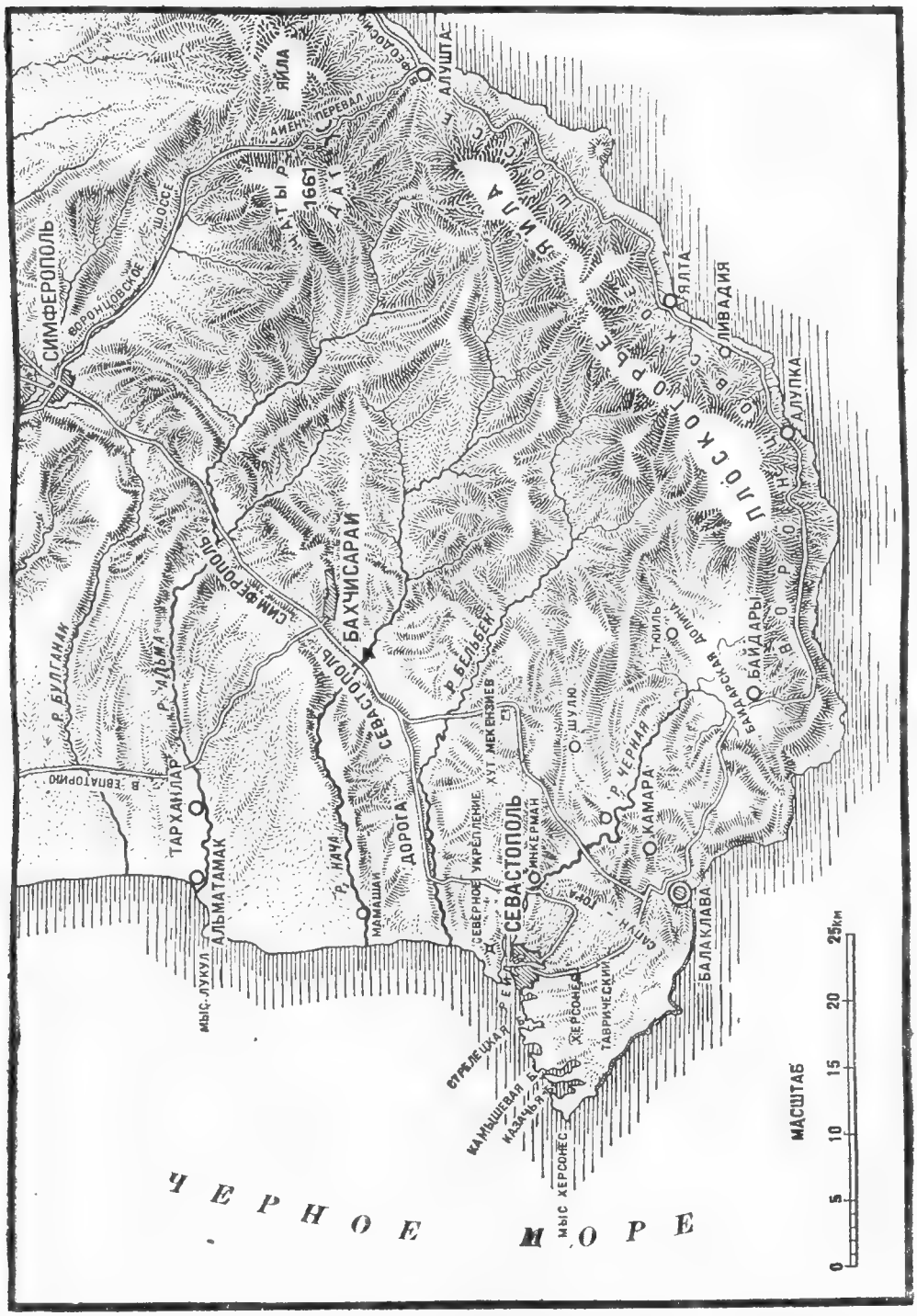


Схема 4. Юго-западный берег Крыма

Еще хуже, чем с эвакуацией раненых, обстояло у англичан дело с подвозом провианта и боевых припасов. Сражение произошло 20 сентября; 21-го и 22-го числа союзники должны были по указан-

ным причинам простоять на месте. Отношение французов к англичанам от этого не улучшилось.

Утром 23 сентября союзники, наконец, предприняли наступление на Севастополь или, точнее, сначала на Балаклаву. Во время марша они слышали в направлении Севастополя сильные взрывы. Русские взрывали часть черноморского флота. Таким способом они запирали союзному флоту вход в Севастопольскую гавань (Севастопольский рейд) и освобождали экипаж затопленных кораблей для службы на суше. Из моряков было сформировано 17 батальонов.

Эти морские войска послужили ядром севастопольского гарнизона. Кроме них, Меньшиков оставил только 8 резервных батальонов, в состав которых входило много необученных людей. Всего набралось 16 500 чел., которые должны были защищать открытый город против 50 000 неприятельской армии.

Сам Меньшиков с армией двинулся на Бахчисарай (схема 4). Он не знал, что союзники хотели обойти Севастополь, чтобы сначала овладеть Балаклавской гаванью, а затем атаковать Севастополь с южной стороны. Напротив, он полагал, что неприятель атакует находившееся к северу от рейда Северное укрепление, плохо выстроенное и, кроме того, пришедшее в упадок. Овладев этой позицией, союзники получали возможность обстреливать рейд, флот и город.

Меньшиков хотел со своей армией укрепиться в тылу союзников. Всего охотнее он занял бы фланговую позицию между рр. Черной и Бельбек. Пока англичане медлили на р. Альме, он более чем пополнил свои потери подкреплениями, вызванными из Феодосии и Керчи, а также подошедшими из внутренних областей России. Русская армия насчитывала 37 000 чел.

Следовательно, обстановка сложилась теперь так, что в численном отношении русские, считая полевую армию и гарнизон, были несколько сильнее союзников. Несмотря на это, Меньшиков отказался от своей мысли о фланговой позиции после того, как Тотлебен произвел разведку местности между рр. Черной и Бельбеком. Последний доложил, что вся эта полоса покрыта густой дубовой порослью. Между тем русская пехота по своей тактической подготовке была неспособна к лесному бою; она могла сражаться только в сомкнутых массах.

Ввиду этого Меньшиков решил отойти, примерно, до Бахчисарая. Оттуда он также мог чувствительно мешать действиям союзников, если бы они атаковали Северное укрепление. Для союзников все основывалось на флоте, последний же мог выгружать тяжелую артиллерию, боевые припасы и пр. только в устье р. Качи, а не в устье р. Бельбека, куда достигал огонь орудий Северного укрепления.

Таким образом, русские (бивакировавшие на плато к югу от Севастополя) выступили на Бахчисарай частью вечером 24 сентября, частью утром на следующий день. Дорога пролегала по густому девственному лесу (Urwald)[1]; точных карт Крыма еще не имелось; двигались по компасу. При этом один из русских батальонов заблудился и после усиленного марша в течение всего 25-го числа вечером, к своему удивлению, снова очутился перед Севастополем.

---

[1] По русским источникам, это был просто высокий, частый кустарник. Вообще на каменистой почве окрестностей Севастополя большие деревья расти не могут.

Тем временем союзники 23 и 24 сентября дошли до Верхнего Бельбека, сделав два очень малых перехода, так как английский обоз со своими волами и отсутствием походной дисциплины парализовал общее движение. Пока это был приятный марш среди садов, виноградников и рощ. Но 25 сентября декорации изменились. Теперь движение происходило по дуге вокруг Севастополя через тот самый девственный лес, по которому шли русские.

Англичане составляли голову колонны, — тем медленнее она двигалась вперед: обозы и артиллерия шли по лесной дороге, пехота пробиралась рядом, сквозь чащу толстых деревьев вышиной от 15 до 20 фут. с сучьями, почти касавшимися земли, и густой колючий кустарник; в течение всего дня — ни капли воды.

Так тянулась англо-французская армия в одной единственной колонне, глубиной в целый переход, через девственный лес. Этот марш мало отличался от движения Вара от Везера в Тевтобургский лес [1], разве только тем, что Вар не имел компаса.

Когда английский авангард достиг вечером хутора Мекензи, он натолкнулся на две сотни черноморских казаков. Это был арьергард русской армии, двигавшейся на Симферополь. Лишь вследствие медленности англичан обе армии не столкнулись, и у хутора Мекензи не разыгралось нечто подобное сражению Вара. В этом случае русские не избежали бы катастрофы. Их беспомощные массы не сумели бы приспособиться к требованиям лесного боя. Наоборот, англичане, не говоря уже о французах, могли вести бой вместо линий в стрелковых цепях; это было впоследствии доказано сражением при Инкермане.

Бесспорно, движение Меньшикова к Бахчисараю являлось правильным при предположении, что неприятель атакует Севастополь с севера. Ведь иначе армия Меньшикова оказалась бы отрезанной от своей базы. Но марш, как мы видели, был опасным маневром. Что рука Меньшикова дрожала, когда он принимал это решение, видно из того, как он установил командные отношения в Севастополе. Вместо одного общего начальника он назначил трех командиров, которые должны были согласовать свои действия. Начальство над сухопутными войсками получил тен.-лейт. Моллер, над северной стороной Севастополя — адм. Корнилов, над южной стороной — адм. Нахимов, победитель при Синопе. Оба адмирала разделили между собой и командование морскими войсками.

Россией управлял бездарный и ограниченный самодержец, обладавший, однако, сильной волей. Его личность тяготела над армией. Проявить в ней самостоятельность было нелегко, — по крайней мере в трех главных родах войск, к которым царь проявлял особый интерес. В инженерном корпусе и во флоте личный контроль царя чувствовался меньше, почему там могли вырабатываться характеры вроде Тотлебена, Корнилова, начальника штаба Нахимова. Энергия и необычайные дарования Корнилова были столь же очевидны, как ясна была и потребность сосредоточить высшее командование в одних руках. Вследствие этого старшие начальники единогласно предложили ему принять высшее руководство обороной.

При Корнилове силы флота еще более, чем прежде, использовались для сухопутной службы. Во флоте имелись 18 000 чел., — отлич-

[1] Delbrück, II, 63.

ный людской материал, подготовленный также и для действий на суше. До этого было взято 9 000 чел.; Корнилов снял с кораблей еще 6 000, оставив на борту только 3 000. Таким образом, гарнизон возрос до 22 000 чел. против 50 000 союзников. Затем Корнилов передал Тотлебену для его земляных работ 5 000 рабочих с доков, организован-

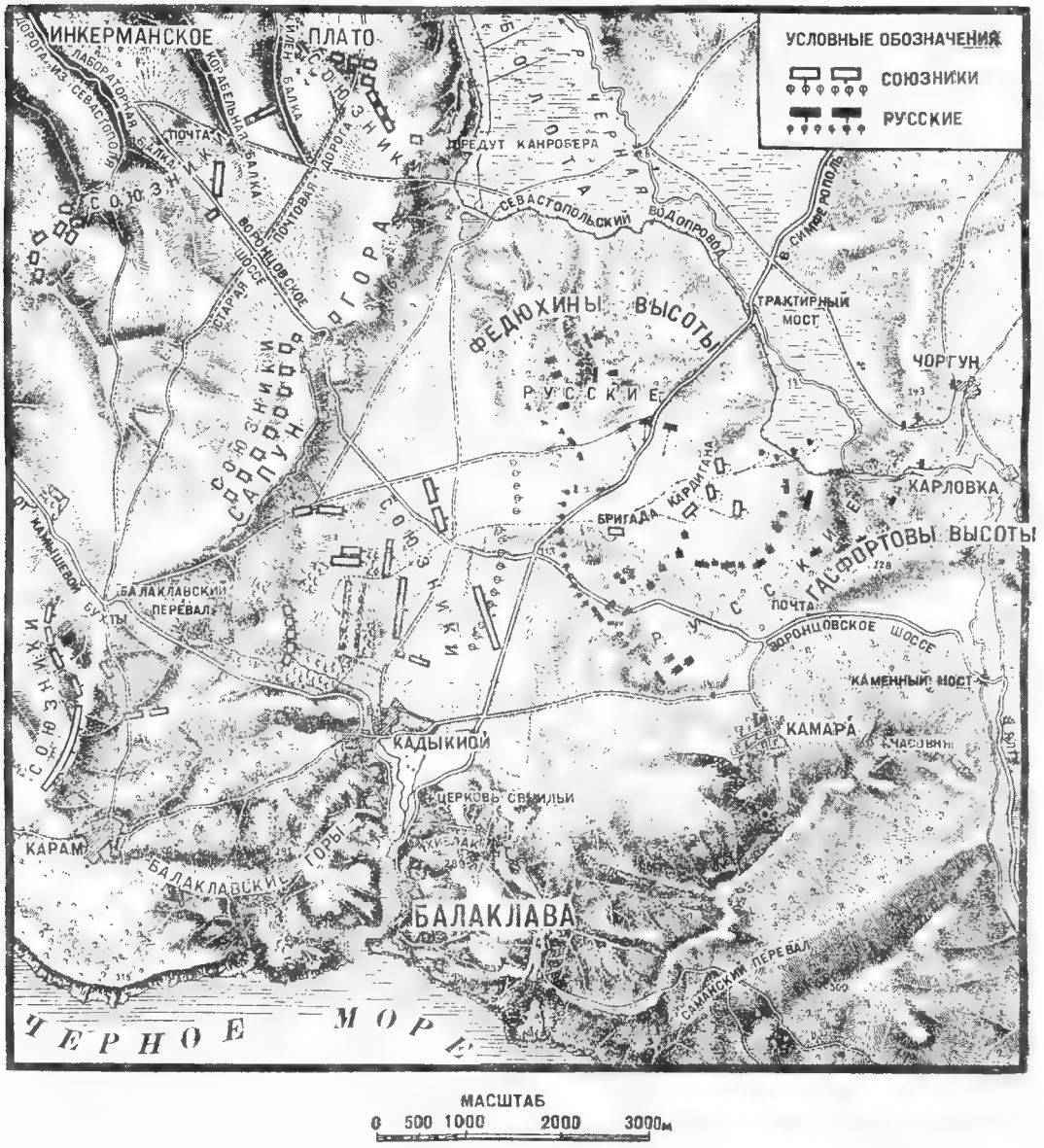


Схема 5. Бой у Балаклавы 25/X.1854 г.

ных и дисциплинированных по-военному; в истории это были первые солдаты по вооружению и снаряжению армии, за исключением, может быть, известных фактов в римском военном деле [1]. Орудия с потопленных судов и чрезвычайно богатый артиллерийский материал морских арсеналов были предоставлены в распоряжение Тотлебена для

[1] Delbrück, I, 378 и 379 прим. 1.

укреплений, возводимых им к северу и югу от Севастополя. Для воодушевления рабочих духовенство совершало крестные ходы с хоругвями и образами вдоль всей линии земляных работ.

Между 26 сентября и 1 октября союзники заняли позиции перед Севастополем. Так как Балаклавская гавань оказалась недостаточной для всего флота, то она была оставлена англичанам, а французы устроили свою базу в Камышевой бухте (схема 4). Союзники стали против Севастополя полукругом: французы на левом крыле, англичане на правом. Франко-турецкий обсервационный корпус занял Сапун-гору против Меньшикова (схема 6), который привел свою армию обратно к Севастополю, поставив ее между Северным укреплением и хутором Мекензи. Ведь после движения союзников на Балаклаву ему уже не приходилось опасаться за свои сообщения с Симферополем.

Следующей задачей союзников явилась выгрузка с судов тяжелых орудий и боевых припасов и доставка их на фронт по бездорожной, гористой местности; эта операция требовала недель, а между тем в Европе распространилось ложное известие о падении Севастополя, появившееся на 11 месяцев раньше этого события.

Оба инженерных генерала, Тотлебен и Ниель, в своих книгах о Крымской войне утверждают, что союзники допустили грубую ошибку, поджидая свою тяжелую артиллерию: в конце сентября 1854 г. Севастополь можно было взять внезапным нападением. Тогда не было бы и Крымской войны.

Кажется особенно смелым возражать авторитетному Тотлебену, рассказывающему, как он и Корнилов опасались сначала штурма Северного укрепления, а затем южной стороны города. В Северном укреплении стояло всего 29 тяжелых орудий, между тем союзный флот мог видеть и обстреливать продольно все левое крыло позиции. Часть матросов будто бы имела старые кремневые ружья и даже лишь абордажное оружие.

А южная сторона? Она прикрывалась низкими брустверами для орудий и несколькими окопами для пехоты! Кроме того, на важнейших пунктах позиции существовали укрепления, едва достигавшие по своим размерам временной профили. Эти верки не были обеспечены от штурма, и из них можно было лишь упорно оборонять впереди лежащую местность артиллерийским и ружейным огнем.

Южная сторона Севастополя, — продолжает Тотлебен, — защищалась 172 орудиями — одно орудие на 40 м. Большей частью это были орудия малого калибра, обладавшие незначительной дальностью стрельбы.

Основываясь на этих данных, прусский ген.-майор Леман говорит, что подготовка обороны Севастополя являлась лишь маской, выставленной против неприятеля. Из этого можно сделать тот вывод, что на войне даже совсем слабый не должен отчаиваться, пока не исчерпаны все вспомогательные средства.

Истина бесспорная, но пример, которым она подкрепляется, вызывает сомнение. Действительно ли Корнилов и Тотлебен были совсем слабы? Они имели на южной стороне 172 тяжелых орудия, обслуживаемых матросами, пользующимися славой отличных артиллеристов. Неудивительно, что французский и английский полководцы ни одной минуты не думали форсировать эту позицию с помощью одной полевой артиллерии.

Впрочем эти события представляются в совершенно ином свете, чем их мог видеть деятель, когда рассматриваешь обстановку ретроспективно, пользуясь источниками и располагая показаниями обеих вою-

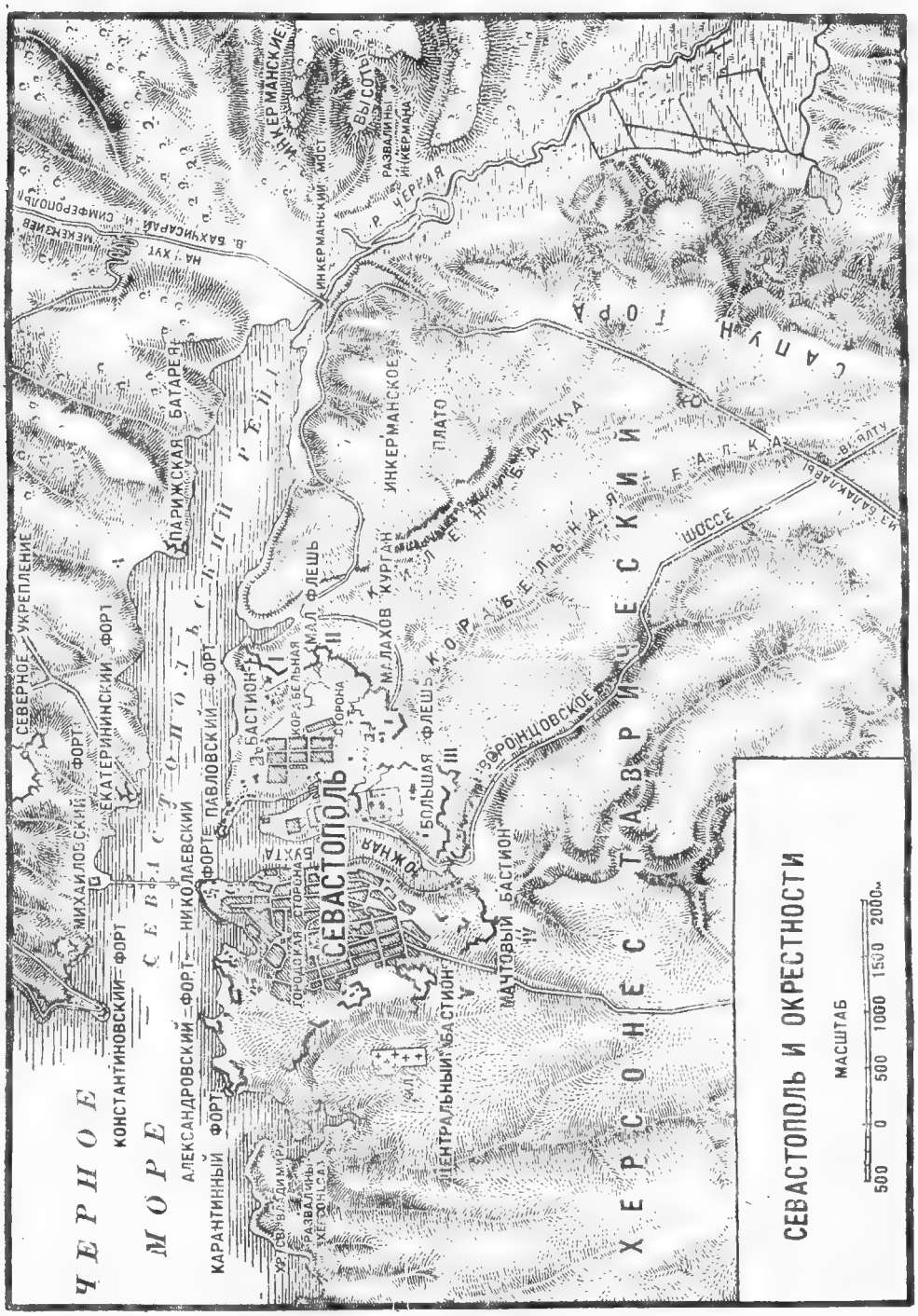


Схема 6.

ющих сторон. Союзники определяли численность русских войск, хвоста которых они коснулись у хутора Мекензи, в 15 000—18 000 чел. Следовательно, они полагали, что Меньшиков оставил половину своей

армии в Севастополе. Ведь для русского командования безопасность Севастополя, казалось, должна была быть выше всего.

Союзники заблуждались и не только в отношении численности гарнизона, но и в мотивах, приписываемых ими русскому командованию. Для последнего дороже всего был не Севастополь, а армия. В своей стратегии Меньшиков руководствовался директивами царя, между тем Николай мыслил не только стратегически, а прежде всего политически. Он не надеялся, чтобы очищение Дунайских княжеств надолго освободило его от Австрии. На весну 1855 г. он ожидал нападения с этой стороны. Он сказал прусскому послу Мюнстеру, что когда он будет лежать распростертым на земле, то Австрия нанесет ему удар своим ослиным копытом.

Этот ход мыслей заставлял царя бояться катастрофы Крымской армии. И после того, как ей удался фланговый марш через девственный лес, у Николая свалился камень с сердца. С падением Севастополя он уже наполовину примирился.

Всего этого союзники не могли знать, а потому с их стороны исключалась попытка внезапного нападения на южную сторону Севастополя; возможность такого нападения даже не обсуждалась. Им представлялось также само собой понятным, что у Северного укрепления их встретит армия. Эта позиция имела в ширину всего 1,5 км; оба фланга примыкали к морю. За утесами рейда были укрыты нетронутые еще главные силы русского флота, так что сотни его орудий обстреливали местность перед Северным укреплением.

В то время, когда мог быть поставлен вопрос о внезапном нападении на Северное укрепление, еще жил Сент-Арно; он умер раньше, чем союзники окончательно укрепились перед южной стороной Севастополя [1]. Его преемником явился Канробер. Допустим, что вместо Сент-Арно, Канробера и Раглана вторгшимися армиями командовал бы какой-нибудь действительно великий полководец, — скажем, Наполеон. Никто не осмелится отказать гению в способности к таким ответственным решениям, потому что по своей природе он чересчур глубок, чтобы его можно было рационалистически исследовать. Но на основании всего известного нам о Наполеоне мы можем сильно сомневаться в том, чтобы он сломя голову бросился на Севастополь. Прежде чем наносить удар, он всегда подтягивал все наличные силы; будучи вообще смелым, даже отчаянным, он в этом отношении был осторожен.

Опасения Корнилова и Тотлебена относительно внезапного нападения едва ли были обоснованы. Они имели 25 батальонов; в Северном укреплении на 1 м приходилось 7 чел.; на южной стороне — меньше, но зато там находились 172 тяжелых орудия, с которыми, наверное, нелегко было справиться полевой артиллерии. Русский флот также мог вступить в бой к югу от рейда; он располагал многочисленными тяжелыми орудиями и все еще достаточным личным составом.

Приняв все это во внимание, можно притти к заключению, что если бы даже союзники знали об ожидавших их в будущем жертвах и страданиях, то и тогда им не следовало решаться на внезапное нападение. Если бы последнее было отбито с огромными потерями и потрясенной армии пришлось бы садиться на суда на глазах у рус-

[1] В главе V сказано, что Сент-Арно умер от холеры.

ских, то это могло бы привести к самым непредвиденным последствиям.

Тем не менее понятно, что защитники Севастополя чувствовали себя на гиблом месте. Ценность резервных батальонов и импровизированных 17 батальонов из моряков была сомнительна [1]. Гнетущее впечатление должно было оказать и отступление Меньшикова. Обстановка улучшилась с возвращением Меньшикова. Теперь Севастополь защищался 22 000 гарнизоном и 37 000 полевой армией, т. е. бо́льшими силами, чем имел атакующий. До 9 октября из Бессарабии прибыло еще 17 батальонов, в среднем по 865 чел. в каждом батальоне.

Союзники также получили подкрепления. Высадившись с 57 000 чел., они насчитывали теперь около 70 000 чел., так что силы противников были численно почти равны. Следовательно, соотношение сил складывалось не в пользу атакующего. К этому присоединялся ряд других обстоятельств, которые сильно понижали настроение в союзном лагере. Прежде всего — санитарное состояние англичан. Указывают на различные обстоятельства, вредно влиявшие в этом отношении. Однако, решающее значение опять-таки имели нетерпимые условия транспорта. Армия без обоза не только не может оперировать, но и вообще жить. Подобранный в пути воловий и «заячий» [2] транспорт вследствие падежа четвероногих, выхода из строя двуногих и изнашивания материальной части был уже почти прикончен. Путь от Балаклавы до английской позиции под Севастополем, равный 12—15 км, шел по гористой местности (схема 5). Прекрасные лошади английской полевой артиллерии пали, так как за недостатком рабочего скота их пришлось использовать для перевозки осадного парка.

Представитель военного ведомства сэр Сидней Герберт заявил в парламенте, что от Плимута до английского лагеря около 3 006 миль, из них 3 000 по морю и 6 по суше. Однако, для продовольственных и других войсковых грузов пройти последние 6 миль почти невозможно, и поэтому Балаклава задыхается в запасах.

Вследствие лишений английская армия таяла, как снег на солнце. После сражения на р. Альме она имела 24 000 чел.; тем временем прибыло 4 000 чел. пополнений. И все же через несколько недель после Альминского сражения насчитывалось уже не 28 000 англичан, а всего 18 000.

Еще сильнее уменьшился турецкий отряд, снабжение которого взяли на себя англичане, потому что Турция располагала даже еще меньшим обозом, чем Англия. Турки распределялись в союзной армии между англичанами и французами. Главные турецкие силы, состоявшие на довольствии у французов, снабжались прилично. Англичане, которые сами во всем испытывали нужду, оставили своих турок погибать от недоедания. Канробер писал домой, что англичане ни к чему не пригодны, кроме поля сражения.

Еще хуже, чем недостаток сил и их дальнейшее уменьшение, было стратегическое положение. Высадка в Крыму производилась с тем, чтобы посредством победоносного сражения отбросить русскую армию от Севастополя и затем взять этот открытый город. Сражение было выиграно, но оттеснить русскую армию от Севастополя

---

[1] Моряки составляли самую надежную часть гарнизона Севастополя, что признает и сам автор в других местах своего сочинения.

[2] Вследствие прозвища татарских возниц («зайцы»).

не удалось. Эта неудача неизбежно вытекала из неспособности английской армии применяться к французскому операционному плану и двинуться от Феодосии на Симферополь. Взгляд на карту (схема 1) показывает, что союзники, базируясь вместо Феодосии на Балаклаву, отказывались от перерыва сообщений русской армии с Симферополем [1]. Правда, Меньшиков проиграл сражение, но его армия сохранила стойкость и держалась сосредоточенно. Теперь, усилившись, он стоял на северном берегу Севастопольского рейда, имея свою базу, Симферополь, в тылу.

Лежавший при смерти Сент-Арно отчаянно боролся среди своих физических страданий за то, чтобы настоять у Раглана на «косвенной атаке» Севастополя [2]. Это оказалось невозможным, потому что Раглан упустил организовать в Болгарии обоз. Теперь англичане сами видели, что их стратегия зашла в тупик.

Начальник английского инженерного корпуса ген. Бургойн, — также испанский ветеран, — писал на родину, что трудность взятия Севастополя возрастает с каждым часом. Крепость не может быть блокирована; обороняющийся располагает огромными массами военных запасов, имеет 10 000 отличных морских артиллеристов и поддерживает связь с армией в 50 000 чел.

Как выйти из этого положения? Считая с самого начала предприятие безнадежным, он, Бургойн, не представлял себе опасности в таком виде.

Ген.-квартирмейстер Раглана Эрей писал главнокомандующему английской армии лорду Гардингу, что следует простоять под Севастополем всю зиму, ничего не делая. И только весной, — после того как армия усилится и заведет себе обоз, — следовало, по мысли этого генерала, предпринять «косвенную» атаку Севастополя.

В частном письме к английскому военному министру герцогу Ньюкестльскому Раглан высказал мнение, что при числе и калибре русских орудий почти нет надежды достигнуть превосходства в огне. Настроение Канробера было таким же пессимистическим. Однако, с мнением Эрея, что придется всю русскую зиму простоять без дела в лагере под Севастополем, — с этой ужасной возможностью, — союзные полководцы столь же мало считались, как Меньшиков на р. Альме с возможностью обхода его левого крыла. Они требовали в Париже и Лондоне присылки артиллерийских припасов в количествах, неслыханных в военной истории.

Французские и английские генералы были согласны в том, что они находились в обстановке, в которой до них никто никогда не находился.

Все они разделяли мнение Бургойна о том, что укрепления Севастополя «poor concerns» [3] и не являются крепостными, но что позади этих укреплений стоит армия, которая глубоко окопалась на сильной позиции и снабжена огромным количеством тяжелой артиллерии; тем не менее эту армию приходится атаковать с фронта, вместо того чтобы согласно всем стратегическим правилам прибегнуть к обходу.

---

[1] В тексте ошибочно сказано «Севастополем».
[2] Направив удар в тыл, на Симферополь.
[3] «Неважные».

Стратегическая задача, упорно смотревшая в глаза союзникам как неразрешимая загадка, представляла новое военно-историческое явление: это была позиционная война [1].

Русская армия, к которой я причисляю и Севастопольский гарнизон, численностью в 72 000 чел., стояла частью в Севастополе, частью у Северного укрепления, а остаток — на Инкерманских и Мекензиевых высотах (схемы 4 и 6). Правым крылом русские примыкали к Севастополю и к морю. Столь же трудно было их обойти и на левом крыле. На Инкерманских и Мекензиевых высотах русские занимали обрывистые скалы, поросшие густым лесом. Неприятель, наступавший с юга от Балаклавы или с востока через Байдарскую долину, натолкнулся бы везде на чрезвычайно сильную, местами совершенно неприступную позицию.

Для того чтобы обойти здесь русских, нужно было двигаться гораздо дальше, а этого не могли сделать англичане.

При невозможности обхода оставался лишь прорыв. Собственно прорыва в полном смысле этого слова не требовалось. Если бы союзники только вдавили правое русское крыло на одном из пунктов, господствовавших над укрепленной линией, — примерно, у Мачтового бастиона [2] или Малахова кургана (схема 6), — то русскому правому крылу пришлось бы податься на несколько километров назад, к северному берегу рейда. А внутри этого ограниченного пространства лежали Севастополь, арсеналы, доки и флот.

Таким образом, цель экспедиции союзников могла быть достигнута одним удачным коротким наступлением. Но сколько произошло трагических событий, пока дело дошло до этого!

Глава II

Наступление русских (бой под Балаклавой 25 октября 1854 г. и Инкерманское сражение 5 ноября 1854 г.)

Первые батареи союзников были готовы 17 октября, после чего начался обстрел русской позиции. Французы направили свой огонь, главным образом, против Мачтового бастиона (IV бастион), англичане — против Большой флеши [3]... На огонь 122 союзных орудий русские отвечали из 118, но в действительности равенства сил не было: русские имели огромное превосходство вследствие более богатого снабжения боевыми припасами. В первый день они выпустили

[1] В заглавии к своему сочинению автор называет Крымскую кампанию первой позиционной войной в мировой истории. Между тем такого рода действия, как под Севастополем, отнюдь не представляли «нового военно-исторического явления», а неоднократно повторялись в военной истории, начиная с древности (Диррахиум, Алезия).

[2] У русских он назывался IV бастионом.

[3] У русских она называлась III бастионом.

20 000 снарядов против 9 000 союзных, и эта пропорция сохранялась и в последующие дни.

Вопреки совету английского и французского адмиралов, Раглан и Канробер настояли также на содействии флота в артиллерийском бою. На судовую артиллерию была возложена еще более тяжелая задача, чем на сухопутные батареи союзников. Ведь Севастополь был укреплен со стороны моря. Тут находилось 8 фортов [1]: 3 на северном и 5 на южном берегу, с казематами, сложенными из местного очень крепкого степного известняка.

Эскадры произвели свое нападение 17 октября между 1 час 30 мин. и 6 час. Участвовал почти весь флот, имевший круглым счетом 1 000 орудий. Это была самая сильная канонада, которую знала морская военная история, хотя корабли и стреляли только с одного борта.

На огонь 500 неприятельских орудий форты отвечали из 250 орудий.

В этом бою больший расход боевых припасов приходится на долю союзников: 30 000 снарядов против 16 000. Однако, результат был жалкий. Камень фортов почти не был поврежден, флот же так пострадал, что на другой день остерегался опять принять участие в бою. Деревянные корабли столь очевидно обанкротились, говорит ген.-майор Леман, что это бомбардирование должно быть отмечено как час рождения бронированного корабля.

Союзные сухопутные батареи действовали против русских земляных работ с бо́льшим успехом, особенно вначале. Пехота союзников стояла в готовности для штурма: французы должны были штурмовать Мачтовый бастион (IV бастион), англичане — Большую флешь (III бастион). Русская пехота понесла от бомбардирования чувствительные потери. Не зная, когда и где произойдет штурм, русские были вынуждены все время держать наготове сильные резервы. Казематированных помещений почти не существовало, потому что Севастополь не был сухопутной крепостью; имелось только небольшое число блокгаузов и т. п., так что массы не были защищены от неприятельского огня. К числу жертв принадлежал также Корнилов, смертельно раненый на Малаховом кургане.

Вследствие того, что атакующий должен был больше беречь боевые припасы, чем обороняющийся, союзная артиллерия скоро оказалась в невыгодном положении.

У французов, позиция которых находилась ближе английской, несколько батарей было уничтожено. Одна из них стояла на историческом месте: у Карантинной бухты, близ церкви св. Владимира (схема 6). Тут лежали развалины греческой колонии Херсонес [2], которая была основана в V в. до н. э.

В византийскую эпоху в Херсонесе принял крещение великий князь Владимир [3], положивший начало христианству в России.

В течение 6 дней союзники продолжали бомбардирование с переменной интенсивностью; 22 октября им пришлось прекратить огонь из-за отсутствия боевых припасов. К этому времени они успели вырыть лишь параллели для батарей; теперь же приступили также

[1] У русских назывались батареями.
[2] В тексте и на карте автор называет ее Херсон.
[3] В 988 г.

к устройству апрошей, чтобы вести артиллерийский бой и затем штурм с наиболее близкого расстояния.

Однако, в то время как они ожидали боевых припасов, противник перешел в наступление.

Слабым местом в расположении союзников была связь с Балаклавой (схемы 4 и 5). Воронцовское шоссе было подставлено ударам левого русского крыла с противоположного берега р. Черной. Самую Балаклаву едва ли можно было атаковать. Она лежит в скалистой местности и защищалась морской пехотой и флотом. Без тяжелой артиллерии ее нельзя было взять, а перевозка тяжелой артиллерии при бездорожье составила бы гигантскую работу.

На равнине впереди Балаклавы были широко размещены 3 000 английских подданных турок и англичан; турки стояли у Камара, ближе всего к р. Черной. После боя английские генералы в разговоре между собой называли позором выставление вперед горсти турок. Но если уже требовалось произвести отчаянную попытку для удержания Воронцовского шоссе, то Раглану, действительно, трудно было распорядиться иначе. У союзников нехватало сил. Длина циркумвалационной линии перед Севастополем и контрвалационной линии на Сапун-горе и вниз до Балаклавы составляла 30 км; следовательно, союзники имели менее 2 чел. на 1 м.

Раглан вынес впечатление, что у Камара необходимо отдать в жертву или один английский батальон или турок; он предпочел последнее.

25 октября 2 300 русских перешли р. Черную у Чоргуна, бросились на 1 000 турок, перебили часть, а остальных погнали в Балаклаву. Там полуголодные турки набросились на лавки со съестными припасами, но так как при бегстве они побросали ружья, то в бою с жилистыми англо-саксонскими продавщицами им пришлось еще раз обратиться в бегство.

Перед Кадыкиой русский гусарский полк герцога Николая Максимильяновича столкнулся с драгунской бригадой ген. Скерлетта. Численно обе конные массы были приблизительно равны, но русские всадники выглядели по сравнению с английскими, как пигмеи [1], и были совершенно разбиты. Однако, это не повлияло на дальнейший ход дела. Русские достигли поставленной цели, утвердившись на Воронцовском шоссе. Это было единственное шоссе, существовавшее в Крыму. Оно начиналось от Симферополя (схема 4), откуда вообще отходили все дороги Крыма, и шло сначала к юго-восточному берегу. Достигнув его у Алушты, о которой будет речь в дальнейшем, шоссе направлялось по местности, похожей на Ривьеру и называемой Ливадией, а затем — по очаровательной Байдарской долине. После этого оно принимало более северное направление, пересекало местность впереди Балаклавы, переходило через Сапун-гору и оканчивалось у Севастополя.

Английский обоз уже успел прийти в полное расстройство, вследствие чего англичане и английские турки несли больше потерь, чем от самого кровопролитного сражения. Численность англичан уменьшилась с 28 000 до 18 000 чел. Как можно было организовать снабжение их продовольствием, когда из двух дорог, ведших от Балаклавы к лагерю, одна—шоссированная—была захвачена неприятелем? В следую-

[1] Гусары составляли легкую конницу.

шем месяце начиналось дождливое время, и тогда вторая — немощеная—дорога, ведшая по Балаклавскому проходу также на Сапун-гору и далее к лагерю, обращалась в непроходимую вязкую грязь, и Раглан буквально сидел бы в луже.

Нельзя было и думать об оттеснении русских контрударом союзного обсервационного корпуса. Даже вместе с войсками, находившимися впереди Балаклавы, он был слабее русского корпуса, произведшего наступление. Численность осадного корпуса под Севастополем едва превышала 50 000 чел. Ему приходилось прикрывать батареи и траншеи от 40 000 гарнизона. Другие русские стояли в лесах по ту сторону р. Черной.

Союзные полководцы подозревали, что наступление в Балаклавской равнине является уловкой и что предположена вылазка большими массами из Севастополя. Следовательно, они не могли взять из осадного корпуса ни одного батальона. Кроме того, обсервационный корпус должен был оставаться на своем месте для прикрытия правого фланга осадного корпуса; ни Инкерманское плато, ни Сапун-гора не могли быть очищены.

Раглан наблюдал за боем в Балаклавской равнине с Сапун-горы. Никакая человеческая фантазия не могла представить себе все те страдания, которые суждено было испытать английским войскам, но Раглан должен был понять, что присутствие русских на Воронцовском шоссе является катастрофичным для английской армии. Средств для их удаления не было. Однако, Раглан чувствовал, насколько это опасно. Для склада ума этого полководца особенно характерна та форма, которую приняло в нем это чувство: он одолжил туркам 7 старых чугунных пушек, русские отбили у них эти пушки и теперь были заняты их отправкой.

Раглан усмотрел в этом недопустимое оскорбление. Он послал английской кавалерии на равнине приказание взять пушки обратно. Кавалерийские генералы несколько задержались с выполнением приказа ввиду его необдуманности. Но субординация победила личное благоразумие. Бригада английской кавалерийской дивизии, не принимавшая участия в бою с гусарами, двинулась в атаку.

700 английских всадников, имея во главе ген.-майора лорда Кардигана, въехали в середину подковы, образуемой 23 000 русских вокруг Воронцовского шоссе. Ни французы на Сапун-горе, ни сами русские не верили своим глазам.

Разумеется, 9 великолепных эскадронов (драгуны, гусары и уланы) были уничтожены концентрическим огнем русских раньше, чем удалось отбить чугунные пушки. Следует еще назвать чудом, что при этом беге под шпицрутенами уцелела большая половина всадников. Русские пули поражали преимущественно лошадей, а не людей, но все-таки наряду с 500 лошадей из строя выбыло 278 чел.

Руководимые здоровым национальным инстинктом, англичане постарались забыть об этой ужасной ошибке верховного командования и восхищаются только дисциплинированностью и бесстрашием принесенных в жертву героев.

Раглан отнесся к последствиям поражения под Балаклавой настолько серьезно, что решил очистить город и перенести английскую базу в Казачью бухту, находящуюся непосредственно рядом с Камышевой бухтой (схема 4). Пути сообщения обеих бухт с лагерем союзников проходили по ровной местности, а потому в дождливое время

не могли вызывать таких затруднений, как дорога по крутому Балаклавскому проходу. По крайней мере так думал Раглан. Очищение Балаклавы находилось уже на полном ходу, когда английский ген.-интендант заявил протест: Казачья бухта была расположена дальше от английской позиции, чем Балаклава, и ген.-интендант считал, что оттуда он совершенно не сможет довольствовать армию. Раглан пока уступил, но написал английскому военному министру официальную,— т. е. предназначенную для опубликования в Цветной книге,— депешу, подготовлявшую к очищению Балаклавы.

Тем временем артиллерийские припасы продолжали прибывать в лагерь союзников. Апроши французов также успешно продвигались вперед. Начатые в расстоянии 900 м от Мачтового бастиона (IV бастион), они были в конце октября подведены к нему уже на 150 м. Значительно медленнее продвигались англичане. При принятии решения о правильной осаде их батареи стояли на дистанции 1 200 м от Большой флеши (III бастион), а в конце октября английские траншеи были еще удалены от этого укрепления на 900 м.

Между 150 и 900 м, несомненно, существует огромная разница, не нужно принять во внимание, что англичане располагали гораздо меньшим количеством рабочих рук, чем французы. Во французском осадном корпусе было 19 000 пехотинцев и сапер, а в английском — только 8 000. К тому же французы питались хорошо, а англичане голодали.

Несмотря на это, дело могло пойти в некоторой мере на лад, если бы англичане соответственно своим силам атаковали только треть укрепленной линии. Однако, это противоречило бы принципу коалиционной войны. По мнению Канробера, Раглан, требовавший для себя равноправия в военном совете, должен был возложить на свои войска и половину военных тягот. Французы были также сильно утомлены; требовать от них крайнего напряжения только для того, чтобы облегчить англичан, Канробер считал неуместным.

Если бы вся атакующая армия состояла под начальством одного полководца, то военные тяготы были бы уравнены между более сильным левым и слабым правым крыльями. Теперь же на долю англичан приходилась половина русского фронта в качестве объекта атаки и для наблюдения. Следствием этого являлись чрезмерные лишения и недосдание, все более гибельно отражавшиеся на 10 000 англичан, а затем и задержка английских осадных работ.

1 ноября союзники опять возобновили бомбардирование; они имели лишь несколько больше орудий, чем 17 октября. Напротив, русским удалось увеличить число своих орудий с 118 до 240. Они выпускали 200 000 снарядов против 140 000 союзных. При таких условиях не могло быть и речи о том, чтобы союзники добились огневого превосходства. Канробер не знал, что делать; Раглан же хотел штурмовать, не имея превосходства в огне.

Конечно, это решение также родилось от беспомощности и являлось тем более отчаянным, что Меньшиков получил сильные подкрепления. Часть русской пехоты была подвезена средствами огромного транспорта, состоявшего из 6 000—7 000 повозок, организованного русским военным ведомством в Южной России. Через несколько дней после возобновления союзниками бомбардирования в Севастополе и его окрестностях было сосредоточено около 100 000 чел. русских войск, считая и 18 000 матросов. Тотлебен даже говорил: «Не считая 18 000 матросов». Но к престижу русской армии, старательно обере-

гаемому Тотлебеном, следует сказать, что указанная выше цифра взята из преувеличенных штатов войсковых частей. В России кое-что было только на бумаге.

В обороне Севастополя принимали участие не только матросы на укреплениях в качестве артиллеристов, но и матросы, составлявшие экипажи кораблей. Часть рейда, именно — южная гавань, врезается глубоко в материк, так что оконечность ее почти касалась укреплений. Здесь на якорях стояли корабли, с которыми атакующие должны были считаться (схема 6).

Если поход ошибочно направлен с самого начала, то ошибку едва ли можно исправить в течение операций [1]. Военная история учит этому на бесчисленных примерах. После того как Раглан упустил возможность организовать обоз в Болгарии, а союзники вследствие этого вместо Каффы высадились в Евпатории, события развивались уже помимо их воли. 70 000 союзников стояли теперь против 100 000 русских, которые опирались на большой укрепленный город и которых нельзя было обойти, а можно было только атаковать с фронта. На р. Альме союзники имели огромное превосходство сил, могли обойти русских и только с трудом их победили. Следовательно, какие шансы представлял штурм Севастополя?

Французский военный министр маршал Вальян писал Канробер у, что в его руках находятся судьбы Европы. Если он победит, то Австрия, а возможно и Пруссия выступят против России. В случае же его поражения на следующую весну неизбежно разразится война на Рейне.

Французский военный министр 1854 г., повидимому, принадлежал к лицам, одержимым манией, будто Германия только и ждет возможности напасть на Францию. Я уже упоминал о том, что Германский союз был чужд агрессивных намерений. Но в маршале Вальяне говорила злая совесть Франции. Французы домогались пропуска своей армии через Германию, чтобы напасть на Россию и таким путем навсегда закрепиться на Рейне. Поэтому маршал Вальян (несомненно, со значительной переоценкой германского национального чувства) считал само собой понятным, что неудача французов в Крыму автоматически вызовет нападение Германского союза на Эльзас-Лотарингию.

Это письмо не могло ободрить Канробера, и он охотно отсрочил бы штурм, но Раглан торопил с решением, потому что приближалось дождливое время, и он не знал, как тогда довольствовать свою армию. Раглан предложил Канроберу двинуть на штурм всю английскую пехоту, если французы возьмут на себя прикрытие контрвалационной линии на Сапун-горе. Предложение казалось более заманчивым, чем было в действительности. Англичанам приходилось начать штурм с расстояния в 900 м в то время, как нормальной дистанцией для заложения первой параллели считалось 600 м. При таких условиях можно было заранее предвидеть, что англичане не возьмут Большую флешь (III бастион) и окажут недостаточную поддержку французам при прохождении ими под русским картечным огнем полосы местности перед Мачтовым (IV) бастионом шириной в 150 м, усеянной искусственными препятствиями. Когда Канробер отказался от предложения Раглана, между английской и французской главными квартирами установились очень натянутые отношения. В продолжение некоторого времени вообще избегали обсуждать важные вопросы. Менее крупные

[1] Неправильный выбор операционной линии.

дела дискутировались с преувеличенной и почти оскорбительной вежливостью. Старый Бургойн полагал, что при возникновении первых серьезных затруднений, решения которых нельзя будет отсрочить, едва ли окажется возможным избежать разрыва между двумя полководцами.

Тогда Канробер уступил: 4 ноября было принято принципиальное решение о штурме. На следующий день на последнем военном совете предстояло урегулировать еще некоторые частные вопросы, и 7 ноября, употребляя выражение маршала Вальяна, должна была решиться судьба Европы.

Она решилась бы в пользу России, если бы историк имел право составить раглановскому замыслу штурма гороскоп позднейшего опыта и при предпосылке, что Канробер действительно бросится на укрепления, несмотря на не сломленное еще огневое превосходство русских. Однако, представлялось неправдоподобным, чтобы он серьезно отнесся к этой задаче. По природе он был более мягок и легче поддавался влиянию окружающих, чем Раглан; поэтому он ему пока уступил. Но Канробер имел достаточно ума, чтобы совершенно ясно сознавать, что главная тяжесть штурма и главная ответственность за его исход падут не на англичан, а на французов. Он соглашался также с принцем Наполеоном, сказавшим одному англичанину: «В случае неудачи, у вас слетит министерство, а у нас — династия».

Во всяком случае русские имели полное основание держаться оборонительно-наступательной тактики, спокойно выжидая решения союзного военного совета. Однако, они чувствовали и думали иначе. Русские столь же мало знали о позиционной войне, как и их противники. Никогда еще не было того, чтобы густым массам пехоты, прикрытым только земляными укреплениями, приходилось стоять изо дня в день, давая себя расстреливать и не имея возможности отвечать. Это было выше понимания русских, а главное у них недоставало моральной стойкости. Даже Тотлебен лишился выдержки. В русской армии все были согласны с тем, что угрожавший штурм необходимо предупредить собственным наступлением [1].

Конечно, политические мотивы побуждали русских к наступательному сражению еще сильнее, чем военные соображения. После сражения на р. Альме деятельность военной партии в Вене достигла своего кульминационного пункта. В день, когда союзники окончательно утвердились на южной стороне Севастополя, 1 октября, Австрия предложила на союзном германском съезде во Франкфурте-на-Майне мобилизовать союзные корпуса.

В это время в Германии усилилось течение в пользу активной германской политики на востоке. Оно возникло еще до Крымской войны. Я напомню о Листе, Бруке, Максе II Баварском, Лассале и Ранке. Это была прелюдия к восточной политике Вильгельма II. Австрия в 1854 г. стремилась приобрести руководство в Германии, способствуя тому, чтобы турецкое наследство досталось не России, а Германии.

---

[1] При существовавшем соотношении сил и тяжелом положении союзников в Крыму энергичное наступление было, несомненно, самым выгодным для русских способом действий. Несмотря на все недостатки русской армии, она имела крупные шансы на успех, но, разумеется, при условии, что раз начатое сражение будет доведено до конца с использованием всех имевшихся войск. Автор, повидимому, держится иного мнения, предлагая свою «оборонительно-наступательную тактику», излюбленный им рецепт для всех случаев.

Австрийское предложение не было принято союзным советом, но первое бомбардирование Севастополя поощрило австрийское правительство к продолжению враждебных к России действий. Мы видели, что уже с лета вблизи русской границы стояли две мобилизованные австрийские армии. Приказом австрийского императора от 22 октября была мобилизована еще третья армия, т. е. на военное положение переводились все вооруженные силы Австрии, так как корпуса в Ломбардо-Венецианском королевстве под начальством Радецкого всегда содержались в составе военного времени.

Россия уже выставила 215 батальонов против Швеции. Теперь у Варшавы, Киева и т. д. были сосредоточены 364 батальона, — в том числе гвардия, — т. е. силы, которых в обрез могло хватить против Австрии [1]. Тогда для Крыма остались 137 батальонов, составлявших вместе с вспомогательными войсками около 125 000 чел. Большая часть этих сил была уже сосредоточена в Севастополе и его окрестностях.

Подобно тому как маршал Вальян опасался весной следующего года заговора немцев против безопасности Франции, так же точно император Николай боялся крестового похода цивилизованных наций против России, т. е. ослиного копыта Австрии. Вследствие этого нужно было использовать для военного удара остаток благоприятного времени в 1854 г.

Наряду с Балаклавой второй ахиллесовой пятой союзников являлось Инкерманское плато (схема 6). Англичане не могли его занять достаточными силами, как и Воронцовское шоссе. Поэтому русские господствовали над северной частью плато с помощью некоторого числа укрытых стрелков и кораблей. Севастополь имел свободное сообщение с тылом не только по ту сторону рейда, но и на этой стороне, через Инкерманский мост, где каждую ночь курсировали военные транспорты и татарские арбы, подвозившие гарнизону молоко и овощи.

Раглан просил у Канробера подкреплений, чтобы заградить русским дорогу, но последний отказал, желая перед штурмом все силы держать сосредоточенно. Точно так же он не захотел дать в помощь переутомленным англичанам рабочих для укрепления южной части плато. Он заявил Бургойну: «Mon général! C'est tr p loin!» [2].

В этой части плато стояли 8 000 англичан; циркумвалационная и контрвалационная линии тут сближались. В широкую дыру между ними русские и решили направить свой удар. Это был единственный пункт, где союзники могли быть атакованы с надеждой на успех.

После проигрыша сражения на р. Альме царь потерял доверие к военному счастью Меньшикова. Он выразил желание, чтобы сражение было дано не им, а неким генералом Данненбергом [3]. Меньшиков, который по природе не был полководцем, охотно сложил с себя ответственность. Он стушевался совершенно [4], заявив, что он является только обер-шталмейстером их императорских высочеств великих князей. Речь шла о сыновьях государя Николае и Михаиле, которые были

---

[1] Сил этих было слишком много, и Николай хотел назначить значительно меньше, но фельдмаршал Паскевич, имевший большое влияние на царя, все тянул к себе.

[2] «Генерал, это слишком далеко!»

[3] Данненберг — командир 4-го пех. корпуса.

[4] Это не совсем верно, так как Меньшиков отдал 23 октября общий боевой приказ и сам присутствовал на поле сражения.

посланы в Крым, чтобы своим присутствием в сражениях воодушевлять войска.

По боевому приказу Данненберга следовало атаковать английскую позицию в южной части Инкерманского плато с фронта. Для этого одна колонна русской пехоты должна была двинуться из Севастополя к северной части плато, перейдя Килен-балку южнее I бастиона и пользуясь дорогой к Инкерманскому мосту. Другая колонна должна была спуститься с Инкерманских и Мекензиевых высот, перейти Инкерманский мост и на плато войти в связь с первой колонной.

В последний момент Данненберг изменил свой боевой приказ: ген. Соймонов, командовавший Севастопольской колонной, должен был сразу двинуться на юго-восток, не переходя Килен-балку.

Это изменение было очень целесообразно, так как между Килен-балкой и Корабельной балкой (Доковый овраг) стояли только 3 батальона английской бригады Кодрингтона [1]. Соймонов имел 28 батальонов; прорыв союзной позиции был возможен здесь больше, чем где-либо в другом месте.

В приказе Соймонову, изменявшем общий приказ, Данненберг называл Инкерманское плато правой стороной Килен-балки. Дорогу, по которой должна была двигаться колонна Соймонова, он обозначал как левую сторону. Он употребил такие обозначения потому, что в русской армии было принято различать правый и левый края оврага, смотря от его вершины, как различают берега реки, смотря от ее истока вниз по течению.

Однако, этот способ обозначения, повидимому, не был общепризнанным. Во всяком случае Соймонов не понял Данненберга. Он различал правую и левую стороны, смотря от Севастополя. Если Данненберг ему приказал наступать левее Килен-балки, то он заключил из этого, что нужно подняться на Инкерманское плато.

Соймонов послал копии частного приказа, составленного им для своей колонны, Меньшикову и Данненбергу. Приказ возражений не вызвал. Меньшиков, как сказано, стушевался, в штабе же Данненберга накануне сражения господствовала такая суматоха, что противоречие между вторым приказом Данненберга и приказом по колонне Соймонова не было даже замечено.

Недостаток единства и слабое высшее управление сорвали успех с самого начала сражения: ordre, contre-ordre, desordre! [2]

В течение всего 4 ноября и в ночь на 5-е шел проливной дождь. Утром 5 ноября, в исторический день Инкерманского сражения, стоял густой туман и было очень холодно. Но на площадях города и частью на Инкерманских и Мекензиевых высотах тысячи людей, обреченных на смерть, собрались для торжественного богослужения. Звонили все колокола. Затем между 6 и 7 часами 32 000 русских развернулись на Инкерманском плато. Колонна Соймонова (17 000 чел.) поднялась на плато без особых затруднений, использовав дорогу к Инкерманскому мосту. Зато колонне ген. Павлова (15 000 чел.), которая двинулась на плато, перейдя р. Черную по Инкерманскому мосту, пришлось преодолеть большие трудности. Здесь проходит очень крутая дорога Симферополь — Балаклава, извивающаяся по почти непроходимой мест-

[1] Английская бригада состояла из 3 батальонов или полков, что означало то же самое. Две бригады, следовательно, — 6 батальонов — составляли дивизию.

[2] Приказ, контрприказ, беспорядок!

ности. Цепляясь за камни и кусты, русские поднялись по размытому дождем, скользкому правому краю тамошних каменоломен.

Итак, 30 000 русских столкнулись с 9 000 англичан. Русские имели 135 орудий, англичане—62; у последних была только полевая артиллерия, тогда как русские в обеих колоннах втащили наверх много позиционных орудий, снятых с передков на высшем пункте Инкерманского плато.

Англичанам было нелегко подвести подкрепления. Мы видели, что на союзных циркумвалационной и контрвалационной линиях приходилось всего по 2 чел. на 1 м. Союзники были так слабы, что не могли выделить резервов.

Не зная точно численности подкреплений, полученных Меньшиковым, Канробер и Раглан приблизительно определяли существовавшее соотношение сил: 70 000 союзников и 80 000 русских (без морской артиллерии). Следовательно, по их расчетам они могли заткнуть дыру на Инкерманском плато, лишь образовав где-либо новую дыру.

Передвижения в сторону, которые должны были произвести все подкрепления для достижения наиболее угрожаемого пункта, также были затруднительные и требовали больше времени, чем движения хорошо расположенного резерва. Но самое главное заключалось в том, что в Севастополе и перед контрвалационной линией русские, повидимому, также обнаруживали желание наступать.

Князь Петр Горчаков, двоюродный брат знаменитого государственного деятеля, двинулся с 18 000 чел. против контрвалационной линии. Под его начальством состояла вся русская кавалерия. Конечно, Сапун-гора была труднодоступна [1]. Через нее вели только три дороги: Воронцовское шоссе, Балаклавский перевал и узкая крутая тропа, которую французы заперли редутом «Канробер» (схема 5). Канробер, очень осторожный генерал, вообще позаботился о том, чтобы вся линия была укреплена, — особенно же Балаклавский перевал, о котором Канробер сказал, что 6 000 русских всадников могут въехать на него фронтом в 3 эскадрона; такая лавина вполне возможна.

Согласно отданному Меньшиковым общему приказу, Горчаков должен был «попытаться овладеть одной из дорог, ведущих на Сапун-гору». Частный же приказ, отданный самим Горчаковым, ставил корпусу задачу произвести лишь диверсию [2], а именно — удержать французскую бригаду Винуа, стоявшую впереди Балаклавы, у Кадыкиоя (схема 5). Последняя имела 5 батальонов, а всего менее 3 000 чел.

В книге Тотлебена сделана попытка замаскировать противоречие между приказом Меньшикова и тем толкованием, которое придал ему Горчаков. Вообще Тотлебен не любит критиковать распоряжения высших русских начальников. С другой стороны, после войны на Горчакова довольно сильно нападали в русской военной литературе. Он защищался в «Русском инвалиде», стараясь доказать, что штурм Сапун-горы был бы отбит с ужасными потерями.

До известной степени это, несомненно, верно, но дело имеет и другую сторону. На следующее лето, когда русские считали Севастополь потерянным, они дали сражение на р. Черной. Русские атаковали контрвалационную линию союзников, которая тем временем была пере-

[1] Горчаков наступал против нее с востока.

[2] Не диверсию, а демонстрацию. В стратегии диверсией называется самостоятельная отвлекающая операция, производимая на другом театре войны или вообще на весьма отдаленном пункте.

несена на столь же сильную позицию, как Сапун-гора; атака была отражена с величайшими потерями. Несмотря на это, русские достигли своей цели: они доказали, что для Севастополя и чести они готовы на всякие жертвы.

Между тем под Инкерманом русские бросались на контрвалационную линию не только ради отвлеченной чести, но и для достижения конкретной тактической выгоды неисчислимого значения: удержать осторожного Канробера от подачи помощи англичанам.

Конечно, нужно принять во внимание, что сражение на р. Черной разыгралось при совершенно иной политической обстановке, чем Инкерманское. В период сражения на р. Черной Австрия вновь разоружилась, тогда как в ноябре 1854 г. дипломатическая изоляция России оказывала влияние даже на тактические передвижения русских в сражении под Инкерманом. Вся Европа была враждебна России, вследствие этого русские полагали, что у них нехватит полков, чтобы дать кровавый отпор готовящемуся нападению; военный героизм, все ставящий на карту, представлялся политически неуместным.

Горчаков обстреливал контрвалационную линию с дальнего расстояния. В ожидании его продвижения Канробер предоставил пока англичан на Инкерманском плато их участи. Но через полтора часа он пришел к убеждению, что все другие русские атаки представляют лишь диверсии [1] и что Инкерманское плато является поворотным пунктом событий. Тогда он послал во французский осадный корпус приказание: части дивизии принца Наполеона итти на помощь англичанам. Эта часть могла достигнуть места боя только после часового марша. Оказать быструю поддержку могли только французы с Сапун-горы. Канробер предложил Раглану и эту помощь.

В Севастополе Меньшиков выставил 30,5 батальона. На основании его общего распоряжения эти войска должны были произвести вылазку в момент, когда наступление русских на Инкерманском плато внесет смятение в неприятельские осадные батареи. Комендант Севастополя ген. Моллер проявил предприимчивость и расширил распоряжение главнокомандующего, указав в своем частном приказе, что вылазку нужно произвести и тогда, когда обнаружится значительное ослабление прикрытия французских батарей.

Туман рассеялся, и Моллер наблюдал уход 5 батальонов принца Наполеона. Обстановка показалась ему благоприятной для вылазки. Он приказал 7 батальонам наступать у моря, где туман еще держался. Впереди шел Минский полк, потерявший на р. Альме в бою против дивизии Боске 40% своего состава. Русские неожиданно ворвались на осадные батареи и заклепали 8 орудий. В продолжение 3 часов бой не давал французскому осадному корпусу опомниться, причинил ему значительные потери и еще более замедлил и без того уже долгий марш войск принца Наполеона. Однако, вылазка была предпринята слишком малыми силами и поэтому не могла сломить решимости обоих союзных полководцев, что именно требовалось.

Обратимся теперь к Инкерманскому плато. Как и на р. Альме, русские развернулись частью в ротных колоннах, частью — в батальонных и полковых колоннах. Плато было покрыто густым кустарником. Конфигурация местности требовала рассыпного строя, но для тогдашних русских войск ротная колонна годилась лишь на учебном плацу.

[1] Демонстрации.

Следуя врожденному стадному чувству, русские войска инстинктивно сжимались в большие колонны.

Обратное влияние оказал пересеченный характер местности на английскую пехоту. По словам командира полка зуавов Клера, она отказалась от окостеневших линий, вследствие которых потеряла так много людей на р. Альме. Тонкое расположение автоматически превращалось в стрелковый строй. Там, где офицеры были выведены из строя, унтерофицеры и рядовые умели обойтись и без них, что у русских было бы немыслимо.

Но основной формой английской тактики все-таки оставался развернутый строй. Несмотря на свое дальнобойное оружие, английская пехота часто подпускала русских на самое близкое расстояние. Затем англичане стреляли залпами, оказывающими благодаря меткости оружия уничтожающее действие.

Русская артиллерия теряла от неприятельских стрелков так много лошадей и людей, что не отваживалась сопровождать пехоту из опасения, что ей не удастся потом уйти; вследствие этого она не могла использовать свое огромное превосходство, особенно в калибре. Ее решительность парализовалась страхом потерять значительное число орудий, что вызвало бы немилость царя. Несомненно, царь измерял боеспособность артиллерии неверным масштабом, но последний отвечал невысокому уму этого государя [1].

Английская артиллерия могла не особенно бояться русских стрелков, так как английская пехота не допускала их к ней. Тотлебен хвалит английскую артиллерию за то, что она следовала за своей пехотой по пятам, открывая действительный огонь с близкого расстояния.

Инкерманский перешеек [2], на котором разыгрался бой, имеет ширину около версты. Фланги англичан были отлично прикрыты. Слева они примыкали к Килен-балке, которая настолько глубока и обрывиста, что переходима войсковыми массами только с величайшими затруднениями. Эта балка тянется вдоль всего Инкерманского плато на протяжении 3 км и только при устье становится проходимой.

О том, насколько труднодоступны отроги Сапун-горы, к которым примыкал правый фланг англичан, я уже говорил при описании подъема колонны Павлова на Инкерманское плато.

Несмотря на это, русские, не довольствуясь фронтальной атакой, пытались обойти англичан на обоих крыльях, однако, их малоподвижные колонны не могли маневрировать.

Непосредственно после сражения на Инкермане в Берлине вышло исследование по этому вопросу одного прусского офицера Ф. С. Автор имел в своем распоряжении хорошие русские источники и притом обладал достаточным умом, который впрочем иногда затемнялся односторонней русской установкой. Так он отрицает, что русские сражались в густых массах; согласно своему новому уставу, они будто бы были построены исключительно в ротные колонны. Поднявшийся туман, который в полумраке увеличивал все предметы, дал англичанам иллюзию батальонных и полковых колонн.

---

[1] Такого взгляда держались в царской армии до последнего времени, хотя в учебнике тактики Драгомирова и говорилось, что для артиллериста плен не бесчестье, а свидетельство того, что он честно выполнил свой долг. Например, после Тюренчена Куропаткин среди прочих обвинял и артиллеристов в потере их орудий.

[2] Горный массив (?).

Не говоря уже о том, что туман в течение боя рассеялся, — только тем обстоятельством, что столпившиеся русские не могли ни развить свою огневую силу, ни маневрировать, можно объяснить, почему им не удалось быстро прорвать фронт неприятеля и почему бой 32 000 чел. против 9 000 шел часами с переменным успехом. Обе стороны не использовали сразу всех своих сил, а вводили их в бой последовательно. Это позволило Кинглеку делать рискованные подсчеты сил, при которых для отдельных фаз боя получается прямо-таки фантастическое численное превосходство русских над англичанами. Но Инкерман — не героический эпос и не рыцарский роман, а славная страница достоверной английской военной истории. Совершенное англичанами в действительности выше всякой поэзии.

Я не могу вдаваться в подробности, но даже Тотлебен с внутренней симпатией к слабейшей стороне описывает бой 4 батальонов Охотского полка против 1 батальона Кольстрем, который так и не был подавлен. В дивизии Каткарта ружьями Минье был вооружен только 1 батальон из 6; остальные батальоны имели еще гладкоствольные ружья, как русские. Одна из двух бригад Каткарта, которой командовал ген. Торренс, пыталась обойти левое русское крыло, но при этом подверглась огню с двух сторон и была почти полностью уничтожена. Однако, остатки ее 3 батальонов в конце концов все-таки пробились, потому что и без лучших ружей англичане имели большое превосходство в огневой силе, так как умели расчленяться. При всей гордости действиями своих соотечественников под Инкерманом Кинглек все-таки критикует неметодичность их тактики. Он говорит: «На этот раз вопреки всем принципам слабые отдельные прутья оказались сильнее плотно связанного пучка».

В принципе Кинглек, несмотря на опыт 1866 г., держался ортодоксальной тактики, в силу которой пехота на поле сражения не должна выпускать ни одного «па» (т. е. соблюдать все тонкости устава, как танцор проделывает «па».—Ред). В то время английские военные были столь же консервативны, как китайцы или древние египтяне. Впрочем припомним, что и французские генералы после опыта Альмы также рассуждали, что при известных условиях английскую тактику следует предпочесть французской. В старости Канробер, излагая свои воспоминания об участии англичан в сражениях Крымской войны, выразился так: «В Англии все делают серьезно. Англичане не имеют блеска и непринужденности, как мы, но они основательны».

Отклонив предложенную французами помощь, Раглан напрасно затянул на час ожесточенный бой своих храбрых войск. Он ответил, что англичане надеются сами справиться с неприятелем. Такое претенциозное поведение полностью объясняется психологией английского полководца. Раглан знал и чувствовал, что его управление и организация английской армии оказались совершенно несостоятельными, что, употребляя выражение Канробера, англичане могли только драться. Теперь вдобавок они должны были еще и в бою просить помощи у французов!

Однако, в конце концов Раглан израсходовал все свои резервы, тогда как Данненберг, командовавший соединенными колоннами Соймонова и Павлова, располагал еще многочисленными свежими войсками. Он ввел в бой всего 22 000 чел., а 10 000 держал в резерве. Англичане должны были медленно, но непрерывно отходить назад. При

дальнейшем продвижении на 500—600 м русские достигли бы полосы, откуда прегражда́лось Инкерманское плато.

«Фермопилы Инкермана были бы тогда открыты»,— говорит Камилл Руссе в своей «Histoire de la guerre de Crimée». Переводя с образного языка на прозаический, это означает, что русские прорвались бы между циркумвалационной и контрвалационной линиями, сбив, таким образом, боковым ударом всю позицию союзников. Тогда последним ничего не оставалось бы более, как возможно скорее снять осаду, бросить батареи и вообще весь военный материал и покинуть Крым, поскольку победителю не удалось бы помешать их погрузке на суда [1].

Дадим несколько волю своей фантазии, чтобы нарисовать себе политические последствия подобного исхода сражения. Весьма вероятно, что тогда наступил бы полный переворот в австрийской политике и возвращение к тому совместному выступлению Австрии и России на Востоке, которое перед Крымской войной выразилось в миссиях Лейнингена и Меньшикова в Константинополе.

Не будет ли слишком смелым сделать при таких предпосылках вывод о падении Второй империи и о реставрации дома Бурбонов — Орлеанов под покровительством царя? С захватом французами Бельгии Англии угрожал бы в самом близком будущем союз континентальных государств.

Все-таки 9 000 англичан защитили свое отечество, сопротивляясь в течение 3 час. 32 000, или, не считая резервов, 22 000 русских в Фермопилах Инкермана, — но не в горном проходе, а на равнине без укреплений.

«Правда, их героизм не предотвратил бы проигрыша сражения, если бы не гений Раглана», — такое изумительное утверждение находим мы у Кинглека. В конце концов Раглан позвал французов. Однако, русские прорвались бы еще до их прихода, если бы, дескать, Раглан не приказал доставить с английских осадных батарей два 18-фунтовых орудия, которые открыли с левого края Килен-балки самый действительный огонь по русским колоннам. Английские офицеры считали доставку этих орудий невозможной, но энергия Раглана преодолела эту оппозицию.

Так живописует Кинглек, дублируя свой собственный рассказ. Ведь и на р. Альме правильной постановкой двух орудий Раглан якобы спас союзников от поражения. И человек, излагающий подобные вещи на бумаге, принадлежит к числу самых умных военных историков!.. Так сложно иногда направление мыслей историка, работающего по первоисточникам [2]...

Дивизия Боске с контрвалационной линии передвинулась теперь влево для выручки англичан, но она прибывала не целиком, а по частям, так как французы не освободились еще окончательно от опасений, что корпус Горчакова, наконец, произведет серьезную атаку на Сапун-гору. Особое беспокойство внушали им некоторые передвижения кавалерии Горчакова и не без основания: в инструкции Горчакову

---

[1] Этими рассуждениями автор сам доказывает, что русским следовало перейти в общее решительное наступление, а не заниматься «оборонительно-наступательной тактикой».

[2] Здесь нет «сложности», а есть просто неумение отличить важное от второстепенного, что объясняется незнанием дела.

говорилось, что, овладев подъемом на Сапун-гору, он должен появиться на Инкерманском плато с большими кавалерийскими массами.

Французам, вступавшим в бой с запозданием, нелегко было вырвать у русских победу, в которой Данненберг был уже уверен. С 9 до 11 час. 7,5 французских батальонов сражались с 32 русскими. Хотя на поле сражения находились еще 23 английских батальона, но настолько перемешавшиеся и утомленные боем, что они едва ли могли облегчить французов. Одна лишь английская артиллерия принесла некоторую пользу.

Русские устали и понесли такие же потери, как и англичане; несмотря на это, они еще много раз энергично применяли свою ударную тактику. Русские стрелки (ровно 10% всего состава) дрались попрежнему хорошо. Один раз наступление русских боевых колонн породило среди сражавшейся в рассыпном строю французской пехоты такую панику, что пришлось развернуть несколько эскадронов африканских конных егерей для задержки уходивших.

Этот эпизод подтверждал мнение английских военных, которые упрямо придерживались своих устарелых тактических доктрин, но это был именно лишь эпизод. Французы опять собрались и снова показали, что их тактика на пересеченной местности бесподобна. Они атаковали русских с фланга. Русские не умели менять фронт. Их стрелки наносили противнику немалые потери, но остальная масса стреляла, по словам французов, как будто брала ружья на-караул.

Весь боевой порядок русских должен был выполнить отступательное движение. Нарезное оружие в руках французской пехоты развило теперь свое сильнейшее действие [1]. Охотский и Якутский полки понесли ужасные потери, особенно от французской артиллерии. Она подъехала на 150 шагов и осыпала эти полки картечью. Выше мы видели, почему русская артиллерия не пыталась им помочь.

После Инкермана, как и после Альмы, русские говорили, что их несчастье заключалось в вооружении пехоты гладкоствольными ружьями (за исключением сравнительно малочисленных стрелков); все дело решило будто бы ружье Минье. После Кениггреца австрийцы также утверждали, что их победило игольчатое ружье, и весь свет повторял это за ними. В действительности исторические дела совершаются не так механически. Существует внутренняя связь между вооружением и тактикой, а также между тактикой и характером государства.

Повторяя вышеприведенную остроту, можно сказать, что русская пехота 1854 г. взяла бы на-караул перед союзниками не только гладкоствольное ружье, но и ружье Минье. Ведь в этой армии было традицией, что пуля дура; нужно только безостановочно итти на неприятеля, стреляя как можно меньше, и он обратится в бегство. Устрашающее впечатление русских боевых колонн не подлежит сомнению: на это указывает ход обоих сражений, а также свидетельство Кинглека. Однако, при такой односторонней ударной тактике не могло преуспевать стрелковое искусство.

Конечно, русские не умели маневрировать не потому, что этому мешала ударная тактика, а потому, что русская армия являлась самой отсталой из крупнейших европейских армий. Русским дорого обо-

[1] Как сказано выше, две трети французской пехоты имели гладкоствольные ружья.

шлось их оттеснение. Русская пехота теряет половину своей боевой силы, как только ей приходится маневрировать, — так полковник Клер суммировал впечатления, полученные в этот период сражения. Русские не имели никакого представления о методическом отступательном бое. Им не пришло в голову использовать в качестве закрытия пологие складки местности на плато или обрывистые скаты на их левом фланге. Густые массы человеческого мяса медленно сползали в лощины и овраги и там давали себя убивать почти без сопротивления, как скот на бойне.

Данненберг мог остановить неприятеля, если бы у него не пропало желание вести бой. Он имел еще в резерве 16 нетронутых батальонов, между тем как у Боске было всего 6 свежих батальонов: 3 собственной дивизии и 3 батальона принца Наполеона, которые теперь, наконец, прибыли. Едва ли союзники могли подтянуть другие силы, так как циркумвалационная и контрвалационная линии были лишь слабо заняты.

Однако, Данненберг, имея превосходство сил в свежих войсках, не произвел последнего решительного удара; на Инкерманском плато, как на р. Черной и в Севастополе, с русской стороны не все войска были введены в дело.

Позади завесы, образованной двумя еще не тронутыми полками, Владимирским и Суздальским, русские произвели свое отступление: колонна Соймонова, который был убит в сражении, пошла обратно в Севастополь, колонна Павлова — через Инкерманский мост на высоты по ту сторону р. Черной.

Ввиду общего и частного соотношения сил, дивизия Боске не могла и думать о преследовании. Союзники удовлетворились тем, что сражение осталось нерешенным [1].

Потери французов были невелики, но ангел смерти жестоко покарал англичан и русских. С английской стороны сражалось всего 9 000 чел. По официальным сведениям, потери их составляли 2 357 чел., или 25%, но имеются указания, что в действительности убыль равнялась 40%. Почти все офицеры выбыли из строя.

Русские определяли свои потери на Инкерманском плато в 10 700 чел., сверх того 1 100 чел. — при вылазке из Севастополя. Но общая потеря в 12 000 чел. не совсем гармонирует с 4 500 русских трупов, похороненных союзниками, а это были еще не все убитые русские. Почти год после сражения, когда Севастополь был уже взят, союзники находили в каменоломнях, на дороге Симферополь — Балаклава, целые груды человеческих костей, побелевших от ветра и непогоды. Это были печальные остатки русской пехоты, которая, по рассказу полковника Клер, неуклюже ввалилась в ущелья и на дне их дала себя перебить, как на бойне, поскольку еще раньше не сломала себе шеи.

Вполне возможно, что русские потеряли 15 000 чел. из 27 000 чел., принимавших серьезное участие в бою. Нарезное ружье, находившееся в руках тактически превосходной пехоты, произвело чрезвычайное опустошение в густых массах русских. Кинглек считает, что из 34 рус-

---

[1] Такой результат получился вследствие того, что русские не ввели в дело большей части имевшихся сил. У Данненберга оставалось в резерве 10 000. Горчаков со своими 18 000 почти бездействовал, и, кроме того, были еще войска в распоряжении Меньшикова.

ских батальонов, участвовавших в бою на Инкерманском плато [1], 24 батальона были почти уничтожены, тогда как остальные сильно пострадали [2].

Вследствие этого в русской главной квартире царило глубокое уныние. На Инкерман смотрели не как на нерешенное, а как на проигранное сражение. Ведь положительная цель русского наступления — прорыв — не была достигнута, между тем как 34 из 103 батальонов были уничтожены или совершенно расстроены. С еще большим опасением, чем до сражения, ожидал Меньшиков штурма укреплений: он предложил царю очищение Севастополя. Последний был смелее своего полководца. Неудивительно! Он находился, как говорится, вне огня, следовательно, менее подвергался удручающим впечатлениям. Николай ответил Меньшикову, что с 80 000 чел. внутри и вне Севастополя нельзя приходить в уныние от Инкерманской вылазки.

С Данненбергом царь обошелся не так, как римский сенат с Теренцием Варроном после сражения при Каннах; он исчез со сцены. Тщетно старался свалить он всю вину на Соймонова, который не мог оправдываться, потому что пал в сражении.

В союзной главной квартире настроение было едва ли не хуже, чем в русской. Это было настроение всадника после его переезда через Боденское озеро [3]. Понятно, Канробер и Раглан не знали происходившего в неприятельской главной квартире и поэтому находились в убеждении, что обязаны своим спасением 5 ноября только некоторым недостаткам в русских распоряжениях.

Вследствие понесенных потерь и незнания численности противника они решили пока отказаться от штурма Севастополя.

Решение полководцев позволило французским войскам преградить Инкерманский мост и укрепить плато. Несмотря на холодную погоду, французы работали целыми неделями с величайшим усердием, чтобы запереть ущелья, по которым русские поднялись на плато. Система редутов и батарей на Сапун-горе была также расширена. Преграждение Инкерманского моста было, бесспорно, выгодно союзникам: благодаря этому Севастополь оказался блокированным на всей южной стороне. Почти все остальные работы Бургойн объявил излишней затратой сил.

Постепенно в лагере союзников убеждались, что русские под Инкерманом также страшно пострадали. Бургойн предполагал, что они не предпримут так легко новую атаку. И действительно, Канробер и Раглан до некоторой степени походили на того борца у Демосфена, который прикрывал левой рукой место, по которому только что нанес ему удар кулак противника.

Теперь уже не подлежало сомнению, что союзников под Севастополем ожидала зимняя кампания. Союзники высадились без плана и прямо пошли вперед. Никто не сомневался в том (по крайней мере

---

[1] 32 батальона, упомянутые мною выше, и выделенные штуцерные, которые были сведены в особые батальоны. — *Прим. авт.*

[2] По этому расчету в 34 русских батальонах уцелело очень мало, но мы уже могли убедиться в том, насколько вообще можно верить Кинглеку, несмотря на выданную ему Даниэльсом аттестацию в обстоятельности.

[3] Из стихотворения «Der Reiter und der Bodensee» (Schwab), в котором рассказывается о всаднике, проскакавшем по тонкому льду, занесенному снегом, через Боденское озеро. Когда ему сообщили о той опасности, которая угрожала ему, то он со страха умер.

в обществе), что Севастополь, этот открытый город, будет взят, примерно, в 4 недели.

Бургойн говорит, что если бы кто-нибудь предсказал зимнюю кампанию под Севастополем, то он был бы объявлен пессимистом. Тем сильнее был пессимизм теперь. Ни французы, ни англичане не хотели признаваться первыми, что они потеряли веру во взятие Севастополя, но каждый из них ясно видел безверие другого. Эта моральная депрессия была понятна. Союзникам приходилось разрешать такие задачи, какие военное искусство еще никогда не ставило перед своими адептами.

Большая армия стояла на участке, говорит Кинглек, едва ли равном по площади латифундии иного английского лорда (схема 6). Тут ей предстояло провести русскую зиму. Единственной базой ее являлось море. На суше ничего нельзя было получить. Херсонес Таврический, — так называлась местность, где стояли союзники, — был беден водой и потому имел лишь скудную растительность. Вообще Южный Крым, как уже упоминалось, очень плодороден, особенно по части фуража [1], но попытки союзников произвести фуражировки в Байдарской долине, а также с помощью своего флота у Ялты, Ливадии и пр. (схема 4) оказывались тщетными. Численно превосходная русская кавалерия вынуждала фуражиров, не выполнив своего дела, отходить назад или же опять садиться на суда. Казаки были отлично приспособлены к тому, чтобы мешать противнику в использовании средств страны. В бой они не вступали и вообще они не были подготовлены для атак. Наоборот, союзная кавалерия, даже так называемая легкая, предназначалась только для атак в сражениях (Schlachtenkavallerie). В то время в Англии и Франции еще мало знали о второстепенных функциях конницы.

Две трети Северного Крыма представляют степь, чрезвычайно пригодную для крупного скотоводства. Татары имели тут огромные стада овец и крупного рогатого скота. Союзники оставили в Евпатории гарнизон, а именно турок, которые завязали сношения со своими единоверцами-татарами. За добровольную поставку скота была обещана высокая плата. Это увенчалось успехом. Тысячи татар со своими стадами перешли в район города, где открылась бойкая торговля скотом.

Однако, когда Меньшиков получил подкрепления также и в кавалерии, этот источник снабжения союзников вскоре закрылся. Уланы и гусары блокировали Евпаторию, отбили у пастухов вблизи города 10 000 голов скота и прервали всякую торговлю и сношения Евпатории с позади лежащей местностью.

При таких условиях союзникам пришлось обходиться исключительно подвозом по морю. Еще несколько десятилетий назад такая база была бы непригодной; только изобретение парохода сделало возможной Крымскую войну. Правда, пар не оттеснил еще паруса на задний план так сильно, как в настоящее время, и такой груз, как фураж, отправлялся только на парусных судах. Но последние, дойдя до Константинополя на парусах, могли далее следовать только с помощью буксирных пароходов, так как Черное море зимой не было пригодно для парусного судоходства.

---

[1] Продуктов, нужных для войск, на южном берегу Крыма не было, и как раз меньше всего фуража.

Это море, как и в древности, все еще внушало страх морякам. Союзники предвидели опасные нарушения морского сообщения вследствие продолжительных густых туманов. Уже осенью Черное море было так беспокойно, что из транспортов лошадей и убойного скота, посылаемых союзной армии на парусных судах, третья часть животных прибывала мертвыми.

По этой неверной базе [1] армии нужно было подвозить решительно все, в чем она нуждалась в продолжение русской зимы: продовольствие, одежду, топливо, лагерные принадлежности, боевые припасы, снаряжение, медицинские средства и вообще все военное снабжение в самом широком смысле этого слова.

Можно было предвидеть, что в юношескую эпоху пароходства наличный тоннаж окажется очень ограниченным и что могут наступить катастрофические перебои в подвозе, если только своевременно не будет установлена какая-то система. Вообще при разрешении этой новой, неожиданно возникшей страшной проблемы заморской позиционной войны организация тыла приобретала большее значение, чем когда-либо.

Однако, нельзя сказать, чтобы Канробер и Раглан очень торопили отечественные власти. Является вопросом, могло ли это много помочь при необычайно трудных задачах, неожиданно поставленных перед военным управлением Франции и Англии, и при отсутствии соответствующего опыта. Оба полководца не принадлежали также к вулканическим натурам, беспокойным людям, заставляющим встряхнуться. Дела были сильнее их.

Их предусмотрительность также не была особенно велика. Вспомним бой под Балаклавой, когда Воронцовское шоссе досталось русским как победный приз. Теперь в распоряжении англичан между их лагерем и Балаклавой осталась одна немощеная дорога через Балаклавский перевал (схема 4). Конечно, ее нужно было замостить, по крайней мере на самых плохих участках. Но Раглан ждал до 6 ноября, пока он кое-что сделал в этом отношении. Только на следующий день после Инкермана (бой под Балаклавой произошел 25 октября) он послал офицера в Константинополь для закупки инструмента, необходимого при постройке шоссе, а именно — молотов для раздробления камня. До прибытия этого инструмента английские турки должны были подвозить камень.

Точно так же лишь после Инкермана Раглан решился вытребовать из Лондона 3 000 палаток вместо имевшихся неудобных.

Критикам он указывал на то, что у него ведь нехватало обоза даже для доставки необходимого продовольствия из Балаклавы в лагерь, вследствие чего армия таяла, как снег. При таких условиях он якобы не хотел напрасно перегружать Балаклаву и выписал палатки лишь тогда, когда уже нельзя было более сомневаться в неизбежности зимнего похода.

Этот довод можно принять во внимание, хотя Раглан и был сам виноват в отсутствии обоза. Но когда он свою медлительность в постройке шоссе оправдывает необходимостью держать перед 5 ноября все силы сосредоточенно, то с ним едва ли можно согласиться. Проект штурма был незрелый — проявление беспомощности. Тот факт, что

[1] Не по базе, а по коммуникационной линии; автор часто смешивает эти два термина. Черное море являлось путем подвоза для союзников.

Раглан ради штурма пренебрег сообщением со своей базой, доказывает, что он допустил такую же ошибку, как и Канробер, отказавший по той же причине дать силы, нужные для укрепления Инкерманского плато и преграждения Инкерманского моста.

Оба полководца строили нижний этаж раньше фундамента. Они внушили себе, что Севастополь должен пасть до зимы, но сделали это не потому (как Меньшиков на р. Альме), чтобы спокойнее выдержать неизбежную опасность, а лишь потому, что у них не было никакого плана. Теперь туман иллюзий рассеялся, и Канробер в смущении сказал: «Мы более не осаждающие, мы — осажденные!»

Понт Эвксинский показал свое мрачное лицо. 14 ноября прошел циклон, от которого погибло 55 кораблей. Потери распределились довольно равномерно между военным и транспортным флотом. Большая часть военного флота стояла на якоре близ устья р. Качи; остаток крейсеровал между рр. Качей и Бельбеком; Балаклавская и Камышевая бухты были отведены для транспортного флота (схема 4). В Балаклаве ураган свирепствовал всего сильнее: 11 кораблей потонули, 7 были повреждены. Погибла масса необходимых военных грузов. Всего чувствительнее была потеря прессованного сена для упряжных животных и шерстяных вещей для солдат английской армии.

Трудно описать страдания раненых и больных, над головами которых были сорваны палатки и бараки и которые теперь беспомощно лежали в бурю под дождем. От колоссальных ливней, против которых не было защиты, сильно пострадало и здоровье способных к службе офицеров и солдат.

В Севастополе буря снесла почти все крыши. Море, даже в глубине, так волновалось, что у одного из потопленных русских судов была сорвана палуба.

Тем более обращают на себя внимание следующие действия русских войск: несмотря на то, что ураган близ Евпатории свирепствовал с такой же силой, как под Севастополем (в Евпаторийской гавани затонули 4 военных и 13 торговых судов), русская кавалерия посреди разбушевавшейся стихии атаковала город (схема 1). Это были 22 эскадрона улан и 3 сотни казаков с конной артиллерией.

Понятно, русские без пехоты не могли взять Евпаторию; атака была лишь героическим жестом. Несмотря на это, она имела военное значение. Союзники начали опасаться за Евпаторию. Они укрепили город и, следовательно, вынуждены были послать туда рабочие силы как для укрепления контрвалационной линии.

Но бесконечно полезнее для русских было впечатление, произведенное этим кавалерийским набегом на настроение собственной армии. Они чувствовали себя, как гипербореи [1]. От внимания русских не ускользнуло, что помимо ужасного 14 ноября неприятель с каждым днем поздней осени все больше страдал от климата страны. Подавленное настроение, вызванное Инкерманом, исчезло. Солдаты говорили: «Если Меньшиков не справится, царь пришлет генералов Декабрикова и Январикова; они уже сделают свое дело».

[1] По сказаниям эллинов — мифический народ, живший где-то на крайнем севере.

Глава III

Зима под Севастополем и англо-французский спор о плане операций

К числу новых проблем, с которыми столкнулись полководцы этой эпохи, относилась также проблема военных корреспонденций. Уже Веллингтон в Испании страдал от английской свободы печати, но теперь положение значительно ухудшилось. Сначала в английской главной квартире только смеялись, когда газеты сообщали, что брешь под Севастополем (который ведь совсем не имел каменной кладки) с каждым днем становится больше. Но смех пропал, когда печать, против которой нельзя было принимать меры, стала разглашать одну военную тайну за другой. Из нее русские узнали о нужде в английском лагере.

Я напомню о всем том, что выдал Рассель, знаменитый специальный корреспондент газеты «Таймс». Из Лондона телеграммы шли в Берлин, а оттуда — в Варшаву.

Английская пресса была даже столь любезна, что указывала русским пункты, где хранился порох для осадных батарей. Она сообщала им также точную численность отрядов для прикрытия батарей.

Барометр настроений в Вене показывает, как нейтральные страны в то время смотрели на положение в Крыму. В упорной борьбе между руссофобами — или, как, пожалуй, можно сказать, мировыми политиками — и руссофилами последние одержали верх. Императорский указ от 22 октября о мобилизации третьей армии против России был отменен 21 ноября. В Вене ограничились двумя готовыми к войне австрийскими армиями на русской границе.

Зима, которую союзникам пришлось пережить под Севастополем, была сурова, хотя и не из самых суровых. Ноябрь и декабрь не были холодны, но очень дождливы,— следовательно, особенно нездоровы для войск, которые лишь постепенно получали подходящие палатки и бараки; впрочем большинство людей всегда несло службу в траншеях. Помещений было так мало, что большая часть армии бивакировала всю зиму. Солдаты прятались, как могли: одни в расщелинах скал, другие устраивали себе норы.

В окопах французы проводили по 12—24 часа под дождем, с мокрыми ногами. Солдаты требовали выдачи деревянных башмаков (sabot). Канробер заказал 50 000 пар, но потребность войск была удовлетворена только в феврале, когда уже было почти поздно.

Англичане должны были проводить в окопах еще больше времени, чем французы, так как им приходилось занимать половину всей совокупности укреплений, несмотря на то, что по численности они далеко уступали своим союзникам. Мокрые ноги людей распухали. Обувь была узка и настолько неэластична, что не растягивалась. Нужно было разрезать башмаки, чтобы их надеть. Пехота с завистью смотрела на широкие и длинные казенные сапоги артиллеристов. Она также должна была получить их, и это было для нее жизненно необходимо, но в конце января сапоги все еще находились в пути.

Перед походом Раглан запросил о климатических условиях Крыма одного англичанина, бывшего долгое время консулом в одном из крымских городов. Тот ответил Раглану, что ему непонятно, как западноевропейцы хотят вести там войну зимой, когда даже местные жители неизбежно погибают, если не принимают своевременно мер защиты от холода.

Однако, теперь, вследствие плохой организации похода, союзников захватил уже период холодов, и они должны были выдержать их во что бы то ни стало.

В конце 1854 г. сырая погода усилилась: целыми днями шли проливные дожди. С нового года начался снегопад, продолжавшийся почти весь январь. В самых защищенных местах Херсонеса Таврического снег лежал слоем в 1,5 фута (0,5 м). Удалить его из окопов стоило огромных усилий и жертв. Последовал самый резкий мороз с ветрами, от которых кровь застывала в жилах,— с ураганами и метелями, продолжавшимися до 30 часов. В книге Ниеля говорится: «Еще немного холоднее,— и в одну из ночей мог бы потибнуть весь гарнизон окопов, потому что наши несчастные солдаты были осуждены на неподвижность и чувствовали, как их ноги окоченевают без возможности двигаться для согревания».

Скудная растительность Херсонеса Таврического почти не доставляла топлива. После 24 час., проведенных в ледяной грязи окопов, солдаты часто не имели огня на квартирах. Последствием были многочисленные и тяжелые обморожения. В январе под Севастополем находились 75 000 французов, среди которых только в этом одном месяце было не менее 2 500 случаев обморожений. Из них треть имела смертельный исход; остальные почти без исключения привели к ампутациям.

В течение всей мировой военной истории никогда еще не ставился вопрос, как следует обеспечивать армию от гибели при подобных условиях. Аналогия с 1812 г. тут не подходит: тогда происходила маневренная война, а в 1854 г. была позиционная война. Своего высшего развития война 1812 г. достигла не в зимнем, а в осеннем походе; переход через Березину произошел уже в конце ноября. Между тем в 1854 г. союзники простояли две зимы на Херсонесе Таврическом. Зато союзная армия была гораздо меньше наполеоновской.

Со времени открытия пара море является хорошей базой [1]. Следовательно, проблема сохранения обеих армий была разрешима, хотя ее разрешение и должно было обойтись дорого. При этом английское военное управление проявило гораздо меньше гибкости, чем французское. Это объяснялось глубокими историческими причинами. Во Франции уже со времени Людовика XIV существовало современное военное управление, при котором все вопросы снабжения сосредоточивались в руках военного министра. Напротив, в английской армии целый ряд властей действовал параллельно, мешая друг другу; не было военного министра, которому стоило лишь нажать пуговку, чтобы привести в движение весь механизм.

Однако, и парижскому военному министерству нехватало опыта, и поэтому сначала дела шли плохо. Труднее всего был подвоз фуража. Сотни парусных судов с фуражом, не имея возможности использовать свои паруса на Черном море, стояли в Босфоре, в то время как

[1] Не базой, а коммуникацией.

нужные буксирные пароходы получали другое назначение. При таких условиях животные в Крыму не могли получать достаточное питание; были дни, когда корм совершенно не выдавался. Чем больше упряжных животных падало от голода, тем меньше фуража подвозилось из Камышевой бухты для животных, оставшихся в живых, и тем чаще приходилось их запрягать, немотря на упадок сил. А между тем на немощеных размокших дорогах для перевозки малейшего груза требовалась двойная запряжка. Порой сено в Камышевой бухте портилось потому, что упряжные животные для его доставки погибали от бескормицы под Севастополем.

Все эти причины привели к уничтожению половины обозных животных, тем более что к голоду присоединились сырость и холод, особенно гибельно влиявшие по ночам. Только лошади из Африки и мулы удивительно стойко сопротивлялись морозу, голоду и лишениям.

Войска, находившиеся в таких жестоких климатических условиях, нуждались в особо хорошем питании, однако, долгое время происходило как раз обратное. Французский солдат не получал регулярно даже хлеба, а имел вместо него по большей части лишь сухари с червями, сало с такой же нежелательной приправой и изредка небольшое количество сильно разбавленного вина. Организовались банды для ловли отбившихся лошадей, чтобы хоть таким способом добыть кусок мяса.

Неизбежным следствием подобного довольствия явилась цынга. Ею болело не менее 75 чел. из каждой 1 000 французов в Крыму.

Еще большие опустошения среди французов производили легочные болезни, тиф и дизентерия. Свирепствовавшая тогда в Европе азиатская холера сильно затрудняла заготовку теплой одежды для Крыма. Вообще производительность текстильной промышленности по сравнению с нашим временем была незначительна. В подобной обстановке очень много французов умерло от воспаления легких и других болезней дыхательных органов.

Так как в то время еще ничего не знали о бактериологии и методической дезинфекции, то без особых объяснений понятно широкое распространение среди скученных масс желудочно-кишечных заболеваний. Однако, и при тогдашнем состоянии медицинской науки можно было кое-что сделать для здоровья армии, если бы подготовились к требованиям позиционной войны. Французский санитарный корпус, бывший тогда, пожалуй, лучшим в мире, был настолько выбит из колеи, что не имел на всем Херсонесе Таврическом ни одной прачечной.

В своих воспоминаниях Канробер рассказывает, что легочные больные, а также цынготные и тифозные являлись преимущественно жертвами административных недостатков и производили на него худшее впечатление, чем наиболее искалеченные. Они умирали в таком огромном количестве, что их приходилось хоронить по ночам, чтобы не подрывать духа армии.

В Крымскую войну от болезней умирало несравненно больше, чем от оружия врага. Во время названной войны Франция отправила на кораблях на восток 310 000 чел.; из них от болезней умерли 85 000, а в боях пало только 10 000.

Ноябрь и декабрь 1854 г. были самыми плохими месяцами для французской армии. Затем наступило некоторое улучшение в снабжении продовольствием. Постепенно прибывали и остальные предметы, в которых нуждалась армия: 60 000 дождевых плащей с капюшонами,

15 000 полушубков, 100 000 фланелевых набрюшников, 50 000 пар деревянных башмаков, о которых я уже упоминал, гамаши, носки, шерстяные перчатки и т. д., а также пригодные палатки и материал для бараков. Но пока все это прибыло, наступила весна, множество людей умерло или превратилось в инвалидов на всю жизнь.

Несмотря на это, французская армия становилась все сильней: благодаря пополнениям и высылке новых войсковых частей она возросла с 42 000 чел. (перед Инкерманским сражением) до 60 000 чел. в феврале 1855 г. К этому нужно еще прибавить 6 000 солдат рабочих частей — род войск, в котором встретилась настоятельная необходимость. Комбинация позиционной войны и осады потребовала участия наемных рабочих и ремесленников, о чем раньше и не думали. Хотя осада и была приостановлена на всю зиму, но удовлетворение жизненных потребностей армии отнимало все время. Русские также имели полное основание беречь боевые припасы, потому что зимой их база была почти непроходима [1] в противоположность хорошей морской базе. Все же артиллерийский бой не затих совершенно; тем нужнее были для союзников ежедневные работы по исправлению окопов и батарей. К этому присоединялась перевозка фашин и туров, заготовлявшихся в Байдарской долине. Вследствие расстройства обозного парка людям приходилось таскать на спине или на руках от Камышевой бухты на батареи — на протяжении почти мили, по непролазной густой грязи — 32-фунтовые ядра и бомбы весом в центнер.

Сверх того требовались рабочие и для содержания в порядке дорог, которые снова утопали в грязи, хотя рабочие войсковые части и вымостили некоторые особенно трудно проходимые участки. К этому следует присоединить постройку лазаретов и магазинов, а также выгрузку и перевозку боевых припасов, продовольствия и всякого иного военного снабжения. Конечно, в данном случае не могло быть и речи о том, чтобы сделать все это руками солдат-рабочих; напротив, вся французская армия должна была беспрерывно двигаться для поддержания своего существования. В среднем солдат мог спать лишь каждую вторую ночь.

Англичане, подобно французам, также получили значительные подкрепления, но от этого они не стали многочисленнее. После Инкерманского сражения английская пехота на Херсонесе Таврическом насчитывала еще 10 000 чел. В течение двух следующих месяцев она получила около 8 000 чел. подкреплений. Ведомость от 10 января показывала, однако, не 17 000—18 000 чел., а менее 12 000 чел. Следовательно, убыль в 4 000 чел., понесенную под Инкерманом, пополнить не удалось. 28 февраля 1855 г. англичан стояло под ружьем 17 000 чел. всех родов войск, тогда как при Инкермане было 18 000.

В начале зимы в Лондоне надеялись выставить в Крыму две новых дивизии, но все пополнения пришлось употребить для старых дивизий; тем не менее оказалось, что армия, высадившаяся в Крыму в сентябре 1854 г. в числе 28 000 чел., начала весенний поход 1855 г. с 17 000 чел.

Короче говоря, английская армия являлась бездонной бочкой: чем больше войск правительство посылало в Крым, тем больше была там

[1] Опять термин «база» употребляется в смысле коммуникационной линии. Кроме того, это и не точно: зимой дороги были непригодны для движения только при оттепели.

убыль от болезней. Многие роты временами насчитывали всего 7—8 чел. Однажды целый батальон участвовал на параде в составе 1 сержанта и 7 рядовых.

Правда, англичане потеряли относительно меньше умерших от болезней, чем французы. У последних умерло от болезней 85 000 из 310 000 чел., т. е. 27%, а у англичан — 19 000 из 100 000 чел.— только 19% [1]. Англичане были более стойкой расой. В отношении заболеваний картина была гораздо менее благоприятна для англичан. Конечно, статистическое сравнение не вполне возможно, так как статистика обеих стран руководствовалась различными методами; во всяком случае англичане, у которых 28 февраля 1855 г. мы нашли 17 000 чел. под ружьем, имели 14 000 чел. амбулаторных и госпитальных больных; у французов соотношение не было столь неблагоприятным.

Мы видели, что еще до наступления холодного времени года англичане снабжались самым недостаточным образом. В английском транспортном флоте и в Балаклаве господствовал сильный беспорядок. Накладные никогда не согласовались, так как в пути, — например, в Мальте или в Константинополе, — направление грузов изменялось без отметки в накладных. На кораблях лежали вперемешку: рис, фураж, белье, палатки, тяжелые орудия. 5 или 6 параллельно действовавших департаментов ссорились при выгрузке. Корабль никогда не был в назначенное время разгружен и готов к отходу, чем еще более обострялся недостаток в тоннаже.

И все же это были лишь второстепенные причины разложения английской армии. Главной болезнью оставался недостаток организованного обоза. Раглан надеялся, что ему пришлют обоз из Англии, но английское военное министерство не сформировало обоза. Нужно думать, что такая проблема была разрешима. Французский обоз, включая полевые госпитали, насчитывал в начале ноября 1854 г. только 1 686 чел. и все же функционировал. Но для обоза нужны были ездовые, умевшие обращаться с животными, ветеринарные врачи, кузнецы и шорники, знающие офицеры, умевшие подбирать для животных подковы, вьючные седла, сбрую и многое другое, без чего не могла функционировать такая сложная машина, как обоз.

После того как Англия отправила на восток армию в 30 000 чел. штатного состава, все военные источники были настолько исчерпаны,— по крайней мере по мнению военных властей, — что формирование обоза в Англии представлялось невозможным. В Индии имелся отличный обоз, но тамошняя армия была так слаба, что у нее не решались что-либо взять; для этого было, повидимому, полное основание, что доказал бунт 1857 г. [2]. Поэтому ограничились вызовом нескольких обозных офицеров для службы в Крыму.

Впрочем от отечественного военного управления Раглан ничего не получил для своего обоза, кроме нескольких верблюдов и мулов с острова Мальты с неопытными наемными вожатыми. Неоднократно пытался он добыть крымских татар с их воловыми повозками. Они являлись, и их можно было кое-как употребить в дело, но нельзя было найти контролирующий военный аппарат для того, чтобы обучить и вполне использовать этот сырой элемент.

---

[1] У англичан потери в боях составляли 3 000, а у французов 10 000 чел. — *Прим. авт.*

[2] Известное восстание сипаев в 1857—1859 гг.

Читатель припомнит, что Раглан с помощью английских турок начал с грехом пополам мостить дорогу через Балаклавский перевал. Но силы недоедавших и полураздетых людей были настолько понижены, что они ничего не могли сделать. Получить рабочих с Леванта [1] было трудно, потому что английские работодатели, несмотря на щедро разбрасываемые ими деньги, имели справедливую репутацию плохих организаторов. Половина ввозимых рабочих умирала. Для зарывания их трупов на достаточную глубину, чтобы они не заражали воздуха, требовалось больше рабочей силы, чем армия получала от этих работников.

Дорога через Балаклавский перевал бесповоротно потрузилась в грязь. Сначала ею еще могли пользоваться повозки с очень сильной запряжкой, затем она вообще стала недоступной для колесного транспорта, и можно было пользоваться только вьючными лошадьми и мулами. Каждое животное переносило на спине треть того, что оно могло бы тянуть в повозке.

Понятно, что на крутой неисправленной балаклавской дороге гибло еще больше животных, чем на ровной исправленной дороге, шедшей от Камышевой бухты. Бургойн с грустью писал домой: «Наши транспортные средства почти уничтожены; французский обоз работает, как пчелиный рой».

Взамен павших животных Раглан мог подвезти сколько угодно других. Ведь в одной Болгарии он имел 5 000—6 000 вьючных лошадей, от которых он отказался за недостатком обученных ездовых. Но что ему было делать с лошадьми, когда их нечем было кормить? Его упряжные животные глодали дерево, грызли друг у друга брезенты попоны и даже хвосты. Вместо прессованного сена, уничтоженного сильной бурей, Раглан заказал восточный корм для лошадей — соломенную резку, некоторое количество которой и было доставлено. Но животные умирали с голоду и при наличии фуража, так как горсть английских солдат, задыхавшаяся под тяжестью службы гораздо больше, чем французы, не могла выделить рабочую силу для выгрузки фуража с кораблей.

Строительный материал также лежал в Балаклаве в изобилии, но войска не получали бараков, потому что корабельные грузы нельзя было ни выгрузить на берег, ни перевезти дальше. Таким образом, приостановился всякий жизненно необходимый подвоз, вследствие чего санитарное состояние англичан оказалось подорванным еще сильнее, чем у французов. Только от цынги англичане страдали меньше французов, — может быть, по той причине, что они могли использовать апельсины с острова Мальты, которые доставлялись на фронт довольно исправно.

Наиболее губительным для англичан попрежнему являлось неравномерное разделение служебных тягот между обеими армиями. Одну половину союзного наступательного фронта должны были прикрывать 17 000 англичан, а другую — 66 000 французов. Эта несоразмерность привела к страшному переутомлению английских солдат. Последние должны были выполнять, примерно, тройное количество работы по сравнению с тем, что от них нормально требовалось в поле. Если француз отдыхал по крайней мере каждую вторую ночь, то англичанин — только одну из 5 или 6 ночей. Такая работа почти пре-

[1] Левант — берега Малой Азии, Сирии и Египта.

восходила человеческие силы. Переутомленные, изголодавшиеся, окоченевшие люди валились при самых легких земляных работах. Всю английскую армию охватило чувство полнейшей апатии. Военная музыка перестала играть. Бургойн говорит, что он месяцами не видел улыбки на лице британского солдата. Но ни один из них не жаловался.

Солдаты искали утешения в своем национальном пороке — пьянстве, с которым трудно было бороться при повышенном жаловании и большом количестве рекрут. Люди продавали столь драгоценный фураж французским маркитанткам за водку. Они продавали за водку даже свое шерстяное белье, вновь изготовленное после гибели судов в большую бурю. Находясь в морозные русские зимние ночи в окопах, они прибегали к отчаянным средствам, чтобы добыть топливо. Регулярно каждую ночь солдаты вырывали фашины и туры из одежды амбразур и бруствера. При случае они принимались даже за платформы. В огонь попадали и рукоятки инструментов, особенно кирок. Начальник дивизии сэр Рихард Энгланд просил Раглана дать войскам больше кирок для выкорчевывания кустарника. «Кирки — это топливо», сказал он Раглану. Последний саркастически ответил: «Да! Так мне и сообщают из окопов».

В армиях всех народов сон на посту рассматривается как особенно тяжелое воинское преступление. Но англичане, измученные лишениями, иногда по 5 ночей не попадали в постель; понятно, слово «постель» употребляется иносказательно, так как в палатках и бараках имелось только самое примитивное ложе, находившееся в близком соприкосновении с сырым полом. Привлекать к военно-судебной ответственности людей, которые в течение всей зимы должны были это выдерживать, за то, что они были найдены спящими на посту, представлялось военачальникам невозможным.

Канробер писал военному министру: «Английская армия погибает... Я не знаю, когда должен окончиться этот род чахотки, прогрессивно подрывающей храбрые войска; нельзя скрывать, что происхождение ее относится к первым маршам, — очень медленным маршам, сделанным в этой стране... Английская армия пропадает, и все-таки я не только все делю с ней, но из трех частей две отдаю ей».

Последнее утверждение Канробера представляло собой сильное преувеличение. Верно, что Канробер делился с англичанами многими предметами снабжения: он ссужал им упряжных лошадей, носилки, съестные припасы, иначе разложение в английском лагере пошло бы еще дальше. Но что касается самого главного — разделения труда, то каждую уступку приходилось вырывать у Канробера только с боем. Между прочим он в конце концов согласился с тем, чтобы две французские бригады — одна на Инкерманском плато, а другая на местности впереди Балаклавы — заняли позиции рядом с англичанами, облегчая им прикрытие контрвалационной линии или — вернее сказать — возможность этого. Когда в результате морозов подъемы Балаклавского перевала сделались настолько непроезжими, что требовалось 10 лошадей для умеренно нагруженной повозки, то тысячи французов таскали на спине или на руках ядра весом в центнер на протяжении 12—14 км от Балаклавы до английских батарей. Все это было очень полезно, даже совершенно необходимо для поддержки колеблющихся англичан, но все-таки не имело решающего значения. Решающим было бы согласие Канробера на просьбу Раглана, чтобы фран-

цузы сменяли англичан в окопах каждую третью ночь. Но Канробер в этом отказал. Он находил — и не без оснований, — что его людей умерло и погибло достаточно. Пусть англичане несут последствия своего плохого снаряжения!

Объективных оснований не было, но психологически было вполне понятно, что англичане ожидали большего от дружественного отношения союзников-французов. Их раздражение было тем сильнее, что они ничего не могли сделать. Предложение, сделанное Рагланом своему правительству о том, чтобы употребить в качестве средства давления английские пароходы, перевозившие французские подкрепления, являлось лишь выражением его беспомощности. Оно могло повредить самому Раглану, и в Лондоне остерегались поступить таким образом.

Пассивный героизм представляет воинскую добродетель, более гармонирующую с английским и русским национальными характерами, чем с французским. Долгие месяцы лежать и гнить перед неприятельской позицией — это было требованием, подвергавшим сильному испытанию субординацию и дисциплину французской армии. Канробер вполне понимал это, и когда с наступлением морозов почва сделалась проходимой, он решил посредством наступления вызвать в своих войсках другие мысли. Предполагалось атаковать превосходными силами русских впереди Балаклавы (схема 5), с тем чтобы освободить Воронцовское шоссе. Для этого были назначены 30 батальонов со вспомогательными войсками; все это были одни французы, за исключением двух турецких и трех английских батальонов. Последние были расположены близ Балаклавы и не пострадали от переутомления и нужды.

Однако, когда войска в ночь с 19 на 20 февраля выступили, чтобы через Балаклавский перевал спуститься на равнину, вдруг поднялась страшная метель с самым резким северным ветром. При таких условиях Канробер, не надеясь, что его войска морально и физически выдержат операцию, отказался от наступления.

За несколько дней до этого 20 000 русских атаковали 22 000 турок, прибывших из Болгарии в Евпаторию (схема 1) и расположившихся тут. На этот раз это была не простая демонстрация, как в день большой бури, а русские действительно рассчитывали взять Евпаторию штурмом. По крайней мере царь надеялся на это и гнал сопротивлявшегося Меньшикова вперед. И все-таки безумно смелая атака укрепленного города, который также защищался союзными военными судами, была отбита без особого труда. Турки не преследовали русских, но последние понесли чувствительные потери при штурме, а еще дороже обошлось им отступление [1]. Не дойдя до своих квартир, они попали в метель, помешавшую нападению французов на Воронцовское шоссе. У русских не было ни палаток, ни одеял, а были только изношенные военные шинели. При этом от непогоды погибли 600—1 000 раненых, которых они взяли с собой, и сверх того много кавалерийских и артиллерийских лошадей.

Бургойн, который охотно узнал бы точные детали этой катастрофы, писал: «Вот если бы «Таймс» издавался в Петербурге!» Отозвание

[1] Под Евпаторией русскими войсками командовал известный своей храбростью ген. Хрулев, ручавшийся за успех штурма. Подойдя ко рву, русская пехота увидела, что он наполнен водой, штурмовые же лестницы оказались слишком короткими. По официальным сведениям, русские потеряли под Евпаторией убитыми и ранеными 42 офицера и 726 нижних чинов.

Меньшикова доказало, что эта катастрофа была чрезвычайно чувствительна для царя. Можно было допустить поражение русского полководца французами и англичанами, но не турками. Меньшиков храбро сражался на р. Альме, но вообще не проявил значительных способностей. Его преемником был Михаил Горчаков, брат Петра Горчакова, известного нам по Инкерману [1].

После частичного разоружения Австрии Россия передвинула в Крым новые подкрепления. В начале февраля в Севастополе и его окрестностях находилось 135 000 русских; против них стояли 146 000 союзников. Русские перенесли зиму много лучше, чем неприятель, хотя у них не было ни палаток, ни одеял и вообще никакой теплой одежды.

В Севастополе резервы располагались в жилых строениях, а главные русские силы стояли лагерем не на пустынном Херсонесе Таврическом, а в лесах [2] к северо-востоку от него, где климат был благоприятнее [3], хотя там едва ли имелись другие поселения, кроме деревушек и хижин угольщиков.

Наверное русское интендантство обладало менее квалифицированными и честными работниками, чем французское, но его достижения в Крымскую войну обычно недооцениваются даже такими знатоками, как Т. Бернгарди [4]. Вообще русские войска не терпели нужды. Степи Северного Крыма давали достаточно скота для продовольствия армии. Солдаты получали ежедневно фунт мяса и две чарки водки.

В общем продовольствие русских было достаточное и здоровое. В частности от цынги они страдали мало. Говорят, что этому способствовала и регулярная выдача хрена, которого было доставлено в Севастополь 960 ц.

Однако, потребность армии в убойном скоте затрудняла пополнение волов, которые вместе с лошадьми употреблялись для запряжки повозок. На непроезжих дорогах оба вида животных быстро приходили в негодность. Чума произвела большие опустошения в конском составе. Фураж едва можно было доставать.

Несмотря на это, русскому интендантству удалось после временного развала опять укомплектовать обоз из 6 000 повозок. Разумеется, союзники знали, кому Россия обязана бесценной мощью этого подвижного магазина. Это были цветущие немецкие колонии в Южной России, которые доставляли пополнение лошадьми и вообще имели величайшее значение как база Крымской армии. Тотлебен в качестве настоящего русского (echter Russe) умышленно игнорирует эти заслуги [5]; напро-

[1] Новый главнокомандующий был человек неглупый, трудолюбивый и лично храбрый, но, прослужив 22 года начальником штаба у деспотического фельдмаршала Паскевича, он успел утратить всякую самостоятельность.

[2] В действительности — в кустарнике.

[3] Автор говорит «das Klima»; это выражение неудачно, так как в нескольких километрах климат, очевидно, был тот же.

[4] Сам генерал-интендант армии Затлер был честным, предусмотрительным и энергичным человеком; так же безупречен был и генерал-адъютант Анненков, на которого с января 1855 г. было возложено главное руководство доставкой всего нужного для Крымской армии. Но среди чиновников тогдашнего интендантства процветало казнокрадство, что выяснено расследованиями и судебными делами после войны.

[5] Звание настоящего русского, в смысле «квасного патриота», к Тотлебену совершенно не подходит. Он родился в Митаве в чисто немецкой семье, провел юность до поступления в Главное военно-инженерное училище в Остзейском крае и с акцентом говорил по-русски. Ему обыкновенно ставили в вину, что на службе он протежировал немцам.

тив, он выдвигает пользу южнорусских военных поселений как базы для Крымской армии. Бернгарди в своей «Истории России» наглядно описал нам это неудавшееся творение Александра I. В украинских казачьих колониях действительно было много лошадей, но в общем они располагали ничтожными ресурсами по сравнению с тем, что могли дать немецкие деревни.

О том, какой престиж приобрели себе русские в эту зиму, видно из следующего выражения Бургойна: «Мы не имеем права презирать наших противников... Они хорошо снаряжены, хорошо обучены как солдаты, храбры и даже фанатичны».

Так как союзникам приходилось носить снаряды на батареи на руках, то они не могли начинать артиллерийский бой. Русские, беспрепятственно работавшие над своими укреплениями, без труда подвозили материал по мощеным улицам города. Благодаря энергии Тотлебена работы приняли беспримерные размеры. Каждый день вырастали новые батареи.

Когда в конце января 1855 г. ген. Ниель приехал в Крым будто бы для того, чтобы ознакомить Наполеона с обстановкой, он сразу понял, что тут дело шло не об осаде, а о новой форме войны, возникшей вследствие неспособности англичан маневрировать. Но он совершенно не желал, чтобы французы, основываясь на достигнутых результатах, сделали попытку прорвать или вдавить неприятельскую позицию. Он высказал мнение, что русская армия, вероятно, столь же сильна, как союзная. Следовательно, Севастополь можно штурмовать, лишь дав кровопролитное сражение. Исход последнего нельзя предсказать, но оно ни в коем случае не может привести к уничтожению русской армии. Напротив, она будет только оттеснена за рейд и там удержится между фортами.

Ввиду этого Ниель со всей энергией настаивал на том, чтобы союзная армия была разделена и чтобы с одной половиной ее была начата маневренная война. Нужно было угрожать сообщениям русской армии с Симферополем, для чего 50 000 союзников должны были наступать на хутор Мекензиев (схема 4). Тогда неприятель принял бы сражение в открытом поле и проиграл бы его. После этого в Севастополе уже не оставалось бы армии, а только гарнизон, который можно было бы обложить со всех сторон и без труда одолеть.

Во французской и английской главных квартирах знали, что Ниель являлся выразителем мнения Наполеона и что он должен был не только информировать Наполеона, но прежде всего инструктировать Канробера.

Конечно, Ниель не имел на это формального полномочия, но Канробер, а также Раглан были в курсе дела. В Константинополе французское военное министерство организовало новую крупную базу; туда перевозились боевые припасы, продовольствие и всякого рода предметы военного снаряжения. Воинские эшелоны непрерывно следовали из Тулона и Марселя. На театр войны была также отправлена одна дивизия императорской гвардии. Под Севастополем ходили даже слухи, что в Крым приедет сам Наполеон, чтобы ускорить ход операции.

Действительно, император носился с этой мыслью. Огромное ослабление полков от болезней ужасало его; не менее содрогался он при мысли о кровавых потерях в случае фронтальной атаки.

А между тем все эти жертвы даже не обещали разгрома неприятельской армии!

Чтобы оправдаться перед общественным мнением и показать различие между французской и английской стратегией, Наполеон велел опубликовать в «Moniteur»[1] инструкции, данные им Сент-Арно относительно высадки в Феодосии и маневренной войны. Теперь английские частные начальники изменили свое отношение к идее маневренной войны. Подобно своим французским товарищам, они также стали ожидать от нее скорых и решительных результатов, тогда как в успех фронтальной атаки на Севастополь они верили уже, быть может, даже меньше, чем Ниель. Но на Раглане оправдались слова поэта: «Мгновенья, что пропустишь, вся вечность не вернет». Раглан мог создать обоз в Болгарии, но он хотел сделать это, подражая полководцу, которого он называл величайшим человеком века. Веллингтон отправился в Испанию без обоза и сформировал его там во время похода. Однако, если Веллингтон и был весьма значительным человеком, то веллингтонизм являлся такой же окаменелостью, как лютеранство по отношению к Лютеру.

В военной истории все находится в беспрерывном движении. То, что оказалось возможным в Испании, не являлось осуществимым в Крыму. Тут Раглану пришлось бы брать у своей умирающей армии офицеров, унтерофицеров и рядовых для организации нового рода войск.

Ниель убеждал англичан в том, что они переоценивают требуемые от них усилия. Армия, которая должна была оперировать против хутора Мекензиева, нуждалась в продовольствии всего на двое суток. Для этого требовалось только 220 повозок, 1 100 упряжных лошадей и 3 500 мулов,— следовательно, около 5 000 животных на 50 000 чел., из коих 6 000 кавалеристов. Союзный паровой флот представлял отличную базу. Ведь русские проходят гораздо большие расстояния, опираясь лишь на свой подвижный магазин!

Раглан не мог все это отрицать, но пригодный для дела обоз состоял не только из лошадей и повозок; он нуждался также в организованной, дисциплинированной, обученной и целесообразно снаряженной войсковой части. Так как англичане попрежнему не были в состоянии удовлетворить этим требованиям маневренной войны, то они настояли наперекор Ниелю и стоявшему за его спиной императору на фронтальной атаке русской позиции. Однако, они желали изменить план атаки. Раглан указал Канробер, что ключом Севастополя является не Мачтовый бастион (IV бастион), а Малахов курган (схема 6). До Инкерманского сражения последний нельзя было атаковать, потому что тогда Инкерманское плато находилось частью в руках русских. Теперь же после заграждения Инкерманского моста можно было свободно выбрать пункт атаки. Вследствие этого французы могли бы выставить часть своих постоянно растущих войсковых масс правее английского осадного корпуса, с тем чтобы произвести тут главную атаку.

Канробер отвечал, что тогда французской армии придется, так сказать, предпринять новую осаду в 9 км от пункта, где сосредоточен весь ее материал. Но французы возражали не особенно энергично: они сами держались мнения, что с точки зрения осадной техники выгоднее

[1] Официальный журнал французского правительства.

направить главный удар не против старого города, а против Корабельной стороны. Совокупность укреплений перед старым городом была расположена на возвышенной местности, так что русские могли эшелонировать свои батареи ярусами; напротив, за Малаховым курганом местность понижалась к морю. Вследствие этого и по мнению французов тут находился наивыгоднейший пункт атаки. Авторитетный для них специалист Ниель был того же мнения. Он говорил, что если одна армия будет вести маневренную войну, то другая должна атаковать Малахов курган.

При таких условиях полторы французских дивизии стали 10 февраля 1855 г. лагерем правее англичан, и первая параллель против Малахова кургана была заложена.

Тотлебен не хотел пассивно выжидать подготовки этой новой атаки на свои укрепления. Выдвинувшись на впереди лежащую местность, он построил восточнее Килен-балки Селенгинский редут (схема 7). Для защиты его были назначены Селенгинский и Волынский полки.

Из Селенгинского редута могла обстреливаться местность впереди Малахова кургана. Штурм последнего едва ли был возможен, пока русские удерживали новую укрепленную позицию по ту сторону Килен-балки. Но решение штурмовать Селенгинский редут и там утвердиться очень затрудняло Канробера.

Уже в течение нескольких месяцев Тотлебен с величайшей энергией переносил оборону севастопольских укреплений на впереди лежащую местность. Крепостная война, как она велась со времен Вобана, не следовала этому методу. Наиболее известным исключением является оборона Кольберга Гнейзенау в 1807 г.[1].

Неслыханные размеры крепостной войны под Севастополем прямотаки потребовали от Тотлебена последовать примеру Гнейзенау. За Тотлебеном стояла целая армия. Расстроенные боем полки отводились в Севастополь и располагались на отдых в лесах близ хутора Мекензиева; на смену им выдвигались свежие.

Местность перед русскими укреплениями в общем поднималась к неприятельским траншеям. Вследствие этого Тотлебен не мог применить полевые укрепления над поверхностью земли, как это до сих пор, не только в крепостной войне, но и вообще было принято. Под Силистрией в 1853 г. он видел, что турецкая пехота при обороне местности перед крепостью зарывалась в землю. Тотлебен заимствовал эту тактику, но внес в нее свой творческий дух. Как показывает история, отличительной чертой гения является то, что его действия способны к развитию. Тотлебен сделался творцом стрелкового окопа.

Странно, что стрелковый окоп, получивший всемирноисторическое значение в связи с прогрессом оружейной техники, под Севастополем послужил на пользу отсталому ружью русских. Припомним, что гладкоствольное ружье могло стрелять только на 300 шагов. На эту дистанцию от французских траншей Тотлебен и выдвинул свои стрелковые окопы, заняв их тысячами стрелков. Последние причиняли осаждавшим чувствительные потери — особенно при их работах над новыми батареями и траншеями. Сильная артиллерия крепости так хорошо прикрывала эти стрелковые окопы, что их можно было взять лишь с трудом.

[1] Ср. Delbrück, Das Leben des Feldmarschals Grafen Neidhardt von Gneisenau, 3-е изд., I, 72. — *Прим. авт.*

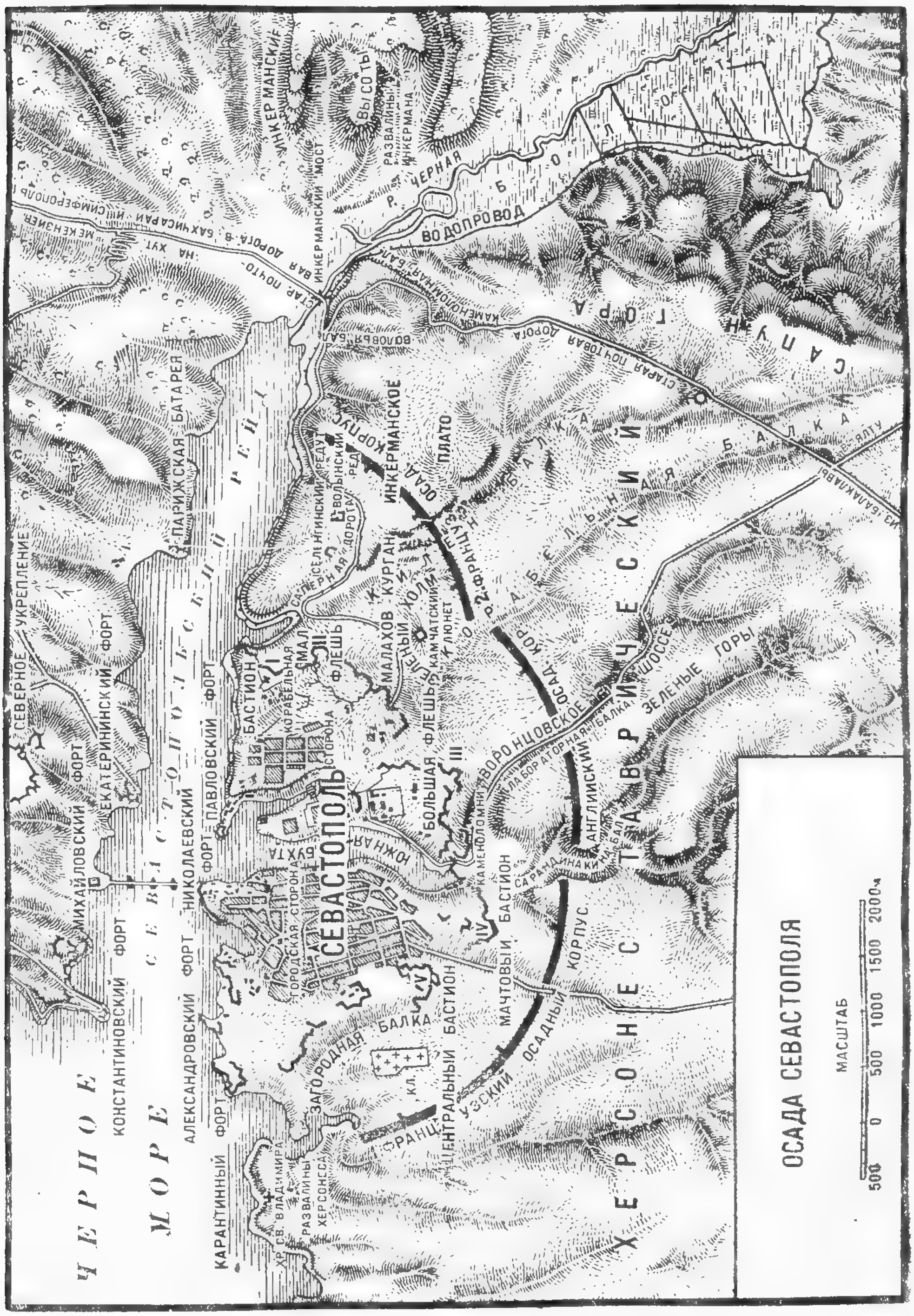

ОСАДА СЕВАСТОПОЛЯ
МАСШТАБ
500 0 500 1000 1500 2000 м
ЧЕРНОЕ МОРЕ
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ РЕЙД
СЕВАСТОПОЛЬ
ХЕРСОНЕССКИЙ
ТАВРИЧЕСКИЙ
САПУН ГОРА
СЕВЕРНОЕ УКРЕПЛЕНИЕ
МИХАЙЛОВСКИЙ ФОРТ
ЕКАТЕРИНИНСКИЙ ФОРТ
КОНСТАНТИНОВСКИЙ ФОРТ
АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ФОРТ
НИКОЛАЕВСКИЙ ФОРТ
ПАВЛОВСКИЙ ФОРТ
КАРАНТИННЫЙ ФОРТ
ПАРИЖСКАЯ БАТАРЕЯ
ГОРОДСКАЯ СТОРОНА
КОРАБЕЛЬНАЯ СТОРОНА
ЮЖНАЯ БУХТА
ЗАГОРОДНАЯ БАЛКА
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАСТИОН
МАЧТОВЫЙ БАСТИОН
КАМЕНОЛОМНИ БАСТИОН
МАЛАХОВ КУРГАН
ЗЕЛЕНЫЙ ХОЛМ
КАМЧАТСКИЙ ЛЮНЕТ
БОЛЬШАЯ ФЛЕШЬ
ФЛЕШЬ
МАЛ.
СЕЛЕНГИНСКИЙ РЕДУТ
ВОЛЫНСКИЙ РЕД.
САПЕРНАЯ ДОРОГА
ИНКЕРМАНСКОЕ ПЛАТО
ИНКЕРМАНСКИЙ МОСТ
ИНКЕРМАНСКИЕ ВЫСОТЫ
РАЗВАЛИНЫ ИНКЕРМАНА
Р. ЧЕРНАЯ
ВОДОПРОВОД
ВОЛОВЬЯ БАЛ.
КАМЕНОЛОМНАЯ БАЛ.
СТАРАЯ ПОЧТОВАЯ ДОРОГА
СТАР. ПОЧТОВАЯ ДОРОГА В БАХЧИСАРАЙ И СИМФЕРОПОЛЬ
НА ХУТ. МЕКЕНЗИЕВ
КОРАБЕЛЬНАЯ БАЛКА
ЛАБОРАТОРНАЯ БАЛКА
ВОРОНЦОВСКОЕ ШОССЕ
ЗЕЛЕНЫЕ ГОРЫ
АНГЛИЙСКИЙ ОСАД. КОРПУС
ФРАНЦУЗСКИЙ ОСАДНЫЙ КОРПУС
ОСАД. КОРПУС
САРАНДИНАКИНА БАЛКА
В БАЛАКЛАВУ
В ЯЛТУ
ХР. СВ. ВЛАДИМИРА
РАЗВАЛИНЫ ХЕРСОНЕСА
КЛ.
I
II
III
IV
V

Схема 7.

Со все возраставшим раздражением изучал Наполеон списки потерь; он ругал Раглана старой бабой и потерял доверие даже к Канробер у. Охотнее всего он бы его уволил, назначив главнокомандующим Ниеля. Но умный и осторожный военный министр Вальян удержал его. Ниель проводил бы с беспощадной энергией операционный план, принадлежавший ему и Наполеону. Скрытый конфликт между обеими главными квартирами вспыхнул бы тогда открыто и мог бы иметь необозримые военные и политические последствия.

Конечно, можно было сомневаться, является ли Канробер подходящим человеком для занимаемого им поста. Теперь, когда он заложил траншеи перед Малаховым курганом, на что Тотлебен ответил ему Селенгинским редутом, еще яснее обнаружилась его военная и военно-политическая слабость. Всего охотнее Канробер отказался бы совсем от атаки на правом фланге, но он не решился на это из страха перед гневом англичан. При таких условиях он принял только полумеры. В ночь на 24 февраля было приказано штурмовать Селенгинский редут, но не удерживать его, а срыть. Откажется ли тогда Тотлебен окончательно от столь важного участка впереди лежащей местности — это был вопрос, от ответа на который Канробер уклонялся. Прежде всего он выделил слишком слабую штурмовую колонну. Были назначены только 900 зуавов и 450 чел. морской пехоты. Все это предприятие являлось скорее жестом, рассчитанным на англичан, чем серьезным ударом против русских.

Однако, этот жест стоил много французской крови.

До неприятеля дошли одни зуавы; морская пехота заблудилась в ночной темноте. В результате 900 французов атаковали 2 400 русских и были переколоты. Они потеряли 400 нижних чинов и 23 офицера из 25.

Русские также понесли потери в 400 чел., или 16% своего состава. Зуавы были отборным войском и дорого продали свою жизнь.

В Париже, несмотря на войну, жили многие знатные русские. Даже знаменитая княгиня Ливен переселилась в Брюссель только на время. Затем она вернулась в Париж и открыла свой салон, как и до войны. Следовательно, многочисленные нити связывали французские и русские правительственные круги. Так как центр тяжести французских интересов лежал не на востоке, а в Бельгии, на Рейне и в Италии, то Наполеон неохотно вступил в союз с Англией. Он решился на это только потому, что иначе Франция осталась бы изолированной. Русский союз удовлетворял его гораздо больше, если бы он был достижим. Наполеон был все еще склонен к изменению курса. Парижское общество заверяло в этом своих русских гостей, а вся Франция думала, как Париж.

В Петербурге были также хорошо известны разногласия между французской и английской главными квартирами в Крыму. На этом знакомстве основывалась одна военная хитрость севастопольского коменданта Остен-Сакена. Он устроил торжественные похороны павших французов, в которых приняли участие все пленные. Над общей могилой был произведен салют ружейными залпами. Римско-католический священник служил панихиду.

Русский парламентер передал Канроберу письмо коменданта, в котором сообщалось об этой церемонии и воздавалась хвала образцовой храбрости погребенных. Эта стратагема достигла цели. Доверие англичан к лойяльности союзников никогда не было велико. Оно еще

уменьшилось вследствие слишком недостаточной (по английским понятиям) помощи, оказанной Канробером нуждавшейся английской армии. К этому присоединялось сопротивление французов той стратегии, которая единственно отвечала особенностям английской армии; потом — двуличность, проявившаяся в производстве последнего штурма очевидно недостаточными силами, и, наконец, странный жест ген. Остен-Сакена! Английская главная квартира была полна глубоких подозрений.

Подозрительность возросла еще больше, когда Тотлебен, довольный своей победой, выстроил рядом с Селенгинским редутом Волынский редут; после этого французы объявили, что теперь атака Малахова кургана невыполнима и что они ограничатся занятием Зеленого холма для прикрытия с фланга английской атаки на Большую флешь (III бастион). Впрочем они не выполнили и этого. Тотлебен предупредил их на Зеленом холме, заняв его и выстроив тут Камчатский люнет.

Затем, в ночь на 23 марта, русские произвели вылазку против пункта на Корабельной балке [1], где английские траншеи смыкались с новыми французскими, против Камчатского люнета (схема 7). Вообще при действиях против союзных армий противник охотно направляет удар в их стык, надеясь, что тут взаимодействие будет недостаточное.

Кроме того, английские и французские траншеи у Корабельной балки не были между собою связаны. Англичане не имели для этого рабочей силы, французы же не желали ее давать.

В этот стык и ворвались русские. Они бросились с 9 батальонами на французские траншеи, где столкнулись с 5 батальонами. Попытки разрушить батареи не привели к значительному успеху, так как ожесточенная атака встретила столь же упорное сопротивление. Обе стороны потеряли 20—25% своего боевого состава.

В большей части своих потерь французы обвиняли англичан. Против последних вышел только небольшой русский отряд. Но так как прикрытие английских батарей по известному нам положению в английском лагере было очень слабо, то русские сначала далеко продвинулись вперед. Достигнув другого края Корабельной балки, они вышли во фланг и тыл упорно сражавшимся французам, что дало возможность обстреливать их при выгодных условиях.

Таким образом, моральное разложение союзной армии все возрастало. Русские помогли этому, причем Остен-Сакен повторил свою стратагему от 24 февраля. Он предложил Канроберу короткое перемирие, чтобы убрать убитых и раненых из Корабельной балки. По донесению Раглана в Лондон, их там вовсе не было. С большими опасениями наблюдали англичане, как русские и французские офицеры обменивались сигарами и любезно болтали. «Thier was a good deal of bowing»[2]. Солдаты меняли коньяк на водку, с чем, разумеется, находилось во внутренней связи и то, что при случае обменивали также французское кепи на русскую фуражку.

Стратагема Остен-Сакена оказала влияние даже на самое английское правительство. В Лондоне относились благоприятно к идее вспомогательной операции против Керчи и против городов на берегах Азовского моря. Я еще вернусь к этому вопросу. Между тем вскоре после этого в Англии были получены известия о том, что русские уси-

[1] Русское название «Доковый овраг».
[2] «Была масса реверансов».

ливают гарнизоны в названных местах. Об этом английский военный министр сообщил Раглану, добавив: «Где-то шулерничают!»

Начиная с Канробера, никто из французов не верил, что Крымский поход можно было выиграть прямой атакой Севастополя. Французы говорили об осаде Трои. Однако, в счастливом исходе самого Крымского похода они не сомневались. С наступлением весенней погоды лишения зимы были скоро забыты. Но если французы и не потеряли мужества, то все же армия была недовольна. Она знала, что в пережитых ею ужасах виновато лишь дурное управление, что при хорошем управлении Севастополь был бы взят еще минувшей осенью.

При существовавших условиях недовольство войск, конечно, не могло выливаться в опасные формы, но все-таки страсти должны были каким-нибудь образом найти себе выход. Случай, происшедший в это время, представляет большой интерес для изучения народной психологии.

Французским осадным корпусом перед старым городом командовал дивизионный ген. Форей, которого за его грубость и бестактность одинаково ненавидели как офицеры, так и нижние чины. Форей сделался козлом отпущения. Вся армия шипела, что он подкуплен Россией. Лучше всего это знали в солдатских буфетах. Солдаты рассказывали, что Форей учился в школе вместе с Остен-Сакеном и женился на его дочери. Между тестем и зятем будто бы существует тайное соглашение: там где находится один из них, с другой стороны прекращается огонь.

Дом Форея имел большие зеркальные стекла. За ними каждый вечер был виден свет. Наивные говорили, что это свечи, при которых работает штаб Форея. Но в солдатских буфетах не были столь малоопытны, чтобы этому верить. Ведь было совершенно ясно, что посредством свечей зять сигнализировал тестю. Форей был шпион и изменник.

Эти слухи находили веру не только в солдатской среде, но также в офицерских кругах и даже у генералов. Боске, командовавший правым крылом союзников на р. Альме, говорил, что он не понимает, каким образом Тотлебен мог изо дня в день противодействовать всем идеям и планам французов, точно он присутствовал на их военных советах. Тотлебен доказал свой ум слишком убедительно, чтобы в нем можно было сомневаться, но все-таки нужно подумать также и о шпионах.

Эти слухи доходили до Форея, которого все считали изобличенным, как через 50 лет капитана Дрейфуса. Виновность Форея считалась в армии столь доказанной, что в Константинополе министры обратили на это внимание и осведомлялись во французском посольстве, действительно ли это правда. Форею не мог помочь и Канробер. Он беседовал с солдатами, чтобы разъяснить им нелепость их подозрений. Но хотя солдаты его вообще любили, он не мог переубедить их. При таких условиях Наполеон отозвал Форея из Крыма и назначил его командующим войсками в провинции Оран в Алжире. Его тотчас же забыли под Севастополем, и вместе с ним были забыты страхи перед шпионажем.

Улучшившееся настроение армии явилось предпосылкой для создания весной 1855 г. знаменитого театра зуавов. Директором этого театра был один из капитанов. Поручик генерального штаба Корбен рисовал остроумные программы, которые теперь сделались крайне

редкими и расцениваются очень дорого. В одной пьесе был выведен поп, который перед сражением благословлял свою паству и говорил ей так: «Кайтесь в своих грехах и прощайте своим врагам; почитайте бога, царя и кнут; идите только прямо на французов, и тогда я ручаюсь, что вы попадете в рай!»

Ничего подобного театру зуавов в английском лагере нельзя было создать; с этим несовместимы были как кальвинизм, так и социальный состав армии. Но моральная подавленность зимы исчезла и у англичан. Санитарное состояние их улучшалось хотя и медленно, но постоянно. Морская транспортная служба была кое-как урегулирована. Дорога через Балаклавский перевал высохла. На первых 4 км, приблизительно до вершины перевала, англичане проложили теперь трамвайную дорогу с локомотивной тягой [1]. Работы по прокладке этой дороги начались в конце декабря 1854 г., причем, по предположению английского военного министра, все 12—14 км до английских траншей должны были быть готовы через 3 недели. Но прошло 3 месяца, прежде чем указанный участок был передан в эксплоатацию.

Задержка вызывалась то запаздыванием материалов, то недостатком рабочих, но наряду с административными недостатками и стратегическими промахами нельзя упускать из виду и новизну дела. Ведь это были первые локомотивы и первые трамвайные дороги, получившие применение в большой войне. К этому надо добавить очень отсталые, по современным понятиям, условия связи: почтовый пароход шел от Балаклавы в Лондон около 13 дней, так что письменный обмен мыслей требовал почти 4 недель. Сообщение по телеграфу было не намного быстрее. Телеграфировать можно было лишь из Варны через Вену: кабель Балаклава — Варна, проложенный англичанами, не был еще готов. Телеграфные сообщения пересылались из Балаклавы в Варну на корабле и только от Варны по телеграфному проводу; это требовало 10 дней вместо 13 дней, необходимых для почтовых сообщений. Ввиду такого небольшого выигрыша времени главные квартиры союзников пользовались телеграфом лишь для передачи кратких сообщений.

При изменившихся условиях англичане прямо-таки тонули от изобилия — отчасти благодаря частным пожертвованиям, которых во Франции не было. Англичане чувствовали, что они не могут положиться на действия своего военного управления. Но наступила также новая эпоха в военном деле — демократия в действии: жизнь солдата стала цениться так высоко, как никогда в истории со времен греков [2].

В английской главной квартире говорили о Капуе. Однако, улучшение материальных условий позволило Раглану устранить неслыханные нарушения дисциплины, укоренившиеся в дни испытаний. Особенно возмущали его и начальника генерального штаба Симпсона высокие сапоги, которые пехота безусловно желала иметь, потому что солдаты в своих мокрых штиблетах с неудовольствием предвидели возможность ампутации отмороженных ног. Таким образом, высокие сапоги должны были исчезнуть, как и красные шарфы, с помощью которых солдаты самочинно пытались защититься от невзгод русской зимы.

---

[1] Автор говорит: «Eine Trambahn mit Lokomotivbetrieb».

[2] В эту «новую эпоху» в течение только что окончившейся зимы чуть не половина британской армии вымерла от голода и болезней.

Восстановление павшего духа войск коснулось и офицеров. В одном из отчетов Симпсона военному министру сказано, что под влиянием прессы офицеры стали ходить без трости и с бородой, а также допускали разные другие проступки, дурно влиявшие на солдат; это теперь устранено.

В 1814 г., когда союзники взяли Париж, Фридрих-Вильгельм III стыдился показать парижанам оборванных солдат Блюхера. По его мнению, солдаты должны были всегда выглядеть «красиво». Чувство изящного у Раглана и Симпсона связывалось с короткими сапогами и тростью. Фридрих-Вильгельм увлекался другими формальностями; но по существу все эти строевики были родственными натурами.

Понятно, что в их устарелом педантизме был известный смысл. Борьба английской главной квартиры с солдатскими бородами встречала полное одобрение военного министра. Последний писал, что главная квартира окажет армии большую услугу, если привезет нижних чинов в Англию без бород. Это не предрассудок, а принцип, выведенный из опыта, что борода в Англии не может быть разрешена. От этого армия потеряла бы огромное число людей, так как «человек с бородой дезертирует и тотчас же дает себя выбрить».

В главном деле — в деле окончательного создания обоза или, по техническому выражению англичан, сухопутного транспортного корпуса — Раглан серьезных попыток не предпринимал. Столь же мало сделала и родина. Там возмущение зимним крахом под Севастополем привело к свержению пацифистского правительства лорда Абердина, и в лице нового премьера Пальмерстона к власти пришел милитаризм. Пальмерстон передал военное министерство (перед Крымской войной англичане вообще не имели военного министра) специалисту-генералу лорду Панмуру. Но и последний оказался не в состоянии в разгаре войны создать из ничего отсутствовавшие специальные войска. В главной квартире Раглана жаловались, что присланные из Англии ездовые были «отбросом нации».

Наоборот, Пальмерстон говорил о раглановском ген.-интенданте Фильдере, на которого приходилось бы, главным образом, рассчитывать при формировании транспортного корпуса из состава Крымской армии, что он дряхл и настолько ограничен, что вообще не может быть худшего генерал-интенданта. «Если написать на листе бумаги любые имена и пустить над ними волчок, то он наверное указал бы лучшего генерал-интенданта, чем Фильдер».

Какую бы критику ни возбуждал веллингтонизм английской главной квартиры, последняя имела vis inertiae[1] и этим вынуждала Канробера отказаться от маневренной войны и вернуться к бомбардировке. Французские батареи были готовы к действию с 14 марта; англичане сами стыдились, что их проготовления продолжались еще долго в апреле. По выражению Кинглека, их батареи все еще стояли «в хорошей старой первой параллели», в 1 200 м от Большой флеши (III бастион), как в октябре минувшего года при начале осады.

Несмотря на поразительный неуспех флота при октябрьском бомбардировании, союзные полководцы опять принимали в расчет его содействие. Но английский и французский адмиралы указывали на повреждения и потери, напрасно понесенные флотом в октябре. Вторичный бой дерева против камня был бы чистым безумием. Печальный

[1] Силу инерции.

опыт прошлого октября лишь подтвердил уроки истории. Блокирующие английские флоты никогда не отваживались нападать на Брест, Тулон и Рошфор. С того времени гранаты и каленые ядра получили значительно большее распространение.

Сошлись на том, что флот должен произвести демонстрации.

Около 5 час. утра 9 апреля 1855 г., на второй день православной пасхи, начался, как было сказано в газетах, «железный штурм»: 444 тяжелых орудия открыли огонь по укреплениям, особенно по Мачтовому бастиону (IV бастион). Русские были застигнуты врасплох. Остен-Сакен поспешил на укрепления. Под сильнейшим огнем он, по русскому обычаю, христосовался с офицерами и солдатами.

Тотлебен имел на позициях несколько больше орудий, чем противник, но союзная артиллерия была более крупного калибра: в одном залпе она выбрасывала 12 000 кг, артиллерия же обороняющегося — только 9 500 кг. Еще сильнее сказывался недостаток боевых припасов. Русские использовали весь свой обозный парк для подвоза продовольствия; доставка боевых припасов была отсрочена. Теперь им пришлось беречь снаряды, особенно на второй день бомбардирования, когда они стреляли только с большими промежутками.

Тем сильнее напрягались нервы русских резервов, которые всегда и везде должны были стоять наготове, потому что было неизвестно, где и когда последует штурм. Они понесли тяжелые потери. Правда, Тотлебену удалось построить 140 блиндированных помещений, но в них могли найти укрытие только 6 000 чел., причем на 2 м² приходилось 9 чел. Чтобы можно было дышать, окна в этих помещениях выставлялись.

Английские батареи не нанесли никакого вреда Большой флеши (III бастиону); французские же батареи произвели большие опустошения в остальных укреплениях. Но вечером из Севастополя двинулись рабочие батальоны. При исправлении разрушенных закрытий французские мортиры открыли навесный огонь по работавшим. Тем не менее к утру следующего дня укрепления были снова в порядке.

Союзная артиллерия также не имела избытка боевых припасов. Несмотря на огромное напряжение отечественной промышленности, их хватило лишь на 8—10 дней. Впрочем со штурмом и не нужно было так долго ждать. Учитывая опыт осеннего бомбардирования прошлого года, начальник французского инженерного корпуса Бизо советовал: «Не ввязываться снова в затяжной артиллерийский бой, который истощает нашу материальную часть и запасы снарядов, но не ресурсы противника».

Бизо хотел штурмовать на третий день независимо от того, будет приобретено абсолютное огневое превосходство или нет. Однако, Канробер не решился на это и, без сомнения, был прав. Общее положение было таково: против 146 000 союзников находились 130 000—135 000 русских. За земляными укреплениями, разрытыми французскими снарядами, стояла могущественная, не подавленная еще артиллерия. Тут были не только 466 тяжелых орудий, сражавшихся с 444 союзными, но к этому еще присоединялась многочисленная легкая артиллерия, ожидавшая лишь момента, чтобы встретить штурмующие колонны картечью. Следовательно, шансы на то, чтобы заставить русских отодвинуть их позиции назад, были ничтожны. Достигнуть же большего было вообще невозможно, так как для прикрытия своего отступления через рейд русские устроили на улицах Севастополя бар-

рикады. Из-за такого скромного и притом в высшей степени неверного успеха Канробер не хотел рисковать гигантскими потерями, которые можно было наверное предвидеть и которые были воспрещены Наполеоном через Ниеля. С третьего дня Канробер понемногу стал прекращать бомбардирование. Без сомнения, он рассчитывал на то, что у русских нехватит нервов пассивно выдержать такое ужасное бомбардирование и что Горчаков атакует подобно тому, как при его предшественнике для предотвращения штурма было дано Инкерманское сражение. Однако, Горчаков не был столь неосмотрителен. Инкерманское плато было теперь укреплено, и ни контрвалационная, ни циркумвалационная линии союзников не были доступны для атаки.

Союзный флот приступил к своим демонстрациям только после шестого дня бомбардирования; до этого его задерживала бурная погода. Ночью несколько пароходов приблизилось к береговым батареям и обстреляло их. Маневр имел некоторые последствия. Ожидая нападения неприятельского флота, русские не отважились взять у собственного флота и береговых батарей столько боевых припасов, сколько требовали сухопутные батареи. Они предпочли приготовлять заряды для орудий из пороха, высыпанного из ружейных патронов. Впрочем недостаток ощущался только один день, затем были подвезены боевые припасы из Симферополя.

Балистическое соотношение сил теперь изменилось: союзники расстреляли все свои снаряды. В течение 10-дневного артиллерийского боя они сделали 130 000 выстрелов, их противник — 89 000. Русские также израсходовали почти все имевшиеся боевые припасы; был сохранен лишь неприкосновенный запас на случай штурма. Из 89 000 израсходованных зарядов 16 000 были взяты от флота и фортов, а 2 000 приготовлено из содержимого ружейных патронов.

Однако, теперь к русским стали ежедневно прибывать новые артиллерийские транспорты. Севастополь оказался еще раз спасенным. Несмотря на это, настроение в городе было очень тревожным. Русские потеряли от бомбардирования убитыми и ранеными 6 000 чел., тогда как союзники — только 2 000. Пассивное пребывание под превосходным неприятельским огнем произвело сильное впечатление на русских. Они говорили, что наступать в тысячу раз лучше, чем обороняться.

Разумеется, французы упали духом, но все еще ясно сознавали, что при правильном ведении дела поход может быть во всякое время выигран. На другой день после прекращения бомбардирования Канробер произвел смотр обсервационному корпусу контрвалационной линии и по окончании его заявил офицерам: «Скоро будет штурм. Скажите это солдатам. Если не в дверь, то через окно, но мы войдем».

Дверью являлся штурм, окном — обход, но обход означал маневренную войну, а склонить к этому англичан было столь же безнадежно, как и прежде. Новый начальник английского инженерного корпуса ген. Джонс (Бургойн был отозван Панмуром по преклонному возрасту) сопровождал передачу этой речи Канробера в Англию тремя восклицательными знаками. Симпсон написал Панмуру, что французы отказались от своего намерения штурмовать после трехдневного бомбардирования coûte que coûte[1] по той причине, что они будто бы чувствовали, что французские солдаты не смогут справиться с русскими.

[1] Во что бы то ни-стало.

Симпсону хорошо было говорить: почти все кровавые жертвы штурма должны были пасть на долю французов, стоявших всего в 60 м от Мачтового бастиона (IV бастион). Англичане, которые находились еще на расстоянии 600 м от Большой флеши (III бастион), могли при этом мало помочь. Кроме того, английская армия была настолько выщелочена зимними болезнями, что она уже лишилась своих основных кадров и теперь теряла почти одних рекрут. Ее и без того в мирное время предстояло формировать совершенно заново.

Итак, англичане были более яростно, чем когда-либо, настроены в пользу штурма, т. е. штурма чужими силами! Канробер даже не решался признаться им, что он более не желает штурма, и говорил только об отсрочке. Но англичане понимали, в чем дело. По словам адм. Хаустен Стюарт, у Канробера все было, как у настоящего актера: его декламация, его жесты, его костюм и его гримасы.

О притворстве Канробера, утверждавшего, что он все еще желает штурма, англичане заключили из следующего обстоятельства: он энергично выступал за перевозку флотом 22 000 турок из Евпатории к Севастополю и за соединение их со стоявшей там турецкой дивизией. Турки не годились для штурма, но были необходимы для проведения другого операционного плана под Севастополем, о чем будет сказано ниже. Именно по этой причине английский адмирал отказался дать свои корабли, без которых нельзя было обойтись. Разумеется, его побудил к этому Раглан.

Спор был перенесен в Константинополь. Ниель предпринял туда экскурсию, а английский посол Стратфорд оказал давление на Порту (правительство Турции.—Р е д.) в духе Раглана. В конце концов Раглан был побежден, потому что министры в Лондоне высказались против него. В спор вмешался министр иностранных дел Кларендон. Он знал раздражение Наполеона. Впрочем его доводы были вообще основательны. Он указывал на то, что в переполненной небольшой Евпатории каждую минуту может разразиться чума. Расположиться глубже в стране, вне дальности судовых орудий союзников, турки не решались. Раглан утверждал, что они необходимы в Евпатории для наблюдения за путем подхода из России (схема 1), но Кларендон справедливо указал на то, что русскому кавалерийскому кордону под Евпаторией удалось совершенно скрыть движения между Перекопом и Симферополем.

В апреле 1855 г. на английских и французских судах к Севастополю прибыл турецкий полководец, знаменитый Омер-паша.

Операционный план Наполеона был вообще настолько разумен, что английское правительство и в других случаях не решалось защищать Раглана против Наполеона. В середине апреля французский император с императрицей посетили Виндзор. О неудаче бомбардирования еще ничего не знали, но Наполеон и английские министры уже сходились в том, что Севастополь едва ли может быть взят осадой. Наполеон старался побудить Пальмерстона и Панмура к распоряжению, заставлявшему Раглана согласиться на маневренную войну. В качестве средства давления он использовал свое намерение лично отправиться в Крым. Английские министры видели в этом дикий поступок, от которого императора нужно было во что бы то ни стало отговорить.

Такова была обстановка, при которой 21 апреля 1855 г. в Букингемском дворце военные министры Вальян и Панмур от имени Наполеона и Виктории подписали следующий операционный план: Канро-

бер должен был с 60 000 чел., наполовину французов и наполовину турок, остаться под Севастополем и удерживать траншеи. Наряду с этим надлежало образовать две армии—одну под начальством Раглана из 45 000 чел. и другую из 70 000 чел. под командой генерала, который будет назначен. Последнюю армию предполагалось составить из одних французов. В состав 45 000 чел. Раглана должны были войти: 25 000 англичан, 5 000 турок и 15 000 четвертой державы, только что объявившей войну России. Это было сардинское королевство.

Одно время казалось, будто Кавур совместно с Австрией выступит против России. В начале 1855 г. руссофобы в Вене еще раз одержали верх. Австрия повторила во Франкфурте предложение о мобилизации союзного корпуса, сделанное ею в октябре 1854 г. На этот раз она, кроме того, предложила назначить полководцем союза Франца-Иосифа.

Но колеблющаяся политика Австрии и отсутствие единства еще раз удержали Германский союз от вступления под этим предводительством на путь мировой политики. В результате поездки прусского посланника при союзном совете — Бисмарка — для переговоров с правительствами, входившими в союз германских государств, второе австрийское предложение о мобилизации также провалилось во Франкфурте.

Вслед за этим в Вене опять одерживают верх друзья России, и последняя могла считаться только с одним новым врагом — в Турине. Все же России, как мы видели, приходилось быть готовой к тому, что вскоре в Крыму будут стоять 175 000 союзников. Свои 130 000 чел., находившиеся там, она едва ли могла усилить, так как половина мобилизованной австрийской армии попрежнему стояла на русской границе, и Австрия оставалась ненадежным фактором в международной политике. Следовательно, русские попали в переделку. Они чувствовали себя сильнее ущемленными австрийской дипломатией, чем крымской коалиционной армией союзников, так как представлялось еще сомнительным, сможет ли последняя что-либо сделать несмотря на свое численное превосходство. Но Австрия, опиравшаяся на симпатии Германии, а сверх того Швеция, выжидавшая на заднем плане, эти два — пока еще не действовавшие, но очень опасные — врага лишали мужества изолированную Россию. Незадолго до своей смерти (2 марта 1855 г.) Николай безоговорочно принял те 4 гарантии, которые западные державы еще до высадки войск в Крыму формулировали как сущность своих требований от России.

На основании этих гарантий Россия отказывалась от протектората над православными христианами Турции, — значит, уступала в том вопросе, из-за которого началась война. Сверх того Россия была готова отказаться от устьев Дуная и от протектората над Дунайскими княжествами и Сербией.

Это были 1-я, 2-я и 4-я гарантии. 3-я гарантия гласила: ревизия договора о проливах 1841 г. Последняя формула была неопределенна. Главным образом, для ее уточнения 15 марта 1855 г. в Вене собралась мирная конференция. Западные державы уже тогда требовали, примерно, того же, что в конце концов обнаружилось при Парижском мире: Россия должна была отказаться от флота на Черном море.

Русский уполномоченный Горчаков упорно сопротивлялся. Он указывал уполномоченным Англии и Франции на несоответствие между огромными требованиями союзников и военной картой, которую ве-

ликий инженер в Севастополе сумеет удержать без изменений. Император всероссийский отвергает всякое навязанное ему ограничение флота, как несовместимое с правом суверенитета в собственных владениях.

Исполненный достоинства язык России имел основания. Без военной поддержки Австрии союзники не могли нанести России решительного удара; это стало ясно с начала войны и в течение ее подтвердилось сверх всяких ожиданий. Между тем на мирной конференции в апреле 1855 г. Австрия сильно склонялась на русскую сторону. Австрийский министр иностранных дел, граф Буоль, в вопросе о флоте сделал компромиссное предложение, которое формально принимало в расчет щепетильность западных держав, а по существу сохраняло морскую силу России на Черном море в состоянии, существовавшем до войны.

Французский уполномоченный министр иностранных дел Друин-де-Люис и английский уполномоченный лорд Джон Руссель после долгого сопротивления приняли предложение Буоля. Наполеон и Пальмерстон также были готовы уступить. Разумеется, тогда Крымская война вместо января 1856 г. окончилась бы в апреле 1855 г., но решения мирной конференции были расстроены французским милитаризмом. Канробер и Вальян заявили Наполеону, что армия не стерпит, если мир будет заключен до взятия Севастополя. Наполеон не считал себя достаточно сильным, чтобы наперекор этому вести свою собственную политику. Эта политика, вероятно, привела бы к франко-австро-русскому союзу. Друин-де-Люис питал живые симпатии к Австрии и папству. Острие подобного союза было бы направлено преимущественно против Англии, причем Бельгия служила бы премией французам за победу. Против этой чрезвычайно сильной комбинации Англия могла рассчитывать только на короля прусского Фридриха-Вильгельма IV.

Лишь крайне неохотно отклонил Наполеон предложения Австрии о посредничестве и уволил Друин-де-Люиса. Он более не верил во взятие Севастополя. Конечно, император питал доверие к своей армии, но не к ее генералам. Он полагал, что среди них нет ни одного способного к большой войне; малая война в Алжире была плохой стратегической школой.

Наполеон делал одно исключение для Ниеля, в которого он верил, а потому Ниель сделался вдохновителем детального операционного плана, набросанного Наполеоном на основании соглашения в Букингемском дворце. Майор Фаве привез этот план Канроберу. Припомним, что соглашение предусматривало разделение союзных сил на три армии: одна должна была остаться под Севастополем, две другие — вести маневренную войну.

Наполеон старался пойти навстречу предполагаемым возражениям Раглана, усилив его армию сверх нормы, установленной в Букингемском дворце; вместо 45 000 она должна была насчитывать 55 000 чел. Вторая операционная армия, командование которой император поручал Канроберу, была соответственно уменьшена с 70 000 до 60 000 чел. Севастопольская армия сохраняла 60 000 чел., предусмотренных в Букингемском дворце. Этой армией должен был командовать ген. Пелиссье, вызванный из Алжира на место несчастного Форея. 60-летний Пелиссье являлся старшим французским генералом под Севастополем.

В качестве такового он предназначался в преемники Канробера, если бы с последним что-либо случилось.

Напомним, что Сент-Арно в согласии с Наполеоном хотел высадиться не у Евпатории, а в Феодосии (схема 1). Отсюда предполагалось наступать не прямо на Севастополь, а на Симферополь, из которого выходили все дороги Крыма; тут находились главные неприятельские магазины. Русские не могли отдать Симферополь без боя. В случае его потери, на что Сент-Арно и Наполеон рассчитывали не без основания, русские были бы оттеснены или в Севастополь, где они не могли довольствоваться, или же на север. В последнем случае Севастополь не мог держаться, потому что это был открытый город, который можно было защищать лишь при наличии стоявшей впереди целой русской армии [1].

Этот ход мыслей, относящийся к осени 1854 г., отразился в плане майора Фаве осенью 1855 г. mutatis mutandis [2]. Теперь союзники имели перед собой сильную русскую армию и опоясанный укреплениями Севастополь, чего не было осенью 1854 г. Но зато союзники были теперь втрое многочисленнее, чем тогда. Вместо одной армии, с которой Сент-Арно хотел наступать от Каффы (Феодосии), они имели три армии, причем каждая из них, как подчеркивал Ниель, была достаточно сильна, чтобы сразиться с неприятелем.

Обе операционные армии должны были взять противника в клещи. Районом развертывания для Раглана намечалась высоко лежащая Байдарская долина — русский Прованс, тогда как побережье с Ливадией называется русской Ривьерой. Для марша от Севастополя в Байдарскую долину войска Раглана могли воспользоваться Воронцовским шоссе.

От Байдар Раглан должен был выдвинуть отряды к дороге Севастополь — Симферополь, чтобы прервать сообщения русских с их базой. Хотя между Байдарами и Севастополем лежит гористая местность, а ее обрывистые ущелья и болотистые речные долины являлись (по понятиям высокой культуры) бездорожными, но в конце концов горная цепь Яйла все же была незначительна и проходима для всех родов войск. Крымские горы отлого спускаются на север; проселочные дороги можно было без особого труда исправить и снабдить мостами настолько, чтобы они сделались проезжими.

В то время как Раглан вцепился бы в левое крыло русских главных сил, стоявших на высотах севернее р. Черной, Канробер должен был оперировать против их тыла. Исходным пунктом для такого маневра служила Алушта, хорошая гавань в 35 км от Симферополя. Войска Канробера должны были частью двинуться по Воронцовскому шоссе от Севастополя к Алуште, а частью перевозились морем прямо в Алушту из Константинополя, где они стояли.

Эта задача падала на военный флот, на который возлагалась также доставка из Константинополя больших масс фуража, необходимых для ведения маневренной войны. Но флот должен был служить не только для транспортных целей, а также и для проведения диверсий. Ниель указал императору на значительную выгоду быстроты,

[1] Как уже сказано в своем месте, этот план действий в Крыму был наиболее целесообразным.

[2] С учетом изменившихся обстоятельств.

с которой военные пароходы могли угрожать различным пунктам неприятельского побережья. Русские давно уже опасались, что союзный флот будет когда-нибудь употреблен для того, чтобы посредством маневра заставить их армию спуститься с неприступных высот севернее р. Черной. Ниель хотел, чтобы самые быстроходные союзные пароходы пошли к Перекопскому перешейку и высадили корпус войск на берегу между этим пунктом и Херсоном (схема 8). Тут проходили этапные дороги из внутренних областей империи в Крым. Утвердившись в этом месте, союзники могли отрезать Крымскую армию и Севастополь и завладеть обоими. Правда, рассчитывать на такое укрепление на побережьи было трудно: для этого потребовалось бы базирование на совокупность военного и транспортного союзных флотов, а между тем малая глубина местных вод допускала приближение к берегу лишь небольших судов.

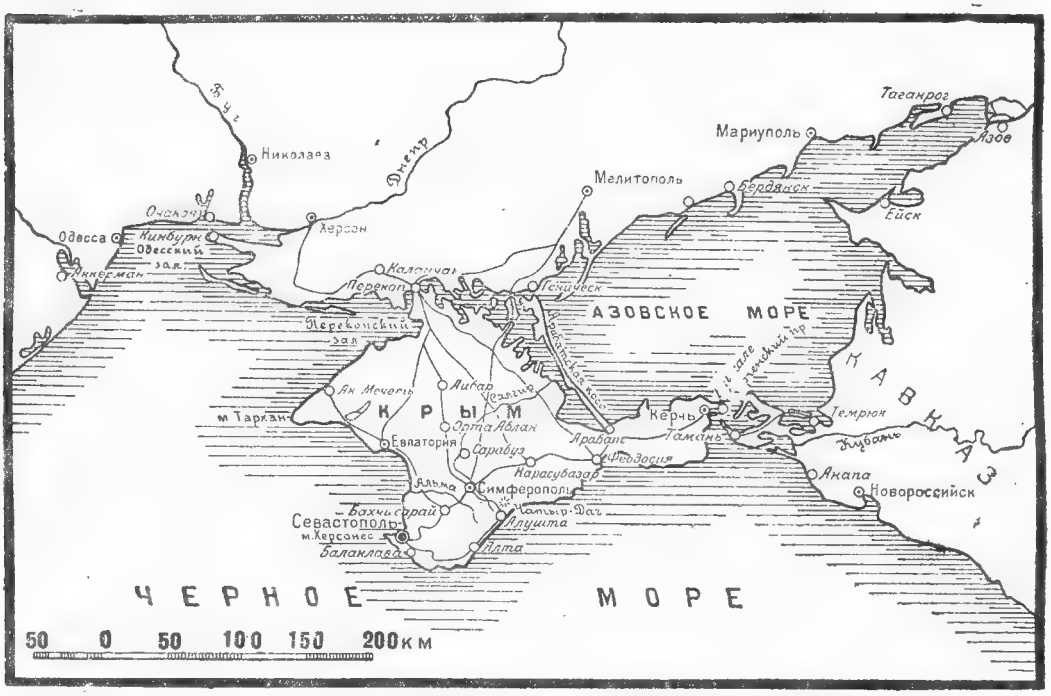


Схема 8. Полуостров Крым с прилегающими к нему областями.

Но и простая высадка неприятельских отрядов в тылу у русских была бы чрезвычайно чувствительна для последних. Армия под Севастополем испытывала недостаток фуража; вследствие этого пришлось большую часть обозных лошадей эвакуировать из нее и распределить в степях. Как раз в это время заканчивалось устройство большого вагенбурга у Бакшая, севернее Сарабуза (схема 8), который Меньшиков приказал устроить для прикрытия сообщений армии со степью и внутренней Россией. Нужно сказать, что у русских слово «вагенбург» имело другое значение, чем в военной истории. Вагенбург Меньшикова представлял собою большое укрепление, обеспечивающее повозки русского обоза от нападений неприятеля с тыла. Вагенбург у Бакшая состоял из 12 бастионов, полубастионов и флешей, которые

вместе с куртинами имели форму неправильного шестиугольника. Крепостные верки окружали пространство в 120 000 м², где могли найти убежище 3 000 повозок.

Так как р. Салгир, на которой лежит Бакшай, летом пересыхает, то было вырыто 8 колодцев.

Для того чтобы усилить опасения русских относительно движений союзного флота, за вышеупомянутыми быстроходными пароходами должна была следовать вся эскадра, перевозившая войска из Константинополя. Когда вследствие этого у русских создалось бы впечатление о серьезности предприятия против Херсона, флот должен был снова погрузить на суда высаженный корпус и на всех парах плыть к Алуште.

Тут следовало поспешно высадить 3 000 чел., направив их форсированным маршем по Воронцовскому шоссе к Айенскому перевалу (схема 4). В этом месте Воронцовское шоссе переходило через Чатыр-даг, высшую гору Крыма, имеющую приблизительно такую же высоту, как Шнеекоппе. Перевал Айен представляет глубокое дефиле. Русские заперли его несколькими укреплениями, но поставили там только 2 роты пехоты, немного конной артиллерии и небольшое число казаков и сапер. Правда, они опасались непонятных движений союзного флота, но эти опасения не толкнули их на ошибки. Они воздерживались от разброски своих сил. Эта стратегическая заслуга несколько умаляется тем, что они знали об отсутствии у англичан обоза.

Айенское дефиле являлось единственным естественным препятствием на пути из Алушты в Симферополь, имевшим важное значение для наступления французской операционной армии. Французы не могли знать точно, насколько укреплен перевал. Но Ниель рассчитывал на большую подвижность французских войск в горной войне. Перевал можно было обойти западнее Чатыр-дага по тропам, проходимым для пехоты и артиллерии.

После открытия прохода должны были высадиться главные силы Канробера, и начиналось действие щипцов для ущемления русской полевой армии: Канробер двигался на Симферополь, Раглан угрожал Горчакову у Инкермана и хутора Мекензиева (схема 4). Там русские стояли среди густых лесов, на спускавшихся отвесно скалах. Эти скалы тянулись почти вдоль всего течения р. Черной. Только в четырех местах, лежавших очень близко друг от друга, были проходы, соединявшие в себе все неудобства горных тропинок. Горсть пехоты с несколькими пушками могла сделать их недоступными.

Такой вид имела позиция русской полевой армии при приближении к ней с запада — со стороны союзной контрвалационной линии или с юга — от Балаклавы. При движении Раглана с востока через Байдары, как этого желал Ниель, он также натыкался на чрезвычайно сильную, местами совершенно неприступную позицию. Русские, англичане и французы были согласны в том, что Мекензиева позиция была еще более неприступна, чем укрепления Севастополя.

Однако, обладание двумя столь сильными позициями нисколько не помогало Горчакову, если он терял свою базу. При движении Канробера на Симферополь Горчаков должен был отступить. Раглан последовал бы за ним через очищенную Мекензиеву позицию и поставил бы неприятеля между двух огней.

Тем временем Пелиссье со своими 60 000 чел. перед Севастополем имел задачей удержать там возможно большие части русской крымской армии. Эти войска едва ли могли избегнуть гибели, после того как отступавшая главная масса русских войск, дав без них решительное сражение, примерно, у Бахчисарая (схема 4), была бы разбита.

Канробер и Раглан имели основание с полной уверенностью ожидать такого результата. Даже если бы Горчаков не оставил в Севастополе ни одного человека и если бы в то же время совершенно выпала армия Пелиссье, то и тогда 115 000 чел. союзных операционных армий могли не бояться 130 000 русских. Это доказывал опыт Альмы. Но понятно, что приведенные русская максимальная и союзная минимальная цифры являются чисто теоретическими предположениями; несомненно, на практике союзники сражались бы при гораздо более благоприятном соотношении сил.

План Ниеля стремился к тому, чтобы доставить армии Пелиссье возможно большую свободу движения. Сражение у Бахчисарая или в каком-либо другом месте решило бы судьбу Севастополя. В случае победы союзников Севастополь мог быть обложен со всех сторон; впрочем он ведь не был крепостью. От этих соображений был только один шаг до мысли о полном снятии осады Севастополя с началом маневренной войны. После перевозки осадной артиллерии с фронта к Камышевой бухте и в Балаклаву Пелиссье также приобретал свободу для маневренной войны.

Правда, обе гавани следовало обеспечить от всякого нападения. Корабли в них стояли настолько скученно, что достаточно было нескольких гранат для катастрофы. Окруженную горами Балаклаву можно было легко оборонять, но Камышевая бухта была не защищена. Ввиду этого Канробер начал с устройства перед нею двух укрепленных линий. Наружная линия, образованная 8 редутами, простиралась от Херсонесского мыса до Стрелецкой бухты (схема 4), примерно, на милю. Выемка рвов, как и устройство траншей под Севастополем, представляли большие затруднения, стоили огромной работы. Грунт Херсонеса Таврического скалистый, с тонким слоем земли, толщина которого редко превышает 3 фута. Часто наружу выступают голые скалы. Выемка нужного объема земли в данное время требовала на Херсонесе Таврическом в 4 раза большей рабочей силы, чем полагалось по средней норме.

Мы рассмотрели операционный план Ниеля во всех его существенных частях. Он был всесторонне продуман и обещал полный успех. В то время пресса снова выкапывала всякие мифологические и исторические воспоминания о Крыме и Черном море: Медея, Ифигения и т. д., вспомнили и о Цезаре, который после похода против Фарнака будто бы в Пантикапее (Керчи) сказал: «Veni, vidi, vici» [1].

Если бы Наполеон прибыл в Крым и торжественно открыл маневренную войну, имея Ниеля начальником штаба, то по всем данным через несколько дней последовало бы победоносное сражение, а вскоре после этого и падение Севастополя. Правильно атакованный Горчаков едва ли оказал бы большее сопротивление, чем Фарнак.

Мысль Наполеона о принятии на себя главного начальства в Крыму была вполне достойна этой умной головы. Англичане объявили ее бре-

[1] «Пришел, увидел, победил».

дом, потому что она не отвечала их интересам. Если окружавшие Наполеона военные, особенно военный министр Вальян, пели им в унисон, то это объясняется складом ума этих дельных, но лишенных вдохновения специалистов. Наполеон не был человеком воли настолько, чтобы отвергнуть совет военных профессионалов,— тем более, что с ними соглашались и гражданские сановники. В довершение всего как раз в это время итальянец Пианори стрелял в Наполеона. Император размяк и без сопротивления отказался от поездки в Крым, где Канробер и Ниель тщетно старались склонить Раглана к принятию плана Фаве.

Раглан соглашался на маневренную войну при условии, что французы пойдут на перегруппировку союзных сил. Армия под Севастополем должна была состоять не из 30 000 французов и 30 000 турок, а из 30 000 французов и из англичан, которых было тоже 30 000. В этом случае турок следовало разделить между обеими операционными армиями.

Раглан мотивировал поставленное условие тем, что под прикрытием турок батареи и гавани не будут в безопасности. Его соотечественники судили о турецких войсках иначе. Бургойн особенно хвалил египтян и арнаутов, адм. Хаустен Стюарт находил турок за укреплениями весьма надежными, а военный министр Панмур, который вообще всегда соглашался со своим товарищем Раглаком, в этом вопросе счел нужным разойтись с ним во взглядах. Он написал Раглану о тягостном впечатлении, произведенном в Лондоне его утверждением, будто 60 000 французов и турок недостаточно для прикрытия гаваней и освобождения английской армии.

Сам Раглан не думал этого; он хотел только саботировать план Ниеля. К наступательным движениям турки, конечно, были непригодны; например, они не имели способных штаб-офицеров и обоза. Сардинцы, которые получали субсидии от Англии, представляли собою тоже второсортные войска. В случае изъятия из Байдарской армии англичан и составления ее из 10 000 французов, 15 000 сардинцев и 30 000 турок одна из половин клещей, в которые должен был попасть Горчаков, стала бы очень слабой. Возникал риск, которого не хотел взять на себя не только Канробер, но и Ниель.

В Англии Пальмерстон был в полном отчаянии от тех затруднений, которые Раглан причинял французам. Он писал о нем Панмуру: «Человек, имеющий мысли, должен — хочешь не хочешь — высказать их при совещании с другими». Английский военный министр также решительно стоял за маневренную войну, однако, он считал движение через Алушту слишком кружным. Он желал базировать обходный маневр на какую-нибудь гавань ближе к Байдарам. Но в этом он был неправ. Так как крымские горы на юг спускаются отвесно, то для подъема на них следовало использовать единственное крымское шоссе, а сделать это можно было только от Алушты. Пехоте Канробера предстояло двигаться с необычайно тяжелым грузом — с запасом продовольствия на 8 дней. Это было неизбежно, потому что в лесистых горах почти не было поселений, вследствие чего на успех реквизиции рассчитывать почти не приходилось.

Байдарской армии под начальством Раглана не приходилось преодолевать подъема на горы, но зато она не имела в своем распоряжении шоссе. Следовательно, без хорошего обоза наверное нельзя было обойтись, а его английская армия имела столь же мало, как и турецкая.

Это была вина Раглана, который, имея в своем распоряжении целый год, все же не организовал его. В Англии парламент, пресса и общественное мнение были возбуждены против Раглана столь же сильно, как и Пальмерстон. Его не отзывали единственно по той причине, что не имели для замены ничего лучшего.

Однако, Раглан являлся не единственным виновником; в Англии также не сформировали обоза для Крыма. Отсюда возникает предположение, что операционная неспособность английской крымской армии имела не только субъективные, но и объективные причины. Так и было в действительности. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с состоянием английского военного устройства.

Глава IV

Английское военное устройство и победа английского операционного плана

В начале Крымской войны английская армия не была еще безусловно подчинена парламентскому правительству, как теперь; корона сохраняла еще за собой большие остатки своей прежней державной военной власти, и притом не только формально, но и в действительности. Существовало учреждение The Horse Guards,[1] во главе которого стоял главнокомандующий армией. Королева не могла его назначить без согласия парламентского правительства, но раз назначенный главнокомандующий был на практике несменяем[2]. Смена партийных правительств его не касалась. Он был проникнут корпоративным духом офицерского корпуса, а этот дух, как мы увидим, не был еще чисто парламентским.

Главнокомандующий являлся одновременно военным министром, начальником генерального штаба и начальником военного кабинета. Для тогдашнего устройства английской армии особенно характерно, что он был начальником военного кабинета. В его приемной, а не у парламентского министра, сидели господа, желавшие определить своих сыновей на военную службу, и офицеры, ожидавшие производства.

Принадлежавшее главнокомандующему право замещения должностей было несколько ограничено в том отношении, что для назначения генерала он обязан был запрашивать мнение статс-секретаря по колониальным и военным делам. Однако, на практике это не имело значения. При производстве главнокомандующий руководствовался военно-техническими соображениями и внушениями корпоративного духа; дух партий не имел доступа в армию, несмотря на принадлежавшее статс-секретарю право (veto), так как последнее осуществлялось слабо.

[1] Так называлась канцелярия верховного главнокомандующего, помещавшаяся в здании (казармах) конной гвардии.

[2] Аналогичное положение занимал в средневековой Франции коннетабль, которому в армии подчинялся даже король. Звание коннетабля уничтожено в 1627 г.

В случае, если имя вновь назначенного генерала не было предварительно сообщено статс-секретарю по колониальным и военным делам,— главнокомандующий мог сослаться на свою забывчивость.

Статс-секретарь по колониальным и военным делам! Самое обозначение должности уже показывает, что в глазах парламентского правительства военное управление являлось чем-то второстепенным [1],— по крайней мере в мирное время. Во время войны положение изменялось постольку, поскольку тогда статс-секретарь по колониальным и военным делам вел переписку правительства с полководцами и по соглашению с премьер-министром давал им инструкции. Официально полководцы не переписывались с главнокомандующим, который во время войны оставался дома.

Это ограничение военных прерогатив короны вытекало механически из того факта, что война является лишь продолжением политики другими средствами. Англия не могла вести одновременно две политики: неуравновешенность ее учреждений не могла заходить так далеко. Ввиду этого в случае войны трон передавал армию в распоряжение парламентского правительства. Однако, и во время войны статс-секретарь по колониальным и военным делам не вмешивался во внутреннюю жизнь армии. В руках главнокомандующего оставалось не только назначение на должности и производство в чины, но через это доверенное лицо королева осуществляла и дисциплинарную власть, при этом она была связана законами страны, но ни один парламентский министр не контролировал способ их применения главнокомандующим.

Короче говоря, командная власть принадлежала королеве, а не парламентскому правительству. В конце Крымской войны, когда в верхней палате произошли дебаты относительно устройства армии, Пальмур написал в Крым, что спор шел о том, «должна ли армия управляться королевой или нижней палатой».

При роспуске рейхстага в 1887 г. по поводу предложения септеннат [2] Бисмарк совершенно так же противопоставил одно понятие другому: «Императорская армия или парламентская армия».

Но фактически военные прерогативы короны не ограничивались командной властью: главнокомандующий армией являлся не только начальником военного кабинета, но и военным министром. В качестве последнего именно от него зависели вооружение и обмундирование армии. Это имело не одно только военно-техническое значение, но давало также возможность влиять на внутреннюю политику: в прихожих Horse Guards, а не в министерстве колониальных и военных дел сидели поставщики названных предметов.

К этому присоединялось еще и то, что полковые командиры должны были заготовлять для своих полков обмундирование. В XVIII в. подобный же порядок существовал в Пруссии, причем в обеих странах эта привилегия являлась не только почетной, но и выгодной.

Само собой разумеется, что английское военное устройство представляло не писаное, а обычное право,—органическое творение, вышедшее из английского государственного устройства,— дико развивавшуюся политическую растительность, нерациональную на каждом

---

[1] Secretary at War—крупный счетовод; его должность (War office)—парламентская синекура.—*Прим. авт.*

[2] Септеннат—семилетний срок.

шагу. Например, главнокомандующему армией подчинялись только пехота и кавалерия; артиллерия и саперы находились в ведении парламентского правительства. Ordnance Department [1], которому были подведомственны эти роды войск, был самостоятельным учреждением, не имевшим отношения к министерству колониальных и военных дел, но зависевшим от кабинета. На обязанности этого департамента лежали закупка или производство и хранение орудий и боевых припасов. Следовательно, тут поставщики сидели в прихожих чиновников, зависевших от парламентского правительства.

Военные врачи были также подведомственны особому учреждению, подчиненному кабинету. Интендантство и обоз, о котором я так часто говорю, состояли в ведении казначейства, органа парламентского правительства.

Итак, существовало много департаментов, действовавших параллельно. Подведомственные им вопросы составляли круг деятельности военных министров на континенте. Эти учреждения вели бесконечные споры о компетенции. Я уже указывал на то, что вследствие таких трений зимнее снабжение англичан в Крыму встретило значительно большие трудности, чем у французов.

Не помогло и то, что после начала Восточной войны министерство по колониальным и военным делам было разделено на две части. Впервые в своей истории Англия получила военного министра, герцога Ньюкестльского [2]. Он пытался объединить все эти разрозненные департаменты, как на континенте, но при этом натолкнулся на оппозицию короны и офицерского корпуса.

Спросят, как это могло случиться? Ведь представлялось очевидным, что реформа разумна и необходима. Такой она, конечно, была, но куда она вела? Командная власть короны была неустойчива; она распространялась только на сухопутную армию, но не на флот. Правда, парламент лишь терпел ее в сухопутной армии, но никогда не признавал. Эта власть держалась по традиции, между тем время работало против такой традиции. Разве в случае образования настоящего парламентского военного министерства последнее не явилось бы той магнитной горой, которая вытянула бы гвозди из исторического здания Horse Guards? Не перешли ли бы в силу естественной необходимости назначение и производство офицеров, а также поддержание дисциплины к парламентскому секретарю по военным делам? Короче, не обратилась ли бы королевская армия в парламентскую? Перед этим трепетал также принц-супруг. Он говорил, что английское государственное устройство находится в тигеле для плавки.

В британских офицерских кругах эти опасения существовали давно. Они сильно способствовали тому непреклонному консерватизму, с которым руководящий военный авторитет страны — герцог Веллингтон — сопротивлялся решительно всем нововведениям. Он защищал существовавший порядок, можно сказать, почти без проверки, только потому, что он существовал: линейную тактику, покупку офицерских мест, телесные наказания, гладкоствольное ружье и сотню других пережитков старины. Несомненно, все они имели кое-какой смысл, но не это было действительной причиной их существования, а подсознатель-

[1] Отдел артиллерийского снабжения.

[2] Относительно вспомогательных мероприятий, к которым прибегали во время войны, см. Kinglake, The invasion of the Crimea, Tauchnitz Edition, vol, XI, p. 68.— *Прим. авт.*

ное чувство, что открытие шлюзов реформы может смыть королевскую армию. Пристально, как загипнотизированный, он смотрел на Кобдена, говоря о своих войсках: «Sint ut sunt, aut non sint!» [1]

Веллингтон был главнокомандующим армии. Когда после его смерти в 1852 г. пришлось снова замещать этот пост, выбор колебался между Рагланом и Гардингом. Из них Гардинг был умнее. Получение им этого поста было счастьем для Англии и, можно сказать, для всего мира. В последний момент он ввел нарезное ружье. Раглан был против этого. Ведь величайший человек столетия одержал победу в Испании, имея гладкоствольное ружье!

Если бы в Фермопилах Инкермана англичане не имели ружья Минье (выше мы видели, что одна дивизия его еще не имела), то русским, пожалуй, удался бы их прорыв. Возможно, что тогда Восток и Запад подпали бы под владычество России.

В XVII и XVIII вв. парламент всегда относился к армии неблагосклонно именно по той причине, что это была королевская армия. Она существовала только в виде зародыша. Билль Мутини угрожающе висел над ее головой [2]. Напротив, в отношении флота, который еще во время революции стал на сторону Долгого парламента, парламентское правительство всегда было очень щедро. Это был именно парламентский флот.

В XIX в. взгляды на армию и флот несколько изменились. Консерваторы и умеренные либералы, включая Пальмерстона и Джона Русселя, не хотели покушаться на военные прерогативы короны, так как боялись, что демократический офицерский корпус может сделаться опасным для государства. Следовательно, в одном отношении положение Horse Guards стало благоприятнее; выросли ее надежды на проведение в парламенте денежных ассигнований. Зато возвысились сторонники Кобдена. Они старались одинаково урезать штаты армии и флота и достигли относительно обоих таких успехов, что мощь государства заколебалась. Однако, если флот и был чересчур мал, то все-таки он был хорошо организован и способен к операциям. Армия же не обладала этими достоинствами, что объяснялось не столько скупостью парламента, сколько ее консерватизмом в дурном смысле этого слова.

Я рассказывал, что весной 1855 г. французская крымская армия завела свой театр зуавов. Одновременно английские офицеры устроили близ Балаклавы скачки, на которые прибыли из Лондона дамы, показывавшие свои весенние туалеты. Но наряду с этим некоторые идеа-

---

[1] «Пусть будет так, как есть, или совсем не будет!»—ответ генерала иезуитского ордена Риччи на предложение изменить устройство этого ордена.

[2] В XVIII в. Англия настоятельно нуждалась в значительной армии, особенно в Семилетнюю войну, когда опасность французского десанта была велика. Парламент выставил за счет субсидий ганноверские и другие северогерманские войска. С немцами нельзя было произвести никакого государственного переворота. Под этим углом зрения должна быть между прочим оценена и знаменитая Вестминстерская конвенция с Фридрихом Великим. Личная уния с Ганновером была краеугольным камнем «Happy Constitution» по той причине, что она предоставляла в распоряжение парламента армию, которая не могла влиять на внутреннюю политику, хотя в английских историях государственного устройства об этом ничего не говорится.

Мнение, будто англичане когда-либо вели войну за Ганновер ради торговли, представляет ошибку; предположение, что англичане считали делом чести защищать родовую собственность своего государя,—гипотеза, переоценивавшая их романтические наклонности. Но династическая связь с Ганновером давала парламенту возможность обходиться почти совсем без армии.—*Прим. авт.*

листки из английской плутократии с мисс Флоранс Найтингале (Nightingale) во главе пошли в зараженные госпитали в Скутари, чтобы бороться с ужасными условиями, порожденными окаменением английского военно-санитарного дела. Британская армия чуждалась всякого прогресса и в этой области. Она чувствовала инстинктивную потребность отставать. Ведь она являлась династически сословным ископаемым в современной ей парламентско-демократической жизни. Армия сама сознавала, что походит на хорошо сохранившийся в какой-то оболочке древний папирус, который рассыпается в пыль на свежем воздухе.

Principiis obsta![1] является опасной полуистиной; столь же опасно и положение, что государства поддерживаются теми средствами, которыми они основаны. Если Англия хотела постепенно создать дееспособную современную армию, то она должна была прежде всего иметь военное министерство по континентальному образцу. На опасения, что подобная мера будет содействовать демократизации армии, можно было дать только один ответ: «Damn the consequences!»[2]. Однако, представляется большим вопросом, можно ли было бы когда-нибудь преодолеть затруднения, препятствовавшие реформе военного устройства, если бы в феврале 1855 г. не пришел к власти Пальмерстон. Он был беспартийный и вызывал подозрения со стороны всех партий; подобно Бисмарку, он дошел до премьер-министра лишь потому, что этот пост сделался настолько опасным, что всякий другой кандидат был невозможен. Угроза проигрыша войны разожгла патриотические чувства англичан. Принц Альберт был совершенно прав: военное устройство находилось в тигеле для плавки, и оставалось только желать, чтобы реформа не пошла дальше военных прерогатив короны.

Когда Австрия подготовляла государственное банкротство 1811 г., министром финансов был сделан граф Валлис, слывший за самого грубого и жестокого австрийского чиновника; про него рассказывали, что он давал оплеухи своим советникам. Это был молот для яростных кредиторов казны. Пальмерстону тоже требовалось нечто в этом роде для его военной реформы, оскорблявшей щепетильность, предрассудки и интересы могущественных кругов. Он сделал своим военным министром лорда Панмура, — генерала из очень знатной фамилии, но относительно которого общество держалось мнения, что он обращается с людьми не так, как подобает английскому джентльмену; правда, в виде смягчающего обстоятельства приводили, что, вследствие плохих семейных условий, его воспитание было запущено.

Бесцеремонность Панмура нужна была для того, чтобы, несмотря на противодействие королевы и Horse Guards, провести создание современного военного министерства. С тех пор в ведении статс-секретаря по военным делам находились все поставки, в том числе и поставки оружия и обмундирования, которые до тех пор принадлежали к компетенции Horse Guards. У полковых командиров была отнята привилегия снабжения их полков предметами обмундирования, зато им, понятно, повысили оклады жалованья. С этого времени в военном управлении более не существовало параллельных учреждений, за одним исключением, к которому я еще вернусь. В военном министерстве были соединены: Ordnance Department; отрасли казначейства,

[1] Сопротивляйся принципам!
[2] «Да будут прокляты последствия!»

занимавшиеся военным делом (следовательно, преимущественно интендантство и обоз); военно-санитарное управление и еще многое другое.

После учреждения этой центральной контрольной инстанции нигде не могли самостоятельно разрешаться дела о поставках. При этом речь идет о таких крупных вопросах, как производство орудий и боевых припасов. Теперь все контракты заключал военный министр.

Можно видеть, как ужасна была путаница материальных интересов![1] Вся система управления должна была преобразоваться, после того как из военного дела были удалены пережитки сословного государства.

Виктория по совету принца Альберта оказывала военной реформе упорное сопротивление, несмотря на то, что Horse Guards осталась в качестве единственного военного учреждения, согласованного с военным министерством. Именно функции начальника генерального штаба и начальника военного кабинета не были переданы в министерство; у главнокомандующего армией были отняты только чисто административные функции; командная власть короны осталась неприкосновенной, она даже была распространена на артиллерию и сапер, так что произошло полное разделение между административным управлением и командной властью. За последней осталось также поддержание дисциплины.

Трудности, испытанные Пальмерстоном и Панмуром при проведении военной реформы, видны из оппозиции Бургойна, может быть, самого умного из английских генералов под Севастополем. Он был очень встревожен намерением Пальмерстона прислать различные иностранные легионы и в первую очередь германский. Если бы при Инкермане половина или хотя бы треть 8 000 англичан состояла из иностранных легионеров? Это была бы собранная со всего света толпа бродяг, лишенная национального чувства и чести, служившая только из-за денег. Пусть их не сравнивают с ганноверским иностранным легионом в эпоху освободительных войн[2]; последний представлял собою совершенно иное явление.

Бургойн был прав в том отношении, что иностранные легионеры едва ли выдержали бы Инкерман, однако, он упускал из виду сущность намерений Пальмерстона. Ведь для Пальмерстона вопрос заключался лишь в том, чтобы усилить иностранными контингентами малочисленные английские национальные войска, которые больше не поддавались увеличению. Желательность такого усиления понимал и Бургойн, но он противился признать это, потому что сомневался в готовности парламента ассигновать деньги на иностранные войска, подчиненные королевской командной власти. Бургойн предпочитал лучше ничего не получить, чем парламентские полки, — столько корпоративного духа было еще в этом инженере, который у своих товарищей из других родов войск слыл, собственно говоря, чересчур умным.

Несмотря на разумность и ту экономию, которую давала военная реформа Пальмерстона, она все-таки не уничтожила зла в корне. Неблагосклонное отношение народного представительства к армии и бездушный веллингтонизм Horse Guards продолжали существовать.

---

[1] В тексте употреблено фигуральное выражение: „Ein Rattenkönig materieller Interessen“ (Rattenkönig — крысиный король — несколько крыс, сросшихся хвостами).

[2] Войн 1813—1815 гг. за освобождение Европы от Наполеона.

Гладстон в качестве вождя демократии не находил слов для выражения своего возмущения глупостью Horse Guards и, как мы видели, не без оснований; но эта глупость была скорее историческим роком, чем природным свойством, потому что какая же государственная сила настолько умна, чтобы упразднить самое себя?

Между 1870—1872 гг. Гладстон, несмотря на упорное сопротивление, вырвал у королевы командную власть. Главнокомандующий армией был подчинен статс-секретарю по военным делам. После этого королевская армия перестала существовать, и ее место заняла парламентская армия. Одно из важнейших событий викторианской эры! Королевская армия была непопулярна. Через полгода после Ватерлоо, когда победоносные полки возвращались в Англию, они были встречены не триумфальными арками и приветственными речами, а самым недружелюбным образом, — совершенно без песен и музыки, только чернь кричала им: «Пожиратели налогов!» Моральный рефлекс этой антимилитаристической тенденции не замедлил сказаться. Офицеры говорили, что нужно, наконец, покончить с проклятыми парламентариями. В офицерском корпусе образовались так называемые оранжевые ложи, стремившиеся к перевороту, посредством которого предполагалось возвести на престол вместо принцессы Виктории ее дядю — герцога Кумберлэндского, будущего ганноверского короля Эрнста Августа.

Это напряженное положение исчезло лишь после того, как королевская армия была превращена в парламентскую. Уже в Бурскую войну английская армия проявила такую деятельность, которой от нее никто не ожидал (неподвижность Крымской войны не повторилась), а в мировую войну Англия выставила способную к операциям миллионную армию [1].

Если мы теперь от мировой войны опять вернемся в Севастополь и взглянем на военную карту мая 1855 г., то разница между обеими войнами будет не так велика, как это может казаться при первом взгляде. Повторим еще раз, что Крымская война является первой позиционной войной во всемирной истории [2].

Несмотря на военную реформу Пальмерстона, нельзя было и думать о том, чтобы английская крымская армия сделалась способной к операциям. Для административных нововведений нужно время. Напомним, что в старом министерстве по колониальным и военным делам стоявший во главе его статс-секретарь мог вести лишь переписку с полководцами. Однако, существует большая разница между писанием депеш и управлением. После того как в июне 1854 г. колонии и война были административно разделены, почти все чиновники названного мини-

[1] Относительно трехлетней войны Британской империи с крошечным пастушеским народом военная критика сделала совсем другой вывод. Что же касается мировой войны, то пограничное сражение и сражение на Марне обнаружили именно весьма малую маневроспособность английской армии; далее, как известно, следовало четырехлетнее сидение в окопах, прерывавшееся с обеих сторон необычайно кровопролитными лобовыми атаками.

[2] Между Крымской кампанией и мировой войной в стратегическом отношении очень мало сходства. Позиционный характер последней является, главным образом, результатом современной сложной техники, которой под Севастополем быть не могло. Кроме того, на французском фронте по географическим условиям поневоле получилось необычайное скопление войск, а в Крыму союзники имели полную возможность применить маневренную войну с большими шансами на успех, о чем говорит и сам автор.

стерства перешли в новое ведомство колоний: так как центрального военного управления в министерстве не существовало, то в нем не имелось и соответствующих специалистов. Подходящие силы нужно было сначала собрать и дать им возможность сработаться, а Панмур так же не мог это сделать быстро, как и герцог Ньюкестльский.

Для получения знающего персонала новые военные министры оставались в зависимости от Horse Guards, а там, понятно, отсутствовала добрая воля. Таким образом, по очередному вопросу—организации обоза — в Англии, как и прежде, ничего не было сделано. Разумеется, нововведения в Англии, глубоко несимпатичные Раглану, не могли побудить его переучиваться. Он попрежнему обходил разрешение вопроса о создании обоза.

Следовательно, операционная способность английской армии пока что оставалась безнадежной. Вместе с этим рушился смелый и тем не менее осторожный план похода, составленный Ниелем; строго обдуманный во всех отношениях, он был превосходен с чисто военной точки зрения, но в военно-политическом отношении оказался несостоятельным. Продолжавшийся в союзной стране антагонизм между принципами королевской и парламентской армий разбивал план Ниеля в куски.

Ниель этого не замечал. Он все еще надеялся, что Наполеон посредством дипломатического воздействия на английское правительство устранит явления паралича в английской армии. Но при существовавшей в действительности обстановке русские были обеспечены от обхода союзниками. Они стояли между Чатыр-дагом с одной стороны и Черным морем—с другой, подобно тому как армии Антанты в мировую войну между Швейцарией и Немецким морем.

Это вынуждало союзников на стратегию прорыва. Им просто не оставалось другого выбора, тогда как немцы в мировую войну всегда могли поставить вопрос, не лучше ли передвинуть центр тяжести действий на другой театр войны и искать решения на Востоке посредством маневренной войны.

По 8 даже 9 часов тянулись совещания, на которых Раглан настаивал, чтобы Канробер, наконец, высказался и назначил определенный срок для штурма. Канробер по соглашению с Ниелем уклонялся от ответа, выставляя все новые предлоги, но под конец он сделал англичанам уступку, которую Ниель решительно не одобрял. Выше я упоминал, что английское правительство желало произвести экспедицию против Керчи (в Восточном Крыму) и городов на Азовском море. Оно рассчитывало таким покушением на житницу России вызвать затруднения в снабжении Севастополя хлебом. Сверх того английское правительство надеялось, что победоносное выступление союзного флота в этих водах окажет косвенное влияние на соседний Кавказ (схема 8). Восстание черкесов и зависевших от России областей в Закавказье представлялось английским министрам вероятным последствием уничтожения ценных сооружений и запасов в открытых городах Азовского моря; Россия не могла оказать этому противодействия, сколько-нибудь веского в моральном отношении.

Раглан придавал этой экспедиции тем большее значение, что считал свое положение под угрозой вследствие недовольства парламента ходом войны. Члены парламента и пресса нападали не прямо на него, а на офицеров его штаба, но, раньше чем его заставили бы принять какие-либо изменения, Раглан хотел лучше начать действия... Ему ка-

залось, что этого требует от него честь. А для упрочения своего положения он считал нужным одержать быстрый осязательный успех.

С точки зрения Ниеля было по меньшей мере безразлично, удержится ли Раглан или нет. Он не верил, чтобы керченская экспедиция могла дать какие-либо политические выгоды, а в военном смысле он считал ее печальным заблуждением уже по той причине, что отправка войск должна была задержать работы на Камышевой линии. Это было покушение на его операционный план.

Однако, протест Ниеля не имел успеха. Ведь официально ему не принадлежало решающее слово. Император сделал его начальником инженерного корпуса под Севастополем после того, как занимавший этот пост ген. Бизо пал при последнем бомбардировании.

При таких условиях англо-французская эскадра, имевшая на борту 10 000 чел. сухопутных войск, из коих три четверти французов, вышла в море по направлению на Керчь.

Судьба этой экспедиции была определена новым техническим фактором, который впервые вступил в мировую военную историю. Между Георгиевским монастырем близ Балаклавы и Варной в Болгарии был проложен подводный кабель, и с 2 мая 1855 г. начал функционировать электрический телеграф, связавший крымскую армию союзников с Лондоном и Парижем. До этого времени, когда нужно было посылать телеграммы, последние доставлялись на пароходе из Балаклавы в Варну, откуда они передавались дальше по телеграфной линии через Вену; раньше телеграмма требовала 10 дней, теперь она шла только сутки.

Известно, что военные часто относятся отрицательно к техническим достижениям, влияющим на их ремесло. Электрический телеграф был также недружелюбно встречен союзниками в Крыму. Бесспорно, его следовало завести, но разве не возникала опасность, что это радикальное нововведение сделает невозможной сколько-нибудь рациональную стратегию? Пространство, отделявшее полководца от его правительства, перестало существовать. Ежедневно, ежечасно гофкригсраты и гражданские стратеги могли вмешиваться в военные операции. Какое огромное осложнение в деятельности полководца, какой неисчерпаемый источник крупнейших опасностей!

Пожалуй, более всех волновался добрый Симпсон. Сколько ему приходилось переживать! Среди ночи, — когда и без того оставалось крайне мало времени для сна, — один драгун растолкал его спящего. Этот человек совершил в темноте трудную поездку из Балаклавы в английскую главную квартиру, чтобы доставить Симпсону телеграмму от отца капитана Джервиса, который просил сообщить о здоровье сына, укушенного каким-то ядовитым животным.

На следующее утро второй драгун сделал 12 км туда и обратно, чтобы привезти справку о капитане Джервисе. К невыразимому возмущению Симпсона оказалось, что Джервиса никто не кусал, даже блоха. У него появился только прыщик, который уже прошел [1].

Разве можно было ожидать чего-либо путного от такого дьявольского изобретения?

Во всяком случае оно немедленно вызвало событие всемирно-исторического значения: падение Канробера.

[1] Весь этот рассказ неправдоподобен. Нельзя поверить, чтобы начальника штаба армии из-за частной телеграммы будили по ночам, да еще таким бесцеремонным способом.

С едва описуемым волнением прочел Наполеон об отправлении экспедиции в Керчь. Изо дня в день ожидал он известий о начале маневренной войны, а тут этот прыжок в сторону, это безумное раздробление сил! Наполеон настолько вышел из себя, что военный министр Вальян, обычно являвшийся посредником между главной квартирой и императором, на этот раз счел более осторожным воздержаться. Он не помешал императору послать Канробер категорическую телеграмму о возвращении керченской экспедиции.

Канробер счел нужным повиноваться. Быстроходный пароход отошел из Камышевой бухты и вытребовал экспедиционный корпус, плывший еще по морю, обратно. Канробер мог приказывать только французам, но, разумеется, англичане должны были также повернуть назад.

Влияние этого эпизода на английскую армию выразилось в том, что чувство презрения к французам, являвшееся без того врожденным у Джон-Буля, еще более усилилось. Национальное высокомерие англичан совершенно игнорировало тот факт, что они одни были виноваты во всех несчастиях похода. Адм. Хаустен Стюарт написал Панмуру, что Канробер настолько осрамился, что ему остается лишь уйти. Но вообще и нация заслуживает презрения; его голубые юнги говорили, что каков бы ни был результат Крымской войны, во всяком случае Англия может не опасаться вторжения этих людей.

Канробер потерял всякий авторитет не только у англичан, но и у своих собственных войск. Сколько им было допущено неисправимых ошибок! Осенью 1854 г. он открыл на всеобщее посмешище бомбардировку, не взвесив хорошенько артиллерийских сил сторон. Затем он носился с мыслью о штурме без предварительного подавления огня неприятельской артиллерии, что наверное привело бы к катастрофе. По легкомыслию он оставил Инкерманское плато неукрепленным. Очищение Воронцовского шоссе от русских, несмотря на большие приготовления, не было выполнено единственно вследствие перемены погоды. В апреле 1855 г. Севастополь опять был подвергнут бомбардировке при недостатке средств, вопреки убеждению самого Канробера, только потому, что он не сумел настоять на своем перед Рагланом. То же самое повторилось теперь с предприятием против Керчи.

«Это своеобразная натура, — как характеризовал Ниель Канробера, — выглядит чрезвычайно решительной, пока требуется только решение, и постоянно отступает, когда приближается момент исполнения».

Однако, несмотря на все недостатки своего характера и своей стратегии, Канробер, являвшийся очень популярным генералом, не потерял бы своего авторитета в глазах французской армии, если бы не появление электрического телеграфа. Прежде требовалось от 3 до 4 недель, чтобы депеша из Крыма достигла Парижа и получился ответ на нее. Тем временем керченская экспедиция была бы давно закончена и притом успешно, хотя стратегическое значение этого успеха представлялось спорным.

Итак, только электрический телеграф позволил Наполеону сорвать керченскую экспедицию в самый ее разгар. Повиновение Канробера сломило ему шею. Ни французы, ни англичане не хотели примириться с тем, чтобы Наполеон, которого никто не признавал военным, посредством нового изобретения командовал из Парижа. Когда Ниель

увидел, что для умиротворения озлобленных французских генералов и англичан необходимы были жертвы, он от имени императора [1] потребовал, чтобы Канробер немедленно телеграфировал в Париж о своем уходе, рекомендуя преемником Пелиссье. Теперь Канробер имел против себя всех: англичан, французов, Ниеля, императора и, так сказать, себя самого, потому что он давно уже проводил стратегию, которую и сам считал неправильной. При таких условиях он после некоторого сопротивления исполнил требование Ниеля.

Наполеона пришлось вечером вызвать из театра, когда было получено прошение Канробера об отставке. Свое прошение Канробер мотивировал непрерывными разногласиями, которые он более не в состоянии выносить. Наполеон не знал, что ответить. Между тем военный министр в другом театре получил телеграмму Ниеля, советовавшую принять отставку Канробера и назначить ему преемника, притом по телеграфу.

Наполеон не намеревался увольнять Канробера, несмотря на неприятный инцидент с Керчью. Он разделял мнение Ниеля, который раньше писал ему, что французская крымская армия превосходна, но только нет никого, кто сумел бы ею руководить. Перемена в верховном командовании представлялась императору бесполезной до тех пор, пока назначение Ниеля было несвоевременно. И меньше всего доверия питал он к Пелиссье.

Однако, Наполеон принимал советы Ниеля, если он считал нужным что-нибудь сделать. Отставка Канробера явилась исключительно делом Ниеля. Добровольно он не ушел бы. Но мы знаем, что Канробер был хороший актер. По получении телеграммы о передаче главного командования Пелиссье, он сиял от удовольствия, ликовал по поводу освобождения от бремени ответственности и прыгал, «как молодой козел».

Пелиссье был намечен в преемники Канроберу на случай, если бы с последним что-либо случилось. Но из этого не следовало, что он должен был занять его место при уходе по другой причине. Канробер и Ниель долго обдумывали, кого они могут рекомендовать императору. В конце концов они сошлись на Пелиссье по следующим мотивам. Ниелю понравилось в Пелиссье то, что в отличие от других генералов он соблюдал по отношению к Канроберу строгую дисциплину. Восстановление дисциплины являлось самой настоятельной потребностью для французской армии. Канробер также знал Пелиссье за энергичного человека, о котором, однако, нельзя было сказать, где у него кончается энергия и начинается грубость. В таком начальнике нуждалась армия, отбившаяся от рук, — по крайней мере наверху, в генералитете. По выражению Канробера, он рекомендовал императору Пелиссье, пожалуй, скорее за его недостатки, чем за достоинства. Тотчас же по получении императорской телеграммы Ниель отправился к Пелиссье, чтобы его поздравить. Последний взглянул на него иронически и сказал: «Вы приходите в 11 часов вечера приветствовать солнце, которое взойдет завтра утром».

Самым решительным приверженцем Ниеля среди французских генералов был Боске, который прекрасно действовал на Альме и решил дело при Инкермане. Он был раздражен предпочтением, оказанным Пелиссье, с которым он не мог ужиться еще в Алжире. Тем резче и

[1] Как сказано выше, Ниель имел письменное полномочие от Наполеона.

определеннее разъяснил ему Пелиссье в подробном письме, что он отвергает императорский план, на который нельзя получить согласия англичан, и желает штурмовать. Необходимые человеческие жертвы он решил принести.

Глава V

Вторжение в русскую позицию

За решением немедленно последовало действие. Русские вырыли у кладбища новые стрелковые окопы. Пелиссье приказал их взять. В ночь с 22 на 23 мая 1855 г. и в последующие ночи на местности, лежащей перед этим пунктом, развернулись ожесточенные бои. С русской стороны было введено в дело 12 батальонов, с французской — 9; каждая сторона потеряла 40—50% своего состава; потом Горчаков отказался от окопов у кладбища. Он полагал, что при желании занимать достаточными силами Инкерманские и Мекензиевы высоты нельзя пожертвовать больше батальонов для названных окопов.

Тотлебен очень сокрушался по поводу этого решения Горчакова. Он хотел упорно оборонять каждую пядь земли на местности впереди Севастополя. Бесспорно, после назначения Пелиссье такая тактика была еще более целесообразна, чем прежде. Русским следовало заставить его покупать кровью каждую пядь земли под Севастополем, чтобы еще сильнее, чем прежде, дискредитировать его стратегию в глазах Наполеона. Пелиссье был последней ставкой в игре союзников в Крыму. Его падение означало бы очищение Крыма союзниками.

Разумеется, Тотлебен не предугадывал эту связь, но он давал верную тактическую оценку действиям противника, и те выводы, которые он из них делал, отвечали обстановке.

Несмотря на свои огромные потери, русские отошли от кладбища с песнями; между тем во французском лагере, где человеческая жизнь ценилась выше, чем у московитян, дисциплина стояла ниже, и ночная резня оказала на дух войск неблагоприятное влияние. Возобновив немедленно предприятие против Керчи, Пелиссье доказал французской и английской армиям, что телеграф ему не импонировал, кто бы за ним ни сидел. Он настолько сообразовался с желаниями Раглана, что назначил для экспедиции 18 000 чел. сухопутных войск вместо 7 500, как при Канробере.

В районе между Керчью и Феодосией русские имели лишь незначительные отряды, уклонившиеся от столкновения с союзниками, так что последние заняли Керчь и Еникале без боя (схема 8). За этим последовали: вход союзных эскадр в Азовское море, уничтожение около 500 русских торговых судов и всех магазинов в Таганроге, Бердянске и других прибрежных городах. Сожженные мука и зерно представляли продовольствие для 100 000 чел. на 4 месяца.

Несмотря на это, дело являлось не более, как ударом по воде, потому что русская крымская армия была снабжена хлебом еще на целый год. Столь же мало пользы принесло и то, что союзный флот по возвращении в Черное море напал на Анапу на черноморском побережье.

Русские давно уже разорили и очистили Анапу и другие укрепления на побережье, а черкесы не обратили внимания на жест союзников. В этой 20-дневной экспедиции наилучшим являлось то, что она прошла без потерь.

Теперь союзники имели под Севастополем 188 000 чел., не считая солдат для работ по вооружению и больных. При отказе от маневренной войны и при желании сосредоточить все силы под Севастополем нужно было расположиться шире, так как Херсонес Таврический не

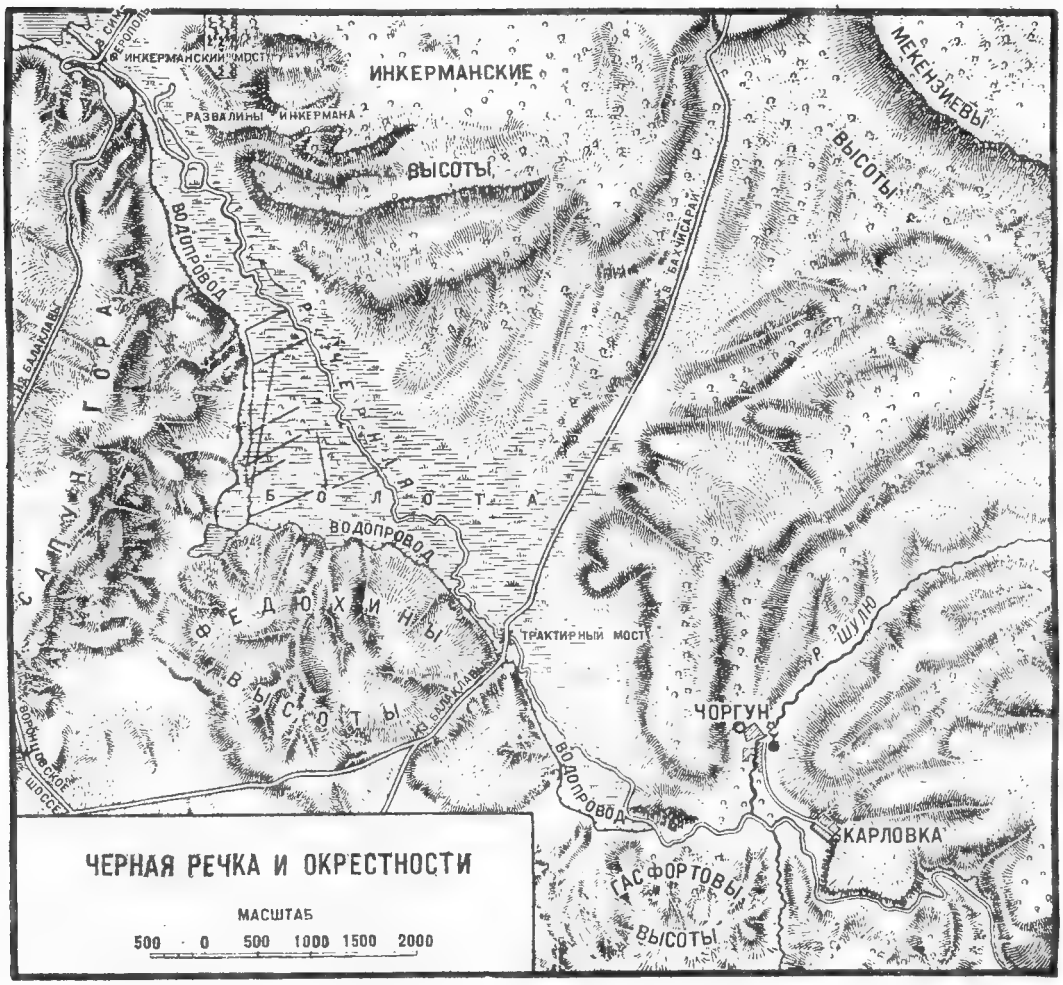


Схема 9.

давал фуража и был беден водой. Вследствие этого Пелиссье перенес контрвалационную линию с каменистой Сапун-горы на зеленые Федюхины и Гасфортовы высоты (схема 9). Благодаря этому можно было также поить животных в р. Черной. Этот короткий удар союзников, от которого русские уклонились, снова освободил Воронцовское шоссе.

Когда Пелиссье донес в Париж о выдвижении контрвалационной линии, Наполеон с раздражением телеграфировал ему: «Местности и травы в настоящее время еще недостаточно». Наполеон усмотрел из этого маневра, что Пелиссье хочет со всей армией на продолжительное

время устроиться под Севастополем, пренебрегая императорской стратегией. Наполеон не решился вторично воспретить экспедицию в Керчь, но он критиковал ее самым резким образом. Такое раздробление сил обнаруживает неумение предпринять что-либо серьезное, потому что никто не станет ослаблять себя накануне сражения. Но безусловно необходимо разбить русскую армию. Для этого нужно маневрировать, а не брать быка за рога. Маневрировать — это значит угрожать слабой стороне противника; у русских такой слабой стороной является их левое крыло.

Наполеон был совершенно прав, но как заставить Раглана итти во фланг русским?

Если возобновление керченской экспедиции Наполеон перенес с затаенной злобой, то распространение ее на кавказское побережье вызвало в нем гнев, которому он во что бы то ни стало хотел дать выход. Он телеграфировал Пелиссье: «Ни в коем случае не разрешайте экспедицию в Анапу!» Но Пелиссье не был единственным непослушным французским генералом. Военный министр и военное окружение императора считали себя также вправе не подчиняться коронованному гражданскому стратегу у телеграфного аппарата. Наполеон III был не то, что его дядя.

Телеграмма была получена под Севастополем через 5 дней, в разгар анапского предприятия, и поэтому оно не могло быть приостановлено. Запоздание телеграммы военный министр объяснил какой-то невыясненной случайностью.

Не обращая внимания на указания императора, Пелиссье остался при своей стратегии. «Я чувствую, что мои плечи достаточно сильны для моей ноши», писал он военному министру, который оказывал ему все большее доверие и моральную поддержку.

Прежде всего нужно было штурмовать важнейшие пункты впереди Севастополя: Селенгинский и Волынский редуты, Камчатский люнет и укрепленную каменоломню, комплекс стрелковых окопов (схема 7). В отношении сопротивлявшихся французских генералов Пелиссье принял очень категорический тон: «Coûte que coûte, je veux les avoir!» [1]. Пусть это предприятие очень трудно, но оно возможно. Принятое мною решение бесповоротно. Если при штурме будет пожертвована первая дивизия, то следует ввести в дело резервы из второй, третьей, четвертой: «comme il faut arriver» [2].

Из всех генералов наиболее последовательную оппозицию оказывал Ниель. Он воскликнул: «Без операции в Анапу, действуя в открытом поле, мы были бы уже в Севастополе!» И как раз ему самому пришлось возвысить этого человека! Пост главнокомандующего точно опьянил Пелиссье, обратив его в неистового дурака. При своем назначении он заявил: «Я хорошо знал, что ко мне опять обратятся».

На одном военном совете Ниель особенно подчеркивал опасность штурмов большими массами с долгими промежутками. Пелиссье грубо крикнул ему, чтобы он замолчал, и потом, взглянув на англичан, сказал: «Я веду войну не по Кобдену!» На другом военном совете он так оборвал артиллерийского ген. Беро, что у последнего выступили на глазах слезы, и он лишь по убеждению Ниеля не уехал с театра войны. Пелиссье обращался вежливо только с англичанами.

---

[1] «Я хочу их иметь во что бы то ни стало».
[2] «Смотря по обстоятельствам».

Таким образом, штурм трех русских укреплений был решен. Пелиссье не дал себя запугать и тем, что перед началом действий была получена телеграмма императора, лишавшая Пелиссье компетенции для производства осады. Главнокомандующий армиями существует для операций в поле. Ведение осады он должен предоставить начальнику инженерного корпуса (т. е. Ниелю). Начальник инженерного корпуса желает сражения. Английское правительство — также.

Наполеон мог сделать осаду Севастополя невозможной, если бы он не посылал Канроберу и Пелиссье осадных орудий и боевых припасов. Но он не отважился так категорично установить свою волю вопреки своим военным советникам и Раглану. Обильный поток снаряжения из французских и английских арсеналов в севастопольские батареи лился непрерывно. Когда для подготовки атаки передовых пунктов Пелиссье начал бомбардирование главной крепостной ограды, то он мог ввести в дело значительно большее число орудий, чем Канробер на предыдущей пасхе. Впрочем и Тотлебен смог усилить свою артиллерию так, что соотношение сил осталось прежнее. Однако, к большому ущербу русских они вследствие тяжелых условий транспорта испытывали еще более чувствительный недостаток в боевых припасах, чем в апреле.

После полуторадневного бомбардирования большей части русской крепостной ограды 31 французский батальон и численный эквивалент 4 английских батальонов были двинуты на штурм передовых укреплений. Штурмующим нужно было пробежать в среднем почти 0,5 км. Против 35 союзных батальонов выступили 22 русских батальона. Бой продолжался в течение часа. Затем русские оставили укрепления. Подобно стрелковым окопам у кладбища и по той же причине, Горчаков защищал эти укрепления не с полным напряжением сил [1].

Французы и англичане потеряли третью часть своего состава, русские — половину. По желанию Наполеона, в случае, если бы штурм все-таки произошел, штурмующие должны были надеть грудные латы. Он послал Канроберу значительную партию этих лат. Проявив на этот раз полное единодушие, французские генералы с насмешкой отложили присланные латы в сторону. Возможно, что они были правы. Но справедливость требует напомнить, что мысль о восстановлении старого предохранительного вооружения оказалась жизнеспособной и на практике привела к снабжению артиллерии щитами [2].

Достигнув своей непосредственной тактической цели, союзники продолжали бомбардирование еще несколько дней, пока не израсходовали все боевые припасы. По причинам, о которых я уже неоднократно говорил, дуэль тяжелой артиллерии причинила русским гораздо большие потери, чем союзникам. Этот в общем 4½-дневный артиллерийский бой стоил русским 3 500, а союзникам — только 750 чел. Во всяком случае русские, которым приходилось чрезвычайно беречь боевые припасы, сделали только 40 000 выстрелов против 90 000 со сто-

---

[1] По русским источникам, передовые укрепления (Селенгинский и Волынский редуты и Камчатский люнет) к началу штурма, вопреки мнению Тотлебена, были заняты всего 8 ротами. Подкрепления к ним подходили с запозданием и по частям. Вообще в своем труде автор мало пользовался русскими материалами и не всегда указывает источники своих сведений.

[2] Тут сходство чисто внешнее: латы носит человек, и они, давая недостаточную защиту, чрезвычайно стесняют его действия в бою; напротив, орудийные щиты представляют весьма полезный и необременительный придаток к машине.

роны союзников. Обстановка требовала от русских необычайной нервной силы. Но тут подвергались испытанию самые стойкие солдаты Европы.

Укрепления были взяты штурмом 7 июня 1855 г. Разумеется, Пелиссье немедленно донес императору о своем успехе, но только 14-го числа получил от него поздравление по телеграфу. В нем говорилось, что император не поздравил раньше, так как хотел сначала получить сведения о потерях: «Я узнал цифру из Петербурга». Полевое сражение стоило бы не больше, но оно решило бы успех всей кампании. Симферополь является ключом Крыма. Высадка в Алуште с вдвое большими силами, чем в керченской экспедиции, привела бы к более решительным результатам, чем все кровавые штурмы Севастополя. Ввиду этого он настаивает на своих приказах.

Одновременно с этой телеграммой Пелиссье получил письмо императора, привезенное его шталмейстером Бургойном. Оно также клеймило Керчь как ошибку и повторяло формальный приказ о переходе к маневренной войне.

Однако, после принятия командования Пелиссье не напрасно заявил: «Я чувствую, что мои плечи достаточно сильны для ноши». Теперь он ответил императору, что выполнение его приказа невозможно. Император ставит его перед альтернативой нарушить дисциплину или вызвать презрение честных, но упрямых союзников. Он предпочитает отказаться от командования, которое нельзя осуществлять в согласии с ними и которое находится под парализующим иногда влиянием телеграфа.

Пелиссье был совершенно одинок, за исключением того, что приобрел симпатии Раглана; все французские генералы с Ниелем во главе разделяли мнение Наполеона и находились в оппозиции. Ниель написал военному министру Вальяну, что Пелиссье при своей энергии победит и ложным методом, но командовать 180 000 чел. он не умеет. Армия слишком велика для него. Он понимает только африканскую малую войну. Пелиссье потеряет под Севастополем больше людей, чем в сражении, и все-таки не достигнет крупных результатов: «La grande armée servira à alimenter les petits combats» [1].

Оппозиция других генералов была сильнее. В отличие от Ниеля они сходились в том, что Севастополь никогда не будет взят фронтальной атакой. Вследствие бесспорной грубости Пелиссье эта дельная оппозиция приняла в высшей степени нетерпимые формы. Канробер отказался от предложенного ему Пелиссье командования корпусом, помня изречение: «Procul a Jove, procul a fulmine» [2], и предпочел снова принять свою дивизию. Теперь он в ярости кричал, что провел на свое место не орла, а коршуна, жестоко обращающегося с генералами.

Боске, который 7 июня опять руководил операциями, выражался еще резче. Он был предназначен в преемники Пелиссье, но не брал примера с субординации, которую Пелиссье в таком же положении выказывал относительно Канробера. Боске рассказывал каждому желавшему слушать (не только генералам), что Пелиссье потому против маневренной войны, что не хочет отказывать себе ни в чем: ни в своей карете, ни в удобной кровати, ни в еде.

---

[1] »Большая армия послужит для питания небольших боев».
[2] «Далеко от Юпитера, далеко от молнии».

В отношении кареты Пелиссье дело заключалось в следующем: он являлся плохим ездоком вследствие слишком коротких шенкелей. Он не мог ехать ни рысью, ни галопом и даже на шагу производил дурное впечатление. Ввиду этого он редко показывался войскам на коне и охотнее объезжал позиции в карете.

Боске жаловался, что Пелиссье не ориентирует его в том, что должен знать генерал, предназначенный в главнокомандующие, например, об отношениях французов к англичанам: «Если этот субъект со своей каретой опрокинется и сломает себе шею, в каком же я окажусь тогда положении!»

Солдаты давно уже знали, что потери в 9 000 чел. впереди Севастополя принесены в жертву против желания императора и что им предстоит еще худшее. Пелиссье был настолько же непопулярен, насколько Канробер пользовался популярностью. Уже в Африке войска негодовали на жестокость Пелиссье. Например, про него рассказывали, что при одном набеге в пустыне, когда неприятельская толпа из 500 мужчин, женщин и детей укрылась от него в пещере и не пожелала сдаться, он без всякой необходимости приказал ее удушить дымом. За это деяние он получил в войсках кличку «Выкуривателя».

Однажды, когда Пелиссье в своей карете объезжал позиции под Севастополем, он услышал, как за его спиной один солдат закричал: «Вот едет Выкуриватель!» Пелиссье повернулся на своем сиденье, пристально посмотрел на солдата и пригласил его подойти, но тот не подошел.

Местность впереди Севастополя была очищена 7 июня, а на 18 июня Пелиссье назначил штурм главной неприятельской позиции (схема 7). Предполагалось атаковать только укрепления на Корабельной стороне. Французы находились еще в расстоянии 450 м от Малахова кургана и в 700—800 м от Малой флеши (II бастиона); англичане — в 400 м от Большой флеши (III бастиона).

Французским корпусом перед Корабельной стороной командовал Боске, который в случае удачного штурма выиграл бы все решительные бои, начиная от высадки в Крым до взятия Севастополя. Но на этот раз он высказал серьезные опасения не только относительно идеи штурма, но и по поводу момента, избранного Пелиссье. Он говорил, что еще рано штурмовать, потому что траншеи слишком удалены от крепости. После того как Боске не удалось принудить к молчанию ни обличительными речами, ни оскорбительными сарказмами, Пелиссье за 36 час. до штурма снял его с поста, назначив командовать контрвалационной линией на Федюхиных высотах.

Бомбардирование, предшествовавшее штурму, было еще сильнее, чем 7 июня. Оно продолжалось 24 часа. Около 3 час. утра 18 июня начался штурм. Против 49 французских и английских батальонов, вышедших из траншей, выступили 35 русских батальонов, причем они вскочили на укрепления. Последовал 4-часовой бой. Картечный и ружейный огонь обороняющегося был настолько силен, что французы исчезали в облаках пыли, поднимаемой падавшими снарядами. Едва французские офицеры успевали приводить в порядок разреженные и заколебавшиеся шеренги, как они уже снова приходили в расстройство. Несмотря на это, французы часто подходили к укреплениям на дистанцию до 100 м, но уже настолько ослабленными и подавленными, что укрывались в складках местности, пуская в ход огнестрельное оружие. Офицеры, старавшиеся их увлечь вперед, погибали.

В конце концов оставалось лишь отступать, что также привело к большим потерям. Вид окопов, залитых кровью и переполненных ранеными, был потрясающий, а настроение войск прямо-таки бунтовщическое. Один из отбитых полков, проходя мимо стоянки Пелиссье, громко выражал свое раздражение. Пелиссье вплотную подошел к колонне, пристально взглянул на одного из самых злостных крикунов и сказал: «Если вам этого еще мало, то я сейчас прикажу начать снова».

Наступила тишина, и марш продолжался. Только один из них проворчал: «Этот шалый ведет нас на бойню; однако, он грубый парень!»

На другой день спектакль в театре зуавов не состоялся, так как половина актеров была убита или ранена. Потери французов равнялись трети бойцов; англичане потеряли лишь пятую часть, так как по соглашению они начали свою атаку на Большую флешь (III бастион) позже и действовали не так энергично, как французы; вообще это были уже не ветераны Инкермана.

Прошел месяц со времени вступления Пелиссье в должность главнокомандующего, и из 100 000 французских бойцов, находившихся под знаменами, он уже пожертвовал 13 000. Штурм привел к тяжелой неудаче. Ее тяжесть не уменьшалась тем, что Пелиссье умышленно назначил штурм на 18 июня — годовщину Ватерлоо — в надежде, что воспоминание об этом сражении, отравляющем взаимоотношения между французами и англичанами, будет стерто взятием Севастополя. Однако, Боске оказался прав: срок 18 июня был преждевременным, так как подступы и траншеи союзников еще не подошли на достаточно близкое расстояние к неприятельским укреплениям, а русская артиллерия не была еще сбита; кроме того, Пелиссье, несмотря на настойчивые представления своих подчиненных, ввел в дело недостаточные силы. Тут действительно проявилось вредное влияние электрического телеграфа, делавшее возможным вмешательство Наполеона в вопросы командования. Как ни сильна была воля Пелиссье, все-таки в его подсознании вследствие постоянного воздействия императора укоренился страх перед большими потерями, путавший его распоряжения.

По известному обыкновению полководцев всех народов, Пелиссье пытался свалить вину за поражение на своих подчиненных. Старшие офицеры союзников во время боя не щадили своей крови. Из 6 начальников штурмовых колонн 4 были убиты и 1 ранен. Однако, Пелиссье не оценил их героизма. Наибольшую ответственность за неудачу он приписывал 2 убитым начальникам французских дивизий — Майрану и Брюне, заявляя, что если бы они остались живы, он предал бы их военному суду.

По его обвинению, Майран, не разобрав сигналов, атаковал слишком рано, а Брюне — слишком поздно из-за того, что его неискусные распоряжения вызвали задержку войск в траншеях. Эти обвинения были повторены и в официальной французской реляции о штурме. Прочитав эту реляцию в газетах, Горчаков с полным основанием написал: «Дело в том, что подобные случаи могут произойти во всех сражениях, но проходят незамеченными, если сражение протекает при благоприятной обстановке... 18 июня все условия были против Пелиссье, потому что наша артиллерия еще не была сбита».

Наполеон столь же мало, как Горчаков, дал себя ввести в заблуждение. Он приказал Вальяну уволить Пелиссье по телеграфу; Ниель должен был занять его место, но военный министр, чувствуя себя представителем всесильного французского милитаризма, не послушался. Он отправил приказ императора в Крым не по телеграфу, а письмом, позаботившись о том, чтобы оно шло подольше. Затем со стороны Вальяна и Maison militaire [1] императора начались попытки оказать на него давление, причем вопрос ставился очень остро. Раньше чем почтовый пароход с письмом отошел из Марселя, император уже опомнился.

Победивший военный министр написал Пелиссье: «Гроза только угрожала, но нельзя допустить, чтобы она повторилась».

В 1870 г., когда Наполеон хотел удовлетвориться уступками прусского короля, французский милитаризм втравил его в войну. Вероятно, большой ошибкой французского милитаризма было и то, что в апреле 1855 г. он помешал Наполеону окончить Крымскую войну и заключить союз с Австрией и Россией. Но летом 1855 г. этот милитаризм взял верное направление. Надежда императора побудить английское правительство сделать свою армию маневроспособной и дать ей хорошего полководца была мало обоснована. Конечно, нужно заметить, что это стало нам известным только теперь из изучения «Panmure Papers» [2]: нельзя ставить в вину Наполеону, что он этого не разгадал.

В отношении французских генералов в Крыму Пелиссье должен был пойти на некоторые уступки, возвратив Боске его корпус перед Корабельной стороной. Вообще же он не изменил своего поведения. При совещаниях о дальнейшем продвижении траншей Ниель (согласно его письму Вальяну) пытался обходным путем вернуться к маневренной войне. Тогда Пелиссье перебил его, сказав в присутствии всех, в том числе и англичан: «Я запрещаю вам что-либо добавлять к прочитанной вами записке; если же вы попробуете нарушить мое приказание, то я отправлю вас обратно во Францию».

Генералы в Крыму осыпали Вальяна письмами, в которых жаловались на характер и манеру обращения Пелиссье и прежде всего требовали возобновления маневренной войны. Начальник гвардейской дивизии под Севастополем Реньо-де-Сен-Жан д'Анжели и начальник инженеров резервного корпуса ген.-адъютант Бевилль — оба писали Вальяну, что осада является гибельной для армии. К наступлению неблагоприятного времени года Севастополь еще не будет взят, и армия погибнет. Солдаты будто бы знают, что император не хочет подвергать их новым тяжелым потерям, и благословляют его за это.

Если генералы писали военному министру, то офицеры средних и младших чинов писали в газетах. Разумеется, последние могли высказывать свое недовольство лишь между строк. Но еще Гете подчеркивал, что положительной стороной строгой цензуры является то, что она приучает публику читать газеты с толком.

Небольшая, но могущественная партия с маршалом Вальяном во главе, олицетворявшая французский милитаризм, поддерживала Пелиссье наперекор императору и крымской армии. Вряд ли было бы правильно говорить о разделении французского милитаризма на сторонников Пелиссье в Париже и противников его в Крыму. В конце

[1] Военная свита главы французского государства.
[2] «Бумаги Панмура».

концов возня в Крыму была бесполезна, так как то, что называлось армией в политическом и военно-политическом смысле этого слова, находилось исключительно в Париже. Этот тесный круг был совсем не гениален; может быть, по существу это были только фронтовики, но на этот раз в своей ограниченности они находились на верном — ибо единственно возможном — пути.

В письме к Ниелю Вальян стал полностью на сторону Пелиссье. Несмотря на все ужасы второй зимы на скалах Херсонеса Таврического, писал он, осада все-таки должна быть выдержана, хотя бы продолжалась два года. Принципиально он — также сторонник маневренной войны. Но главное — предотвратить полный разрыв между императором и Пелиссье, что может привести к военной и политической катастрофе.

В заключение министр говорил, что полки, дух которых был подавлен службой в траншеях, будут осенью сменены присланными из Франции.

Через одну или две недели после истории с увольнением Наполеон получил письмо Пелиссье, в котором последний оправдывал свою стратегию. Первые фразы были прекрасны: «Осада Севастополя представляет упорный бой двух армий, которые наступают друг на друга, воздвигая земляные укрепления, строя батареи и стараясь овладеть разделявшим их сначала полем, подобно тому как в сражении ведут борьбу за решающие позиции на местности. Это — непрерывный 8-месячный бой».

Пелиссье был также прав, когда писал, что англичане пустили корни на Херсонесе Таврическом и что для маневренной войны можно рассчитывать только на французов, число которых недостаточно. Следовательно, 8-месячный бой под Севастополем нужно довести до конца, решив его наступлением с фронта.

Но остальная часть разбираемого письма много способствовала тому, чтобы ввести в заблуждение военно-историческую критику. Кроме неспособности англичан к маневрированию, Пелиссье приводит еще много возражений против маневренной войны,— «пучок затруднений» по его выражению. Сам император напомнил ему, что военные события в Крыму отражаются на европейской политике и на будущности Франции. Поэтому нужно стремиться к военному успеху без особого риска, что заставляет предпочесть осаду Севастополя полевому сражению. Не каждое полевое сражение оставляет после себя память Маренго и Аустерлица, возможно, что даже придется натолкнуться на сопротивление, как у Эйлау. Последствия неудачи должны быть взвешены самым тщательным образом. Неудача под Севастополем не могла бы произвести большой перемены, потому что там имеются верное убежище (постройка Камышевой линии продолжалась), продовольствие и боевые припасы. Напротив, поражение в открытом поле вследствие большого расстояния от операционной базы (целых 35 км!) приведет к беспорядку и огромным потерям.

Конечно, марш на Симферополь очень соблазнителен, но, к сожалению, «Moniteur» опубликовал инструкции, данные Сент-Арно. Несомненно, это побудило русских занять перевал Айен крупными силами (двумя ротами!). Правда, его можно обойти с запада, удерживая Алушту, но и там русские настороже. При обороне они будут опираться на глубокие ущелья и непроходимые леса. В этой трудно доступной местности, относительно которой имеются лишь плохие

карты, несколько решительных и ловких людей могут задержать целые колонны. В конце концов можно сблизиться с главными силами русских, но после этого произошло бы ожесточенное полевое сражение в большом расстоянии от базы союзников (от Алушты до Симферополя 35 км!).

В своем «пучке затруднений» наряду с «accidents topographiques d'une contrée bouleversée» [1] Пелиссье приводит еще недостаток воды. Но в Париже отлично знали, что страна между Байдарами и Алуштой, а также к северу плодородна и здорова. Вообще все возражения Пелиссье против маневренной войны были совершенно неосновательны, разумеется, за исключением одного бесспорного — неспособности англичан к маневрированию. Контрудар между Симферополем и Бахчисараем (схема 4) был настолько безопасен, насколько вообще может быть безопасной война, которая немыслима без риска, потому что она не математика. Но и при самом осторожном предварительном расчете можно было учесть в качестве верного фактора малую способность русских к наступлению; особенно непригодна была русская пехота к действиям на очень пересеченной местности. По этой причине Меньшиков после сражения на р. Альме отказался от мысли тотчас же дать второе сражение на местности, поросшей густым дубовым кустарником [2]. Глубокие ущелья и лесные чащи представляли собой удобное поле боя для тюркосов и зуавов, но русские были неприспособлены для действий на такой местности.

Аргументация Пелиссье, несостоятельная с военной точки зрения, была все же мастерским произведением. Ее цель заключалась в том, чтобы побудить Наполеона к предоставлению главнокомандующему свободы действий. Если бы Пелиссье все время варьировал лишь аргументами, что маневренная война, собственно говоря, представляет наилучший способ действий, но не может быть ведена из-за англичан, и если бы он сделал сущностью письма только этот руководящий мотив своей стратегии, то он произвел бы мало впечатления на императора. Ведь последний все еще думал, что англичан можно уговорить.

Следовательно, Пелиссье должен был составить письмо иначе. Наполеон, являвшийся пленником своего милитаризма, хотел казаться самодержавным. Письмо Пелиссье было рассчитано именно на эту слабость императора. Когда Пелиссье принял стратегический план, отвергаемый Наполеоном, Вальян посоветовал ему посылать императору более многочисленные и подробные военные отчеты. Это и делал Пелиссье. Он писал депеши и письма длиною в локоть [3] с несоразмерной затратой труда и времени. В них было много поучительного в смысле фактического материала. Этот материал использовался также довольно ловко: император обрабатывался с большим мастерством, но в основную стратегическую идею своих произведений Пелиссье не верил и сам. Он хотел только оказать честь императору своими подробными донесениями, так сказать, приветствовать его перед началом действий; после этого он поступал по-своему.

Наполеон был достаточно умен, чтобы со своей стороны не вносить путаницы в управление крымской армии. Как Пелиссье соблюдал

[1] Топографические неровности крайне пересеченной местности.
[2] См. выше, стр. 32—*Прим. авт.*
[3] Мера длины около аршина.

внешние приличия, так и император избегал дальнейших бесполезных ссор. В разговоре с Вальяном он назвал это письмо (у Руссе оно занимает более 6 печатных страниц) работой, замечательной как по форме, так и по содержанию. Правда, автор, несмотря на всю свою точность и ясность, его не убедил, но его личность внушает ему доверие.

Для того чтобы продемонстрировать перед крымской армией, что Пелиссье действительно является его доверенным лицом и что армия управляется не по телеграфу, Наполеон под почетным предлогом отозвал Канробера из Крыма. Будучи только начальником дивизии, он все-таки занимал фальшивое положение. Не интригуя, но одним присутствием своим старый главнокомандующий вредно влиял на авторитет нового. Канробер слыл в войсках идеологом маневренной войны, которая по предположению сопровождалась бы сравнительно меньшими потерями. В противоположность этому Пелиссье представлялся им почти как тупой и грубый мясник.

Еще до возникновения Восточной войны в Европе свирепствовала холера. Временами союзные войска сильно страдали от нее. Сент-Арно умер от холеры. Напротив, эпидемия почти совершенно не коснулась русской крымской армии, несмотря на скопление войск в Севастополе. Но ведь мы знаем, что в городе при отсутствии блокады можно было сменять полки, а в свободном пространстве, которого Пелиссье будто бы боялся, был здоровый горный воздух [1]. Мы видели, что в материальном отношении русские войска чувствовали себя там очень хорошо.

28 июня 1855 г. умер Раглан — также от холеры. Английская армия была бедна военными талантами. Преемником Раглана Пальмерстон должен был решиться назначить Симпсона. Последний долго упирался: он ясно сознавал свою непригодность и не верил также в стратегические способности Пелиссье. В отличие от Ниеля, он считал шансы осады под таким управлением весьма незначительными. Он написал Панмуру: «Эти четыре армии (английская, французская, сардинская и турецкая) при теперешнем своем устройстве никогда не будут в состоянии провести общую операцию. Нам нужен великий человек для управления целым».

Этот пессимизм был также широко распространен в Англии и во Франции; Пальмерстон и Наполеон не составляли исключения в этом отношении. Тем ревностнее старались техники изобрести новые средства нападения. Среди вынырнувших тут мыслей одна обладала необозримой способностью развития: военное применение газа [2].

Английские офицеры поставили эту проблему еще в 1811 г., обратив внимание на то, что при добывании серы оседающий дым заражает воздух, уничтожает растительность на широком пространстве и угрожает животной жизни.

Была созвана комиссия из сухопутных и морских офицеров для обсуждения, нельзя ли из этого явления сделать практические выводы для войны. В состав комиссии входил также полк. Контрев, изо-

---

[1] Часть русской армии стояла на Мекензиевых высотах.

[2] Начатки не только химической, но и бактериологической войны относятся к глубокой древности. Например, при осаде городов эллины иногда выкуривали неприятеля из подземных галлерей дымом; они же бросали в город при помощи баллист трупы людей и животных, умерших от заразных болезней.

бретатель названной его именем зажигательной гранаты [1]. Комиссия дала благоприятный отзыв, но все окончилось решением держать дело в секрете.

Летом 1855 г. к этому вопросу вернулся граф Дендональд, сын известного химика. Дендональд-младший провел бурную жизнь. Во время революционных войн под именем капитана Кекрена (Cochrane) его очень много чествовали; нация причисляла его к своим самым блестящим морским героям. Но затем, подобно ген. Форею, он был запутан в своего рода дело Дрейфуса. Вследствие политической интриги его обвинили в распространении ложных сведений в целях биржевой спекуляции. В 1814 г. без доказательства вины он был присужден к заключению в тюрьму и к выставлению у позорного столба, исключен из нижней палаты парламента, лишен офицерского звания и вычеркнут из списка кавалеров ордена Бани.

Я обхожу дальнейшую судьбу Кекрена: как, состоя на морской службе восставших южноамериканских колоний, он опять отличился [2]; как после смерти отца сделался лордом Дендональд и с помощью королевы Виктории добился ревизии своего процесса, доказавшего его невиновность. Еще задолго до этого, следуя примеру отца, он посвятил себя изучению прикладных наук и изобретениям в области механики.

Летом 1855 г. Дендональд представил английскому правительству проект выкуривания русских из Малахова кургана. На Камчатском люнете, взятом Пелиссье 7 июня, он предлагал нагромоздить для производства дыма сухие дрова, щепки, солому, сено и прежде всего 2 000 т угля и от 400 до 500 т серы. При благоприятном и постоянном ветре следовало развести огонь.

Одновременно нужно было зажечь перед Большой флешью (III бастион) 2 000 т смолистого угля и несколько тысяч бочек смолы с целью настолько затемнить это укрепление, чтобы оттуда нельзя было помешать газовой операции на Камчатском люнете.

Дендональд хотел также окурить «дымом и серой» Александровский и Константиновский форты. Под прикрытием газа флот должен был разрушить эти форты [3].

Пальмерстон, узнав от Панмура об изложенном проекте, высказался за испытание его, но так, чтобы в случае неудачи большая часть скандала пала не на правительство, а на изобретателя.

Затем предприятие провалилось из-за неумения использовать ветер для газовой атаки. Кекрена осмеяли, как и некоторых других военных изобретателей, например, Наполеона с его латами, а дело сдали в архив в убеждении, что оно не имеет будущности.

Впрочем для истощения русской армии не требовалось никаких новых разрушительных средств; для этого было достаточно еженедельно возраставшего превосходства союзников в артиллерийском огне. Особенно значительный перевес приобретали они постепенно в мортирах. За 8 недель после 18 июня при слабом огне союзников русские потеряли 9 000 чел., осаждавшие — только 5 000. Чем ближе

[1] Не граната, а Конгревова ракета.

[2] Кекрен участвовал адмиралом в войне за освобождение Чили от Испании. Затем в войну 1827–1828 гг. он командовал греческим флотом против турок. В 1831 г. опять вернулся на британскую службу.

[3] Запиравшие вход в Севастопольский рейд; у русских они назывались батареями.

придвигались траншеи к оборонительной ограде, тем более увеличивалась эта разница к невыгоде русских. Когда Симпсон послал в Лондон еще одно из своих малодушных донесений, старый Бургойн написал в утешение военному министру, что число больных и раненых в Севастополе должно возрастать в тревожных размерах; испытания русских должны быть огромны: «Только слепое благоговение перед самодержавной властью, которая почитается почти святой, могло сделать войска способными все это переносить».

Действительно, русские смогли снова наладить подвоз боевых припасов в Севастополь только потому, что они приостановили эвакуацию раненых и больных. Их транспорты, несмотря на полное содействие южнорусских немецких колоний, в конце концов не удавалось более ремонтировать упряжными животными. Они свернулись. Последствием этого было ужасное состояние госпиталей. Неприятельские бомбы попадали в операционные залы, потому что во всем Севастополе нельзя было уже найти безопасного от огня места. Снабжение войск также существенно ухудшилось. Продовольственные дачи севастопольского гарнизона были уменьшены наполовину. Под давлением этих лишений самые сильные нервы должны были отказаться служить. У русских они сдавали довольно медленно [1].

В июле Горчаков начал готовиться к отступлению. В августе был наведен мост на плотах через рейд (схема 6). Необходимый для этого лес был закуплен в Херсоне и на других пристанях по Днепру. Остатки изнемогавшего обоза должны были принять на себя перевозку лесного материала: 86 плотов, каждый из 13 бревен. Длина моста была не менее 918 м. Ветер и сильное волнение затрудняли постройку, производившуюся под неприятельским огнем и продолжавшуюся 3 недели.

В письме к императору Пелиссье выразил надежду, что в случае взятия укреплений он принудит русскую армию, оттесненную к рейду, капитулировать. Сомнительно, думал ли он так на самом деле, хотя это и возможно, потому что позиционная война представляла собой совершенно «новый феномен»; Пелиссье еще не имел представления ни о сущности, ни о возможностях этой «новой формы войны». В мировую войну произошло то же самое, хотя уже имелся опыт Крымской войны, из которого можно было кое-чему научиться. Но извлекать из истории поучение для жизни трудно [2].

Сформулируем сказанное, используя современную терминологию: прорыв для Пелиссье был едва ли достижим; в случае удачи ему приходилось удовлетвориться вдавливанием русской позиции. Ниель это понимал, хотя также не имел представления о позиционной войне. Он писал в Париж, что о капитуляции русской армии нельзя и думать.

---

[1] Следует добавить, что 28 июня (ст. ст.) на Малаховом кургане был убит адм. Нахимов. По свидетельству участников севастопольской обороны, смерть этого начальника — необычайно популярного как среди моряков, так и среди сухопутных, — произвела особенно тягостное впечатление на гарнизон. Сам Тотлебен говорит, что она в сильной степени понизила энергию сопротивления Севастополя. Автор, придающий такое большое значение психологии, не только умалчивает об этом факте, но на всем протяжении своего труда даже не упоминает о роли Нахимова!

[2] В примечаниях к главам I и IV было уже сказано, что Крымская кампания отнюдь не представляет собой какую-либо «новую форму войны» и что между ней и мировой войной по существу очень мало сходства.

Впрочем до этого было еще далеко. Позиционная война по своей природе затяжная, а русские имели еще одно средство для отсрочки решения. После того как в апреле на Венской мирной конференции Австрия далеко пошла навстречу русским, она в июне сделала еще больший шаг в этом направлении, а именно — разоружилась. Теперь русские передвинули две новых дивизии с западной границы в Крым. Это с избытком покрыло потери, понесенные в бою за стрелковые окопы у кладбища.

По поручению царя в главную квартиру Горчакова прибыл ген.-адъютант барон Вревский и передал приказ: для спасения Севастополя еще раз сделать попытку большого наступления. Сопротивлявшийся Горчаков вынужден был разыграть второй Инкерман [1].

Но со времени Инкермана соотношение сил между сражавшимися армиями значительно изменилось. Тогда союзники имели 70 000, русские — 100 000, теперь пропорция была 175 000 против 135 000. Перед Инкерманом французы чувствовали себя слишком слабыми, чтобы помочь англичанам в укреплении их позиции. Теперь контрвалационная линия союзников была отлично укреплена.

Как сказано, они выдвинули ее на Федюхины и Гасфортовы высоты (схема 9). Там были выставлены 34 000 чел. пехоты, кроме других родов войск. Горчаков наступал из Мекензиевых лесов с 51 000 чел. пехоты. Мы знаем непроходимость этих лесов, в которых после сражения на р. Альме союзники и Меньшиков совершали свои марши, делая chassé-croisé. Теперь одна из 4 дивизий Горчакова застряла в лесу, как и часть мостового парка, при помощи которого предполагалось переправиться через р. Черную и особенно через водопроводный канал (схема 9). Часть парка, достигшая места назначения, оказалась непригодной для артиллерии; вследствие этого ее пришлось оставить без всякой пользы на правом берегу р. Черной. Около 5 час. утра 16 августа правое крыло пехоты переправилось вброд через р. Черную, затем оно перешло по временным мостам через канал и взобралось на Федюхины высоты.

Без особых доказательств понятно, что 36 батальонов, произведших с изумительной храбростью эту безумную фронтальную атаку, были почти уничтожены. Бой продолжался 3 часа. Потерю русских можно определить по меньшей мере в 8 000 чел. из 21 000 бойцов. По выражению одного очевидца, долина р. Черной была адом. Ген.-адъютанту Вревскому ядром снесло голову; так же был убит и командовавший наступательным крылом ген. Реад.

На последнего, который уже не мог возражать, Горчаков пытался свалить вину за поражение, как Данненберг после Инкермана — на Соймонова и Пелиссье после 18 июня — на Брюне и Майрана. Хотя Горчаков повел армию на бойню по высочайшему повелению, тем не менее он мог предвидеть, что страшное поражение вызовет нападки на него. В своей реляции Горчаков утверждал, будто он еще не решился, атаковать ли французов на Федюхиных высотах или сардинцев

[1] Это не совсем точно. Император Александр не прислал категорического приказа, а выразил лишь свое мнение, указав собрать для решения вопроса военный совет. Последний был собран 28 июля ст. ст, и на нем все начальники—кроме Остен-Сакена, Хрулева и раненого Тотлебена, приславшего письменный ответ,— высказались за наступление. Горчаков был убежденным противником таких действий, но по слабости характера подчинился желанию царя и мнению большинства.

на Госфортовых высотах, когда Реад самовольно выступил против французов. Несомненно, это обвинение не имело оснований. Сам Горчаков в письме к военному министру находил аналогичные обвинения, которые Пелиссье выдвинул против своих убитых генералов, «комичными».

Сражение на р. Черной было выиграно при пассивной обороне. О преследовании Пелиссье не мог и думать. По ту сторону обоих потоков поднимались Мекензиевы и Инкерманские высоты, увенчанные тяжелой русской артиллерией. Союзники и русские сходились в том, что Мекензиева позиция с этой стороны неприступна. Горчаков ввел в дело только 36 батальонов; 58 были еще не тронуты. Отступление русской пехоты через болотистую долину р. Черной и обратный подъем ее на высоты прикрывались завесой из 74 русских эскадронов и 36 сотен. Пелиссье имел в непосредственном распоряжении 51 эскадрон; всего же у него было 74.

Победитель не мешал побежденному спокойно отступить. Отступление продолжалось 6 час., пока последние русские войска не исчезли из поля зрения французов.

Это было единственное полевое сражение, выигранное Пелиссье; после этого ему уже не представлялось случая сражаться в поле. Ген. Деррекаге, написавший биографию Пелиссье, называет его величайшим военным деятелем Франции XIX в. В этом он, пожалуй, прав. Такое соединение огромной воли с политической ловкостью сделало бы честь любому полководцу. Однако, в Пелиссье нельзя было обнаружить ни одного признака гения. Наполеон и Ниель не придавали ему значения в этом отношении даже и тогда, когда он находился в ореоле своей славы в качестве покорителя Севастополя. Но ведь мы знаем, что на практике Пелиссье был связан в своих действиях и даже в депешах не мог высказываться свободно: каждое слово в них было рассчитано на то, чтобы убедить Наполеона. Правда, можно думать, что там, где гений, все-таки летят искры, или, как Пальмерстон жаловался Панмуру на Раглана: «Человек, имеющий мысли, должен их выразить даже независимо от своего желания».

Историк должен судить о Пелиссье на основании тех талантов, которые обстоятельства позволили ему проявить. Сообразно с этим его достижения были огромны, хотя по своей духовной природе и представляли нечто очень ограниченное. Деррекаге совершенно ошибочно пишет о Пелиссье: «Может быть, не зная замечательной теории Клаузевица, он применял ее инстинктивно».

Позиционная война требует неслыханного напряжения силы воли, но она не дает поприща для гениального вдохновения. Именно поэтому Пелиссье являлся под Севастополем провиденциальным человеком.

На следующий день после сражения на р. Черной, 17 августа 1855 г., началось пятое бомбардирование Севастополя, продолжавшееся до 20 августа. Осадные батареи настолько приблизились теперь к батареям обороняющегося и приобрели такое значительное огневое превосходство, что русские уже не могли днем разрушать те подступы, которые союзники прокладывали за ночь. Последние могли устроить хорошие плацдармы как исходные пункты для штурма.

В течение 334 дней позиционной войны союзники проделали беспримерную работу лопатой и киркой. Общее протяжение траншей до-

стигало 80 км, т. е. равнялось расстоянию от Берлина до Витенберга. В то время думали, что эта цифра никогда не будет превзойдена. Ведь для постройки французских окопов понадобилось 140 000 туров и фашин и более миллиона земляных мешков.

Однако, батареи союзников могли поддерживать огневое превосходство только при таком расходе боевых припасов, пополнение которого вызывало затруднения. Вследствие этого с 21 августа до 4 сентября атакующий должен был ослабить бомбардирование. Все же за это время он выпустил 132 000 снарядов против 51 000 русских. Такое количество артиллерийских средств разрушения еще никогда не было сосредоточено и израсходовано в одном пункте.

Затем с 5 по 8 сентября последовало шестое бомбардирование Севастополя: 50 000 союзных снарядов против 15 000 русских. Газетная фраза о железном штурме вышла из употребления; теперь говорили о граде снарядов. Чтобы не подвергать весь севастопольский гарнизон действию этого града, Горчаков поставил часть войск к северу от рейда в резерв. Все же ему пришлось держать в укреплениях 50 000 чел. пехоты. Из них между 17 августа и 8 сентября из строя были выведены 22 000 чел. К этому нужно прибавить большие потери моряков, обслуживавших орудия. Укрепления перед старым городом и Большая флешь (схема 7) до некоторой степени сохранились, но укрепления на Корабельной стороне подверглись разрушению. Вследствие уничтожающего навесного огня их нельзя уже было исправлять по ночам. Об артиллерийской дуэли не могло быть более речи,— по крайней мере на Корабельной стороне действовали только орудия атакующего. Русские солдаты называли Малую флешь (II бастион) мельницей для перемалывания человеческих костей. Днем нельзя было ни вынести оттуда раненых, ни поднести им воды, несмотря на сильную жару.

От бомбардирования затонули 4 русских корабля. Один из них был нагружен порохом для мин, которые предполагалось заложить под исходящим углом Малахова кургана.

Даже ген. Хрулев — этот сплошной нерв без мозга [1] (он добровольно взял на себя ответственность за безумный штурм Евпатории, от которого перед этим отказался назначенный Меньшиковым другой генерал), даже такой рубака теперь с грустью признался: «Тяжело жить под постоянным огнем». К северу от рейда на Северной стороне,— как называлась эта часть города,— находилась церковь с кладбищем, на котором хоронили умерших от ран. На солдатском языке оно было известно под именем «могилы ста тысяч».

Горчаков писал военному министру, что в армии все считают дальнейшую оборону Севастополя безумием. Тем не менее честь требует сопротивления до последней крайности. Горчаков предполагал из 45 000 чел. пехоты, находившихся на Мекензиевых горах, постепенно притянуть в город 25 000 чел. и израсходовать их вместе с гарнизоном. Таким способом он надеялся удержать Севастополь до 1 октября.

Возможно, что Севастополь удалось бы удержать и несколько дольше, так как 8 сентября артиллерийские припасы у союзников

[1] Такая аттестация не соответствует действительности. Хрулев, один из выдающихся героев севастопольской обороны, будучи человеком средних способностей, выгодно отличался от других тогдашних начальников инициативой и решительностью.

были на исходе. Но вместе с новыми снарядами союзники ожидали 400 мортир, для которых уже были приготовлены места в траншеях. Соотношение в числе орудий теперь выражалось цифрами: у союзников 698 и у русских 600. Хотя довольно много русских орудий и было сбито, но все-таки, взяв последний запас современных пушек из арсеналов и совершенно разоружив флот, русские по числу орудий, примерно, сохраняли равенство с союзниками. Однако, после прибытия 400 мортир существовавшее уже огромное превосходство союзного навесного огня приняло бы фантастические размеры, и разрушительная сила атакующего стала бы просто неотразимой.

Во всяком случае мортиры и боевые припасы еще не были получены, а Пелиссье приходилось считаться с возможностью, что тем временем огневое превосходство перейдет к обороняющемуся. Это была плохая перспектива для атакующих. Французы подошли своими осадными работами на 25 м к Малахову кургану и на 70 м к Центральному бастиону [1]; англичане — на 170 м к Большой флеши (III бастион). При огневом превосходстве русская артиллерия могла бы тем легче разрушить траншеи союзников, что скалистый грунт Херсонеса Таврического, покрытый лишь тонким слоем земли, вынуждал сапер строить брустверы из камня. Союзники должны были понести огромные потери еще до начала штурма [2].

Но пока преимущество было еще на стороне союзников, Пелиссье решил не упускать этого драгоценного момента и лучше отказаться от разрушительных мортир. При этом он натолкнулся на оппозицию подчиненных генералов, что впрочем его попрежнему мало заботило. В полдень 8 сентября был произведен штурм.

Пелиссье научился на своих ошибках. Для действий были назначены гораздо большие силы, чем 18 июня: тогда штурмовали 49 батальонов, теперь — 78. Район атаки был тот же: укрепления между Большой и Малой флешами (схема 7). Кроме того, на этот раз была произведена еще вспомогательная атака 14 батальонами на Центральный бастион.

Флот должен был опять содействовать сухопутным войскам, но из этого ничего не вышло вследствие сильного северо-западного ветра.

Ключом русской позиции являлся Малахов курган. В случае его потери нельзя было удержать всю остальную линию укреплений, и русская армия должна была отойти за рейд. Французами перед Малаховым курганом командовал ген. Мак-Магон, присланный из Франции для того, чтобы принять начальство над дивизией Канробера. Другие французские генералы говорили про него, что Мак-Магон—отличный солдат, а главное, что он свеж, тогда как их нервы уже измотаны.

Мак-Магон имел 20 батальонов. На Малаховом кургане стояли только 4 русских батальона; поместить там больше было нельзя вследствие недостатка в блиндажах, необходимых при сильном неприятельском огне с короткой дистанции. Французы пробежали небольшое расстояние между своими траншеями и Малаховым курганом в 1—

[1] V бастион.

[2] Вряд ли в это время русские могли приобрести огневое превосходство. Автор сам описал то ужасное состояние, в котором находились севастопольские укрепления в результате шестого бомбардирования. Для обслуживания орудий пришлось назначать ратников ополчения.

2 мин. Они двигались густыми массами не менее 60 чел. в глубину и около 130 чел. в ширину.

Малахов курган был сильным фортификационным сооружением. Валы его имели высоту в 20 фут. (6 м), рвы — такую же глубину и 23 фута (6,5 м) ширины. Все укрепление занимало по фронту 350 м и в глубину 150 м. Внутри него находились блокгаузы [1] в 1—2 этажа для пехоты. Бастион был вооружен 62 тяжелыми орудиями. Тотлебен хотел выставить вдвое больше, но он не мог непосредственно вмешаться в распоряжения, так как был тяжело ранен [2]. Впрочем перемены в частностях не оказали бы решительной помощи русским при общей неблагоприятной для них обстановке.

Внезапная и неожиданная атака Мак-Магона, произведенная непосредственно после многодневного уничтожающего огня союзников, вытеснила русских из Малахова кургана. Но непосредственно позади него находилась вторая ограда, за которой сосредоточились значительные русские силы, подготовлявшие контрудар.

Тем временем французы были отбиты от куртины и Малой флеши (схема 7). Тут их штурмовые колонны были сравнительно слабее, чем у Малахова кургана; правда, имелся 41 батальон, но приходилось атаковать большой участок ограды; против него французы наступали, имея в глубину только около 18 чел., тогда как у Малахова кургана — 60.

В бой за Малую флешь вступило также русское северное укрепление с другой стороны рейда и 3 русских военных корабля. Вследствие огня французских батарей из-за Килен-балки эти корабли не могли оставаться на якоре, а должны были крейсировать, что мешало точному прицеливанию при стрельбе. Однако, бомбы и гранаты вместе с картечью и пулями 19 русских батальонов заставили французов отступить от куртины и Малой флеши.

По условию англичане должны были начать штурм Большой флеши только после взятия Малахова кургана Мак-Магоном. При последнем находился начальник английских телеграфных войск майор Биддульф, который, имея в виду ход боя, выразил некоторое сомнение в возможности удержания Малахова кургана. На это Мак-Магон дал ответ, сделавшийся историческим: «J'y suit et j'y reste» [3].

Мак-Магону нелегко было сдержать свое слово. 37 русских батальонов, сражаясь с испытанной храбростью и преданностью долгу, произвели 5 атак на горжу Малахова кургана. Осыпаемые оттуда пулями, они поддерживали непрерывный ружейный огонь. Их «ура» смешивалось с хриплыми криками тюркосов. Когда у русских большинство старших офицеров было перестреляно и обнаружился недостаток боевых припасов, они все еще продолжали кричать: «Дайте нам патроны! Ведите нас в бой!»

---

[1] Вернее блиндажи.

[2] Все это описание относится ко времени до бомбардирования. В момент штурма состояние укреплений было следующее: рвы на Малаховом кургане, а также на II бастионе и соединявшей их куртине были засыпаны; брустверы представляли широкие обвалы; туры и фашины, составлявшие одежду амбразур, обгорели; на фронте Малахова кургана уцелело 8 орудий, а на II бастионе—6 орудий.

[3] «Я тут нахожусь и тут останусь». Эти слова напоминают знаменитую фразу Мирабо, произнесенную в Национальном собрании 23 июля 1789 г. в ответ на переданное от имени короля приказание, чтобы депутаты третьего сословия удалились в отдельное помещение.

Подобно русским, 5 раз атаковавшим Малахов курган, французы 4 раза переходили в наступление против Малой флеши. Желая помочь своей пехоте, 2 французские полевые батареи подъехали на 200 м к русскому укреплению, снялись с передков и открыли огонь картечью. Но они представляли слишком крупную цель для защитников бастиона и в короткое время были уничтожены.

Атаки англичан против Большой флеши и французов против Центрального бастиона также не удались. Только у Малахова кургана после 4-часового боя русская позиция была окончательно вдавлена.

Однако, потеря Малахова кургана была достаточна, чтобы сделать защиту Севастополя невозможной. Около 5 час. вечера Горчаков отдал приказание об отступлении. Части русской армии, защищавшие самый город, воспользовались мостом на плотах, а войска с Корабельной стороны были перевезены флотом. Всех раненых взяли с собой за исключением 500 чел. Только 57 полевых орудий и часть обозов были принесены в жертву, но не оставлены неприятелю, а сброшены в воду [1].

Разумеется, Пелиссье не решился наседать на русскую армию, чтобы вызвать ее капитуляцию, обещанную Наполеону. Горчаков устроил в городе баррикады и принял меры для задержки преследующего взрывом пороховых погребов. Повсюду в городе находились электрические провода и зажигатели. Некоторые французские генералы уверяли, что опасаться борьбы за баррикады не приходится, так как тактика русской пехоты менее всего приспособлена к этому виду боя, но Пелиссье отвечал, что вторгшаяся в город французская пехота начнет грабить и вообще выйдет из рук офицеров; последствия этого могут быть неисчислимы...

До полуночи 24 русских батальона еще удерживали баррикады; потом и этот арьергард отступил через рейд, а плоты, составлявшие мост, были переведены к северному берегу. В заключение русские разрушили Севастополь посредством взрывов 35 пороховых погребов. Флот был частью сожжен, частью потоплен.

Ausgestritten, ausgerungen
Ist der lange, schwere Streit,
Ausgefüllt der Kreis der Zeit
Und die grosse Stadt bezwungen [2].

2 дня и 2 ночи горел Севастополь, причем союзники из страха перед взрывами не отважились вступить в город. Последнего русские не предусмотрели, когда оставили вышеупомянутых 500 тяжело раненых в морских магазинах около Павловского форта [3] без врача или другой помощи, в надежде, что они скоро поступят на попечение докторов противника. Оставленные так и умерли ужасной смертью от жажды.

---

[1] Вывести стоявшую в укреплениях тяжелую артиллерию было невозможно, и она досталась союзникам.

[2] Из стихотворения Шиллера: «Das Siegesfest», перев. Жуковского: «Торжество победителей»:

Суд окончен; спор решился;
Прекратилася борьба;
Все исполнила судьба:
Град великий сокрушился.

[3] У русских назывался—Павловская батарея.

Французы произвели штурм с 30 000 чел., из коих потеряли около 8 000. Дивизия Мак-Магона вступила в бой в числе 4 500 штыков; она потеряла 2 100—почти половину. Не меньшие потери понесла бригада Трошю перед Центральным бастионом. Бригада Вимпфена, от которой после 18 июня остались лишь обломки, опять уменьшилась на одну треть.

В дивизии Мак-Магона из 200 офицеров выбыло из строя 120; в бригаде Трошю—70 из 100. В этой бригаде офицерам пришлось проявить особое самопожертвование, так как тут взорвались фугасы, что оказало вредное моральное влияние на атакующих. Подобно этому пункту, русские хотели защищать посредством мин и другие пункты. Мы видели, что только изнуряющее бомбардирование последних дней помешало заложению мин на Малаховом кургане. Но уже тот факт, что атакующие нашли электрические провода, был для них чрезвычайно опасен. Когда раздался крик ужаса «Малахов курган минирован», то только властная личность Мак-Магона удержала войска. Без него Малахов курган, пожалуй, оказался бы столь же мало завоеванным, как и Центральный бастион. Не все французские войска понесли такие потери в офицерах, как бригада Трошю и дивизия Мак-Магона. И все же из офицерского состава французских штурмовых колонн одна треть была убита или ранена.

Англичане выступили с 6 500 чел. Они понесли еще большие потери, чем французы, потому что им приходилось штурмовать с более дальней дистанции. Если французы потеряли не более 25%, то потеря англичан достигала 35%. Английская убыль в офицерах доходила даже до 60%, т. е. как у дивизии Мак-Магона. В английских штурмовых колоннах тоже внезапно распространился слух, будто Большая флешь минирована; этот слух не имел оснований, но он много способствовал тому, что англичане, у которых не нашлось своего Мак-Магона, были опять выброшены из бастиона, в который уже ворвались.

Русские ввели в дело 30 000 чел.; из них выбыло из строя 13 000. Во что русским обошелся Севастополь, показывает статистика Тотлебена относительно их потерь при вылазках, бомбардированиях и штурмах союзников. Потери в трех сражениях (на р. Альме, при Инкермане и на р. Черной) сюда не вошли, как и убыль от болезней. По этому подсчету гарнизон Севастополя, средняя численность которого достигала 75 000 чел., за время осады потерял 89 142 чел. [1].

Оба главных авторитета союзников по крепостной войне — Ниель и Бургойн — сходились в том, что если бы Севастополь был крепостью, то его вообще не удалось бы взять. При наличии каменных эскарпов и контрэскарпов пришлось бы пробивать бреши, а если бы позади крепости стояла русская армия, то ее невозможно было бы одолеть. Ниель говорит: «8 сентября атакующие еще не дошли до

[1] Крымская кампания по существу свелась к осаде Севастополя, а между тем автор очень мало говорит о самом ходе осадных работ и о противодействии им. Союзники продвигались вперед подступами, последовательно закладывая параллели. Перед Малаховым курганом находилась последняя, седьмая, параллель. Попутно обе стороны пользовались средствами минной войны. Утром 8 сентября, в день штурма, французы взорвали минные горны в нескольких саженях от контрэскарпа Малахова кургана. Но особенно поучительными являются действия обороняющегося под руководством такого выдающегося инженера, как Тотлебен, применявшего некоторые новые приемы. Вообще с точки зрения военного искусства все это представляет гораздо больший интерес, чем театр зуавов, о котором распространяется Даниэльс.

венчания гласиса, следовательно, несмотря на величайшие усилия, они еще не успели приступить к самым трудным и сопряженным с потерями осадным работам. Впрочем в этих работах и не встречалось надобности, так как рвы и брустверы оборонительной ограды были доступны для эскалады. Трудность заключалась в преодолении русской армии на заблаговременно подготовленной местности».

Правильность мнения Ниеля подтвердила мировая война, когда крепость Верден с находившейся позади нее армией не могла быть взята.

Глава VI

Вторая зима под Севастополем. Замирание войны

Союзники взяли Севастополь 8 сентября; следовательно, перед ними снова вставала забота о зимовке, которая в прошлом году причинила им так много лишений. Теперь они могли, как им по крайней мере казалось, опираться на крупный портовый город; правда, от него остались почти одни развалины, но и они представляли ценность. Панмур тотчас же послал в Крым 200 каменщиков, чтобы хоть отчасти восстановить Севастополь.

Однако, надежды на то, что со взятием Севастополя наступит переломный момент в расквартировании союзников, не оправдались. Ниель и в этом отношении оказался прав: фронтальная атака не дала союзникам полного господства над Севастополем. Русские были вынуждены очистить его, но союзники не получили возможности устроиться в нем достаточно основательно. К северу от рейда русские имели 4 форта [1], из которых можно было обстреливать Севастополь. (схема 6). Кроме того, они выстроили на Северной стороне многочисленные батареи и выставили на берегу стрелков.

По приказу Пелиссье, союзники в конце концов перестали отвечать на огонь, так как русских все равно нельзя было подавить. Улицы Севастополя все время находились под опасностью обстрела, и в результате союзники не могли расположиться в городе на квартирах. Константиновский и Александровский форты [2] запирали вход союзному флоту. Ни один корабль не мог войти в гавань. Таким образом, в наступавшую зиму союзники должны были ожидать такого же неудобного положения, как и в прошлую, когда корабли в значительном числе могли безопасно стоять на якоре лишь в Константинополе.

Только маневренная война могла открыть союзникам гавань и обеспечить обладание Севастополем. На Северной стороне Севастополя, на Инкерманских и Мекензиевых высотах и на Среднем Бельбеке

[1] Константиновская, Михайловская, Екатерининская и Парижская батареи.
[2] В тексте ошибочно назван форт Михайловский.

стояла русская армия. Вследствие пополнений, численность ее опять достигла 105 000 чел.; она укрепилась и постепенно выставила на позициях 762 орудия. Далее у Перекопа (схема 8) стоял гренадерский корпус силою в 23 000 чел. К этому нужно добавить большие кавалерийские массы перед Евпаторией. В общем против 170 000 союзников стояли 134 000 русских, исключая небоевой элемент.

Так как русская армия нисколько не пала духом, то ясно, что потеря Севастополя мало ухудшила ее положение в военном отношении; только в политическом смысле союзники одержали большой успех. Ввиду того, что при маневренной войне нельзя было рассчитывать на 30 000 турок, которые годились лишь для защиты гаваней, то союзники в отношении способности вести наступательные действия были не намного сильнее русских. Тем не менее в случае правильной стратегической организации похода победа была им обеспечена; они могли положиться на тактическое превосходство своей пехоты над русской [1]. Кроме того, у русских вследствие недостатка фуража другие роды войск должны были наполовину сократить свой конский состав.

Наполеон и Пальмерстон побуждали Пелиссье и Симпсона использовать осень для обходного маневра с помощью флота, принудить русских к сражению, освободить Севастополь с гаванью и очистить Крым от неприятеля. Наполеон высказал, что нет надобности итти дальше Симферополя, так как зимой русские все равно не могут держаться в степях. Панмур написал Симпсону, что в обществе спрашивают: «Почему он остановился? Теперь ему нужно преследовать лисицу!»

Вместо этого полководцы предприняли вторую экспедицию вроде керченской. Стратегическим объектом ее, если тут можно говорить о стратегии, был Николаев на Буге — вторая верфь Черноморского флота (схема 8) [2]. Вход в лиман защищался двумя небольшими крепостями — Кинбурном и Очаковым. Последний известен по турецким войнам Екатерины II и из истории младшего Питта.

В середине октября 1855 г. союзная эскадра бомбардировала Кинбурн. Во главе эскадры находились 3 бронированных французских плавучих батареи. Из опыта октября прошлого года французы быстро сделали вывод, что дерево не может справиться с железом. Напомним о напрасных потерях союзного флота, когда он принял участие в первом бомбардировании Севастополя. Таким образом, при бомбардировании Кинбурна зародился бронированный корабль.

Странно, что в технике военного кораблестроения французы вообще шли впереди англичан, даже в эпоху сражений при Абукире и Трафальгаре, когда владычество Англии на морях, насколько можно было предвидеть, установилось навсегда. Тогда главнейшие английские усовершенствования в постройке судов были сделаны по образцу французских призов. Это продолжалось и после заключения мира. Например, в 1845 г. в Девонпорте была начата постройка корабля «Несравненный» по образцу одноименного французского судна, захваченного в 1794 г.

[1] Это верно лишь относительно французов, ибо английская пехота, как выяснено выше, применяла линейную тактику XVIII в.

[2] Так как одной из главных целей войны для англичан было уничтожение морского могущества России на Черном море, то после взятия Севастополя вполне логичной является операция против Николаева.

Если кто-либо пожелает извлечь нечто правдоподобное из знаменитого фантастического рассказа Полибия о постройке римского флота для Первой пунической войны [1], тот пусть придерживается этой аналогии. Не исключена возможность, что римские корабли были выстроены по образцу карфагенской пентеры [2], потерпевшей крушение у берега.

В связи с этим напомним, что и германский флот в сражении при Скагерраке технически превосходил английский. В военной истории технический момент еще никогда не имел решающего значения [3].

Кинбурн был атакован не только с моря, но также и на суше англо-французским отрядом в 8 500 чел. под командой ген. Базена. Вследствие сильного морского прибоя высадка продолжалась 2 дня, но потом ружейный огонь десантных войск и бомбардирование эскадры через несколько часов принудили Кинбурн к сдаче. На другой день русские сами взорвали Очаков.

Для союзников это была такая же бескровная победа, как и взятие Керчи, но ее военная польза была столь же сомнительна. После входа союзных канонерок в Буг выяснилось, что Николаев слишком сильно укреплен, чтобы экспедиционный отряд мог его атаковать. Кроме того, русские разбросали мины [4]. Император Александр, находившийся тогда в Николаеве, не счел нужным, несмотря на приближение неприятеля, менять в чем-либо свои распоряжения.

Чтобы извлечь хоть какую-нибудь пользу из экспедиции, один французский полк и часть флота были оставлены в Кинбурне. Таким образом, между Николаевом и Херсоном прерывалось морское сообщение, которое значительно облегчало связь крымской армии с внутренней Россией.

Сильный союзный гарнизон, состоявший из турок, занимал Еникале близ Керчи. Опираясь на него, союзный флот препятствовал русским пользоваться Азовским морем как путем подвоза для крымской армии. Но это удушение с двух сторон было недостаточно сильно, чтобы лишить русских их базы. После закрытия Азовского моря они еще имели в своем распоряжении две дороги: одну — через Перекоп и другую — через Чонгар (схема 8). Так как обе дороги, повидимому, были не совсем обеспечены от небольших военных кораблей противника, то из предосторожности в Гнилом море,— в том месте, где оно имело глубину менее 2 м, — насыпали дамбы. Для этого воспользовались землей одного небольшого острова. В течение всей зимы,—то под проливным дождем, то в снежную мятель,— в совершенно пустынной местности с трудом собранные рабочие строили эту третью дорогу для крымской армии. Русская энергия достигла цели: к весне новая коммуникация была окончена.

Наполеон отвергал экспедицию в Кинбурн столь же решительно, как раньше керченскую. Но раз отказавшись от вмешательства в стра-

---

[1] Delbrück, Kriegskunst, I, 268.

[2] Корабль с 5 рядами гребцов.

[3] В равных, примерно, условиях техническое превосходство при надлежащем использовании его может сыграть решающую роль, чему военная история дает многочисленные примеры.

[4] Автор говорит, что русские разложили торпеды (legten Torpedos aus). Это выражение неправильно, так как торпедой называется самодвижущаяся мина, выпускаемая в воду из специального торпедного аппарата.

тегию, он уже больше не упорствовал и настолько подчинился обстоятельствам, что дал покорителю Севастополя маршальский жезл [1]. Тем более он должен был ему предоставить свободу действий.

Понятно, авгуры пересмеивались, когда Вальян с кротким упреком написал Пелиссье, что из Кинбурна он не может угрожать сообщениям русской армии. Напрягая, повидимому, значительную часть своих познаний в латыни, Вальян добавил, что такому человеку, как Пелиссье, приходится напоминать стих: «Nil actum reputans, si quid superesset agendum» [2].

Пелиссье не поскупился; блеснув всем богатством своего классического образования, он ответил: «Est modus in rebus» [3].

Когда после этого Наполеон еще раз пытался уговорить Пелиссье перейти к маневренной войне, последний поступил более резко, написав, что его затруднения достигнут высшего предела, если ему придется представить план похода; он охотнее выйдет в отставку, чем ввяжется в маневренную войну.

Положение Симпсона в отношении своего правительства было много труднее, потому что он не имел престижа победителя, как Пелиссье, и являлся гораздо менее значительной личностью. Он совсем не обладал той ловкостью, с которой Пелиссье умел защищать свою плохую стратегию. Например, Симпсон написал, что раньше, чем предпринять что-либо, ему нужно разгадать план русского полководца. После этого королева Виктория зло сострила, что об этом следует навести справку в Петербурге, так как своей кавалерией он ведь не пользуется.

Партийная борьба за английскую армию попрежнему велась с особой ожесточенностью по поводу сухопутного транспортного корпуса и Army-works-korps [4], — солдат по вооружению и снабжению армии. Английская главная квартира смотрела на этих рабочих-солдат, на batmen [5], как на порчу для других солдат. Если после марша в 15—30 км требовалось вырыть окоп, то во всем Army-works-korps не находилось и 100 чел., выдержавших лишения похода, но и они были неспособны окапываться под огнем. Корпус являлся совершенно неудавшейся организацией.

О сухопутном транспортном корпусе английская главная квартира прямо-таки говорила, что обоз дивизии представляет нарост на ней, а не средство повышения ее ценности.

Сухопутный транспортный корпус и Army-works-korps, собственно говоря, не являлись воинскими частями, а состояли из штатских. Нечто подобное существовало раньше и на континенте, даже в Пруссии. Но в последней набранные из крестьян и горожан фурлейты (обозные) подчинялись строгой военной дисциплине. В Англии это оказалось невозможным вследствие разрыва между королевской армией и парламентским правительством. Horse Guards не обнаруживала желания организовать воинские части, опасаясь, не потребует ли парламент их себе подобно флоту. Поэтому фурлейты и рабочие-солдаты оставались штатскими. Рабочий-солдат в качестве свободного работ-

[1] За взятие Севастополя Пелиссье получил, кроме того, титул герцога (duc de Malakoff).

[2] «Надо считать, что ничего еще не сделано, раз остается что-то доделать».

[3] «Всему есть своя мера».

[4] Армейский рабочий корпус.

[5] Буквально—денщиков, вестовых.

ника оплачивался в 5 раз выше строевого солдата; неудивительно, что он портил армию. Обоз все еще был составлен из татар, как организовал его Раглан после высадки. Имелись 5 000 обозных на 35 000 бойцов (комбатантов). Из последних считали возможным самое большее двинуть корпус в 15 000 чел. боевого состава; остальные 20 000 совершенно исключались для маневренной войны.

Английские комбатанты были в порядке. Успехом являлось и выставление 6 000—7 000 иностранных легионеров, чего Пальмерстон добился, наконец, от Horse Guards. Все офицеры любовались первым германским полком. Два швейцарских полка были также превосходны. По мнению англичан, следовало лишь тщательно отделять немцев от швейцарцев, потому что эти две народности жили, как кошка с собакой.

Многое из сделанного англичанами заслуживало уважения. Однако, армия в целом оставалась крайне отсталой. «Пресса является нашим главнокомандующим, — жаловался Симпсон военному министру,— в конце концов ни один джентльмен не захочет командовать армией».

Во время Бурской и мировой войн в английской армии отношения с прессой стали иными; пресса начала работать в полном соответствии с задачами командования, тем самым зло, казавшееся раньше неизбежным, было превращено в полезный рычаг для воздействия на общественное мнение собственной страны и на международное. Понятно, для этого понадобилась цензура. Для парламента 1855 г. было бы, конечно, нелегко ввести в интересах армии это учреждение, чуждое англичанам, но тогда об этом едва ли и думали. Симпсон ограничивался ругательствами по адресу прессы в письмах к военному министру, который не решался их опубликовать. Симпсон писал, что русский не тратит ни одного рубля на шпионов, так как все нужные сведения он получает за 5 пенсов из лондонской газеты: «Пресса показала себя величайшим врагом армии. Она осведомляла русских о всех наших намерениях, сообщала им точный состав наших сил и число больных; короче — она действовала, как друг и советник нашего противника».

Панмур должен был напомнить Симпсону, что невозможно попросту запереть лагерь для корреспондентов. Кроме того, добавлял он, это мало поможет при изменническом нарушении дисциплины многими офицерами, пишущими в газетах.

Тот факт, что офицеры, вопреки долгу, вступали в связь с прессой, являлся неизбежным последствием старческого застоя в верхах армии. Все интеллигентные офицеры понимали, что нужно, наконец, порвать с веллингтоновскими традициями. Один из начальников дивизии крымской армии, сэр Леси Эвенс, ветеран Ватерлоо и герой Инкермана, заседавший в парламенте в качестве либерала, внес в сессию 1856 г. предложение об отмене покупки офицерских мест. Он не обратил внимания на предостерегающие слова своих товарищей о том, что ни одного камня нельзя выломать из хрупкого здания королевской армии, иначе оно обрушится. Эвенс сам желал радикальной перестройки. Ведь положение во флоте не представляло ничего страшного.

Английские генералы не умели обращаться не только с журналистами, но и с фланерами на войне. Последним нужно было показывать достопримечательности таким образом, чтобы дома они не могли проявить вредной для службы болтливости. Это представлялось тем

более важным, что посетителями Крыма были по большей части парламентарии. Так перед падением Севастополя в Крым приехал предшественник Панмура — герцог Ньюкестльский. Эту важную особу водили настолько неискусно, что у герцога, возвратившегося в Англию, создалось впечатление, будто дела обстоят совсем плохо. Панмур писал Симпсону в беспомощном и раздраженном тоне: «Будьте вежливы с фланерами на войне, но отбейте у них охоту к пребыванию здесь. Вы оказали бы услугу государству, если бы могли устроить так, чтобы некоторые из них были подстрелены».

Таковы уже были люди XIX в., что требовали подробных и интересных реляций. При внимательном рассмотрении они могли ничего не заключать в себе, но должны были легко читаться. Ни Раглан, ни Симпсон этого не поняли. Уже Раглан возбудил общее недовольство умышленной бессодержательностью своих официальных донесений и частных писем военному министру. У Симпсона страх перед болтливостью дошел до крайности. Ведь по снисходительной характеристике Панмура он был человеком достойным и храбрым, но не обладавшим широким умом. Таким образом, не только в своих официальных отчетах Симпсон совершенно не удовлетворял любопытства публики, но и в письмах к Панмуру говорил лишь о своем поносе.

«Я вовсе не нуждаюсь в черни»,— такими словами прикрывал он свое неумение использовать общественное мнение. Но последнее имело некоторые средства и пути, чтобы отомстить упрямому фронтовику. Например, когда Симпсон приказал производить строевые учения, потому что войска за войну распустились и перестали слушаться своих офицеров, то пресса стала чинить ему препятствия.

Это покровительство распущенности со стороны фактора, являвшегося по Симпсону настоящим главнокомандующим, действовало тем вреднее, что особое обстоятельство затрудняло восстановление дисциплины. Пелиссье и Симпсон, желая по крайней мере занять свои армии, с которыми они не могли маневрировать, поступали по примеру древних римлян: они строили шоссе. Одни французы провели на Херсонесе Таврическом и в Байдарской долине 100 км шоссейных дорог, хорошо вымощенных и окопанных канавами.

У французов это дисциплинарное средство дало хорошие результаты; напротив, в английской армии высокая плата за дорожные работы вызвала колоссальное пьянство. Batmen и комбатанты, почтительно выслушав проповеди священников и филантропов об обязанности посылать деньги домой, наперебой пропивали свои капиталы.

Принц Альберт справедливо говорил о пролитой в Крыму крови 20 000 благороднейших сынов Англии, но естественное противоречие между гражданской и военной моралью обнаружилось в этой армии особенно резко: пьяные солдаты валялись на земле, словно после боя.

Английское главное командование приказало внушать войскам, что пьянство на войне является преступлением; однако, назначать строгие наказания нельзя было из опасения уменьшить численность армии. За 3 месяца после взятия Севастополя было наложено 16 666 взысканий за пьянство. Наказания постигли лишь тех, которых заставали в блаженном состоянии под открытым небом. В палатках и бараках люди могли пьянствовать безнаказанно. Иначе пришлось бы назначить, примерно, 30 000—50 000 взысканий на армию в 36 522 чел.

Министр иностранных дел лорд Кларендон спрашивал, как ему вести политику, если Англия имеет армию, неспособную к маневриро-

ванию и лишенную дисциплины, потому что при таком пьянстве поддержание дисциплины невозможно. Принц Альберт также жаловался на то, что неуважение к английской армии на континенте гибельно для политического положения страны.

Впоследствии пьянство в английской армии было до некоторой степени выведено. Этот прогресс был также едва ли возможен без превращения королевской армии в парламентскую армию.

Для операций союзники не использовали прекрасной осени, по поводу чего принц Альберт иронически выразился: 200 000 чел. были посланы в Крым для того, чтобы строить дороги. Так как Россия не желала заключать мир, то союзникам предстояло снова зимовать на Херсонесе Таврическом. Английские генералы предвидели, что для их войск эта зима будет мокрая не только по причине русского снега. Если отпадала уплата денег за постройку дорог, то все же оставалось повышенное жалование военного времени.

Обсуждался вопрос, нельзя ли отвлечь людей от солдатских буфетов и побудить их к отправке своих сбережений домой. Филантропы посылали книги и учителей. Первые были безвредны; что же касается учителей, то английская главная квартира умоляюще писала Пальмерстону: «Нам придется принять в их судьбе участие: они не могут сами заботиться о себе и еще будут претендовать на привилегии».

О, если бы можно было устроить что-либо вроде театра зуавов! Панмур написал Симпсону, что он пришлет ему лекторов, фокусников и других подобных «субъектов», чтобы лица расплывались в улыбки, а кошельки закрывались. Оставалось ждать, смогут ли лекторы и другие «субъекты» справиться с бесом алкоголя.

Военная обстановка значительно прояснилась, когда через 8 недель после падения Севастополя царь Александр II появился в Крыму. Он объехал Северную сторону Севастополя и осмотрел крепостные укрепления, запиравшие противнику вход в гавань. Затем, он здоровался с казачьими сторожевыми постами у перевала, ведущего с незанятых союзниками Мекензиевых высот в Байдарскую долину. На обратном пути царь провел некоторое время в Симферополе, которого так жаждали Наполеон и Пальмерстон.

Вся Англия была теперь убеждена, что Симпсон еще менее пригоден для дела, чем Раглан. Он был отозван, и его место занял ген. Кодрингтон. Это назначение вызвало много недовольства потому, что Кодрингтон, будучи только ген.-майором, перегонял всех ген.-лейтенантов. Но он был умен и энергичен, а Пальмерстон хотел влить свежую кровь в генералитет, где застой сделался догматом. Кодрингтон осуществил важную меру, которую Раглану следовало провести еще летом 1854 г. и на которую, наконец, решились к рождеству 1855 г.: военную организацию обоза. Нужно взять людей из армии, писал Кодрингтон Панмуру, чтобы армия стала годной для дела; приходится решиться на сокращение боевого состава, чтобы этот сокращенный боевой состав полностью использовать для боя.

Для организации новых обозных частей Кодрингтон выделил из войск только 1 000 унтерофицеров и солдат с соответствующим числом офицеров. Однако, Панмур все-таки ужаснулся. Он являлся министром реформы, но в своем подсознании был приверженцем старого, как и другие генералы. Он полагал, что сделал уже достаточно для обоза, послав в Крым 5 000 английских возчиков для замены татар. Кодрингтон ответил, что без строгого военного надзора граждан-

ские возчики будут так скверно обращаться с животными, что последние погибнут. Ему прислали 5 000 обученных и необученных рабочих, но все это были люди, которые никогда не имели дела с повозками и лошадьми. 5 000 англичан пришли на замену 5 000 татар и других жителей Востока: «Эти цифры суть... человеческие существа, которые болеют, бедствуют, ругаются, требуют продовольствия, приготовления пищи, лечения, покоя и прежде всего надзора и указаний... Животных, вьючные седла, тележки и повозки нужно осматривать, бережно с ними обращаться и ремонтировать их. Следовательно, необходим большой и интеллигентный штаб. Без реформы обоза армия не может двигаться».

В конце концов королева рассеяла опасения Панмура, указав ему на настроение менее высоких чинов офицерского корпуса, которые считали, что только обозная реформа Кодрингтона может сделать армию подвижной. Неизвестно, насколько реформа Кодрингтона оправдала бы себя на деле перед неприятелем, так как на следующую весну был заключен мир. Во всяком случае огромный обоз (5 000 обозных солдат на 35 000 комбатантов) дал англичанам удобные зимние квартиры, к тому же очищенное от неприятеля Воронцовское шоссе и трамвай через Балаклавский перевал — в этих условиях уже не могли повториться страдания прошлой зимы.

Санитарное состояние английской армии было особенно хорошо потому, что войска имели бараки с полами. У французов, располагавших меньшим обозом и хуже размещенных, бараков было сравнительно мало: большая часть армии провела зиму в палатках или в тесных, грязных хижинах без полов; вследствие этого появились эпидемии, уменьшившие численность армии.

Английский принц-супруг заявил, что французы в Крыму устали от войны и думают только о Рейне, дабы, по словам Ниеля, Германия выполнила свое обычное назначение, т. е. подверглась французскому нашествию, была разграблена и опустошена.

После взятия Севастополя Наполеон возобновил переговоры со Швецией, причем на этот раз они дали некоторый результат. В ноябре 1855 г. Канробер поехал в Стокгольм. Швеция заключила с Францией, а также и с Англией договор. Опубликованный документ говорил лишь о простом оборонительном союзе, но сущность пакта заключалась в обмене нотами, которые тогда не были обнародованы и, насколько мне известно, до сегодняшнего дня не опубликованы. Судя по передовой статье «Таймс» в ноябре 1855 г., союзный флот на следующую весну должен был бомбардировать Кронштадт, а высаженной в Курляндии шведско-французской армии предстояло атаковать Петербург с сухопутной стороны.

Одновременно Наполеон серьезно занялся вопросом о возмущении Польши против России. Это предусматривало проход через Пруссию. Найти предлог для насилия над последней было нетрудно. Так, лорд Кларендон заявил в Берлине протест относительно поставки России военных припасов. Железо для кронштадтских укреплений и порох были будто бы отправлены из Пруссии в Россию. Англичане получили это сведение от одной англичанки, служившей гувернанткой в семье высокопоставленного русского чиновника и «пользовавшейся случаем что-либо узнать».

Правда, английским интересам отнюдь не отвечало, чтобы Германия стала районом развертывания французских армий. Англичане хо-

тели лишь вооружить против России Германский союз и крупные государства Германии. После падения Севастополя их страх перед Францией был сильнее, чем ненависть к России, — таковы были чувства руководящих государственных людей Англии, но отнюдь не народа. Пальмур писал Кодрингтону: «За исключением Джон-Буля, все склоняются к миру».

Это воинственное настроение народных масс в Англии могло помочь Наполеону при осуществлении его сокровенных замыслов. Правда, англичане составили свой особый план войны. После того как обозная реформа Кодрингтона привела бы к победоносному сражению против Горчакова и изгнанию русских из Крыма, англичане хотели

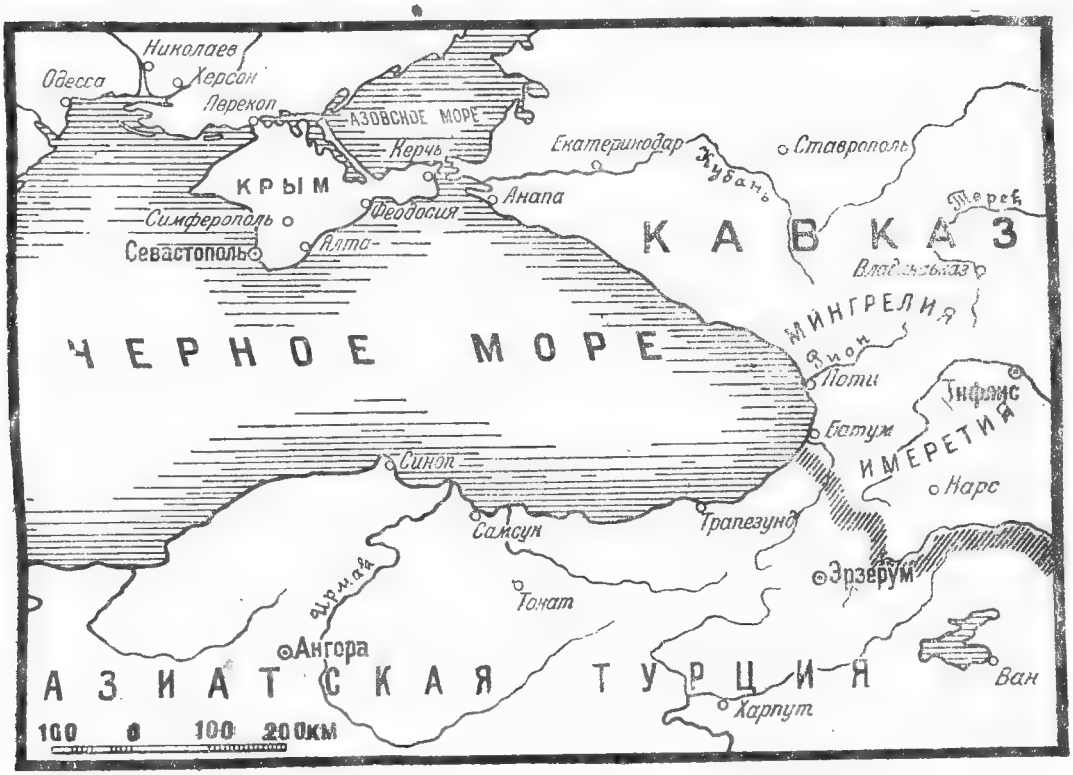


Схема 10. Мингрелия.

вернуться к идее, приведшей Раглана в Керчь и Анапу. Флот должен был перевести английскую армию в Мингрелию (схема 10). От Батума и Поти следовало вести операции на Тифлис в тылу русской кавказской армии, взявшей Карс.

Разумеется, этот операционный план предусматривал совместные действия с турецкой армией. Ее наступательная сила была незначительна, а к тому же возникало сомнение, выдержит ли молодой английский обоз испытание в таких диких горных странах, как Мингрелия, Имеретия и Грузия. Это сомнение было устранено указанием, что для перевозки войсковых грузов может быть использована р. Рион.

Пальмерстон был слишком рассудителен, чтобы возлагать много надежд на эти стратегические соображения. По его мнению, невозможно было окончить действия в Крыму настолько рано, чтобы до наступления лета прибыть к р. Рион; кроме того, там свирепствовала лихорадка, исключавшая возможность военных операций.

В этом случае оставалось бы только высадиться в Трапезунде, двинуться на Эрзерум и оттуда вместе с Омер-пашей оперировать против русской кавказской армии, опиравшейся на Карс.

Англичане надеялись послать в Азию 40 000 чел. Невозможно поверить, чтобы с этими силами они могли одержать крупные победы на трудно доступном армянском театре, особенно если принять во внимание их ничтожные достижения в Крыму.

Несмотря на это, армия и народ были охвачены воинственным пылом. Кодрингтон хотел при мирных переговорах вынудить у России согласие на обращение Севастополя в порто-франко; этот порт должен был превратиться в передаточный пункт для вновь возникавшей торговли, производившейся, с одной стороны, на океанских кораблях, а с другой — на мелко сидящих судах, приноровленных к условиям Азовского моря и кавказского побережья.

В общем зимой 1855/56 г. создавалось впечатление, что Крымская война едва ли будет локализирована на следующую весну. Представлялось еще весьма сомнительным, наладится ли благодаря кодрингтоновской обозной реформе маневренная война в Крыму. В случае неудачи и провала мингрельского проекта Наполеон приобретал для своих планов прохода через Германию столь благоприятную моральную позицию, что вряд ли можно было рассчитывать на сплоченное сопротивление английского общественного мнения.

Так по крайней мере смотрели на это дело в Вене и приходили к заключению о необходимости использовать весь авторитет Австрии в Европе для заключения мира. С этой целью австрийская дипломатия совершила очередную перемену фронта. Весной 1855 г. на венских конференциях она держала сторону России, а теперь, к концу года, перешла на сторону западных держав. Вена выработала совместно с Парижем условия мира, к которым, хотя и не без сопротивления, присоединилась Англия; эти условия затем Австрия в ультимативной форме предъявила в Петербурге.

По существу речь все еще шла об изложении 3-й гарантии, из-за которой потерпела крушение весенняя конференция [1]. Австрия теперь целиком присоединялась к толкованию западных держав; договор о проливах 1841 г. подлежал изменению в том смысле, что Россия отказывалась от содержания флота на Черном море.

Согласно 1-й и 2-й гарантиям [2], Россия отказалась от протектората над Дунайскими княжествами и Сербией, а также от господства над устьями Дуная. Австрия в своих собственных интересах включила еще в ультиматум постановление, которого не было в 4 гарантиях: уступка Южной Бессарабии в пользу Молдавии.

России пришлось проглотить австрийский ультиматум в такой форме. Теперь она имела против себя единый фронт Европы, так как Пруссия тоже настойчиво советовала в Петербурге принять ультиматум,— иначе она опасалась быть втянутой в войну с Францией и Австрией; эту войну Пруссия не могла выиграть без призыва демократических сил. Ведь логика вещей заставила даже «Kreuzzeitung» сыграть на чуждой ей национальной идее; «Kreuzzeitung» писала, что если Финляндия отойдет к Швеции, то нужно потребовать Эльзас для Германии.

---

[1] Ср. выше, стр. 81.—*Прим. авт.*

[2] На стр. 81 сказано: 1-я, 2-я и 4 я гарантии.

Подчинившись ультиматуму, Россия отказалась от могущественного положения на Востоке, которого она уже никогда не вернула. Когда Меньшиков привез в Константинополь свой ультиматум, Турция вряд ли могла собственными силами защитить свою столицу от внезапного нападения русских. Исход Крымской войны дал туркам передышку. Они использовали ее для укрепления Константинополя и для такого усиления армии, при котором взять Константинополь нежданным нападением стало едва ли возможно.

Однако, Крымская кампания была только отчасти Восточной войной. В то время в Англии сравнительно мало интересовались Индией, а Франция и подавно могла мирно договориться с Россией относительно Востока. Западные державы боролись против преобладания царизма, главным образом, не на Востоке, а в Европе. Это преобладание основывалось на противоречии между странами, победившими в 1815 г., с одной стороны, и Францией, с другой, которая после своего поражения постоянно расшатывала договоры. Дабы не нарушать единого фронта против Франции, которая с восстановлением империи стала еще более способной к взрыву, державы-победительницы 1815 г. хотели в 1853 г. предоставить царю Николаю турецкие проливы. Тогда в английской демократии поднялась идейно-политическая волна против самодержца [1]. Следуя этому течению, Пальмерстон сознательно начал Крымскую войну, борясь против своих коллег, но действуя совместно с Наполеоном, который должен был сломить преобладание России, чтобы не оставаться дольше изолированным в Европе.

Наполеон и Пальмерстон вызвали Крымскую войну. Наполеон достиг своей цели лишь наполовину. Дело не дошло до пересмотра договоров 1815 г. ни на Рейне, ни в Италии. Наполеон только расчистил дорогу для этого, расстроив единение держав-победительниц 1815 г.

Франция не достигла большего по той причине, что союзники не смогли выиграть войну военными средствами. В конце концов Россия была побеждена только вследствие своей дипломатической изоляции. Вина за несостоятельность военных средств падала исключительно на английскую армию и на гнилое место в английской конституции. Тем не менее Пальмерстон почти полностью достиг цели войны. Для него дело, собственно говоря, сводилось лишь к тому, чтобы сломить преобладание России в Европе. Считаясь с ярой воинственностью общественного мнения своей страны, Пальмерстон должен был высказывать возмущение по поводу того, что Франция и Австрия не хотели помочь созданию независимых государств на Кавказе и в Грузии. На самом деле у него были другие заботы. Отныне его внимание было обращено на то, чтобы помешать установлению французского господства вместо русского. Образ мыслей и настроение Пальмерстона отражаются в одной записке Кларендона, находящейся в бумагах Панмура; в ней министр иностранных дел уговаривает военного министра возможно скорее и незаметнее привести Мальту и Гибралтар в полное оборонительное состояние.

Уничтожение русского преобладания в Европе обошлось Франции, Англии и Сардинии в 120 000 чел. одними убитыми; если же прибавить сюда искалеченных и хронически больных, то общие потери в этих странах составляли наверное около 350 000 чел.

---

[1] Николай не хотел отказаться от своей роли полицеймейстера в Европе; отсюда и ненависть против него в демократических кругах.

Турки имели, примерно, 35 000 убитых.

Потери России совершенно не поддаются исчислению. С начала войны против Турции, от осени 1853 г. до 13 ноября 1855 г., у русских насчитывалось на Дунае и в Крыму 110 000 убитых. Но вторая зима в Крыму причинила им столь же большую убыль, как и французам, потому что среди рекрут разразилась эпидемия тифа.

К этому присоединились огромные потери от маршей. Осенью 1854 г., находясь в Варне, Сент-Арно беспокоился о том, не подвергнется ли его сравнительно небольшая армия в Крыму нападению огромных русских масс. Между прочим он обсуждал этот вопрос с одним интеллигентным турецким муллой, хорошо знавшим Россию. Последний сказал, что Сент-Арно может спать спокойно: чем большие колонны будут посланы в Крым, тем больше русских погибнет от лишений на плохих дорогах при колоссальных расстояниях: «В России нехватит коршунов, чтобы пожрать трупы» [1].

Пусть Крымская война убила или искалечила 500 000—600 000 русских,— все же эти жертвы были принесены не совсем напрасно. Хотя Россия в ее восточной политике и была отброшена назад на огромное расстояние, но армия показала себя в своем роде с блестящей стороны [2].

---

[1] По имеющимся официальным данным, в Восточную войну 1853—1856 гг. русская армия потеряла: от неприятельского оружия (убитые и раненые) 120 000 чел. и от болезней (умершие и уволенные по болезни) 220 000 чел.

[2] Честь геройской обороны Севастополя принадлежит солдатам, некоторым офицерам и единичным начальникам русской армии. Что же касается царя Николая I, приведшего Россию к Крымской войне и проигравшего ее, то за 30 лет своего царствования он создал армию, подготовленную преимущественно для парадов,—технически отсталую, с забитыми солдатами, обезличенными офицерами и начальниками, лишенными всякой инициативы. Такая армия являлась фундаментом всей реакционной политической системы Николая I, порожденной страхом перед революцией.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

(Австро-французская война 1859 г.)

Глава I

Политические события перед войной

УБИЙСТВА КОЦЕБУ в 1819 г.[1] начинается столетие, в котором политика европейских кабинетов считается с международной революцией как с могущественным фактором. Казалось, что роль этой революции сыграна, когда в Берлине возвысился Бисмарк, который усмирил гидру ее собственным оружием: национальной идеей и всеобщим голосованием. Значение всеобщего голосования в комплексе государственного искусства Бисмарка бросилось мне в глаза при случайном перелистывании старого издания энциклопедии Мейера. Десятый том вышел в 1877 г. и имеет направление левых национал-либералов. В заметке под заглавием «Ледрю Роллен» (революционер 1848 г.) сказано: «Франция обязана ему сомнительным благодеянием всеобщего избирательного права». Припомним, что и Бебель — социал-демократ с мещанским подсознательным чувством — также боролся против права всеобщего голосования при выборах в рейхстаг Северогерманского союза. Если бы кто-нибудь вздумал возразить, что Бисмарк прибег к всеобщему голосованию лишь с задней мыслью, то следует указать на роль этой хитрой идеи в истории.

---

[1] Коцебу (1761—1819 гг.), немецкий писатель, состоял политическим агентом русского правительства в Германии. В 1819 г. убит студентом Зандом в Маннгейме.

Не только в Германии, но и везде сплачивались исторически образовавшиеся власти. Хотя им нигде не удалось подавить разрушительные силы, но все-таки они настолько замедлили их развитие, что казалось, будто с тех пор этим разрушительным силам могло принадлежать лишь второстепенное значение в политике.

Однако, консервативная эпоха оказалась лишь эпизодом. После ухода Бисмарка революционные тенденции снова выдвинулись на передний план и одержали еще большие победы, чем раньше.

Хотя международная революция случайно выступает в пацифистском одеянии, она может с полным правом сказать о себе: «Я пришла не для того, чтобы принести мир, но меч». Это знал и Наполеон III, когда после Парижского мира 1856 г. подготовлял новую войну. Он должен был вести войну, потому что его самого создала армия. Но опять-таки это должна была быть демократическая война, чтобы он имел на своей стороне, по нашей терминологии, не только правую партию и правых радикалов, но также и левых радикалов Франции. Крымская война была в высокой степени тенденциозно демократической войной, потому что император Николай возглавлял международную контрреволюцию. Наполеону больше всего хотелось вторично напасть на Россию,— на этот раз для освобождения Польши,— что давало возможность ввести французскую армию в Германию. Это была одновременно и идейно-революционная политика и политика развития государственной мощи, которой интересовалась вся французская нация,— как правые, так и левые партии.

Однако, Италия была locus minoris resistentiae [1].

Здесь также возможно было расширить пределы владычества Франции и одновременно освободить народ, не натыкаясь на лес штыков, который Пруссия и Германский союз противопоставляли французскому честолюбию. Кроме того, трудно было отделить Германию от Англии, видевшей в немцах защитников Бельгии. Напротив, революционные партии Англии еще со времен Каннинга имели трения с Австрией. Они рассчитывали выполнить свои страстные намерения в этом государстве, не вредя интересам собственной страны.

Выше я говорил, что вследствие дипломатического вмешательства Австрии в Крымскую войну Россия была далеко отброшена назад в своей восточной политике. Она жаждала мщения и была готова пройти часть пути даже с опасным Наполеоном, лишь бы ослабить Австрию. Пруссия соперничала с Австрией из-за гегемонии в Германии и придавала величайшее значение хорошим отношениям с Россией и с Англией. Следовательно, Наполеон мог изолировать Австрию.

Тотчас же после парижского конгресса он использовал так называемое белградское дело для попытки оказать услугу России, возвратив ей устья Дуная. Однако, при этом он встретил сопротивление не только Австрии, но и Англии. Внешняя политика последней определялась борьбой двух тенденций: революционно-пропагандистской и галлофобской. В союзе с английской демократией Наполеон вел Крымскую войну. Но высшие сферы Англии твердо помнили наполеоновские войны и опасались империалистических планов племянника, как прежде — властолюбия дяди. Между Наполеоном III и Англией существовала Entente cordiale [2], т. е. почти союз, и наряду с этим происходили недоразумения, неоднократно угрожавшие войной.

[1] Местом меньшего сопротивления.

[2] Сердечное согласие.

В моей книге «Английские государственные люди» я описал те явления, к которым приводил этот странный антагонизм.

Наполеон старался отделить Англию от Австрии, используя в качестве взрывчатого вещества симпатию английских либералов к балканским христианам. Румынский и сербский вопросы требовали неотложного решения. Наполеон принял под свое покровительство национальные движения в Дунайских княжествах, Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине. Австрия вполне понимала значение всего этого для ее будущности. Летом 1857 г. австрийский министр иностранных дел, граф Буоль, объявил французскому послу Буркенэ, что соединение Молдавии с Валахией можно осуществить, лишь перешагнув через труп Австрии. Английский премьер Пальмерстон стал на австрийскую точку зрения, и когда Наполеон летом 1857 г. посетил королеву Викторию в Осборне, Пальмерстон вынудил императора отказаться от слияния Дунайских княжеств.

Однако, Наполеон уступил лишь дипломатической force majeure [1]. Он оставил румынский вопрос открытым и вернулся к мысли об унии, когда в мае 1858 г. в Париже собралась конференция с целью обсуждения органического статута для княжеств. Еще раз Наполеон, несмотря на поддержку России, должен был уступить совместному требованию Англии и Австрии. Но вскоре среди самих англичан возникли разногласия. Вожди всех английских партий чувствовали, с какой страстностью общественное мнение их страны требовало освобождения балканских народов, и почти никто из них не пожелал плыть против течения. Наполеон увидел, что английские дипломаты становятся сговорчивыми, и это привело на вышеупомянутой парижской конференции к долгому спору о флаге, спору, угрожавшему европейскому миру. Франция, Россия и Пруссия требовали для Молдавии и Валахии общего флага. В Вене император Франц-Иосиф urbi et orbi [2] объявлял: «Ни в коем случае!» Однако, его представителям на конференции пришлось убедиться, что Англия перешла к Франции, России и Пруссии. Следовательно, Австрия оказалась изолированной и должна была удовлетвориться тем, что Англия выстроила ей золотой мост для отступления. Благодаря английскому посредничеству Австрия согласилась на общий синий вымпел на отдельных флагах Молдавии и Валахии.

Австрийский посол в Париже граф Гюбнер записал в свой дневник: «Повидимому, вся эта борьба за флаг представляла нечто ребяческое. Я говорю «повидимому» потому, что в действительности под этой детской внешностью скрывалась истинная причина спора между двумя императорами, из коих один желал сохранить Европу, основанную на договорах, а другой стремился к созданию Европы из национальностей, т. е. к гибели Австрии».

Европейский вопрос развился, даже чересчур скоро, в направлении, указанном синим вымпелом. Еще в начале 1859 г. молдаване и валахи, обойдя дарованный им великими державами органический статут, выбрали своим общим князем полк. Куза. Чтобы разорвать унию, Австрия тщетно пыталась заставить турок ввести в княжества армейский корпус. Хотя Англией управлял уже не либеральный лорд Пальмерстон, а консервативный лорд Дерби, но и консерваторы также враждебно относились к туркам. В румынском вопросе Австрия была совершенно

[1] Непреодолимая сила.
[2] Повсюду, везде.

изолирована и должна была допустить образование нового национального государства, своего неизбежного смертельного врага.

Подобно румынскому государству, Наполеон старался организовать против Австрии и сербское государство. Английское правительство относилось к этому неблагосклонно, но не решалось поддержать Австрию, потому что знало, какие сильные корни пустила в английском народе международная революционная пропаганда. Французские и русские агенты наперерыв раздували недовольство среди босняков и герцеговинцев. Во время созыва конференции о Дунайских княжествах, в мае 1858 г., Франция и Россия предъявили султану ультиматум об исполнении некоторых требований Черногории; в случае отказа они грозили признать ее независимость.

Одновременно в Адриатическом море появились 2 французских военных корабля под командой адм. Жюрьен-де-ла-Гравьер. Командир австрийского порта Гравозь, позади которого лежит Герцеговина, воспретил французской эскадре стоянку на якоре более 48 час. Командовавший войсками в Далмации ген. Мамула получил из Вены приказ действовать оружием в случае, если французский адмирал попробует насильно войти в бухту Катарро.

Хотя до этого дело и не дошло, но Жюрьен-де-ла-Гравьер лично отправился через Катарро в Цетинье, чтобы сообщить князю Даниле о принятии Турцией ультиматума. В Париже произошел резкий разговор между Наполеоном и Гюбнером. Последний заявил, что как папа не может уклоняться от католических догматов или Англия подавлять парламентарную систему в другой стране, и как, наконец, сам император не может вне Франции выступать против права всеобщего голосования,— точно так же и Австрия не в состоянии отступить от своего морального базиса. «Основной принцип Австрии — уважение непреложных прав монархов и отрицание притязаний национальностей».

Наполеон ответил Гюбнеру, что ведь он послал в турецкие воды только 2 корабля, а не целую эскадру, как в 1853 г.[1] (хотя, правда, иногда «небольшие причины приводят к крупным последствиям»), но это ни в коем случае не могло успокоить посла. И действительно, франко-русская восточная политика вызвала революцию в самом чувствительном для Австрии пункте — в Сербии. Систему, господствовавшую тут до декабря 1858 г., Ранке характеризует следующим образом[2]: «Нация — насквозь русская, а князь — полностью в руках Австрии». Теперь пришла новая династия[3], проникнутая югославской идеей, а рядом с нею — скупщина, которая не была, как прежде, только собранием нотабелей[4], но явилась и результатом демократических выборов: один депутат на 300 плательщиков налогов. Австрия побудила турецкого сюзерена воспретить созыв этого собрания, но угрозы Франции заставили Порту отменить запрещение. Затем Буоль хотел ввести в Белград австрийскую бригаду, стоявшую в Землине, но отказался от этого, когда французский министр иностранных дел, граф Валевский, напомнил Гюбнеру, что парижский трактат категорически

---

[1] См. мою статью «Кто был виновником Крымской войны» в книге «Englische Staatsmänner» («Государственные люди Англии»), стр 163 — *Прим. авт.*

[2] «Serbien und die Türkei», стр. 408.— *Прим. авт.*

[3] В 1858 г. Александр Карагеоргиевич был свергнут с престола и вместо него избран Милош Обренович.

[4] Представители привилегированных сословий, имевшие лишь совещательный голос.

воспрещает интервенцию в Сербии. На случай, если бы Австрия сочла занятие Белграда делом чести, Валевский прямо выдвинул этот факт, как casus belli [1].

Уступчивость графа Буоля в сербском вопросе вызвала величайшее недовольство в австрийской военной партии. Но Буоль знал, чего хотел. Еще оставались возможности избежать войны. В высших сферах Франции она была вообще непопулярна. Маршалы подпали под влияние оппозиции Тьера, который поставил вопрос: выгодно ли для Франции помогать стремлениям итальянцев к объединению? Буржуазия была проникнута пацифизмом, но не по причине гуманности, а из экономических побуждений и стремления наслаждаться жизнью, чему благоприятствовала Вторая империя. Но особенно противодействовала возбуждению итальянского вопроса могущественная ультрамонтанская партия в интересах светской власти папы. К этой партии принадлежала императрица Евгения, не скрывавшая своего отвращения к войне против Австрии. Маршал Пелиссье, которого в качестве «герцога Малаховского» окружал несколько спорный стратегический ореол [2], также принадлежал к ультрамонтанам. Евгения женила Пелиссье на богатой испанке, на 30 лет моложе его, и теперь он занимал посольский пост в Лондоне. Наполеон был невысокого мнения о его военных способностях [3], и Пелиссье платил ему за этот скептицизм той же монетой. Королеве Виктории он сказал, что Наполеон не допустит до войны, так как знает, что после первого проигранного сражения империя рухнет.

Как я уже говорил, излагая историю Крымской войны, в Пелиссье соединялись необыкновенная утонченность с неслыханным нахальством. Он всегда умел использовать или то или другое из этих качеств в зависимости от того, какое из них нужно было для его целей.

Осенью 1857 г. он считал нужным дать императору почувствовать свою силу. Император пригласил его на прогулку в лесах Компьена. Кроме них, в экипаже сидели императрица с женой английского посла, герцогиней Манчестерской, и другие представители высшего общества Второй империи. Вдруг Пелиссье, приказав кучеру остановиться, спокойно вышел из экипажа и, по рассказу Гюбнера: «horribile dictu [4],— подошел к ближайшему дереву... и все это в conspectu majestatis [5]. Велико было возмущение очевидцев; император, которому краска бросилась в лицо, чего до сих пор никогда у него не замечали, велел ехать дальше, поручив придворным дамам императрицы, находившимся в следующем экипаже, взять к себе севастопольского героя... Schocking [6]! Несмотря на это, он — первое лицо в императорской Франции: человек, располагающий армией...».

Все же император мог сказать, что армия последует за ним на всякую войну и что, обладая полнотой власти, он может пренебречь возражениями буржуазии и ультрамонтанов. Единственно, что его опять удерживало от войны,— даже после переговоров с Кавуром летом 1858 г. в Пломбьере,—был страх перед Англией. Из Пломбьера Наполеон вместе с Евгенией отправился в Шербург на открытие но-

---

[1] Повод к объявлению войны.
[2] Ср. часть первую, стр. 113.—*Прим. авт.*
[3] Часть первая passim (повсюду).—*Прим. авт.*
[4] Страшно сказать.
[5] На виду их величеств.
[6] Какое неприличие!

вого военного порта, куда пригласил английскую королеву с принцем-супругом. Среди шумных, но коротких торжеств участники никогда не теряли ощущения, что между обеими западными державами могут каждую минуту заговорить пушки. После обеда и тоста императора за здоровье высочайших гостей поднялся принц-супруг, у которого от волнения болела голова, чтобы поблагодарить и в педантично обдуманных словах похвалить «la bonne entente», а не «entente cordiale» западных держав. В дневнике королевы сказано: «Я дрожала до такой степени, что не могла выпить свою чашку кофе». В продолжение всего свидания лицо Наполеона сохраняло злобное выражение [1].

Эти отношения являются ключом к мировому положению в январе 1859 г., когда император французов обратился к Гюбнеру с известной провокационной речью, а принц Наполеон обручился с принцессой сардинской Клотильдой. Австрия имела основание беспокоиться, но могла еще не отчаиваться в сохранении мира. Разумеется, Наполеон принял военные меры, но лишь такие, от которых в случае нужды можно было отречься: в рамках нормального положения. Сардиния, долженствовавшая спровоцировать войну, демонстративно вооружалась и заключила даже военный заем, но до мобилизации дело все-таки не дошло вследствие давления французского посла в Турине, герцога Грамона. Воспламеняемость английской воли к войне представлялась императору Наполеону столь опасной, что он не отважился перевести на военное положение ни собственную армию, ни армию своего сардинского союзника. Напротив, Австрия в надежде на прикрытие своего тыла Англией сосредоточила в своих итальянских владениях $4\frac{1}{2}$ мобилизованных корпуса, чем угроза Сардинии была более чем уравновешена.

Железным кольцом сомкнулось вокруг Наполеона соглашение Австрии, Англии, Пруссии и Германского союза. Вспышка немецкого национального чувства, вызванная военной опасностью, заставила Наполеона призадуматься. Считаясь в известной степени с действительностью, он через Пелиссье сообщил английскому министру иностранных дел, что Франция ведь совсем не вооружалась; для того чтобы еще более подчеркнуть свое миролюбие, он разрешил банкирскому дому Ротшильда размещение австрийского займа. Таким образом, военный заем Австрии котировался на парижской бирже, сам же Наполеон не решался вооружаться. Хотя он упорно желал войны, но отложил начало ее на неопределенное время.

То, что европейский мир получил передышку и мог перевести дух, правда, на косогоре, было заслугой консервативного правительства в Англии. Это было правительство меньшинства; оно могло держаться вследствие парламентской коалиции консерваторов и радикалов, заключенной в 1858 г. для свержения Пальмерстона, вождя либералов. Он пал тогда из-за билля Мердера, направленного против анархического интернационала. Пальмерстон внес этот билль в парламент по желанию Наполеона после покушения Орсини [2], чтобы сохранить союзника. Но левое крыло либеральной партии не пожелало уплачивать такую цену за entente cordiale и предпочло помочь консерваторам притти к власти.

Давление консерваторов на Францию с целью сохранения европейского мира было вполне в духе таких людей, как Кобден и Брайт. Но

[1] «Государственные люди Англии», стр. 269.—*Прим. авт.*

[2] Граф Орсини, итальянский патриот, произвел 14 января 1858 г. покушение на жизнь Наполеона.

в английском радикализме жили две души: с одной стороны, этот радикализм был пацифистским, а с другой — он составлял один из отрядов революционного интернационала. Дух последнего в 1859 г. витал над всей Европой. Наполеон сам его вызвал после Крымской кампании для подготовки войны против Австрии. Посредником между императором и революционным интернационалом явился принц Наполеон, сыгравший в 1859 г. всемирно-историческую роль. Этот странный человек оказал бы еще больше влияния на политическое и социальное развитие Европы, если бы в 1866 и 1870 гг. из Берлина не последовал победоносный антиреволюционный контрудар.

Поскольку парижская пресса держала связь с принцем Наполеоном, она могла пропагандировать республиканское масонство внутри страны и революцию — за границей. Житель Пале-Рояля был в одном лице и первым принцем крови, и Дантоном. К нему были вхожи люди вроде Прудона—социалистического заговорщика, которому принадлежит знаменитое изречение: «Собственность есть кража!». Не только из-за гастрономических обедов в Пале-Рояле, но, главным образом, потому, что Плон-Плон умел влиять на окружающих как необычайно умная и осведомленная личность, широкие круги якобинства верили в честность этого Бонапарта. Реакционеры говорили: «Le prince Napoléon est une franche canaille et l'empereur Napoléon une canaille, qui n'est pas franche» [1].

Эмиль Жирарден, которого принц Наполеон провел в министерство по делам Алжира [2], развил там прямо-таки социал-демократическую публицистическую деятельность. Он восхвалял национальные мастерские 1848 г. и всю социально-политическую систему, которая под красным знаменем сражалась с буржуазией за власть, пока июньское сражение не утопило ее в крови. Гюбнер доносил Буолю: «Что касается меня, то я наблюдаю за принцем Наполеоном. Извне он открыто проповедует войну против Австрии и национальное освобождение. Внутри он восхваляет химеру неограниченной свободы».

Влияние этих разрушительных интриг сказалось далеко за пределами Франции. Австрийский представитель в союзном совете во Франкфурте-на-Майне, граф Рехберг, сказал, что он очень мрачно смотрит на существующее положение: «Во всей Южной Германии дует революционный ветер».

Выражаясь по-современному, оба бонапартистских кузена были фашистами XIX в. Фашизм — это особая искусственная форма правления.

Насколько опасно жонглировать одновременно реакционным и революционным шарами, Наполеон узнал в ужасный день 14 января 1858 г., когда перед Большой оперой 150 чел. валялись в своей крови. Бомба Орсини была не исключительно итальянская, а интернациональная. В покушении принимали участие англичане и бельгийцы, значительную роль играли также и французы. Если бы случай не спас императорскую чету от гибели, то в Париже была бы провозглашена республика. Желая сломить моральное самодержавие Парижа,—этой революционной головы, страдавшей водянкой,—и дать телу Франции, настроенному в более правом духе, возможность осуществить свою политическую волю, Наполеон обратился к средству, казалось, заимствованному от последних веков Римской империи. Он разделил Фран-

[1] «Принц Наполеон—откровенная каналья, а император Наполеон—каналья, но не откровенная».

[2] Сам принц был министром.

цию на 5 военных округов и поставил во главе каждого из них маршала. Следовательно, вместо децентрализации гражданского управления, которой страстно желали мыслители, вроде Токкевилля, должна была создаться децентрализация военного управления. При таком порядке в случае удавшегося убийства императора республиканский военный министр не мог простым нажатием кнопки собрать за собой всю армию, а, напротив, маршалы в провинциях сделались бы центрами сопротивления в пользу императорского принца.

Однако, маршалы отказались от этой зловредной чести, которая выглядела как угроза национальному единству и как подготовка гражданской войны, главным образом, в династических интересах. Декрет никогда не был осуществлен. Зато необеспеченность фашистского трона оправдала в глазах палат издание сурового закона о безопасности и интернирование 300 революционеров в Алжире. Понятно, партии утверждали, будто Наполеон пользуется делом Орсини, для того чтобы освободиться от верноподданной «оппозиции его величества». Франция взволновалась, узнав, что ген. Мак-Магон, покоритель Малахова кургана, голосовал против закона о безопасности, как несовместимого с идеями 1789 г.

Наполеон тотчас же повернул руль налево. Префект парижской полиции должен был побудить Орсини написать письма императору с осуждением политического убийства, но с мольбой взять в свои руки освобождение Италии. Наполеон показал вид, будто хочет помиловать Орсини, но для удовлетворения невинных жертв должен дать правосудию законный ход. Евгения занялась форменным культом убийцы, разумеется, до тех пор, пока ему втихомолку не отрубили голову; после этого о нем перестали говорить при дворе.

«Moniteur» опубликовал письма Орсини к императору, и Наполеон потребовал в Турине, чтобы они были напечатаны также и в сардинском правительственном органе. Кавур смутился, потому что это было еще за несколько месяцев до Пломбьера, но Наполеон обещал ему гарантию от всяких последствий со стороны Австрии. Тогда Кавур велел опубликовать в официальной газете письма Орсини и одновременно собственную речь в палате, в которой между прочим разоблачался тот исторический факт, что после сражения при Наварре, в 1849 г., президент французской республики Людовик Бонапарт хотел объявить войну победоносной Австрии и был удержан лишь национальным собранием под предводительством Тьера. Принц Наполеон подсунул приведенную справку Кавуру, понятно, не без попустительства императора.

Нагромождение этих провокаций (я привел их не все) произвело на австрийское правительство и особенно на руководящие военные круги ожидаемое действие. В них увидели не только намерение напасть на Австрию, но уже и своего рода военные действия, притом весьма опасные. Ахиллесовой пятой Австрии было недовольство всех ее народов. После крушения освободительного движения 1848 г. повсюду в монархии было упразднено самоуправление. Новым общегосударственным строем был абсолютизм, смягченный конкордатом [1]. Революционная пропаганда принца Наполеона во всей Европе и Кавура в Италии представлялась австрийским военным не только политиче-

[1] Конкордат—вообще договор между светской властью и папой. В данном случае имеется в виду австрийский конкордат 1855 г.

скими, но и военными действиями. Они видели в этой пропаганде натиск против этапных линий и внутреннего фронта операционной армии, которую в недалеком будущем все равно придется выставить против Франции и Сардинии.

При одной аудиенции Гюбнера у императора Франца-Иосифа последний заявил, что Венгрия материально процветает, но что консерваторы все более приближаются к партии Кошута [1]; ввиду этого нельзя допустить «никаких осложнений».

Действительно, казалось, что эта чаша должна была миновать Австрию. Англия энергично и лойяльно взяла на себя посредничество между Австрией и Францией. Английский посол в Париже лорд Каули отправился с этой целью в Вену. Франц-Иосиф спросил его: «Что я сделал? Где причина, где малейший повод к войне? В чем я нарушил договоры или угрожал их нарушить?» Это была чистая истина, а стоицизм, который Австрия противопоставляла всем вызывающим действиям, произвел столь сильное впечатление на самого Наполеона, что он отчаялся в возможности оправдать мобилизацию перед общественным мнением Англии. В «Moniteur» 5 марта было сказано, что Франция имеет с Сардинией лишь оборонительный, а не наступательный союз, что напечатанное раньше в газетах—воображение, ложь и безумие.

По выражению Гюбнера, принц Наполеон счел это сообщение за страшный щелчок по носу и отказался от должности министра по делам Алжира. Кавур совершенно пал духом. Он решил, что итальянское национальное объединение отброшено назад, к положению, существовавшему до государственного переворота 2 декабря, и с тоскою говорил об отречении короля Виктора-Эммануила и о собственном своем переселении в Америку.

Однако, после того как император Наполеон открыл эолову трубу революции, хотя пока и осторожно, революционный ветер начал бушевать не только на континенте, но и в Англии. Союз между консерваторами и радикалами не выдержал новой температуры. Радикализм опять обратился к Пальмерстону. Последний сделал революцию 1848 г., причем его агенты зажгли Сицилию, и искры пожара перелетели в Париж [2]. Потом Пальмерстон совместно с Наполеоном вызвал Крымскую войну и свалил Николая. Теперь он возражал против политики чистого государственного эгоизма, представляемой партией тори, возражал против насильственного тористирования английской политики. На опасения тори он отвечал, что если Наполеон непременно желает образовать у себя на фланге вторую Пруссию, то не в интересах Англии ему мешать.

К лицам, не понимавшим Пальмерстона, принадлежали также королева и принц Альберт, но они не имели власти; решение принадлежало исключительно парламенту. Последний высказал свое решение не прямо, а воспользовался, как в Англии часто бывает, вопросом внутренней политики, чтобы придать внешней политике другое направление. В палате, заполненной почти до последнего места, была принята большинством 39 голосов недопустимая для правительства поправка к внесенному биллю о реформе выборов (конец марта). Лорд Дерби должен был или уйти или распустить палату. Он избрал последнее. Борьба на новых выборах должна была происходить не под знаком

[1] Сторонники независимости Венгрии.
[2] «Государственные люди Англии», стр. 198.—*Прим. авт.*

выборной реформы (Дерби мог это предвидеть); состав парламента решался борьбой обеих тенденций против Австрии или против Наполеона. В Англии имелось еще достаточно и, пожалуй, даже слишком много галлофобов, на голоса которых мог рассчитывать Дерби.

Тем не менее тори имели в выборах плохие шансы. Наполеон вызвал Кошута из Лондона и поставил ему вопрос: можно ли при случае рассчитывать на восстание Венгрии? Кошут ответил, что лишь после высадки французского корпуса на австрийское побережье; но он обещал еще раньше оказать императору крупную услугу, вступив в выборную борьбу. Наполеон справедливо придал этому обещанию серьезное значение.

Однако, произвести мобилизацию при создавшейся обстановке императору было еще труднее, чем прежде, так как это послужило бы вернейшим средством доставить тори победу на выборах. Напротив, события в Англии побуждали Австрию к войне. Правда, английский статс-секретарь по иностранным делам, лорд Мэльмесбери, продолжал посредничать в австрофильском духе, но дни его, как и Дерби, были уже сочтены, а Пальмерстон, приняв власть, наверное, постарался бы дипломатической пыткой оторвать от Австрии Ломбардо-Венецию. Застенок для этой пытки уже строился Россией, которая, по соглашению с Наполеоном, предложила созвать европейский конгресс. В принципе на это согласились все державы, а также и Австрия, но в действительности она не желала являться на этот конгресс, так как при ожидаемой перемене в Англии очутилась бы на нем совершенно изолированной. При таких условиях казалось более выгодным использовать военное преимущество, которое тори доставили Австрии. В то время Австрия имела в Италии мобилизованными 3-й, 5-й, 7-й и 9-й корпуса и сводную дивизию. Кроме того, в Вене стоял мобилизованный и приготовленный к отправке в Италию 2-й корпус. Главнокомандующему в Италии, фельдцейгмейстеру графу Гиулаю, было сообщено, что приказ о перевозке 2-го корпуса должен быть временно задержан по чрезвычайно важным политическим причинам, которые, может быть, разъяснятся через несколько дней.

Они разъяснились вследствие наступления некоторых внутренних событий, после чего 2-й корпус был двинут в Италию. Затем было приказано мобилизовать также 6-й и 9-й корпуса [1]. Всего было мобилизовано или мобилизовалось 7½ корпусов. Между тем до этого времени Наполеон произвел только некоторую закупку лошадей, перевел одну дивизию обстрелянных войск из Алжира во Францию (послав соответственно части из других полков в Африку) и сосредоточил 25 000 чел. на Савойской границе (Савойя тогда еще не принадлежала Франции). Наконец, в Марселе и Тулоне собрался французский военный флот, превращенный в транспортный. Эта часть французских вооружений не возбуждала недовольства в англичанах, которые смотрели на нее даже с известным удовлетворением, так как опасались тогда боевой силы французского флота [2].

В общем Наполеон даже приблизительно не был настолько готов к войне, как Австрия, когда в конце апреля 1859 г. она предъявила в Турине срочный ультиматум в расчете, что он не будет принят. Наполеону пришлось теперь с немобилизованной армией итти на по-

[1] Выше сказано, что 9-й корпус уже стоял в Италии в мобилизованном виде?!
[2] Ср. «Государственные люди Англии», стр. 271 и 272.—*Прим. авт.*

мощь союзнику, подвергшемуся нападению. Так как не было времени ожидать явки отпускных, то французские батальоны выступили в поход, имея в среднем 500 чел. боевого состава вместо нормальных 800 чел. Без военного займа нельзя было закупить в крупном масштабе нужное для войны имущество. Вследствие этого многие войсковые части отправились на театр войны, не имея при себе необходимых предметов снаряжения. Многочисленная пехота прибыла в Генуэ совсем без боевых припасов, а некоторые полки — с 12 патронами на человека.

Особенно опасен был недостаток лошадей. В то время как австрийская армия в конце апреля была уже давно готова к операциям, у французов подготовка продолжалась до середины мая, причем еще и тогда им недоставало половины кавалерии, большей части полевой артиллерии, осадного парка и одного из двух понтонных парков. По свойствам театра войны с недостатком полевой артиллерии и кавалерии можно было еще помириться, но недостаточность мостового материала сказалась особенно тяжело, равно как и отсутствие осадного парка.

Вступление французов в Италию совершилось частью через Альпы, частью же по морю. Через Альпы перешли 2 корпуса, по морю же были подвезены 4. Альпы еще не были покрыты снегом. Со стороны Савойи железная дорога доходила до Сен-Жан-де-Морьенн и продолжалась на Пьемонтской стороне от Сузы. В промежутке предстояли три больших перехода через Мон-Сенис. Область высоких гор была еще покрыта глубоким снегом; 4 000 сардинских рабочих очищали шоссе, впрочем очень хорошее.

По большей части войска находили убежище под крышей, а потому переход через Альпы произошел без затруднений, если не считать перехода одной дивизии Бурбаки, шедшей через Мон-Женевр. В этой безлюдной местности пришлось бивакировать и притом без палаток, так как войска не были снабжены мобилизационным имуществом; по той же причине не имелось лошадей и мулов; следовательно, солдаты были очень сильно нагружены, вследствие чего оказалось большое число отсталых и больных, хотя шоссе и тут находилось в хорошем состоянии.

Таким способом 42 000 чел. пехоты, 2 000 всадников и 102 орудия перешли Альпы.

Главные силы перевозились на кораблях из Марселя, Тулона и Алжира в Геную; одна дивизия была перевезена в Ливорно. Водным путем французы перебросили около 100 000 чел. В Генуе были назначены большие поставки, потому что все приходилось заготовлять уже при наступлении.

Понятное недовольство армии побудило Наполеона уволить военного министра ген. Вальяна [1]. Последний протестовал. Он говорил, что совершенно невиновен в том, что ничего нет. Наполеон вполне с ним соглашался, но добавил к этому, что ему нужен козел отпущения.

Впрочем Наполеон дал Вальяну удовлетворение, назначив его своим начальником штаба. Однако, Вальян не видел в этом назначении эквивалента посту военного министра. В качестве военного министра ему представлялась выгодная задача нагнать упущенное по вине поли-

[1] Ср. о Вальяне часть первую, стр. 106, а также 86.—*Прим. авт.*

тики — сделать армию архиготовой (archiprête). Между тем в должности начальника штаба Наполеона он мог быть лишь первым, так сказать, его приказчиком. Сомнительный ход французских операций в Крыму укрепил императора в убеждении, что он понимает стратегию лучше всех своих генералов, за исключением Ниеля. Вследствие этого в войне против Австрии он пожелал быть своим собственным стратегом. Правда, он никогда не был солдатом, если не считать того, что в своей молодости он дослужился до капитанского чина в милиции кантона Берн. Но и его идеал — Юлий Цезарь — без серьезной, нужной для полководца школы [1] сразу сделался полководцем и завоевал Галлию. Правда, Вальяну,— фронтовику, лишенному творчества,—этот образ мыслей представлялся не совсем безопасным; он предпочел бы остаться при какой-либо полезной и почетной деятельности дома, чем под начальством талантливого дилетанта брать на себя совместную стратегическую ответственность.

Легко понять, почему Наполеон не взял Пелиссье в Италию. Он не подчинился бы дилетанту, а дилетант ценил его не особенно высоко. Конечно, Наполеон не мог оставить знаменитого полководца в Лондоне, когда для Франции так много ставилось на карту в военном отношении. Наполеон отозвал Пелиссье из Англии и дал ему обсервационную армию, выставленную на Рейне, на случай вмешательства в войну Пруссии и Германского союза. Наполеон решил до этого не допустить, а, следовательно, назначением на Рейн он как бы отстранил Пелиссье. Прощаясь с Мэльмесбери, Пелиссье рыдал, как ребенок; он умел пользоваться всеми своими чувствами для политики. Однако, галлофобию Мэльмесбери он этим не смягчил. Когда преемник Пелиссье — Персиньи — явился к Мэльмесбери с первым визитом, последний принял своего гостя с раздражающей молчаливостью: «Ведь вы мне так мало говорите!»—«Тем удобнее будет телеграфировать!»

Раньше, чем Дерби и Мэльмесбери оставили свои посты, к чему их принудила неудача консерваторов на выборах, они сделали еще один важный шахматный ход против Наполеона. В Париже в это время находился сербский наследник Михаил с женою. Молодую пару очень чествовали в салонах, прославляли красоту принцессы и культурность обоих. Наполеон мог бы очень хорошо использовать Сербию, которая уже вооружалась, в качестве тарана против Австрии. Прусский посланник в Белграде писал домой, что сербы, черногорцы и босняки составили заговор; стремления к независимости существуют везде (это относилось к Дунайским княжествам, Болгарии и Греции); рано или поздно эти стремления будут реализованы [2].

Император в это время уже выехал на театр войны. Сербского наследника принял вместо него принц Наполеон. Он предложил ему стать во главе югославского движения. Но Валевский, по поручению императора, снова внес успокоение, потому что умиравшее торийское

---

[1] О незначительной военной подготовке римских республиканских генералов см. Delbrück, II 166. Лукулл также ничего не понимал в военном деле и, отправляясь командовать армией против Митридата, подготовлял себя в пути лекциями и книгами.—*Прим. авт.*

Это не совсем так: во-первых, военное искусство в то время было менее сложно, чем теперь, а, во-вторых, римляне вообще смолоду готовились к военной службе.

[2] Ranke, стр. 416.—*Прим. авт.*

министерство послало эскадру (не только 2 корабля, а целую могущественную эскадру), чтобы крикнуть южным славянам и другим балканским христианам «Quos ego!» [1].

Итак, тори сильно мешали Наполеону, но при этом, вследствие своего антиреволюционного настроения, погибли и сами; отчасти это произошло потому, что дружественная им Австрия — с точки зрения английского выборщика — поступила неправильно. В 1859 г., как и в 1914 г., Австрия явилась нарушительницей мира. Правда, в обоих случаях ее нападение было спровоцировано, но суждение англичан затемнялось идейно-политическими страстями. Никогда ни один правитель государства не стремился так сознательно использовать для своей политики дух времени, как Наполеон III в продолжение всего своего правления. Этот коронованный фашист был не только императором государственного переворота, но и императором миросозерцания, настоящим королем в духе Hero-Worship Карлейля. Правда, он разогнал национальное собрание, но сделал это в тот момент, когда высшие классы уже получили отвращение к парламентаризму, а рабочие желали отомстить последнему за июньское сражение. В качестве человека насилия Наполеон также шел со своим временем. Он основал империю на решении народа, на общем избирательном праве — лозунге, который тогда волновал умы гораздо сильнее, чем в 1918 г. 8-часовой рабочий день; он вел энергичную социальную политику сообразно пониманию своей страны; он черпал из высокой конъюнктуры, созданной открытием австралийских и калифорнских золотых рудников, возможно большие блага для рабочих.

Император провозгласил принцип национальностей и не только на словах! В Румынии он осуществил его дипломатическим способом; в Алжире прокладывал ему путь административными мерами; в Италии он вел теперь войну во имя этого принципа; он работал также над созданием Венгрии и Югославии.

Тори мешали ему в этом, главным образом, из-за соображений государственного эгоизма, но вместе с тем и как английские представители интернационального высшего класса; теперь благодаря идейно-политическому натиску императора французов они лежали на земле. Наполеон мог, наконец, отважиться потребовать от своих палат военного займа: через 3 недели, после того как мобилизованная австрийская армия уже стояла на сардинской границе. Теперь можно было также внести в законодательный корпус предложение об увеличении контингента рекрут. Разумеется, оба законопроекта были приняты и притом единогласно, потому что французские колонны уже взбирались на Мон-Сенис или теснились на набережных южнофранцузских и африканских портов. Оборонительный союз с Сардинией подлежал оплате; трехцветное знамя было развернуто.

В сенате и законодательном корпусе царило индиферентное настроение; по произносимым речам чувствовалось, что в высшем классе Франции эта война непопулярна. Крымская война также не пользовалась популярностью в этих кругах, потому что обе войны являлись войнами с революционной тенденцией; государственно-эгоистический фундамент под ними имелся, но он был невидим.

---

[1] «Я вас!»—из Виргилия. Возглас, с которым Нептун обратился к разбушевавшимся ветрам.

В глазах Наполеона Крымская война выродилась: он хотел внести революцию в Польшу [1], а вместо этого война велась только военными средствами. Барон Гюбнер ужаснулся, когда Наполеон высказал намерение отправиться в Крым, чтобы лично принять начальство над армией [2]. Гюбнер совершенно верно объяснял мысли императора, высказывая подозрение, что Наполеон хочет на французских штыках пронести революцию через Европу. Французский высший класс столь же страшился этого, как и австрийский посол.

В 1855 г. английскому правительству удалось расстроить эти разрушительные тенденции, но в 1859 г. обстановка позволила императору на деле проводить свои политические и военно-политические убеждения, использовать тенденции революционного интернационала в интересах французской стратегии. Принц Наполеон, которого он назначил командиром 5-го корпуса, должен был специально об этом позаботиться.

Официальная Франция, включая маршалов, испугалась такой перспективы, потому что в ней еще жило воспоминание о восстании 1848 г. Только для спасения общества повиновалась она «батарду» [3], называвшему себя племянником великого Наполеона, авантюристу с красным оттенком.

Но парижские мещане и рабочие, которые выбирали в законодательный корпус республиканцев, теперь обратились к императору. Они относились к войне с воодушевлением, которого не мог проявить высший класс. В руках всех был австрийский манифест о войне, совершенно верно передававший ее смысл. В нем говорилось, что провидение уже часто пользовалось мечом Австрии, когда тени революции пытались распространиться над нашей частью света.

Народные массы в Париже уже не видели больше в Наполеоне собственного притеснителя, а видели лишь освободителя других народов. Эмиль Оливье, — один из 5 республиканцев в законодательном корпусе, министр-президент 1870 г., — говорит в своем сочинении «Empire Libéral», что взрыв воодушевления, вызванный интернациональной пропагандой, произвел на него такое сильное впечатление, что его политическое мировоззрение надолго изменилось.

Отправляясь на театр войны, Наполеон 10 мая медленно проехал на вокзал в открытом экипаже с императрицей через пресловутое предместье Сен-Антуан. Вероятно, впервые этот парижский Новый Келын провожал монарха овациями, — отчасти под предводительством лиц, известных полиции в качестве революционных агитаторов. «Ты можешь уезжать спокойно, Moustachu [4], — крикнул один блузник императору, — мы не сделаем революции».

---

[1] Часть первая, стр. 127 и 11.—*Прим. авт.*

[2] Там же, стр. 86.—*Прим. авт.*

[3] Batard—внебрачный («незаконный») сын. Многие полагали, что Наполеон III происходил не от голландского короля Людовика (Бонапарта), а был внебрачным сыном его жены, королевы Гортензии (Богарне).

[4] «Усатый»—народное прозвище Наполеона.—*Прим. авт.*

Глава II

Фельдцейгмейстер граф Гиулай и сардинцы Развертывание французов Бой при Монтебелло (20 мая 1859 г.) и его стратегические последствия

Гиулай, имевший операционную армию в 120 000 чел., преувеличенно оценивал силы сардинцев в 105 000.

Указанная в сочинении австрийского генерального штаба [1] цифра — 60 000 сардинцев, — кажется, также преувеличена, хотя точное определение сил невозможно вследствие отсутствия сочинения итальянского генерального штаба об этой войне. Это сочинение не было издано по понятной причине: действия сардинцев были слишком незначительны.

Если скомбинировать случайные справки о наличной численности отдельных сардинских войсковых частей, то можно прийти к выводу, что сардинский батальон был едва ли сильнее французского, т. е. насчитывал не больше 500 чел.; это дает силу сардинской армии менее чем в 50 000 чел., — впрочем не считая гарибальдийцев, знаменитых cacciatori delle Alpi [2], сказочного войска, численность которого австрийцы особенно преувеличивали. Всего их было 2 200 чел., способных к действиям или считавшихся такими, — в разорванном обмундировании и дырявых сапогах, с ружьями, которые, как утверждали мадзинисты, Кавур дал будто бы гарибальдийцам с целью предать республиканских героев на убой австрийцам.

Наполеон относился к вооружению гарибальдийцев настолько скептически, что при переговорах еще до начала войны в ответ на требование Буоля о разоружении сардинской армии и добровольческих отрядов заявил, что на разоружение добровольцев Сардиния может вполне согласиться.

Гарибальди имел 45 строевых лошадей, но только 25 cacciatori à cavallo [3], или гидов, которых он посадил на них в качестве полевых жандармов для поддержания порядка среди собственных людей; найти 45 морально надежных индивидуумов ему было бы не так легко. Начальник штаба 7-го австрийского корпуса, подполк. Бартельс фон-

---

[1] «Война в Италии, обработанная военно-историческим бюро австро-венгерского генерального штаба, по полевым документам и другим достоверным источникам». 3 тома, Вена 1872. Книга, не слишком богатая мыслями и точностью, составленная по образцу такого рода официозных изданий, с тщательным отбором опубликованных документов. Однако, по ценности использованных источников я не знаю более поучительного труда генерального штаба.—*Прим. авт.*

[2] Альпийские охотники.

[3] Конных охотников.

Бартберг [1], охарактеризовал гарибальдийцев совершенно верно, как толпу грабителей, с несколькими идеалистами в их среде и с весьма значительным человеком во главе.

Австрийское верховное командование боялось Гарибальди, как целой армии. По мнению австрийцев, Ломбардо-венецианский этап [2] был неприятельской страной, а так как большая армия всего уязвимее на своей базе, то летучая колонна альпийских охотников предназначалась для обхода австрийской армии со стороны Альп и для утверждения на железной дороге Милан — Бергамо — Брешия единственной имевшейся тогда в Северной Италии поперечной линии. Несмотря на то, что в крепостях и больших городах Ломбардо-венецианской области стояли гарнизонами хорошие войска численностью в 31 000 чел., с австрийской стороны сочли нужным для прикрытия от Гарибальди выделить из операционной армии еще подвижную колонну в 6 000 чел. под начальством фельдм.-лейт. Урбана. Впрочем Гиулай мог пока обойтись и без этого корпуса: он имел фактически более чем двойное численное превосходство над регулярной сардинской армией. Но все же Гиулай чувствовал себя очень ослабленным выделением колонны Урбана, потому что чрезвычайно преувеличивал численность сардинцев. Он полагал, что имеет против себя численно равные силы.

Упомянутая выше железная дорога была одним из этапных путей австрийской армии. Другой этапный путь — сеть шоссейных дорог вниз по р. По — находился, по представлению австрийского верховного командования, под еще большей революционной угрозой. В соседних герцогствах Парма и Модена и в великом герцогстве Тоскана революция разразилась одновременно с началом военных действий. Великий герцог тосканский Леопольд II мог бы временно спасти свой трон, исполнив требование национальной партии относительно заключения наступательного союза с Сардинией против Австрии, потому что среди тосканцев еще существовало федеративное течение.

Однако, великий герцог имел сотню причин не сражаться против Австрии. В частности, на него повлияло и настойчивое предостережение от присоединения к Сардинии, присланное лордом Мэльмесбери, так как торийское министерство, пока существовало, шло неизменно с Австрией. Вместо союза с Сардинией Леопольд дал своим подданным лишь обещание остаться нейтральным. Тоскана имела войска в числе одной дивизии, которая теперь взбунтовалась и провозгласила регентство из революционеров. Леопольд — монарх, имевший заслуги в области духовных и материальных интересов Тосканы, лично очень любимый, — оставил страну. Он выехал среди бела дня и крикнул почтительно приветствовавшей его публике «A rivederci» [3],

---

[1] Он дважды брался за перо: в 1857 г. в брошюре «Поход в Италию 1859 г.» и в 1884 г. в труде: «Война 1859 г. Обработана неофициально по официальным источникам». За второе исследование, представляющее критику сочинения австрийского генерального штаба, Бартельс был удален из офицерского корпуса. Исследования этого проницательного, наблюдательного и культурного писателя совершенно необходимы для контролирования австрийских источников. Но беспощадному критику отнюдь нельзя приписывать непогрешимость, а нужно зорко следить за ним самим, так так оппозиционная установка часто соблазняет его на чистое отрицание.—*Прим. авт.*

[2] Тут неправильное употребление термина «этап».

[3] «До свидания».

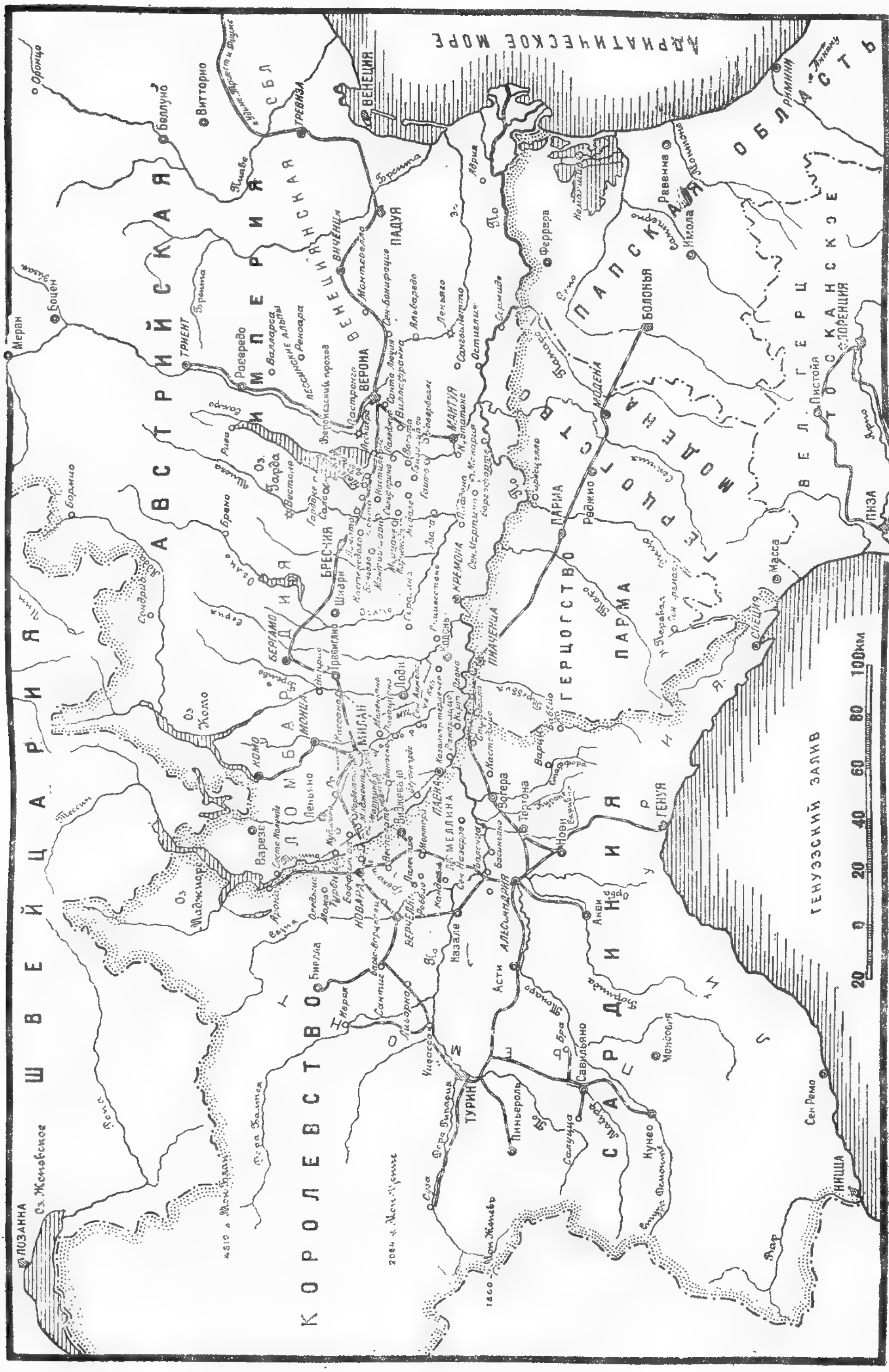


Схема 11.—Театр войны.

на что из толпы со смехом ответили: «In paradiso!» [1]. Революция была сделана, сказал один из ее вождей Сальваньоли, и в 6 час. пошли обедать.

Гораздо сильнее были революционные страсти в герцогстве Моденском, особенно в промышленных районах Масса и Каррара [2]. В последнем население объявило диктатуру короля Сардинского, который принял ее и ввел в этот район свои войска. Однако, герцог Моденский, который хотя и был ненавидим, но имел 4 надежных батальона, удержал остаток своих владений.

Особенно оригинальные события разыгрались в герцогстве Парм-ском. Там управляла за своего малолетнего сына Роберта герцогиня-вдова (ее супруг был убит) Луиза-Мария, сестра графа Шамбора. Подданные благоговели перед ней и имели для этого основание, но национальная идея все-таки довела до революции. Луиза-Мария со своими детьми отправилась в Мантую; однако, уже через 4 дня ее приверженцы, взявшие верх, привезли ее обратно и снова посадили на трон.

Все же политическое положение в Парме и Модене оставалось очень неустойчивым, а потому понятно, что Гиулай, двигаясь через Ломеллину для атаки сардинской армии, стоявшей у Алессандрии, смотрел не только вперед, но и с беспокойством назад, на обширный район вдоль р. По. Он знал, что дивизия Уриха 5-го французского корпуса направлена в Ливорно с целью войти в связь с тосканскими войсками и затем действовать против его тыла. Район р. По мог быть угрожаем и со стороны Папской области в случае, если бы революция охватила владения папы. Австрийское верховное командование сомневалось в том, чтобы 9 австрийских батальонов, расположенных гарнизонами в Ферраре, Болонье и Комаччио, смогли удержать в повиновении папских подданных.

Впрочем опасность со стороны дивизии Уриха угрожала лишь в отдаленном будущем. Вообще французы еще не прибыли; в частности дивизия Уриха была погружена на суда для отправки в Ливорно только 3—4 недели спустя. Между тем от Ливорно до р. По было по меньшей мере 10 переходов, на сокращение которых надеяться не приходилось ввиду почти полного отсутствия дорог, так что Гиулай мог пока спокойно игнорировать эту диверсию противника. Однако, революционное настроение страны в тылу является иррациональным моментом, который с трудом включается в стратегические расчеты как определенный фактор. Тем более этот потенциальный неуловимый противник раздражал Гиулая и вообще австрийских военачальников. Наполеон совершенно верно судил о психике неприятельского верховного командования, когда писал принцу Наполеону: «Появление во Флоренции одного армейского корпуса неизвестной численности, силу которого нужно преувеличивать, произведет большое впечатление».

Между тем, двигаясь через неприятельскую страну и постоянно смотря назад — на опасность, скрытую в этапном районе, Гиулай вернулся к старой мысли, которая занимала его еще до начала военных действий. Следовало ли вообще защищать Ломбардию; не умнее ли

[1] «В раю».

[2] Из этой беспокойной местности и теперь вышел покушавшийся на Муссолини.—*Прим. авт.*

было отойти к четырехугольнику крепостей? Тут находилась одна из самых сильных оборонительных позиций Европы, причем до подхода туда французов Австрия могла бы мобилизовать и сосредоточить по крайней мере еще 4 корпуса, так что 9 австрийских корпусов противостояли бы 8 неприятельским [1]. Противники не могли подойти к ней иначе, как ослабив себя выделением войск против некоторых из 4 крепостей. О том, чтобы они подобно Австрии усилились за счет подкреплений из отечества, нельзя было и думать. В Пруссии и Германском союзе уже происходила мобилизация, вследствие чего Пелиссье, очевидно, не мог послать из своей обсервационной армии значительные силы в Италию.

Таким образом, очищение Ломбардии было бы отходом назад для лучшего прыжка. Ген.-лейт. фон-Кеммерер в своей книге «Маджента» [2] также говорит: «Отступление в четырехугольник крепостей было бы неплохой стратегией». Против этого можно возразить, что стратегию нельзя отделить от политики. Политика же воспрещала отдавать без боя такую страну, как Ломбардия, пока еще имелись военные шансы успешной обороны.

Наш рассказ покажет, что в этих шансах не было недостатка, как и в наличных военных силах. Прежде всего Гиулай имел подавляющее численное превосходство над сардинцами и стоял на внутренней операционной линии между обеими французскими массами, которые, находясь еще далеко от сардинцев, наступали с одной стороны через Сузу, а с другой — через Геную. Но если Гиулай хотел использовать раздробление неприятельских сил, то он должен был дорожить каждым днем. Вместо этого ему понадобилось 3½ перехода для расстояния, которое армия могла легко пройти в 2 дня, так что австрийцы только 2 мая достигли р. По против сардинской позиции, находившейся на высотах Сен-Сальватор.

Это замедление произошло из-за разногласий внутри верховного командования. Начальником штаба у Гиулая был полк. Кун; он после соглашения между Австрией и Венгрией [3] был назначен имперским военным министром и ввел в Австро-Венгрии общую воинскую повинность. Кун хотел перейти р. По ниже Басиньяно и потом переправиться через р. Танаро. Гиулай, вообще не вполне сочувствовавший наступлению в Ломбардии, считал прямую атаку неприятельской позиции за обеими реками невыполнимой; он хотел итти на Турин, чтобы маневром принудить сардинцев к очищению высот Сен-Сальватор.

Конечно, тогда не следовало бы предпринимать ненужное наступление на их фронт, но Гиулай как полководец не обладал сильной волей, а находился под обаянием Куна, пользовавшегося доверием императора и армии. Гиулай наполовину слушался его, наполовину ему сопротивлялся, — и, таким образом, были потеряны два незаменимых дня.

По существу же прав был Гиулай, а не Кун; форсировать позицию у Сен-Сальватора представлялось невозможным делом. Для этого

[1] 50 000 сардинцев приняты здесь как эквивалент 2 французских корпусов, потому что сардинская армия не была разделена на корпуса.—*Прим. авт.*

[2] Эта книга свидетельствует о большой начитанности и изложена с большим талантом и знанием дела. *Прим. авт.*

[3] Это соглашение было заключено в 1867 г., после австро-прусской войны 1866 г.

следовало с 5 корпусами перейти р. По. Принц Гогенлое-Ингельфинген в своих «Стратегических письмах» [1] говорит, что по одному мосту можно пропускать ежедневно не более одного корпуса, а без обоза — не более двух корпусов. В другом месте этот же генерал утверждает, что вблизи от противника при большой осторожности можно переводить через реку ежедневно лишь один корпус. Австрийцы испытывали недостаток в понтонных парках, и у них нехватало материала для наведения двух мостов через такую большую реку, как По. Следовательно, австрийской армии понадобилось бы по меньшей мере 3 дня для постройки мостов через р. По и для перехода через нее. Вообще же возможность наведения надежного моста через р. По зависела от погоды. После сильных ливней это предприятие стало опасным, а между тем нужно было переходить не только через р. По, но и через р. Танаро. Мольтке говорит [2], что р. Танаро обычно маловодна и во многих местах проходима вброд; он осуждает Гиулая за то, что последний не попробовал атаковать сардинцев с фронта; конечно, это было трудно, но выполнимо.

Историк имеет право возразить против этой критики, потому что тут вопрос не чисто военный, но в такой же мере и исторический. После того как Мольтке опубликовал свое описание похода 1859 г., стали известны источники, дававшие новые объяснения военной обстановки и побуждений Гиулая. Мольтке говорит, что р. Танаро обычно, т. е. в сухую погоду, маловодна. Между тем погода уже долгое время была переменная. Так как шел дождь, то Гиулай, ссылаясь на желание выждать результата последней английской попытки посредничества, отсрочил переход через сардинскую границу на 3 дня [3], потому что при значительных осадках мелкий Танаро превращался в могучий бурный поток, который нельзя было перейти на виду у неприятеля, тем более при недостатке понтонов и сапер.

Потом погода изменилась, и р. Тиччино была перейдена при ярком солнечном освещении. Это произошло 29 апреля, но 3 мая снова полил дождь. Строить мост через р. По было трудно, а через р. Танаро и совсем невозможно. Австрийским войскам пришлось бы целые дни дефилировать по мосту, ежеминутно угрожавшему разрывом, чтобы после этого беспомощно остановиться перед р. Танаро.

Перейдя р. По у Валенцы, Гиулай мог атаковать высоты Сен-Сальватор, избегнув р. Танаро. В этом случае в его распоряжении имелись бы два моста: кроме собственного, еще железнодорожный. Однако, местность там настолько не благоприятствовала атакующему, что и Мольтке отвергает переход у Валенцы. Именно с целью побудить Гиулая к наступлению в этом месте сардинцы оставили железнодорожный мост неразрушенным.

Следовательно, надо считать в порядке вещей, что Гиулай отказался от фронтальной атаки сардинцев; но только ему не следовало и вовсе ввязываться в это дело. Он совершенно правильно донес

---

[1] Берлин 1887.

[2] «Der italienische Feldzug des Jahres 1859, redigiert von der historischen Abteilung des Generalstabes der königlich preussischen Armee. Dritte Auflage, Berlin 1870». Эта книга, составленная Мольтке, по своей красоте стоит недосягаемо в военно-исторической литературе. По проницательности и ясности она навсегда останется заслуживающей прочтения, но вследствие развития литературы на данную тему отчасти уже устарела.—*Прим. авт.*

[3] Ср. Гюбнер. Воспоминания, стр. 260.—*Прим. авт.*

в Вену, что, раньше чем можно будет атаковать сардинцев, французы уже будут у Сен-Сальватора; теперь он вернулся к своей первоначальной мысли — двигаться на Турин. Для того чтобы затруднить сардинской армии операции в своем тылу, Гиулай приказал взорвать железнодорожный мост у Валенцы. Вследствие дождя это было не так легко, так как в заложенные раньше мины проникла вода, и пришлось пробивать новые камеры.

Приказано было также разрушить по ту сторону р. По железнодорожный и деревянный мосты через Скривию и железнодорожный мост через Куроне, чтобы затруднить французским корпусам, высадившимся в Генуе, наступление к тылу австрийской армии. С этой целью 8-й австрийский корпус под начальством фельдм.-лейт. Бенедека под проливным дождем, по размокшим дорогам, совершил ночной марш к Корнале на р. По и выстроил там понтонный мост. На следующий день при продолжавшейся непогоде к Корнале двинулся и 2-й корпус фельдм.-лейт. князя Эдуарда Лихтенштейна. Перейдя реку, 8-й корпус выдвинул бригаду, чтобы произвести намеченные разрушения.

Однако, в ночь с 4 на 5 мая река вследствие беспрерывного дождя поднялась на 13 фут. Мост не мог оказать сопротивления напору воды, и его пришлось развести; часть материала погибла. На следующее утро дождь прекратился, и дороги под итальянским солнцем вскоре высохли. Тем хуже создалось бы положение для Бенедека, если бы 1-й и 2-й французские корпуса, бивакировавшие у Скривии в двух умеренных переходах к югу, перешли в наступление форсированным маршем. Так как нахлынувшая вода не успела достаточно быстро сбыть, то 8-й корпус еще 1,5 суток не мог отойти обратно через р. По. Только после полудня 6 мая удалось с большими усилиями восстановить мост, и Бенедек отступлением за р. По поспешно вытянул голову из петли.

Впрочем опасность угрожала ему лишь в теории. Французы на Скривии еще не двигались. Командир 1-го корпуса маршал граф Бараге д'Иллье, которому временно подчинялся также и 2-й корпус Мак-Магона, был чрезвычайно доволен, что появившийся по эту сторону р. По неприятель удовольствовался разрушением мостов и не двинулся против него. Французы сильно укрепились; Бараге и Бенедек боялись друг друга, хотя ни один из них не думал об атаке.

Этот перерыв опять-таки обошелся Гиулаю в один невознаградимый день, так как до выяснения положения отрезанного 8-го корпуса он не хотел перемещать центр тяжести своих главных сил далеко от окрестностей Корнале. Наконец, 7 мая было начато большое захождение направо. Оно потребовало решимости от верховного командования и дееспособности от интендантства, так как приходилось перенести базу армии. Для действий против Сен-Сальватора армия базировалась преимущественно на коммуникационную линию вдоль р. По; теперь главным базисом стала Миланская этапная дорога [1].

Армия сделала два больших перехода через Мортару на Верчелли, причем ее главные силы остановились тут до 9 мая, в то время как 2 корпуса еще ближе придвинулись к Турину, а кавалерия своими разведывательными частями доходила до р. Дора-Балтеа, — единственной сколько-нибудь сносной оборонительной позиции между

[1] Автор все время путает термины: коммуникационная линия, база и этап.

австрийцами и Турином. Марш на Турин представлял большие трудности. Шоссе были во многих местах перекопаны и искусственно затоплены (страна изрезана каналами для рисовых полей). Ремонт некоторых мест, испорченных затоплением дорожного полотна, был бесполезен до полного закрытия водопроводов, но достигнуть этого было столь же трудно, как привлечь общины к принудительной работе, потому что австрийцы двигались в неприятельской стране, будучи окружены сардинской кавалерией. Гиулай не знал, откуда взять сапер, чтобы исправить дороги для армии, потому что в тылу он также считал нужным произвести обширные работы. Несмотря на взрывы мостов у Валенцы и южнее Корнале, Гиулай опасался диверсий значительных неприятельских масс и, может быть, еще больше набегов Гарибальди, который теперь имел 6 батальонов cacciatori, силой в 3 000 чел. Дивизия Урбана была переведена с северной этапной дороги к Страделле на р. По для прикрытия южной этапной дороги, которой, казалось, угрожали с трудом сдерживаемые революционные силы в Парме и Модене. Для обеспечения тыла операционной армии Гиулай приказал укрепить Верчелли, Мортару и Новару, которые вследствие разведения в них риса были окружены множеством каналов и легко могли быть приведены в оборонительное состояние, — тем более, что около половины осадного артиллерийского парка было перевезено от Павии и распределено между этими пунктами.

Гиулай ожидал, что сардинцы будут защищать свою столицу на р. Дора-Балтеа. Простояв против них довольно продолжительное время у Сен-Сальватора, он теперь оценивал их силы довольно верно. Правда, он должен был рассчитывать встретить за этой рекой и французов, перешедших через Альпы, но и тогда он имел бы некоторое превосходство сил. Ввиду этого он желал сражения на р. Дора-Балтеа. После неблагоприятного хода войны Гиулая изображали совершенно неспособным человеком. Это слишком сильно сказано [1]. Гиулай все же был самостоятельной личностью. Принадлежа к придворной партии, он и у либералов слыл достойным преемником Радецкого, показав себя пригодным не только на войне, но и в дипломатических делах проявив живость ума. Его карьера была сделана честными средствами.

Но, правда, он не был полководцем. Подчинившись знаниям и авторитету своего начальника штаба, он дал себя увлечь в предприятие, которое закончил лишь наполовину, вообразив, что не может более нести за него ответственность, хотя в военной обстановке не произошло никаких изменений. Теперь, когда он осуществлял план, казавшийся ему целесообразным, — насколько это вообще можно сказать об операциях в Сардинии, — он выказал те же духовные свойства, как и перед Сен-Сальватором. Передовые войска донесли ему, что на р. Дора-Балтеа неприятеля нет. Действительно, союзники имели там только сардинскую кавалерийскую дивизию Самбуи. Сардинская армия, не обращая внимания на движение австрийцев вправо, осталась у Сен-Сальватора, а французские войска, перешедшие Альпы, — 3-й корпус Канробера и 4-й корпус Ниеля, — двинулись к Алессандрии, где вступили в связь с сардинцами частью еще

[1] Ср. берлинскую вступительную диссертацию Конрада Молинского, «Gyulays Verhalten bei der Eröffnung des lombardischen Krieges 1859», 1917.—*Прим. авт.*

до выступления Гиулая на Турин. Таким образом, две отдельные большие массы союзников соединились и стояли на фланге Гиулая, вместо того чтобы быть перед его фронтом, на р. Дора-Балтеа, как он этого ожидал.

Несомненно, это было очень опасное положение для австрийской армии, и Гиулай считался с ним, как то показывает укрепление трех городов и доставка тяжелой артиллерии из Павии. Однако, «совершившийся факт — не то, что ожидание этого факта». Теперь мысль о возможности быть отрезанным от своей базы и иметь перспективу сражения с повернутым фронтом стала для Гиулая невыносимой. Находясь в Верчелли, в трех переходах от Турина, он столь же внезапно, как при Сен-Сальваторе, отказался от своего намерения и приказал отступать в Ломеллину.

Объективной нужды в быстром отходе не было. Союзники не думали о каком-либо наступлении; они радовались, что их самих не атакуют до присоединения 3 французских корпусов из Генуи, что могло произойти не скоро. Гиулай отступил 9 мая с такой поспешностью и растерянностью, что диспозиции для марша 5-го корпуса (одного из двух выдвинутых к р. Дора-Балтеа) в течение дня менялись 4 раза. Между тем Наполеон выехал из Парижа только на следующий день вечером и, прибыв через 4 дня (14 мая) в Алессандрию, принял командование армией.

3-й австрийский корпус выступил 9 мая в 2 ч. 30 м. пополудни и, несмотря на небольшой переход, прибыл на бивак только на другой день в 4 часа утра, потому что дороги были заняты войсками 8-го корпуса, которые (пока еще целью марша являлся Турин) шли день и ночь, а затем от изнеможения легли.

Принц Гогенлоэ говорит в своих «Стратегических письмах», что при таком большом и сложном организме, как 100-тысячная армия, подобное управление должно привести к путанице, переутомлению и недоставке продовольствия [1].

Уже после отдачи приказа для отступления на Мортару в австрийской главной квартире было получено донесение от дивизии Ланга 8-го корпуса, оставленной против Сен-Сальватора для наблюдения за сардинцами. Фельдм.-лейт. Ланг сообщал, что на другом берегу р. По видно большое передвижение войск по железной дороге; говорят, что союзники сосредоточиваются между Алессандрией и Тортоной. В Алессандрии якобы делаются приготовления для встречи Наполеона; на башнях развеваются трехцветные флаги.

Тортона являлась тем пунктом, где прибывшие по морю французы должны были из прохода Скривия выйти в долину р. По. Донесение Ланга сильно упреждало события, но Гиулай счел его обоснованным, так как по своему настроению был готов приписать неприятелю крылья. Он опасался, что последний, базируясь на Геную, пойдет вниз по р. По на Пиаченцу, вклинится между австрийской армией и четырехугольником крепостей и приготовит ей, таким образом, второе Маренго. Гиулай говорил, что хочет сберечь императору армию. Впрочем он верно объяснял план Наполеона. Так как при движении вниз по р. По Наполеону противостояла только дивизия Урбана

[1] Главы «Стратегических писем,» относящиеся к походу 1859 г., не имеют под собой широкого исторического фундамента, но отличаются многими здравыми суждениями.—*Прим. авт.*

у Страделлы, то главные силы австрийцев отступали в Ломеллину с особой торопливостью и, понятно, со все возраставшим беспорядком двумя форсированными маршами, после чего заняли наблюдательное положение с центром в Мортаре. Теперь Гиулай отказался от использования разделения союзников; он хотел дать им спокойно соединиться и затем уравновесить их большое численное превосходство оборонительно-наступательной (defensiv-offensive) стратегией и тактикой. В конце концов Наполеону придется все-таки искать перехода через р. По, и при этом его следует атаковать, — доносил Гиулай в Вену о своих намерениях. Кажется, французы предполагают итти на Пиаченцу. Эта крепость и предмостное укрепление у Вакарицца (ниже Павии) должны сильно мешать их наступлению. Один пункт лежит впереди, другой позади дефиле у Страделлы. (Тут Апеннины подходят к р. По на 3 км.) Противник при переходе может быть угрожаем с фланга как из Пиаченцы, так и из Ваккарицы.

В Вене ген.-адъютант граф Грюнне, самый сильный человек в империи, неблагоприятно относился к бесполезным, зигзагообразным маршам Гиулая, а из довольно резкой переписки выяснилось, что престиж Гиулая при дворе поколеблен. Общественное мнение также выражало беспокойство. Для успокоения газеты таинственно намекали на глубоко скрытый гениальный план похода, который известен только 6 человекам (это они могли выдать своим читателям). Венская публика опять развеселилась, но утомительные и бесполезные операции подействовали на дух войск, как поражение. Даже не пробуя пульса армии, Гиулай должен был знать, что субординация наверху и дисциплина внизу пострадали. Он отдал приказ корпусным командирам, в котором объявлял, что пока вынужден перейти к обороне, но потом даст сражение в открытом поле. Он убежден, что эта кратковременная задержка в операциях не окажет вредного влияния ни на войска, ни на начальников. Во всяком случае нужно и дальше со всею строгостью поддерживать дисциплину и порядок в войсках как главную гарантию храбрости.

Желая показать, что армия находится у него в руках, Гиулай приказал в пехоте проделывать ружейные приемы, а в кавалерии и артиллерии заняться верховой ездой. Смеялись над тем, что в военное время он не нашел ничего лучшего, как заниматься строевыми учениями. Но раз подчинившись противнику, отказавшись в его пользу от стратегической инициативы, Гиулаю оставалось лишь работать над моральным и материальным укреплением своей армии. Войска должны были окружить баррикадами и другими укреплениями все мало-мальски важные пункты Ломеллины, чтобы армия повсюду имела подготовленное поле сражения. Ведь нельзя было поручиться за то, что Наполеон пойдет вниз по течению р. По: он мог также перейти эту реку в окрестностях Валенцы или переправиться через Сезию и потом дать сражение в Ломеллине.

Пожалуй, Гиулай больше думал о проигрыше сражения, чем о средствах для его выигрыша. Он был проникнут истиной стихов Грильпарцера: «В твоем лагере находится Австрия» [1].

Стратегия, при которой все ставится на карту, казалась несовместимой с отечественным фронтом, подорванным революцией. Этим

[1] Из стихотворения «К Радецкому», напечатанного в 1848 г. и направленного против революции, охватившей тогда весь запад Европы.

объясняются те огромные работы, которые в течение почти 3-недельной стоянки на месте Гиулай приказал произвести на путях отступления через Тиччино. Павия, Виживано, Бергвардо, Сен-Мартино, Маджента были пунктами переправы, за которыми он зорко следил. В Павии удалось создать новые крепостные укрепления, а железнодорожный мост у Сен-Мартино был прикрыт предмостным укреплением на правом берегу. У Виживано и Бергвардо были наведены мосты, причем материал для них был сплавлен водным путем от Лаго-Маджиоре. Мост у Виживано обеспечивался постройкой 5 укреплений.

С величайшей строгостью Гиулай продолжал поддерживать дисциплину. Ломеллина не принадлежит к богатым округам Верхней Италии. Она не могла бы кормить армию в течение 4 недель (как это произошло), если бы не хорошая старинная австрийская дисциплина. Гиулай издал прямо-таки драконовские приказы против злоупотребления реквизициями. Например, при варке пищи запрещалось рубить тутовые деревья на дорогах и бивачных местах.

Однако, эти распоряжения объясняются не только желанием поберечь страну в интересах армии. Гиулай вообще не сочувствовал реквизиционной системе и по мере возможности довольствовал войска из магазинов. Он говорил, что реквизиции разрушают дисциплину. Так выражались все полководцы XVII и XVIII вв. [1]. Они боялись массового дезертирства [2]. Гиулай также этого боялся. В австрийской империи армия была главным валом против революции, но предположение, укоренившееся в отдельных национальностях, что революционный дух преодолеет это препятствие, не опровергалось австрийскими военными с безусловной уверенностью.

Итак, теперь наступило затишье в военных операциях, причем французам требовалось еще продолжительное время для сосредоточения, а австрийцы выжидали развития событий. Мы воспользуемся этой передышкой, чтобы бросить взгляд назад,—на те шансы, которые представлялись Гиулаю в случае, если бы он довел движение на Турин до конца. Говорили, что своим ударом по воздуху против незанятой неприятелем р. Дора-Балтеа он поставил себя в смешное положение. Однако, при недостатке решительности Гиулая нельзя отрицать у него разума. Было правильнее итти на Турин, чем на виду у неприятеля переходить через две реки, что могло быть затруднено метеорологическими условиями, учесть которые заблаговременно не представлялось возможным. В случае, если бы французы и сардинцы развернулись для сражения на Дора-Балтеа, на исход его в значительной мере повлияло бы то обстоятельство, что австрийцы сражались под общим начальством, тогда как сардинская и французская армии имели каждая свое отдельное верховное командование. Начальство над обоими французскими корпусами принадлежало Канробер у, потому что он был маршал, а Ниель — только дивизионный генерал. Но из истории Крымской войны мы знаем, насколько низко Ниель оценивал стратегические способности Канробера и как в конце концов именно он побудил Наполеона удалить Канробера с должности главнокомандующего [3]. Ниель был до некоторой степени прав;

[1] Delbrück, IV. 289.
[2] Ср. Delbrück, Kriegskunst, IV, 344, 474.
[3] Часть первая, стр. 97.

тем вероятнее представлялось, что на Дора-Балтеа он плохо слушался бы Канробера. Это тоже давало большой шанс Гиулаю.

Если бы союзники отказались от непосредственного прикрытия Турина и вследствие этого австрийцы заняли бы его без боя, то это было бы чем угодно, но только не ударом по воздуху. Теория стратегии высоко ценит занятие неприятельской столицы [1]. Тут практика, наверное, не уличила бы теорию во лжи. Корпуса Канробера и Ниеля базировались на магазин в Сузе, пьемонтском городе у подошвы Мон-Сениса. Сочинение французского генерального штаба [2] замечает, что австрийцы в Турине причинили бы большие затруднения Канроберу и Ниелю, отрезав оба французские корпуса, стоявшие близ Алессандрии, от их магазина и задержав в Сузе транспорты, следовавшие через Мон-Сенис. Еще выше оценивает названное сочинение то моральное влияние, которое оказало бы на неприятеля занятие Турина. Моральное влияние — это довольно расплывчатая отвлеченность; мы должны выяснить, что под этим подразумевается.

Революционная идея, сражавшаяся на стороне французов и сардинцев, оказывала на австрийское верховное командование влияние, как голова Медузы. Но революционная тенденция была опасным союзником,—особенно для слабого сардинского правительства. Никто лучше Кавура не знал его слабости. Вследствие этого он был вне себя, узнав, что Канробер отказался перейти от Сен-Сальватора к Дора-Балтеа; Кавур мыслил не стратегически, а политически. При приближении неприятельской армии высшие слои туринской буржуазии бежали, оставив сердце и голову страны черни. Если бы австрийцам удалось удержать Турин до окончания сосредоточения союзников в течение нескольких недель, то сардинскому государству угрожало бы близкое распадение, так как только надежда на победу над Австрией соединяла либералов, гарибальдийцев и мадзинистов.

Если бы эта вера пошатнулась вследствие падения столицы, то они вцепились бы друг в друга и все вместе набросились бы на католическую партию, которую мадзинисты и гарибальдийцы ругали пьемонтскими кроатами, но которая по результатам выборов в палату имела за собой народные массы. Разногласия между духовенством и гарибальдийцами и теперь уже были едва терпимы для сардинского государства. Гарибальдийцы производили, как они называли, «реквизиции», а духовенство говорило о разбое и уговаривало народ ничего не давать. Когда Гиулай старался соблюдением отличной дисциплины насколько возможно облегчить населению неприятельской страны тягости нашествия, то он также имел при этом заднюю мысль — оживить католическую идею в Пьемонте. Эта хорошо рассчитанная военная политика имела некоторый успех, о чем свидетельствовал христианский образ мыслей пьемонтского гражданского населения в отношении пациентов в австрийских лазаретах.

---

[1] Теория стратегии учит как раз обратному. Главное внимание должно быть обращено на живую силу врага, а не на географический пункт. Занятие Москвы не дало победы Наполеону; Кутузов же отдал Москву, чтобы сохранить армию.

[2] «Campagne de l'empereur Napoleon III en Italie. Rédigée au dépôt de la guerre», 1885, в качестве источника стоит ниже сочинения австрийского генерального штаба и далеко превосходит его в искусстве ретуширования. Несмотря на это, понятно, что изучение его при осторожной критике может дать значительные результаты.— *Прим. авт.*

Итак, в первый период похода Гиулай имел бы возможность одержать победу. Пессимизм, который из-за мнимой слабости с каждым днем все более и более овладевал им, был неоснователен. Но действия Гиулая определялись этим настроением. Оно сделало бы его неспособным к хорошей стратегии даже и в том случае, если бы австрийская дипломатия сумела вызвать войну немного раньше или немного позже. Некоторые критики упрекают графа Буоля за то, что он не поступил таким образом. Они говорят, что если бы вместо конца апреля австрийцы вступили в Сардинию в начале этого месяца, то французы не были бы еще мобилизованы. Но ведь и в конце апреля они были почти на мирном положении и в таком виде выступили в Италию. Следовательно, если бы действия начались несколько раньше, то в ходе их едва ли произошло бы существенное изменение.

Что касается нанесения удара в более поздний срок, то это совсем не помогло бы австрийцам. При Сольферино была сделана подобная проба. Тогда австрийцы имели равные силы с Наполеоном, но это не принесло им никакой пользы. Им не помогло и увольнение главнокомандующего Гиулая, потому что страх перед революцией, парализовавший решения, господствовал не только над ним, но и над всеми умами в австрийском верховном командовании.

Так было с самого начала войны. Однако, еще больше, чем в армии, опасение перед революцией проявлялось у графа Грюнне. После перехода Гиулая через Тиччино 9-й корпус был переведен из Моравии в Венецию, Триест и Фиуме,—хотя из страха перед тори, все еще сохранявшими власть и желавшими соблюдения нейтралитета на Адриатическом море, Наполеон отважился послать туда только очень немного военных кораблей. Потом 9-й корпус,—приблизительно к тому времени, когда Гиулай от Дора-Балтеа отходил в Ломеллину,—был отправлен на помощь Гиулаю, но интервал на побережье был тотчас же заполнен 10-м корпусом, привлеченным туда из Венгрии. Он стоял на побережье без всякой пользы. Подполк. Бартельс говорит совершенно верно: большие десанты были маловероятны и плохо окончились бы для неприятеля, так как внутри монархии еще стояли 4-й и 12-й корпуса и организовывались новые. Кроме того, имелась еще дюжина батальонов граничар (Grenzer [1]), не включенных в действующую армию. К этому присоединялись еще тертиеры (Tertiärs) в Далмации — народное ополчение, подобное ландверным стрелкам (Landesschützen) в Тироле. Правда, далматинцы и граничары были доступны югославской агитации, чему в Вене справедливо придавали большое значение; но это обстоятельство все-таки играло второстепенную роль; главное же нужно было быть сильным на фронте, потому что тут ожидались быстрые решения, от которых зависело все остальное.

Гиулай, который попрежнему ожидал, что Наполеон пойдет вниз по течению р. По для обхода его левого фланга, направил 9-й корпус в Пиаченцу. Теперь Гиулай имел 140 000 чел., но считал противника гораздо сильнее, чем он был в действительности. По отчету полк. Куна ген.-квартирмейстеру Гессу от 19 мая, в котором были

[1] Граничары — военнообязанное население, жившее на территории так называемой «Военной границы», за Динарскими Альпами и реками Кульпа, Унна, Сава и Дунай.

пропущены императорская гвардия и дивизия Отемара 5-го французского корпуса, австрийская главная квартира определяла численность франко-сардинской действующей армии в 175 000 чел. Включая пропущенные войсковые части, численность этой армии по австрийской оценке превышала 200 000 чел. В действительности же насчитывалось 160 000 союзников против 140 000 австрийцев. При этом не принята в расчет дивизия Уриха 5-го французского корпуса, но она еще не прибыла в Тоскану, потому что нехватало судов для ее перевозки. Впрочем она с избытком уравновешивалась 1-м корпусом, шедшим из Богемии.

Непосредственно после прибытия 9-го корпуса Гиулай решил показать Наполеону, что он настороже против его планов охвата. Он направил на Кастеджио 20 000 чел., частью от 9-го корпуса и дивизии Урбана, которые двигались по правому берегу р. По через Страделлу, частью от 5-го корпуса. Последние войска шли из Ломеллины через мост на судах у Ваккарицца. Все это подчинялось командиру 5-го корпуса фельдм.-лейт. графу Стадиону. Он имел инструкцию наступать по направлению на Вогеру до тех пор, пока не наткнется на превосходные неприятельские силы. Инструкция называла это предприятие усиленной рекогносцировкой, но оно служило не столько для разведывания (так как Гиулай давно уже знал, что противник сосредоточивается на линии Вогера—Тортона—Алессандрия) [1], сколько в качестве предупреждения для Наполеона. Австрийское верховное командование полагало, что, когда Наполеон убедится в невозможности захватить Гиулая врасплох на левом фланге, ему ничего более не останется, как «брать быка за рога». Наполеону придется произвести фронтальную атаку на австрийскую армию в южной Ломеллине, где она все более сосредоточивалась (главная квартира была перенесена из Мортары в Гарласко) и все интенсивнее укреплялась. После перехода через р. По у Валенцы французской армии предстояло наступать на Гарласко по местности с рисовой культурой; эта местность вследствие искусственного орошения затрудняла движения войск. Выше мы видели, сколько времени понадобилось бы 7—7½ корпусам для перехода через такую реку, как По. Напротив, австрийцы могли собраться за находившейся в одном переходе позади хорошо подготовленной для обороны р. Агонья с тем, чтобы потом, смотря по обстоятельствам, наступать против частей дефилировавшей через р. По неприятельской армии.

Поручение, данное фельдм.-лейт. Стадиону, было опасным. Равнина между р. По и Апеннинами, по которой ему приходилось наступать против французов, имеет ширину около мили; 3 французских корпуса, стоявшие правее устья р. Танаро, могли выйти ему в тыл. При дальнейшем продвижении австрийского сводного корпуса через Кастеджио ему угрожали бы также и с левого фланга, потому что в этом районе Наполеон выдвинул в Апеннины дивизию Отемара. Она пошла из Генуи на Варци на р. Стаффора и далее к Боббио на Верхней Треббии. Соответственно этому, начиная между 4 и 5 час. утра 20 мая марш от Ваккарицца и Страделлы на Кастеджио, Ста-

[1] Правильно подчеркнуто герцогом Альмазин в его книге «La guerre d'Italie» Campagne de 1859». Герцог—не без природного таланта. Он пользовался также некоторыми новыми ценными источниками, например, блокнотами Наполеона и заметками Вальяна.—*Прим. авт.*

дион внушил подчиненным генералам осторожность. Он рассчитывал найти в Кастеджио передовые французские войска, которые, пожалуй, можно было отрезать,—тем более, что австрийцы приближались к Кастеджио концентрически. Марш был очень утомительный. Три бригады 5-го корпуса еще накануне сделали форсированный переход, чтобы дойти до Ваккарицца. Тут были оставлены ранцы, так как наступление предполагалось лишь на короткое расстояние. Однако, несмотря на это облегчение, марш на Кастеджио происходил очень медленно по полевым дорогам, испорченным продолжитель-

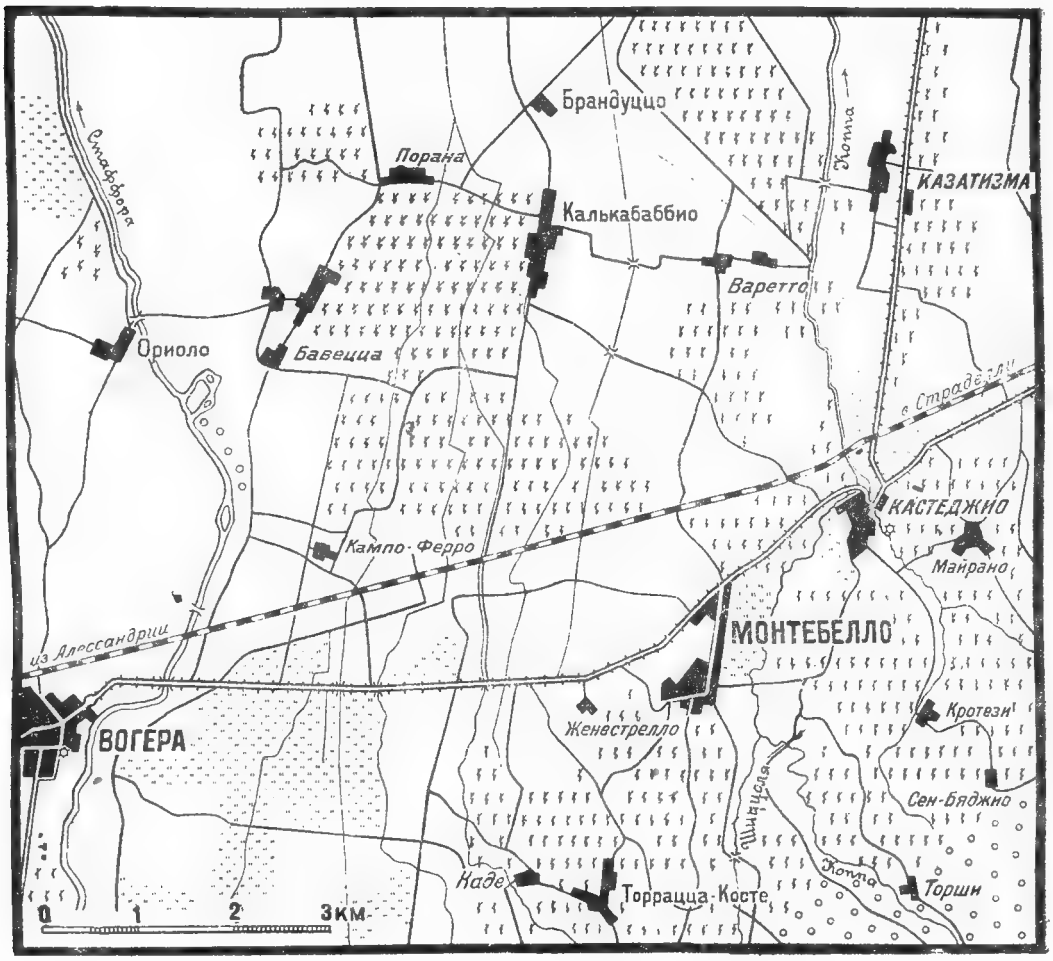


Схема 12. Район боя у Монтебелло (20/V 1859 г.).

ными дождями, и через вышедшие из берегов оросительные каналы, при палящей жаре.

Австрийцы приближались к Кастеджио в трех колоннах, из которых правую и среднюю составили войска из Ваккарицца, а левую — войска из Страделлы. Начальником правой колонны был ген.-майор принц Александр Гессенский. В 1866 г. он командовал 8-м союзным корпусом и уже в 1859 г. пользовался особым почетом среди австрийских генералов, как шурин царя Александра II.

Принцу, который с 6 батальонами двигался ближе других к Вогера — Тортана, Стадион особенно настойчиво рекомендовал величай-

шую осторожность; между прочим он должен был прочно занять и удерживать селения Брессану [1] и Кастеджио. Средней колонной в 10 батальонов командовал фельдм.-лейт. барон Баумгартен, начальник дивизии 5-го корпуса. Он оставил 2 батальона в Барбаньелло для обеспечения от французов в Апеннинах.

В Кастеджио не было значительных передовых частей противника; там имелось немного сардинской кавалерии, которая перед фельдм.-лейт. Урбаном, командовавшим обеими бригадами из Страделлы, отошла на Монтебелло. Согласно инструкции, Урбан занял также и этот пункт бригадой Шафготча. Последняя прошла еще несколько километров дальше по направлению на Вогеру и утвердилась на ферме Женестрелло. Тактически это было правильно, хотя ген.-майор граф Шафготч сделал шаг, не предусмотренный в инструкциях Стадиона. Женестрелло лежит на далеко выдающемся отроге Апеннин, так что оттуда можно видеть открытую равнину до Вогеры. Напротив, холмистая местность между Женестрелло и Монтебелло покрыта густыми виноградниками, облегчавшими атакующему внезапное наступление.

Урбан одобрил занятие Женестрелло, но упустил сделать из этого логический вывод, а именно—продвинуться другой своей бригадой до Монтебелло. Его решительность была парализована стеснительными указаниями Стадиона—прикрывать Кастеджио от нападений из гор. Таким образом, между обеими бригадами дивизии Урбана образовался интервал в 4 км по воздушной линии.

Впрочем поведение гражданского населения внушало фельдм.-лейт. Урбану немало забот. Снова обнаружилось то, что еще раньше бросалось в глаза при разрушении мостов через Скривию и Куронне: население к югу от р. По было гораздо менее послушно, чем в Ломеллине. После того как крестьяне убили вилами одного кавалериста из разъезда, Гиулай в своем страхе перед революцией отдал такое распоряжение о патрулировании, которое сделало почти невозможной постоянную разведку небольшими частями. Теперь Урбан натолкнулся на зачатки войны франктиреров. Он поступил решительно, приказав расстрелять 9 чел., стрелявших по войскам или захваченных с оружием в руках. Однако, указанные происшествия самым удручающим образом повлияли на психику австрийских генералов, предполагавших бунтовщические настроения повсюду в своем тылу, mutatis mutandis [2] на всей длинной линии, до самого сердца Венгрии и вплоть до самой Вены.

Получив донесение, что захват неприятельских частей в Кастеджио не удался, Стадион в 2 ч. 30 м. пополудни решил остаток дня предоставить своим измученным войскам на отдых. Они должны были остановиться там, где находились: Урбан — в Женестрелло и Кастеджио; Баумгартен — в Казатизма. Принц Гессенский для большей безопасности должен был при палящей полуденной жаре опять отойти от Калькабаббио назад до Брандуццо, находившегося на расстоянии одного часа марша. С наступлением сумерек все части должны были приступить к варке пищи.

День действительно закончился бы мирно, если бы на несчастье австрийцев как раз у Вогеры не стоял ген. Форей, с темпераментом которого мы уже бегло познакомились в описании действий под Се-

[1] См. схему 12 для боя при Монтебелло и общую схему 11.—*Прим. авт.*
[2] С соответственными изменениями.

вастополем [1]. Он выказал себя 20 мая 1859 г. не совсем как стратег, но как настоящий солдат. Его задачей было прикрывать с востока квартирный район союзной армии правее р. Танаро. Он выполнил бы полностью эту задачу, если бы на основании донесений отходившей сардинской кавалерии сосредоточил свою дивизию позади р. Стаффора, предоставив остальное своему начальнику, маршалу Бараге-д'Илье, который с двумя другими дивизиями 1-го корпуса стоял у Кастельнуово и Понтекурроне. Но когда Форей увидел на краю равнины белые мундиры войск ген. Шафготча, его охватила страсть, и он решил попросту произвести атаку, не спрашивая о числе неприятеля. Сам он располагал 13 батальонами с боевой силой в 6 000 чел. Кавалерия 1-го французского корпуса не была ему придана, потому что Франция мобилизовалась так медленно, что на 28-й день мобилизации налицо имелась только половина кавалерии. Зато дивизии Форея были приданы 10 сардинских эскадронов.

Позиция у Женестрелло была очень сильна: массивная ферма, которую прикрывали обрывы и Фосса Манкапана. Но бригада Шафготча имела только 3 000 штыков [2] против 6 000 дивизии Форея. К этому нужно добавить, что на стороне Форея имелось 10 эскадронов сардинской кавалерии—1 000 чел., которые энергично вступили в бой, когда последний распространился за пределы фермы к железной дороге. Один раз 3-му батальону полка эрцгерцога Райнера почти удалось ударной тактикой одолеть рассыпной строй батальона 84-го французского полка и ворваться в Фоссагацца; но в последний момент сардинская кавалерия, перейдя через мост Фоссагацца, спасла французов. Ее повторные конные атаки, произведенные с большой лихостью, много содействовали утомлению австрийской пехоты.

Между 3 и 4 часами храбро защищавшаяся бригада Шафготча была вытеснена из Женестрелло и отброшена до Монтебелло, где ее приняла другая подчиненная Урбану часть — бригада Брауна 9-го корпуса. Однако, борьба против более чем двойного превосходства в силах до такой степени расшатала бригаду Шафготча, что часть ее оказалась даже неспособной занять резервную позицию позади Монтебелло, и ее пришлось совсем вывести из боя. Это были 3-й егерский батальон и 3-й батальон полка дон-Мигюэля, отведенные к Кастеджио.

Занятие Женестрелло, произведенное в целях обеспечения, оказалось плохим громоотводом: именно этим и была притянута молния. Установление этого факта не заключает в себе упрека Шафготчу и Урбану, хотя Стадион впоследствии с горечью порицал занятие фермы. Военная история на всех страницах учит, что невозможно предвидеть все последствия даже хорошо обдуманных мер. Однако, произнеся А, нужно сказать и Б: заняв Женестрелло бригадой Шафготча, следовало подтянуть бригаду Брауна в Монтебелло; оставление последней в Кастеджио надо считать большой ошибкой.

Теперь Форей с 5 300 штыков и 600 всадников бросился на Монтебелло, хотя в деревне и на соседней равнине стояли 8 000 пеших и 600 конных австрийцев, а принц Гессенский, отозванный Стадионом из Брандуццо, двигался французам во фланг. От этой колонны зависел исход боя. При ее энергичном наступлении смелость Форея, гра-

[1] Ср. часть первую, стр. 75. — *Прим. авт.*

[2] Боевая сила австрийского батальона была 700 чел., а французского — только 450. — *Прим. авт.*

ничившая с опрометчивостью, обрекалась на жестокое наказание. Но энергию австрийских генералов связывал ошибочный стратегический замысел Гиулая, который они были вынуждены выполнять. Стадион, отделенный от главных сил Гиулая большой рекой, двигался на правом фланге союзных армий взад и вперед, вдали от 9-го австрийского корпуса у Страделлы и Пиаченцы. Зачем на него была возложена эта рискованная операция? To twist the lions tail [1], чтобы Наполеону, страстно желавшему Пиаченцы, ad oculos [2] продемонстрировать, что австрийцы настороже. Перед превосходными силами Стадион должен был отступить: «Пересеченная местность дает арьергарду достаточную возможность упорно задерживать противника».

Нетрудно было сказать «упорно», но возможно ли было одному австрийскому корпусу, который должен был дать вызов 2—3 французским, дешево отделаться,—это все же зависело от счастья. Являлось ли правильным такого рода испытание счастья—без манящего победного приза, просто ради жеста, чтобы погрозить Наполеону пальцем?

Психологически вполне понятно, что Стадион и его генералы, отвечая на эти вопросы безусловно отрицательно, поставили себе правилом величайшую осторожность как корректив против стратегической неосновательности своего полководца. Последний не находил в себе мужества для крупных операций, но менее важные оперативные меры, которые он предписывал взамен, оказывались при продумывании их до конца (чего он впрочем сам не делал) чрезвычайно опасными.

Робкое настроение генералов сводного корпуса выразилось также и в тактике Александра Гессенского на поле боя у Монтебелло. Получив задачу действовать во фланг противника, принц в свою очередь почувствовал угрозу для себя с фланга со стороны 1½ батальонов Форея, которые с 4 сардинскими эскадронами стояли на аванпостах близ Ориоло и теперь двигались на Монтебелло. Это были 700 пехотинцев и 400 кавалеристов. Принц имел 3 500 чел. пехоты и 300 чел. кавалерии, но, как сказано выше, он чувствовал угрозу с фланга и в продолжение полутора часов не трогался с места, пока Монтебелло не было взято.

Последний пункт был потерян австрийцами, хотя он и защищался 8 600 чел. против 5 900, потому что пассивная оборона почти всегда проигрывает. Стадион приказал всем своим войскам отходить на Вакарицца. Сардинская кавалерия пыталась его отрезать, произведя атаку на передовые роты полка эрцгерцога Карла, но была встречена столь сильным огнем, что головные всадники погибли, а остальные умчались.

Этим вообще закончилось преследование со стороны победителей. Понеся значительные потери, они постепенно убедились в своей слабости. Форей ввел свою дивизию в бой всю до последнего человека. Напротив, из 25 батальонов Стадиона только 18 приняли участие в бою. Кроме отрядов в Барбаннелло, Брессане и Кастелетто, Стадион, считая свои пути отступления необеспеченными, удержал также бригаду Бильс в Кастеджио. Еще в своей диспозиции накануне боя он предписал, что каков бы ни был ход наступления, бригада Бильс должна при всяких условиях остаться нетронутой.

Контраст между боязливостью Стадиона и отважным движением Форея напролом несколько смягчается тем, что последний находился

[1] Крутить львиными хвостами.
[2] Наглядно.

в связи с французскими главными силами, тогда как австрийский сводный корпус висел в воздухе. Однако, на практике это ничуть не помогло Форею. Австрийцы находились уже в полном отступлении, когда к полю боя подошла дивизия Базена, привлеченная гулом канонады. Бригада принца Гессенского имела в своем распоряжении целые часы, для того чтобы покончить с Фореем раньше, чем он мог получить помощь. Ввод в дело Бильса совсем бы не потребовался!

С наступлением ночи в Монтебелло прибыл Бараге-д'Илье. Не будучи в состоянии выяснить обстановку, он должен был считаться с возможностью, что неприятель на следующее утро с еще большим превосходством сил возобновит бой, вследствие чего он приказал Форею очистить Монтебелло и Женестрелло и снова занять оборонительную позицию за р. Стаффора, откуда началось наступление. Продолжения боя, из которого могло развиться сражение, Бараге желал избежать, потому что он не имел на это инструкций и, в отличие от Форея, подумал о том, что мобилизация и развертывание французов еще не закончились.

Будучи стратегически не в курсе дела, Форей тактически провел бой превосходно. Напротив, австрийское управление оказалось несостоятельным как в стратегическом, так и в тактическом отношениях. Стадион и оба начальника дивизий — Урбан и Баумгартен — заботились едва ли не больше о пути отступления, чем о борьбе на фронте. Сочинение австрийского генерального штаба пытается справдать это следующими словами: «При неожиданном наступлении французов на Женестрелло и Монтебелло не могло быть и речи о планомерной обороне ни в том, ни в другом пункте». Мы спрашиваем: «Почему не могло быть?» В 3 часа пополудни после мужественного сопротивления было потеряно Женестрелло, в 6 час. — Монтебелло; оба пункта оказались взятыми неприятелем, близость которого была известна и против которого приняли все меры охранения.

В душе Наполеона III был слишком сильно развит рефлективный момент, чтобы он мог очень высоко оценить действия Форея при Монтебелло — чистое проявление воли. Император наградил Форея за Монтебелло только несколькими объятиями. Бой стоил больших жертв, что обе стороны старались по возможности затушевать. Вероятно, около 15% французских бойцов было убито или ранено, австрийцы же наверное потеряли 25% введенных в дело войск. Два австрийских батальона были совершенно уничтожены.

Сочинение французского генерального штаба восхваляет храбрость и дисциплину, проявленные неприятельской армией при Монтебелло, и такое же признание повторяет по поводу всех остальных боевых действий этого похода. Эта похвала была не без тенденции: в ней отражались задние мысли наполеоновской политики относительно Польши, которые едва ли могли быть осуществлены без союза с Австрией и которыми в 1862 г., когда вышло первое издание сочинения генерального штаба, император серьезно начал заниматься. Однако, верно и то, что крепкий абсолютизм эры Шварценберга — Баха пошел на пользу дисциплине в армии и что идея верности императору все еще наполняла души многих офицеров и солдат. Геройская стойкость и самопожертвование были в 1859 г. нередки в рядах австрийской армии. Несчастье заключалось лишь в том, что в эпоху революций этих моральных сил было недостаточно, для того чтобы

делать политику и вести войну. Перед глазами австрийских военных это обрисовывалось, можно сказать, с жуткой ясностью.

Австрийцы не потеряли артиллерии, но из своих 56 орудий они ввели в бой лишь 24; то же надо сказать и о французах, которые из 12 орудий ввели только 6. Это отодвигание артиллерии на второй план оставалось правилом в течение всего похода 1859 г. Оно основывалось на свойствах театра войны. Так называемая открытая равнина в Верхней Италии служит по большей части одновременно для шелководства и виноделия, а затем, как уже сказано, для возделывания риса. От одного тутового дерева к другому протягиваются гирлянды виноградной лозы, часто совершенно закрывая кругозор. Военным приходилось подниматься на колокольни, чтобы хоть как-нибудь ориентироваться. Многочисленные отлично содержимые дороги прорезывают ценные поля, с которых тщательно удалены все камни. Но вне дорог значительным войсковым частям трудно двигаться. Это относится даже к пехоте, а для артиллерии и кавалерии поля были еще более непроходимы, — особенно вследствие орошенных участков. Правда, рисовые поля вообще не болотисты, а только сыры, но через каналы зачастую можно переходить лишь по мостам и мостикам.

При таких условиях, если сардинской кавалерии удалось кое-что сделать при Монтебелло, то это нужно считать похвальным исключением. Оно произвело такое впечатление на австрийцев, что австрийские источники, описывая бой при Монтебелло, говорят преимущественно о сардинской кавалерии и очень мало о собственной.

Своеобразный характер итальянской местности до некоторой степени обесценивал отличное ружье Лоренца (нарезное, заряжавшееся с дула), которым непосредственно перед началом войны была перевооружена австрийская пехота. Большая часть французской пехоты имела еще гладкие ружья [1]. После Парижского мира французские военные совсем не чувствовали потребности в быстром перевооружении линейной пехоты. Оно было решено только в 1858 г., но к началу новой войны к нему еще не приступили. Французские генералы не любили занимавшуюся стрельбой линейную пехоту [2]. Она должна была сохранять традиционную колонную ударную тактику, где это хоть сколько-нибудь допускала местность. Победа эрцгерцога Райнера над 84-м полком при Монтебелло как бы подтверждала мнение этих фронтовиков. Высадившись в Генуе, Наполеон обратился к своей итальянской армии с прокламацией, в которой говорилось: «В сражениях держитесь сомкнуто!.. Новое нарезное оружие опасно только издали; оно не может помешать штыку, который остается попрежнему страшным оружием французской пехоты».

Действительно, лучшее ружье мало принесло пользы австрийцам в 1859 г. Они объясняли это незнакомством солдат с только что вы-

---

[1] Тут я исправляю неточность части первой. На стр. 25 я сказал, что французы в Крыму имели ружье Минье. Это слишком сильно сказано. Только гвардия, егеря и полки из Африки имели это ружье, — всего треть армии. По существу мое исправление изменяет мало, потому что зуавы, тюркосы и егеря составляли большую часть дивизии Боске, которая на Альме и при Инкермане, поскольку дело касалось французов, сыграла решающую роль. — *Прим. авт.*

Хороша неточность! Военные действия в Крыму были описаны в предположении, что вся французская армия вооружена нарезными ружьями, а теперь оказывается, что $^2/_3$ ее имели гладкие ружья!

[2] Часть первая, стр. 29.

данными винтовками. Однако, и французская артиллерия только что получила орудия новой системы, с которыми люди еще не умели обращаться, — и все-таки этот род войск способствовал выигрышу сражения при Сольферино. Истинную причину, по которой австрийцы не использовали преимущества своего ружья, нужно опять-таки искать во внутренней политике. Австрийские генералы еще меньше, чем французские, желали иметь линейную пехоту, занимавшуюся стрельбой. В распоряжении французских генералов были однородные национальные войска, и они не знали перебежчиков. В Австрии, ввиду недовольства национальностей, говорили, что пехота каждой страны должна иметь тактику, соответствующую характеру ее жителей, и что характеру народов австрийской империи отвечает именно ударная тактика. Когда после 1866 г. в Австрии был принят прусский способ ведения боя, ослабивший сомкнутость колонн, он быстро укоренился. Австрийские офицеры привыкли к мысли, что в бою солдаты будут уже не вполне в их руках. Однако, для этого понадобилась внутренняя политика, которая тогда установилась в Австрии: более полное проведение общей воинской повинности, парламентаризм, соглашение, отмена конкордата, школьная реформа. Для тактики важнее внутренняя политика, чем этнологические особенности, потому что народные характеры изменчивы. Тактика армии является ветвью в органическом строении государства, все ветви которого находятся во взаимодействии, так как один и тот же сок проникает и оживляет их.

На Альме мы видели, что сражавшаяся французская пехота могла применять всевозможные построения в зависимости от свойств местности [1]. Ни уставы ударной тактики, ни основанные на них мирные упражнения в Шалонском лагере не могли лишить ее этой способности. Этому не повредила и вышеупомянутая прокламация в Генуе; практика становилась выше теории. Женестрелло и Монтебелло лежат на отрогах Апеннин. Тут плохие горные дороги вели через густой лес к австрийскому левому флангу. Войска Форея отказались от сомкнутого построения ввиду его непригодности и прошли дефиле, как могли. Австрийская пехота была гораздо беспомощнее при применении к местности. Это показал бой на другом крыле австрийцев у железной дороги, где местность имела по преимуществу характер итальянской равнины. Если бригада принца Гессенского застряла посреди поля сражения, то это объясняется указанными обстоятельствами, наряду с тем моральным гнетом, который тяготел над принцем вследствие неясной стратегической установки экспедиции.

После этого отклонения я продолжу прерванный рассказ, вернув читателя к корпусу Стадиона во время его ночного перехода в Вакарициу. Когда войска на другое утро прибыли туда, они имели за собой 24 часа марша, бой и вторичный марш. Несмотря на проигранный бой, Стадион по существу был доволен тем, что так дешево отделался от изоляции на другом берегу р. По, которой его подверг полководец. Однако, в армии смотрели на Монтебелло как на дурное предзнаменование, и оно увеличивало упадок духа, уже порожденный нерешительностью Гиулая. Впрочем по донесениям последнего императору Францу-Иосифу, Монтебелло было отнюдь не поражением, а наоборот — значительным успехом. Австрийцы якобы сражались

[1] Часть первая, стр. 22 и след.

против 40 000 союзников (мы знаем, что их было всего 7 000). Если союзникам оказалось возможным моментально бросить на Монтебелло 40 000 чел., то из этого следует, что неприятель сосредоточился близ Тортоны и хочет наступать на Пиаченцу: «Уже одно установление этого факта, подтверждающее правильность моего теперешнего расположения, я рассматриваю, как чрезвычайно ценный результат предприятия».

Особенно сильное впечатление произвело в Вене донесение принца Гессенского о том, что при его попытке наступать от Брандуццо на Монтебелло он видел справа подходившие железнодорожные поезда, битком набитые французскими войсками. Рапорт был красочен, но страдал лишь тем недостатком, что железная дорога была непригодна для движения, потому что Бенедек ее разрушил. Дефект, оказавшийся в наблюдательной способности принца, ему не повредил, так как принц был шурином русского императора. Он получил дивизию и командовал ею не хуже других.

Вообще австрийские военные мыслили как бы по одному трафарету. Мы видели, что Гиулай и Кун определяли силы союзников слишком высоко: в 200 000 чел. вместо 160 000. Но генеральный штаб в Вене превзошел даже главную квартиру. В одной из своих разведывательных сводок он считал возможным, что к 20 мая, т. е. ко дню Монтебелло, в поле будут 300 000 французов и сардинцев. В отдельном пункте расчета генерального штаба упоминалась также тосканская дивизия силой в 8 000 чел. Революционный герой Уллоа, маленький Гарибальди, занимался в это время ее реорганизацией, но было сомнительно, чтобы она когда-либо вообще приобрела какое-нибудь военное значение. Во всяком случае в данный момент она ничего не стоила, так как ее опора, без которой она не могла функционировать, — дивизия Уриха, — еще не высадилась.

Затем разведывательная сводка насчитывала еще французский экспедиционный корпус в 27 000 чел. сухопутных войск для адриатического побережья. Это было просто дикой фантазией, так как у Наполеона нехватало судов даже для своевременной перевозки сил на главный сардинско-тосканский театр войны; что же касается сухопутных войск для адриатического флота, то Наполеон не только не имел 27 000, но, как мы увидим дальше, ему только через несколько недель с трудом удалось найти 2 700 чел.

Понятно, что в Вене беспокоились относительно адриатического побережья, так как положение в Венгрии и в Югославии было очень напряженное. Но не будем говорить об этом глубоком тыле. Если бы французы высадились близ Венеции и взяли эту крепость и если бы принц Наполеон с 5-м французским корпусом выступил из Тосканы и соединился с завоевателями Венеции, разве тогда вся Ломбардо-венецианская область не была бы потеряна Австрией, так сказать, без боя? Ведь в этом случае четырехугольник крепостей был бы отрезан от своего восточного тыла и оставался бы связанным с туловищем империи только на севере через Тирольские проходы. В качестве оборонительной позиции он потерял бы всякую ценность; мало того — неприятель угрожал бы Тирольским проходам как последним этапным линиям, остававшимся операционной армии. При таких условиях чем скорее австрийцы очистили бы Италию, тем было бы лучше для них.

Командование австрийских оккупационных войск в Болонье полагало, что, поскольку дело касалось Тосканы, эти серьезные возможности уже непосредственно угрожали. Оно доносило, что 22 мая 16 000—18 000 французов высадились в Ливорно. Однако, это было неверно. Правда, на следующий день высадился принц Наполеон, но только с 2 эскадронами гусар. Численность тосканцев в Болонье определялась в 24 000 чел. В действительности их было 8 000, но и те вследствие расстройства войск существовали, собственно говоря, только потенциально.

Однако, несомненно, что все эти утки были во вкусе австрийского верховного командования. Они питали его пессимизм. На побережье уже стоял без пользы 10-й корпус; теперь Гиулай распорядился, чтобы 11-й корпус, голова которого 27 мая прибывала в Набрезину близ Триеста, направился дальше в Боргофорте на р. По. Через этот пункт пролегала дорога из Ливорно в Мантую, т. е. в четырехугольник крепостей. Но, как сказано, принц Наполеон высадился только с горстью гусар, а от Ливорно до Боргофорте было по меньшей мере 12 переходов. Нужно сказать, что Гиулай вообще не настраивался на долгий срок.

Одну из 5 бригад 11-го корпуса Гиулай направил еще гораздо дальше вниз по р. По, в город Адрию, в 2 милях от моря. Эта бригада должна была прикрыть Венецию от попыток десанта французского флота и против движения принца Наполеона через Полезину. При такой щедрой заботливости о тыле действительно нельзя согласиться с жалобами Гиулая на недостаток сил на фронте.

Впрочем его уверенность прошла свой надир и начала подниматься. Из Вены он получил известие, что голова 1-го корпуса 30 мая прибудет в Верону. Гиулай указал ему позицию близ Казальпустерленго, севернее Пиаченцы, на левом берегу р. По. С прибытием 1-го корпуса Гиулай имел 160 000 чел., — столько же, сколько у Наполеона. Правда, этого он не знал, так как преувеличивал численность неприятеля. Он написал 26 мая Францу-Иосифу, что считает наступление противника на Пиаченцу почти невозможным. В этом случае союзники имели бы перед фронтом 11-й корпус, который запер бы им дефиле у Страделлы. На их фланге близ предмостного укрепления у Ваккарицца собрались бы в один день 3-й и 5-й корпуса, а на следующий день туда прибыл бы и 2-й корпус.

Таким образом, против 5½ французских корпусов можно было направить с двух сторон 4 австрийских корпуса, которых в узкой долине р. По было достаточно. Тогда 7-й и 8-й австрийские корпуса остались бы в распоряжении командования, для действий против сардинцев между Алессандрией и Казале.

В случае, если бы неприятель не пошел на Пиаченцу, а пожелал перейти р. По у Корнале для вторжения в Ломеллину, ему пришлось бы на левом берегу реки прежде всего проходить по орошенным рисовым полям, которые едва ли допустили бы развертывание значительных масс; то же самое можно сказать и относительно лежащего близ р. По обрывистого препятствия Сен-Назаро, которое затем пришлось бы форсировать.

Итак, австрийцы занимали якобы самую лучшую позицию: «Попытка выманить их оттуда путем маневра на том или другом крыле могла бы быть опасной только для союзников».

Теперь от Гиулая перейдем к Наполеону. Он, штатский, действительно командовал сам, а Вальяном и генеральным штабом пользовался только как своими орудиями. Подобно полководцу, понимающему дело, он занимался также и деталями, но не погружался в них с головой. Он был столь же осторожен, как его противник Гиулай. Так как подготовка к наступлению все еще не была закончена, то Наполеон серьезно считался с возможностью, что наступление начнут австрийцы, — хотя, по создавшемуся у него впечатлению, в их верховном командовании не слишком много было жизни. В несколько наставительном тоне, приличествующем автору известного исторического труда «Du passé et de l'avenir de l'artillerie» [1], Наполеон разъяснял своим корпусным командирам в дневных приказах необходимость охраны квартирных районов; на биваках также указывалось быть настороже против внезапных нападений. Ежедневно за полчаса до восхода солнца войска должны были становиться в ружье, как будто противник наступает, чтобы затем, когда это не подтвердится, вернуться на свои биваки.

Далее в этом приказе говорилось, что ни одному офицеру, независимо от чина, не полагается большая палатка [2]. Каждый офицер должен сам носить свою шинель в свернутом виде через плечо и грудь, а также 4 пакета со съестными припасами на сутки.

Поучительный тон этих приказов особенно бросается в глаза в приказе от 15 мая, где Наполеон разъясняет корпусным командирам, что широким растягиванием войск вдоль реки нельзя помешать переправе искусного и предприимчивого противника. Следует занимать центральное положение, чтобы было возможно с большими силами напасть на него во время переправы.

Генералы усмехались, читая эти поучения; они полагали, что лучше своего штатского полководца знают, как это делается.

На другой день после Монтебелло Наполеон осматривал поле боя. Много глаз шпионило, какое впечатление произведет на него вид трупов, потому что ведь он еще не видел войны. «Он совсем побледнел, — шептали эти господа, — из него никогда не выйдет солдата».

Уважение Наполеона к неприятельской стратегии значительно выросло под влиянием виденного и слышанного у Монтебелло. Он полагал, что если австрийцы такими большими массами произвели разведку за р. По, то они могли вслед затем нанести удар через реку и всей армией. Действия Гиулая были неправильны, но он все же что-то сделал. Из влияния этого факта на душу Наполеона принц Гогенлоэ делает вывод: «Следовательно, каждая стратегическая инициатива имеет значение». Мольтке также подчеркивает это невесомое психологическое влияние.

Находясь в Монтебелло всего в нескольких милях от Ваккариццы, Наполеон потребовал от своего генерального штаба более подробных сведений относительно этого последнего пункта. Здесь, где р. По имеет всего 278 м ширины, австрийцы навели мост на судах такой ширины, что 2 повозки могли двигаться рядом. Большой укрепленный лагерь, только в полутора часах ходьбы от Павии, давал многочислен-

---

[1] Delbrück, Kriegskunst, IV, 26.

[2] Англичане в Крыму насмехались над собачьими палатками французов, в которых можно только спать, но нельзя стоять. — *Прим. авт.*

ной армии возможность безопасно дебушировать с левого берега на правый. Для своих дальнейших операций армия имела весьма солидный опорный пункт, так что в случае проигрыша ею сражения на Скривии (которое Наполеон предусматривал) она могла опять собраться на этой сильной позиции, лежавшей непосредственно в тылу.

Так смотрел на дело Наполеон, а потому желал избежать сражения. Он говорил, что разбитые австрийцы, опираясь на крепость Павию, могли еще раз вызвать его на бой, заняв позади дефиле у Страделлы выгодную позицию, попрежнему прикрывавшую правый берег р. По.

Наполеон хотел сражения, но одновременно он желал также, употребляя выражение Людендорфа, «дойти до операции» [1]. Выигранное сражение, которое зачастую стоит победителю больше, чем побежденному, не удовлетворяло Наполеона; он стремился также к охвату и уничтожению.

Отчасти под влиянием этой мысли Наполеон приказал испортить дороги, ведшие из Ваккариццы к р. Скривии; оставшись неповрежденными, они облегчили бы неприятелю решение наступать и дать сражение. Впрочем приказ о разрушениях был отдан по той причине, что Наполеон больше чем когда-либо опасался внезапного нападения. Он рекомендовал своим генералам величайшую бдительность. По крайней мере половина пехоты в лагерях должна была находиться в боевой готовности, часть артиллерии — на позициях, часть кавалерии — под седлом, готовая сесть на коней.

Наполеон удовлетворялся тем, что австрийцы не наступали, но одновременно он был поставлен перед решениями величайшей важности, а именно — он начал сомневаться в своем операционном плане. Наполеон убедился теперь в том, какое значение имеет предмостное укрепление у Ваккариццы в его тылу в случае движения вдоль правого берега р. По на Пиаченцу. По расчету подполк. Бартельса французская армия образовала бы на Via Emilia [2] кишку протяжением в 48 час. марша. Правда, с этой цифры можно сделать некоторую скидку: во-первых, потому, что Бартельс преувеличивает силу французов, и, во-вторых, от того, что дивизия Отемара должна была двигаться через Апеннины для соединения на Верхней Треббии с дивизией Уриха одного с нею 5-го корпуса. Пожалуй, можно было двинуть через Варци и Баббио на Пиаченцу еще и другие полки, но наверное немного, потому что дороги в Апеннинах были по природным условиям плохи. Кроме того, Барате-д'Иллье приказал их испортить, так как на своей выжидательной позиции у Тортоны он опасался, чтобы 11-й австрийский корпус не вышел ему во фланг через горные проходы.

Итак, французская колонна имела бы наверное глубину в 30 час. марша в случае ее движения на Пиаченцу, между р. По и Апеннинами, по долине шириной в среднем около 1 мили. В Пиаченце у австрийцев был второй укрепленный лагерь, еще более сильный, чем в Ваккариццe, прикрытый отдельными фортами. Этот лагерь нельзя было взять без осадной артиллерии. Но приобретение животных для перевозки артиллерийского парка через Мон-Сенис вызвало такие затруд-

[1] То-есть не ограничиться одним тактическим успехом в сражении, а добиться стратегических результатов.

[2] Дорога Эмилия (старое римское название).

нения, что в ближайшем будущем нельзя было рассчитывать на его прибытие. Правда, Наполеон мог опереться на сардинский осадный артиллерийский парк, но на это он не решился, так как, кроме бесспорного мужества и патриотизма войск, в этой армии все было ненадежно. Безупречное поведение сардинской кавалерии при Монтебелло было редчайшим исключением; ничего подобного в течение всей войны наблюдать уже не приходилось [1].

Наполеону нельзя было терять ни одного дня. Вследствие затянувшейся французской мобилизации 11-й австрийский корпус уже застал его врасплох; вслед за этим предстояло прибытие на театр войны 1-го австрийского корпуса. Голова 11-го австрийского корпуса достигла Набрезины близ Триеста, где кончалась Земмерингская дорога и где войска должны были высаживаться из вагонов, чтобы после многодневного марша перейти на ломбардо-венецианские железные дороги.

У Наполеона должно было создаться впечатление, что он имеет дело с противником, который с каждым днем усиливается. Ожидание осадного парка исключалось, но столь же мало Наполеон мог ожидать и второго понтонного парка, отправленного из Страсбурга через 10 дней после Монтебелло. Все-таки Наполеон в виду большой неприятельской армии должен был иметь под рукой весь свой мостовой материал, если только он хотел перейти через такую реку, как По.

Last but not least [2]. Щипцы, в которые предполагалось взять австрийцев посредством 5-го французского корпуса, не функционировали. Дивизия Отемара на Верхней Треббии тщетно поджидала дивизию Уриха. Вследствие недостатка тоннажа войска принца Наполеона только через 14 дней после Монтебелло высадились в Ливорно. Отсюда до р. По было не менее 10 переходов. На деле вышло гораздо больше, потому что Кавур по политическим соображениям саботировал экспедицию принца Наполеона. Он подозревал,—и не без оснований,—что последний хочет образовать королевство Этрурию под своим собственным скипетром.

Когда в отчете австрийского оккупационного командования из Болоньи рисовалась картина, будто принц Наполеон во главе 5-го корпуса и дивизии Уллоа идет на Болонью, Модену, Реджио и Парму, повсюду зажигая огонь революции, распространяющийся до самого тыла австрийской армии, то комендант Болоньи фантазировал в совершенно разумных пределах. В действительности таков и был военный план Наполеона. В значительной части он был построен на революции. Последняя принесла уже много пользы Наполеону, подрывая моральное мужество австрийского верховного командования. Однако, облегчить Наполеону марш на Пиаченцу революция не могла: слишком огромны были затруднения, преграждавшие путь императору. Он отчаялся в возможности их преодолеть и решил отказаться от обхода левого крыла австрийцев.

---

[1] Утверждение автора о бесспорном мужестве и патриотизме тогдашней сардинской армии опровергается историческими фактами. В войну 1848—1849 гг. сардинцы были разбиты при Кустоцце, потеряв убитыми и ранеными всего 1,2% при Новаре — с потерей в 4,9% В войну 1866 г. они опять понесли решительное поражение при Кустоцце, хотя потеряли всего 3,8%.

[2] Последнее, но не меньшее.

Как поступил бы в этом случае Наполеон I? Историк может лишь поставить такой вопрос, но вряд ли в состоянии на него ответить. Мы видели, что под Турином Гиулай повернул назад, потому что задача, которую он себе поставил, оказалась ему не по плечу. Однако, хотя эта задача и велика, но она была все же разрешима. Определенно сказать то же самое о марше французской армии на Пиаченцу я не решаюсь.

Пусть по объективным или субъективным причинам, но Наполеон III должен был отказаться от устройства австрийцам второго Маренго.

В 1858 г. в Париже вышла «Correspondance de Napoleon I». Спутанные представления об этом монументальном труде проникли также и в низшие классы общества. При отъезде Наполеона III на театр войны один блузник из толпы зрителей сказал: «Moustachu[1] сильнее: он имеет бумаги своего дяди».

Мы уже видели, что Гиулай также опасался испытать второе Маренго. Однако, силы, состязавшиеся в 1859 г., были другие, чем в 1800 г.; то же можно сказать и о людях, которые ими управляли. История никогда не повторяется.

Вопрос заключался лишь в следующем: нападет ли Наполеон на Гиулая там, где последний этого желал, или же Наполеон сумеет проложить себе свою собственную дорогу в открытое поле.

Глава III

Фланговый марш Наполеона Бои при Палестро (30 и 31 мая 1859 г.) Австрийцы отходят за р. Тиччино

Сообразно своему характеру Наполеон, раньше чем принял твердое решение, долго медлил и колебался. Еще 25 мая он хотел перейти р. По у Валенцы и прямо атаковать Гиулая, но на следующий день отменил свои приказы, а 27 мая вместо обхода левого австрийского крыла окончательно назначил обход правого. В труде австрийского генерального штаба имеется докладная записка Гиулая, в которой относительно последней операции сказано, что она является самой маловероятной из всех возможных для Наполеона наступательных операций. Действительно, в некоторых отношениях она была рискованнее, чем марш на Пиаченцу. При переправе через Верхнее Тиччино Наполеон совершенно терял сообщения со своей главной базой Генуей, сообщения же его с Сузой находились под сильной

[1] «Усатый» — прозвище Наполеона III.

угрозой, так как этапная дорога, которая вела туда, находилась не в тылу, а на фланге французов.

В случае сражения (Наполеон был уверен, что Гиулай будет сражаться перед Миланом) французы стояли бы тылом к Швейцарии. Смысл намечавшегося наступления на Пиаченцу заключался в том, чтобы посредством маневра поставить австрийцев в отношении сражения в такое же невыгодное положение.

Таким образом, обход левого австрийского крыла обещал французам уничтожение неприятеля, но того же результата французы могли ожидать и от победоносного сражения после обхода правого крыла австрийцев. Отрезанный от Тиччино, Гиулай терял как Миланскую дорогу, так и свою главную этапную линию вниз по р. По. Действительно, в случае поражения он лишался пути отступления.

Итак, на Верхнем Тиччино Наполеон мог также разыграть операцию в духе Людендорфа, и он не отказался написать второй том Маренго. Принятое им решение накладывает на него печать настоящего стратега. При этом Наполеон не имел опоры в начальнике своего штаба, который устранился и свалил на императора ответственность за ведение войны, столь непопулярной в высших слоях Франции. Впрочем Наполеон сам желал командовать лично, но изучение доступных источников производит впечатление, что Вальян и другие военные сановники, окружавшие Наполеона, а также ген.-адъютант Флери не обнаруживали особенного желания разделять с ним стратегическую ответственность.

Ген. Кеммерер установил тезис, что решающее влияние на отказ Наполеона от первоначального плана похода было оказано не описанными выше затруднениями, а другим обстоятельством. Один итальянец выдал будто бы содержание вышеприведенной докладной записки Гиулая, и император пожелал атаковать там, где противник этого менее всего ожидал. Однако, Кеммерер не может представить никаких доказательств для своего утверждения, а из мемуаров ген. Флери мы знаем, что агентурная разведка у франко-сардинцев не давала блестящих результатов. Следовательно, Наполеон не знал, насколько Гиулай был далек от мысли о том, что французы пойдут через Верхнее Тиччино; но зато Наполеону было известно, что австрийцы очистили Северную Ломеллину (если не считать небольшого гарнизона, оставленного ими в Новаре), для того чтобы быть достаточно сильными на р. По и на Нижней Сезии вниз от Палестро. Значит, путь, избранный императором, был пока свободен.

История французского генерального штаба старается скрыть, что Наполеон изменил операционный план. Сосредоточение французской армии близ Тортоны и Алессандрии было будто бы лишь военной хитростью. Этим первоначальным расположением своих войск Наполеон якобы хотел ввести Гиулая в заблуждение относительно своих намерений — отвлечь внимание австрийского полководца от дороги Верчелли — Новара.

Эта мистификация только повредила славе Наполеона III как полководца. Ни один военный, писавший о 1859 г., не дал себя обмануть. Теперь из переписки Наполеона с военным министром маршалом Рандоном мы очень хорошо знаем это дело. Император писал Рандону: «Я вздыхаю о моем осадном парке и особенно о моих нарезных 12-фунтовых орудиях. Если бы я их имел, то мне не пришлось бы менять план похода».

Мемуары Флери и ген. Лебрена, который в 1859 г. был начальником штаба Мак-Магона, а также заметки Вальяна изобличают сочинение генерального штаба во лжи. Его тенденциозное копание в исторических мелочах было тем более неловко, что Наполеону незачем было стыдиться своей стратегии; на марш в обход правого австрийского крыла и переход на восточный берег Тиччино требовалось много дней, даже в том случае если бы противник не мешал. В продолжение долгого времени приходилось иметь неприятеля в тылу и на фланге. Впрочем для первых 4 или 5 переходов это не имело особого значения, потому что марш прикрывался реками По и Сезией, в которой вода вследствие дождей сильно поднялась. Только после перехода через р. Сезию начиналась опасная зона.

Трудности флангового марша возрастали еще вследствие того, что приходилось переносить главную базу французской армии из Генуи в Сузу. Едва ли это оказалось бы возможным в короткий промежуток времени, имевшийся в распоряжении (быстрота является душой обхода), если бы не железные дороги, которые в войну 1859 г. начали играть свою всемирно-историческую роль. Торопливое стратегическое развертывание французов было бы немыслимо без железных дорог. Теперь из Генуи в Сузу было отправлено столько военных грузов, сколько могли перевезти одноколейные сардинские дороги.

Для перевозки же войск железными дорогами пользовались мало; только 3-й французский корпус 27 мая, в первый день флангового марша, был перевезен из Понтекуроне в Казале.

Походное движение французской армии началось 28 мая без музыки, чтобы не привлечь внимание противника. У Верчелли работали над восстановлением железнодорожного моста через р. Сезию, взорванного австрийцами при отступлении от р. Дора-Балтеа. Выше и ниже железнодорожного моста были наведены через р. Сезию два французских и один сардинский мосты на козлах.

Саперные работы и движение на железных дорогах по ту сторону рек По и Сезии не ускользнули от внимания австрийских войск, но главная квартира в Гарласко не придала этим донесениям должного значения. Упрекать ее за это не приходится. Оборонительная стратегия имеет вообще тот недостаток, что направление удара противника трудно распознается. Но оборонительно-наступательная стратегия (defensiv-offensive Strategie) была для австрийцев наиболее правильным способом действий, по крайней мере до прибытия 1-го корпуса, что уравнивало силы.

Гиулай и Кун начали теперь сомневаться, следует ли поставить 1-й корпус в Кастальпустерленго. За несколько дней до принятия Наполеоном нового операционного плана гарибальдийцы прошли мимо правого фланга австрийской армии и вторглись в Ломбардию. Они гнездились к северу от Милана в горах, выходящих к Лаго-Маджиоре и Лаго-ди-Комо. Для обуздания этих добровольческих банд фельдм.-лейт. Урбан имел подвижную колонну из 6 000 чел.,—вдвое большей численности, чем у Гарибальди,—и, кроме того, гарнизоны в городах. Несмотря на это, все австрийские генералы боялись Гарибальди, потому что этот человек был для них воплощением революционной идеи. Революция представлялась им несоизмеримой силой; они не могли рассчитать, сколько батальонов следует противопоставить ей и как их распределить.

После того как Гарибальди перешел ломбардскую границу, Кавур бомбардировал его телеграммами, в которых все повторялось: «Insurrezione generale e immediate!»[1] Гарибальди никак не мог выполнить эти инструкции, потому что австрийцы прочно занимали страну. Но им казалось, что в городах, особенно в Милане и Бергамо, проявляется волнение умов, что действовало им на нервы.

В это время в Верону прибыл император Франц-Иосиф с графом Грюнне и начальником генерального штаба фельдцейгмейстером бароном Гесс. По прибытии на театр войны всех корпусов император хотел принять главное начальство. Пока же командовал еще Гиулай. Между тем Грюнне, помимо него, распорядился, чтобы одна бригада 11-го корпуса из Пиаченцы двинулась на север для усиления Урбана, потому что последний не только значительно переоценивал число гарибальдийцев, но и полагал также, что вокруг него революционная Вандея.

Конечно, Гиулай сердился на такое нарушение своих прав, но по существу он и Кун думали так же, как и господа в Вероне; Гиулай и Кун даже боялись Гарибальди больше их, приводя его наступление в Ломбардию в связь с франко-сардинскими движениями, о которых поступали донесения с Сезии. Гиулай начал сомневаться в том, что Наполеон действительно пойдет на Пиаченцу, и теперь более склонялся к мнению (о чем уведомил Грюнне), что нужно ожидать фронтальной атаки через Валенцу. На Сезии якобы происходят только демонстрации, которые вместе с экспедицией Гарибальди имеют целью спутать и соблазнить его (Гиулая) на раздробление сил; но к последнему он совершенно не склонен.

Гиулай написал вышеприведенное и одновременно приказал 1-му корпусу итти не на Кастельпустерленго, а на Милан для прикрытия этого города на случай, если вслед за гарибальдийцами будет двинут отряд регулярных сардинских войск. От 1-го корпуса головная бригада Годица была направлена на Бергамо, так как опасались, что cacciatori прервут там железную дорогу Милан—Верона. По этим распоряжениям против Гарибальди, имевшего всего 3 000 чел., должны были стоять 7 бригад — эквивалент почти двух корпусов — и, кроме того, еще гарнизоны. Следовательно, действия Гарибальди имели совершенно исключительный эффект,—главным образом, по причине того принципа, который он представлял, но отчасти и благодаря его выдающейся личности. 26 мая Урбан атаковал Гарибальди у Варезе, где он забаррикадировался. Силы австрийцев были недостаточны, так как Урбан ослабил себя выделением войск против призрака революции; штурм не удался. Когда упавшие духом австрийцы отступали на Комо, Гарибальди отважился со своим войском, похожим на разбойничью банду и не имевшим даже артиллерии, произвести контратаку. Она не удалась, так же как раньше и атака австрийцев, но самый факт, что сброд, без дисциплины и муштровки, дал себя увлечь в атаку, представлял нечто чудовищное, особенно в глазах австрийских генералов. Под влиянием этих боев Гиулай решил выставить 1-й корпус в Северной Ломбардии.

Уверенность Гиулая, что он не склонится на раздробление своих сил, не поколебалась ни на одно мгновение даже и тогда, когда

[1] «Восстание общее и немедленное».

в ответ на телеграмму коменданта Вероны о предстоящей высадке 8 000 французов близ устья р. По он приказал 11-му корпусу ускорить прибытие его головной бригады в Адрию. Мы спрашиваем, где же собственно должно было начаться раздробление, если 10-й и 11-й корпуса были выставлены на побережье, 1-й корпус и 3 бригады — против cacciatori и если, кроме того, одна бригада стояла в Папской области против тамошней революционной опасности и далекого принца Плон-Плон?

В те дни, когда австрийцы ожидали высадки 8 000 французов близ устья р. По, Наполеон написал своему военному министру, чтобы он постарался добыть бригаду войск для десанта. Однако, из Франции больше ничего нельзя было брать. Пусть маршал Рандон обсудит, не представится ли возможным сформировать такую бригаду из двух полков тюркосов. Ведь вообще было бы выгодно иметь арабов больше в Италии и меньше в Африке.

Таким образом, австрийцы могли еще не беспокоиться об отдаленном побережье; напротив, в непосредственной близости от австрийской операционной армии на р. Сезии развивались крупные военные события, которые разлившаяся река с густым лесом и лозняком на ее правом берегу скрывала от взоров австрийской главной квартиры. Сардинская армия, стоявшая раньше между Казале и Алессандрией, сосредоточилась 29 мая у Верчелли. Только дивизия Кукхиари осталась у Казале, производя с целью демонстрации попытки перехода через р. По.

На следующий день, 30 мая, австрийские аванпосты все еще не заметили приближения противника, хотя 4-й французский корпус перешел через Сезию у Верчелли (по вышеупомянутым мостам на козлах) и стал лагерем близ Борго Верчелли. Сардинцы тоже прошли по своему мосту на козлах в Борго Верчелли и далее на Палестро и Конфиенца [1] — первые пункты, где стояли значительные австрийские силы. Этот район р. Сезии является самым закрытым на Верхнеитальянской равнине, и без того крайне трудной в тактическом отношении; он положительно усеян тутовыми деревьями с виноградными гирляндами и высокими плотинами, окаймляющими каналы. Этим объясняется, что бригада Вейгля вступила в бой с 72 сардинскими батальонами. Когда после сопротивления, продолжавшегося несколько часов, она в конце концов была частично рассеяна, ген.-майор Вейгль все еще думал, что имел дело только с одной дивизией.

Тот факт, что сардинцам, несмотря на подавляющее превосходство их сил, не удалось совершенно уничтожить противника, объясняется отчасти затруднениями, происходившими от местности и погоды. Без того уже сырые рисовые поля от дождя совершенно размокли, а канавы можно было переходить только по мостам или по горло в воде. Таким образом, наступление пехоты вне дорог было в высшей степени затруднено.

Впрочем сардинцев стесняло также и содержание полученных ими инструкций. Сардинская армия должна была образовать ось захождения всех союзных сил и для этой цели овладеть плато у Палестро, где, как справедливо предполагалось, не было значительных неприятельских сил. Следовательно, задача сардинцев была по су-

[1] См. схему 13 и общую схему 11.

ществу оборонительного характера. Ввиду этого принц Гогенлоэ не без основания говорит о сравнительно незначительном успехе сардинцев в бою при Палестро следующее: «Большие массы нельзя вдруг перевести из обороны в наступление. Раз были... отданы оборонительные приказы, то нужно время для мер, отменяющих эти приказы; обычно на это уходит день».

Получив донесение о неудаче, Гиулай и Кун в ночь с 30 на 31 мая отправились из Гарласко в Мортару, чтобы быть ближе к Палестро,

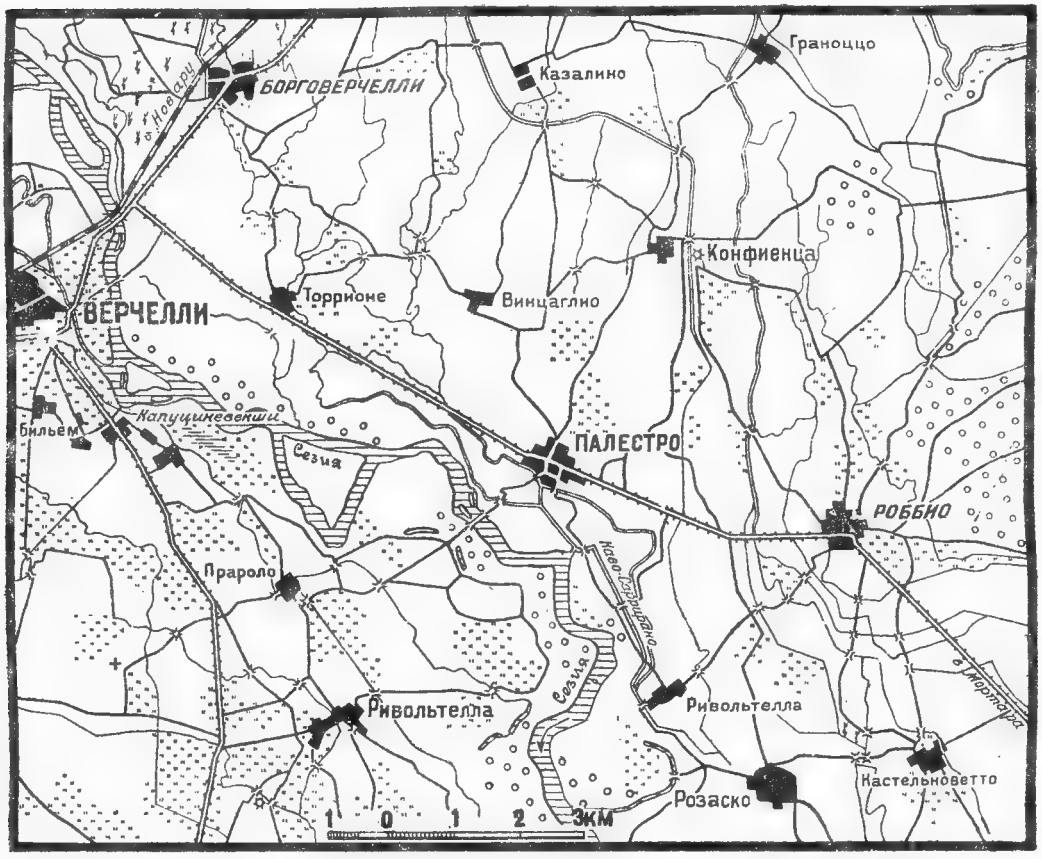


Схема 13. Район боя у Палестро (31/V 1859 г.).

где они хотели продолжать бой на следующий день. Бригада Вейгля принадлежала к 7-му корпусу, части которого стояли на Сезии. Командир этого корпуса фельдм.-лейт. барон Цобель разделял мнение Гиулая, что наступление неприятеля на Палестро—только демонстрация. Цобель ожидал настоящую атаку у Кандии, где демонстрировала дивизия Куккиари, и Гиулай был склонен с ним согласиться. Я сказал, что можно понять, почему австрийцы не сразу заметили выдвижение союзников с их левого фланга, но тот факт, что они не поняли и предупреждения у Палестро, объясняется уже недооценкой противника, являвшейся роковой ошибкой. По мнению австрийской главной квартиры, можно было лишь теоретически допустить, что Наполеон отважится на операцию, которая, вероятно, привела бы его к сражению тылом к Швейцарии; практически же этот возмож-

ный случай нельзя было рассматривать серьезно. Гиулай создавал себе Наполеона по своему подобию.

Предвзятые мнения главной квартиры вредили объективности разведок 7-го корпуса, а утверждения ген.-майора Вейгля, его дивизионера фельдм.-лейт. Лилия, командовавшего у Кандии фельдм.-лейт. Рейшаха и last but not least Цобеля с его начальником штаба Бартельсбергом о будто бы виденном ими на Сезии опять оказывали на Гиулая обратное действие.

Итак, неприятель наступал на Палестро о д н о й дивизией? Этот шанс нельзя было оставить неиспользованным; нужно было наброситься на врага с двумя дивизиями! Дивизия Лилия имела уже соприкосновение с противником. Другая дивизия 7-го корпуса, фельдм.-лейт. Рейшаха, была занята в Кандии; вместо нее в распоряжение Цобеля была предоставлена дивизия Елачича 2-го корпуса; с ней и с дивизией Лилия он должен был одолеть сардинцев.

Обе дивизии собрались у Роббио около 8 ч. 30 м. 31 мая. Час спустя началась атака на Палестро и Конфиенца: 14 000 австрийцев против 32 000 сардинцев, которые ночью увеличили природную силу местности окопными работами. Кроме того, в Палестро был один полк зуавов из дивизии Отемара, которая вообще состояла из одних африканцев [1].

Но это были еще не все неприятельские силы, направленные на Цобеля.

Уже после полудня предшествовавшего дня 3-й французский корпус начал наводить три моста через Сезию у Праролло против Палестро. Операция была столь же трудная, как и предыдущая у Верчелли, где мосты на козлах только с трудом были окончены и долго оставались угрожаемыми. У Праролло внезапный подъем воды в реке и бурное течение заставили разобрать два моста с целью использовать материал для усиления третьего, но и после этого испытывался такой недостаток в материале, что на левом берегу пришлось погрузить в воду еще массу фашин.

Таким образом, непокорная река опрокинула все расчеты инженеров и в том числе расчеты времени, нужного для постройки моста; мост был окончен не вечером 30 мая, а только на следующий день в 7 час. утра, после беспокойной ночи, во время которой Сезия снова поднялась на 3 фута.

Однако, еще до начала боя дивизия Рено перешла реку и заняла позади сардинцев Палестро. Во время боя реку перешла дивизия Трошю на глазах левого австрийского крыла, которое видело по ту сторону моста еще дивизию Бурбаки и артиллерию, стоявшие в готовности к наступлению.

Не считая Бурбаки, Цобель имел против себя 47 000 чел. При таких условиях ему ничего более не оставалось, как прервать бой, продолжавшийся уже более 3 час., и отвести свои 14 000 чел. в Роббио. К сожалению, тем временем произошел один из таких несчастных случаев, которых при подобном неравенстве сил всегда нужно

---

[1] Впрочем зуавы белые; тюркосы смуглые. — *Прим. авт.*

Это примечание автора нуждается в пояснении. З у а в ы (вид пехоты) были созданы в Алжире в 1831 г. из туземцев; впоследствии их стали комплектовать французами, надевавшими лишь арабский костюм. Т ю р к о с ы — прозвище алжирских стрелков, набранных из туземцев Алжира.

ожидать. Ген.-майор Шабо, командир бригады 2-го корпуса, составлявшей левое австрийское крыло, упустил произвести егерями разведку влево от своей бригады, так как считал себя достаточно обеспеченным сильно пересеченной местностью на берегу Сезии. Но он не оценил разницы между австрийской и французской тактикой. Австрийская линейная пехота, не будучи в состоянии действовать в хаосе кустов, деревьев и водных протоков, была прикована к проложенным дорогам; французы же, особенно африканские части, были подвижнее. Зуавы Отемара, не замеченные бригадой Шабо, пробились через местные препятствия и атаковали во фланг головные части бригады, только что перешедшие Cavo Sartirana по каменному мосту. Cavo Sartirana представлял собой многоводный канал с высокими крутыми берегами, через который можно было переправиться лишь вплавь. Когда атакованные три батальона, частью пришедшие в полное расстройство, бросились назад, большинство беглецов утонуло. Остаток, державшийся сомкнуто, пробился к каменному мосту, причинив зуавам чувствительные потери.

Оба батальона бригады Шабо, не перешедшие еще Cavo, замедлили открыть огонь по зуавам «по той причине,— рассказывает сочинение австрийского генерального штаба,—что в стеснившейся толпе они видели своих боевых товарищей и самого генерала». В этот момент Бурбаки приказал одной батарее выехать на позицию по ту сторону Сезии и открыть огонь по названным двум батальонам. Одновременно они были обстреляны артиллерией также и с фронта, а зуавы теснили их через каменный мост. Смятение среди австрийцев достигло таких размеров, что они построили каре, как будто им нужно было отражать кавалерийскую атаку. При таком построении тем меньшее число ружей могло действовать против зуавов.

Однако, у австрийцев не произошло других катастроф ни на этом крыле, ни вообще на поле боя. Союзники не преследовали, будучи удержаны внутренними трениями, которые нам объяснил принц Гогенлоэ. Впрочем за свою атаку недостаточными силами австрийцы заплатили довольно дорого: потерей 20% состава сражавшихся частей. Бригада Шабо была совершенно расстроена, как накануне бригада Вейгля и при Монтебелло бригада Шафготча. Австрийцы еще не проиграли ни одного большого боя, но вследствие стратегических промахов своего верховного командования так часто терпели небольшие поражения, что цифры убитых, раненых и last but not least без вести пропавших вырастали до угрожающих размеров.

Зуавы потеряли 15—20% своего состава, сардинцы за оба дня боя — почти ничего. Это сопоставление показывает, что пассивность сардинской армии при Палестро нельзя объяснять только парализующим влиянием полученных инструкций. Ниель, Канробер и лорд Раглан были совершенно правы, оценивая сардинцев Ла-Мармора, сражавшихся вместе с ними под Севастополем, лишь как войска второго сорта [1]. Хотя сардинцы были храбры и полны национального чувства, но армию заразили бациллы итальянского парламентаризма. Партийная политика оказывала особенно разлагающее влияние на высшие должностные лица, лишенные моральной сплоченности В этом отношении австрийцы значительно превосходили сардинцев.

[1] Часть первая, стр. 87.

В то время как Гиулай приказал Цобелю атаковать неприятеля у Палестро (полагая, что действует превосходными силами), он обращал главное внимание не на этот пункт, а на Кандию. Он ожидал, что Наполеон перейдет тут через р. По с главными силами союзников. Гиулай написал Францу-Иосифу, что неприятель очистил район между Кастеджио и Тортоной и, кажется, всецело сосредоточивается у Алессандрии: «Сегодня или завтра могут разыграться очень серьезные действия».

Так как Гиулай не рассчитывал больше на движение союзников на Пиаченцу, то можно было думать, что он отзовет оттуда 9-й корпус. Правда, последнему пришлось бы сделать три перехода в южную Ломеллину. Но эти марши могли окупиться. Получив донесение о неудаче Цобеля, Гиулай решил не уступать у Палестро, а, напротив, атаковать там неприятеля 1 июня не двумя дивизиями, а 2½ корпусами. Он рассчитывал еще на целый ряд боев. Бои у Палестро представлялись ему лишь прелюдией к драматическим действиям, предстоявшим у Кандии.

Несмотря на это, Гиулай оставил 9-й корпус стоять в трех переходах от места, где ожидалось решение операции. Было сохранено распределение войск, при котором 9-й, 10-й и 11-й корпуса и бригада в Болонье должны были сдерживать все еще не высадившегося принца Плон-Плон, а 1-й корпус и дивизия Урбана—жалких cacciatori. С чисто военной точки зрения непостижимая ошибка! Но эту ошибку сделал хороший генерал в согласии с правительством, которое со времени Феликса Шварценберга было отнюдь не бедно умными головами, — во всяком случае богаче, чем аналогичный режим в Пруссии! Для понимания и правильной оценки Гиулая и Грюнне нужно рассматривать эти распоряжения не с чисто военной, а с военно-политической точки зрения. Они оба смотрели на революцию как на огромную моральную силу, которая проявит себя и в материально-военном отношении, если только ее не удастся повсюду связать. Пиаченца была особенно больным пунктом, потому что вдоль р. По проходили главные коммуникационные линии действующей армии, которую Гиулай хотел во что бы то ни стало сберечь императору [1].

Нужны были триумфы Бисмарка над революционным принципом и падение Наполеона, пользовавшегося этим принципом, для того чтобы совершенно обесценить такого рода мысли, как у австрийцев в 1859 г. Только посредством скорбного опыта научились мы уважать присущую им относительную справедливость.

Вернемся к Гиулаю в Мортаре. Он подчинил фельдм.-лейт. Стадиону, командовавшему у Монтебелло, кроме его собственного 5-го корпуса, еще 8-й корпус и дивизию Рейшаха близ Кандии: 5-й корпус стоял у Сен-Назарро, 8-й близ Сартироны и Меде, дивизия Рейшаха у Кандии. Эти 2½ корпуса, под общим начальством Стадиона, должны были атаковать Наполеона в том случае, если бы 1 июня он перешел через р. По у Кандии или по соседству. С другими 2½ корпусами Гиулай хотел тем временем разбить противника

[1] Итак, Гиулай разбросал половину своей армии в тылу и на флангах — по большей части против воображаемого противника. Стремление автора оправдать такую стратегию «военно-политической точкой зрения» не выдерживает критики. Безусловно следовало сосредоточить по возможности все силы на поле решительного сражения. Совершенно непонятно, как, подставляя свою армию под удар, Гиулай мог рассчитывать сберечь ее для императора!

у Палестро. Он написал Стадиону: «Я полагаю завтра осуществить свое намерение, после чего с эшелонированными сейчас против Верчелли частями армии буду в состоянии оказать сильную поддержку обороне р. По».

Если бы дело дошло до третьего боя у Палестро, то австрийцы в третий раз натолкнулись бы на непредвиденные неприятельские силы, но утром 1 июня Гиулай думал о чем угодно, но только не об атаке.

В это время, после 4-дневного марша под прикрытием разлившейся Сезии, большие массы французов перешли по мостам на козлах у Верчелли и двинулись далее во фланг австрийского расположения, по направлению на Новару. Это были 4-й и 2-й корпуса и гвардия. Но «кто обходит, тот сам обойден»; французам приходилось ожидать контрудара с юга. Ввиду этого Наполеон напомнил корпусным командирам, чтобы они были готовы в любой момент перейти из походного порядка в боевой. Правда, в этой стране каналов и рисовых полей можно лишь в редких случаях двигаться по местности без дорог. По большей части в первый момент только головы дивизий были готовы к бою, но, по возможности, нужно было двигаться так, чтобы вся дивизия могла немедленно вступить в бой. По этой причине следовало собираться там, где поля проходимы, чтобы временно уменьшить глубину колонны.

Уже в 6 час. утра 1 июня голова 4-го французского корпуса атаковала Новару. Австрийцы имели в городе лишь слабый гарнизон. Единственная австрийская рота в течение часа защищала мост через Агонью против целой дивизии Фаллы, из чего следует, что нельзя судить слишком пренебрежительно о медленном наступлении сардинцев близ Палестро.

Так как 1-й французский корпус в этот день достиг Верчелли — в одном небольшом переходе от Палестро, то союзники распались на две большие группы: 87 000 чел. у Палестро—Верчелли и 52 000 чел. у Новары. Между ними образовался интервал шириной в один небольшой переход. Туда мог вторгнуться неприятель. Возникала опасность обходного маневра.

Читатель, пожалуй, задаст вопрос, почему Наполеон не подтянул 3 корпуса от Палестро к Новаре, поручив прикрытие своих сообщений только 1-му корпусу. Он не решился на это потому, что австрийцы, занимая Раббио, стояли ближе к Верчелли, чем французы, находившиеся в Мортаре, а между тем нельзя было подвергать опасности сообщения французской армии с ее базой в Сузе. Совершенно верно говорит принц Гогенлоэ о жизни и деятельности в армейском тылу, который, осуществляя пополнение людьми, подвоз снарядов и доставку продовольствия, представляет собой жизненный нерв армии.

Гиулай мог в один день сосредоточиться к Мортаре. Марш отсюда до интервала между двумя неприятельскими войсковыми группами пролегал по местности, имевшей дороги; австрийцы могли сделать этот переход 2 июня и еще дать сражение. Их было 106 000, и они вдвигались между 139 000 французов и сардинцев.

Затем, сдерживая небольшой частью своих войск одну из франко-сардинских групп, австрийцы могли превосходными силами атаковать и разбить другую группу. Впрочем сочинение французского генерального штаба утверждает, что Наполеон мог этого не опасаться,

потому что неатакованная группа оказала бы, разумеется, энергичную поддержку. Но бой при Новаре и первый бой у Палестро показали нам, насколько местность Верхней Италии благоприятствует обороне слабейшей стороны.

Допустим случай, что для удержания союзников у Палестро — Верчелли Гиулай выделил бы из своей армии 2-й и 7-й корпуса — 31 000 чел.; тогда это австрийское меньшинство нашло бы хороший опорный пункт, особенно в трудном дефиле р. Агоньи. Тем временем у Новары 52 000 французов имели бы против себя 75 000 австрийцев.

Однако, одни цифры, которые относительно австрийцев могут варьировать, не дают еще картины обстановки. Нужно принять во внимание также и подавленное настроение, при котором пришлось бы сражаться союзникам, прорванным еще до сражения. В случае неудачи Новарская группа, по свидетельству самого сочинения французского генерального штаба, не имела другого пути отступления, как через горы в «эксцентрических направлениях», на Момо и Оледжио, и раньше—через неукрепленный город Новару. Эти «эксцентрические направления» привели бы разбитых к Лаго-Маджиоре и к швейцарской границе.

Если бы австрийцам удалось одержать победу над Новарской группой, после чего они со всеми силами набросились бы на группу у Палестро, то последней также пришлось бы сражаться без обеспеченных путей отступления. Ее отступление вело через мосты на козлах, частью очень плохие и подверженные капризам реки, не поддающимся никакому расчету.

Напротив, Гиулай в случае проигрыша сражения при Новаре мог не опасаться за свое отступление. Позади он имел подготовленную позицию у Мортары и укрепленный лагерь у Павии; на фланге — три других укрепленных переправы через Тиччино. Следовательно, ему представлялась возможность исправить все сделанные ошибки. Принц Гогенлоэ говорит, что «военные круги за границей ожидали этого от Гиулая». Сочинение французского генерального штаба производит впечатление (это можно прочесть между строк), что Наполеон, несмотря на свое выгодное положение к югу от Новары с флангами армии у Агоньи и Тердоппио, с озабоченным напряжением ожидал, что принесет ему 2 июня.

Как же поступил Гиулай? То обстоятельство, что после первых донесений о движении противника на Новару он отказался от наступления на Палестро, представляется понятным. В течение утра были получены еще новые донесения, из которых Гиулай усмотрел, что к Новаре прибыло более 50 000 французов. Он не мог дальше скрывать от себя желание Наполеона обойти его правый фланг. Таким образом, картина, которую Гиулай нарисовал относительно возможностей, присущих данной обстановке, оказалась обманчивой. Гиулай игнорировал именно ту возможность, которая готовилась обратиться в действительность. Кун рассказывает, что вечером 1 июня он настойчиво убеждал Гиулая произвести атаку Новарской группы, но получил ответ, что это дело нужно еще раз обдумать. На следующее утро Гиулай якобы сказал Куну: «Вы мне устроили плохую ночь», — и затем развил свои опасения — можно подвергнуться фланговой атаке со стороны группы у Палестро и «пережить второй случай Шабо». Впрочем имеет ли Кун надежное сведение о численности про-

тивника, на которого можно наткнуться: «В наиболее благоприятном случае, каков результат?»

Ни одно из этих опасений не было решающим, особенно последнее. Но нужно возразить против той гипотезы, которой Кун своими литературными выступлениями после войны сумел дать значительное распространение, а именно: будто при его полководчестве дела приняли бы совсем другой оборот. Кеммерер называет эту претензию Куна высокомерием. Его склад ума был такой же, как вообще у австрийских генералов. Впрочем он имел власти не более, чем на противной стороне Вальян. Хорошо или плохо,— во всяком случае Гиулай командовал сам. Он не был таким ничтожеством, каким его изобразили, хотя не являлся и выдающейся личностью, а был лишь представителем известной среды.

Однако, исключалась возможность того, чтобы Гиулай вызвал Наполеона на сражение в открытом поле после того, как Наполеону, повидимому, удалось его охватить. С этих пор Гиулай все считал возможным. Он вернулся к своим преувеличенным представлениям о численности неприятеля. В ночь с 1 на 2 июня Гиулай писал Цобелю, что неприятель достаточно силен, чтобы с одной стороны обойти австрийцев по направлению к Верхнему Тиччино, а с другой — форсировать р. По ниже Ваккариццы: «Вследствие этого путь отступления армии через Лоди и Пиццигетоне подвергся бы угрозе, — собственно говоря, был бы совсем перерезан, и я оказался бы вынужденным к опасному отступлению на Милан — Брешию».

Гиулай видел опасность этого пути отступления в революционном духе больших городов — Милана, Брешии и Бергамо. Ведь за несколько часов до этого он получил от фельдм.-лейт. графа Клам-Галласа, командира собиравшегося в Милане 1-го корпуса, телеграмму о том, что весь Вельтлин, местность позади Бергамо и Брешии, находится в полном восстании. Источник этого известия находился в Вероне, в императорской главной квартире. Несмотря на это, известие было неверно: во всей Ломбардии не шевелилась ни одна община, за исключением округа Комо, где Гарибальди сражался с Урбаном. Но именно в Гарибальди и заключалась главная опасность. Клам также настойчиво ходатайствовал, чтобы «опасной деятельности этого разбойничьего атамана» был возможно скорее положен предел и чтобы для этой цели и без того уже тройное превосходство сил Урбана было еще более увеличено.

Несмотря на то, что северная этапная линия имела перед южной преимущество железной дороги, Гиулай считал ее в военном отношении совершенно обесцененной,—что впрочем отнюдь не побуждало его верить в безопасность и южной линии. В 12 час. пополудни 2 июня Гиулай телеграфировал Францу-Иосифу, что неприятель хочет превосходными силами наступать на Милан. Но и левый фланг австрийской армии также находится под угрозой. Мы знаем, что, по мнению Гиулая, противник мог перейти через р. По ниже Ваккариццы. Для этого у него должно было хватить сил, несмотря на огромное расстояние между Ваккариццей и Верчелли. Гиулаю казалось, что 9-й австрийский корпус, стоявший эшелонами близ Ваккариццы, Страделлы и Пиаченцы, не обеспечивает его от неприятеля, которого он теперь считал способным решительно на все.

По сообщениям герцога Моденского (так говорилось дальше в телеграмме Гиулая императору), нижнее течение р. По также нахо-

дится под угрозой. Тем хуже, что задерживается прибытие еще недостаточно вооруженного 11-го корпуса. Ввиду этого он считал первым долгом (по черновику) «достичь центральной позиции за р. Минчио, возможно сохранив силы», а по беловому экземпляру—«сохранить силу армии для дальнейших операций».

Итак, Гиулай настолько пал духом, что хотел без боя отдать Милан и почти всю Ломбардию [1]. Только сознание, что Франц-Иосиф на это никогда не согласится, заставило его приноровиться к другой стратегии. Он телеграфировал, что желает очистить Ломеллину и стать за р. Тиччино.

Франц-Иосиф никак не мог питать доверия даже и к тому, что линия Тиччино будет обороняема действительно энергично. Слова «сохранить силу армии для дальнейших операций» звучали как reservatio mentalis [2]. Если Гиулай возлагал ответственность за сомнительную устойчивость линии р. По на задержку 11-го корпуса, то он еще раньше протелеграфировал в Верону одно выражение, которое оправдывало подозрение, что он отойдет от Тиччино со ссылкой на медленное прибытие 1-го корпуса к Милану. Так как император ни в коем случае не мог допустить, чтобы Милан был отдан неприятелю без боя, то Гиулай на свою телеграмму от 12 час. дня получил уже в 4 часа пополудни телеграфный ответ, предписывавший ему для прикрытия Тиччино и Милана произвести наступление в Ломеллину.

Несколько часов спустя в главной квартире была получена вторая телеграмма из Вероны, уведомлявшая, что в полночь экстренным поездом прибудет в Милан фельдцейгмейстер Гесс. Все оперативные предложения должны быть ему сообщены.

В течение суток, с полудня 1 июня до полудня 2 июня, Гиулай колебался, пока не принял окончательного решения—отступать. Эти колебания объясняются не вновь полученными донесениями, а единственно лишь ужасным душевным настроением несчастного полководца, на плечах коего лежала непосильная для него тяжесть. 2 июня не было получено почти никаких известий о противнике; но, несмотря на это, 2-му корпусу отданы 4 контрприказа, отвечавшие изменению взглядов на одно и то же положение. О последнем факте следовало бы подумать составителям сочинения австрийского генерального штаба, когда по поводу этих противоречивых диспозиций (влиявших еще более удручающе, чем аналогичные глупости при отступлении от р. Дора-Балтеа) они спокойно написали, что передвижения крупных войсковых соединений обычно сопровождаются задержками от трений. Конечно, на этот раз, в отличие от дней отступления от р. Дора-Балтеа, требовалась быстрота. Союзники стояли столь же близко от Тиччино, как и австрийцы, причем первые при своем наступлении имели обозы позади, вторые же, как отступающие,—впереди. Однако, ordre, contre-ordre, désordre [3], понятно, еще более вели к потере времени.

Около 8 ч. 30 м. утра 2-й корпус начал марш от Сен-Анжело на другой берег Тиччино. Он шел целый день без продовольствия, потому что противоречивые приказы спутали обозы, а неприкосновен-

[1] Из четырехугольника крепостей Мантуя и Пескиера лежат еще в Ломбардии. — *Прим. авт.*

[2] Мысленная оговорка при присяге, делающая по учению иезуитов присягу недействительной.

[3] Приказ, контрприказ, беспорядок.

ного ранцевого запаса австрийский солдат в отличие от французского не имел. Пробыв 14 час. в движении, 2-й корпус достиг Вижевано, где скрестился с 7-м корпусом, который также вследствие контрприказа был чрезвычайно изнурен 21-часовым движением. Сочинение австрийского генерального штаба описывает беспорядок у Вижевано следующим образом: «Ночная темнота затрудняла всякое ориентирование, почему доставка самого необходимого была невозможна».

После нескольких часов отдыха и варки пищи 2-й корпус рано утром 3 июня перешел Тиччино. Дивизия Рейшаха 7-го корпуса должна была долго стоять у моста, пока 2-й корпус не закончил своего перехода. Последний прибыл около полудня в Мадженту—цель своего отступательного движения, проведя на ногах почти 28 часов.

Туда же был направлен и 7-й корпус. Дивизия Рейшаха остановилась на отдых в Корбетта близ Мадженты, после того как к усиленному переходу предшествующего дня присоединила 12 час. новых усилий. Дивизия Лилия осталась лежать на пути полуголодная, потому что накануне перед выступлением из Роббио она вследствие фальшивой тревоги опрокинула котлы [1]. Теперь ей было приказано при каких бы то ни было условиях сварить пищу в Аббиатеграссо, в ¾ мили от Мадженты, и фельдм.-лейт. Лилия хотел тут же поставить ее на биваке, так как люди достигли границы человечески возможного; но прибывший вечером в Аббиатеграссо Гиулай правильно настоял на том, чтобы дивизия еще 3 июня присоединилась к другой дивизии своего корпуса. Таким образом, войскам после обеда пришлось тащиться дальше. Хотя и не 3 июня, но к утру 4-го числа, после марша в 19 час., дивизия Лилия подошла к Робекко близ Мадженты и стала там биваком на сыром лугу.

Кроме 2-го и 7-го корпусов, у Вижевано перешли Тиччино еще 3-й корпус, кавалерийская дивизия Мензсдорфа и артиллерийский резерв армии; вместе с обозами все это составило колонну глубиной по меньшей мере в 20 час. марша. В арьергарде шел 3-й корпус. Он вывез орудия и боевые припасы из предмостного укрепления, после чего сжег мост. В ночь с 3 на 4 июня корпус прибыл в Аббиатеграссо.

5-й и 8-й корпуса должны были перейти Тиччино 3 июня у Бергвардо. По достижении Бергвардо после ночного марша 5-му корпусу пришлось 3 часа простоять перед мостом, вследствие полученного контрприказа. Дело в том, что приехавший в Бергвардо Гесс только после трёхчасовой дискуссии с Куном убедился в практической невозможности отменить очищение Ломеллины. Теперь 5-й корпус мог продолжать свой марш в полуденный зной, потеряв более прохладное утро, а также и время для варки пищи. После ночного марша пришлось итти еще 12 час. с пустыми желудками. Около полуночи корпус стал биваком у Бинаско.

Последним перешел Тиччино 8-й корпус — единственный, который не испытал особых лишений. Его хвост проследовал по мосту у Бергвардо в 3 ч. 30 м. утра, и весь корпус стал биваком у этого пункта. Затем разборка моста заняла не менее 8 час.

---

[1] В то время войска не имели походных кухонь, этого благодетельного изобретения, впервые примененного русскими в войну с Японией 1904—1905 гг. и затем заимствованного другими армиями.

Три дня и три ночи продолжалось отступательное движение австрийской армии; времени было достаточно, чтобы привлечь для обороны Тиччино также и 9-й корпус. Однако, Гиулай об этом не думал, хотя и телеграфировал императору, что его желание относительно перехода армии в наступление на правом берегу Тиччино невозможно выполнить между прочим по недостатку сил. Сообщив 9-му корпусу о своем отступлении, Гиулай приказал ему стать между Корте-Олона и Казальпустерленго. Там он был вдали от выстрелов и вполне бесполезен. Но Гиулай успокоился тем, что путь отступления к четырехугольнику крепостей, которому неприятель, правда, не угрожал, теперь обеспечен.

Зато Гиулай приказал командиру 1-го корпуса, фельдм.-лейт. графу Клам-Галласу, прибывшему с большей частью своих войск в Милан, немедленно продолжать движение к Маджента. Клам-Галласу был подчинен и 2-й корпус, а также дивизия Урбана, вызванная для прикрытия переходов через Тиччино между Турбиго и Сесто Календе.

Первый австрийский корпус был перевезен из Праги в Тироль по саксонским и баварским железным дорогам. Осуществить это позволило недружелюбное отношение Германского союза к Франции. Так как железная дорога на Бреннер еще не существовала, то 1-й корпус должен был пройти от Инсбрука до Боцена пешком. В Боцене опять начинался железнодорожный путь. Следовательно, дивизия Кордона с 22 мая по 1 июня или проводила дни и ночи в вагонах, или же переходила через Альпы. Теперь без малейшей передышки она должна была итти дальше к р. Тиччино.

Клам-Галлас приказал бригаде Бурдино и артиллерии ехать по железной дороге из Милана в Маджента и Сен-Мартино; бригада Резничек прошла то же расстояние походным порядком в течение 12 час., с 2 час. пополудни 1 июня до 2 час. утра 2 июня. Обе войсковые части были настолько утомлены непрерывными 10—11-дневными трудами, что охотнее соглашались голодать, чем производить реквизиции в опустошенной стране. Что касается снабжения из магазинов, то вследствие внезапного выступления из Милана оно приостановилось.

Урбан был отозван к Тиччино как раз в то время, когда производил операции против Гарибальди в надежде окружить его близ Варезе или прижать к швейцарской границе. Теперь Урбан оставил одну бригаду против cacciatori, а с двумя другими появился 3 июня близ Галларате. Приданный ему 14-й егерский батальон, собственно принадлежавший к составу 1-го корпуса, был от Po (Rho), близ Милана, притянут к другим войскам этого корпуса.

Утром 4 июня на сардинско-австрийской пограничной реке были сосредоточены 117 000 австрийцев, кроме дивизии Урбана, стоявшей несколько в стороне. Северный конечный пункт их расположения — Маджента и южный — Бегевардо были удалены друг от друга на один большой переход. От начала военных действий прошло уже 5 недель. Австрийцы еще не потеряли территории; до сих пор они даже жили за счет неприятельской страны. Потери, понесенные ими в трех неудачных боях, по численности не имели большого значения; тем более не играла роли убыль от болезней и лишений, происходившая особенно от того, что снаряжение пехотинца не было приноровлено к итальянскому климату, а рассчитано на поход против Пруссии. Но в конце концов за истекший период войны двигаться прихо-

дилось лишь самое короткое время. По большей части войска стояли на квартирах при хорошем снабжении [1], а потому обильное пополнение личного состава полностью возместило потери.

От предшествовавших событий непоправимо пострадали лишь невесомые величины: доверие к верховному командованию и (в меньшей мере, хотя заметно) вера в боевые достоинства пехоты.

Теперь я опять верну читателя назад в Новару, в главную квартиру императора Наполеона. Принц Гогенлоэ полагает, что было ошибкой со стороны Наполеона привести сюда 1 июня одну из войсковых групп. В этот день ему следовало со всеми силами двинуться прямо на австрийцев, позиция которых начиналась близ Роббио, менее чем в 1 миле от Палестро, причем в промежутке не было никакого значительного препятствия. Так поступил бы Наполеон I.

На это мнение можно возразить следующее. Во-первых, Наполеон сделал бы тогда именно то, чего желал неприятель, т. е. атаковал бы его на подготовленной позиции в Ломеллине. Во-вторых, сражение при Роббио стало бы фронтальным сражением с совершенно обеспеченным для австрийцев путем отступления. При Роббио Наполеон едва ли достиг бы самой возможности предпринять «операцию». Но он желал этого во что бы то ни стало.

Гогенлоэ ошибается, говоря, будто Наполеон не атаковал 1 июня по той причине, что хотел выманеврировать австрийцев из Ломбардии сравнительно без потерь и потом заключить мир. В Новаре император положительно высказал свое убеждение, что австрийцы вряд ли очистят Ломбардию без сражения. Наполеон III был столь же далек от маневренной стратегии в духе XVIII в., как и его дядя; он маневрировал единственно лишь для подготовки решительного сражения с целью уничтожения противника.

Гогенлоэ—военный мыслитель, для которого в школе Мольтке стратегическая смелость сделалась чем-то само собой понятным. Вследствие этого его критика Наполеона игнорирует опасности, сопряженные с выдвижением французской армии с левого фланга. Тут сам Мольтке обнаруживает больше исторического понимания. Он называет выдвижение слева подвигом,—стратегией, которая должна была победить.

2 июня, в тот день, когда Гиулай мог вторгнуться в широкий интервал между обеими французскими группами у Мортары и Палестро, Наполеон предпринял большую разведку в направлении на Весполате. Тогда такие маневры производились не кавалерией, а значительными массами пехоты. Кавалерия считалась слишком дорогим родом войск, чтобы можно было отваживаться загонять лошадей на разведках; кавалерию берегли для решительного акта сражения.

После того как с французской стороны было установлено, что австрийцы не наступают на Новару, Наполеон принял два решения, имевшие важные последствия. В 1 ч. 30 м. пополудни он выдвинул дивизию гвардейских вольтижеров к Турбиго, чтобы овладеть переходом через Тиччино. Дорога в Турбиго была свободна от орошен-

[1] Указание на хорошее снабжение находится в полном противоречии с тем, что автор говорит в других местах. Австрийский солдат получал горячую пищу раз в день, тогда как французы два раза и сверх того еще кофе. Австрийский солдат в отличие от французского не носил неприкосновенного ранцевого запаса. Наконец, французы уже в это время имели мясные и растительные консервы, которых у австрийцев не было.

ных пространств и вообще удобна. В 3 ч. 45 м. вольтижеры стояли на берегу Тиччино, а в 7 ч. 30 м. мост на судах был наведен и река перейдена. На той стороне Тиччино простиралась трудно проходимая местность до Naviglio Grande, судоходного канала, сопровождающего Тиччино; к нему примыкали затопленные луга, покрытые высоким кустарником и проходимые лишь по проложенной дороге. Деревянный мост через канал был в целости; вольтижеры заняли на другом берегу сел. Турбиго.

В это время 7-й, 2-й и 3-й австрийские корпуса, двигаясь в глубокой (20-часовой) колонне, подходили к Вижевано. Следовательно, Наполеон предупредил Гиулая переходом через Тиччино. Но ген. Каму, командовавший гвардейской дивизией, находился в угрожаемом положении — между дивизией Кордона 1-го австрийского корпуса [1] у Маджженты и дивизией Урбана у Галларате. Выдвинутые от последней уланские разъезды вели разведку близ Турбиго.

Второе смелое решение было принято Наполеоном вечером, после прибытия 1-го корпуса в Верчелли. Он дал группе в Палестро указание на следующий день (3 июня) тоже двинуться в Новару. Так как Наполеон продолжал думать, что неприятель находится у Мортары и Роббио, то с его точки зрения (не объективно) это решение означало отказ от обеспечения своей этапной линии.

На рассвете 3 июня произошла новая большая разведка французов в южном направлении. Три пехотные бригады 4-го корпуса двинулись на Весполате; три другие стояли в готовности для их поддержки. Факт очищения Весполате австрийцами был установлен. От населения были получены сведения, что еще накануне (2 июня) большие массы австрийцев находились в Весполате, но уже в 3 часа утра ушли в Вижевано. Это был 3-й корпус, из коего одна дивизия очистила тогда Весполате, а другая — Мортару.

Наполеон представлял себе обстановку следующим образом: Мортара все еще надежно занята; главные силы австрийцев сосредоточены между Вижевано и Сен-Мартино, на правом берегу Тиччино; остальная часть неприятельской армии — на другом берегу реки, у Маджженты.

Наполеон не подозревал, что австрийцы сроют укрепления у Вижевано и сожгут мост; напротив, он думал, что Гиулай, пользуясь предмостными укреплениями у Вижевано и Сен-Мартино, пожелает сидеть верхом на р. Тиччино, передвигая свои корпуса в соответствии с изменяющимися стратегическими шансами с одного берега на другой.

Ввиду этого Наполеон считал также возможным, что неприятель еще на следующий день, 4 июня, атакует его со стороны Мортары и Вижевано; он как бы предчувствовал свидание в Береговардо, где одновременно с французской разведкой на Весполате Гесс и Кун совещались о возможности опять перейти в наступление в Ломеллине.

При таком взгляде Наполеона на дело ему было невозможно 4 июня с главными силами перейти через Тиччино; центр тяжести союзной армии он должен был оставить там, где предполагал главные силы противника, т. е. в Ломеллине.

[1] Бригады Резничек и Бурдино принадлежали: одна — к дивизии Кордона, другая — к дивизии Монтенуово. Для краткости я говорю о дивизии Кордона, по имени фельдм.-лейт. Кордона, который командовал обеими бригадами при Маджженте — *Прим. авт.*

Сообразно с этим Наполеон, возвратившись с разведки, отдал следующие распоряжения: 4½ корпуса [1] остаются 4 июня в Ломеллине; 2½ корпуса действуют на той стороне Тиччино, а именно: гвардия, из которой одна дивизия уже находилась там, 2-й корпус и две сардинские дивизии. После полудня 3 июня 2-й корпус должен был перейти реку у Турбиго, а его командир Мак-Магон — пока принять начальство над дивизией Каму. Целями марша на 4 июня были поставлены: Маджента — для 2-го корпуса и Боффалора — для дивизии Каму. Последняя должна была соединиться в Боффалоре с другой дивизией своего корпуса — гвардейскими тренадерами — после того как последние возьмут предмостное укрепление у Сен-Мартино и перейдут Тиччино.

С 4½ корпусами на одной и 2½ корпусами на другой стороне реки Наполеон надеялся где-нибудь и как-либо нанести удары 5 австрийским корпусам, занимавшим оба берега реки. Составить более точные планы в данной стадии развития событий он не мог. С большой последовательностью Наполеон отклонил мысль, известную нам из критики его стратегии, сделанной Гогенлоэ, — мысль, которую вместе с прусским генералом разделяет, повидимому, и французский генеральный штаб: наступать прямо на неприятеля у Мортара и Вижевано. Император возражал, что тогда пришлось бы итти полем по топкой пересеченной местности: «Скачка от одной церковной колокольни к другой [2] по направлению к цели, плохо обозначенной на горизонте, с армией ... была бы сомнительной стратегией и подозрительной тактикой».

Далее Наполеон продолжал: «Новара соединяется с Сен-Мартино и Турбиго двумя главными дорогами, пригодными для большой армии. Турбиго — более важный пункт. Отсюда можно обойти противника, укрепившегося у Сен-Мартино и Маджента».

Итак, Наполеон остался при замысле во что бы то ни стало «достигнуть операции». При возвращении в Новару он получил донесение, которое было способно существенно повысить его стратегическую самонадеянность. Австрийский гарнизон у Сен-Мартино очистил предмостное укрепление и отступил за канал, но попытка взрыва моста через Тиччино ему не удалась.

Наполеон тотчас же отправился в Сен-Мартино для осмотра моста, попавшего в его руки благодаря военному счастью. Действительно, он нашел его лишь слегка поврежденным.

Эта неудача австрийцев произошла следующим образом: когда австрийская армия очистила правый берег Тиччино, а французская дивизия Каму перешла реку, причем одновременно показались массы французов у Трекате перед предмостным укреплением, Клам счел, что не может более удерживать последнее. Полученные инструкции давали ему право при угрозе превосходных сил неприятеля очистить укрепление. Оставление предмостного укрепления повлекло за собой взрыв моста через Тиччино у Сен-Мартино и обоих массивных мостов через Naviglio у Понтенуово [3]. Дело шло о двух железнодорожных мостах особенно прочной конструкции, построенных из плит-

---

[1] Сардинцы опять сосчитаны, как два корпуса. — *Прим. авт.*

[2] Как сказано выше, единственными пунктами, допускавшими обзор местности, являлись колокольни.

[3] См. схему 14 и общую схему 11.

няка; шоссейный мост у Понтенуово было также нелегко взорвать. Первоначально было бы достаточно разрушить один мост через Тиччино, чем с раннего утра 3 июня и занялась инженерная команда. Однако, успешное выполнение этой операции стало невозможным вследствие того, что вместо 20 ц пороха, потребованных инженерами из Павии, Гиулай разрешил выдать им только 10 ц. Остаток понадобился Гиулаю для минирования переходов через реки на южном пути отступления армии, особенно же больших мостов через Адду близ Кассано.

Корпуса 9-й, 10-й и 11-й, бригада дивизии Урбана в Папской области и одна бригада 1-го корпуса в Бергамо — все эти силы, нужные на фронте для одержания победы, должны были, по австрийским взглядам, оставаться в тылу как обеспечение на случай революции или поражения. Армия не должна была подвергаться никакому риску, потому что Габсбургская монархия при существовавшем строе, повидимому, держалась исключительно на армии.

То, что в смысле безопасности выигрывалось в тылу, проигрывалось на фронте. Если бы австрийцы атаковали Мак-Магона при Турбиго, они могли бы оказаться под угрозой с фланга через мост у Сен-Мартино. Впечатление, что Турбиго является решительным пунктом, укрепилось как у Наполеона, так и у австрийского верховного командования, хотя последнее во избежание раздробления сил первоначально и уступило французам тамошнюю переправу. Из новой главной квартиры в Бинаско Гесс телеграфировал Грюнне, что неприятельские массы готовятся к переходу у Турбиго. Им нанесут фланговый удар, который будет иметь решающее значение: «Я старался ободрить графа Гиулая и побудить его произвести усиленную разведку для выяснения неприятельских сил, перешедших близ Турбиго».

Подавленное настроение Гиулая не могло рассеяться от донесения о неудавшемся взрыве моста; о Кламе сочинение австрийского генерального штаба рассказывает, что этот побочный случай произвел на него прямо-таки потрясающее впечатление. Он преодолел нервный шок тем с большим трудом, что, подобно всем своим товарищам, имел обыкновение смотреть больше назад, чем вперед. Как раз в этот день (3 июня) в журнал военных действий 3-го корпуса было внесено замечание, что Милан очень склонен к открытому восстанию.

Из усиленной разведки против Турбиго, относительно которой Гесс обнадежил графа Грюнне, ничего не вышло после неудачного взрыва моста. По прибытии 2-го корпуса в Маджента Клам хотел направить его далее на Куджионо, где он должен был составить резерв для дивизии Кордона, разведывавшей по направлению на Турбиго. Теперь 2-й корпус остался в Маджента как резерв для частей дивизии Кордона, прикрывавших мосты у Сен-Мартино и Понтенуово. Батальоны Кордона, разведывавшие в направлении Турбиго, будучи предоставлены собственным силам, не могли продвинуться далеко; вследствие этого они не заметили, что неприятель перешел Тиччино с целыми тремя дивизиями, а сделали вывод о переходе значительно меньших частей.

Фельдм.-лейт. Кордон остался при этом впечатлении и тогда, когда у Робекхетто 14-й егерский батальон подвергся нечаянному напа-

дению трех батальонов тюркосов и, таким образом, пал жертвой ошибок австрийской стратегии, подобно бригадам Шафготча, Вейгля и Шабо. В реляции командира батальона о бое при Робекхетто сказано: «Силы людей, которые накануне (2 июня) форсированными маршами вернулись в Ро после экспедиции в Варезе, причем ночью не имели отдыха, а 3 июня до боя не получили пищи, были совершенно истощены походом, усиленным патрулированием и боем; многие при удушливом зное падали в обморок».

Пот и кровь были пролиты совершенно напрасно. Клам счел поражение батальона обычной на войне неудачей и донес в главную квартиру Гиулая в Аббиатеграссо, что при Робекхетто произошел незначительный бой; перешедшие Тиччино неприятельские силы, повидимому, не слишком велики. На это донесение, отправленное в 9 ч. 45 м. утра 4 июня, Гиулай ответил, чтобы Клам взял дивизии Кордона и Рейшаха (7-го корпуса) и вечером 4 июня перешел в наступление у Турбиго. Если противник окажется в значительно превосходном числе, то Клам должен отойти на свой резерв — 2-й корпус у Маджженты.

События не позволяли выполнить этот приказ, так как Клам натолкнулся бы на 5 дивизий союзников и получил бы отпор, какой испытал Цобель 31 мая при Палестро. Эта неудача вряд ли была бы предотвращена тем, что Гиулай указал Урбану—в случае нужды выручить Клама. В психологически интересном приказе Урбану было сказано, что если неприятель окажется в превосходных силах и фельдм.-лейт. Клам-Галлас будет отступать от Турбиго на Маджженту, тогда наступит момент, «когда вы будете находиться в самом благоприятном положении для развития крупнейших действий во фланг наступающего противника».

Полководец, проникнутый волей к победе, не удовольствовался бы такой формулировкой задания частному начальнику, а приказал бы ему совместно с другим частным начальником помешать наступлению противника и разбить его.

Сам Гиулай ничего не хотел делать 4 июня,—он лишь отдал приказ, чтобы все корпуса рано роздали пищу и находились в готовности к выступлению. Эта неподвижность вызвала строгое осуждение. Критики говорили, что Гиулаю следовало 4 июня сосредоточить свою армию у Маджженты, дабы использовать все силы для решительного сражения. Утомление войск не должно было его задерживать, так как последующие события показали, что оно не было предельным.

Я не знаю, справедливо ли это порицание. Выше мы ознакомились с тем, как невозможность посредством растягивания войск вдоль реки помешать переправе искусного и предприимчивого противника Наполеон объяснял своим генералам необходимостью занимать центральные позиции.

Гиулай действовал по этим принципам. У Маджженты он поставил 2-й, 7-й и 1-й корпуса (поскольку последний прибыл); у Аббиатеграссо, где была его главная квартира,—3-й корпус; у Бинаско—5-й корпус и у Берегвардо—8-й корпус,—все самое большее в одном переходе для сосредоточения. Он не знал, где неприятель попытается переходить через Тиччино; мы слышали, что влиятельные лица во французской главной квартире высказались за переход не у Сен-Мартино и Турбиго, а у Вижевано, хотя река там гораздо шире и глубже. Впрочем, если Гиулай не знал, что французы переходили Тиччино выше,

то Наполеону было неизвестно, что австрийская армия перешла с правого берега на левый. Кавалерийские массы обеих армий стояли без дела позади фронта; немногие разведчики,—например, уланы Урбана у Турбино,—ничего не видели.

Я думаю, что из моего описания сражения при Маджснте выяснится, что австрийцы имели на месте достаточно войск для поражения противника, разделенного рекой. Если они проиграли сражение, то это произошло не от перевеса сил враждебной стороны, а по другим причинам.

Только в одном пункте нельзя освободить Гиулая от упрека в разброске войск: ниже Бергвардо, к стороне Павии, он расположил кордоном 8 батальонов, из них 3 батальона принадлежали бригадам Ветцлара и Дюрфельда 4-го корпуса, сражавшегося при Маджснте, у которого, как мы увидим, каждый человек был на счету.

Но Наполеон распределил по рекам Сезии, По, Танаро и Скривии даже 33 батальона, а именно дивизии Кукхиари и Отемара, которые стояли в Верчелли, Казале, Алессандрии и Тортоне.

Глава IV

Сражение при Маджснте (4 июня 1859 г.)

Наполеон отдал на 4 июня следующие диспозиции: Мак-Магон с 3-м корпусом и дивизией Каму идет от Турбиго на Маджснту, Боффалору и Понтенуово. Дивизия Меллине направляется на Боффалору и Понтенуово, форсирует при содействии Мак-Магона переходы через Навиглио и соединяется на этом канале с дивизией Каму одного с ней корпуса.

Тем временем 1, 3 и 4-й корпуса остаются между Новарой и Трекате. Позади них при Галлиате становятся в качестве резерва 2 сардинские дивизии. Две другие сардинские дивизии занимают оба берега р. Тиччино для прикрытия моста у Турбиго, а также с целью образовать резерв.

Смысл этих диспозиций заключался в том, что Мак-Магон со своими двумя корпусами, двигаясь вниз по р. Тиччино, должен был отрезать путь отступления австрийцам, которые предполагались еще на правом берегу реки.

На левом берегу р. Тиччино, у Маджснты и на Навиглио, по предположениям Наполеона, находились сравнительно небольшие неприятельские силы. Он думал, что клещи,—одно колено которых составлял Мак-Магон, а другое — Меллине,—откроют ему это дефиле без особых затруднений.

В 10 час. утра 4 июня дивизия Меллине перешла через р. Тиччино по железнодорожному мосту, на котором только одна арка немного шаталась. Переход продолжался около полутора часов. Потом

дивизии пришлось еще около часу двигаться по низине реки, пока она не поднялась на противоположный край долины и не приблизилась к Навиглио.

В низине реки войска шли по узкой дамбе между рисовыми полями, прорезанными многочисленными каналами, и между мокрыми лугами. Дождливая погода еще более увеличивала трудности местности. Поля были настолько густо обсажены ольхой, тополями и ивой, что кругозор редко открывался более, чем на 200—300 шагов.

В 11 ч. 45 м. Клам заметил походную колонну на дамбе и донес в Аббиатеграссо, что массы противника развертываются по эту сто-

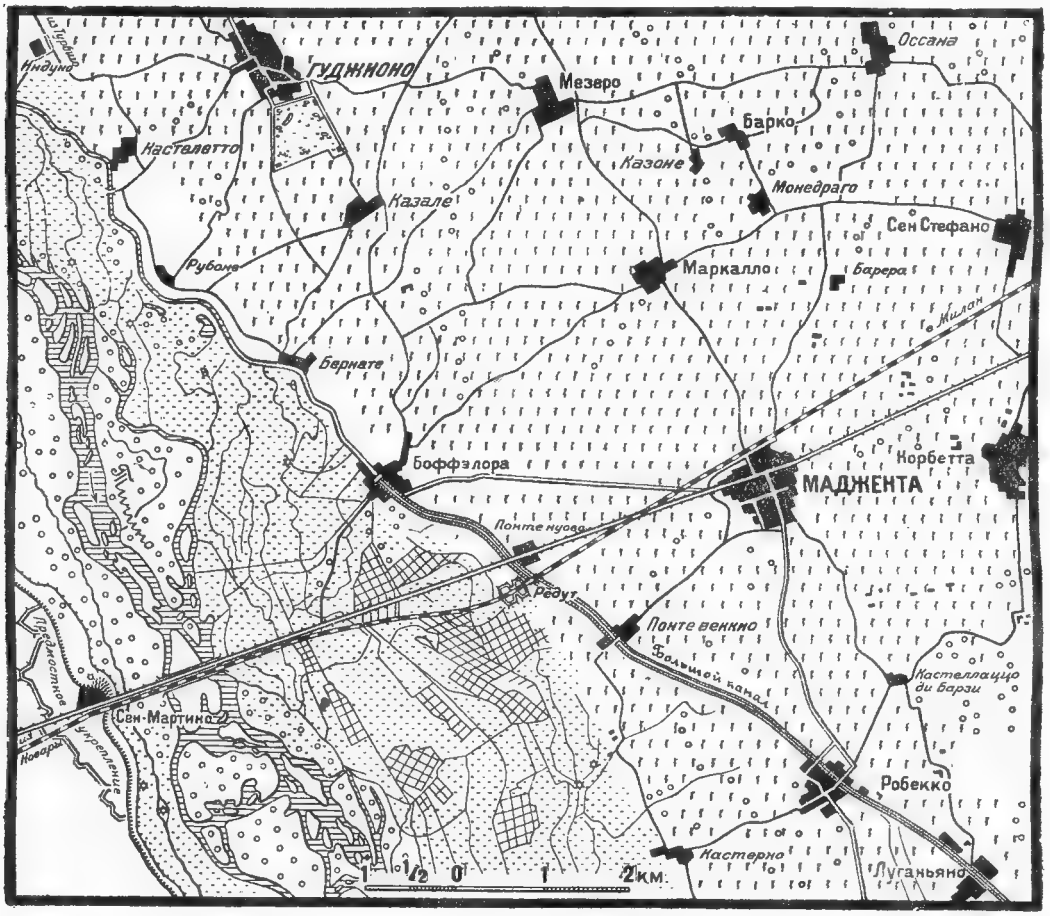


Схема 14. Район сражения у Маджженты (4/VI 1859 г.).

рону р. Тиччино. Донесение было получено в главной квартире около 12 ч. 30 м., и Гиулай тотчас же принял правильные меры. Он приказал 5-му и 8-му корпусам от Бинаско и Беретвардо двигаться вверх по р. Тиччино и прежде всего направил стоявший у Аббиатеграссо 3-й корпус на Робекко, чтобы таким образом подготовить удар во фланг Меллине.

Утром Наполеон послал своего ординарца, майора Шмитца, к Мак-Магону. Тот факт, что этот офицер достиг своей цели и вернулся в срок, рассматривался как особое достижение, потому что дело связи было тогда так же мало развито, как и разведывательная служба.

Шмитц привез императору донесение Мак-Магона, что он со своей правой колонной (дивизия Моттеруж 2-го корпуса и дивизия Каму) будет — самое позднее — в 2 ч. 30 м. у Боффалоры; левая колонна (дивизия Эспинасса 2-го корпуса), шедшая на Маджента, достигнет цели часом позже.

Соответственно этому Наполеон решил отложить до 2 час. пополудни атаку дивизии Меллине, которая уже около 12 ч. 30 м. стояла перед мостами через Навиглио. Он не отказался от этого разумного решения и тогда, когда около полудня со стороны Турбиго послышалась канонада, вскоре прекратившаяся.

Итак, в 2 часа 10 батальонов гвардейских гренадер двинулись в атаку. Из обеих батарей дивизии солдатам удалось перетащить по шаткому мосту через р. Тиччино только 2 орудия. Навиглио представлял трудно преодолимое дефиле: крутые откосы в 30 фут. вышины, частью одетые камнем, частью поросшие кустарником; сам канал — шириной в 30 фут. и глубиной от 5 до 6 фут.; все это было проходимо только по мостам. Из последних два — у Боффалоры и Понтевеккио — австрийцам удалось взорвать, но важнейшие переходы — железнодорожный и шоссейный мосты у Понтенуово — остались, как нам известно, неповрежденными. Так как французские гренадеры не знали закулисной стороны австрийской стратегии, то этот феномен был им непонятен. По преданию один гренадер, по имени Альберт, убил австрийского капрала как раз в тот момент, когда он хотел взорвать мину под железнодорожным мостом. Тот факт, что в гвардейской гренадерской дивизии совсем не состояло на службе человека, называвшегося Альбертом, не причиняет ни малейшего ущерба высокому почету, которым окружено это имя во французской армии. Призрак Альберта бродит даже в знаменитом труде Жермена Бапста о Канробере.

Около мостов на глазах Наполеона начался кровопролитный бой, продолжавшийся несколько часов. Ген. Меллине был сложной натурой. Товарищи говорили о нем, что он собирает редкие книги почти до самого начала боя, но все-таки отнюдь не является мыслящим представителем военной касты, а только рубакой. Именно такого и требовала данная обстановка. Ошибка Наполеона — атаковать значительно превосходящие силы — могла быть исправлена лишь смелостью. Действительно, мосты и таможенные здания на другом берегу Навиглио были атакованы с таким пылом, что австрийские гренадеры полка Ваза 1-го корпуса и один батальон полка эрцгерцога Сигизмунда из 2-го корпуса впали в панику и тотчас же с первого выстрела рассеялись. После этого французы проникли далеко в поросшую многочисленными деревьями закрытую местность, по которой проходила дорога из Боффалоры в Маджента.

Тут командир 2-го корпуса, фельдм.-лейт. князь Эдуард Лихтенштейн, повел им навстречу главные силы бригады Куделька: 21-й егерский батальон и 3 батальона пехотного полка графа Елачича. Эта бригада храбро сражалась во втором бою при Палестро, причем егерский батальон потерял не менее 50% своего состава. Но при Маджента полк Елачича оказался несостоятельным вследствие односторонней подготовки к ударной тактике. На пересеченной местности колонны пришли в расстройство, а когда они попробовали расчленяться для стрельбы, то в этом непривычном боевом порядке очутились бессильными против проворной французской пехоты. В сочинении ав-

стрийского генерального штаба сказано: «Таким образом, неприятель мог броситься на рассеянные дивизионы [1] и до некоторой степени разорвать их фронт».

Однако, вскоре последовал контрудар, так как соотношение сил было слишком неравное. Одной дивизии Меллине противостояла со стороны австрийцев целая армия: 1-й, 2-й и 7-й корпуса. 22 000 австрийцев или непосредственно вступили в бой, или угрожали с близкого расстояния 50 000 гренадер, прижатых к каналу. Ген.-майор Шабо подвез по железнодорожной дамбе 2 орудия, до последней минуты не замеченные французами. Сочинение австрийского генерального штаба рассказывает: «Французы, настолько стеснившиеся на виадуке и на мосту, что всякое отступление для них стало невозможным, безропотно ожидали смерти с ружьями в руках, но не стреляя. Первый картечный выстрел гаубицы положил их всех на месте».

Потом гренадеры опять произвели контрудар, и неравный бой продолжался. Наполеон раскаивался, что он на этот раз не последовал совету своего доверенного лица — Ниеля, который после произведенной накануне большой разведки на Мортару высказал убеждение, что австрийцы отступили за р. Тиччино. Однако, Наполеон не хотел совершенно отказаться от представления, что части неприятельской армии остались на правом берегу р. Тиччино и могут быть отрезаны от своего пути отступления. Впрочем он считал нужным прикрыть собственные сообщения; вследствие этого он приказал итти к полю сражения только 3-му и 4-му корпусам; 1-й корпус и 2 сардинские дивизии остались близ Новары.

Дорога от этого города в Сен-Мартино была запружена войсками, которых торопили императорские адъютанты. Так как артиллерия и обозы преграждали дорогу пехоте, то последняя частью перешла на железнодорожную дамбу, частью пыталась итти прямо полем. От последнего намерения пришлось опять отказаться вследствие многочисленных наводненных участков.

Через полтора часа после начала боя подошла бригада Пикара 3-го корпуса, горячо приветствуемая гвардией, которая едва сдерживала напор превосходных сил и после окончательной потери мостов и таможенных зданий опасалась быть оттесненной к р. Тиччино. Но вместе с тем опасность, угрожавшая французам, усиливалась: стал развиваться фланговый удар австрийцев через Робекко. Сначала тут наступала бригада Кинцль 2-го австрийского корпуса, а потом — голова 3-го корпуса. Пикар должен был разделить свою бригаду, чтобы, с одной стороны, выступить против этого нового неприятеля, а с другой — отразить наступавших через Понтенуово австрийцев. Несмотря на прибытие бригады Пикара, соотношение сил для французов ухудшилось: 9 000 находились в бою против 28 000 австрийцев, которые одновременно теснили французов с фронта и правого фланга.

Час с четвертью продолжался этот период сражения. Наполеон находился в это время в низине реки перед мостами и руководил боем, Он действительно им руководил. Когда с фронта и фланга пули начали долетать до его стоянки, он по совету окружающих отошел на несколько сот метров назад. Наполеон не моргнул глазом, но его настроение было подавленное. Окружавшая его гвардия колебалась. Ка-

[1] Так называлось в австрийской армии тактическое подразделение батальона, состоявшее из двух рот и равное одной трети батальона. — *Прим. авт.*

залось, предстоял лишь выбор быть оттесненным назад к р. Тиччино или в сторону, в угол между реками Тиччино и Навиглио.

Когда тут судьба полутора дивизий висела на волоске, что же произошло за это время с 3 дивизиями Мак-Магона, вслед за которыми император послал еще сардинскую дивизию Фанти от моста у Турбиго? Наверное, эти 4 дивизии были уничтожены! Ведь давно уже прошло 4 часа пополудни, а между тем в 2 ч. 30 м. Мак-Магон хотел быть в Боффалоре. Не было ни видно, ни слышно никаких признаков левого французского крыла! Когда Наполеон говорил о нем с окружающими, то бледнел еще больше, чем на поле боя у Монтебелло, где ему был противен вид трупов. В свите шептали: «Он более не курит!»

Обратимся теперь к вопросу, почему австрийцам не удалось в трехчасовом бою раздавить горсть французов перед Понтенуово и Робекко. Австрийской традицией по политическим (а не по военным) причинам было национальное разделение армии. 1-й и 2-й корпуса комплектовались, главным образом, из венгерских призывных округов. Полк Сигизмунда бригады Кинцль 2-го корпуса состоял из итальянцев. Это был единственный итальянский полк, взятый в поход. Так как он квартировал в Вене и в этом веселом городе всегда выказывал хороший дух, то слыл надежным; но при Понтенуово и Робекко он проявил еще менее порыва, чем весь 2-й корпус.

Я держусь мнения, что ход этой войны определялся не столько военными, сколько политическими моментами; насколько мне известно, я первый стал на эту точку зрения [1]. Но, наряду с объективными импульсами исторического развития, историю делают личности, причем довольно часто им предоставляется возможность повернуть колесо событий. Впечатление принудительности, получаемое от внутренней связи известной исторической эпохи, не более как иллюзия: другие люди во главе и — другой ход событий!

Во время сражения при Мадженте во главе австрийской армии стоял Гиулай и рядом с ним Клам. К своей невыгоде они отличались от Наполеона уже тем, что в течение всех описанных действий не были никогда или были лишь проездом на решительных пунктах при Понтенуово и Робекко. Клам был в Мадженте, Гиулай был там же проездом в Робекко, наконец, снова в Аббиатеграссо. Вследствие этого они не могли видеть, как улыбалось им военное счастье; теперь или никогда следовало одержать победу, использовать последнее дыхание последнего человека, для того чтобы загнать атакующих у Понтенуово французов в реку и канал, простиравшиеся в их тылу и на левом фланге. После этого австрийцам легко было покончить с теми французами и сардинцами, которые перешли у Турбиго.

Мысли Гиулая работали в другом направлении. В сочинении австрийского генерального штаба помещен его приказ, отданный в Робекко в 3 ч. 15 м. и категорически предписывающий Кламу держаться в Мадженте до последней крайности. В случае отступления он должен был отходить не на Милан, а на Числиано, т. е. по южной этап-

[1] И до автора это прекрасно понимали другие писатели. Ведь война велась во имя национального объединения Италии против Австрии, спасенной от революции 1849 г. лишь вмешательством Николая I и разъедаемой национальной рознью.

ной дороге к четырехугольнику крепостей. Далее Гиулай сообщал, что 8-й корпус направлен им в Бестаццо, но он прибудет туда только поздно вечером или ночью. Фельдм.-лейт. Кордон, о котором Гиулай думал, что он находится с бригадой Резничек в Маркалло для наблюдения за союзниками у Турбиго (в действительности Кордон был подтянут Кламом к Маджентe), должен был, согласно приказу Гиулая, в случае невозможности соединения с 1-м корпусом отступать к Галларате на дивизию Урбана. После этого Кордону указывалось итти форсированными маршами на Лоди, где армии при отступлении в четырехугольник крепостей предстояло переходить через р. Адду: «Разумеется, последнее лишь при крайней необходимости, так как завтра я во всяком случае намереваюсь произвести и произведу фланговую атаку со всей армией».

«Намереваюсь произвести и произведу!» Перо Гиулая невольно выразило его характер. То, что он намеревался сделать, далеко еще не значило, что он это действительно сделает. Внутренние трения были слишком велики...

Впрочем в стратегии он руководствовался чувством: «Завтра, завтра, только не сегодня!» Конечно, он мог сослаться на теорию, что перед ударом нужно сосредоточить все свои силы, но ни одна теория не подходит к каждому особому случаю. Когда на решительном пункте уже имеется подавляющее превосходство сил, нельзя откладывать действия до следующего дня. Правда, 5-й и 8-й австрийские корпуса приближались, но шоссе и железнодорожная дамба между Сен-Мартино и Новарой кишели подходившими французами.

В приказе из Робекко обнаруживается и общая слабость генералов австрийской армии, которые думали больше об отступлении, чем о победе, хотя это и прикрашивалось такими оборотами, как «эвентуально» и «в крайнем случае». Причина этого морального состояния заключалась в том, что все они отчаялись в собственном государстве и боялись революционного духа. Оба чувства имели основание, но подозрение, будто войска 1-го и 2-го корпусов заражены революционными идеями, было неосновательно. Если отборные войска Наполеона опрокидывали какой-нибудь венгерский или итальянский батальон, то это отнюдь не доказывало низкого уровня политико-моральных качеств австрийской армии.

Революция была страшной союзницей Наполеона. Ей незачем было делаться актуальной; уже потенциально она портила тактику и стратегию австрийцев. При Маджентe Наполеон был бы сброшен со своей гвардией в болота, если бы Гиулай приказал 1, 2, 7 и 3-му корпусам перейти в наступление. Но об этом он не смел даже думать; он полагал, что Кламу придется ввести в дело свои последние силы, чтобы только удержаться. Наступление должно было произойти лишь на следующий день. Гиулай надеялся иметь тогда столь большое превосходство сил, что можно будет не обращать внимания на некоторые ненадежные полки.

Даже производимые с оборонительной целью контрудары австрийцев, являвшиеся лишь тактическими полумерами, смертельно истощили французов,—так что их наступление совершенно прекратилось. Сочинение австрийского генерального штаба говорит: «Противник долго не отваживался более атаковать упорно защищаемую местность Понтенуово». Но потом, между 4 ч. 45 м. и 5 ч., прибыли дивизия Винуа 4-го французского корпуса и бригада Янин (одной диви-

зии с бригадой Пикара), так что собралась вся дивизия Рено 3-го корпуса. Теперь 6 французских бригад стояли против 13 австрийских [1], значит, все еще существовала довольно резкая несоразмерность сил, хотя и не столь большая, как в первые 3 часа сражения.

Тут не могло быть решительного результата вследствие слабой численности с одной стороны и слабой воли — с другой. Решение произошло у Боффалоры и Маджанты, причем было вызвано подходом к полю сражения Мак-Магона.

Он появился перед Боффалорой в 4 часа, т. е. опоздал на полтора часа. Скорость движения войсковых масс нельзя рассчитать точно; случай может изменить результаты. Но тут потеря времени объяснялась характером начальника. При выступлении Мак-Магона в 9 час. 4 июня он имел соприкосновение с выдвинутым вперед австрийским батальоном Урбана. Сама дивизия Урбана стояла в полутора милях к северу от Турбиго близ Галлларате. При большой поспешности она вполне могла соединиться с Кламом, которому была подчинена, но и так австрийская армия извлекла из этой войсковой части значительную пользу. Это—трудное испытание для моральной гибкости Мак-Магона. Покойный ген.-фельдм. ф.-Лоэ однажды сказал мне, что за свою жизнь он не встречал более крупного генерала, чем Мак-Магон. Солдаты были готовы итти с ним в огонь и воду, несмотря на то, что он заставлял муштровать их больше, чем это вообще было принято во французской армии, где несколько пренебрегали мелочами службы. Мак-Магон отличался великолепной внешностью, особенно на коне; в обращении с людьми был обходителен и проявлял благородство характера. Мак-Магон был верен идеям 1789 г., ради которых в сенате он один из всех членов голосовал против закона о безопасности, он был верен и трехцветному знамени, во имя которого Мак-Магон, хотя и являвшийся легитимистом, помешал восстановлению трона Бурбонов.

Однако, никто не считал его ни великим государственным человеком, ни великим стратегом. Но все-таки он мог быть крупным военным вождем, как Блюхер, который также не был стратегом.

Мы видели выше, что Гиулай приказал на 4 июня Кламу наступать против Мак-Магона с фронта, а Урбану — против его левого фланга. Мак-Магон сознавал эту опасность, и она влияла на него тем сильнее, что он был отделен от другого крыла армии большим пространством и двумя значительными водными преградами. Он двигался с 4 французскими бригадами против 10 австрийских. Хотя от 2 бригад Урбана Мак-Магон был прикрыт 4 сардинскими бригадами, но они следовали за ним,— вероятно, по его собственному указанию,— на больших дистанциях, потому что он хотел быть обеспеченным с тыла. Тем большую угрозу чувствовал для себя Мак-Магон с фронта и фланга. Для уменьшения опасности он прибег к сомнительной мере. Вскоре за Турбиго он приказал своим войскам перейти из походной колонны в построение с меньшей глубиной, но большей ши-

[1] Французская пехотная бригада нормального состава имела 2 полка по 3 батальона каждый и 1 егерский батальон, всего 7 батальонов. Боевая сила батальона — самое большое 500 чел.; следовательно, в бригаде — 3 500 чел. Австрийская пехотная бригада нормально состояла из 1 полка (заключавшего в себе 1 батальон гренадер и 3 линейных батальона) и, кроме того, из 1 батальона егерей или граничар, вместе — 5 батальонов. Боевая сила батальона — 700 чел. Следовательно, в бригаде — 3 500 чел. — *Прим. авт.*

риной по фронту, l'ordre de marche pour le combat, как это построение называлось на французских маневрах [1]. Вследствие этого войска были наполовину готовы к бою, но на перестроение было затрачено три четверти часа дорогого времени, а потом пришлось двигаться с 40 батальонами в полубоевом порядке, напрямик по рисовым полям, которые от дождей стали еще непроходимее, через глубокие ложбины, между тутовыми деревьями и сквозь виноградную лозу. Все время нужно было пускать в ход топоры сапер и штыки солдат, чтобы прокладывать путь широким остановившимся массам.

При таких условиях правая колонна Мак-Магона подошла в Боффалоре вместо 2 ч. 30 м. только в 4 часа [2]. Левая колонна под начальством Эспинасса сделала по сравнению с правой еще дополнительное тактическое перестроение, а именно — перед одной трудно проходимой лощиной отказалась от своего ordre de marche pour le combat и вернулась на дорогу. Она должна была прибыть к Маджента в 3 ч. 30 м., но в это время была только у Маркалло [3]. Если бы австрийцы при Понтенуово и Робекко не ограничились по существу обороной, то промедление в подходе левого крыла французов привело бы к потере ими сражения. Ведь исторические события регулируются не какими-либо имманентными законами [4]. При известных условиях распоряжения одного единственного частного начальника могут дать совсем другое направление мировым событиям.

Однако, левое французское крыло уже подошло и решительно вступило в затянувшийся бой. Опасение Мак-Магона, что Клам атакует его на марше, оказалось необоснованным. Для австрийского генерала было психологически невозможно наступать против левого крыла французов, после того как голова их правого крыла перешла р. Тичино. Чем слабее были союзники у Турбиго,—а мы знаем, что с австрийской стороны их оценивали едва ли более одной дивизии,—тем сильнее они должны были быть у Сен-Мартино.

Теперь против правого фланга австрийцев [5] неожиданно появились 3 французские дивизии, подход которых от Турбиго до сих пор скрывала местность. Непосредственно им противостояли только 2 бригады: Резничека 1-го корпуса в Маркалло и Балтина 2-го корпуса в Боффалоре. Мак-Магон имел над ними тройное численное превосходство. Остаток 1, 2 и 7-го австрийских корпусов сражался на Навиглио, кроме дивизии Лилия 7-го корпуса, занимавшей у Корбетта резервную позицию.

Итак, Мак-Магон находился в тылу главных сил Клама. Дивизия Эспинасса 2-го корпуса атаковала Маркалло, дивизия Моттеружа — также 2-го корпуса — двинулась на Боффалору, а во второй линии и для прикрытия интервала между Эспинассом и Моттеружем шла гвардейская дивизия Каму.

Австрийская бригада Балтина в Боффалоре имела перед своим фронтом один полк дивизии Меллине, который до сих пор ничего не мог сделать, так как мост через канал был сломан. Один полк ди-

[1] Походный порядок для подхода к полю сражения.

[2] Т. е. опоздала на полтора часа. Расстояние от Боффалоры до Понтенуово составляет всего 1,5 км.

[3] В этом не было ничего страшного, так как расстояние от Маркалло до Маджента всего около 2 км.

[4] Т. е. заключающимися в самом предмете (философский термин).

[5] В тексте ошибочно сказано «левого».

визии Винуа также появился перед Боффалорой в тот самый момент, когда австрийцы уже очищали селение, отступая по направлению на Маджента. Заметив это с другой стороны канала, французы быстро устроили временный мост и мостки из балок и другого подручного материала; все умевшие плавать переправились через Навиглио вплавь, и, таким образом, Боффалора была занята войсками правого французского крыла раньше, чем подошло левое крыло. Головные части дивизии Моттеружа хотели уже открыть огонь, когда к своему удивлению заметили, что в Боффалоре находятся войска в красных панталонах.

Мак-Магон приказал дивизии Моттеружа вступить в Боффалору и перестроиться для этого из своего полубоевого порядка в походную колонну. Пройдя селение, раньше чем повернуть влево против Маджента, дивизия по распоряжению Мак-Магона должна была снова принять полубоевое построение. На эти эволюции было опять-таки затрачено три четверти часа.

Тем временем австрийцы, находившиеся на Навиглио, потеряв в Боффалоре опорный пункт своего правого крыла, отошли на Маджента, подобно бригаде Балтина. Вместе с последней у них было 7 бригад. Моттеруж, занятый своими маневрами, не мешал их отступлению. Из правого французского крыла тоже лишь незначительные части теснили австрийцев. Остальные войска, находясь еще под впечатлением того превосходства сил, против которого приходилось выдерживать бой почти 3 часа, удовольствовались взятием мостов и таможен. Они все еще чувствовали себя угрожаемыми с правого фланга 3-м австрийским корпусом и не подозревали, что Мак-Магон уже прибыл и победа обеспечена. В труде французского генерального штаба сказано: «Наши войска были измучены; можно было опасаться, что новая атака еще раз лишит нас этих важных пунктов».

Итак, 7 австрийских бригад при своем отступлении к Маджента могли считаться только с обеими бригадами Эспинасса. Мак-Магон не ввел в дело дивизию Каму, находя, что 2 сардинские дивизии недостаточно обеспечивают его с тыла против дивизии Урбана. Мак-Магон ослабил также наступательную силу дивизии Эспинасса, приказав ему после вытеснения австрийской бригады Резничека из Маркалло примкнуть бригадой Кастаньи к дивизии Моттеружа. Это вызвало тем большую потерю времени, что дивизия Эспинасса по прибытии к Маркалло перешла из походной колонны в настоящий линейный порядок. Но Мак-Магон не остановился перед этой новой затратой времени, потому что со времени выступления из Турбиго интервал между обеими дивизиями 2-го корпуса не переставал его беспокоить. По указанной выше причине он не учитывал того, что позади этой дыры во втором эшелоне находилась дивизия Каму.

Тем не менее Эспинасс, имея возможность действовать во фланг отступавшим австрийским войскам, мог нанести им большие потери. С того времени, как полтора французских корпуса неожиданно появились в их тылу, австрийцы были до такой степени ошеломлены, что не могли более определить силу неприятельских войск, с которыми им приходилось непосредственно иметь дело при отступлении. Сочинение австрийского генерального штаба говорит: «При невозможности обзора местности нельзя было выяснить силу противника». Семь австрийских бригад, катившихся на Маджента, чувствовали себя «окруженными массами неприятеля».

При численном превосходстве австрийцев иногда казалось, что они еще победят. Бригада Кастаньи, составленная из иностранного легиона и полка зуавов, всего 8 батальонов, была в беспорядке отброшена на Маркалло 24 австрийскими батальонами. Тем временем Резничек на полпути между Маркалло и Маджентой удерживал французскую бригаду Голь.

Об этой фазе сражения сочинение австрийского генерального штаба говорит: «Следовательно, дивизия Эспинасса опять стояла там; откуда она начала атаку, т. е. в расстоянии 2 000 шагов от Маджженты».

Итак, дух австрийских войск еще не был подорван,— и если бы дело заключалось лишь в этом и в соотношении численности, то сражение все еще могло быть выиграно австрийцами. На левом берегу Навиглио австрийцы имели 9 бригад, французы — 6 [1]. Обе бригады австрийской дивизии Лилия были еще совершенно не тронуты.

Зато на другом берегу французы имели теперь численное превосходство: шесть бригад против четырех 3-го австрийского корпуса. Но большая часть французского правого крыла устала до крайности. К этому присоединялось то, что тут, между реками Тиччино и Навиглио, происходило фронтальное сражение, которое теперь (от 5 до 6 час. вечера) едва достигло перелома.

Напротив, у Маджженты дело близилось к развязке. Это усмотрел и Гиулай в Аббиатеграссо из донесений своего правого крыла, что побудило его опять отправиться в Маджженту. С ним был Кун, а в Маджженте он встретил Клама и фельдм.-лейт. князя Лихтенштейна, командира 2-го корпуса. Все эти господа имели одинаковый образ мыслей. Они были настроены слишком пессимистически, чтобы понять, что обстановка все-таки давала им некоторые шансы. Они сочли невозможным «даже приблизительно определить те силы, которые боролись в разных местах». Но так как снаряды Мак-Магона уже падали в Маджженте, то у австрийского верховного командования создалось впечатление, что этот пункт безвозвратно потерян. Психологически это вполне понятно. Ведь Гиулай приказал Кламу при наступлении от Турбиго превосходных неприятельских сил уклониться от столкновения. Этот случай наступил, и Гиулай видел в нем оправдание своего намерения отложить решение сражения до следующего дня, когда сосредоточатся все силы.

Как раньше при Понтенуово и Робекко, так теперь у Маджженты и Маркалло упорство в применении теории сосредоточения сил лишало Гиулая способности разобраться в обстановке. Он не сумел оценить шансов, предоставляемых ему моментом. На войне случай не ждет, сказал еще Перикл в афинском народном собрании!

Если Гиулай и не мог скрыть от себя, что у Маджженты предстояло крупное решение (2½ австрийских корпуса должны были уклоняться от фланговой удара), то он все-таки попрежнему считал, что не Маджента, а Аббиатеграссо является центром сражения. Отсюда предполагалось на следующее утро нанести через Робекко фланговый удар неприятельскому правому крылу. Гиулай уехал из Маджженты и отправился через Робекко обратно в Аббиатеграссо, чтобы отсюда ускорить подход 5-го корпуса. Командиру последнего фельдм.-лейт. Ста-

[1] Сардинцев я не считаю. Правда, одна из их дивизий приближалась к полю сражения, но подошла к Маджженте уже после окончания боя. — *Прим. авт.*

диону, которого мы знаем по Монтебелло, было сообщено, что он на время — «до завтрашнего утра»—подчиняется командиру 3-го корпуса, князю Лихтенштейну. «Рано утром» Гиулай предполагал сам принять командование в этом пункте и опрокинуть противника в болота.

Тем временем Клам должен был вечером очистить Маджента и под прикрытием дивизии Лилия отойти к Корбетте. Двигавшийся по левому берегу Навиглио 8-й корпус был на срок следующего дня подчинен Кламу. Последний должен был с 8, 7, 2 и 1-м корпусами занять оборонительную позицию близ Корбетты, а также в соседних лесах и дать противнику произвести атаку, после чего — сначала с 7-м корпусом — «перейти в новое наступление против неприятеля». На своем левом крыле 5 июня Гиулай также хотел в первое время применить оборонительно-наступательную тактику. Он велел написать коменданту Милана, фельдм.-лейт. Мельцеру: «Утром я возобновлю бой; завтра последует решение». Однако, одновременно Гиулай приказал Мельцеру взорвать мост у Кассано, чем упредил события, дав возможность разгадать свое отнюдь не победоносное настроение. Пессимизм побудил его отдать Мельцеру еще более сомнительный приказ. Милан предписывалось очистить. Гарнизон его составляла бригада Тейхерта—хорошие войска, а, кроме того, в город только что прибыла по железной дороге дивизия Монтенуово 1-го корпуса. Таким образом, тут стояли 14 батальонов на фланге Мак-Магона. Все они 5 июня, когда Гиулай замышлял решительное сражение близ Маджента и Робекко, должны были удаляться от поля этого сражения по направлению на Верону!

Эти приказы с соответствующими подробностями были разработаны Куном частью в Аббиатеграссо, частью—на возвратном пути туда, в Робекко, где, как раньше в Маджента, не исключалась возможность попасть под французские гранаты.

5 июня еще не настало; теперь речь шла лишь о том, чтобы отвести войска Клама от Маркалло и Маджента в Корбетту. Пока эти 2 корпуса имели дело только с дивизией Эспинасса, австрийцы сражались довольно удачно, но теперь приближалась также дивизия Мотеружа, окончившая, наконец, перестроение в ordre de marche pour e combat. Мак-Магон отдал корпусам приказ, чтобы каждый батальон взял направление на колокольню в Маджента. Образ блестящего генерала на благородном коне, отдавшего этот приказ, навсегда запечатлелся в памяти французской армии [1],— подобно тому, как было увековечено поведение Мак-Магона на Малаховом кургане, когда он прекратил панику, как только раздался крик ужаса: «Под Малахов курган подведены мины!»

Австрийцы все еще имели 2 корпуса против одного французского, потому что Мак-Магон попрежнему держал дивизию Каму позади. Но Кламу было нелегко отступить, имея неприятеля на фланге. Он подвергался несравненно большему моральному испытанию, чем верховное командование; последнее, находясь в безопасном Аббиатеграссо, успело привести в порядок свои нервы и все же допустило такие глубоко ошибочные распоряжения, как направление дивизии Монтенуово и бригады Тейхерта на Верону. Повидимому, Клам оста-

[1] В этом поступке нет ничего особенно героического, тем более что из-за тутовых деревьев ничего, кроме колокольни, и видно не было.

вался лишь в рамках этого образа мыслей вождей, потому что сочинение австрийского генерального штаба отзывается об его отступлении к Корбетте следующим образом: «Правильное руководство боем... было едва ли еще возможно».

Как объективные, так и субъективные препятствия, влиявшие на психику правого австрийского крыла, в своей совокупности были столь сильны, что даже у этих очень солидных войск дух, наконец, заколебался. Когда читаешь о 3-м австрийском корпусе у Робекко, что он после 3 час. упорного боя, наконец, самовольно сбросил свои непрактические тяжелые шинели, тогда становится очевидной отличная австрийская дисциплина [1]. Но при Маджente, где тактические соединения разложились, солдаты бросали не только шинели, но и ружья. Французы говорят, что они собрали 15 000—20 000 ружей от 30 000 бойцов пехоты, находившихся на правом австрийском крыле.

Между 5 и 6 час. остатки всех полков протискивались через Мадженту, чтобы достигнуть указанного сборного пункта у Корбетты. Оборону Мадженты приняла на себя пестрая смесь офицеров и солдат всех батальонов Клама. Несмотря на это, взятие селения потребовало тяжелой кровавой работы. Хотя Маджента не была приспособлена к обороне, но в ней было несколько массивных зданий, представлявших хорошие опорные пункты. Отдельные батальоны, еще сохранившие порядок, стояли на улицах в качестве резервов. У северного и западного выходов селения стала артиллерия. Она действовала хорошо, тогда как до сих пор из-за характера местности артиллерией мало пользовались с обеих сторон. Особенно много трупов французов лежало кучами у вокзалов. Но и вообще австрийцы защищали каждый дом и каждую стену. Из дивизии Винуа 2 батальона, перейдя мост через Навиглио, двинулись на Мадженту и помогли войскам Мак-Магона. При штурме церкви в Мадженте они потеряли половину своего состава.

Эспинасс сам был убит из штуцера тирольским егерем. Даже и теперь австрийцы имели последний шанс выиграть сражение. Вообще, если бы у них существовало управление боем, которое решилось бы ввести в дело последний резерв — дивизию Лилия, то естественное направление атаки этой части от Корбетты было бы во фланг дивизии Эспинасса. Неизвестно, отважился ли бы Мак-Магон использовать свой резерв — дивизию Каму, или он предпочел бы совершить отступательное движение. За второе предположение говорит чрезвычайная осторожность управления, которую мы отметили у этого генерала. Однако, и австрийское управление было чересчур осторожно, чтобы выпустить из рук свой последний резерв. Вследствие чрезмерной осторожности оно упустило случай победить на р. Дора-Балтеа, у Монтебелло, Новары и Понтенуово; теперь оно также испортило последнюю сцену маджентской драмы.

Отступательный бой, который дали разложившиеся австрийцы, настолько подействовал на нервы французов, что Флери написал своей жене, будто происходила чудовищная битва, как против кимвров и тевтонов. Моттеруж, бесспорно авторитетный судья, говорит в своих мемуарах: «Этот героический бой был одинаково почетен для обеих

[1] Очевидно, автор полагает, что при худшей дисциплине корпус сбросил бы шинели раньше.

армий, потому что обе выказали энергию, упорство, мужество и настоящий патриотизм, что дает славу при успехе и оказывает величайшую честь при неудаче».

Многим пленным офицерам Моттеруж возвратил их сабли.

Все это было совершено австрийцами потому, что при Мадженте они имели ясную, хотя и безнадежную задачу — чистую оборону. При Понтенуово и Робекко австрийцы сами не знали, чего хотели; они колебались между обороной для выигрыша времени и наступлением, а потому, несмотря на колоссальное превосходство сил, ничего не сделали. Эти храбрые войска были покрыты позором не вследствие собственного бунтовщического настроения, а только из-за отсутствия у их вождей определенного направления в стратегии и тактике, что объяснялось внутренними политическими затруднениями.

От 6 ч. 30 м. до 7 ч. 30 м. шел бой за Мадженту; потом обороняющийся отступил, не преследуемый, к счастью для него, потому что теперь он потерял последний остаток боеспособности. Солдаты не обнаруживали паники и бунтовщического настроения, но массой неудержимо хлынули назад, несмотря на все попытки привести их в порядок. Артиллерия и обозы запрудили дорогу, пехота двигалась напрямик по местности, но вскоре поля покрылись тысячами отсталых, которые свалились вследствие боевых трудов и форсированных отступательных маршей. Солдаты рассеивались также толпами по мызам в поисках воды и разных припасов. Наступление темноты и затруднения в языке, свойственные австрийской армии, сделали для офицеров почти невозможным сбор разбредшихся людей. Многие пошли не на Корбетту, а по направлению на Милан, по другой большой этапной дороге.

В Цислиано, где остановилась главная квартира Клама, ночью господствовало отчаянное настроение. Присутствовавший тут Гесс разделял это настроение. Между тем был получен приказ Гиулая из Робекко, помеченный 8 ч. 30 м. вечера 4 июня, предписывавший Кламу с 8-м корпусом на следующий день продолжать сражение. Этот корпус был на месте; он бивакировал у Бестацио. Но в Цислиано никто не считал возможным выполнить приказ Гиулая. Клам донес в Аббиатеграссо, что это значило бы совершенно погубить армию. Нельзя собрать одну роту, не говоря уже о батальоне. Реорганизация войск потребовала бы нескольких дней. Единственное спасение армии заключается в отступлении, и он уже приказал отступать по направлению на Бинаско. Изменить отданную уже им диспозицию он не имеет возможности: «Ввиду этого покорнейше и настоятельно прошу отменить отданный приказ».

Замечательный контраст с упадком духа правого австрийского крыла представляло повышенное настроение левого крыла — 3-го корпуса, к которому теперь примкнул 5-й корпус. Тут австрийцы держались в течение всего вечера 4 июня,— и если бы не отсутствие решительности и не медлительная тактика Гиулая, то фланговым ударом 3-го корпуса Наполеон был бы оттеснен в угол между Тиччино и Навиглио. В предположении, что сражение будет продолжаться 5 июня, бригада Гартунга и егерский батальон бригады Рамминга (обе части 3-го корпуса) произвели рано утром и в этот день атаку на часть д. Понтевеккио, расположенную на правом берегу Навиглио и накануне вечером взятую французами. После боя, стоившего обеим сторонам значительных потерь, австрийцы удержали спорный пункт.

Командир 3-го корпуса фельдм.-лейт. князь Шварценберг и ген.-майор барон Раммнг настойчиво убеждали Гиулая не уступать Кламу и продолжать сражение. Напротив, Цобель, одна дивизия которого не избегла катастрофы правого крыла, соглашался с Гиулаем. Он метко осветил военную обстановку и образ мыслей генералов одним из тех пессимистических сарказмов, которые после сражения при Ваграме были в моде в Австрии [1]. Тогда венцы говорили: «Веселее, все веселее!» Теперь Цобель, высказывая свое мнение против продолжения сражения, заявил: «Лучше быть наполовину общипанным, чем совсем посаженным на вертел».

Обратимся теперь к победителю. Мы оставили Наполеона в тот момент, когда ему ежеминутно приходилось опасаться быть сброшенным со своим правым крылом в воды, находившиеся позади и сбоку, в то время как он думал, что его левое крыло по ту сторону канала уничтожено. Правда, после того как австрийцы уступили позицию за Навиглио, император освободился от своего главного мучения — неизвестности о судьбе Мак-Магона. Этого австрийцы не сделали бы, если бы крыла Мак-Магона более не существовало. Наоборот, он должен был сильно наседать на австрийцев. Но правое крыло Наполеона, против которого наступали от Робекко не поддающиеся исчислению неприятельские силы, повидимому, все еще находилось в большой опасности.

Наступившая темнота освободила императора от этой заботы [2]. Потом прибыли также дивизии Трошю и Бурбаки 3-го корпуса, из состава которого дивизия Рено еще в послеобеденные часы находилась в бою [3].

Теперь французское правое крыло насчитывало 10 бригад, против фланга которых у Робекко стояли 8 австрийских бригад—3-го и 8-го корпусов.

Ночью 1-й французский корпус также двигался от Новары к полю сражения. Его нельзя было двинуть раньше, потому что между Новарой и Сен-Мартино можно было использовать для движения лишь шоссе и железнодорожную дамбу, а эти дороги после полудня 4 июня были заняты дивизиями Трошю и Бурбаки.

Дивизия Винуа 4-го корпуса сражалась с полудня у Понтенуово и Робекко; обе другие дивизии этого корпуса стояли у Трекате между Сен-Мартино и Новарой. Гогенлоэ рассказывает, что во время своих путешествий он познакомился с одним офицером, который в сражении при Мадженте принадлежал к императорской свите. По

---

[1] В сражении под Ваграмом (близ Вены) 5 и 6 июля 1809 г. австрийская армия эрцгерцога Карла была разбита Наполеоном, следствием чего был тяжелый для Австрии мир.

[2] Выше сказано, что войска Мак-Магона подошли к Боффалоре в 4 часа вместо назначенных 2 ч. 30 м., т. е. опоздали всего на полтора часа. Расстояние от Боффалоры до Понтенуово 1,5 км, а до железнодорожного моста через р. Тичино — менее 3 км. Таким образом, «главное мучение» Наполеона продолжалось недолго. Вообще автор в своем запутанном описании сражения преувеличивает кризис в положении французов, что особенно бросается в глаза при измерении на карте расстояний между пунктами.

[3] 1, 3 и 4-й корпуса имели каждый по 3 пехотные дивизии; гвардейский и 2-й корпуса — по 2 дивизии. Все австрийские корпуса имели по 2 дивизии, которые в 1, 5, 8, и 9-м корпусах состояли из 5 бригад, а во 2, 3 и 7-м корпусах — из 4 бригад.

Как сказано выше, бригада является пригодной единицей для сравнения сил австрийцев и французов. — *Прим. авт.*

его словам, он позволил себе обратить внимание императора на то, что можно и эти обе дивизии подтянуть к полю сражения, но предложение было отвернуто с недовольством.

Причина заключалась в том, что Наполеон все еще считался с возможностью присутствия больших неприятельских сил на правом берегу Тиччино. Развертывание многочисленных австрийских войск на левом берегу Тиччино было для него страшной неожиданностью; теперь он опасался испытать еще худшую — когда отряды противника начнут оперировать в его тылу—на коммуникационных линиях. Во избежание этой опасности он упорно держал дивизии Люци и Фалльи у Трекате даже тогда, когда на Навиглио была крайняя нужда в людях. Он полагал, что без этого прикрытия подвергнется опасности мост через р. Тиччино—единственный путь отступления.

Император не знал, что австрийцы уже 3 июня сожгли мост у Виджевано и Берегвардо [1], что указывало на отказ от операций в тылу Наполеона. Поэтому Наполеону казалось, что в Трекате необходимы большие силы. Вызванный из Новары 3-й корпус должен был у Трекате обойти главные силы 4-го корпуса, обозы которого затормождали шоссе. Несмотря на страшное давление, испытываемое его гвардейскими гренадерами на Навиглио, Наполеон мирился с этой потерей времени, как с абсолютно неизбежной.

Даже после очищения дорог 3-м корпусом и отступления австрийцев от Навиглио вперед были двинуты не оставшиеся у Трекате дивизии 4-го корпуса, а опять-таки 1-й корпус, направленный в обход, что являлось в ночное время особенно трудной операцией.

Для обеспечения своих дальнейших тыловых сообщений Наполеон поставил в Верчелли главные силы дивизии Отемара. Остаток ее находился в Алессандрии и Тортоне, сардинская дивизия Кукхиари — в Казале. Следовательно, численность войск, выделенных Наполеоном, была лишь немного меньше 9-го австрийского корпуса. Но тогда как выделение последнего являлось немотивированным ослаблением австрийской боевой силы, Наполеон действительно не мог оставить свои этапные дороги без прикрытия — и особенно если учесть, что и без того на них произошли задержки, так как движение армии влево вызвало перенесение главных складов из Генуи в Сузу.

Сверх того дивизия Кукхиари в Казале и части дивизии Отемара, стоявшие в Алессандрии и Тортоне, служили Наполеону для диверсионных целей.

В то время как правое крыло союзников вело бой у Понтенуово и Робекко, Наполеон еще раз послал майора Шмитца к Мак-Магону; потом он отправил туда же и полк. Тулонжона. Последний вернулся ночью. Наполеон, который в течение всего сражения абсолютно ничего не слышал о своем левом крыле [2], узнал теперь, что Маджента взята с большими потерями и что австрийское правое крыло начало

---

[1] Виджевано и Берегвардо находятся в 16 км друг от друга (см. общую схему 11). У какого же пункта был мост?

[2] Такое категорическое утверждение грешит явным противоречием. Ведь выше сам автор сказал, что Наполеон лично руководил боем, находясь даже в сфере ружейного огня, которая для тогдашних нарезных ружей составляла всего 1 200 шагов. Как же при таких условиях он мог не заметить происшедшего около 4 час. пополудни подхода войск Мак-Магона к Боффалоре, когда расстояние от этого пункта до Понтенуово составляет всего 1,5 км?!

отступление. Доклад Тулонжона не дышал радостью победы. Смерть Эспинасса и упорное сопротивление австрийцев занимали много места в этом докладе. Таким образом, у Наполеона составилось впечатление, что занятие Маджснты не имеет решающего значения и что на следующее утро сражение будет продолжаться.

Конечно, в общем ничего плохого не случилось, но все произошло иначе, чем рассчитывал Наполеон: неприятель развернулся на левом, а не на правом берегу Тиччино; в продолжение 5—6 час. сражения правое и левое крылья союзников имели так мало связи между собой, как будто они сражались в различных частях света [1]; главные силы 4-го корпуса, 1-й корпус и сардинцы вообще не были на поле сражения. Правда, наступление все-таки происходило! Однако, цель флангового марша союзников — развить «операцию», действуя охватывающим образом, — казалось, не была достигнута, потому что из доклада Тулонжона нельзя было вывести заключение, что 2 неприятельских корпуса разгромлены. Судя по этому докладу, неприятельское правое крыло с величайшими опасностями, усилиями и жертвами было только оттеснено на некоторое расстояние, так что на следующее утро приходилось ожидать новых больших боев. Считая обе сардинские дивизии, перешедшие р. Тиччино, которые могли быть привлечены на поле сражения, там собралось бы утром 5 июня 18 союзных бригад. Австрийцы имели 20; с дивизией Монтенуово они могли иметь 22.

Следовательно, шансы наступавшего дня, как они рисовались в голове недостаточно ориентированного Наполеона, были отнюдь не блестящи и притом их было тем меньше, что второй день сражения, даже при удаче для союзников, повидимому, не обещал им развития желанной операции.

Австрийцы стояли тылом к своему главному пути в четырехугольник крепостей. Напротив, Мак-Магон, если бы дело дошло до продолжения сражения, должен был сражаться тылом к Лаго-Маджиоре и Швейцарии; Наполеон — тылом к р. Тиччино, подвергаясь опасности быть атакованным в правый фланг, что могло безвозвратно загнать его в болота. Хотя эти опасности существовали уже 4 июня, но 5-го числа они представлялись Наполеону еще более грозными, потому что теперь австрийцы сосредоточились!

Наполеон рисовал себе следующую картину обстановки: предпринятый им обход не удался; противник на своем правом крыле отбит, но собирается с силами для нового прыжка; собственные силы раздроблены. От войны мысли императора перенеслись на политику. Если бы на второй день сражения ему не удалось одержать победы (не говоря уже о возможности уничтожающего поражения), а пришлось бы отойти за р. Тиччино, какие политические последствия угрожали бы в этом случае? В Париже его опасная союзница—революция — подняла бы голову против него самого; в Англии снова укрепилось бы почти павшее министерство тори; Германия, где пресса с начала войны требовала возврата Эльзас-Лотарингии, вспыхнула бы, как бочка с порохом!

---

[1] Преувеличение. Во всяком случае ответственность за отсутствие постоянной, непрерывной связи падает не на одного Мак-Магона, а также и на самого Наполеона.

Наполеон расположил свою главную квартиру в доме одного извозчика в Сен-Мартино. За ночь он не сомкнул глаз. В то время как арьергард 3-го корпуса—дивизия Бурбаки,—потом артиллерия и бесконечный обоз при свете факелов переходили поврежденный мост через р. Тиччино, в маленьком окне домика при тускло горящей свече можно было видеть императора французов, склонившегося над столом и читавшего полученные донесения или же в глубоком раздумье ходившего взад и вперед по комнате.

На 5 июня Наполеон отдал распоряжение: развести мост на судах у Турбиго и снова навести его у Сен-Мартино выше железнодорожного моста. Вследствие этого французская армия получала два пути отступления через р. Тиччино, но оба были расположены весьма неблагоприятно: не позади фронта, а на правом фланге. При таких условиях Наполеон не считал возможным и на следующий день обойтись без назначения значительного числа войск на правый берег реки. С другой стороны, он желал для сосредоточения сил на случай нового сражения перевести через р. Тиччино не только дивизии Фаллыи и Луци, получившие приказание выступить в 3 часа утра, но также и 1-й корпус. По этой же причине он отозвал сардинцев, стоявших у Турбиго и Кастано, обратно к Трекате, вместо того чтобы присоединить их к Мак-Магону. Здесь были 3 дивизии; четвертая сардинская дивизия, уже соединившаяся с Мак-Магоном, была оставлена близ Маджснты.

На мостах через Сезию у Верчелли Наполеон был столь же уязвим, как и на тиччинском мосту. Он приказал перевести оставленные в Алессандрии и Тортоне полки дивизии Отемара по железной дороге в Верчелли; туда же должна была спешно двинуться и дивизия Куккиари. Таким образом, он собрал на 5 июня в Верчелли эквивалент одного корпуса.

Утро этого дня принесло Наполеону вместо упрожавшей атаки левого австрийского крыла успокоительное донесение, что это крыло, как накануне правое, начало отступление: у Робекко более не видно ни одного австрийского солдата. Действительно, 5 июня австрийцы собирались у Фаллавеккиа и Бинаско; главная квартира оставалась в Аббиатеграссо. Наполеон отправился в Маджснту и тут сверх ожидания увидел, что предпринятый обход удался. Необозримое количество брошенных ружей и других предметов снаряжения доказывало разгром целых неприятельских корпусов. Неописуемые чувства императора выразились в том, что он сделал Мак-Магона маршалом и герцогом Маджентским.

Плоды победы пожинаются только при преследовании, но Наполеон не преследовал. Некоторые критики держатся того мнения, что Наполеону следовало по крайней мере перевести через р. Тиччино обе свои кавалерийские дивизии, бивакировавшие у Трекате; они могли захватить тысячи отсталых, которые брели по направлению на Милан; кроме того, они овладели бы обозами и артиллерийскими резервами 2, 3 и 5-го австрийских корпусов, которые собрались к северу от Кастеллето и могли быть вывезены самое раннее до полудня 5 июня. Однако, критики забывают, что часть утра 5 июня уже прошла, когда Наполеон начал чувствовать себя победителем и что выдвижение кавалерии через обе водные преграды потребовало бы многих часов. Что касается отсталых, — по большей части

венгров, подозреваемых верховным командованием, — то они вовсе не желали попасть в плен. Утром 5 июня они аккуратно явились в Милан и присоединились к дивизии Монтенуово и бригаде Тейхерта.

Другой вопрос: не следовало ли Наполеону атаковать пехотой и артиллерией австрийскую армию, собиравшуюся всего в полумиле от него? После отступления разгромленных у Маджснты войск австрийцы имели лишь 13 боеспособных бригад, Наполеон же после перехода всего 4-го корпуса через р. Тиччино располагал 22 бригадами. Наполеон I бесспорно произвел бы такой расчет, но Наполеон III считал иначе. Он полагал, что его бригады, бывшие в огне, также должны собраться прежде, чем двинуться против неприятеля. Свежих бригад он имел всего 11, так как на 1-й корпус в этот день уже нельзя было более рассчитывать, потому что мостовой материал из Турбиго и сардинцы начали прибывать в Сен-Мартино лишь после полудня. Наполеону показалось слишком смелым с 11 бригадами атаковать 13 бригад, хотя из последних только 9 было свежих. Остальные бригады принадлежали к 3-му австрийскому корпусу, мужество коего хотя и не было сломлено, но который все-таки понес чувствительные потери.

Само собой понятно, что деятель-Наполеон не так ясно оценивал соотношение сил у противника, как историк, имеющий в руках сочинение австрийского генерального штаба. Однако, необходимость принимать ответственные решения на основании более или менее неточных данных принадлежит к самому существу военного искусства, которое и есть именно искусство, а не математика. Великий полководец должен обладать чутьем. Он должен также иметь железные нервы. Но Наполеон III после пережитых им разочарований и испытанных опасностей уже начал нервничать. Хотя он опять взялся за портсигар, но сделал то, чего не должен делать истинно великий полководец: во избежание дальнейшего риска, он удовлетворился частичным успехом, и Маджента осталась сражением, не доведенным до конца.

«Австрийская армия избегла катастрофы вследствие отсутствия преследования... Видимо, Наполеон не знал, как использовать свою победу; дядя распорядился бы иначе». Этот приговор подполк. Бартельса формулирован очень резко, но действительно австрийская армия была бы, вероятно, не только наполовину «ощипана», но и совсем «посажена на вертел», если бы Наполеон 5 июня вел преследование с крайним напряжением сил.

При Монтебелло его свита сделала верное наблюдение: ужасы поля сражения произвели столь глубокое впечатление на него, штатского полководца, что от этого пострадала свобода его духа. Вид трупов у Монтебелло подготовил то душевное состояние, в котором Наполеон отказался от марша на Пиаченцу (замысел, подобный Маренго). Колоссальные потери гвардейских гренадер, гвардейских зуавов и 85-го линейного полка из дивизии Винуа много способствовали ослаблению стратегической гибкости императора 5 июня. Средняя потеря участвовавших в бою войсковых частей не была чрезмерно велика. Сражалось 32 000 чел., из которых 4 535 были убиты или ранены. Нельзя было говорить о гигантских размерах сражения. Но именно это обстоятельство способствовало подавлению мужества Наполеона. Сквозь тщательно взвешенное описание, имеющееся

в труде французского генерального штаба, звучат уже те горькие упреки, которые делал себе император за то, что вступил в большое сражение (таким была Маджента, несмотря на ограниченное число участвовавших в нем войск) только с головными частями своей армии. Задним числом он упрекал себя в раздроблении своих сил; было огромной ошибкой, что при Галлиате он отказался от двух сардинских дивизий вместо направления их с Мак-Магоном через р. Тиччино; а особенно серьезной ошибкой было то обстоятельство, что для атаки на Понтенуово он не привлек 1-го и 3-го корпусов.

Эти самоупреки не имели под собой оснований. Движения неприятеля на войне обыкновенно могут быть наблюдаемы лишь через густую завесу. Даже усовершенствованные разведывательные средства позднейшего времени не могли в этом отношении произвести радикальной перемены, а в данном случае их не было в распоряжении Наполеона. Если он предполагал, что Гиулай еще находится на правом берегу Тиччино и сообразно с этим распределил свои войска, то это предположение бесспорно было ошибкой, но и величайшие полководцы в истории впадали в такие же крупные заблуждения. Правда, Ниель судил вернее Наполеона, но он не нес на себе ответственности; неизвестно, сколько корпусов он назначил бы для обеспечения своего тыла, если бы был на месте Наполеона.

Душевное состояние Наполеона 5 июня освещается письмом Флери к его жене. В своей корреспонденции обер-шталмейстер Наполеона часто выдает мысли, чувства и даже слова императора за свои собственные. Он пишет: «Одержана победа, но сколько слез, сколько крови! Я думаю, что если бы нужно было начать снова, то император этого не сделал бы».

Когда Наполеон на опыте узнал, как ужасна война и как язвительно она глумится даже над самым острым разумом, им овладело пацифистское настроение. Он высказывал мнение, что война не укладывается в рамки современной цивилизации; последняя разумна, в войне же все зависит от случая.

Факт, что Наполеон не довел сражения при Маджента до конца, страшно повредил его престижу в собственной армии; его оценили как полководца значительно ниже действительного достоинства. Еще более резкая критика обратилась против вновь испеченного герцога Маджентского. Армия насмехалась, будто Мак-Магон сделан маршалом и герцогом за то, что прибыл вечером, когда мог прибыть утром [1]. Страстный Ниель говорил, что вместо почестей его следовало бы предать военному суду. Скептик Вальян напевал песенку из оперетки:

Et si j'ai gagné la bataille
C'est que j'avais un bon cheval;
Si je suis nommé capitaine
Il doit être au moins général [2].

Все сходились на том, что Мак-Магон награжден столь выдающимся образом не по военным, а по политическим соображениям.

[1] Армия не насмехалась над Мак-Магоном, потому что, как сказано выше, он был в ней чрезвычайно популярен, а насмехались над ним его соперники.

[2] Если я выиграл сражение, то это потому, что у меня была хорошая лошадь; если меня произвели в капитаны, то моя лошадь должна быть по меньшей мере генералом.

Император хотел польстить как легитимистам, к которым Мак-Магон принадлежал по своему рождению, так и либералам, боготворившим его за то, что в сенате он один голосовал против антиреволюционного отдельного законодательства. Говорили, что столь благородный жест Наполеона в отношении человека, боровшегося против его политики, одинаково служит к славе награждавшего и награждаемого. Наполеон был достаточно умен и великодушен, чтобы иметь возможность поступать так, как ему приписывали, но, несомненно, и с военной точки зрения награды, данные Мак-Магону, были уместны. Двигаясь со своими двумя корпусами французов и сардинцев от Турбиго на Мадженту и Боффалору, Мак-Магон был окружен неприятельскими массами, силу которых он никак не мог определить. В действительности, это были дивизии Урбана и Кордона, 2-го и 7-го корпусов, т. е. эквивалент 3 корпусов. Но ночью к подчиненным Кламу войскам присоединился еще 8-й корпус, а уже 4 июня против левого фланга Мак-Магона стояла прибывшая в Милан дивизия графа Монтенуово (одного корпуса с дивизией Кордона).

Таким образом, в австрийской армии на левом берегу Навиглио были 1, 2, 7 и 8-й корпуса и дивизия Урбана, всего 4½ корпуса, тогда как Мак-Магон имел только 2 корпуса, с которыми должен был пробиваться на соединение с другим французским крылом. Даже его порицатели говорят, что он ни в коем случае не уклонился бы от этого боя. Он имел инструкцию итти на Мадженту и Боффалору и пошел бы, хотя бы в пути ему пришлось натолкнуться на еще большие массы противника.

Сочинение французского генерального штаба настроено в отношении Мак-Магона в критическом тоне, который был дан его товарищами тотчас же после его возвышения.

В очень тонкой форме и с полным основанием высмеиваются ученые маневры Мак-Магона. Действительно, они совершенно напрасно удлиняли для него самого и для Наполеона опасное время, так как австрийская пехота по маневроспособности уступала французской, а потому была привязана к проложенным дорогам и не могла наступать в каком-либо ordre de marche pour le combat.

Напротив, порицая Мак-Магона за то, что он употребил против защитников Мадженты только 2-й корпус, не введя в дело также и дивизию Каму, сочинение французского генерального штаба упускает из виду ту огромную опасность, в которой находилось левое крыло. Мак-Магон обнаружил совершенно верное чутье, задержав резерв, потому что на противной стороне дивизия Лилия также стояла в резерве в непосредственной близости. В случае, если бы она двинулась во фланг французам, атаковавшим Мадженту, и этот удар не был бы отбит, такой маневр имел бы неисчислимые последствия.

Мак-Магон не был великим полководцем, но он являлся крупным генералом, и Наполеон рассуждал не только политически, но и по-военному, когда награждал его чрезвычайно щедро. После Мадженты он дал маршальский жезл также и командиру гвардейского корпуса, графу Ренью де-Сен-Жан д'Анжели, но против своей воли, только по настоянию окружающих. В этом вопросе Наполеон также судил здраво, — по крайней мере его мнение вполне понятно: гвардия выказала себя отлично, но только в пассивной обороне; Ренью де-Сен-Жан д'Анжели не нес на себе бремени собственной ответственности, как Мак-Магон.

Рассказывают, что Даву просил Наполеона I сделать его герцогом Ауэрштедтским, но император сначала отказал, сказав: «Покорнейше благодарю; герцог Ауэрштедтский — это я сам»[1].

В этом смысле порицали и Наполеона III за то, что он возвел Мак-Магона в герцоги Маджентские, потому что в действительности сражение выиграл сам император. Эту критику можно допустить, но она нисколько не унижает истинного победителя при Маджентe.

Австрийцы также сражались при Маджентe только головными частями и ввели в бой около 39 000 чел. Они потеряли 16 000 чел., из которых несколько тысяч отсталых опять присоединились, так что потеря должна быть определена в одну треть численности участвовавших полков. В плен попало 3 000 австрийцев, трофеями французов были лишь 1 знамя и 4 пушки. Значит, Маджента ни в коем случае не была катастрофой для австрийской армии. Происшедшая вследствие Мадженты перемена в численном соотношении обеих армий — на 12 000 чел. во вред австрийцам — была выравнена прибытием на театр войны дивизии Монтенуово. Так как Гиулай с самого начала хотел отойти в четырехугольник крепостей, к своим подкреплениям, — а его образ мыслей отражал общее мнение, — то, несмотря на поползновения Шварценберга и Рамминга, нельзя было серьезно думать о втором сражении для обороны Милана. Что же касается чести, то для нее было сделано достаточно. Ввиду этого приказ об очищении Милана остался в силе; но только прежде эта мера замышлялась как временная, теперь же город переходил в руки неприятеля окончательно.

Утром 5 июня миланский гарнизон и дивизия Монтенуово отступили так поспешно, что даже оставили денежную наличность кассы. Однако, хотя в Милане и были брошены многие запасы, но—что самое важное—подвижной состав железной дороги был отправлен в Верону. Тысячи вагонов с больными, ранеными и съестными припасами сопровождали отступавшие войска; кроме того, было «много отсталых и мародеров».

Жители Милана стреляли по арьергарду австрийцев, и несколько солдат было убито. Население выстроило баррикады, — совершенно бесцельная трата сил. До выступления войск миланская демократия не отваживалась шевелиться. Однако, указанные незначительные инциденты произвели тягостное впечатление в австрийской главной квартире. Как ни мала была непосредственная физическая сила революции, но австрийское верховное командование полностью оценивало и даже переоценивало опасность разрушительных невесомых величин. Австрийцы упускали из виду, что они могли еще не опасаться революции и что вследствие пессимизма, заразившего их военное командование, они сами освобождали связанные революционные силы. Однако, они ясно сознавали моральную невозможность своего внутреннего строя. Заменить его другим, имевшим будущность, было особенно трудно в этом государстве, а во время войны нельзя было и думать о реформах.

Павия была также очищена. Несмотря на огромное военное имущество, вывезенное по р. По при помощи буксирных пароходов Ллойда, остались ценные запасы,— частью в цитадели, частью на судах, — потому что буксиров нехватало. Бронзовые орудия были

[1] Все-таки Даву получил и носил этот титул.

отвезены по р. По, чугунные — заклепаны; боевые припасы массами потоплены в реке.

После этого австрийская армия повернулась тылом к р. Тиччино и отступила 6 и 7 июня к р. Адде, следующему удобному оборонительному рубежу по пути к четырехугольнику крепостей. В связи с этим мы еще раз вернемся к методу, примененному Гиулаем при защите р. Тиччино. Мольтке выставляет тезис, что Гиулая следует упрекать не столько за то, что он проиграл сражение при Маджженте, сколько за то, что он вообще его принял. Он должен был отвести Клама назад к Аббиатеграссо и затем предоставить Наполеону 5 или 6 июня двигаться на Милан мимо сосредоточенных австрийских сил. При этом Мольтке предполагает само собой понятным, что Гиулаю следовало подтянуть к себе и 2-й корпус от Страделлы и Пиаченцы — требование, не выполнимое для австрийского верховного командования при его настроении. Но если бы даже Гиулай сосредоточил у Аббиатеграссо все свои силы, включая 9-й корпус и дивизию Монтенуово, то все-таки набралось бы лишь 140 000 австрийской пехоты против 150 000 франко-сардинской, т. е. соотношение сил было бы менее благоприятно для австрийцев, чем при Сольферино. Там же, как мы увидим, они начисто проиграли фронтальное сражение, которое, по мнению Мольтке, должны были дать при Аббиатеграссо.

В распоряжении Мольтке не было еще материалов, опубликованных в сочинении австрийского генерального штаба. В настоящее время видно, что при обороне р. Тиччино Гиулай распорядился совершенно правильно, распределив свои силы вдоль левого берега реки на протяжении большого перехода. Таким способом он создал обстановку, дававшую ему возможность в отдельности атаковать и разбить голову правого крыла противника и все его левое крыло. Победа его была бы обеспечена, если бы он не испортил безукоризненную стратегическую подготовку сражения на р. Тиччино грубыми тактическими упущениями.

Но и при существовавших условиях австрийцы были близки к тому, чтобы выиграть сражение как на своем правом крыле, так и на левом. Теперь когда Наполеон совсем не использовал с трудом одержанную им победу, а 5 и 6 июня простоял на месте для сбора войск, не решившись даже занять близкий Милан, этот ошеломляющий факт странным образом отозвался на австрийской армии. Insurrezione generale e immediate[1], которое у итальянцев никак не хотело налаживаться, восторжествовало среди австрийского генералитета в Кодоньо — новой главной квартире Гиулая, и Вероне, в военной свите Франца-Иосифа. Шварценберг и Рамминг, продолжавшие протестовать против отступления к четырехугольнику крепостей, нашли теперь общую поддержку. Утверждали, что при Маджженте сражались все французские корпуса и притом с такими огромными потерями, что армия безнадежно расстроена, и Наполеон не может думать о дальнейшем наступлении. Сражение выиграно не Наполеоном, а Австрией, и нужно верить слухам, что союзники уже начали отступать за р. Тиччино.

Бартельс не без основания говорит, что Гиулай был умнее всех своих генералов; он смеялся над этим Afterthoughts[2]. Однако, из

[1] Восстание общее и немедленное.
[2] Задние мысли.

Вероны он получил приказание не продолжать отступления в четырехугольник крепостей, а удерживать линию Адды, а если возможно, то и Павию на р. Тиччино. Впрочем Гиулай был извещен о второй миссии Гесса, который из Аббиатеграссо приехал обратно в Верону.

Сознавая свою моральную изоляцию, Гиулай чувствовал себя слишком слабым для прямого противодействия Вероне и потому повиновался ее невозможным указаниям. За исключением 8-го корпуса, составлявшего при Меленьяно и Лоди арьергард армии, все войска 8 июня уже выступили от Адды, когда из главной квартиры Гиулая в Кодоньо они получили контрприказ и должны были в знойную погоду еще раз совершить пройденный уже ими большой переход. На эту послушную армию возлагались все новые бесплодные лишения. Например, 7-й корпус в 3 ч. 30 м. утра выступил из Лоди, а в 8 час. вечера вернулся туда. Бригада Бильс 5-го корпуса утром была отправлена на повозках в Павию, которую она снова заняла после 15 час. мучений.

Обозы армии, также получившие через посланных офицеров контрприказы, повернули обратно и громоздко передвинулись за отдельные корпуса.

В течение дня в Кодоньо были получены донесения, что французы накануне заняли Милан и теперь большими массами дебушируют из этого города по шоссе в Меленьяно и Лоди. Соответственно этому Гиулай приказал Куну разработать на 9 июня план контрнаступления. Кун составил приказ, на основании которого в 6 час. утра 5-й корпус должен был снова выдвинуться к р. Тиччино в Павию, куда одна бригада его уже была направлена. Одновременно 3-й и 2-й корпуса и дивизия Кордона 1-го корпуса должны были наступать к Ландриано. Командир 3-го корпуса Шварценберг командовал всеми этими войсками. Приказ направлял 8-й и 7-й корпуса, под начальством Бенедека, на Меленьяно. Позади этой колонны дивизия Монтенуово 1-го корпуса, которую теперь присоединили к армии, должна была охранять мост у Лоди. Она не подчинялась Бенедеку, а тяготела к дивизии Урбана на Средней Адде.

Главная армия установила также связь с 9-м корпусом. Он стоял в Кодоньо, но для наступавшего дня был направлен в общий резерв в Сен-Анжело.

Каждая из трех главных колонн получила указание: в случае, если она наткнется на неприятеля не в превосходных силах, атаковать его, при очевидном же численном превосходстве противника в серьезный бой с ним не ввязываться. Кун надеялся, что где-нибудь удастся нанести фланговый удар, который австрийцы упустили произвести при Робекко. В отношении численности австрийцы были, пожалуй, достаточно сильны для наступления: 124 000 чел. пехоты против 136 000 чел. союзников. Но какие бы басни ни рассказывались о моральном потрясении французской армии, в ней все-таки не было двух корпусов, побросавших свое оружие на поле сражения. Невесомые величины, а не числа, были решающими в вопросе о том, способна ли австрийская армия вновь наступать. Так рассуждал и Гесс, появившийся после полудня 8 июня в Кодоньо. По соглашению с Гиулаем он отверг возобновление наступления, приказал поспешно отступать на Мантую и выехал обратно в императорскую главную квартиру.

Так оба разумных генерала расстроили неясные поползновения большинства генералов. Но храбрые австрийские войска должны были в бесполезном бою при Меленьяно заплатить своей кровью за ослушание частных начальников.

Глава V

Бой при Меленьяно (8 июня 1859 г.) Принц Наполеон и французский флот

Сражение при Мадженте произошло 4 июня; до 8-го числа император Наполеон в сущности лишь сосредоточивал свои силы. В этот день он опять попытался, как раньше против Урбана, одержать частный успех. На этот раз целью была бригада Родена, которая у Меленьяно составляла передовую часть расположения Гиулая. Рано утром 8 июня от Милана выступили 2 корпуса, чтобы отрезать Родена. Эта армия, как можно ее назвать, состояла из 1-го корпуса маршала графа Бараге-д'Илье, не сражавшегося при Мадженте, и 2-го корпуса Мак-Магона. Бараге, как старший, командовал обоими корпусами.

В то время как главные силы австрийцев 8 июня продолжали отступление к четырехугольнику крепостей, чтобы потом вернуться на оставленные позиции, 8-й корпус в качестве арьергарда оставался у Лоди и Меленьяно, откуда заметил наступление армии Бараге. Было еще очень рано; из Лоди только что под'ехали повозки с котлами для приготовления горячей пищи войскам Родена. Последний при своем выдвинутом положении сильно взволновался: на пересеченной местности ему померещились красные панталоны, и он приказал повозкам с котлами повернуть обратно, а войскам стать в ружье. Однако, это была ложная тревога; говорят, что Роден принял толпу женщин, которые в этой местности носят красные юбки, за неприятельские красные панталоны. Прискакал Бенедек. Он рассвирепел на Родена и — вспыльчивый как всегда (Бартельс характеризует этого венгра Бенедека как полудикого гунна) — сменил Родена. Вместо него командование в Меленьяно принял начальник той же дивизии фельдм.-лейт. Бергер.

Бенедек оставался в Меленьяно до 3 час. пополудни; затем он вернулся в Лоди, потому что в этот день уже более не ожидал неприятельской атаки. Но Бенедек не понял психики Наполеона. У последнего были под рукой только 5 французских корпусов; оба сардинских корпуса достигли Милана лишь в течение 8 июня. При Мадженте французская армия была втянута в сражение — помимо воли императора — раньше, чем он успел сосредоточить свои силы. Это не должно было повториться. 8 июня Наполеон не желал генерального сражения без сардинцев: он не хотел ни атаковать, ни быть атакованным. Он правильно чувствовал, что последнее может произойти. Не желая, чтобы из его попытки отрезать одну бригаду у Ме-

леньяно развилось общее сражение[1], император сделал именно то, что Бенедек считал невероятным: он приказал атаковать в позднее время. Между тем, по распоряжению Бенедека, повозки с котлами опять подъехали к бригаде Родена; но раньше чем войска могли сварить пищу, начался бой. В 5 ч. 45 м. дивизия Базена 1-го корпуса перешла в наступление против Меленьяно. Она направилась по шоссе, чтобы произвести атаку с фронта. Дивизия Форея того же 1-го корпуса свернула с шоссе у Сен-Донато[2] и двинулась на Педриано с намерением посредством наступления через Риоццо до Черро отрезать австрийцам отступление на левый берег Ламбро.

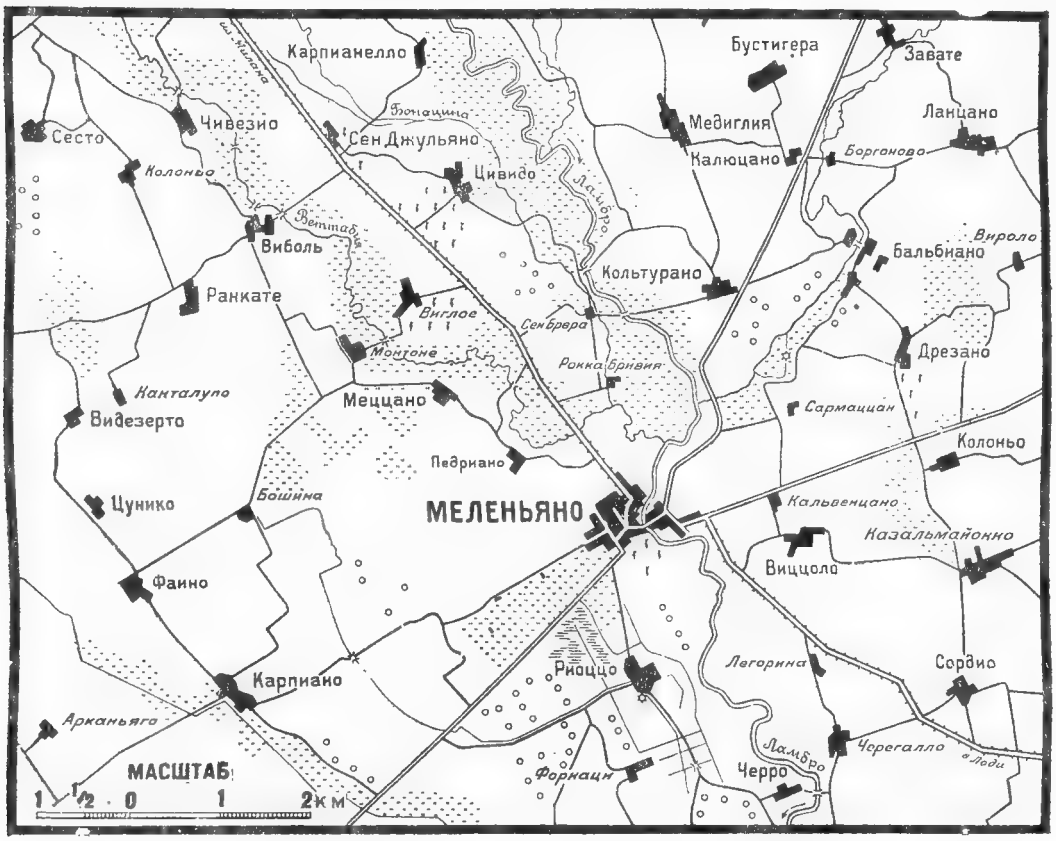


Схема 15 Район боя при Меленьяно (8/VI 1859 г.).

Последняя дивизия 1-го корпуса под начальством ген. Ламиро наступала против другого крыла австрийской бригады, причем свернула с шоссе у Сен-Жульяно, взяв направление на Рокка-Бривиа.

Крайним слева приближался 2-й корпус, двигавшийся через Мединлию и Балбиано. Потом он должен был итти через Дрезано на Сордио и таким способом вдвинуться между Меленьяно и Лоди.

Маршал Бараге-д'Илье был ветераном войн Первой империи, в которых он потерял руку. Теперь он страдал подагрой и ревматизмом, что совершенно деформировало у него один коленный сустав и причиняло сильнейшие боли. Он не обращал на это внимания, так

[1] Автор говорит «allgemeines Treffen», что значит буквально «общая стычка» (?).
[2] См. схему 15 и общую схему 11.

как по выражению своих соотечественников был человеком из извести и железа. Автор большого романа о Канробере рассказывал о смерти Бараге, происшедшей в 1878 г., следующее. Имея за плечами 83 года и будучи вполне бодрым, он находился на одном курорте и однажды утром заметил, что во время сна с ним случилось то, что бывает с ребенком в пеленках. Перспектива впасть в детство испугала его. Быстро решившись, он разослал маршалам и вдовам маршалов свои визитные карточки с надписью P. P. C. [1], после чего застрелился.

В отличие от Мак-Магона Бараге был мало любим в войсках. Они говорили о нем (как и о Пелиссье), что для него их жизнь безразлична, лишь бы была достигнута цель.

Можно быть нечувствительным к физическим страданиям и опасностям и несмотря на это не обладать особенно большим моральным мужеством. Именно стратегическая смелость является совсем редким даром. Бараге стоял с 2 корпусами против 5 способных к операциям австрийских корпусов, в которых горел наступательный дух. Впрочем 4-й французский корпус стоял всего лишь в полумиле от правого крыла Бараге, у Карпиано, но не был ему подчинен. Остальные войска союзников, 3-й корпус, гвардия и сардинцы, были расположены биваком близ Милана, в полупереходе от армии Бараге. При таких условиях Бараге чувствовал себя изолированным и действовал очень осторожно. Поручив Базену и Ламиро атаку, он держал Форея в резерве. Таким способом он приобрел в смысле своего прикрытия относительную независимость от 4-го корпуса, которым не мог прямо распоряжаться, но зато ослабил силу атаки и уменьшил шансы охвата.

Сочинение французского генерального штаба говорит, что Форей вследствие дурных дорог не мог продвигаться вперед, но такое объяснение его невступления в бой слишком мало учитывает индивидуальность победителя при Монтебелло, чтобы казаться убедительным. К тому же 17-й егерский батальон, принадлежавший к дивизии Форея, принимал участие в штурме Меленьяно. Но самое важное — то, что корпусная артиллерия шла по тем же дорогам, как и дивизия Форея, и все-таки своевременно прибыла на поле сражения.

Правда, местность для подхода французов была особенно трудная. Дивизия Ламиро могла лишь с величайшей потерей времени продвигаться между Сен-Джульяно и Сен-Брера, потому что многочисленные ирригационные каналы мешали движению, — особенно Веттабия, на которой австрийцы разрушили мосты. Французам вода была по пояс. Потом они дошли до р. Ламбро, на которой лежит Меленьяно. Река оказалась настолько глубокой, что уже в нескольких шагах от берега была непроходима вброд.

Ламиро мог преодолеть это препятствие, только отказавшись от проектированного глубокого обхода и направившись прямо на Меленьяно. Несмотря на это, он все-таки опоздал настолько, что его атака не совпала с атакой Базена. Бараге должен был окружить бригаду Родена 3 дивизиями. Но что из этого вышло? — Лобовая атака одной единственной бригады.

Шоссе, по которому бригада Гозе дивизии Базена двигалась на штурм Меленьяно, представляло дефиле: с одной стороны проходил канал Редефоссо, глубиной в несколько футов и шириной 25—30 фут.,

[1] Pour prendre congé — с прощальным визитом.

с высокими, крутыми берегами, с другой стороны было такое же препятствие, — так что бригада Гозе не могла свернуть в бок, а должна была итти напрямик в пасть австрийской батареи, продольно обстреливавшей шоссе. Огонь этой батареи против 3-го полка зуавов, находившегося в голове бригады Гозе, был уничтожающим. Полк потерял треть рядовых и половину офицеров.

Фронтальная атака дивизии Базена сама по себе никогда не привела бы к цели, но вскоре ее выручила дивизия Ламиро, которая под конец с довольно большим трудом перешла канал, впадавший в р. Ламбро. После этого, около 7 ч. 45 м., фельдм.-лейт. Бергер приказал очистить Меленьяно; следовательно, этот пункт защищали ровно 2 часа. Австрийская батарея, стрелявшая до последнего момента, отошла карьером по каменному мосту на арках на другой берег Ламбро, оставив только одно подбитое орудие.

Австрийская пехота отступила не столь удачно. Бригаде Родена пришлось пробираться между дивизиями Базена и Ламиро, вторгшимися в Меленьяно с разных сторон и соединившимися на рыночной площади; затем бригада должна была переходить по единственному мосту через р. Ламбро. Со стороны своего правого фланга австрийские начальники заметили 2-й французский корпус, шедший от Балбиано на Дрезано, чтобы преградить бригаде Родена путь на Лоди. Впрочем по другому берегу Ламбро наступала также бригада Боера, составлявшая вместе с бригадой Родена дивизию Бергера. Но одна дивизия против пяти все-таки оставалась таким неравенством сил, которое смущало австрийских начальников при их распоряжениях.

В шуме боя ни сигналы на барабане и рожке, ни голос команды не были слышны, и люди вышли из управления офицеров. При таких условиях французы взяли много пленных. Два офицера с батальонными знаменами полка кронпринца Саксонского в руках и около 20 солдат бросились в бурную реку. Офицеры со знаменами и 6 чел. достигли противоположного берега, остальные погибли в волнах.

Спасение дивизии Бергера зависело от действий Мак-Магона. Дивизии Базена и Ламиро, проведя в знойную погоду 14—15 час. на ногах, вряд ли сохраняли достаточно сил, чтобы форсировать р. Ламбро и уничтожить Бергера во время его отступления к главной австрийской позиции.

У Бальбиано, где его войска уже стояли биваком от 1 до 2 час., Мак-Магон слышал канонаду близ Меленьяно. Расстояние между этими пунктами составляет около получаса ходьбы [1]. 2-му корпусу следовало немедленно итти на Сордио, но Мак-Магон был для этого слишком осторожен. Он учел, что против него целая неприятельская армия и что его левое крыло висит в воздухе. Таким образом, с 21 батальоном он остался стоять у Бальбиано, выслав только 6 батальонов на Сордио. Собственно, и этих войск было достаточно, чтобы совместно с Базеном и Ламиро создать катастрофическое положение для 10 австрийских батальонов. При порядках, существовавших в австрийской главной квартире, было невероятно, чтобы войска, стоявшие у Лоди, — другая дивизия 8-го корпуса и 7-й корпус — пришли на помощь дивизии Бергера.

[1] По приложенному плану от Бальбиано до Меленьяно 4 км, следовательно, не полчаса хода, — особенно, принимая во внимание, что местность была изрезана ирригационными канавами.

Однако, ударная группа 2-го французского корпуса должна была спешить, если хотела довести операцию до конца. Но тут Мак-Магон сделал из осторожности как раз то, что более всего могло задержать движение: он приказал у Дрезано построиться в батальонные колонны. Если быстрое продвижение через хаотическую сеть широких ирригационных канав имело решающее значение, то следовало использовать подвижность и находчивость одиночных людей, — именно те солдатские качества, которыми особенно гордилась французская армия. Мак-Магон также разделял эти чувства, но скорее в теории, на практике же трезвый реалист неохотно на них полагался.

Сомкнутые батальонные колонны должны были пройти до Сордио только 2 км[1], но они употребили на это так много времени, что слишком поздно прибыли к цели. Тем временем австрийцы вывели из Меленьяно обоз и вынесли раненых, преимущественно на ружьях. Для прикрытия этого движения дивизия Бергера заняла позицию сначала у Каза Бернардо и Виццола, а потом, когда ударная группа 2-го французского корпуса стала угрожать ей обходом, у Остериа Биссоне. Между тем наступила ночь, и вдобавок разразилась гроза. Как раньше 1-й корпус после взятия Меленьяно, так теперь 2-й корпус после занятия Сордио отказался от дальнейшего наступления. Только две батареи Мак-Магона пытались еще нанести потери австрийцам. Сочинение французского генерального штаба признает: «Это была единственная боевая помощь, оказанная 2-м корпусом».

Тактическая и стратегическая несостоятельность Мак-Магона не нанесла никакого ущерба его популярности в войсках. Ведь казалось, что его система управления войсками в бою бережет солдатские жизни. Наряду с Мак-Магоном на Малаховом кургане и Мак-Магоном, показывающим острием шпаги на маджентскую колокольню, в традициях французской армии живет также пластически отчетливый образ Мак-Магона при Меленьяно, промоченного до костей проливным дождем и ночующего среди своих войск.

Меленьяно было небольшим делом: 1 400 чел. потерь с австрийской и 900 — с французской сторон. Но как соломинка указывает направление ветра, так и этот незначительный бой вполне об'ясняет нам низкий уровень стратегического искусства обоих противников. Наполеон сумел использовать победу при Маджента лишь для попытки отрезать выдвинутый вперед небольшой отряд противника. Для трех его корпусов эта попытка заключала в себе опасность столкнуться со всей неприятельской армией, а потому была проведена плохо. Во французской армии говорили, что столь бессмысленной фронтальной атаки, какую произвела дивизия Базена, мог потребовать от войск лишь зверский Бараге. Флери писал, что на армию произвело дурное впечатление принесение в жертву 3-го полка зуавов. Наполеон пытался свалить с себя ответственность, приказав, чтобы впредь такие лобовые удары не повторялись. Историк некомпетентен в таких чисто военных технических вопросах[2]. Несомненно,

---

[1] От Дрезано, где были построены батальонные колонны, до Сордио не 2, а 4 км, до шоссе же еще больше.

[2] Мысль о некомпетентности правильная; к сожалению, Даниэльс не руководствуется ею в других местах своих пространных военно-исторических исследований.

однако, что если Меленьяно принесло французам лишь полууспех, то главной причиной этого была половинчатость стратегического замысла, а не какая-либо тактическая ошибка.

При желании Наполеона «достигнуть операций» [1] ему следовало вместо того, чтобы тащить сардинцев позади себя на Милан, направить их на Ваприо и Кассано, где неспособная к операциям дивизия Урбана не смогла бы удержать линию р. Адды. В сочинении французского генерального штаба император оправдывается тем, что ему пришлось бы сначала собрать средства для преодоления препятствий, так как неприятель, наверное, взорвал бы все мосты. Установлен факт, что австрийцам это не удалось. Мы знаем, что взрыв моста у Сен-Мартино не мог быть выполнен, так как часть нужного пороха была отправлена в Кассано. Тут были две пары мостов: одна пара шоссейных и другая железнодорожных. Мосты находились на канале Муцца и на главном рукаве р. Адды.

Из этого комплекса мостов австрийцы смогли разрушить лишь мосты через канал Муцца, мосты же через р. Адду по недостатку пороха остались неповрежденными. Еще менее справились австрийские саперы с остальными мостами на австрийских военных дорогах.

Итак, не военно-технические, а психологические причины объясняют, почему Наполеон не сделал попыток охватить сосредоточенных у Лоди австрийцев. Его духовная упругость, подвергшаяся тяжелому испытанию, не выдержала. По его мнению, в будущем уже никогда не следовало двигаться врозь, а все должны были оставаться вместе. Стратегически это было неверно и вообще на продолжительное время невыполнимо, но для Наполеона пока сделалось догматом, потому что, извлекая доктрины из своих последних опытов, он и в этом отношении не походил на своего дядю. Бой при Меленьяно погубил 3 французских и 5 австрийских батальонов. Этого не случилось бы, если бы австрийские корпусные командиры и офицеры генерального штаба, — вместо того чтобы «делать революцию», — слушались Гиулая и продолжали отступление. Ничто так не понижает стратегического искусства, как непризнание подчиненными авторитета полководца.

В ночь после Меленьяно и на следующий день 9 июня авторитет Гиулая опустился до своего надира [2]. Тот факт, что бригада Родена ушла с потерей 40%, австрийские генералы истолковали как победу. Они говорили, что французы с 66 батальонами и 114 орудиями атаковали 10 австрийских батальонов при 16 орудиях и все-таки не достигли своей цели. В этом была доля истины, но когда после Меленьяно генералы особенно настаивали, чтобы Гиулай удерживал линию р. Адды и даже произвел контрудар против Милана, они игнорировали те моральные антецеденты [3], которыми армия была обременена вследствие бессмысленного ведения похода.

После того как Гесс приказал отступать к четырехугольнику крепостей, Гиулай установил принцип, что темп этого отступления должен зависеть от противника: если он не будет теснить, то медленный,

---

[1] То-есть не ограничиться одним тактическим успехом в сражении, а добиться стратегических результатов.

[2] В астрономии — низшая точка, прямо противоположная зениту.

[3] Прошедшие случаи, из которых можно сделать выводы для аналогичных будущих.

в противном же случае быстрый отход. Теперь, когда французы перешли в наступление через Милан, Гиулай полагал, что нельзя более медлить с занятием линии р. Адды, и приказал в 11 ч. 30 м. ночи 8 июня, чтобы на следующий день армия сосредоточилась на правом берегу реки, а 10-го числа перешла ее по мостам у Лоди и Пиццигетоне, но генералы не желали повиноваться. Командиры 1, 2, 3 и 8-го корпусов — Клам, Лихтенштейн, Шварценберг и Бенедек — подали Гиулаю утром 9 июня так называемые «подробные диспозиции», извращавшие приказ об отступлении в обратную сторону. В этих диспозициях даже прямо говорилось, что генералы условились остаться с армией на обоих берегах Ламбро.

Это было уже открытым неповиновением. Гиулай его не допустил, сразу отменив отданные корпусными командирами «с общего согласия» диспозиции. Однако, он счел нужным письменно объяснить подчиненным начальникам причины своих действий. По его словам, союзники намеревались продолжать начатое ими по направлению на Лоди наступление; но это была лишь демонстрация. В действительности противник желает перейти через Среднюю Адду у Кассано и потом наступать на Тревиллио, чтобы отрезать австрийскую армию от базы. Ввиду этого австрийцы должны возможно скорее сосредоточиться за р. Оглио. Спустя несколько часов, Гиулай отдал дальнейший приказ. В нем говорилось, что сосредоточение армии должно произойти не за р. Оглио, а за р. Чиезой.

Все сильнее становилось противодействие генералов. Гиулай смог преодолеть его лишь тогда, когда от них отпал Бенедек. Последний телеграфировал вечером 9 июня из Лоди в Кодоньо, что если 8-й и 7-й корпуса на следующий день еще будут у Лоди, то, вероятно, произойдет сражение; во избежание этого следует еще ночью очистить Лоди.

Гиулай отдал соответствующие распоряжения, и мост через р. Адду у Лоди был сожжен. Разрушение было произведено столь же неудовлетворительно, как и разрушение других ломбардских мостов; многие средние быки уцелели. Мост через канал Муцца вообще не мог быть взорван.

Городские власти в Лоди с радостью вывесили национальные флаги, но одновременно предусмотрительно позаботились об австрийцах в госпиталях, как это происходило почти во всех городах, очищаемых австрийской армией. Бартельс говорит: «Подлинной вражды между армиями не существовало».

Генералы Гиулая теперь молча помирились с отступлением армии. Ведь они высказали достаточно стратегического мужества, хотя и за счет авторитета верховного командования. Гиулай до такой степени потерял кредит в высших сферах армии, что почти не считали нужным ему кланяться.

Несмотря на падение духа войск, храбрая австрийская армия все еще настолько импонировала Наполеону, что утром 10 июня, отправившись из своей главной квартиры — Милана — в Меленьяно, он с удивлением констатировал отступление австрийцев. Он с достаточной уверенностью ожидал, что они будут защищать р. Адду, как р. Тиччино. В сочинении своего генерального штаба Наполеон объясняет, что обе реки имели одинаково быстрое течение: Адду можно было перейти на ее нижнем течении только по мостам

у Лоди и Пиццигетоне, а на среднем течении — лишь по мостам у Ваприо и Кассано. Между Меленьяно и Лоди находится так называемая позиция Муцца, образуемая каналами Муцца и Кодоньо. Обе водные преграды имеют ширину в 30 м и могут быть перейдены лишь по двум каменным мостам у Тавацциано. Позиция Муцца может быть обороняема горстью людей с несколькими орудиями.

Из сочинения французского генерального штаба нельзя заключить, что сделал бы Наполеон в случае, если бы австрийцы остановились на р. Адде. По всем вероятиям ему оставалось бы только произвести вышеупомянутую операцию: перейти реку выше австрийских главных сил, сосредоточенных около Лоди, — там, где дивизии Монтенуово и Урбана охраняли дефиле. Но как мог удаться этот маневр, когда император не решался разделить свою армию?

Сочинение французского генерального штаба замечает, что император не знал, насколько Гиулай пал духом после своего поражения. С другой стороны, Гиулай не знал, насколько пал духом Наполеон после своей победы. Если Наполеон 5 и 6 июня ограничился обеспечением своих сообщений, а 7 и 8 июня только немного продвинулся вперед, то Гиулай объяснил эту медлительность победителя расстройством вследствие огромных потерь, которых в действительности не было. Во всяком случае Гиулай имел план, который, судя по совершившимся событиям, должен быть признан правильным: он хотел отойти к своим подкреплениям. Наоборот, Наполеон был довольно беспомощен перед позицией на р. Адде и почувствовал сильное облегчение, когда узнал об отступлении австрийцев.

Император пришел к выводу, что если неприятель без боя очистил столь сильную позицию, то тем более он не будет держаться на Серио, Оглио и Мелла, а отступит по меньшей мере до края четырехугольника крепостей, в направлении на 10-й и 11-й корпуса и на другие подкрепления, приближавшиеся к театру войны. Это убеждение окрепло в Наполеоне, когда он узнал, что австрийцы очистили Пиаченцу.

Этот укрепленный лагерь простирался на обоих берегах По на значительной площади, был окружен 17 верками и имел гарнизон в 7 000 чел. полевых войск. По вопросу, следует ли оставить Пиаченцу, мнения в Вероне разделились. Голос Грюнне дал перевес в пользу очищения. Он хотел в предстоявшем решительном сражении подавить неприятеля массой и потому везде, где возможно, освобождал войска. По этой причине, кроме Пиаченцы и маленькой крепости Пиццигетоне, были оставлены: у Кремоны — укрепленный рубеж Сен-Михеле, а в Папской области — Анкона, Болонья и Феррара. Этим было выиграно для операционной армии 14 000 чел. В Пиаченце работы по эвакуации и разрушению, несмотря на всю поспешность, продолжались целые сутки. Однако, и после этого пришлось оставить большие запасы продовольствия и многие чугунные орудия. 90 бронзовых орудий с другим ценным материалом были отправлены на судах вниз по р. По; мосты на реках По и Треббии были взорваны. Отказ от Пиаченцы и Кремоны освободил Наполеону сообщение с Генуей, так что он смог снова сделать эту гавань своей главной базой вместо менее удобной Сузы. Тогда Наполеон имел в своем распоряжении две железнодорожных линии: Генуя — Страделла — Пиаченца и Суза — Маджента — Милан. Но передвижения войск не

были еще так тесно связаны с железными дорогами, как впоследствии. Мы видели, что австрийцы менее базировались на железную дорогу Милан — Бресчия — Верона, чем на шоссе южнее Павии через Пиаченцу в четырехугольник крепостей.

Кроме того, ломбардские железные дороги в руках Наполеона сильно обесценивались теми разрушениями мостов, которые произвели австрийцы. Если после незначительных исправлений мосты можно было снова сделать пригодными для походного движения войск, то для железнодорожного сообщения они могли служить только через более продолжительное время, — тем более, что полевые инженеры того времени еще не имели опыта в разрешении подобных задач. Наполеон в сочинении своего генерального штаба говорит: «Величайшие трудности похода возникли для нас вследствие того, что австрийцы при своем отступлении разрушали железные дороги». Необходимость основывать подвоз на обозном парке тем более стесняла движения Наполеона, что в дальнейшем он и слышать не хотел о принципе стратегии: «Врозь двигаться, вместе драться». Ему нужно было пересечь Ломбардию в виду противника, который при своем медленном беспрепятственном отступлении начинал морально и материально оправляться от поражения. Отходили 7½ австрийских корпусов; 2 свежих корпуса и 1 кавалерийская дивизия были в пути к театру войны. Они могли туда прибыть раньше, чем ожидалось. Тогда австрийцы имели бы 9½ корпусов против 8 союзных, считая и корпус принца Наполеона.

Наполеон считал нужным обеспечивать себя от внезапного контрудара неприятельских масс тем, что на марше старался держать собственные силы возможно более сосредоточенными. Он хотел наступать двумя компактными массами: одной — из 5 французских корпусов, другой левее — из обоих сардинских. Надежность такой организации марша давалась не даром: она покупалась ценой тяжеловесности походного движения армии.

Ломбардия—богатая страна, она могла кормить друзей и врагов. Но предпосылкой было рассредоточение войск: врозь двигаться, вместе драться. Двигая сосредоточенно армию в 160 000 чел., Наполеон почти совершенно отказался от продовольствия войск посредством реквизиций и основывался на магазинной системе, применение которой в таком масштабе и при таких условиях было устарелой стратегией.

Наступая рассредоточенно и живя средствами страны, французы могли бы надеяться опередить австрийцев. Последние, после очищения правого берега Адды, шли 7 дней до р. Чиезы на краю четырехугольника крепостей. Они хотели утвердиться на высотах Кастильоне и подтянуть к себе подкрепления. Французам, двигавшимся за австрийцами, нужно было на пути к р. Чиезе преодолеть лишь одно препятствие: из обеих пар мостов, которые у Кассано вели через Муццу и Адду, австрийцы взорвали только по одному мосту. Верхний — шоссейный — мост можно было без особого труда заменить мостом на судах, но нижний — железнодорожный, вместо которого предполагалось устроить мост на козлах, доставил французам столько же хлопот, как и устройство моста через р. Сезию у Палестро. Вследствие дождей уровень воды в реке поднялся, и течение приобрело скорость более 4 м/сек, так что опасались срыва моста.

Наполеон прибыл лично, чтобы видеть борьбу ген. Ле-Бефа с разнузданной стихией. Принятые генералом меры привели к цели; кроме того, удалось навести из понтонов третью пару мостов, но на эти работы потребовался почти целый день. Потом бесконечная кишка из 5 французских корпусов начала переходить у Кассано, вместо того чтобы часть их использовала переходы у Пиццигетоне и Лоди. Несмотря на это, французы могли бы нагнать Гиулая и принудить его к сражению до подхода к нему подкреплений, потому что австрийцы задерживались обозом, шедшим впереди них, тогда как у французов он был позади. Если австрийцы без боя достигли конечных целей своего марша, то наряду с указанными причинами это объясняется тем, что Наполеон, подобно Мак-Магону при Маджента, заставлял войска итти «почти в боевом порядке»; движение происходило «во всяком случае медленно вследствие удушливой жары». Так говорит сочинение французского генерального штаба, указывая, — правда, без признания ошибочности распоряжений, — на «изнурительные переходы под палящим солнцем, по дорогам, покрытым пылью и запруженным многочисленными обозами».

Рождается желание сказать, что это был мифический поход Ксеркса, перенесенный в историческую действительность [1]. Наполеон оправдывает себя в сочинении своего генерального штаба тем, что местность вокруг южных дорог вследствие долгого пребывания на ней австрийской армии была уже истощена. Но это пребывание продолжалось только с 7 по 10 июня. Конечно, французы должны были довольствоваться тем, чего до них не съели австрийцы, но тут нужно также учитывать симпатии союзного населения. Правда, в деревнях французы находили также некоторый «esprit tudesque» [2], но в политическом отношении тон давали горожане. Французский бригадный генерал Дюкро пишет в своих мемуарах: «Жители продолжают встречать нас с подлинным восторгом... особенно женщины ... ликование, букеты в самом маленьком местечке».

Наряду с розами, французы могли бы получать за деньги и добрые слова, также и съестные припасы, подобно тому как местное население доставляло рабочие руки для восстановления разрушенных австрийцами мостов. Впрочем французы страдали бы от недостатка продовольствия тем меньше, чем быстрее бы шли. Но так как они поступали наоборот, то и снабжались плохо, несмотря на оставленные австрийцами в Милане большие магазины. Без последних дело, пожалуй бы, не наладилось. Иногда недоставало даже хлеба, так что солдаты должны были есть местную кашу из кукурузной муки, которой они не выносили. Генерал-интенданта армии, оказавшегося не в состоянии сделать невозможное, солдаты в насмешку прозвали герцогом Полента [3].

Происходившие по собственной вине трудности движения и снабжения иногда вызывали у императора чувство, что дело ему не по силам. В этом настроении он дошел до своеобразных мыслей, эхо которых сохранилось для нас в письмах Флери. Наполеон говорил,

---

[1] Таких примеров в военной истории сколько угодно и после Ксеркса.

[2] Немецкий дух.

[3] Полента — в Италии каша из кукурузной муки; в Бессарабии она называется «мамалыга».

что с солдатами нельзя обращаться так грубо, как раньше. Идеи пошли вперед, потребности повысились. Мужество осталось прежним. Солдат умирает столь же храбро, если не с еще большим геройством, чем прежде, но воспитание и общее развитие масс сделали его требовательнее.

Наполеон продолжал высказывать свое убеждение, что война в конце концов исчезнет из обихода цивилизованных народов. Каждый пользуется ею: один — чтобы повышаться в чинах, другой — для славы, но убитых оплакивают больше, чем раньше. Ведь они приносятся в жертву за дело, смысл которого в самой армии мало доступен большинству, — добавляет император, сознавая непопулярность этой войны в высших слоях французского общества.

Левая колонна союзников — сардинцы — могла довольствоваться легче, чем французы, потому что в ней было 2 корпуса, а не 5. Вследствие этого Виктор-Эммануил двигался быстрее Наполеона и опередил его на 2 перехода. Наполеон сердился на сардинцев за их медленность при Маджженте, пожалуй, несправедливо: обстоятельства дела не выяснены. Во всяком случае сардинцы испытывали потребность восстановить свою испорченную репутацию, а потому теперь смело приближались к австрийцам, не выжидая французов и невзирая на неодобрение Наполеона. Во главе их шел Гарибальди; в его штабе — венгерец, граф Телеки, и кроат, полковник Тюрр,— два заговорщика, внушавшие немалый страх в Вене, особенно Тюрр, на которого и в Берлине обращали внимание.

В 1 миле от р. Чиезы у Кастенедоло Гарибальди 15 июня натолкнулся на шедшую в хвосте австрийцев дивизию Урбана. Гарибальди атаковал ее, хотя его люди и не годились для правильного боя. Он знал, что в случае неудачи мало чем рискует: австрийцы не могли прервать свое отступление, производимое по зрело обдуманным стратегическим причинам, ради энергичного преследования cacciatori с целью одержания частного успеха.

Если Наполеон I в 1813 г. позволил себе охарактеризовать пруссаков, как «сброд плохой пехоты», то эта характеристика вполне подходит к итальянским добровольческим отрядам 1859 г. Поражение гарибальдийцев не замедлило произойти: они понесли вдвое большие потери, чем дивизия Урбана; особенно много они потеряли пленными. Для женского персонала в кофейнях Брешии гарибальдийцы, проходившие через город, сделались более опасными, чем для австрийцев в бою у Кастенедоло. Градоначальник Брешии должен был запереть девушек в городскую тюрьму, чтобы охранить их от патриотов. Таково было войско, но к самому Гарибальди австрийцы чувствовали все растущее почтение, так как он олицетворял революционную идею, которой они боялись чуть ли не больше, чем франко-сардинской армии.

Этот образ мыслей выражен очень ясно в докладной записке, поданной тогда Гиулаем Францу-Иосифу. В ней он прежде всего хвалит преимущества позиции между Кастильоне и Лонато, избранной им для армии в духе оборонительно-наступательной стратегии. Позиция командует всей впереди лежащей местностью; фронтальная атака ее может быть отражена губительным огнем численно превосходной австрийской артиллерии. В случае, если французы атакуют левый австрийский фланг, они могут быть отражены корпусами 1-й

армии [1], наступающими от Мантуи через Гоито. Защищать четырехугольник крепостей непосредственно на р. Минчио, — продолжал Гиулай, — нецелесообразно. Позиция на Минчио имеет большие недостатки. Впереди лежащая местность трудно обозреваема, и атакующий имеет возможность скрывать свои движения. Он может сосредоточить в определенном пункте превосходные силы. При оставлении линии Минчио и отступлении за р. Эч можно занять сильную позицию между Вероной и Леньяно, но тогда придется очистить Боргофорте — последний маневренный пункт на р. По после потери Пиаченцы и Кремоны. С оставлением Боргофорте осуществится соединение императора Наполеона с принцем Наполеоном, и тогда возникнет опасность обхода четырехугольника крепостей.

В главной квартире армии были получены достоверные сведения о том, что повсюду в Венецианской области подготовляется народное восстание. В Удине и Венеции революционеры уже имеют оружие. В Венеции и в прибрежной области приближение французских военных судов послужит сигналом к восстанию.

Квинт-эссенцией докладной записки была мысль, что нельзя полагаться на оборонительную силу четырехугольника крепостей; существует лишь одна правильная стратегия: вызвать решительное сражение между Кастильоне и Лонато. Гиулай изложил это убеждение на бумаге 11 июня, а вечером 15 июня он совершенно потерял веру в возможность удержаться на позиции Кастильоне — Лонато. В этот день произошел бой у Кастенедоло. Гиулай опасался, что Гарибальди снова предпримет наступление и притом в виде обхода правого австрийского крыла, примыкавшего к оз. Гарда. Это опасение было необоснованным. По ту сторону оз. Гарда лежит Тироль. Туда прибыл теперь 6-й корпус. Он состоял только из 3 бригад, но внушал Наполеону, который с французской армией приближался к р. Чиезе, опасение за левый фланг союзников. Ввиду этого император побудил сардинское верховное командование, находившееся в Бресчии, выдвинуть дивизию Циальдини и cacciatori в Брено, на Верхнем Оглио.

Об этом движении Гиулай и Кун узнали через шпионов раньше, чем оно началось. Порожденное страхом, оно было оборонительным жестом, но Гиулай и Кун видели в нем опасное наступление. Гиулай готовился тогда к сдаче командования; Кун также оставлял свой пост и принимал бригаду в 8-м корпусе. Вместо Гиулая командующим 2-й армией назначался ген.-от-кав. граф Шлик, 1-ю армию получал фельдцейтмейстер граф Вимпфен, верховное командование брал на себя сам император Франц-Иосиф с Гессом в качестве начальника штаба.

Гесс разделял опасения Гиулая за правое крыло. Он предупреждал 6-й корпус, что неприятель хочет выйти к северу от Гардского озера и вторгнуться в Тироль; Гарибальди, а также французы находятся в пути к Сало.

---

[1] Австрийцы предполагали теперь сформировать две армии. 1-я армия должна была состоять из 2, 3 и 9-го корпусов и подкреплений 11-го и 10-го корпусов и кавалерийской дивизии Цедвитца. В состав 2-й армии входили войска, участвовавшие в сражении при Маджента (за исключением 2-го и 3-го корпусов), а именно: 1, 7, 5, и 8-й корпуса, кавалерийская дивизия Менсдорфа и дивизия Урбана. — *Прим. авт.*

Но еще больше, чем за правое крыло, опасался Гесс за тыл армии. Почему Наполеон наступал так медленно? За этим должна была скрываться какая-нибудь стратегическая идея. Гесс думал, что разгадал ее. По его мнению, из комбинации сведений, доставленных шпионами, выходило, что Наполеон хочет перевести 3-й и 1-й корпуса на правый берег По, примерно, у Пиаченцы или даже ниже — у Боргофорте. В одном из названных пунктов эти 45 000 чел. могут соединиться с корпусом принца Наполеона такой же численности [1]. Образовавшаяся армия вернется на левый берег По, внутрь четырехугольника крепостей, а для поддержки этого обходного маневра французский флот высадит на венецианское побережье 40 000 чел.

Этот десантный корпус был чистой химерой. Как мы видели выше, Наполеон хотел посредством привлечения африканцев собрать сухопутные войска для своего флота, но при этом натолкнулся на затруднения. Сверх того он опасался эскадры, которую тори послали в Средиземное море. Австрийское верховное командование получило от военноуполномоченного в Брюсселе, полк. Левенталя, телеграмму, что из Тулона вышел флот в составе 4 линейных кораблей, 6 фрегатов и многих канонерок с транспортными судами для 2 пехотных дивизий. Направление флота — Венеция или Пола. В общем известие было верным, но, — поскольку оно касалось предположенной перевозки 2 пехотных дивизий на адриатическое побережье,— преувеличенно и чересчур преждевременно.

Совершенно невозможно было предположение, будто Наполеон пошлет 3-й и 1-й корпуса через р. По, а с 5 корпусами (в том числе 2 малоценных сардинских) останется на левом берегу против 9½ австрийских корпусов. Однако, теперь власть принадлежала Гессу, и оставление позиции у Кастильоне было решено. Отступление должно было произойти за Минчио, но тут ни в коем случае нельзя было остановиться. Линия Минчио была неудобна для обороны, а четырехугольник крепостей вообще считался ненадежным, — ведь из-за этого и отступали. Итак, куда же следовало итти?

Не попытавшись ответить на этот неотложный вопрос, начали отступление. Гиулай, еще не сдавший командования 2-й армией Шлику, чувствуя себя на р. Чиезе в выдвинутом опасном положении, приказал части 7-го корпуса выступить уже в ночь с 15 на 16 июня (вместо назначенного срока — рано утром). За этими войсками с утра последовали остаток 7-го корпуса и 1, 3, 5 и 8-й корпуса. Дивизия Урбана, которая опять-таки должна была составить хвост 2-й армии, осталась стоять в Лонато и Кастильоне [2].

В то время как войска в жаркий день совершали свой утомительный марш, в верховном командовании были высказаны иные мысли [3]. Они особенно воплощались в ген.-майоре Рамминге, который сдал свою бригаду в 3-м корпусе и сделался помощником Гесса. Рамминг настаивал на возвращении армии к р. Чиезе. По его словам, хотя присутствие французов и установлено в Пиаченце [4], а войска принца

---

[1] Принц Наполеон имел самое большее половину этого количества. — *Прим. авт.*

[2] 1-я армия, к которой принадлежал также 2-й корпус, стояла уже на Минчио.— *Прим. авт.*

[3] У автора «Afterthoughts» — «задние мысли».

[4] Дивизия Отемара. — *Прим. авт.*

Наполеона двигаются по направлению к Апеннинам, но действие этих сил скажется в тылу австрийской армии не раньше 10—14 дней. Тем временем можно и должно с австрийской стороны вызвать решительное сражение не только ввиду угрозы обхода четырехугольника крепостей и Венецианской области, но и потому, что в Венгрии усиливается революционное брожение. Высоты Кастильоне и Лонато, — как для обороны, так и для наступления, — являются наиболее удобным пунктом. Тут легко перейти от успешной обороны к решительным контрударам, потому что сильные позиции на левом берегу р. Чиезы командуют переходами через реку, и отброшенные войска атакующего найдут хорошую оборонительную позицию только в миле позади правого берега у Кастенедоло. Австрийцы могут беспрепятственно теснить противника до этого пункта, довершив его поражение.

Наполеон не получил никаких подкреплений, австрийская же армия усилилась на 50 000 чел., не считая 6-го корпуса в Тироле. Из последнего нужно притянуть для сражения по крайней мере одну бригаду. Из 5 бригад 10-го корпуса можно использовать в сражении не меньше 3, «потому что для наблюдения р. По достаточно одной дивизии».

Так как все отступательные стремления исходили из чувства, что всю Ломбардо-Венецию дольше удерживать нельзя, а между тем об отдаче без боя этой обширной территории серьезно не могло быть и речи, то только Рамминг и его сторонники имели положительную стратегическую программу. Вследствие этого они достигли своего, и Франц-Иосиф приказал немедленно отправить курьеров, чтобы вернуть обратно на р. Чиезу те корпуса, которые еще не перешли Минчио. Это были 1, 7 и 8-й корпуса и дивизия Урбана. Что касается 3-го и 5-го корпусов, от которых невозможно было потребовать немедленного выступления обратно, то они должны были на следующий день, 17 июня, отдыхать у Гоито и Вольта и только 18 и 19 июня двинуться опять на р. Чиезу.

Три другие корпуса, которые еще 16 июня должны были снова занять оставленную позицию, провели тяжелый день. 1-й корпус был на ногах с 3 час. утра до 9 ч. 30 м. вечера, а бригада Пацхори — даже до 9 час. утра следующего дня, т. е. 30 час. Зато бригаде Пацхори удалось по крайней мере сварить себе пищу, потому что при отступлении она дошла до крепости Пескьеры. Остальные войска корпуса в течение всего 16 июня не получали никакой горячей пищи, «так как повозки с котлами в этот день не могли уже достигнуть бивачных мест корпуса, хотя приказ об отступлении от Пескьеры к Кастель Вензаго был отправлен своевременно». Когда этот корпус, из которого одна дивизия пострадала при Маджente, сильно измученный и голодный, вечером опять стоял на том же месте, откуда выступил утром, Клам заметил, что перенесенные бесполезные труды глубоко подорвали его войска в физическом и моральном отношении.

Настроение 7-го и 8-го корпусов было не лучше. Главные силы 7-го корпуса выступили в 1 час утра, а в 9 час. вечера опять стояли у пункта отправления в Лонато. Когда курьер нагнал 8-й корпус у Гвидиццоло и передал приказ о возвращении, то Бенедек отважился направить обратно в Кастильоне лишь 2 бригады, находив-

шиеся еще в движении. Остальные 3 бригады были двинуты снова только в 2 часа утра 17 июня.

Все это представляло физический и особенно моральный разгром, — к сожалению, еще не последний.

Рамминг, который теперь, повидимому, сделался руководителем операций, составил по приказу императора план как оборонительного, так и наступательного сражения. Он правильно рассчитал, что французы 18 июня примкнут к сардинцам. На 19-е число, а, пожалуй, и на 20-е он хотел предоставить союзникам инициативу, потому что в эти дни еще не все силы 10-го и 6-го корпусов могли быть стянуты для сражения. Но по прибытии этих войск, самое позднее 21 июня, следовало атаковать.

После того как 3-й и 5-й корпуса утром 18 июня опять прибыли к р. Чиезе, дивизия Урбана была разделена: одна бригада ее была назначена в гарнизон Вероны, две другие бригады распределены между различными корпусами. Командование 6-го корпуса в Триенте получило приказ в двухдневный срок сосредоточить в Вестоне и Гардоне все отряды, расположенные по р. Эч. Главная армия предполагает 21 июня наступать от Лонато — Кастильоне против Брешии, причем части 6-го корпуса должны этому содействовать.

Прибывший из Вероны император Франц-Иосиф в прекрасную погоду произвел смотр 2-й армии на ее бивачных местах. Тотчас же после этого был отдан приказ, что все пешие войска 1-й и 2-й армий при походных движениях должны снимать ранцы. От носки мундиров и зимнего платья, которое приходилось таскать вместе с летним полотняным кителем, пехота была освобождена уже при отступательных маршах после сражения при Мадженте.

Подобно императору Наполеону, австрийское верховное командование также реагировало на изменившиеся времена, при которых представлялось целесообразным меньше требовать от подозреваемого в склонности к дезертирству австрийского солдата и добросовестнее заботиться о его благе. В руководящих военных кругах сожалели, что австрийский солдат получает горячую пищу только раз в день, тогда как француз 2 раза и сверх того еще кофе, которого австрийское интендантство войскам не выдавало.

После смотра войск, прошедшего блестяще, были подвергнуты обсуждению вновь полученные телеграммы, донесения и отчеты шпионской службы. Комендант Майнца телеграфировал, что французский средиземноморский флот с многочисленными десантными войсками вышел в море. Император и его окружение уверовали в многочисленные десантные войска; жуткое впечатление, производимое мнимым приближением этих ловучих транспортов, было еще усилено телеграммами с побережья, сообщавшими, что время от времени появляются неприятельские военные корабли, производящие при помощи шлюпок промеры. Не могло быть сомнений — над Адриатикой собиралась гроза. Если бы можно было узнать, разразится ли она над австрийским или над папским побережьем! Шпионы 1-й армии говорили, будто один корпус уже высадился у Римини и направился против Анконы.

Аванпосты 2-го корпуса на Нижнем Оглио доносили о «массовом скоплении сардинцев» на р. По у Гаццуоло и о постройке мостов у Сен-Михеле и Мозио. Шпионы, которых Австрия имела в Кремоне, подтверждали по существу эти донесения. Они будто бы видели Га-

рибальди, который во главе 30 000 чел. двигался из Брешии в Кремону. Вряд ли требуется примечание, что никаких сардинцев на р. По не было.

Далее 2-й корпус доносил, что «все собранные у Модены неприятельские войска» перешли через р. По у Бресчелло. В этом донесении было верно то, что к стороне Модены положение начало постепенно делаться ненадежным. Отступление австрийцев из Пиаченцы вызвало революцию в герцогствах Моденском и Пармском и изгнание оттуда династий. Вскоре после этого дивизия Уриха с принцем Наполеоном выступила из Пистойи в Тоскане по направлению к р. По. Она прибыла в Массу 19 июня, т. е. на другой день после произведенного Францем-Иосифом в Кастильоне смотра и последовавшего затем военного совета. Только 22 и 23 июня дивизия Уриха совершила переход через Апеннины по перевалу Понтремоли, что потребовало больших усилий от войск. Было очень жарко, причем вследствие прорыва плотин в горных речках, разлившихся от проливных дождей, плохие дороги стали местами совершенно непроходимыми.

Принц Наполеон с дивизией Уриха прибыл в Парму 27 июня (18-го числа был смотр и военный совет в Кастильоне); 28 и 29 июня его пехота перешла через р. По у Казальмаджиоре, а 1 июля дивизия Уриха соединилась с дивизией Отемара того же 5-го корпуса.

Следовательно, 18 июня в Кастильоне имели еще время принять меры против 5-го французского корпуса, но сбитая с толку шпионская служба и неверные отчеты миссий заставили уже в ближайшие дни ожидать действий принца Наполеона на Нижнем По. В Кастильоне все еще много говорили о 1-м и 3-м французских корпусах, которые будто бы должны перейти р. По, чтобы на ее нижнем течении соединиться с 5-м корпусом. Сверх того фантазия в Кастильоне усиленно работала по поводу Гарибальди на р. По, тосканской дивизии Уллоа, готовившейся перейти Апеннины вслед за дивизией Уриха (Флери характеризует ее как разбойничью банду вроде гарибальдийцев), и мифического десантного корпуса во французском флоте.

После своего поражения при Асперне [1] Наполеон I, имея в виду настроение в Германии, сказал: «Мы окружены тысячью Вандей». Австрийский военный совет 18 июня также видел тысячу скрытых Вандей в своем тылу. Наполеон был прав, австрийский военный совет — чересчур пессимистичен. Наполеон остался на месте, сосредоточив по возможности свои силы. Австрийский военный совет принял решение отступать и, кроме того, отказался от присоединения 10-го корпуса к главным силам, расположив его на Нижнем По.

Рамминг говорит, что он был побежден большинством голосов «не в настоящем военном совете, а на одном из тех совещаний, которые почти ежедневно происходят в оперативных главных квартирах»[2]. По существу безразлично, назвать ли это совещанием или советом. Главное заключается в едином образе мыслей руководящих людей. Рамминг, судя по веденному им дневнику, также не выходит из этих рамок. Он защищал смелые решения подобно Куну в пер-

[1] Сражение 21 и 22 мая 1809 г. при Асперне и Эслингене близ Вены.
[2] «К описанию сражения при Сольферино», Вена 1861. — *Прим. авт.*

вый период похода. Но оба они подавали лишь советы, — от них не требовалось личной ответственности; весьма сомнительно, чтобы они были в состоянии вынести тяжесть такого морального бремени.

Гесс тоже не был человеком крупного масштаба. Он говорил тогда ген. Моллинари: «Если бы вы знали, как я страдаю». Наряду с Грюнне, он чувствовал себя пятым колесом в телеге и функционировал, как таковое.

Для объяснения чрезвычайно сомнительных движений операционной армии взад и вперед между реками Чиезой и Минчио Франц-Иосиф приказал написать эрцгерцогу Альбрехту, занятому в Вене организационными задачами военного ведомства, что о намерениях неприятеля никаких положительных сведений не имеется; повидимому, его главные силы двигаются к Нижнему Оглио, чтобы там переправиться через р. По и затем нанести удар южнее Мантуи. Одновременно 5-й французский корпус на Нижнем По и французский флот перед Венецией могут перейти в наступление для перерыва австрийских сообщений.

Против 5-го французского корпуса имеется в распоряжении только (!) 10-й австрийский корпус, который должен охранять р. По от Остиглии до устья: «Противник везде превосходит нас в силах, наше положение во всяком случае трудное».

Получив эту бумагу, эрцгерцог Альбрехт мог сказать, что ее тон побуждает его к скорейшему формированию новых оперативноспособных войсковых частей и к подготовке обильных пополнений для старых. Однако, мы знаем, что мрачный тон депеши зависел, главным образом, от настроения главной квартиры. Говорилось, что неприятель повсюду располагает превосходными силами, в действительности же было обратное. Австрийцы имели 8 корпусов, причем не принят в расчет 10-й корпус, от включения которого в операционную армию они отказались; также не приняты в расчет 6-й корпус в Тироле и дивизия Урбана, использованная для усиления других частей. Из 8 корпусов нужно еще вычесть одну дивизию 2-го корпуса: она была назначена в гарнизон Мантуи, потому что составлявшие последний бригады Балтина и Кинцля обнаружили при Мадженте опасные политические настроения. Балтин имел трансильванские и галицийские округа комплектования, Кинцль — итальянские. В действительности при Мадженте оказались несостоятельными не войска, а управление ими. Сражение было проиграно не из-за революции, а из страха перед революцией, который кастрировал стратегию и тактику вождей.

Другую дивизию 2-го корпуса, фельдм.-лейт. Елачича, верховное командование также считало сильно разъеденной морально, но все-таки хотело испытать ее еще раз. Итак, австрийская главная армия насчитывала 7½ корпусов. Союзники имели (без 5-го корпуса) 5 корпусов. Следовательно, не могло быть и речи о численном превосходстве союзников.

На 19 июня 2-й армии была назначена дневка; на рассвете 20 июня, ровно в 3 часа, — так говорилось в приказе Гесса Шлику, — должен был начаться отход за р. Минчио. Вторичный отказ от позиции на р. Чиезе мотивировался трудностью отступления через р. Минчио в случае неудачи. Однако, отступление с позиции на р. Чиезе было не легче и тогда, когда ее дважды занимали ради ее несравненных преимуществ. Впрочем реки Чиеза и Минчио были удалены друг от

друга на 1—2 перехода. Между ними простиралась отчасти обычная итальянская местность, затрудняющая преследование.

В конце концов австрийцы имели на протяжении от Пескьеры до Гаито не менее 8 переправ через Минчио, частью в виде постоянных, частью в виде военных мостов.

Если линия р. Чиезы, как всякая позиция, имела свои недостатки, то ее во всяком случае следовало предпочесть р. Минчио. Впрочем австрийцы хотели отходить дальше до р. Эч. 2-й армии было дано указание воспользоваться для перехода через эту реку мостами в Вероне и навести новые мосты у Зевно и Альбаредо, «соответственно чему следует немедленно обрекогносцировать пути отступления». 6-му корпусу было сообщено, что приказание двигаться 21 июня с наличными силами на Вестоне «ввиду изменившихся обстоятельств» отменяется.

Во время своей дневки 19 июня австрийцы имели соприкосновение с противником, стоявшим на другом берегу Чиезы, после того как накануне французы, наконец, нагнали сардинцев. Союзная армия бивакировала на линии длиной в 12 км, между Бресчией и Баньоло. Французы находились в полной готовности к сражению, а не в «почти боевом порядке», как во время своего марша (или «своей процессии», по язвительному выражению герцога Альмазан). По первому сигналу,— сказано в сочинении французского генерального штаба,— французская армия могла без предварительных маневров вступить в бой.

При этом Наполеон имел в виду лишь оборонительное сражение. Он хотел перейти в наступление только после установления связи с 5-м корпусом. Мы видели, что последнему требовалось еще около двух недель для перехода через р. По. Наполеон удивился бы, узнав, что император австрийский считает его численно сильнее. Он определял силы правильно: 7 союзных корпусов (без принца Наполеона) против 8½ австрийских. Только после соединения 5-го корпуса с главной армией, когда она сравнялась бы в силах с австрийской, Наполеон хотел приступить к атаке высот у Кастильоне. Его желание сосредоточиться перед нанесением удара вполне понятно. Но более крупный полководец, вероятно, поступил бы иначе. Он стал бы на ту точку зрения, что австрийцы не таковы, чтобы сосредоточить все свои силы к решительному пункту, и, исходя из этой уверенности, перешел бы немедленно в наступление.

Продолжительная искусственная пауза у Бресчии была в стратегическом отношении безусловной ошибкой. Приведем только одно соображение: чем дольше французы топтались на месте, тем больше возрастали продовольственные затруднения. Железные дороги, которые должны были заменить неповоротливый обозный парк, еще не были готовы к эксплоатации. Хотя 18 июня были окончены 5 км железной дороги между Маджентой и Сен-Мартино, которых недоставало в мирное время для соединения австрийской железнодорожной сети с сардинской, но железнодорожный мост у Сен-Мартино еще не был восстановлен для прохода поездов. Кроме того, в Милане нехватало соединительной ветки между двумя вокзалами — Порта Нуова и Порта Тоза, которая была готова только 23 июня. Исправление железнодорожного моста через канал Муцца близ Кассано было закончено 28 июня, так что только 29-го — через 11 дней после прихода французской армии в Бресчию — на вокзал этого города могли прибыть поезда из Генуи и Сузы.

Наполеон почти не оставил войск на своих этапных линиях. После того как для тыловой службы был вызван из Лиона в Италию один полевой полк, с 18 июня этапную службу несли в общем 8 батальонов. Самый сильный гарнизон находился в Брешии, где был устроен большой склад, а городская черта усилена укреплениями для защиты от нападений австрийцев из Тироля. Старую цитадель в Брешии австрийцы сохраняли в исправности, потому что социалистически настроенное население этого города выказывало с 1848 г. особенно сильные австрофобские чувства. Французы думали найти революционную энергию только в Брешии; остальные итальянцы представлялись им выродившейся расой, которая принимает свое освобождение как подарок от Франции.

На фронте у Брешии Наполеон имел ровно 140 000 чел. против 147 000 австрийцев, не считая 10-го корпуса. При таком численном соотношении Наполеон отнюдь не сочувствовал мысли о вторичном разделении своих сил с оперативной целью, хотя сочинение французского генерального штаба и утверждает ложно, будто при его наступлении через Ломбардию ему все время представлялся в качестве стратегической директивы обходный метод Маджснты. Если бы император не учитывал страха австрийцев перед революцией, как шанс, равный двум союзным корпусам, то он вообще усомнился бы в возможности выиграть войну. С самого начала военных действий он рассматривал обременение австрийской психики внутренним состоянием империи как один из решающих войну факторов. Когда великий герцог Тосканский почти одновременно с объявлением войны оставил свою страну, Наполеон написал своему двоюродному брату: «Появление во Флоренции одного армейского корпуса неизвестной численности, силу которого нужно преувеличивать, произведет большое впечатление».

Мы видели, что дивизия Уриха много способствовала тому, чтобы вывести Гиулая из морального равновесия, и что после перемены в австрийском верховном командовании ее влияние скорее даже усилилось. Будучи еще главнокомандующим, Гиулай написал императору, что при отходе за р. Эч пришлось бы очистить Боргофорте на р. По. Вследствие этого станет фактом соединение императора Наполеона с принцем Наполеоном и возникнет угроза обхода четырехугольника крепостей. 20 июня австрийцы действительно отошли к р. Эч. Одновременно они сломали мосты у Боргофорте и подготовили разрушение тамошних крепостных сооружений, особенно сожжение блокгаузов. Во время отступления 2-й австрийской армии за р. Минчио она не получила никаких серьезных известий о неприятеле, за исключением телеграммы военно-окружного управления из Падуи. Согласно ей французские войска высадились близ Пирано в Истрии, а 60 000 чел., под начальством принца Наполеона, готовятся перейти через р. По позади Мантуи,— примерно, у Ровито и Адрии.

После того как разведчики союзной армии установили отступление австрийцев, Наполеон приказал своим войскам 21, 22 и 23 июня наступать через реку к Кастильоне и Лонато. Как видно, он не дорожил временем. Трех дней для перехода через р. Чиезу, не требовавшего значительных саперных работ, было слишком много.

Вообще, как и после Маджснты, главной заботой императора было не наступление, а оборона в случае внезапного появления

австрийцев перед союзным фронтом. Позиция на высотах Кастильоне, при обороне ее с восточной стороны, не представляла особых выгод; при этом правое крыло французов висело в воздухе. По этой причине Наполеон поставил 2, 4 и 3-й корпуса между Кастильоне и Меццана уступами, так что в этой косой линии им нужно было только сделать захождение на четверть круга, чтобы встретить неприятеля, атакующего их с правого фланга. Гвардия составляла резерв у Монтихиари. В этом расположении, как сказано в сочинении генерального штаба, Наполеон чувствовал себя «готовым ко всякой возможности», — поскольку это от него зависело; впрочем, имея 7 корпусов против 8½ неприятельских, он находил свое положение опасным.

23 июня французы производили усиленные разведки в направлении р. Минчио. По обычаю того времени эти разведки были произведены преимущественно пехотой, главным образом, 2-го корпуса, занимавшего передний район французского расположения. 2-й полк иностранного легиона и 2-й полк зуавов, следуя по гребню высот Кастильоне — Сольферино [1], заметили большие массы австрийцев у Гвидиццоло, но поднятая ими пыль сделала невозможным точное определение их силы.

Выдвинутый на дорогу из Кастильоне в Гоито 71-й линейный полк донес в 3 часа пополудни, что австрийцы, двигаясь из Гоито, прошли через Медоле. Их многочисленная кавалерия разведывает уже со вчерашнего дня местность Поццоленго, Сольферино и Каза Морино.

В 10 час. вечера 1-й полк африканских конных егерей донес, что один из его эскадронов был вынужден поспешно очистить Медоле вследствие наступления неприятельской пехоты и конницы. 1-му гусарскому полку пришлось отступить перед значительным отрядом на Карпенедоло.

В общем не подлежало сомнению, что не вся австрийская армия отступила за р. Минчио. Но, с другой стороны, на основании данных разведки у Наполеона не составилось также впечатления, что вся австрийская армия наступает против него. Он нарисовал себе следующую картину обстановки: неприятель стоит за р. Минчио и хочет там пока оставаться, но вследствие незначительной оборонительной силы этой позиции он оставил исключительно сильный арьергард совсем близко от французов, чтобы не быть внезапно атакованным в каком-нибудь слабом пункте своей оборонительной линии. У Сольферино стоят 6 000 чел.; силы, находящиеся позади у Вольта и Поццоленго, неизвестны. В Монцамбано и Гоито стоят резервы — в общем 20 000 чел.

Так как Наполеон полагал, что непосредственно перед ним находятся 30 000 чел. неприятельских войск, отделенных от своих главных сил рекою, то, повидимому, ему представлялся тот стратегический объект действий, которого до тех пор нехватало. Этот объект не требовал разделения сил, как при Мадженте. Наполеон решил атаковать его без промедления. Армии было приказано на другой же день, 24 июня наступать в следующем порядке, считая с левого фланга: сардинцы — на Поццоленго, 1-й корпус — на Сольферино, 2-й корпус — на Кавриана, 3-й корпус — через Кастель Гоффредо на

[1] См. схему 16.

Медоле, 4-й корпус — через Медоле на Гвидиццоло. Гвардии предписывалось стать в резерве у Кастильоне. Все войска, — как французские, так и сардинские, — должны были выступить между 2 и 3 час. утра. Французским частям предписано было взять медикаменты из главной аптеки (pharmacie générale) в Монтихиари.

Самым сильным пунктом на местности впереди р. Минчио было Сольферино. Его предполагалось атаковать с двух сторон. Дивизии Форея и Базена получили приказание наступать по дороге у подошвы высот и повременить с атакой на Сольферино, пока 3-я дивизия 1-го корпуса, под начальством Ламиро, не приблизится с севера по горной дороге. Разведка узкой и плохой дороги у подошвы высот выяснила ее проходимость для всех родов войск.

Итак, Наполеон надеялся бросить всю союзную армию на австрийский арьергард, но его представление о расположении противника было ошибочным. «Les reconnaissances, — говорит он, — avaient mal conclu» [1].

20 и 21 июня австрийцы отошли за р. Минчио. Верховное командование опять получило различные донесения, давшие фантазии сильный и неприятный размах. По телеграмме из Зары 3 больших неприятельских парохода были замечены в 15—16 милях от Рагузы. Письмо доверенного лица из Пистойи заключало странное известие, будто 8 французских дивизий плывут по морю. Одна из них должна высадиться в Ливорно для усиления принца Наполеона.

6 линейных кораблей, 5 фрегатов и несколько плавучих батарей якобы произведут демонстрации и попытаются высадить десант близ Венеции одновременно с наступлением Наполеона против Минчио. Правда, Наполеон еще не находится в должной готовности для этого, так как его войска нуждаются в реорганизации и, кроме того, ожидаются боевые припасы и подкрепления. Принц Наполеон также не изготовится так скоро. Все же для австрийцев представляется желательным возможно скорее перейти в наступление, потому что принимаются все меры для возмущения Венецианской области и для побуждения австрийских солдат к дезертирству.

Совершенно в духе этого корреспондента Гесс предполагал, что Наполеон до тех пор не выйдет из выжидательного положения, граничащего с бездеятельностью, которое он занимал после Маджженты, пока не будут готовы для совместных действий все его силы: главная армия, 5-й корпус и флот. Гесс соглашался также с мнением доверенного лица из Пистойи, что это, вероятно, продлится довольно долго. Тем временем Гесс надеялся увидеть прибытие на театр войны 4-го и 15-го корпусов. Нельзя считать большой ошибкой, что Гесс рассчитывал на эти войска для ближайшего сражения. Голова 4-го корпуса 6 июля прибыла в Виченцу, 15-го корпуса — в Падую. Наше изложение остановилось перед 22 июня; в этот день Гесс назначил армии дневку за Минчио. Потом он хотел отвести ее за р. Эч и, заняв эту сильную позицию, предоставить инициативу Наполеону.

Гесс не был настолько подвержен иллюзиям, чтобы основывать свои расчеты на уверенности, будто Наполеон предоставит ему еще несколько недель. От этой ошибки его охранял присущий ему пессимизм. Ежеминутно опасался он получить роковое известие о том, что четырехугольник крепостей атакован со всех сторон и что линию

[1] «Рекогносцировки привели к неверному выводу».

р. Эч также нельзя более удерживать. Между тем,— если учесть силы, которые Наполеон мог двинуть,— тыл австрийцев был вполне прикрыт: против 5-го французского корпуса стоял 10-й корпус; в Венеции был гарнизон из 10 000 чел.; в Триесте стояло 20 000 чел. в качестве авангарда формировавшейся Береговой армии; в Далмации находились другие войска и юго-славская милиция, на которую вследствие антагонизма между южными славянами и итальянцами можно было вполне положиться, если бы не абстрактный страх перед революцией, мешавший пониманию конкретных данных. Однако, по мнению австрийской главной квартиры, все эти оборонительные возможности на побережье были недостаточны против французского флота с воображаемым десантным корпусом на борту.

Никогда ни одно правительство не чувствовало такого почтения к силе идеи, как австрийское правительство 1859 г. Утром 21 июня во время дневки [1] перед отступлением к р. Эч политический пессимизм Гесса принял такие размеры, что он совершенно отчаялся также и в оборонительной силе позиции за р. Эч. Следовательно, приходилось вообще отказаться от оборонительно-наступательной тактики. Ничего более не оставалось, как немедленно перевести армию обратно через р. Минчио, отыскать противника между реками Минчио и Чиезой и атаковать его там, где он будет найден.

Хотя чисто наступательная тактика не отвечала меньшей маневроспособности австрийской пехоты по сравнению с французской, но так как австрийцы имели численное превосходство, а, кроме того, значительная часть союзников состояла из второсортных сардинских войск, то при хорошем управлении можно было победить и в открытом поле. Для еще большего увеличения численного превосходства австрийцев Гесс приказал подтянуть дивизию Риттера из 10-го корпуса. Можно было еще располагать несколькими днями, пока волны сухопутно-морского наступления союзников не хлынут на австрийцев в Италии со всех сторон; этим временем следует воспользоваться, для того чтобы произвести наступление австрийцев всеми сосредоточенными силами.

Так как сомнение в целесообразности отхода за р. Эч мучило Гесса уже в течение недели, то он приказал не взрывать, а только минировать постоянные мосты через р. Минчио; вспомогательные военные мосты остались в неразобранном виде. Благодаря этому Гесс имел свободу как для продолжения отступления за р. Эч, так и для возвращения армии в район впереди Минчио. За этой рекой Гесс никогда не хотел сражаться. Поэтому армия стояла биваками не в боевом, а в походном порядке на линии Пескьера—Ровербелла протяжением в один переход. Из этого расположения она могла удобно перейти через р. Минчио по всем имевшимся мостам или же воспользоваться всеми дорогами для отхода к р. Эч.

Во время дневки майор Аппель с двумя эскадронами предпринял разведку с целью объехать всю позицию неприятеля. Несмотря на то, что техника кавалерийской разведки была еще слабо развита, Аппелю удалось установить важные факты. Он смог донести Гессу о том, чего тот еще не знал, а именно — что противник перешел р. Чиезу. Близ Карпенедоло, Кастильоне и Монтихиари Аппель на-

[1] Выше сказано, что дневка была 22 июня.

блюдал массы французов, у Лонато и Дезенцано с авангардом в Риволтелло — сардинцев.

Вывод о расположении французов и сардинцев, сделанный Аппелем, был в общем совершенно верен. Тогда (22 июня) 1-й французский корпус стоял еще правее р. Чиезы за Монтихиари. Он перешел через р. Чиезу только на следующий день, став близ Эсента. Гвардейская кавалерийская дивизия Морри была 22 июня также еще на правом берегу Чиезы у Кастенедоло.

Получив эти донесения, Гесс заявил, что если большая часть противника еще стоит в расстоянии перехода от высот Кастильоне, то австрийцы должны немедленно наступать, чтобы использовать разделение неприятельских сил.

Первоначально Гесс предполагал простоять 23 июня позади Минчио, потому что дивизия Риттера только вечером 24-го числа могла прибыть из Ровиго. В этот день Гесс хотел перевести армию обратно через Минчио, а 25 июня она должна была двинуться на Кастильоне. Таковы были предположения до разведки Аппеля. Теперь как переход через Минчио, так и наступление на Кастильоне были перенесены на день раньше; первый должен был произойти уже 23 июня, второе — 24 июня. Вследствие этого расчет на содействие дивизии Риттера стал весьма сомнительным.

Кроме того, австрийское командование лишило себя еще одной дивизии в решительном пункте в решительный час. Командир 2-го корпуса, князь Лихтенштейн, получил приказ выступить 23 июня с дивизией Елачича от линии Куртатоне у Мантуи к Маркарии. Там Лихтенштейн должен был охранять Оглио и По, чтобы 5-й французский корпус не мог выйти австрийцам во фланг. Гесса особенно беспокоила дивизия Отемара, которая от Пиаченцы перешла в Кремону. В действительности 5-й корпус только неделю спустя выступил на левом берегу По, причем еще неизвестно, отважился ли бы он на это, если бы австрийцы не потерпели поражения при Сольферино.

Возможность приближения дивизии Уриха с принцем Наполеоном побудила Гесса отдать приказ о занятии двумя батальонами очищенного за несколько дней до этого Боргефорте и о восстановлении там моста и предмостных укреплений, которые только что были разрушены.

Нужно ясно представить себе сильнейшие колебания австрийской стратегии после сражения при Маджента. Сначала хотели итти в Кастильоне; потом по требованию частных начальников остались на Адде; затем все-таки пошли в Кастильоне; потом очистили эту позицию, чтобы ее немедленно снова занять; затем ее опять оставили и ушли за Минчио; теперь снова отменили это движение. И все это без того, чтобы верховному командованию стали известны какие-либо новые значительные факты. Речь все время шла о той же самой стратегической обстановке,— только суждение верховного командования о том, что должно произойти, колебалось, как тростник от ветра.

Глава VI

Сражение при Сольферино (24 июня 1859 г.)

Ровно в 9 час. утра 23 июня начался переход австрийцев через р. Минчио. Франц-Иосиф наблюдал движение головных корпусов с высоты у Вольта. 7 корпусов и 2 кавалерийские дивизии прошли по 4 мостам. Это движение продолжалось более 12 час., так как походная колонна одного корпуса имела глубину в 5—6 час. марша, а на каждый мост было направлено по 2 корпуса, на некоторые же мосты еще по кавалерийской дивизии. Французские разведывательные отряды заметили движение австрийских масс, но Наполеон ошибочно принял их за неприятельские арьергарды.

В 7-м корпусе произошла задержка, имевшая весьма вредные последствия. Как можно было предвидеть, он мог начать свой переход только около 6 час. вечера, потому что по мосту у Ферри впереди шли 3-й корпус и кавалерийская дивизия Менсдорфа. По этой причине последняя бригада 7-го корпуса перешла реку в 9 час., а хвост обозов — только около 11 час. ночи. Так как вопреки распоряжениям колонный путь к военному мосту у Ферри не был ни обозначен, ни освещен, то обоз в темноте заблудился, и повозки с котлами дивизии принца Гессенского [1] подошли к биваку войск только на следующее утро в 6 час., а в дивизии Бранденштейна и совсем не прибыли на бивак.

Только последняя дивизия достигла между 10 и 11 час. ночи назначенного 7-му корпусу бивачного места у Форесто, принц же Гессенский остался позади у Вольты, вследствие чего на следующее утро повозки с котлами его нагнали. Но прошло еще много времени, прежде чем войска получили пищу. Австрийское военное ведомство было неплохим. Госпитали были даже образцовыми учреждениями, хотя по числу их нехватало, и ощущался чувствительный недостаток врачей, что объяснялось полувосточным состоянием культуры и хроническими финансовыми затруднениями. Однако, в австрийском интендантстве многое было устаревшим. Французы не только получали кофе с сахаром, но имели уже растительные и мясные консервы, сокращавшие почти вдвое время приготовления пищи. Напротив, у австрийцев, как сказано в записке одного австрийского военного, «гурты убойного скота несоразмерно удлиняли походные колонны, а распределение и заготовка его требовали обоза [2], который висел свинцовой гирей на каждой операции».

Это обнаружилось и при наступлении 24 июня 1859 г. Приготовление пищи в дивизии принца Гессенского могло начаться лишь около 7 час. и окончилось после 10 час., так что войска только около 10 ч. 30 м. утра поели и были готовы к походу.

---

[1] При Маджента — дивизия Рейшаха. Нового начальника ее мы знаем по Монтебелло. Другой дивизией 7-го корпуса командовал уже не Лилия, а Бранденштейн. — *Прим. авт.*

[2] Impedimentum.

Так как механизм большой армии не может функционировать без трений,— потому что, строго говоря, это совсем не механизм, а организм,— и так как недочеты в организации и техническом оборудовании бывают в самых лучших армиях, то подобные нежелательные явления на войне неизбежны. Тем непростительнее было, что австрийское верховное командование обременило армию двумя бесполезными переходами через р. Минчио — отступление за эту реку и снова переход в наступление. Если Рамминг в своей оправдательной записке говорит, что это было неправильно примененное правило «reculer pour mieux sauter» [1], то таким гимнастическим сравнением он не может замаскировать отсутствие руководящей идеи в австрийском управлении.

При беспрерывном изменении стратегических распоряжений интендантство совершенно потеряло голову. В Милане, Пиаченце и Павии пропали военные запасы, на которые оно рассчитывало. Особенно нехватало интендантству хлебопекарных печей, оставленных в Павии; оно имело муку, но не могло ее перепечь в хлеб, так что и в австрийской армии пришлось прибегнуть к поленте.

Самое большее в 10 дней все было бы приведено в порядок, хотя число людей, состоявших на довольствии, вследствие прибытия подкреплений сильно возросло; но 24 июня проектированное наступление на Кастильоне было чувствительно заторможено продовольственными затруднениями. До 9 час. утра не хотели выступать, так как, не говоря уже о положении дел в 7-м корпусе, войска могли приготовить пищу самое раннее около этого времени. Гесс желал выступить между 7 и 8 час., не обращая внимания на еду, но уступил протестам корпусных командиров. При этом нужно принять во внимание, что перебои в снабжении продовольствием начались еще раньше этого дня; некоторые войсковые части уже двое суток не получали горячей пищи, так что нежелание генералов итти с голодающими войсками в решительное сражение является понятным. Несмотря на это, следует сказать, что более раннее выступление было бы чрезвычайно полезно ввиду намерения атаковать Наполеона до его сосредоточения. Майор Аппель донес 22 июня, что неприятель разделен на две части, которые бивакируют в расстоянии одного перехода одна от другой. Каким образом можно было 24 июня надеяться использовать указанное разделение при таком позднем завтраке?

У Гесса была прямо-таки навязчивая идея, что это все-таки должно удасться. Между тем 23 июня австрийские патрули наблюдали на высотах Кастильоне и Лонато большие биваки, а на равнине между Карпендоло и Гвидиццоло многие пехотные и кавалерийские полки 2-го французского корпуса, нащупывавшие местность впереди Минчио. При таких условиях Гессу, казалось бы, должна была броситься в глаза возможность сосредоточения союзников на левом берегу р. Чиезы.

По его инструкциям, данным командующему 2-й армией Шлику, эта армия должна была 24 июня действовать следующим образом: 8-й корпус выступает часом раньше остальных войск, т. е. в 8 час. утра, и идет на Дезенцано и Лонато; другие войска 2-й армии направляются на Кастильоне; все три корпуса — 5, 1 и 7-й — по одной дороге, а именно — по той узкой и плохой дороге от Ле-Гроле, прохо-

[1] «Отступить, чтобы лучше прыгнуть».

димость которой для всех родов войск была установлена как раз в этот день разведкой 1-го французского корпуса.

Гесс внушил себе уверенность, что сил 2-й армии будет достаточно для подавления союзников на левом берегу Чиезы (только головных частей, как он думал); но в случае надобности должен был вступить в дело и Вимпфен, командовавший 1-й армией, которую Гесс направил на Карпенедоло. 1-й армии — 9, 3 и 11-му корпусам — предписывалось также двигаться по одной дороге, через Медоле.

Дивизия Елачича 2-го корпуса, выделенная 1-й армией к Маккариа на р. Оглио, получила приказание прибыть в Кастель-Гоффредо самое позднее около 1 часа пополудни, чтобы там прикрыть левое крыло главных сил от 5-го французского корпуса, а именно — от дивизии Отемара. Следовательно, верховное командование предполагало, что главные силы пройдут 10—12 км до Кастильоне и Лонато, примерно, в 4 часа. Это было чересчур оптимистично при походном порядке, о котором эрцгерцог Альбрехт на полях сочинения Рамминга [1] написал: «Мы имели по 3 корпуса один за другим на каждой из двух узких дорог и поэтому могли развернуться лишь очень медленно, по каплям».

Впрочем в ночь с 23 на 24 июня, когда приказы Шлика и Вимпфена были получены корпусами, план Гесса стал уже невыполнимым, поскольку 7-й корпус, если он сперва еще должен был отобедать, видимо, был не в состоянии выступить одновременно с остальной армией. Это неприятное обстоятельство было еще неизвестно австрийскому верховному командованию, когда рано утром 24 июня произошло внезапное нападение противника на австрийский лагерь. Гесс тогда еще думал, что после полудня ему удастся сравнительно легко справиться с головными частями союзников, но что на следующий день придется дать большое и трудное сражение, на этот раз, вероятно, на правом берегу Чиезы. Для второго сражения он рассчитывал на дивизию Риттера, которой утром 24 июня было указано по телеграфу на другой день до полудня соединиться с дивизией Елачича у Кастель-Гоффредо. Затем Гесс надеялся со своими 175 000 чел. прижать 157 000 чел. Наполеона и Виктора-Эммануила к Тирольским Альпам.

Я уже отметил, что по приказам Наполеона на 24 июня каждый корпус должен был наступать по особой дороге. Следовательно, они могли развернуться для боя гораздо скорее, чем австрийцы. Эта разница в походном порядке обеих сторон имеет более глубокие причины. Насколько австрийское верховное командование было вообще настроено пессимистично, настолько же оно не питало доверия и к корпусным командирам. Во время наступления и развертывания оно хотело иметь Шлика и Вимпфена под своим непосредственным контролем, для чего и были образованы чудовищные колонны. Действительно, между корпусными командирами, за исключением Бенедека, не было личностей, которые могли бы импонировать. Граф Клам-Галлас, князь Лихтенштейн, князь Шварценберг, граф Стадион, граф Шафготч, барон Цобель, ф.-Фейгель — все это лишь аристократические или чиновные типы, но не индивидуальности. Корпусные командиры на противной стороне были другого масштаба: герцог Маджентский; Бараге — человек из извести и железа; Канробер —

[1] Издано в Вене в 1909 г. — *Прим. авт.*

победитель под Инкерманом; Ниель — доверенное лицо Наполеона; наконец, «социалистический принц» во главе 5-го корпуса. В общем — генералитет, окунувшийся в демократический бурун века и оживленный прибоем его волн; вожди австрийской армии, наоборот, выходцы из могил, просто призраки (Pi'ger des Grabes, blosse Schemen)[1].

Бартельс рассказывает, что в 8 час. вечера 23 июня он в качестве начальника штаба 7-го корпуса отправился к начальнику штаба 2-й армии фельдм.-лейт. Скюдье и обратил его внимание на то, что при неровной горной дороге марш трех корпусов друг за другом приведет к величайшим задержкам. Скюдье ограничился ответом: «Завтра — марш к Чиезе; послезавтра — сражение; все, как приказано; руководствуйтесь диспозицией».

Гесс и Наполеон сделали одинаковую ошибку, отдав приказы только для похода, но не для сражения. В диспозициях обоих полководцев были указаны цели марша для отдельных корпусов или войсковых колонн. В диспозиции Наполеона говорилось: сардинская армия идет на Поццоленго, 1-й корпус — на Сольферино, 2-й корпус — на Кавриану, 3-й корпус — через Кастель-Гоффредо на Медоле, 4-й корпус — через Медоле на Гвидиццоло. Гесс назначил: 8-му корпусу итти на Дезенцано и Лонато, остальным войскам 2-й армии — на Кастильоне; 1-й армии — на Карпенедоло. О возможности сражения не упоминается ни во французской, ни в австрийской диспозициях. Оба полководца, приказав опрокинуть встреченные на пути неприятельские войска, не ожидали сражения и сходились в предположении, что перед ними только головные части, а не главные силы противника. Но: «Si duo facient idem non est idem»[2]. Наполеон совершенно прав, говоря в сочинении своего генерального штаба, что он не мог предвидеть нелогичные маневры австрийцев; наряду с этим нужно сказать, что в самовнушении Гесса, будто Наполеон 24 июня еще не сосредоточится, австрийская опрометчивость достигла своего кульминационного пункта. Однако, она объясняется отнюдь не недостатком разума. Проиграв сражение, как и весь поход, по собственной вине, руководящие австрийские круги создали о Сольферино целую литературу, которую можно видеть. Трагедия австрийского управления заключалась в том, что оно более не верило в собственное государство.

Вследствие этого недоверия пехота не обучалась бою в рассыпном строю, так как солдат ненемецкой национальности подозревали в стремлении дезертировать. Дух времени слыл смертельным врагом армии, а потому дисциплина применялась в противоречии с современными воззрениями. Назначались еще шпицрутены, и это наказание было столь жестоко, что военная юстиция считала его равным 6-месячному аресту.

Все молодые солдаты были назначены в действующую армию; отпускных и резервистов, т. е. лучше обученных солдат, использовали, насколько возможно, в крепостях, потому что старые люди политически более самостоятельны.

---

[1] Вся эта высокопарная и не совсем ясная характеристика в части, относящейся к французам, не выдерживает критики. Генералы Наполеона также не стояли на высоте тогдашнего военного искусства, что доказывает сам автор описанием их действий в крымскую, итальянскую и особенно франко-прусскую войну, когда они были побиты немецкими генералами, которые тоже делали много ошибок и совсем не окунались в «демократический бурун» (?!).

[2] «Если двое делают одно и то же, результат не один и тот же».

Подготовкой к бою в рассыпном строю пренебрегали также и вследствие затруднений в языке. Хотя в большинстве полков были приняты 3—4 наречия и имелось также много капитанов и лейтенан-

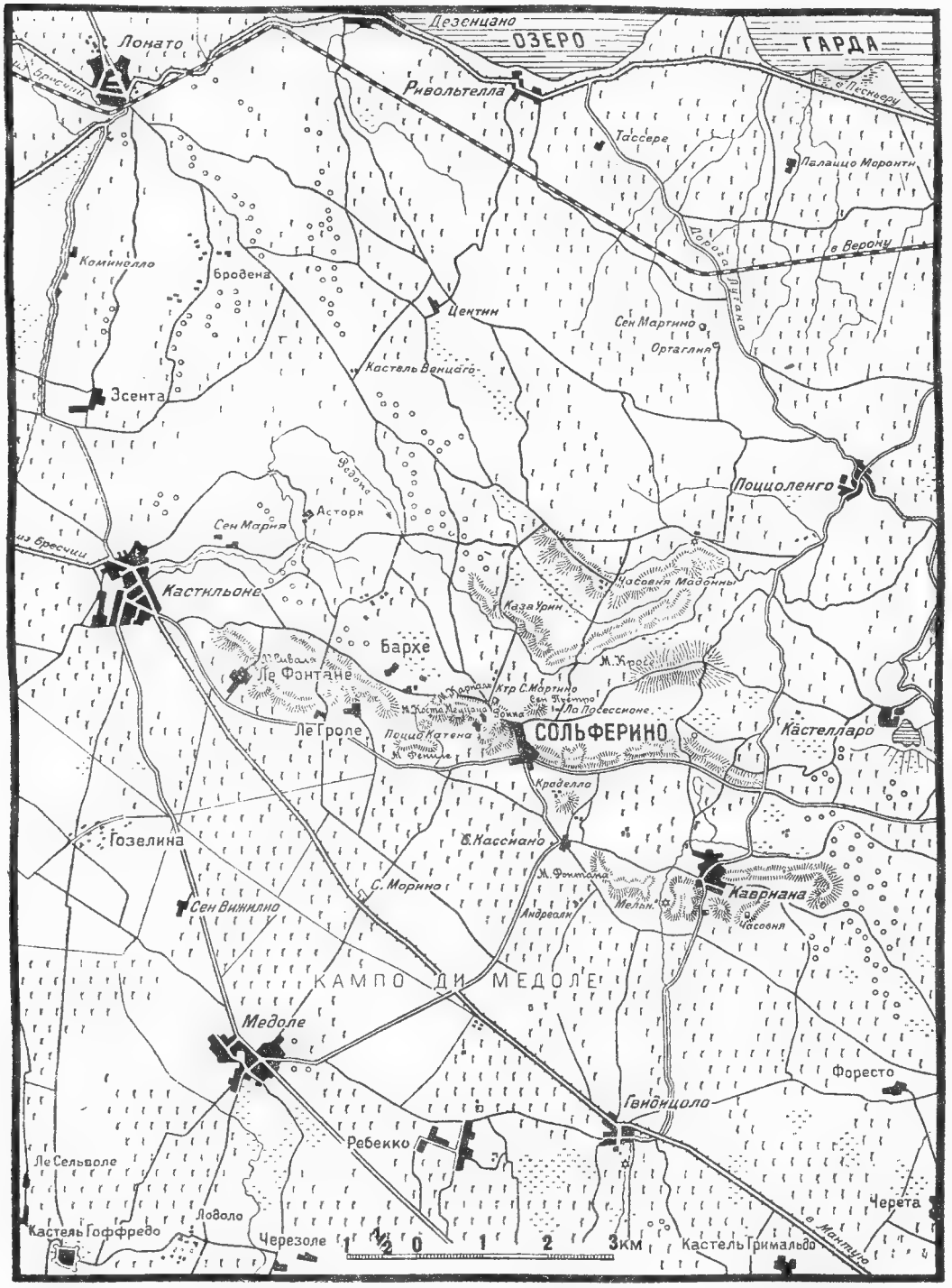


Схема 16. Район сражения при Сольферино (24/VI 1859 г.).

тов, владевших этими наречиями, однако, именно такие офицеры вызывали особенно сильное недоверие в политическом отношении.

Часто это были офицеры ненемецкого происхождения, произведенные из унтерофицеров вследствие недостатка офицеров с лучшей подготовкой. Повидимому, они ненавидели высший военный слой из немецких офицеров, а последние чувствовали, что их умышленно чуждались.

В австрийской армии всегда одни чины не доверяли другим: верховное командование и командующие армиями — корпусным командирам; последние — штаб-офицерам, а штаб-офицеры — обер-офицерам, наконец, все вместе — солдатам. По этой причине каждый хотел иметь каждого под своим непосредственным наблюдением, хотя бы от этого и страдали организация и маневроспособность целого. Сознание этих глубоко вкоренившихся тактических недостатков армии много способствовало тому, чтобы запутать стратегическое мышление верховного командования. Последнее намеревалось теперь вдруг проявить инициативу, которую до сих пор оно навязывало противнику. Но тут уже совершенно изменили нервы, и поразительно помутилась сила суждения. Наполеон молча организовал походное движение таким образом, чтобы в случае неожиданного столкновения с неприятельскими главными силами все его войсковые части могли быть использованы быстро и правильно. Напротив, австрийское верховное командование слепо цеплялось за химеру, будто армия может натолкнуться на противника не раньше, чем на р. Чиезе. Рамминг, разработавший приказ на 24 июня, говорил в своей оправдательной записке, что выступление неприятеля от р. Чиезы уже между 2 и 3 час. утра явилось непредвиденным обстоятельством.

Сравнение походных порядков кавалерии обеих армий особенно ясно показывает, насколько французское командование было осмотрительнее. При Маджента вследствие свойств местности этот род войск не играл роли; только в нерешительном бою при Робекко к удивлению французов полк. Эдельсгейм со своими прусскими гусарами однажды выручил попавшую в затруднительное положение австрийскую пехоту. Казалось, что 24 июня кавалерии обеих армий представлялись возможности, которых не было 4 июня. Между Медоле и Кавриана простиралась на нескольких квадратных километрах редкая для Северной Италии местность — поле для выпаса скота, Кампо-ди-Медоле, пригодное для действий кавалерии в сомкнутых массах [1]. Через Кампо должны были пройти с австрийской стороны походная колонна 1-й армии, а с французской стороны — 4-й корпус. Французское верховное командование применилось к этой обстановке, изъяв у командиров 1-го и 3-го корпусов их кавалерийские дивизии и придав их 4-му корпусу. Последний располагал теперь в пустоши Медоле 40 эскадронами. Рамминг мог бы легко парировать этот шахматный ход, предложив Гессу придать к кавалерийской дивизии Цедтвица 1-й армии кавалерийскую дивизию Менсдорфа из 2-й армии. Тогда образовался бы под командой Вимпфена кавалерийский корпус в 52 эскадрона, численно превосходивший кавалерию 4-го французского корпуса [2]. Но так как Рамминг не думал, что французы предупредят австрийцев, то его сознание не было обременено картиной конных боев в пустоши Медоле. Он спокойно оставил дивизию Менсдорфа под командой Шлика, так что каждая из кава-

[1] Судя по приложенному плану, эта пустошь не доходила до Каврианы и имела в глубину всего 3 км при ширине от 1,5 до 4 км.

[2] С обеих сторон эскадрон нужно считать в 100 коней.—*Прим. авт.*

лерийских дивизий принадлежала к разным армиям. Их гармоническое совместное выступление на единственном пункте, где они могли действовать при наступлении французов к Минчио, стало, таким образом, проблематичным.

Для 1-й австрийской армии, которая должна была пройти через пустошь Медоле, это было тем рискованнее, что своеобразная судьба лишила ее в день сражения и собственной кавалерийской дивизии. Нервность, овладевшая австрийскими генералами, особенно сбила с толку фельдм.-лейт. барона Цедтвица. Он бивакировал с большей частью своей дивизии у Медоле, когда около 6 час. утра 24 июня несколько снарядов попало в войска [1]. Приближалась голова 4-го французского корпуса. Наполеон ввел во французской армии нарезные орудия, тогда как австрийцы имели еще гладкие [2]. На местности Маджженты эта разница не сказалась, но при Сольферино для артиллерии открылось еще более широкое поле действия, чем для кавалерии. На фельдм.-лейт. Цедтвица произвела огромное впечатление дальность стрельбы французских орудий, которую он не мог согласовать со своим опытом. Он бежал со своими 16 эскадронами, полагая невозможным (как впоследствии показал на военном суде) успешно действовать на пустоши Медоле. Благоприятную для кавалерии местность он думал найти только у Гоито, лежащего в 16 км за Медоле на Минчио. После 3-часовой Одиссеи Цедтвиц со своими драгунами и гусарами достиг Гоито, за исключением нескольких эскадронов, выскользнувших у него из рук и исчезнувших по направлению на Гвидиццоло.

Попытки Вимпфена найти при помощи высланных офицеров свою кавалерийскую дивизию остались безрезультатными до конца многочасового сражения.

Резкий контраст с поведением этих войск составляло мужество 2 батальонов, защищавших Медоле от неожиданной атаки 4-го французского корпуса. Бой с переменным успехом продолжался тут часами. Австрийцы принадлежали к бригаде Блуменкрона 9-го корпуса. Они донесли о неприятельской атаке этому генералу, который с 3 остальными батальонами своей бригады стоял на биваке западнее Гвидиццоло. Но Блуменкрон не оказал помощи своим и не передал их донесения высшей инстанции. Он придерживался приказов верховного командования на этот день, которые основывались на предположении, что между реками Минчио и Чиезой могут быть, самое большее, неприятельские разведчики.

Так думал и сам Вимпфен. Когда офицер, прискакавший из Медоле в Гвидиццоло, вбежал в его комнату и, запыхавшись, доложил, что неприятель наступает, Вимпфен с улыбкой приказал ординарцу подать молодому человеку для укрепления сердца чашку кофе, после чего снова обратился к своим бумагам, трактовавшим о марше к р. Чиезе.

Для взятия Медоле французам пришлось развернуть всю дивизию Луци. В конце концов только пятая часть австрийцев (а из офицеров даже только десятая часть) спаслась от смерти или плена.

После занятия Медоле, около 6 ч. 30 м., 4-й французский корпус не мог тотчас же (согласно инструкции) продолжать движение на

[1] В тексте сказано «Kanonenkugeln», т. е. «пушечных ядер» (?!).

[2] Зато австрийцы имели нарезные ружья, а французы по большей части гладкие.—*Прим. авт.*

Гвидиццоло, потому что его правое крыло до прибытия 3-го корпуса висело в воздухе. 3-му корпусу предстоял долгий путь, так как утром 24 июня он стоял еще на правом берегу Чиезы, которую нужно было перейти по мосту на козлах, принадлежавшему сардинцам. Каждая из 3 дивизий употребила на это 2 часа. Хотя корпус выступил по приказу в 2 ч. 30 м. утра, его голова вряд ли могла прибыть к Медоле раньше 10 час.

У Кастель-Гоффредо 3-й корпус встретил австрийскую кавалерию. Это была меньшая часть дивизии Цедтвица: 12 эскадронов гусар под командой ген.-майора Вопатерни, наблюдавшего местность по направлению к р. По с целью охраны левого фланга армии, наступавшей на Кастильоне со стороны принца Наполеона.

Бригада Вопатерни отошла перед неприятельскими массами на Гоито, после чего вместе с другой бригадой дивизии Цедтвица совершенно устранилась на остаток дня.

В ожидании 3-го французского корпуса 4-й корпус укрепился в Медоле. Слева от него уже прибыл 2-й корпус, занявший Каза-Морино на западном краю пустоши. Тут стояла биваком австрийская бригада Фельмайра, составлявшая вместе с бригадой Блуменкрона дивизию Кренневилля. Фельдм.-лейт. граф Кренневилль лично отправился в Казаморино и, увидев французов перед своим фронтом, донес командиру 9-го корпуса, фельдм.-лейт. графу Шафготчу, о наступлении значительных неприятельских сил. Бригаде Фельмайра, занятой варкой пищи, Кренневилль приказал опрокинуть котлы и приготовиться к выступлению. Однако, потом у него создалось впечатление, что перед ним только разведчики, и он отменил свое донесение Шафготчу.

Левее 2-го французского корпуса к Сольферино приближался по двум дорогам 1-й корпус. 2 батальона австрийской бригады Бильса, занимавшие сторожевое охранение у Ле-Гроле и Бархе, угрожаемые с фронта дивизией Форея и с тыла — дивизией Ламиро, отступили на свои главные силы к Монте-Карналь. В 6 ч. 30 м. командир 5-го австрийского корпуса, фельдм.-лейт. граф Стадион, уведомил об этих событиях главную квартиру 2-й армии, находившуюся в Вольта; но ни Стадион, ни Шлик не придали им значения. Однако, французы становились все многочисленнее как на Монте-Карналь против бригады Бильса, так и у Поццо-Катена, где стояла бригада Пухнера. Тогда 5-й корпус опрокинул котлы с пищей и приготовился к бою. В 8 час. Стадион заметил, что целая неприятельская дивизия (Форея) наступает через Ле-Гроле прямо на эти обе бригады, а вторая неприятельская дивизия (Ламиро) старается обойти их справа. Стадион донес Шлику, что Сольферино, несомненно, атакуется большими массами; одновременно он просил фельдм.-лейт. Клам-Галасса с 1-м корпусом, бивакировавшим у Кавриана, двинуться к Сольферино.

Сольферино лежит на дороге в Кастильоне, по которой, согласно диспозиции, должен был следовать 1-й корпус. Из 5 бригад 5-го корпуса только 3 могли образовать фронт против французов, остальным 2 пришлось дать другое назначение: левее 1-го французского корпуса 3 сардинские дивизии шли на Поццоленго. Тут разведка, которую Наполеон приказал произвести утром перед сражением, не выяснила австрийских сил. Прибывший из Парижа знаменитый воздухоплаватель Годар, поднявшийся утром на своем привязном шаре, не заметил у Поццоленго никаких неприятельских войск, кроме трех всад-

ников в тылу у Монцамбано. Из всех этих наблюдений сардинцы сделали вывод, что им скорее всего удастся уничтожить немногочисленных австрийцев у Поццоленго, если они сами будут также наступать небольшими подвижными отрядами. Было выдвинуто 10 сардинских батальонов, частью к оз. Гарда, остальные по Strada Lugana [1] и горной тропе, ведущей в Сольферино между Вензаго и часовней Мадонны. Главные силы сардинской армии следовали за этими авангардами на большом расстоянии.

Между тем у Поццоленго стояло не менее 30 австрийских батальонов: 8-й корпус под начальством Бенедека, усиленный бригадой 6-го корпуса. Для войск варилась пища, когда около 6 ч. 30 м. было получено донесение о наступлении сардинских авангардов. Бенедек не думал, чтобы за ними следовали значительные силы, а полагал, что происходит лишь разведка в несколько большем размере. Следовательно, его оценка обстановки оставалась вполне в рамках диспозиции Гесса. Но в отличие от других корпусных командиров Бенедек имел перед собой противника слабого и раздробленного, который сначала не мог получить подкрепления. Бенедек приказал опрокинуть котлы и корпусу стать в ружье. В 8 час. авангарды дивизий Кукхиари и Моллара под начальством полк. Кадорна были совершенно разбиты. Они хлынули на свои главные силы и вызвали там сильный упадок духа. Только авангард дивизии Дурандо продолжал оказывать чувствительное моральное давление на австрийцев у Сольферино, действуя в направлении через часовню Мадонны.

Итак, во 2-й австрийской армии положение в 8 час. было таково: 8-й корпус разбил передовые войска союзников и намеревался теперь совершить предписанный марш на Дезенцано и Лонато; 5-й корпус, который должен был итти на Кастильоне, установил, что ему преграждали путь по меньшей мере равные неприятельские силы. Он призвал на помощь 1-й корпус, который последовал приглашению, предварительно опрокинув котлы подобно 5-му и 8-му корпусам. 7-й корпус еще оставался на своем биваке у Форесто и Вольта: дивизия Бранденштейна — без перспективы обеда, а дивизия принца Гессенского — готовясь к варке пищи.

В 1-й австрийской армии после потери Медоле только 2-й корпус, бивакировавший дальше всех позади, упорствовал в желании дать людям отобедать; 9-й и 3-й корпуса отказались от этого и стали в строй. Правда, Вимпфен все еще не разобрался в обстановке; 2-й французский корпус, стоявший у Каза-Морино, оставался попрежнему незамеченным. Вообще Вимпфен не знал, что главные силы союзников подошли к Минчио; он полагал, что имеет дело лишь с неприятельскими передовыми частями, против которых с целью отобрания Медоле он ввел в бой 9-й и 3-й корпуса; по достижении этого он приказал продолжать предписанный марш на Карпенедоло.

В 8 ч. 45 м. Вимпфен отправился из Вольты в Гвидиццоло, чтобы взять в свои руки управление боем. Он приказал дивизии Шенбергера 3-го корпуса остаться у Гвидиццоло в резерве для обеспечения левого фланга армии. Следовательно, для наступления были в распоряжении 3 дивизии. Из 4-го французского корпуса сначала находились впереди дивизии Луци и Винуа; дивизия де-Фалльи боролась еще с трудностями верхнеитальянской местности. Но Вимпфен мог

[1] Strada — дорога.

успешно использовать свое численное превосходство, только обходя противника. Он не думал этого делать на своем левом крыле, потому что тут наступал 3-й французский корпус, и, кроме того, Вимпфен опасался вступления в дело 5-го французского корпуса, от которого он считал себя недостаточно прикрытым двигавшейся от Маркарии дивизией Елачича. Он сам приказал Елачичу остаться в Маркарии, если подтвердится слух о движении к этому пункту значительных неприятельских сил из Кремоны.

Правда, 5-й французский корпус представлял простое пугало, а против 3-го французского корпуса Вимпфен имел еще в резерве 2-й корпус; местность к югу от Медоле была хотя и равнинная, но сильно пересеченная. Так как австрийская армия вторгалась в это пространство с необеспеченным флангом, то Вимпфен считал само собой понятным применение на своем левом крыле тактики осторожной обороны.

Пытаясь произвести охват своим правым крылом, Вимпфен натолкнулся на очень большие затруднения. Прежде всего обнаружилось присутствие 2-го французского корпуса, о подходе которого было донесено еще за несколько часов, но с позднейшей отменой этого донесения. Этот корпус стоял у Каза-Морино; между ним и 4-м французским корпусом лежала незанятая пустошь Медоле. Когда в 9 час. дивизия Габермана 3-го австрийского корпуса пожелала вторгнуться в этот интервал неприятельского боевого порядка, командир корпуса, фельдм.-лейт. князь Шварценберг, для подготовки наступления сосредоточил всю свою артиллерию на краю пустоши. Австрийские 3-й и 9-й корпуса имели вместе 144 орудия, 4-й и 2-й французские — только 96. Но прогресс военной техники, выразившийся в нарезных орудиях, введенных императором Наполеоном, явился тяжелой гирей на весах судьбы. Австрийская артиллерия не смогла справиться с французской, которая от Медоле и Каза-Морино взяла под перекрестный огонь пустошь, представлявшую абсолютную tabula rasa[1], без единого дерева или куста. Австрийская пехота, не находившая от этого огня никакого укрытия, была вынуждена отойти до Казануова и прилегавших древесных насаждений.

Если бы под рукой был артиллерийский резерв австрийской армии, то, пожалуй, он мог бы задавить неприятельскую артиллерию массой материала. Однако, из этого резерва 24 орудия были приданы Вимпфену, 112 орудий — Шлику. Батареи Вимпфена еще не были подвезены к фронту, батареи же Шлика были оставлены на левом берегу Минчио у Розегафферо. Ставя упомянутый факт в вину австрийскому верховному командованию, нужно иметь в виду, что и Наполеон поступил так же. Он оставил артиллерийский резерв своей армии — 90 орудий — по ту сторону Чиезы в Монтихиари. Обе стороны не ожидали на 24 июня большого сражения.

Так как Вимпфен с 3-м корпусом был задержен артиллерией и 2-м корпусом французов, а от охватывающего движения левого крыла 9-го корпуса он отказался, то ему оставалось лишь с последней частью наступать прямо с фронта. Шансы такой примитивной тактики были тем меньше, что она проявила в полной мере недостатки, присущие способу ведения боя австрийской пехотой. С трудностями местности в Ломбардии она не справилась. Бригада

[1] Совершенно открытое пространство. У римлян tabula rasa—восковая дощечка для письма, на которой пока еще ничего не написано.

Бенедека, стоявшая западнее Робекко, в 7 ч. 30 м. перешла в наступление по дороге на Медоле. В 400 шагах от этого пункта она столкнулась с бригадой Дуэ. Ей пришлось оставить дорогу, но находившиеся рядом каналы помешали «свободному сомкнутому движению бригады». При переходе через рвы батальоны разошлись, и далее им уже не удалось восстановить связь. Стрелки ген.-майора Дуэ позаботились о том, чтобы античная басня о пучке стрел оправдалась на этих австрийских батальонах. До 9 час. бригада Бенедека понесла столь тяжелые потери, что фельдм.-лейт. Шафготч совсем вывел ее из боя, отправив за Гвидиццоло.

Бригада Бенедека вместе с бригадами Кастильоне и Вимпфена составляла дивизию Хандль. Бригада Вимпфена наступала левее Бенедека, но далеко от нее отстала, так как не могла пользоваться дорогой и сильно отклонилась от указанного направления. Все же она достигла ближайших окрестностей Медоле. Но когда тут ее встретила французская бригада Ле-Нобль, она, — по словам сочинения австрийского генерального штаба,— была побеждена местностью и стрелками. Большая часть 1-го батальона полка Россбах была отрезана и наполовину взята в плен. В 9 час. Шафготч эту бригаду также отвел на резервную позицию. Зато он выдвинул бригаду Кастильоне против селений Баите и Робекко. В самом начале ее столкновения с французской бригадой Дуэ граничары из Градиски[1], составлявшие крайнее левое крыло бригады и не умевшие двигаться среди густой сети ирригационных канав, были отрезаны от главных сил. Все атаки последних на Баите и Робекко были отражены. В 10 ч. 30 м. Шафготчу пришлось и эту бригаду убрать назад на полпути от Гвидиццоло, чтобы она там собралась.

Таким образом, 3 бригады дивизии Хандль были прикончены; не лучшая участь постигла и другую дивизию 9-го корпуса, Кренневилля.

После того как часть бригады Блуменкрона в Медоле была внезапно атакована и уничтожена, Кренневилль отвел под напором французов остаток ее к виноградникам у Гвидиццоло. Затем, получив приказание снова взять Медоле, он двинул эту бригаду вместе с обломками батальонов, стоявших в Медоле, по обеим сторонам шоссе Гвидиццоло — Медоле. Свою другую бригаду, Фельмайра, он выслал частью в том же направлении, частью же на Казануова.

Опять-таки покрытая земледельческой культурой местность сделалась роковой для австрийцев. Отряды дивизии Винуа, которые гнездились на ней правее бригады Блуменкрона, произвели на последнего такое подавляющее впечатление, что он неожиданно изменил цель марша бригады и вместо Медоле пошел на Казануова. 3-й батальон полка эрцгерцога Франца-Карла не последовал за ним, а продолжал согласно первоначальному приказанию наступать на колокольню Медоле. Таким образом, он стремился к гибели. С фронта против него выступил один пехотный полк 4-го французского корпуса. Артиллерия в Медоле обстреливала этот батальон слева, другая артиллерия — с тыла. Отсюда он был также атакован кава-

[1] Граничары—военнообязанное население, жившее на территории так называемой «Военной границы» за Динарскими Альпами и реками Кульпа, Унна, Сава и Дунай. Эта территория разделялась на три генералата: Кроатский, Славонский и Банатский. В период с 1851 по 1881 гг. «Военная граница» была постепенно упразднена.

лерией 2-го корпуса,— первое успешное наступательное движение, выполненное французской кавалерией во время этой войны.

Батальон был почти уничтожен: только четверть солдат и пятая часть офицеров пробились на Гвидиццоло.

Остальные части бригады Блуменкрона, свернувшие на Казануова, заняли это селение в 8 ч. 30 м. и удержались в нем при поддержке бригады Фельмайра, ведя бой с переменным успехом. Австрийцы сражались храбро, и свалка была большая. Но австрийский способ ведения боя и тут оказался несостоятельным. Как в бригаде Кастильоне граничары из Градиски, так и другие граничары у Блуменкрона и Фельмайра были побеждены местностью. Она походила на лес благодаря частым рядам тутовых деревьев, перевитых виноградной лозой. Земля была во многих местах прорезана глубокими оросительными каналами. Улицы и дороги имели по сторонам водяные рвы, к которым еще присоединялись плотные изгороди.

Ловкие французские стрелки отрезали граничар от других батальонов и привели их в такой беспорядок, что они стали небоеспособны, и их пришлось удалить из боевой линии.

Этими граничарами были преимущественно славяне, отчасти также и румыны. В Семилетнюю войну они под именем кроатов показали себя хорошо, особенно при Лобозиц. Бартельс дает живую характеристику этого войска. Он рассказывает, что граничары проявляли презрение к смерти при краже кур, но очень заботились о своей безопасности в бою; их офицеры отличались пассивностью, — отчасти по национальному предрасположению, частью же от того, что у них отсутствовала государственная идея и было мало преданности династии.

Однако, Бартельс говорит, что если эти полудикари имеют командира, внушающего им уважение, то они идут за ним в огонь и воду. Мы позволим себе добавить: то, что относится к командиру отдельной воинской части, имеет силу и для верховного командования. Стратегия, которая с начала войны сама отчаялась, потому что ей нехватало доверия к собственному государству, могла столь же мало импонировать южным славянам и румынам, как и венграм.Таким образом, создалась атмосфера взаимного недоверия, которое деморализовало армию сверху донизу и явилось главной причиной того, что в войне, богатой шансами, все благоприятные случаи были упущены.

Удержание Казануовы было скудным результатом многочасового наступления 9-го корпуса, обе дивизии которого оказались не в состоянии, несмотря на поддержку 3-го корпуса, взять обратно Медоле.

В 10 час. на противной стороне прибыла дивизия Фалльи, так что 4-й корпус собрался в полном составе. Одновременно подошли кавалерийские дивизии Дево и Партуно, приданные 4-му корпусу. Разумеется, командир последнего направил их к пустоши Медоле, где они заполнили интервал между 4-м и 2-м корпусами. Их конные батареи еще более увеличили перевес сил, который французская артиллерия у Медоле и Каза-Морино имела над артиллерией 3-го австрийского корпуса на восточном краю пустоши.

Теперь подошла также голова 3-го французского корпуса. У Кастель-Гоффредо корпус услышал канонаду и поспешно двинулся по проселочным дорогам на Медоле.

Однако, во французском боевом порядке все еще имелся разрыв. Между 2-м корпусом у Каза-Морино и 1-м корпусом у Сольферино 2 км были совершенно не заняты. Сюда назначалась гвардия, которая на рассвете выступила из Монтихиари и в 8 час. достигла Кастильоне. Ей предстоял еще долгий путь до поля сражения. Между тем в этом интервале французского боевого порядка развернулся с 4 эскадронами гусар дивизии Мендорфа полк. Эдельсгейм, отличившийся при Мадженте. В распоряжении 3-го австрийского корпуса было несколько часов, чтобы, предупредив гвардию, вдвинуться сюда и разорвать французскую армию. Эрцгерцог Альбрехт в своих замечаниях на полях оправдательной записки Рамминга совершенно справедливо сказал: «Прямо на Кастильоне, и сражение было бы выиграно».

Австрийским батареям на восточном краю пустоши следовало прикрыть тыл Шварценберга от пехоты 2-го французского корпуса. Бартельс замечает, что австрийская артиллерия, несмотря на низкое качество своих орудий, могла это сделать. Но внимание Вимпфена было непосредственно обращено на дорогу Медоле — Кастильоне, причем он действовал в полном согласии с намерениями верховного командования.

Когда Наполеон между 10 и 11 час. из своей главной квартиры Монтихиари приехал в Каза-Морино и с одной высоты осмотрел панораму, расстилавшуюся у его ног, он сказал: «C'est une affaire générale»[1]. До этого момента он все еще верил в бой с австрийскими арьергардами. Первая забота его была об интервале слева. Он приказал Мак-Магону замкнуть его передвижением влево.

Как мы видели, на правом крыле Мак-Магона пустошь была совершенно заперта для австрийцев. Все попытки пехотной дивизии Шенбергера из 3-го корпуса перейти пустошь, чтобы поддержать наступление 9-го корпуса, не удались уже в самом начале. Австрийская артиллерия на краю пустоши понесла в дуэли с французской артиллерией самые тяжелые потери. Так как большая часть зарядных ящиков уже потеряла свою запряжку, то австрийская артиллерия по-полубатарейно отправилась в тыл за снарядами.

Кавалерийская дивизия Мендорфа 2-й армии добровольно предоставила себя в распоряжение Вимпфена, потому что только дорога на Медоле давала простор для действий конницы. Таким образом, ошибка в организации австрийского походного движения, состоявшая в назначении в каждую армию по одной кавалерийской дивизии, на практике не оказала влияния. Однако, Мендорф также не смог наступать через пустошь. Не говоря уже о том, что он имел мало эскадронов, после того как его товарищ Цедтвиц в самом начале сражения бежал (на пустоши маневрировало 48 французских эскадронов, а Мендорф имел только 16), — одна его слабость в конной артиллерии подавила в зародыше начатое им в 10 ч. 30 м. наступление. Его 2 конных батареи с гладкими орудиями были бессильны против 5 неприятельских батарей с нарезными орудиями, под перекрестный огонь которых они попали. Мендорф отказался от атаки и отвел свою кавалерию назад из сферы наиболее действительного огня французской артиллерии.

---

[1] «Это генеральное сражение».

Однако, Мак-Магон находил, что пустошь недостаточно обеспечена артиллерией и кавалерией. Он послал своего начальника штаба Лебрена к Ниелю, командовавшему 4-м корпусом, с поручением передать ему, что по приказу императора он (Мак-Магон) должен передвинуться влево, но может это выполнить лишь при условии, что 4-й корпус сделает то же самое. Несмотря на то, что Ниель имел против себя 9-й и 3-й австрийские корпуса, он согласился исполнить эту просьбу, поставив лишь справедливое условие, чтобы 3-й корпус занял его место у Медоле.

3-м корпусом командовал Канробер. Наполеон только что переслал ему донесение некоего Ферджи Андреа из Азола, помеченное 8 час. вечера 23 июня, в котором говорилось, что один извозчик из Мантуи видел перед этим городом 20 000 — 30 000 австрийцев всех родов оружия, дефилировавших из Порто-Праделла; они будто бы двинулись на Маркарию. Извозчик видел дивизию Елачича, но преувеличил ее силы от 2,5 до 4 раз.

Поступая по внушению Вимпфена, Елачич остановился у Маркарии, выдвинув для наблюдения кавалерию до Азолы. Облака пыли, поднятые этой частью, были замечены 3-м французским корпусом. Это наблюдение в связи с известием, присланным императором, побудило Канробера отклонить требование Ниеля. Канробер приказал главным силам своего корпуса, находившимся между Кастель-Гоффредо и Медоле, остановиться, причем проявил мало желания ввести в бой подошедшую уже к Медоле дивизию Рено. Напротив, он хотел пока остановиться со всем своим корпусом и выждать развития событий в направлении Азолы.

Наполеон уступил протесту Канробера, и передвижение армии влево не состоялось. Маршал Бараге задержал позади дивизию Базена, чтобы в случае нужды хоть наполовину закрыть интервал между 2-м и 1-м корпусами. С 8 час. утра, когда дивизии Форея и Ламиро начали окружать австрийские бригады Бильса и Пухнера, Бараге преуспевал медленно. До 9 ч. 30 м. сопротивление австрийцев попыткам Форея распространиться на низине между Монте-Карналь и Монте-Коста-Меццана было вполне успешным. Потом обнаружилось, что Ламиро обходит австрийскую позицию. Он проник через Бархе до Контрада — Сен-Мартино и заставил сильно утомленную бригаду Бильса отступить. За Сен-Пьетро последняя была переформирована, но вряд ли стала боеспособной. Вместо нее бригада Фестетича преградила путь Ламиро у Контрада — Сен-Мартино. Бригада Коллер также двинулась против него через Ла-Посессионе, а бригада Гааль последовала уступами справа у Монте-Кросе. Впрочем наступление Коллера и Гааля не было выполнено, потому что им пришлось обратиться против сардинской дивизии Дурандо, появившейся теперь на поле сражения и угрожавшей часовне Мадонны, опорному пункту правого крыла 5-го австрийского корпуса, который тут входил в связь с войсками Бенедека. После того как сардинцы уже утвердились на холме часовни Мадонны, Гааль, Коллер и 2 роты Бильса под командой начальника дивизии графа Пальфи в сомкнутом строю двинулись в атаку. Поддержанные сильным огнем 14 орудий и наступая с презрением к смерти, они опять взяли холм, оттеснили сардинцев на Каза-делле-Спаде, заняли позицию у Каза-Урин и удержались на ней до конца сражения.

Ламиро приходилось теперь иметь дело только с бригадой Фестетича. Но на трудной холмистой местности он подвигался вперед медленно. Австрийцы цеплялись за несколько вершин с крутыми недоступными склонами. Хотя вершины имели только очень короткие фронты, которые могли быть охвачены, но волнистые долины также представляли для обороны ценные опорные пункты; в долинах — много деревушек, расположенных на террасах одна над другой, и тесно расположенные местечки.

В бою, протекавшем с переменным успехом, сам Ламиро был тяжело ранен.

Дивизии Форея, сражавшейся в таких же условиях местности, тоже приходилось трудно. Сначала, когда бригада Бильса была выведена из боевой линии, она имела дело только с бригадой Пухнера. Последняя защищалась с 9 ч. 30 м. до 10 ч. 30 м. против превосходных сил неприятеля с мужеством отчаяния, отходя у западных склонов Контрада-Поццо-Катена и Монте-Коста-Меццано от одной высоты к другой. После многих бесплодных попыток Форею удалось в 10 час. поставить батарею на Монте-Фениле и значительное число орудий на Монте-Скала. Гранаты дальнобойных орудий попадали в находившийся в 3 000 шагов оттуда замок Сольферино.

Но тут не было пустоши. Гладкие орудия австрийцев с их незначительной дальностью также приобрели большое значение. Бригада Пухнера имела 12 орудий на холме с кипарисами — узкой высоте с несколькими деревьями, откуда смерть и гибель изливались на французов.

В 10 ч. 30 м. Пухнер был выручен 1-м корпусом, который был призван на помощь Стадионом [1]. Две бригады Форея имели теперь против себя 4 неприятельские. Хотя Стадион отвел назад к Сан-Пьетро большую часть бригады Пухнера, потому что она разложилась, как раньше бригада Бильса, но несмотря на это все более выяснялось, что 1-й французский корпус, предоставленный собственным силам, вряд ли сможет занять Сольферино. Бараге появлялся везде; его мундир был прострелен пулей; две лошади под ним были ранены.

Однако, храбрость проявлялась и с другой стороны, а там было теперь 2 корпуса вместо 6 000 чел., которые предполагала в Сольферино французская диспозиция для марша к Минчио. Сверх того правее 1-го корпуса во французском боевом порядке зиял широкий разрыв, вынуждавший Бараге держать в резерве всю дивизию Базена.

То обстоятельство, что приказ Наполеона возложил на 1-й корпус явно безнадежную кровавую работу, вызвало в Бараге раздражение против императора, чего он не скрыл, когда последний из Каза-Морино приехал в Сольферино. Но Наполеон III совсем не был приучен к особо деликатному обращению со стороны своих маршалов; это уже показала нам бесцеремонность Пелиссье в Компьенском лесу.

Бараге был раздражен не только против Наполеона, но в такой же мере и против сардинцев, которые у часовни Мадонны не подвигались вперед, хотя там находился самый слабый пункт Сольферин-

[1] Сначала 1-й австрийский корпус прибыл только в составе 3 бригад. Четвертая бригада долго оставалась у Кавриана, потому что там опасались атаки.— *Прим. авт.*

ской позиции. При этом маршал недооценивал достижения сардинцев, которые все-таки удерживали 2 австрийские бригады. Вообще при Сольферино сардинцы показали себя совсем не так плохо, как говорит критика. Они наступали на Поццоленго 3 дивизиями — Дурандо, Кукхиари и Молара; дивизия Фанти пока оставалась в резерве у Лонато [1]. После поражения сардинских авангардов в бою наступила полуторачасовая пауза; потом главные силы сардинцев подошли к позициям Бенедека впереди Поццоленго и часовни Мадонны. Я уже упоминал о нерешенном бое у последнего пункта. Против Бенедека дела сардинцев сложились хуже. Не видя еще больших неприятельских масс, Бенедек уже из сильного артиллерийского огня, направленного против его войск, сделал вывод, что австрийское предположение, будто впереди находятся только разведывательные части противника, несостоятельно. Он говорит: «При таких условиях высоты Ортаглия — Сен-Мартино, командовавшие на большом протяжении над волнистой местностью, имели особую важность».

Бенедек расположился для обороны, но так как австрийцы имели 6 пехотных бригад, а противник только 4, то у такого хорошего генерала, как Бенедек, дело не могло ограничиться одной пассивной обороной. Он выжидал атаки сардинцев, которым не удалось по плохим дорогам подвезти к фронту свою артиллерию, тогда как Бенедек массировал на своих командующих высотах более 50 орудий; после отражения атаки сардинцев Бенедек в свою очередь перешел в наступление. Сардинцы, воодушевленные национальным идеалом, наступали с блестящей храбростью, но после поражения недостатки сардинской армии, зараженной парламентаризмом, проявились в полной мере. Раздоры между генералами — зло, распространенное во всех армиях, — тут вышли за пределы допустимого.

Кукхиари упрекал Молара в том, что он неправильно отобрал у него 3 батальона, а Молар выдвигал контробвинение, будто Кукхиари отступил только для того, чтобы дать неприятелю возможность беспрепятственно атаковать дивизию Молара с фланга. В сардинской армии не было авторитета, — будь это король, или королевский помощник Ла-Мармора, или начальник генерального штаба Делла-Рокка, которому, во имя интересов целого, подчинились бы оба злых болтуна. Следовательно, дело шло к поражению. Все отступали в ужасном беспорядке, и дивизии Молара и Кукхиари разошлись. Дивизия Кукхиари отступила на целых 4 км до Ривольтелла, хотя Бенедек нанес лишь короткий контрудар. Прошло 2 часа, пока сардинцы восстановили порядок. До этого времени бой на этом участке прекратился, — произошла вторая большая пауза с его начала.

В это утро австрийская главная квартира была в Валеджио на р. Минчио. Отсюда Франц-Иосиф отправился в Кавриану, чтобы быть ближе к своим войскам, наступавшим к р. Чиезе. На пути в Кавриану он остановился с 8 ч. 45 м. до 9 ч. 30 м. у Вольта, где от высокорасположенной церкви открывался широкий вид на равнину Медоле. Виден был пороховой дым, но гула выстрелов не было слышно: «Как и накануне, сильно нагретые нижние слои воздуха, вероятно, направляли звуковые волны вверх. Такая же тишина была

[1] Дивизия Циальдини была выделена против 6-го австрийского корпуса в Лиссе.—*Прим. авт.*

у Палестро и Мадженты, где густая растительность и восходящее течение воздуха якобы препятствовали распространению звуковых волн».

В 9 ч. 30 м. на пустоши Медоле и у Робекко 3-й и 9-й австрийские корпуса вели уже горячий бой; но военное окружение императора, поскольку оно могло судить на расстоянии 1 мили, вынесло впечатление, будто там сражается — самое большее — 1 австрийская бригада. Донесений от Вимпфена не поступало. Ведь на этот день сражение было исключено из комплекса тех возможностей, о которых следовало позаботиться. Значит, казалось излишним утруждать полководца-императора тем, чтобы он все время держал нити управления в руках.

Шлик, находившийся в Вольте, также видел на равнине только бой передовых частей. Зато на основании письменного донесения Стадиона он мог правильно информировать императора о том, что Сольферино атакуется значительными силами. От Бенедека также имелось письменное донесение о его первом бое с сардинцами. Оно отражало в себе то ложное представление, которое тогда Бенедек имел о силе противника.

Донесения, полученные императором Францем-Иосифом в Вольте, и сделанные там наблюдения привели к следующим директивам: Шлик должен был возможно дольше защищать Сольферино 5-м корпусом и притянуть туда 1-й и 7-й корпуса, т. е. всю 2-ю армию, за исключением Бенедека. Но последнему также было приказано наступать на Сольферино, если сардинцы не слишком многочисленны и могут быть отброшены к оз. Гарда.

Император, — или тот, кто командовал (скрытых условий командования мы не знаем), — сделал еще одно характерное исключение: дивизия принца Гессенского должна была выступить на Сольферино только после раздачи горячей пищи, т. е. в 10 ч. 30 м. вместо 9 ч. 30 м. Разумеется, австрийское верховное командование знало, что нельзя кормить дивизии завтраками, когда происходит сражение. Уже этой инструкции, данной 7-му корпусу, достаточно для доказательства, что в 9 ч. 30 м. верховное командование не думало, что сражение в разгаре [1]. Приказание 7-му корпусу двигаться на Сольферино не изменяло направления марша через Сольферино, данного ему накануне. То же самое относится и к 1-му корпусу.

Впрочем Франц-Иосиф послал к Вимпфену в Гвидиццоло адъютанта с приказом: «Произвести предписанное накануне наступление (через Медоле), почему с 1-й армией немедленно двигаться вперед для выручки атакованного неприятелем центра».

Итак, в Вольте составили себе странное представление о распоряжениях Наполеона, будто он выдвинул к Минчио авангарды силой от 1 до 2 французских корпусов и некоторое количество сардинцев, а с остальными силами своей армии стоит на обоих берегах Чиезы. При такой обстановке дивизия принца Гессенского, конечно, могла

[1] Автор удивляется тому, что во время сражения (когда еще никакого кризиса не было) выступление дивизии было отсрочено на один час, чтобы накормить людей горячей пищей. Удивляться следовало раньше, когда он рассказывал, как австрийские генералы при известиях о появлении неприятеля прежде всего приказывали опрокидывать котлы с варившейся пищей, оставляя изголодавшихся людей без обеда. Такие панические меры не только подрывали физические и моральные силы людей, но и вызывали крайнее раздражение солдат против командиров.

бы спокойно есть, дивизии Бранденштейна вместе с 5-м и 1-м корпусами 2-й армии и всей 1-й армией было бы достаточно для подавления французов, в то время как Бенедек покончил бы с сардинцами и потом, пожалуй, напал бы неожиданно на французов.

Из Вольты Франц-Иосиф быстро поехал верхом в Кавриану. С тамошнего гребня высот открывался еще более широкий кругозор, чем из Вольты; взор простирался до дороги Ле-Гроле у подошвы высот, ограничивающих озеро Гарда.

Франц-Иосиф подобно Наполеону, смотревшему одновременно от Каза-Мартино, увидел, что происходит большое сражение. Можно было наблюдать на пустоши Медоле 2-й французский корпус и кавалерийские дивизии Дево и Партуно. Виден был бой 3-го и 9-го австрийских корпусов и получалось впечатление, что он протекает неблагоприятно. Особенно неприятно поразило императора и его свиту отступление кавалерийской дивизии Менсдорфа после ее неудачной атаки в 10 ч. 30 м. Они не понимали, почему видно так мало австрийских и так много неприятельских батарей. Причина заключалась в том, что первые должны были скрываться от подавляющего огня вторых.

День был невыносимо знойный; над дорогой Ле-Гроле стояли густые облака пыли. Рамминг говорит: «С высоты у Каврианы смотрели с боязливым ожиданием на эти облака, которые могли быть объяснены лишь приближением новых неприятельских масс». Это была гвардия, спешившая заполнить разрыв между Мак-Магоном и Бараге.

В Кавриану пришли донесения от 8-го и 5-го корпусов. Бенедек доносил, что он удерживает Сен-Мартино против сардинцев, но ничего не может выделить в Сольферино, так как имеет дело со всей сардинской армией — 10 бригадами (в действительности были 4 бригады против 6 австрийских). Стадион сообщал о потере позиций Ле-Гроле, Монте-Карналь, Бархе и т. д., описывал угрожающее положение у часовни Мадонны и вообще рисовал мрачную картину, что естественно для генерала, ограничивающегося пассивной обороной при равных силах. Но совершенно основательна была забота, с которой Стадион указывал на облака пыли у Ле-Гроле. Они двигались, неся несчастье, прямо на Сольферино. Против приближавшихся сил он действительно нуждался в скорой помощи.

Пока еще на поле сражения ничего не было потеряно, но настроение окружавших Франца-Иосифа было столь же подавленное, как вообще у австрийских генералов в этом походе. В течение часа с четвертью наблюдал император оживленную панораму у своих ног, прежде чем отдать некоторые распоряжения. Потом в 11 ч. 15 м. был послан приказ Вимпфену, чтобы он прекратил наступление главными силами у Робекко, потому что успехи в направлении Медоле теперь уже не имели значения. 1-я армия должна была действовать совместно со 2-й, чтобы препятствовать атаке на Сольферино. Ввиду этого 1-й армии следовало передвинуться вправо, чтобы наступать через пустошь по обеим сторонам дороги Мантуя — Кастильоне.

Рамминг рассказывает, что этот приказ явился выражением личной воли Франца-Иосифа. В 11 ч. 15 м. в Кавриане только один Франц-Иосиф понял, что сражение будет решено между Сольферино и Каза-Морино. На экземпляре записки Рамминга, оставшейся после смерти эрцгерцога Альбрехта, последний в конце написал: «Si tacuis-

ses philosophus mansisses» [1]. Это изречение покрывает также отзывы Рамминга о стратегическом предвидении Франца-Иосифа.

Насколько известно, в Кавриане командовала коллегия, к которой принадлежал также 81-летний фельдмаршал Нюжан; последний приобрел основательное знакомство с итальянским театром во время походов против Евгения Богарне и Мюрата, а также под начальством Радецкого, но в своих военных воззрениях окаменел.

Приведенный приказ от 11 ч. 15 м. был получен Вимпфеном в 11 ч. 30 м. Все атаки 9-го и 3-го австрийских корпусов были отбиты; только Казануова была удержана с трудом. Но тем временем 11-й австрийский корпус пообедал, и головные части его подошли к Гвидиццоло. Вимпфен приказал дивизии Шенбергера 3-го корпуса, которую он до тех пор удерживал для прикрытия своего левого фланга, вступить в боевую линию. Кроме того, было приказано снова двинуть вперед истощенные боем бригады и ввести в дело также 11-й корпус у Робекко, Баите и Казануова. Вимпфен все еще не знал, ведет ли он сражение или только бой с неприятельскими передовыми частями, но, согласно инструкции, склонялся ко второму мнению. Такого сравнительно слабого противника можно было в конце концов одолеть и фронтальной атакой, бросив на него 3 корпуса.

Но тут Вимпфен получил приказ оставить Медоле и наступать по обеим сторонам шоссе Мантуя — Кастильоне. Нелегко передвигать большие массы среди боя. Это было особенно трудно при таком противнике, как Ниель, который не придерживался пассивной обороны, подобно Стадиону, но со своим одним корпусом отбивался от трех корпусов, действуя оборонительно-наступательно. Ниель, военный любимец Наполеона, соединял в себе расчетливый ум и чрезвычайную военную энергию. Сражаясь, как лев, он, наконец, изгнал, из умов австрийцев ложное представление, будто они имеют дело лишь с французским авангардом, но зато внушил им другое заблуждение, что они имеют перед собою огромное численное превосходство [2]. В 12 час. собранные снова бригады Бенедека и Кастильоне 9-го корпуса, вместе со свежей бригадой Добрженского 11-го корпуса, атаковали деревушку Баите.

Бенедек и Кастильоне больше ничего не сделали, но Добрженский наступал с большим пылом. В ожесточенном бою у австрийцев в конце концов создалось впечатление, будто французов слишком много, чтобы можно было достичь успеха. В сочинении австрийского генерального штаба сказано: «Войска, которым трудно было держаться п р о т и в в с е н а р а с т а в ш и х м а с с п р о т и в н и к а, были настолько стеснены, что... вскоре должны были отступить на Гвидиццоло».

В 11 ч. 30 м. французская дивизия Винуа отняла у бригад Ветцлара и Гартунга 3-го корпуса группу домов Казануова. Бригада Динстелля того же корпуса собрала свои рассеянные отряды, «несмотря на потрясающий гранатный огонь неприятеля» по ту сторону пустоши.

Бригады Ветцлара и Гартунга были отведены с боевой линии к Гвидиццоло, и там насколько возможно переформированы; вместо

[1] «Если бы ты промолчал, то остался бы философом».

[2] Маршал Ниель в 1867 г. был назначен военным министром. Он приступил к реорганизации армии, но не успел этого сделать, так как умер в 1869 г., за год до начала франко-прусской войны.

них в 1 ч. 30 м. атаковали Казануову бригады Грешке и Балтина 11-го корпуса. Полк Кевенгюллера из бригады Грешке вследствие огня неприятельской артиллерии раскололся у шоссе на две части, которые уже более не соединились. Рассыпанная французская конница бросилась на бригады и вынудила их построить каре. Перейти из этого строя в штурмовую колонну они не смогли и в беспорядке отошли назад.

Бригада Ресгена 3-го корпуса, находившаяся перед французскими батареями на пустоши, вообще не могла найти ни одного пункта, где можно было наступать. Во время всего сражения она бесцельно ходила взад и вперед или занималась (как мягко сказано в реляции) поддержанием связи между 1-й и 2-й армиями.

Перевес французского артиллерийского огня был так велик, что Шварценберг в 11 ч. 30 м. направил бригаду Покорни 3-го корпуса, сражавшуюся на восточном краю пустоши, к Робекко. Это было передвижение как раз в обратном направлении сравнительно с указанным в императорском приказе. Командир 3-го корпуса, еще не знавший этого приказа, был, очевидно, убежден в невозможности наступать через пустошь в виду кавалерии и артиллерии противника.

Около этого времени Менсдорф сделал еще одну попытку поддержать наступление 3-го корпуса через пустошь. Для подготовки кавалерийской атаки он приказал своим двум конным батареям подавить артиллерийский огонь французов. 16 орудий подскакали на 800 шагов к неприятелю и снялись с передков. Но тотчас же 4 орудия были подбиты или лишились своей запряжки. Оставшиеся должны были поспешно повернуть назад, чтобы избегнуть уничтожения. Одна из батарей вернулась, но другая застряла и досталась неприятелю, так как ее переутомленных молодых лошадей нельзя было сдвинуть с места.

Наряду с опустошительным артиллерийским огнем, французы защищали пустошь также и повторными атаками своей кавалерии. Сочинение австрийского генерального штаба говорит: «Эти атаки, хотя и отражавшиеся каждый раз австрийской кавалерией, все-таки существенно способствовали тому, что 3-й корпус не мог перейти через пустошь».

Французская кавалерия была еще усилена гвардейской дивизией Морри, прибывшей от Кастильоне. На пустоши собралось 72 французских эскадрона — подавляющее превосходство, так как Менсдорф имел только 20 эскадронов.

Кавалерийская дивизия Морри прибыла на биваки гвардии только непосредственно перед самым сражением. Она совершила путь из Франции в Италию не на кораблях или через Альпы, как остальная армия, а двигаясь вдоль морского берега. На прекрасном, но очень извилистом шоссе по Ривьере почти все лошади были набиты, так что понадобилось несколько недель для приведения части в порядок [1].

С начальных времен военной истории кавалерия, предназначенная для атак в сражениях, была важнейшим рычагом победы; теперь блестящий период в истории этого рода войск приходил к концу и ознаменовался ослепительным показным выступлением на

[1] Поразительный пример того, насколько кавалерия была не втянута в поход и плохо снаряжена.

пустоши Медоле, где кавалерия господствовала, состоя при артиллерии.

Все-таки приказ от 11 ч. 15 м требовал от Вимпфена перенесения центра тяжести операций на эту пустошь. По крайней мере Вимпфен так истолковал императорский приказ. Мы не знаем точно, что именно сказал Вимпфену привезший его адъютант, но приказ был изложен также и письменно, и содержание его известно. В нем говорилось, что 1-я армия должна своими главными силами наступать не на Медоле, а вдоль шоссе Мантуя — Кастильоне, чтобы воспрепятствовать атаке неприятеля на Сольферино. Шоссе Мантуя — Кастильоне действительно проходило через пустошь, но справа к этой пустоши непосредственно примыкала обширная местность, на которой гусары Эдельсгейма уже в продолжение 3 час. занимались тем, что беспокоили французский обоз и дразнили 2-й и 1-й французские корпуса.

Смысл императорского приказа, очевидно, заключался в том, что 1-я армия должна была содействовать прикрытию Сольферино,— особенно от тех неприятельских войск, которые скрывались в облаках пыли, для чего ей следовало передвинуться вправо. Наступала ли она при этом через пустошь или правее ее по местности, носившей обычный для Италии характер (т. е. делавшей невозможным применение больших кавалерийских масс и стеснявшей также действия артилерии),— эти тактические детали наверное мало заботили автора приказа. Едва ли было даже удобно разрешать их из Кавриаиы, так как этот пункт лежит почти в миле расстояния от пустоши.

Все-таки Раммингу (который был прежде всего за это ответствен) должен быть сделан упрек, что он не позаботился о точной формулировке приказа. Бартельс также говорит: «Приказ был на деле невыполним». Однако, ответ посланный Вимпфеном в 11 ч. 45 м. в Кавриану, как будто показывает, что последний очень хорошо понял смысл приказа, а именно—он писал императору, что его главные силы уже сражаются м е ж д у в ы с о т а м и и ш о с с е. Одновременно его левый фланг находится под угрозой. Для поддержки 9-го и 3-го корпусов ему пришлось подтянуть свой последний резерв—11-й корпус. О 2-м корпусе (дивизия Елачича) он не имеет сведений. По возможности он постарается выполнить высочайший приказ.

Между высотами и шоссе! Ведь это означает, что Вимпфен толковал намерения Франца-Иосифа так: 1-я армия должна свою главную атаку в направлении Ле-Гроле передвинуть вправо, чтобы защитить Сольферино от неприятеля, наступавшего за облаками пыли у подошвы высот. Повидимому, Вимпфен понимал правильно, но ни он, ни его войска не могли маневрировать, а шли попросту напрямик.

Вследствие этого наступление с тремя корпусами протекало не лучше, чем раньше с двумя. Казануова, Баите и Робекко были взяты и снова потеряны. И на этой пересеченной местности австрийские орудия также не могли справиться с французскими; но тут решающим родом войск была пехота. Австрийцы имели нарезные, французы — преимущественно гладкие ружья, значит, соотношение было обратное, чем в артиллерии. Но так как австрийский пехотинец был плохо обучен стрельбе, то он не умел обращаться со своим оружием и не попадал на дальних дистанциях, на которые он должен был и

мог стрелять [1]. По этой причине он потерял доверие к своему хваленому ружью, может быть, как раз в тот момент,— говорит Мольтке,— когда попадание уже не зависело от определения расстояний.

Тем временем французы совсем не стреляли, потому что их гладкие ружья обладали весьма малой меткостью на больших дистанциях. Вследствие этого, неся пока незначительные потери, они не утратили доверия к своему ружью и были в твердом, спокойном настроении [2].

В начале войны, в приказе итальянской армии, Наполеон рекомендовал своей пехоте компенсировать лучшее вооружение противника ударом в штыки. В действительности дело не доходило до штыковых боев, а выражалось только в том игнорировании австрийского пехотного огня со стороны французов, которое потом представлялось им как удар в штыки.

Однако, все недостатки австрийской тактики можно было обойти, если бы только Вимпфен умел двигать свои массы. Даже язвительный критик Бартельс должен признать, что в 1-й армии было много доброй воли. Корпусные командиры — князь Шварценберг, граф Шафготч и ф. Фейгль — были вполне честные люди; нельзя отрицать и некоторого упорства в поведении армии: «Бригады распадаются, но, будучи кое-как приведены в порядок, они снова бесплодно атакуют...».

3-й корпус был преимущественно немецкий,—он стоял в Вене; 9-й корпус имел одну дивизию из Моравии, другую из Галиции; 11-й корпус представлял даже mixtum compositum [3] всевозможных национальностей. Если австрийское верховное командование, не доверяя лойяльности войск, постоянно боялось смелых решений, то это равнялось самоубийству из-за страха смерти.

Вимпфена упрекали в том, что он раздробил свои силы. Говорят, что вместо направления 11-го корпуса частью на Робекко, частью на Казануова ему следовало где-либо ввести его в дело сосредоточенно. С такой колоссальной массой он смог бы совершить прорыв. Но когда бой уже в ходу, его течение в известной мере определяется им самим. Ниель также вводил свои бригады в дело тотчас же после их прибытия, чтобы питать бой и заполнять разрывы фронта. В действительности, все ошибки австрийского управления, очевидно, не спасли бы 1 французского корпуса от 3 австрийских корпусов, если бы только последние были введены в дело для охвата слева или справа.

Ниель получил от Мак-Магона сравнительно незначительную помощь, а Канробер его почти не поддержал. Правда, артиллерия Мак-Магона прикрывала левое крыло Ниеля, а атаки кавалерии 2-го корпуса иногда спасали части 4-го корпуса, которые в тяжелой борьбе с превосходными неприятельскими силами были близки к разложению. Но нужны были настойчивые просьбы Ниеля, чтобы

---

[1] Они и не могли метко стрелять на дальние дистанции, так как не было никакого кругозора. Сам же автор неоднократно говорил, что вся Ломбардская равнина засажена частыми рядами тутовых деревьев, перевитых гирляндами виноградной лозы. По его словам, кругозор редко открывался более, чем на 200—300 шагов.

[2] Чрезвычайно неудачная формулировка, из которой иной читатель, пожалуй, сделает заключение, будто гладкие ружья вселяют уверенность и спокойствие в войска.

[3] Смесь.

вызвать вступление в дело африканских конных егерей и других кавалерийских полков Мак-Магона. Со своей пехотой последний простоял в бездействии от 6 час. до 12 ч. 30 м. у Каза-Морино. Широкие разрывы на обоих флангах, 3-й австрийский корпус перед фронтом, потом 7-й корпус, начавший сосредоточиваться у Сен-Кассиано, — все эти задерживающие моменты Мак-Магон не преодолел. Канробер вообще ничего не делал. Его корпус потерял только 318 чел., из которых часть приходится на кавалерийскую дивизию Партуно, подчинявшуюся в этот день Ниелю. Корпус последнего потерял 4 483 чел.—20% наличного состава; из 6 полковых командиров 3 были убиты.

Такое влияние оказал на ход сражения при Сольферино извозчик, который видел князя Лихтенштейна во главе 30 000 чел., выходящим из Мантуи. По распоряжениям Гесса дивизия Елачича должна была к 1 часу пополудни (момент, до которого я довел описание сражения) находиться у Кастель-Гоффредо. Тут в ожидании ее стояли 2 дивизии Канробера; третья дивизия в Медоле также не помогла Ниелю, потому что Канробер хотел иметь свободу действий против 2-го австрийского корпуса.

После сражения Канробер оправдывался тем, что он не мог произвести разведку местности позади Кастель-Гоффредо, так как у него отняли его кавалерию, подчинив ее Ниелю; ему же оставили лишь нескольких ординарцев. На это ему справедливо возражали, что, будучи маршалом, он имел право потребовать кавалерию от дивизионного генерала Ниеля [1]. Впрочем в 12 час. дивизия Бурбаки прислала Канроберу совершенно точное донесение, что у Азола находится только небольшая кавалерийская часть противника.

Подобно тому как Канробер опасался Лихтенштейна, последний боялся корпуса в 25 000 чел., который, по донесениям его летучих отрядов, посланных за р. Оглио, стоял у Кремоны. На самом деле это был не корпус, а только дивизия Отемара. Когда же Лихтенштейн узнал, что 170 французов в целях реквизиции побывали в Пиадене, он решил отказаться от движения к Кастель-Гоффредо и остаться в Маркарии.

Это было счастьем для Вимпфена, хотя и звучит парадоксально. В случае прибытия Лихтенштейна Канробер узнал бы, что у него всего 8 000 чел.; тогда, вероятно, 2 дивизии 3-го французского корпуса поддержали бы Ниеля при наступлении против Вимпфена, а против Елачича осталась бы только одна дивизия. При расстройстве 1-й австрийской армии и глубоком унынии ее вождя это могло бы вызвать катастрофу. Уже и без того Вимпфен счел игру проигранной. В 2 часа он донес императору в Кавриану, что двукратное наступление истощило его последние резервы. Он не может дольше держаться, а должен, под прикрытием 11-го корпуса, начать отступление. 11-й и 9-й корпуса он переведет через р. Минчио у Гоито, 3-й корпус—у Ферри: «Кавалерийская дивизия Цедтвица совершенно ускользнула из моих рук, начав с утра отступление на Гоито без донесения об этом». Итак, из 7 австрийских корпусов 3 корпуса начали отделяться от неприятеля.

Теперь от 1-й австрийской армии вернемся ко 2-й, которую мы оставили около 11 час., когда 5-й и 1-й австрийские корпуса остановили наступление Бараге, а Бенедек далеко оттеснил сардинцев. Из 7-го кор-

[1] Это возражение неправильно. В сражении при Сольферино Ниель и Канробер были равноправными корпусными командирами. Высший чин не давал Канроберу права распоряжаться корпусом Ниеля и приданными ему частями.

пуса дивизия Бранденштейна подошла к Сен-Кассиано и в 11 ч. 30 м. окончила там свое развертывание в сфере огня батарей Мак-Магона, выехавших на позицию в расстоянии 3 км, у Каза-Морино. Бранденштейн выдвинул батарею бригады Валлона к пустоши Медоле для поддержки Менсдорфа. Став севернее Каза-Галли, она открыла огонь по неприятельским батареям. Но против французских орудий она оказалась бессильной, как и другие австрийские батареи. Вскоре она должна была прекратить огонь и отступить, не принеся пользы Менсдорфу: «Для бригады Валлона батарея пропала, так как вернулась только вечером».

Командир корпуса Цобель наблюдал за развертыванием дивизии Бранденштейна и потом обратился к другой своей дивизии принца Александра Гессенского. Она в 10 ч. 30 м. пообедала в Вольта и затем, согласно приказу верховного командования, должна была в 12 ч. 30 м. соединиться в Сен-Кассиано с дивизией Бранденштейна. Между тем в угоду принцу Цобель изменил объявленный верховным командованием на 24 июня порядок марша. Желая избавить свои войска от дурной дороги через Ле-Гроле, принц Александр хотел сначала двигаться в хвосте 1-й армии через Гвидиццоло. По приказу верховного командования, за Ле-Гроле 2-я армия оставляла дурную дорогу у подошвы высот и сворачивала на хорошее шоссе из Мантуи в Кастильоне. Тут Александр хотел опять присоединиться к своему корпусу.

То, что Цобель из угодничества разрешил такое изменение (говорят, будто по протекции принца он хотел сделаться губернатором Майнца), имело дурные последствия для австрийской армии. На марше в Гвидиццоло дивизия принца Гессенского попала в толчею обозов, которая обыкновенно образуется в тылу сражающейся армии. Дивизия не только была надолго задержана, но и обе ее бригады—Вуссина и Габленца—оторвались друг от друга. Заметив, что у Сольферино идет горячий бой, принц счел своей обязанностью возможно скорее соединиться со своим корпусом,—следовательно, свернуть на оставленную дорогу. Он двинулся с бригадой Вуссина на Кавриану и приказал передать Габленцу, чтобы он вел свою бригаду туда же. Но раньше, чем эти части достигли Кавриаиы, дивизия Бранденштейна у Сен-Кассиано была уже давно втянута в неравный бой.

Подобно 7-му корпусу, 8-й корпус также неточно выполнил директивы верховного командования. В 10 ч. 30 м. Бенедек настолько отбросил сардинцев, что дивизия Кукхиари вообще уже не вернулась на фронт. Дивизия Молара в 12 ч. 30 м. опять двинулась вперед. В одном издании, инспирированном Бенедеком, сказано: «Насколько можно было охватить глазом дорогу в Ривольтелду, участок между этим пунктом и Дезенцано и затем железную дорогу, повсюду блеск оружия обнаруживал подход неприятельских колонн».

Бенедек чрезвычайно переоценивал противника. Против его 6 бригад наступали лишь 2 сардинских бригады.

Когда 1-й французский корпус был остановлен у Сольферино, Наполеон направил сардинскую дивизию Фанти к часовне Мадонны, но король Виктор-Эммануил воспротивился этому; он хотел ввести дивизию в дело у Сен-Мартино, чтобы загладить поражение сардинских войск. После повторения Наполеоном его «Invitation pressante»[1] король сардинский поступил с дивизией Фанти, как Соломон со спорным мла-

[1] „Настойчивое приглашение".

денцем: он послал одну бригаду к часовне Мадонны, а другую к Сен-Мартино.

Однако, из-за этих споров прошло много времени, а путь от Лонато до поля сражения был долгий. Вследствие этого дивизия Фанти прибыла уже после того, как исход сражения был решен. В 2 ч. 30 м. Сольферино было взято; с 10 ч. 30 м. Бенедек имел бы возможность выделить войска к Сольферино, или точнее—к часовне Мадонны, удаленной от Сен-Мартино только на 5 км, согласно инструкции, данной ему императором в Вольте, и установившемуся в армии со времен Радецкого догмату, что 30 000 австрийцев побьют 60 000 итальянцев.

Ген. Молар имел похвальное мужество атаковать втрое превосходившие его неприятельские силы. Его войска были отбиты с большими потерями; после этого здесь не происходило уже серьезных боевых действий; бой у Сен-Мартино окончился ничем.

Сражение при Сольферино распадается на три отдельных акта: 1) бой 1-й австрийской армии у пустоши Медоле против корпусов Ниеля, Мак-Магона и Канробера; 2) оборона Сольферино 2-й австрийской армией против Бараге, части сардинцев и французской гвардии; 3) бой у Сен-Мартино. Боевые линии охватывали полосу в 1,5 мили (ок. 10 км); по тогдашнему масштабу это было гигантское сражение. Только в «битве народов» при Лейпциге было собрано гораздо больше бойцов, чем при Сольферино, где 137 000 австрийцев противостояли такому же числу союзников.

То, что эти три боевых акта не слились в один, объясняется не природой вещей, а единственно лишь ошибками австрийцев: тем, что Вимпфен и Бенедек не выполнили приказов, отданных в Кавриане и Вольте. Защитников Сольферино следовало поддержать слева и справа, а между тем корпуса Стадиона и Клама были предоставлены собственным силам. Они не могли более рассчитывать и на корпус Цобеля после того, как на марше к Сольферино он распался на три части.

Рассказ об исходе боя за Сен-Мартино возвращает нас назад к 11 час., когда армия Вимпфена еще удерживала поле сражения и сильно теснила противника, введя в дело также и 11-й австрийский корпус. Тогда к французам подошла гвардия и двинулась в батальонных колоннах между Мак-Магоном и Бараге. Если бы Вимпфен наступал тут согласно приказу, полученному им в 11 ч. 30 м., то, хотя он и не мог уже более прорвать французский боевой порядок, как несколько часов назад, но он отвлек бы гвардию, помешав ее продвижению к Сольферино. Однако, без этого судьба свершилась не сразу. Сначала Наполеон почувствовал облегчение, увидев, что дыра в его боевом порядке закрылась. Потом опять начались заботы. Он медлил ввести в дело гвардию, составлявшую его последний резерв, так как не знал, что корпус Канробера все еще не атаковал; впрочем на этот корпус нельзя было смотреть как на резерв вследствие его расположения на крайнем фланге.

Император сел на лошадь; он держался в центре своего боевого порядка у Каза-Морино. Как при Мадженте, так и теперь, его военная свита с любопытством наблюдала, пойдет ли он в огонь; в ее глазах он все еще оставался штатским. При Мадженте Наполеон дошел до самой огневой линии; при Сольферино он перешел ее, отправившись в 12 ч. 30 м. к Бараге, чтобы лично ознакомиться с положением на решительном пункте. На Монте-Фелине различные снаряды падали во-

круг Наполеона; лошади его лейб-медика Конно и одного адъютанта были ранены; командир Cent gardes [1] и один солдат получили контузии.

Наполеон убедился в том, что Бараге собственными силами не сможет взять Сольферино, несмотря на то, что после прибытия гвардии он ввел в дело дивизию Базена. Подавленный и сосредоточенный, сидел Наполеон на своем коне, стараясь пристальным взором проникнуть за облака порохового дыма, где разыгрывалась кровавая трагедия. Затем в 12 ч. 30 м., промедлив около часу после подхода гвардии, Наполеон решился прежде всего направить в бой вольтижеров. Гренадеры должны были последовать за ними в виде поддержки.

Бывают моменты, когда историку кажется, будто он видит на мировых часах движение секундной стрелки. Таким моментом является 12 ч. 30 м. 24 июня 1859 г., когда дивизия Каму получила приказ наступать на Сольферино. Решение Наполеона означало осуществление мечты итальянцев об их объединении, проникновение национального потока в современную Германию и отмену крепостного права в России [2].

Через 6 дней после Сольферино и благодаря Сольферино, в Лондоне образовалось министерство Пальмерстона—огромный успех демократического интернационала, симпатии которого были моральной основой кабинета Пальмерстона. Когда последний на 50-летнем юбилее сражения под Лейпцигом произнес торжественную речь в Лейпцигском университете, молодой приват-доцент Генрих Трейчке [3] сказал, что никто не может знать, куда хлынет огромное демократическое движение эпохи. Между тем в Берлине тогда уже работал человек [4], которому было суждено запрудить этот поток и, выведя из него каналы национальной идеи и всеобщего избирательного права, оплодотворить при помощи них высохшую почву существующего. В дальнейшем этих плотин оказалось недостаточно; инженеров же, достаточно изобретательных, чтобы выстроить другие плотины, соответствовавшие новым потребностям, провидение не послало, а потому поток, начавшийся в Крымскую войну и бурно поднявшийся после Маджженты и Сольферино, похоронил нас всех в своих водах [5].

Решение Наполеона ввести в дело гвардию придало также мужество Мак-Магону, который после 6½-часового стояния на равнине решился, наконец, наступать. Он двигался медленно, с величайшей осторожностью, посвящая группировке своих сил такое же внимание, как 3 недели назад между Турбиго и Боффалорой. Слева шла в батальонных колоннах дивизия Моттеружа, поддерживая связь с Каму; вправо от нее—дивизия Декаена, развернутым строем в двух линиях, одна бригада за другой. Декаен был в 1 500 шагах впереди Моттеружа, и эту дистанцию было предписано соблюдать. В глазах Наполеона все это были тактические мудрствования, на которые лишь напрасно тратилось время в такой момент, когда решение висело на волоске. В сочинении французского генерального штаба чувствуется между строк не-

---

[1] Личная охрана Наполеона III.

[2] Это явная натяжка, ибо указанные крупные события, несомненно, произошли бы и без наступления дивизии Каму на Сольферино.

[3] Известный германский историк-националист (1834—1896).

[4] Имеется в виду Бисмарк, который в 1862 г. сделался гловой правительства в Пруссии.

[5] Намек на германскую политику, эпохи мировой войны.

терпение, наполнявшее Наполеона в знойный полдень 24 июня, когда он видел позади неповоротливого линейного порядка дивизии Декаена толтавшуюся на месте дивизию Моттеружа.

Однако, правильно говорят, что на войне выигрывает тот, кто делает меньше ошибок. В ошибки впадают и великие полководцы, потому что невозможно с точностью установить происходящее на неприятельской стороне. Мак-Магон не был великим полководцем, а потому понятно, что он лишь с трудом мог ориентироваться при Сольферино,—в этом, пожалуй, самом сложном из всех сражений, запутанные нити которого даже позднейший исследователь, имеющий в своем распоряжении источники обеих сторон, только с трудом распутывает [1]. Впрочем ошибки, сделанные французами в эту войну, как ни велики они, гораздо меньше австрийских.

В данном случае противником 2-го французского корпуса был 7-й австрийский. Но когда около часа дня гвардия и дивизия Моттеружа приближались к Сольферино, корпус Цобеля был разделен на три удаленные друг от друга массы. Дивизия Бранденштейна в продолжение почти 2 час. стояла у Сен-Кассиано, поджидая остальные войска корпуса. Принц Гессенский с бригадой Вуссина подходил к Монте-Фонтана, между Сен-Кассиано и Кавриана,—следовательно, находился недалеко от дивизии Бранденштейна. Но два адъютанта, посланные Цобелем из Сен-Кассиано для розыска другой его дивизии, не могли ее найти. Наконец, один из них в 1 час пополудни открыл другую бригаду принца, которой командовал ген.-майор Габленц, у Гвидиццоло. Габленц выступил через Кавриану к Сен-Кассиано и выслал 2 батареи корпусной артиллерии (он имел при себе все 5 батарей артиллерийского резерва корпуса Цобеля) на рысях в Кавриану.

Тем временем 4 австрийские бригады, которые до тех пор с полным успехом защищали замок и кладбище в Сольферино, холм с кипарисами, гору Рокка и местечко Поццо-Катена (только передовые пункты этой сильной позиции были потеряны), подверглись атаке 14 французских бригад. Конечно, это не означало, что все указанные колоссальные массы противника теперь действительно бросились на Сольферино. Уже одного приближения их с трех сторон было достаточно, чтобы лишить защитников мужества. Дивизия Форея, поддержанная бригадой Манека дивизии Каму и 2 батареями гвардейского артиллерийского резерва, заняла покрытый австрийскими трупами холм с кипарисами и гору Рокка. Дивизия Базена овладела кладбищем, дивизия Ламиро, наступая с севера, взяла штурмом замок, который тирольские егеря бригады Фестетича храбро защищали до 2 ч. 30 м.

При Сольферино австрийцы не испытали катастрофы. Они отступили, оставив победителям 14 орудий и 1 000 раненых. Каждый из двух корпусов пошел своей дорогой. 5-й австрийский корпус, не преследуемый 1-м французским корпусом, двигался мимо часовни Мадонны, где притянул к себе бригады Гааля и Коллера; только в одном месте группа батарей не без успеха обстреляла австрийцев. Войска австрийского 5-го корпуса были чрезвычайно изнурены; ведь после нескольких голодных дней они не получили 24 июня никакой пищи, тем не менее во время отступления через Поццоленго и при ночной переправе через р. Минчио у Монцамбано этот корпус сохранял порядок.

[1] Среди других сражений мировой истории сражение при Сольферино—одно из самых простых, запутанным же оно является лишь в изложении автора, что впрочем относится ко многим его описаниям боевых действий.

Напротив, 1-й корпус, отступавший по Strada Cavallara к Мантуе, был близок к разложению. Это объясняли тем, что он состоял из венгерских полков; еще после Маджженты утверждали, что по той же причине он плохо сражался. Но в сражении при Маджженте 1-й корпус, как и 2-й, которому были сделаны те же упреки, находился в очень трудном положении, и все-таки оборона Маджженты не была лишена мужества. 1-й корпус защищал Сольферино долго и храбро, в последний час перед наступлением французской гвардии—почти один. Бригады Пухнера и Билыса 5-го корпуса были тогда отведены на резервную позицию у Сен-Пьетро; бригады Коллера и Гааля того же корпуса сражались у Каза-Урин против сардинской дивизии Дурандо; только бригада Фестетича 5-го корпуса была в Сольферино. Она одна помогала 1-му корпусу против подавляющего превосходства сил, захвативших Сольферино.

Отступление 1-го австрийского корпуса прикрывалось разрозненными частями 7-го корпуса. Еще перед взятием замка Сольферино Мак-Магон сделал захождение направо против Сен-Кассиано и в 2 ч. 30 м. атаковал дивизию Бранденштейна. Цобель сопротивлялся двойному превосходству столь энергично, что дивизия Моттеружа была сильно потрепана; но когда к французам подошла еще дивизия Каму, которая частью атаковала Цобеля с фронта у Контрада-дель-Монте, частью же обошла его правый фланг у Гравелла, — дивизия Бранденштейна была рассеяна. Дивизия Декаена 2-го французского корпуса оттеснила потерявшие тактическую связь батальоны бригады Валлона от Андреотти к Форесто, где бригада утром бивакировала. Напротив, бригада Флейшхакера отошла на Кавриану в полном порядке, хотя и понесла тяжелые потери: «ее отступление затруднялось дальним огнем нарезных орудий, поставленных французами на выгодных пунктах к востоку от Сольферино».

Неприятельские снаряды [1] падали близ места, где находился Франц-Иосиф, увлеченный отступлением своей 2-й армии после того, как он только что получил донесение Вимпфена, что 1-я армия очищает поле сражения. Император велел передать Вимпфену, чтобы он медленно с боем отходил на Ферри и Гоито; 1-й и 7-й корпуса отступают с боем на Вольту, если же последнюю удержать не удастся, то они перейдут у Валеджио через реку.

7-й австрийский корпус был разбит en detail [2]. После дивизии Бранденштейна у Сен-Кассиано настал в 3 ч. 30 м. черед и дивизии принца Гессенского у Кавриана. Принц Александр стоял с большей частью бригады Вуссин у Монте-Фонтана и с главными силами бригады Габленца у Монте-Мулино. Обе батареи корпусного артиллерийского резерва, которые Габленц из Гвидиццола направил в Кавриану, также прибыли, но нашли местность настолько усеянной стремившимися назад обозами 1-го корпуса, что не смогли выехать на позицию. После продолжительного тщетного ожидания приказов они вернулись в Форесто, откуда пришли утром.

Сам Габленц в 2 часа пополудни, когда 1-я армия сочла дело проигранным, находился на равнине с остатком своей бригады и тирольскими егерями из бригады Вуссина. Узнав от отходивших частей 1-й армии, что неприятель преследует большими массами, Габленц выстро-

[1] Автор продолжает вместо «Geschoss» (снаряд) говорить «Kugel» (ядро, пуля).
[2] По частям.

ил фронт влево против пустоши. Однако, в 2 ч. 30 м. он получил приказ Шлика — немедленно итти в Каврианy. В 4 часа Габленц прибыл туда и тотчас же развернулся на высотах Казануова и часовни Мадонны для боя, в который ввязался 7-й корпус.

Остаток бывшего у него корпусного артиллерийского резерва — 3 батареи—Габленц оставил у Каза-Галли. Простояв немного и не получив приказов, они пошли в Форесто, «где около 5 час. пополудни случайно соединился весь артиллерийский резерв 7-го корпуса».

В результате всех блужданий и путаницы 7-й корпус опять собрался,— правда, без бригады Валлона и корпусного артиллерийского резерва. Кроме того, бригада Флейшхакера, занявшая позицию у Сцернадоце и на Монте-Рокколо, была порядочно потрепана.

Дав французам уже при Сен-Кассиано упорный бой, Цобель при Каврианe оказал им такое сопротивление, которое австрийцы сочли за моральную победу. С 3 ч. 30 м. до 5 ч. 15 м. 3 австрийские бригады сражались с 8 бригадами корпуса Мак-Магона и гвардии. Гвардейская дивизия Каму наступала через Контрада-дель-Монте и Пюглиете-ди-Каврианa против Флейшхакера, составлявшего правое крыло австрийцев; гвардейская дивизия Меллине следовала за нею для поддержки. 2-й французский корпус бросился на дивизию принца Гессенского. Батареи Мак-Магона, выехавшие на позицию к северо-востоку от Сен-Кассиано, обстреливали Монте-Фонтана продольным убийственным огнем. Бригада Вуссина отошла на главную позицию на восточном хребте, упорно обороняя каждый шаг возвышенной местности. 2-й французский корпус состоял из африканских войск. Тюркосы прыгали, как пантеры, с вершины на вершину и бросались в лощины, чтобы стрелять из своих ружей Минье. Сомкнутая тактика австрийцев не годилась против такого неприятеля. Особенно губительным оказался контрудар колонной, произведенный одним батальоном принца Гессенского. С пренебрежением к смерти наступала густая масса против тюркосов. Дьявольски язвительный смех последних, частый огонь и... храбрая часть была ликвидирована.

Тем труднее было одолеть австрийцев при обороне. Дивизия Моттеружа произвела 4 атаки, чтобы отнять у Вуссина его главную позицию на Кампо-Сарадедли. Последняя атака уже почти привела к цели, но тут от Монте-Мулино перешел в наступление Габленц и выручил товарищей.

В то время как Франц-Иосиф удалился на 2 000 шагов за Каврианy на высоты Корте, Наполеон проехал вперед к Каврианe. Он был отнюдь не в победном настроении, не оценив еще всего значения взятия Сольферино. Наполеон оставил 1-й корпус в состоянии усталости и беспорядка, что исключало у Бараге всякую мысль о преследовании за Монте-Кросе. Об отступлении 1-й австрийской армии Ниель не донес Наполеону по причинам, которые будут указаны ниже. Бои же у Сен-Кассиано и Каврианы как будто доказывали, что воля австрийцев к победе еще не сломлена, что неприятель, несмотря на потерю Сольферино, еще располагает значительным запасом моральных сил.

Напротив, у Каврианы можно было наблюдать поразительно большое число французских бойцов, занятых относом раненых товарищей в тыл, — видимо, не из одного только похвального сострадания. Уже у Каврианы были полностью введены в дело 2-й корпус и гвардейская дивизия Каму; только другая дивизия гвардии под ко-

мандой Меллине была еще нетронута. Это был вообще последний резерв Наполеона. Его необходимо было ввести в дело, чтобы сломить сопротивление 7-го австрийского корпуса; но как 4 часа назад на Монте-Фениль дивизию Каму, так теперь на Монте-Фонтана дивизию Меллине Наполеон не желал выпустить из рук. Флери сказал ему: «Ваше величество, не поступайте так, как ваш дядя при Бородине [1]. Сражение не должно быть проиграно». Но Флери не занимал командной должности; он был только ген.-адъютант, следовательно, не нес полной служебной ответственности за подаваемые оперативные советы.

Наполеону как полководцу делает честь, что в конце концов он преодолел свои понятные опасения, приказав дивизии Меллине атаковать у часовни Мадонны и на Боско-Скуро. С величайшим ожесточением 6 австрийских батальонов обороняли каждую вершину гребня Монте-Боско-Скуро, простирающегося с запада на восток.

Когда дивизии принца Гессенского пришлось, наконец, очистить гребень высот и отойти на Монте-Фонтанелле севернее Вольта, бригада Флейшхакера также не могла дольше удерживать высоты Сцернадосе. Из своих 6 орудий, нанесших большой вред атакующим, она оставила на позиции одно поврежденное. С остальными орудиями бригада двинулась к Монте-Фонтанелле. В 7 час. вечера из 20 батальонов корпуса Цобеля тут собралось в хорошем порядке 15 батальонов; нехватало только бригады Валлона. Позже присоединились еще 5 батарей артиллерийского резерва корпуса «в наилучшем состоянии», как сказано в сочинении австрийского генерального штаба. Впрочем они в бою и не участвовали.

Не «в наилучшем состоянии», а, наоборот, — в ужасающем положении были тяжело раненые 7-го корпуса. При своем утреннем выезде принц Гессенский взял с собой в Гвидиццоло вместе с артиллерийским резервом корпуса и его санитарный транспорт. Потом, во время странствования бригады Габленца, этот транспорт, употребляя выражение австрийского официального языка, «впал в ошибку». Бранденштейн из Вольты донес Шлику, что раненые страдают ужасно, так как многие перевязаны кое-как, а многие и совсем не перевязаны.

При гораздо более легких условиях, чем этот левофланговый корпус 2-й армии, отступал стоявший на ее правом фланге корпус Бенедека. Но последний знал свет и сумел представить свое отступление в виде значительного военного подвига [2]. Присматриваясь внимательнее, поражаешься, насколько бессодержательна его реляция. В ней говорится, будто сардинцы «более чем с двойным превосходством сил» энергично преследовали 8-й корпус. Хотя после отступления 5-го австрийского корпуса с позиции Сольферино — часовня Мадонны дивизия Дурандо также обратилась против Бенедека и прибыла, наконец, дивизия Фанти, но все-таки о «более чем двойном превосходстве сил» сардинцев над Бенедеком не может быть и речи; было только 8 сардинских бригад против 6 австрийских, — следовательно, типичного для времен Радецкого соотношения 60 000 к 30 000 не существовало.

---

[1] При Бородине Наполеон I не решился двинуть в атаку свой последний резерв, старую гвардию.

[2] Эту рекламу Бенедек с лихвой искупил своим благородным молчанием после Кениггреца, когда из него делали козла отпущения за проигранную кампанию 1866 г.

Бенедек говорит, что союзником сардинцев была гроза, которая гнала в лицо австрийцам густые тучи пыли и колоссальные потоки дождя. Вообще его реляция иногда столь же картинна, как хороший роман, хотя и не может скрыть от исторической критики того, что сардинцы, подобно французам, преследовали слабо.

В 3 часа утра 25 июня 8-й корпус перешел р. Минчио частью у Салионце, частью у Пескьеры. День и ночь войска оставались под ружьем без горячей пищи; наконец, теперь можно было приступить к варке.

Мы оставили 1-ю армию в 2 часа пополудня 24 июня, когда Вимпфен приказал ей оторваться от противника. Но противником был Ниель. Невероятно, какой моральный ток может исходить от одного военачальника! Ниель увлекал свой уставший истомленный корпус на все новые атаки против 3 австрийских корпусов, желавших очистить поле сражения. Золотых мостов Ниель ни в коем случае не строил. На равнине земельная культура ставила преследующему не меньшие препятствия, чем гористая местность. Но тогда как на последней вскоре после начавшегося отступления австрийцев французское преследование остановилось у Монте-Кросе и Монте-Фонтана, 4-й французский корпус втягивал изнуренную 1-ю австрийскую армию против ее воли во все новые бои у Казануова, Баите и Робекко. Подобно Бенедеку, Вимпфен также изобразил свое отступление в освещении, затемняющем истинные обстоятельства дела. Он пытается уверить читателя, будто предписанные им короткие удары с целью оторваться от противника неожиданно восстановили равновесие между австрийским и французским оружием. В его реляции сказано: «Так как вследствие этого отпала необходимость отступления за р. Минчио, то последнее не состоялось, несмотря на сделанное уже об этом его величеству донесение; бой на всех... пунктах продолжался с упорством, причем наносился последний решительный удар» [1].

В Кавриану Вимпфен не донес, что ему представилась возможность приостановить отступление, — лучшее доказательство того, что во время сражения он сам не верил в неожиданную и внезапную перемену военного счастья. Веру в то, что такая перемена наступила, он внушил себе уже впоследствии. В действительности, между 2 и 5 час. на местности впереди Гвидиццоло происходило невероятное переплетение французских коротких ударов и австрийских контрударов, которые с обеих сторон наносились без особой энергии, так как силы обоих противников после многих часов марша и боя истощились. Французы с утра ничего не ели, австрийцы же вообще по большей части постничали; солнце беспощадно жгло безводную почву.

У австрийцев войсковые части перемешались. Исключение среди общего беспорядка составляли 2 батальона полка имени Кевенгюллера 11-го корпуса, которые в 4 часа в батальонных колоннах перешли в наступление против сел. Казануова; во главе их — юный командир полка, князь Виндишгрец. Французы ясно различали его белокурые волосы, а рядом с ним — шитое золотом знамя. Героизм, с которым эти войска тщетно старались отомстить за своего павшего вождя [2], произвел глубокое впечатление на французов.

[1] Это непонятно, потому что далее автор описывает отступление австрийцев за р. Минчио, умалчивая об их последнем решительном ударе.

[2] Вероятно, Виндишгрец был убит, хотя автор об этом прямо не говорит.

Потом остальная часть полка Кевенгюллера пыталась атаковать эту окровавленную группу домов. Бригада Балтина, также принадлежавшая к составу 11-го корпуса, двигалась позади. Удар обрушился на части дивизии Винуа, которые заколебались. Требовалась спешная помощь, которую самоотверженно оказала кавалерийская дивизия Дево. Последняя не имела времени подготовить свое наступление огнем конных батарей. Атака произошла на местности, усеянной деревьями с гирляндами виноградной лозы и канавами. Следовательно, австрийские батальоны имели время построить каре, когда французские уланы, высоко поднимая пыль, появились на их левом фланге. Размах конной атаки был парализован местными препятствиями, так что ее пришлось повторить 2 раза. Потери улан были велики, но тем временем пехота могла снова собраться. Батальоны Кевенгюллера, уменьшившиеся до 300 чел., были побеждены совместными атаками обоих родов войск. Бригада Балтина посреди рассыпных кавалерийских атак потеряла направление и повернула назад.

Ниель побудил своих всадников выйти в тыл неприятелю. Менсдорф упоминает в реляции «об их легких отрядах, смело наступавших через препятствия, созданные агрикультурой». Менсдорф со своей кавалерийской дивизией отделился от 1-й армии, к которой он собственно не принадлежал, и примкнул к 7-му корпусу как составной части 1-й армии. Против него Наполеон хотел выдвинуть часть кавалерии с пустоши Медоле. На Монте-Фонтана он имел продолжительный разговор с Мак-Магоном. Император желал преследовать отступавший 7-й австрийский корпус кавалерией. Мак-Магон отсоветовал всякое преследование, так как без пехоты этого сделать нельзя, а она устала и слишком голодна.

Собственно говоря для преследования имелись большие массы свежей французской пехоты, если бы только Канробер, наконец, пошевелился. Но он упорно держался мнения, что должен стоять на месте для обеспечения армии от угрозы охватывающих маневров на широкой равнине Кастель-Гоффредо. Отчаянные наступления на короткие расстояния, которые производила австрийская 1-я армия, чтобы оторваться от 4-го французского корпуса, были в глазах Канробера охватывающими маневрами. Канробер цеплялся за данную накануне инструкцию — итти в Медоле. Он прибыл туда и, согласно приказу, желал там оставаться. Ниель получил приказание двигаться на Гвидиццоло. Канробер хотел бы видеть, как он этого достигнет. Задача 3-го корпуса по его мнению состояла лишь в прикрытии фланга Ниеля; других обязанностей на нем не лежало.

Канроберу невозможно было объяснить, что он ссылается на инструкцию, которая уже устарела [1].

В 5 час. Ниель со своей стороны был вынужден отказаться от наступления на Гвидиццоло, так как Канробер от Медоле за ним не двигался, а корпуса на Монте-Фонтана бездействовали (Наполеон подчинился вышеприведенным доводам Мак-Магона).

Как раньше 2-й австрийской армии, так теперь и 1-й, была предоставлена свобода отступления.

В это время поле сражения исчезало в вихрях пыли, поднятой ураганом. Уже в продолжение нескольких часов собиралась гроза,

[1] Казалось бы, Наполеону как главнокомандующему следовало просто отдать Канроберу соответствующее приказание, но он по своему обыкновению придерживался системы непротивления.

теперь она разразилась. Как это часто бывает на юге, она продолжалась недолго. После получаса проливного дождя равнина и высоты были снова освещены ярким солнцем. Воздух, очищенный от духоты, был так прозрачен, что с Монте-Фонтана можно было различать малейшие предметы на огромных расстояниях. Был самый длинный день в году — до 9 час. вечера светло. Можно было наблюдать австрийскую армию в полном отступлении; насколько хватал глаз, виднелись походные колонны и ряды повозок, а между ними — масса одиночных солдат, вышедших из рядов своих частей. Все стремилось к р. Минчио. Кавалерия Менсдорфа прикрывала разбитую армию.

Сочинение австрийского генерального штаба приводит реляцию командира артиллерийского резерва 7-го корпуса, в которой сказано об отступлении армии, что наибольшее разложение проявилось у Форесто, где разветвлялись дороги из равнины и с высот. Перемешанные солдаты всех корпусов и родов войск текли тут сплошным потоком: «Если бы неприятель... имел об этом хоть слабое представление, то большая часть батарей и масса военного имущества попали бы в его руки».

Артиллерийский резерв 7-го корпуса должен был простоять у Форесто 2 часа, прежде чем смог двинуться в Вольту. Позади этого пункта у Поццоло находился военный мост, по которому артиллерия хотела перейти р. Минчио. Но мост был закупорен обозами и бежавшими пехотинцами. Кавалерийская дивизия Менсдорфа беспощадно прокладывала себе дорогу, вытеснив с моста даже санитарные транспорты с тяжело ранеными.

Артиллерийский резерв 7-го корпуса должен был опять ждать 7 час., прежде чем итти вперед.

У моста в Валеджио скопление артиллерии и обозов 1-го корпуса вызвало панику. Император Франц-Иосиф должен был вмешаться лично: «Он говорил с солдатами, становился на угрожаемых пунктах, принял меры для укрепления деревни, приказал подвезти резервную артиллерию, находившуюся еще в Розегафферо, и поставил ее на противоположном берегу».

Польза, которую она там могла принести, представлялась сомнительной в случае, если бы кавалерия и пехота французов, поддержанные частью дальнобойных орудий, вторглись в австрийский хаос. Но, несмотря на это, Франц-Иосиф у моста Валеджио представляет явление, заслуживающее быть отмеченным в истории. Хотя Франц-Иосиф и не обладал талантом полководца, который в нем усматривал преданный ему Рамминг, но все-таки он был прирожденным государем. Сердца его подданных бились ему навстречу, «однако, величие и достоинство устраняли фамильярность». Подобно тому как у моста Валеджио отбившиеся от рук войска снова подчинились дисциплине под влиянием мистической силы, исходившей от монарха, точно так же стремившиеся врозь народы империи в продолжение двух поколений подчинялись ему по тем же непостижимым, продиктованным чувствами мотивам [1].

[1] Вся эта мистика не согласуется с историческими фактами. При вступлении Франца-Иосифа на престол Габсбургская монархия уже распадалась, и только вмешательство императора Николая I в 1849 г. спасло ее. Затем Франц-Иосиф потерпел поражение в войнах 1859 и 1866 гг., а в мировую войну избег окончательного изгнания только вследствие своевременной смерти.

Задержка у моста Валеджио не была устранена с прекращением паники, а продолжалась еще до 11 час. ночи, когда окончился переход 1-го корпуса. Тяжелое моральное потрясение этого корпуса, пострадавшего от флангового удара французской гвардии, могло быть лишь частично и временно исправлено личным вмешательством императора. Вслед за 1-м корпусом ночью перешла мост у Валеджио дивизия Бранденштейна, тогда как дивизия принца Гессенского совершила переход у Ферри. На пути к назначенному месту переправы у Гоито 11-й корпус оставил две трети своего обоза; 3-й корпус заблудился во время грозы и вместо Ферри, где, согласно приказу, он должен был перейти реку, двинулся в Гоито. Тем длиннее были колонны, осаждавшие мост у Гоито. Только на следующий день окончился тут переход всех 3 корпусов 1-й армии.

С наступлением темноты Франц-Иосиф отправился из Валеджио в Виллафранку — городок, имя которого через несколько дней должно было войти в мировую историю. Наполеон переночевал на том пункте поля сражения, до которого он сам довел победу и где он ей положил предел,— в большом селении Кавриана. Тут он жил в доме, приготовленном для главной квартиры Франца-Иосифа, откуда австрийский император хотел следить за наступлением своих войск к р. Чиезе.

Теперь эти войска были отброшены за р. Минчио со средней потерей в 15% их состава [1]. В 1-й армии 9-й корпус потерял 20%, как на противной стороне корпус Ниеля. Оба других корпуса 1-й австрийской армии — 3-й и 11-й — понесли урон в 15% каждый. Из 2-й армии корпус Стадиона потерял в Сольферино 20%, корпус Клама, двинувшийся к нему на помощь, — 15%. Потери 7-го и 8-го корпусов были ниже средней цифры — 12,5% и 10%, потому что пленными Цобель потерял сравнительно мало, а Бенедек почти совсем не потерял, тогда как урон других корпусов состоял, главным образом, в нераненых пленных.

Французы подобно своему противнику потеряли в среднем 15% [2]. Отсталые в числе 20% присоединились на следующее утро.

Сардинцы также потеряли убитыми 15% [3]. Из этого видно, как храбро они сражались и насколько неудовлетворительно было командование ими.

Правильный масштаб для оценки ослабления трех армий дают прежде всего потери в офицерах, которые везде составляли четверть офицерского корпуса [4].

---

[1] Без вести пропавшие, которые опять явились, а также кавалерийские дивизии, понесшие весьма малые потери, не приняты во внимание.—*Прим. авт.*

[2] 3-й корпус в расчет не принят.—*Прим авт.*

[3] Дивизия Фанти в расчет не принята.—*Прим. авт.*

[4] Так как приведенные автором цифры потерь (только в процентах) не дают полного представления о результатах сражения, то мы дополним их некоторыми цифровыми данными из австрийского сочинения Berndt, Die Zahl im Kriege. Французы и сардинцы потеряли 17 190 чел. в том числе пленными 2 770 чел., австрийцы— 21 740 чел., в том числе пленными 8 640 чел. Кроме того, оставлено неприятелю 13 орудий.

Потери в офицерах: французы и сардинцы—877 чел.; австрийцы—639 чел.

Глава VII

Мир по соглашению (12 июля 1859 г.)

Накануне сражения при Сольферино Флери писал домой, что Наполеон все еще находится под впечатлением, что сражение при Маджженте едва не превратилось для него в ужасное поражение. А тут еще эти затруднения с продовольствием! Он устал воевать...

Победа при Сольферино не придала императору бодрости. Он и не помышлял о возобновлении сражения на другой день. Австрийцы оказали бы ему лишь слабое сопротивление. Их верховное командование приказало обеим армиям отойти за р. Эч, если противник будет наседать,— разумеется, разрушив предварительно мосты через р. Минчио. Однако, войска, расстроенные поражением и имевшие обозы впереди себя, конечно, были бы задержаны преследователями. Вместо этого французы остались бездеятельными на поле сражения еще дольше, чем после Маджженты. Австрийцы могли занимать свои позиции на левом берегу Минчио и собираться в продолжение многих дней. 9-й австрийский корпус оставался даже на правом берегу у Гоито. Не подвергаясь атаке, он прикрывал узкую и мелкую в этом месте реку. Лишь 26 июня, на основании донесений разведчиков, у австрийского командования сложилось впечатление, что пора отступать: «ибо надлежало привести войска на ту сторону р. Эч, по возможности, нетронутыми». Мост у Валеджио был сожжен 1-м корпусом, «причем от попытки его разобрать отказались за недостатком времени». Эта операция, повидимому, удалась лишь наполовину, из чего видно, что преследование, предпринятое французами на другой день после сражения, имело бы много шансов на успех.

Австрийцы начали свой отход в темноте без использования сигналов на барабане или рожке. Вдоль р. Минчио продолжали гореть лагерные костры. Все передвижение длилось с вечера 26 по 29 июня, когда Шлик сгруппировал свои войска вокруг Вероны, а Вимпфен — вокруг Леньяно. Последний снова поставил на нижнем течении р. По весь 10-й корпус, который, будучи на месте, мог бы решить в пользу австрийцев сражение при Сольферино.

1-й и 2-й корпуса были расформированы. Войска этих корпусов частью были отосланы обратно во внутренние провинции империи, частью же ими усилили остальные корпуса действующей армии. Император при существовавшем тогда государственном строе утратил всякое доверие к тем народностям, из которых пополнялись эти корпуса.

Зато к театру войны приближался 4-й корпус и ожидались многочисленные пополнения для остальных корпусов, так что не приходилось опасаться недостатка войск в четырехугольнике крепостей.

Французы оставались перед р. Минчио не менее 6 дней, с 25 по 30 июня включительно. Свое бездействие Наполеон оправдывает затруднениями в доставке продовольствия; однако, мы уже видели, что, продолжая стоять на одном месте, он как раз и создавал эти затруднения. Тем временем дело дошло до личного столкновения между Ниелем и Канробером. Повидимому, Ниель подозревал Канробера в том, что последний нарочно его не поддержал при Сольферино, мстя ему за свою отставку под Севастополем. Канробер прозвил Ниелю вызовом на дуэль. Вмешательство Наполеона предотвратило ее, и Ниель получил заслуженный маршальский жезл.

Ничто не было более чуждо Наполеону в его главной квартире в Кавриане, как жесты гордого, сияющего счастьем победителя. Наоборот, он проявлял себя больше, чем когда-либо, пацифистом, неоднократно выражая отвращение к бойне, совершенно не соответствующей духу времени [1]. Он был натурой мягкой, но, употребляя выражение Лессинга, мог при помощи волевого воздействия заставить себя проявить больше энергии, чем в нем предполагалось. Так и в настоящую минуту он сумел бы выказать непреклонную волю к войне. Но он видел, что достиг кульминационной точки победы. Чего он не смог выжать из себя в два последних роковых дня, это героизма, который, не заботясь о возможных контрударах, использует одержанную победу до последнего остатка сил людей и лошадей. До таких высот стратегии сокрушения поднимаются лишь действительно великие полководцы; просто выдающемуся полководцу, каким был Наполеон III, это оказалось не по силам [2].

К нему также прибыли значительные пополнения, однако, новых воинских частей, кроме дивизии Гюг, выделенной из Лионской армии, привлечь было невозможно ввиду настроения Германии. Эта дивизия прибыла в Милан в качестве резерва для дивизии Чиальдини и cacciatori, преграждавших проходы из Тироля в Италию.

Чем дальше Наполеон продвигался вперед, тем сильнее чувствовал угрозу со стороны 6-го австрийского корпуса в Триенте и Ровередо. Позади левого крыла союзников шла железная дорога. Теперь она стала совершенно пригодной для эксплоатации. 28 июня был восстановлен железнодорожный мост через канал Муцца у Кассано, а на следующий день был пущен поезд в составе 61 вагона из Милана в Брешию. 3 июля починили мост через р. Чиезу у Сен-Марко, после чего железнодорожное сообщение шло беспрепятственно от Генуи до Поццоленго.

Такая превосходная база, какую представляла для французов железная дорога [3], была новым явлением во всемирной истории, но когда Наполеон хвалится, что благодаря железным дорогам он прошел через Ломбардию с неимоверной быстротой, это противоречит фактам. 1 июля французы переправились через р. Минчио и стали лагерем у Виллафранка и Валеджио; таким образом, они достигли восточного края Ломбардии, в которую вступили с запада у Сен-Мартино и Маджженты. От Сен-Мартино до Виллафранка приблизительно 160 км, которые французская армия прошла в 27 дней; 6 км в день в богатой стране с прекрасными дорогами уж никак нельзя назвать «неимоверной быстротой».

Но теперь железные дороги были питательной артерией армии и делали коммуникационную линию Наполеона у подножия Альп вдвое чувствительнее. Командир 6-го австрийского корпуса фельдм.-лейт. барон Баумгартен имел в своем распоряжении несколько дорог из Триента к верховьям р. Чиезы. Другие дороги, проведенные

[1] На самом деле за свое 18-летнее царствование (1852—1870) Наполеон все время занимал французов войнами: Крымская война (1854—1856), война с Китаем (1857—1860), завоевание Кохинхины (1859—1860), война с Австрией (1859), экспедиция в Мексику (1862) и франко-прусская война (1870). Кроме того, в Алжире непрерывно шла внутренняя война с кабиллами.

[2] Никто не считал и не считает Наполеона выдающимся полководцем. Между прочим это подтверждается и фактами, приводимыми автором относительно его деятельности как в эту, так и особенно во франко-прусскую войну.

[3] Железная дорога была не базой, а коммуникационной линией.

в стратегических целях и удобные для провоза по ним артиллерии, вели через Штильфзерский перевал в Вальтелину, а через проход Тонале — в долину Камоника и далее на Бергамо и Бресчию. Через Вальтелину по верхнему течению р. Адды и вдоль Лаго-ди-Комо шла еще дорога на Милан.

Чтобы преградить эти сообщения, Чиальдини занял в верховьях Оглио местечко Брено, где дороги для экспедиций из прохода Тонале разветвляются на Бресчию и Бергамо. Другой сардинский отряд расположился против небольшой крепости — Рокка д'Анфо, занятой австрийским гарнизоном. Через этот пункт проходит дорога из Триента в Гардоне к верховьям р. Чиезы и, следовательно, к железнодорожному мосту у Сен-Марко, восстановлением которого завершились саперные работы французов.

Гарибальди, к которому тем временем стеклось много добровольцев, — особенно из Вальтелины, всегда враждебно относившейся к австрийцам, — занял в этой местности, для прикрытия Милана, Бормио и другие пункты. Все позиции, занятые итальянцами, были, по словам сочинения французского генерального штаба, настолько сильны, что 6-й австрийский корпус никак не мог бы их прорвать. Но эта чисто оборонительная задача отвлекла значительные силы. Дивизии Чиальдини и Гюг, вместе взятые, насчитывали 31 батальон, в то время как у Баумгартена их было всего лишь 13.

Мы видели, какие неисчислимые выгоды Наполеон извлек из выделения 5-го корпуса, хотя принц Наполеон лишь размахивал в тылу у австрийцев знаменем революции. Дальше так продолжаться не могло после того, как принц 28 июня прибыл с дивизией Уриха к р. По и расположился у Казальмаджиоре. Перейдя через реку, он мог бы притянуть к себе дивизию Отемара, но тогда он оказался бы со своим корпусом перед Мантуей и австрийским фронтом. Если же он, наоборот, перевел бы Отемара на правый берег По и пошел бы вниз по течению, то в этом случае он уже ничего не мог бы предпринять, так как пространство между устьями рек По и Эч с их болотами представляет сильную оборонительную позицию.

После отхода австрийцев за р. Эч клещи Плон-Плона уже не были в руках Наполеона. Вместо этого он обдумывал операционный план, который по смелости оставлял далеко позади передвижение его влево, предшествовавшее сражению при Мадженте. Не один только корпус принца Наполеона должен был спуститься вниз по течению р. По, но вся армия. Таким образом, четырехугольник крепостей оказался бы обойденным, и австрийцам пришлось бы базироваться на Венецию, которую мог атаковать французский флот.

Но тот, кто обходит, сам обойден. Направляясь к устью р. По, Наполеон отрывался от своей базы. Он отказывался от железных дорог и от водного сообщения по р. По вниз от Пиаченцы, где железная дорога из Генуи доходит до р. По. Тут Наполеон задумал использовать для своей стратегии вместо железных дорог второе великое изобретение, сделанное за последнее время в области транспорта, — пароходство. Опираясь на Тулон, в венецианских водах должна была появиться плавучая база.

Начальник генерального штаба и военный министр стали открещиваться от такого проекта, и Наполеон от него отказался. На войне дело — это все, стремления — ничто. Но для характеристики полководца с такими достижениями, как Наполеон III, нужны и его

стремления. Суждение о плавучих магазинах не входит в компетенцию историка, который, например, мало знаком с тоннажем, имевшимся в распоряжении французов. Историк вправе лишь сказать, что этот государь не любил рутину ни в стратегии, ни в политике.

Но в то время как в политике он чувствовал себя как дома, распоряжаясь и действуя самодержавно, в стратегии у него нехватало основательных специальных знаний и способности решаться, а потому — чем дальше, тем больше — он подчинялся влиянию своих генералов. Фланговый марш влево перед Маджентой Наполеон все-таки провел, хотя уже сильно ощущал оппозицию фронтовых командиров; но после этого его стратегию занесло песком. Причиной тому были предполагаемые технические затруднения в снабжении, на которые ему указывали. Однако, в данном случае советники Наполеона не учитывали того момента в австрийской психике, который до тех пор имел решающее влияние на ход войны: страха перед революцией. Они полагали, что французам придется долго возиться с оборонительной позицией австрийцев близ устьев рек. На самом деле это было весьма сомнительным. В то время в главную австрийскую квартиру в Вероне поступали телеграммы из Южной Далмации, сообщавшие, будто французский адриатический флот в составе 63 вымпелов снялся с якоря на рейде у Антивари и отплыл по направлению к Венеции. Эти вести повергли австрийское верховное командование в большее уныние, чем все предполагавшиеся перед Сольферино угрозы тылу. Рамминг в памятной записке высказывает сильное беспокойство относительно исхода войны в случае, если противник направит принца Наполеона через низовья рек на Падую. Но так как при этом главные силы французов перед Вероной оказались бы в значительной мере ослабленными, — частью блокадой Мантуи, частью продвижением многочисленных войск к Сангвинетто, — то Рамминг все-таки не отчаивался в победе «при условии сохранения некоторой способности к маневрированию». Только перед угрозой флота и революционного движения в Венецианской области Рамминг чувствовал себя совершенно беспомощным.

Рамминг, пытавшийся уяснить себе вероятные шахматные ходы противника, вообще не принял в расчет возможности наступления главных сил французов к устью р. По. Тем более потрясающее действие оказала бы неожиданность этого маневра. В сочинении французского генерального штаба сказано: «Однако, в главной квартире было решено, несмотря на всю трудность этого предприятия, ... атаковать четырехугольник крепостей с фронта». По характеру этой фразы чувствуется, как неохотно уступал в этом деле Наполеон.

Логическим последствием такого решения было присоединение 5-го корпуса к главной армии. Принц Наполеон навел у Казальмаджиоре плавучий мост длиною в 560 м, — частично из лодок, охотно доставленных для этого местным населением. Во время похода дивизии Уриха от Ливорно до р. По, длившегося несколько недель, ее с восторгом приветствовали во всех городах. Австрийцы продолжали видеть в революционном настроении мощный фактор военной силы, ложившийся тяжелым грузом на чашу весов, который они расценивали тем выше, что он не поддавался точному учету. Они утверждали, что союзники были всегда самым точным образом осведомлены относительно австрийских сил, их расположения и т. п. Мы уже видели, насколько эти предположения были необоснованы.

Французы так же горько сетовали на скудные результаты, доставляемые их разведывательной службой, как и австрийцы. Последние не только страшились заговора итальянцев, но и воображали, что по первому знаку Наполеона вся Верхняя Италия готова поднять против них вооруженное восстание. Однако, она об этом и не помышляла.

Мы ведь знаем скептические отзывы французов о революционной энергии итальянцев. Опасность представляли лишь рабочие каменоломен в Масса-Каррара [1], которые, однако, жили далеко от театра войны, затем — фабричные рабочие Бресчии, столь сильно тревожившие Гиулая в его стратегических планах, и, наконец, жители Вальтелины. Серьезно опасаться революционного движения в Венецианской области не приходилось, — особенно там, где духовенство не было согласно между собою в политических взглядах.

Впрочем австрийское командование страшилось не одних итальянцев, но и всех народов, населявших империю. Наполеон вызвал из Лондона Кошута и любезно принял его в своей главной квартире, в Валеджио, что сильно подействовало на нервы другой главной квартиры в Вероне. Наполеон имел у себя на службе трех сигнальщиков, махавших революционным флагом: Плон-Плона — для Средней Италии, Гарибальди — для горной страны и Кошута — для адриатического побережья.

Австрийский посланник в Берне телеграфировал в Верону, что французский флот должен высадить Кошута в Далмации, который, опираясь на эту базу, будет оперировать против Венгрии. Из Брюсселя австрийский военный агент доносил, будто Кошут уже сформировал в Валеджио венгерский легион из военнопленных, численностью до 4 000 чел. Каждый легионер якобы получает 3 франка в день, а в Генуе заготовлено уже 10 000 ружей.

Венгрия с нескрываемым злорадством приветствовала поражения под Маджентой и Сольферино. В Вероне говорили, будто во многих комитатах уже приступлено к формированию отрядов гонведа [2]. То были лишь ни на чем не основанные слухи. Австрийское правительство после подавления революции в 1849 г. систематически разоружало Венгрию, так что о каком-либо вооруженном восстании можно было думать лишь после того, как венгерский легион привезет в страну оружие.

Но 4 000 перебежчиков, если даже их действительно было столько, еще не должны были причинять серьезное беспокойство австрийскому верховному командованию. И все же в Вероне страх перед ударом кинжала в спину с каждым днем усиливался, — тем более, что и венские городские власти доносили о начале революционного брожения в самой столице империи.

Могло ли по крайней мере правительство для борьбы с революцией положиться на невенгерские войска? Руководящие военные круги не были в том уверены. Им казалось, что они чуют, как в разбитой армии повсюду ослабевает уважение к начальству.

Показательным для душевного состояния в Вероне является ряд приказов, данных командиру 6-го корпуса в Тироле относительно групп революционеров, будто бы появившихся в Лессинских Альпах.

---

[1] Из этого округа, живущего в накаленной революционным духом атмосфере, вышел инициатор покушения на Муссолини.—*Прим. авт.*

[2] В то время—второочередные войска в Венгрии.

В районе Рекоаро якобы особенно гнездились «агитаторы, частью вооруженные дезертиры», в чем и верховное командование уже усматривало первые зарницы «всеобщего вооруженного восстания». Для «подавления этих козней в самом зародыше» верховное командование направило в Рекоаро бригаду Эбергарда из состава приближавшегося 6-го корпуса. Этот район, без сомнения, имел жизненное значение для армии, ибо здесь сходились две этапных дороги — через Тироль и через Венецианскую область. Рамминг обсуждал возможность перехода Наполеона выше Вероны через р. Эч, правый берег которой командовал левым. Таким способом Наполеон преградил бы проход через Веронские теснины и мог бы попытаться отдельным отрядом овладеть Рекоаро и склонами Лессинских Альп, «с целью серьезно угрожать главной австрийской операционной линии, идущей через Виченцу».

Рамминг приписывал союзникам такое превосходство сил, которым они вовсе не располагали. Ведь, не считая союзных и австрийских войск у Тирольских горных проходов и дивизии Гюга в Милане, друг против друга стояло с обеих сторон по 8 корпусов. Впрочем сам Рамминг, несмотря на свой крайний пессимизм, понимал, что было бы в высшей степени рискованно для Наполеона переправляться через р. Эч на глазах у австрийцев, стоявших под Пастренго: «Если мы верно определим момент, когда часть его сил переправится на левый берег, а остальные войска еще будут находиться на правом, и обрушимся на первую часть, то успех наш обеспечен».

Неприятелю пришлось бы значительно ослабить себя, чтобы блокировать Пескьеру и наблюдать за Мантуей. К тому же без длительных приготовлений едва ли было возможно выслать по Валь-Арса через Лессинские Альпы значительные массы войск с артиллерией. Поэтому мало вероятно, чтобы союзники попытались вклиниться между Тиролем и Вероной.

Все это весьма убедительно; тем характернее нервность австрийцев, заставлявшая их видеть скопление мятежных групп в Валь-Арса и у Рекоаро. Это была лишь ложная тревога. Зато атака французского флота действительно угрожала Венеции. Покинув Антивари в Албании, французский флот 30 июня бросил якорь близ острова Луссина, южнее Полы. Здесь он стоял в защищенном от ветров месте, где все необходимые починки могли быть спокойно выполнены. Значение этого последнего обстоятельства вразумительно показали французам тотчас по прибытии их в далматинские воды австрийские береговые батареи, так как один линейный корабль и один фрегат под Триестом и столько же судов под Зарой подверглись серьезным повреждениям от попавших в них снарядов. Французская армада разделилась на блокирующий и осадный флоты; последний состоял из 24 судов,— частью канонерок, частью бронированных плавучих батарей, которые Наполеон ввел в военную историю как первый образец морской техники бронирования. Как мы видели, он же ввел впервые нарезные орудия, число которых на судах осадного флота достигало 100.

Из трех входов в Венецианскую лагуну (Порто-ди-Лидо, Порто-ди-Маломокко и пролив Киоджиа) комендант крепости заградил вход у Лидо, как наиболее удобный для атакующего, потопив 3 самых больших и хороших парохода «Австрийского Ллойда». Поэтому объектом атак французов должна была стать Киоджиа. Форты Киод-

жиа были вооружены 35 орудиями, действовавшими перекрестным огнем; австрийские орудия были гладкоствольные, причем по калибру значительно уступали французским орудиям. Форты почти не имели казематов, а мы знаем, какое значение это имеет для обороны.

Не подлежало никакому сомнению, что 12 000 австрийцев, занимавших Венецию и окруженных враждебным им населением, не могли удержать слабо укрепленный и недостаточно вооруженный город, если бы только в.-адм. Ромен-Дефоссе повел на него энергичную атаку. Внедрение французов в Венецию представляло непосредственную и близкую угрозу для одной из двух железнодорожных линий, на которые базировалась австрийская армия. Эта линия была недостаточно совершенным путем подвоза, поскольку между Казарсой в Венецианской провинции и Набрезиной у Триеста нехватало рельсового участка длиною в 10 миль (70 км). Здесь приходилось выгружать все запасы и гужом доставлять их до нового пункта погрузки.

Впрочем такую же манипуляцию приходилось проделывать с грузами и на Тирольской железной дороге между Боценом и Инсбруком, а здесь не покрытый рельсами участок этапной дороги представлял огромное препятствие: это был Бреннер. Поэтому связь армии через Тироль играла второстепенную роль по сравнению со связью через Венецианскую область. Радецкий не ошибался, когда в 1848 г. однажды сказал: «Если мы потеряем Венецию, я ни за что не отвечаю».

Вернувшись снова к заместителю Радецкого, мы видим, куда привело австрийцев надежда Гиулая на четырехугольник крепостей.

К тому же этот четырехугольник крепостей в фортификационном отношении стоил, пожалуй, не больше Венеции, Пескьера и Леньяно были крепостями 3-го класса; Мантуя пользовалась еще с прежних времен тем преимуществом, что при помощи искусственного наводнения большую часть ее можно было прикрыть от обстрела, но и здесь ощущался недостаток в казематах. Наконец, что касается Вероны, то ее так называемые отдельные форты были по большей части лишь обыкновенными редутами. Австрийцы вообще называли Верону не крепостью, а только маневренным пунктом, укрепленным лагерем, укрепленной завесой (befestigtes Rideau).

Четырехугольник крепостей был к тому же недостаточно вооружен. Имевшиеся у австрийцев немногочисленные позиционные орудия были частью утрачены вместе с крепостями Павией, Пиаченцей и Пиццигетоне, частью же лежали в складах в Набрезине или Казарсе. Но в этом четырехугольнике стояла равная союзникам по численности операционная армия. Кроме того, система снабжения из магазинов, которую французы должны были развить вследствие медленности их движений, поглощала почти все их транспортные средства, так что даже небольшие артиллерийские парки французов и сардинцев, нужные для бомбардировки Пескьеры, лишь с трудом могли быть доставлены на место. Еще сложнее была доставка большого артиллерийского парка для обстрела Вероны: 300 орудий и 300 000 снарядов. Его обоз состоял из 4 000 подвод, в которые для перехода через Альпы нужно было бы запрячь 12 000 лошадей.

Наполеон, как я уж говорил, чувствовал себя на кульминационной точке своих побед. 24 июня произошло сражение при Сольферино. На 10 июля намечалось начало постройки батарей под Пескьерой. Следовательно, за эти 16 дней союзники ничего бы не сделали, кроме перехода с правого берега Минчио на левый. Флери справедливо

опасался, что при таком медленном темпе наступления впечатление от Маджснты и Сольферино изгладится у австрийцев.

Как Наполеон себе представлял дальнейший ход операций после взятия Пескьеры, нам неизвестно. Мы имеем лишь сведения из австрийского лагеря, а именно,— кроме уже упоминавшейся, еще другую памятную записку Рамминга, высочайше утвержденную в качестве основы австрийских распоряжений; из нее мы узнаем предположения противников Наполеона относительно дальнейшего развития его наступательных действий. Рамминг все еще исходит из ошибочной предпосылки, что у неприятеля значительный перевес сил. Он, как и раньше, считает энергичную оборонительно-наступательную стратегию не лишенной шансов на успех, но добавляет с тревогой, что если неприятель переправится через р. Эч выше Вероны и выигрывает сражение, то он сможет чрезвычайно затруднить отступление австрийцев по длинному дефиле между Вероной и Сен-Бонифацио, тем более, что, он, вероятно, будет переправляться через р. Эч отдельными отрядами и ниже Вероны, например, у Альбаредо.

Впрочем уже из первой памятной записки Рамминга мы знаем, что он серьезно не верил в возможность переправы союзников через р. Эч выше Вероны. Присоединение 5-го французского корпуса к главным силам еще не исключало возможности операции французов, направленной против нижнего течения рек По и Эч. У Наполеона,— полагал Рамминг,— хватит ума вызвать австрийцев на сражение ниже Вероны вправо от р. Эч. Он мог бы оставить перед австрийским лагерем у Санта-Лучия от 30 000 до 40 000 чел. с многочисленными батареями, тревожа его огнем своих дальнобойных нарезных орудий. Тем временем, под прикрытием этой завесы, император переправится с главными силами через р. Эч у Альбаредо. Если этот маневр союзникам удастся выполнить, то австрийская армия, так намекает Рамминг, будет уничтожена или в лучшем случае вынуждена «к поспешному отступлению» на Виченцу.

Поэтому, после того как Наполеон разделит свои силы, австрийцам следует внезапно выступить из Санта-Лучиа и заставить противника принять сражение на правом берегу р. Эч: «Если можно положиться на войска и их вождей, то уместно... выждать некоторое время... с тем, чтобы побудить противника широко растянуть вправо свой второй эшелон, с которым он будет стремиться к... Альбаредо».

Если сражение под Санта-Лучиа окажется проигранным,— пишет в заключение Рамминг,— то огонь фортов несколько задержит преследование. Впрочем,— добавляет он с характерным для австрийца пессимизмом,— лишь при условии, что все форты будут обороняться надлежащим образом.

Не пытаясь из намерений Наполеона, предположительно приписываемых ему его противниками, выводить его действительные стратегические планы, мы можем сказать, что справиться с австрийцами, несмотря на понесенные ими поражения, было все еще не легко. Сокрушить австрийцев на море было не легче, чем на суше, хотя никто и ничто не могло воспрепятствовать в.-адм. Ромен-Дефоссе захватом Венеции завоевать императору превосходную операционную базу для его сухопутной армии. Одно место в сочинении французского генерального штаба содержит как бы указание на то, что Наполеон замышлял перебросить водным путем в Венецию один корпус, после того как флот овладеет этим городом. Очень может быть, что окружавшие

удержали Наполеона от выполнения этого плана, как и многих других, выходивших из обычных рамок. Десантные войска на флоте состояли из 3 000 чел.; к ним должны были присоединиться «в ближайшем будущем» еще 5 000,— также из Алжира, как и первые 3 000,— но срок их прибытия не мог быть точно определен.

Обширное австрийское побережье было повсюду достаточно снабжено гарнизонами. Если бы французский дивизионный ген. Вимпфен (тот самый, чье имя попало на страницы всемирной истории в связи с Седанской капитуляцией) [1] вздумал с 3 000 или хотя бы с 8 000 чел. «произвести смелые вторжения к австрийской линии отступления», то такая перспектива могла страшить австрийцев лишь потому, что они подозревали приморское гражданское население в приверженности к неприятелю. Все французские политики и военные резко порицали тот пункт наполеоновского манифеста об объявлении войны, в котором провозглашалась независимость Италии до Адриатического моря, так как он будто бы непредусмотрительно связывал политику Франции; однако, этот пункт выражал последовательную революционную идеологию и являлся хорошо обдуманным военно-политическим маневром.

Одними военными средствами никогда нельзя было довести эту войну до благополучного конца; это предвидел Наполеон уже в момент, когда он ее затевал. Поэтому среди величайших внешних и внутренних затруднений он придал начатой войне демократическую окраску. Таким способом он морально парализовал неприятельских полководцев и одолел их в поле.

Упадок духа все еще царил среди австрийского командования, но вопрос был в том, трепетали ли австрийцы перед революцией в достаточной мере, чтобы их можно было принудить к заключению мира на условиях признания независимости Италии до Адриатического моря? Если бы Наполеон попытался добиться разрешения этого вопроса в желательном для него смысле одними лишь военными средствами, то по собственным его расчетам до занятия Вероны прошло бы еще 6 недель; окружавшие его военные считали, что понадобится 10 недель и даже более. Наполеон не мог с уверенностью рассчитывать на то, что в течение этого срока война ограничится лишь Францией и Австрией; для этого дипломатическая обстановка в Европе была чересчур напряженной. Дело не в том, что Наполеону приходилось опасаться коалиции против Франции. В Англии с 30 июня правил Пальмерстон, который также хотел удаления австрийцев из Италии и готов был пойти рука об руку с Наполеоном, подобно тому как во время Севастопольской войны. Но именно то обстоятельство, что Маджента и Сольферино были победами лишь наполовину, облегчило образование в Лондоне дружественного Франции правительства. Теперь идеологические страсти сторонников Пальмерстона могли найти удовлетворение — за счет Австрии — в союзе с Францией без особого риска, что безопасности Англии может угрожать французское честолюбие.

Тори носились с мыслью гарантировать Австрии нейтралитет Адриатического моря. Читатель сам поймет, как такая комбинация парализовала бы военные действия французов. Теперь Наполеон мог заявить своим генералам, что его политическая программа—союз с Англией.

[1] Не следует смешивать этого Вимпфена с упоминавшимся выше австрийским генералом Вимпфеном.

Пальмерстон оказывал давление на Берлин, чтобы удержать принца-регента [1] от вмешательства в войну на стороне Австрии; Горчаков действовал в том же направлении. Следовательно, дипломатическая обстановка после побед при Мадженте и Сольферино была благоприятная. Но все-таки Наполеон не мог безусловно положиться ни на дипломатические, ни на военные средства. Государь, получивший власть на основании всеобщего голосования и плебисцита, вызвал себе на помощь против Австрии духов преисподней и в случае нападения Вильгельма Прусского намеревался опереться на них в еще большей мере. Тогда, — говорил он у себя за обедом в Валеджио, — я революционизирую Германию сверху донизу. При берлинском дворе не без основания весьма серьезно считались с этими угрозами, ибо в то время демократия обладала в Германии такой моральной силой, какую в настоящее время даже трудно себе представить, потому что с тех пор демократический идеализм пошел на убыль.

Но и Вильгельм подобно Наполеону мог также итти вместе с демократией, оставаясь в то же время наверху: ему лишь следовало взять в свои руки национальную идею. Это он чувствовал, хотя и не знал, как начать на практике. Возбуждение, вызываемое в нем этой внутренней неуверенностью, нашло себе ясное выражение во время одной прощальной аудиенции, когда он крикнул своему собеседнику: «Если вы от кого-нибудь услышите, будто я готов оставить наш немецкий Рейн, то дайте ему по шее!» (Schlagen Sie ihm hinter die Ohren!).

Следовательно, революционизировать Германию сверху донизу было не так легко для Наполеона. Стоило немецкому народу встать на дыбы против его руководства, примкнув к своим природным государям, и он погиб бы. Весьма сомнительно, чтобы такое проявление немецкого национального чувства удалось сдержать, если бы Наполеон выиграл у австрийцев еще одно сражение. Ни война, ни дипломатия не могли привести его к намеченной цели, а железо идейной политики накалялась в его руке. Поэтому он начал склоняться к заключению компромиссного мира. Что обстоятельства принуждали к умеренности, это понимал даже принц Наполеон; остальные же генералы как представители верхних слоев французского общества с радостью приветствовали такую умеренность. Тем самым, говорили они, император отмежевывается от революции.

То, что говорилось за столом в Валеджио, кружным путем через столицы Европы передавалось в Вену, а оттуда — в Верону. Здесь в ближайшем будущем ничего не ждали от Пруссии. В разобранных мною памятных записках Раммингa последний исходит из предпосылки, что Пруссия не пошевелится, если Наполеон, оперируя между Вероной и Тиролем, нарушит территорию Германского союза. Пруссия была заинтересована в том, чтобы Австрия осталась великой державой, но не в том, чтобы она сохранила свои итальянские владения.

После прихода к власти министерства Пальмерстона Австрия оказалась еще более изолированной дипломатически, чем до войны; в военном отношении она потерпела поражение, а идейно-политически чувствовала себя безнадежно отсталой. Было намерение вступить на новые пути в области внутренней политики, но во время войны это было невозможно. Поэтому Франц-Иосиф благосклонно принял прилетевшего к нему голубя мира. Он послал 4 июля в Валеджио сына фельдм.-лейт. Урбана в качестве парламентера с формальным поруче-

[1] Будущий германский император Вильгельм I.

нием — вести переговоры относительно обмена некоторыми военнопленными. Урбан беседовал с Наполеоном около часу. После этого 6 июля Флери отправился в Верону и от имени императора французов предложил Францу-Иосифу мир.

Я не буду подробно излагать хода переговоров, а лишь выдвину самые характерные моменты их.

Франц-Иосиф сказал Флери: «Какое мужество проявляют у вас массы! После Сольферино мои взгляды совершенно изменились». Эта фраза была как бы прелюдией к демократическим реформам, начавшимся изданием октябрьского «диплома» и февральского «патента».

С первых слов Флери заявил Францу-Иосифу, что если перемирие не будет заключено, то флот атакует Венецию. Император спросил, как велик десантный корпус. Флери, считая честность лучшей политикой, назвал верную цифру. После аудиенции он сказал молодому князю Меттерниху, что если австрийский император полагается на четырехугольник крепостей, то его государь полагается на флот. Наполеон специально поручил Флери все время угрожать флотом.

Во время второй аудиенции Флери сказал Францу-Иосифу, что адм. Ромен-Дефоссе получил инструкцию на следующий же день атаковать внешние укрепления Венеции. После этого Франц-Иосиф уступил. Если не касаться более глубоких причин морального крушения австрийцев, то можно сказать, что флот решил исход войны.

За письменным столом Франца-Иосифа Флери набросал те несколько строк, которые уведомляли Ромен-Дефоссе о заключенном перемирии. Письмо было доставлено по назначению австрийцами и попало в руки адмирала в тот момент, когда он собирался поднять якоря.

11 июля состоялось свидание Франца-Иосифа с Наполеоном в Виллафранка, а на следующий день заключены были предварительные мирные условия. Австрия не только сохранила Венецианскую область, но и часть Ломбардии, Мантуя и Пескьера остались за Австрией. Она добилась даже возвращения государей Тосканы, Модены и Пармы в их владения [1]. Тем не менее Наполеон сделал великое дело. Трактаты 1815 г., проклинаемые всеми демократами Европы, которые тщетно пытались разрушить их в 1848 г., были, наконец, прорваны в решительном пункте. Наполеон освободил революционные силы Италии, в Польше же он их держал в резерве, чтобы с их помощью направлять в интересах Франции немецкую революцию, приближение которой он предвидел и которую намеревался поощрять.

Так как генералы Наполеона не одобряли разрушительной стороны его идейной политики, то они старались мотивировать свое все возраставшее уважение к личности императора — империализмом. Один из них писал: «В Италии Франция заменила австрийское влияние французским, следовательно, она достигла той политической цели, которую преследовали все правительства со времен Карла VIII... Император — не великий гений, но он — провиденциальный человек».

На этом я хочу оставить область политики и добавлю лишь несколько замечаний, представляющих, на мой взгляд, известный военно-исторический интерес.

---

[1] Австрия уступила Наполеону Ломбардию (от Тиччино до Минчио), которую он передал Сардинии в обмен на графства Савойю и Ниццу.

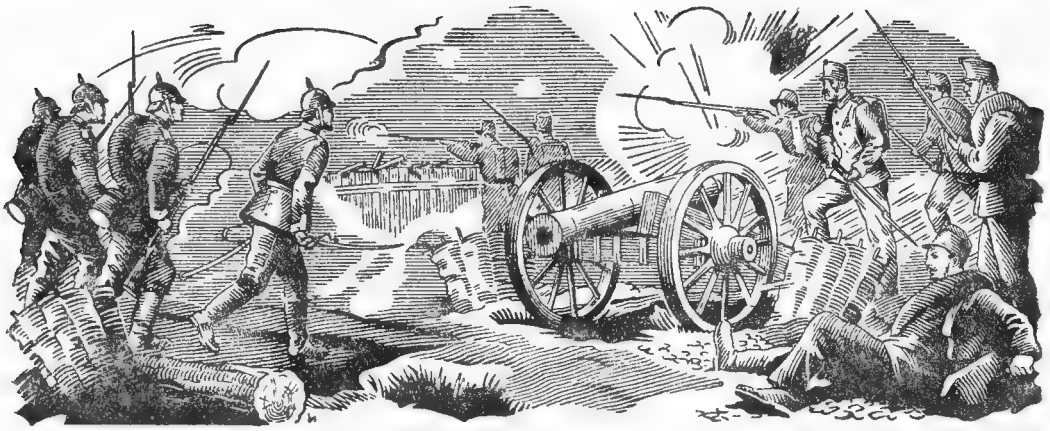
Война 1859 г. продолжалась 2 месяца и 14 дней. По австрийскому источнику (Berndt, Die Zahl im Kriege) австрийцы потеряли 38 400 чел. и 27 орудий; союзники—24 000 чел. и 1 орудие.

После сражения при Сольферино Франц-Иосиф отдал приказ обоим командующим армиями, Вимпфену и Шлику, в котором подверг критике поведение войск. Особое недовольство императора возбуждало односторонее применение ударной тактики в пехоте. Австрийцы по большей части ограничивались ведением боя на дорогах, улицах и в некоторых населенных пунктах, не используя в должной мере все выгоды, предоставляемые местностью. При таких условиях на пересеченной, закрытой местности можно быть легко охваченным и обойденным. Успешно бороться с искусным противником можно было лишь при помощи наступательной подвижности (offensive Beweglichkeit). «Заставлять моих храбрых солдат часами простаивать на открытом месте под огнем неприятеля — значит подвергать их бесспорную храбрость чрезмерному испытанию. Лишь подвижность и маневрирование могут доставить победу».

Из описания сражения на Альме мы знаем, что французские генералы вовсе не были особенно горячими сторонниками применения пехоты к местности и восхищались линейной тактикой англичан. Опыт 1859 г. только укрепил их в этом убеждении. Подобно Францу-Иосифу, Наполеон после Сольферино также дал указания относительно пехотной тактики. Французский император предписывал своим войскам как раз обратное тому, чего требовал Франц-Иосиф. Там, где допускает местность, — говорил Наполеон, — надо строить батальоны попеременно развернутым строем и сомкнутыми колоннами; большое количество стрелков, рассыпанных в цепь, совершенно излишне; победы надо ожидать от залпового огня из развернутого строя и от штыкового удара колонн.

Как видно, каждый из двух государей критикует способ ведения боя, принятый в его войсках, и восхваляет тактику другой армии. Дальнейшее развитие пошло по пути, намеченному Францем-Иосифом. Австрийское верховное командование в 1859 г. совершенно правильно определило, что французская пехота тактически превосходила австрийскую.

Если Наполеон не пришел естественным путем к тому же выводу, то это служит еще лишним доказательством того, что разницу в качестве пехоты той и другой стороны не следует переоценивать. Решающий момент, обусловивший поражение Австрии, надо искать в другом — в том, что ее руководящие силы — двор, высшее дворянство и бюрократия — уже не верили ни в себя, ни в свое государство. На развернутый строй и колонны, не залпы и штыки, а идеи правят миром.



ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ГЕНИЙ И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ РУТИНА

(Австро-прусская война 1866 г.)

Глава I

Дух армий и способ ведения боя. Главнокомандующие. Первые бои (Гюнервассер и Подол)

После того как осенью 1859 г. вслед за прелиминариями в Виллафранка был заключен Цюрихский мир, внутренняя политика Австрии стала понемногу проникаться духом либерализма. Во всем государстве была введена конституционная форма правления, а Венгрии предлагалось признать конституцию 1848 г. с известными ограничениями. Наряду с принципами единства и дуализма, проводился в жизнь федералистический принцип: во всех странах, входивших в состав империи, были учреждены ландтаги, построенные на современных или приближающихся к современным началах представительства профессиональных интересов отдельных классов. Идея неограниченной монархии, проводящей централистские и германизирующие тенденции, была окончательно отвергнута после совершившегося над нею под Маджентою и Сольферино «божьего суда», и новые идейные течения стали прокладывать себе дорогу. В апреле 1861 г. ландтаг Богемии по предложению парижского архиепископа решил отправить к императору депутацию с просьбой короноваться королем Чехии. Так

же как и по отношению к венгерцам, венское правительство начало зондировать почву в Кроации и Трансильвании относительно введения той или другой конституции в областях, населенных южными славянами и румынами. В это-то время Бартельс и проникся убеждением, что на Австрию возлагается миссия восстановить Византийскую империю с Константинополем как будущей резиденцией Габсбургского дома.

Но эту цель предстояло достигнуть не одной лишь войной, а, пожалуй, еще в большей мере идейным оружием. Австрия, говорил он, должна превратиться в Швейцарию Востока и объединить в своем составе приблизительно 6 национальных государств: Австрию, Чехию, Венгрию, Югославию, Румынию, Польшу. Старый лозунг дома Габсбургов: «Tu felix Austria nube!» («А ты, счастливая Австрия, заключай браки!») и в XIX в. нельзя сдавать в архив. Ведь можно вернуться к нему, для того чтобы связать с Австрией государственно-правовыми узами Дунайские княжества, Сербию и т. д. Эти мысли были плодом оптимизма, царившего среди либеральной партии в дни ее молодости. Австрийские консерваторы, во всяком случае консервативные австрийские военные, уже давно утратили веру в свое государство. Казалось, что ход событий с 1849 по 1914 г. подтвердил правильность их взгляда. За эти два поколения династия, испробовав все возможные системы, все же не смогла подрезать корни сепаратистских тенденций. Если с 1848 по 1914 г. внешний порядок ни разу не нарушался, то этим Гофбург [1] был обязан не столько собственному искусству управления, сколько поддерживавшим государственный строй эманациям, исходившим со времен Бисмарка из Германской империи и нейтрализировавшим в продолжение более чем полустолетия революционные бродильные начала во всей Европе.

Правда, одну систему все же не испробовали, а именно — систему последовательного, проведенного до конца федерализма, поборником которого являлся Бартельс. Лишь в 1914 г. принцип федерализма, по-видимому, начали серьезно проводить в жизнь. Однако, предпосылкой для проведения этой системы должно было бы явиться расчленение лояльной немецкой Австрии и полулояльной Венгрии в угоду социал-революционерам, младочехам и, пожалуй, еще более ненадежным южным славянам и румынам.

Трудно сказать, не унесла ли бы политика эрцгерцога Франца-Фердинанда в безбрежную даль австрийскую монархию, плывшую под несчастливой звездой по реке времен, если бы ему суждено было вступить на престол.

При открытии рейхсрата в мае 1861 г. новый либеральный примьер-министр императора Франца-Иосифа, Шмерлинг, вложил в уста своего государя следующие слова: «Задача, перед которой мы теперь стоим, — мы этого не должны от себя скрывать, — задача нелегкая. Нам предстоит... доказать миру, что политические, национальные и религиозные различия, которые так близко встречаются и так часто скрещиваются на территории австрийской монархии... не являются непреодолимым препятствием для разумного соглашения между народами, населяющими ее... Периоды истории, в которые судьба дарует народам возможность итти вперед по проторенным уже ранее путям, время от времени в течение веков прерываются решающими их судьбу

[1] Гофбург—старинный дворец в Вене, в котором в зимнее время жили австрийские императоры. Летней их резиденцией являлся замок Шенбрунн в окрестностях Вены.

поворотными пунктами. На нашу долю не выпало счастья жить в мирную, светлую эпоху. Задача, ниспосланная нам провидением, заключается в том, чтобы провести наш государственный корабль через наитруднейший поворотный пункт. Такие задачи можно разрешить лишь ценою тяжелых усилий и напряжения всех нравственных сил, ценою пота и крови, но разрешить их необходимо».

Последняя приведенная нами фраза из тронной речи имеет некоторую аналогию с заявлением, сделанным через какие-нибудь полтора года министром-президентом ф.-Бисмарком в бюджетной комиссии прусской палаты депутатов, о том, что великие вопросы современности разрешаются «железом и кровью». Бисмарк произнес эти слова с каким-то внутренним бодрым весельем, принятым за легкомыслие. На самом деле его выступление дышало такой самоуверенностью потому, что он верил в свое государство, в то время как тронная речь Шмерлинга, хотя, несомненно, и представляет собой первоклассный исторический и человеческий документ, едва может скрыть за личиною глубокой серьезной решимости чувство пессимистического беспокойства за будущее.

Оба эти парламентские выступления относились — у Бисмарка сознательно и определенно, у Шмерлинга гипотетически и туманно — к той австро-прусской войне, описанию которой посвящены нижеследующие главы. В отличие от Крымской войны и войны 1859 г., которые при всей притягательной силе, исходящей от этих великих событий, все же не содержат в себе достаточно духовного элемента, чтобы доставить исследователю и читателю полное удовлетворение, этот грандиозный поединок между Мольтке и Бенедеком выводит нас на лучезарные вершины истории.

Мы познакомились с Бенедеком во время сражения при Сольферино, в котором он с 8-м корпусом стоял против сардинцев. Ему тогда представлялся случай проявить себя как крупного военачальника. Во главе 6 бригад он вел бой против 4 бригад той армии, о которой австрийцы обычно говорили, что 30 000 их солдат достаточно для того, чтобы разбить 60 000 сардинцев. Бенедек располагал приблизительно 30 000 чел., его противник едва насчитывал половину этих сил. Однако, когда высшее командование приказало ему при малейшей к тому возможности отрядить часть своих сил к Сольферино, с защитниками которого, находившимися в крайне стесненных обстоятельствах, его войска непосредственно соприкасались, он оставил без поддержки ключ австрийской позиции. Хотя для проявленной им осторожности он мог представить кое-какие — более или менее приемлемые — оправдания, однако, действительно крупный генерал, вероятно, перешагнул бы через эти опасения, будучи проникнут сознанием, что на войне никогда нельзя действовать наверняка и что в великие критические ее минуты приходится итти ва-банк.

Такой психикой Бенедек, правда, не обладал, но все же он был единственным австрийским генералом, проявившим во время кампании 1859 г. известную инициативу. При наступлении сардинцев он с проницательностью настоящего военного выбрал господствующую позицию — Орталья — Сен-Мартино — и сосредоточил здесь свою артиллерию.

На Сен-Мартино Бенедек не держался чисто оборонительной тактики, как фельдм.-лейт. граф Стадион в Сольферино, но вел оборонительно-наступательный бой [1]. Отразив атаку сардинцев, Бенедек нанес

[1] Т. е. Бенедек оборонялся не пассивно, а активно.

им такой мощный контрудар, что дивизия Кукхиари была отброшена на целых 4 км и уже больше не появлялась на фронте, в то время как дивизия Моллара только через 2½ часа смогла вновь собраться. Не следует, однако, забывать, что Бенедек все это проделал с сардинцами, а не с французами и притом располагал 6 бригадами против 4.

Не такой человек был Бенедек, чтобы «ставить свой светильник под сосуд»: он позаботился о том, чтобы подвиги его при Сольферино выступили в самом ярком освещении при дворе и перед общественным мнением. В частности и отступление 8-го корпуса после проигранного сражения он постарался изобразить в наивыгоднейшем для себя свете. Он уверял, будто ему пришлось отражать натиск вдвое сильнейших преследователей. Верно, что во время преследования сардинцы были многочисленнее, чем во время сражения, в котором под конец против Бенедека сражалось всего лишь 2 бригады. К этому времени против него сосредоточились все 4 сардинские дивизии. Но 8 сардинских бригад против 6 австрийских все еще не представляли соотношения 60 000 сардинцев против 30 000 австрийцев; к тому же после сражения при Сольферино сардинцы вели преследование так же вяло, как и французы [1].

Таким образом, Бенедек сумел окружить себя известным ореолом, а так как он действительно был единственным генералом, отличившимся во время войны, то после заключения мира на него стали смотреть как на надежду армии и монархии.

Его престиж был настолько велик, что он ослеплял также и иностранных военных и даже производил известное впечатление на самого Мольтке. Бенедек занял тот пост, который до него занимали Радецкий, а затем Гиулай: он был назначен главнокомандующим в Италии, Тироле, Каринтии, Крайне и Приморской области над 3 корпусами, все время мобилизованными, ибо Австрия не признала Итальянского королевства. Между обеими державами было заключено лишь перемирие, но не мир. Кроме того, Бенедек являлся начальником ген.-квартирмейстерского штаба, т. е. начальником генерального штаба всей армии [2].

Эта должность требовала, собственно, его пребывания не в Вероне, а в Вене, но он получил разрешение иметь заместителя, так что над зданием генерального штаба в Вене парил лишь его дух. Организация австрийского генерального штаба отличалась от организации прусского тем, что в Пруссии генеральный штаб стоял рядом с военным министерством, в Австрии же он был ему подчинен. Прусская организация, введенная вскоре после войны за освобождение Германии, была лучше австрийской, ибо она ставила генеральный штаб — это в высшей степени важное учреждение — на должную высоту [3]. Впрочем не столько форма организации учреждений имеет значение, сколько дух, царящий во всей военной организации. Австрийский генеральный штаб мог совершить великие дела, даже будучи подчинен военному министерству. Вредоноснее те дефекты военной организации, которые

---

[1] О Бенедеке при Сольферино см. выше, стр. 245, 252, 255, 260 и 266.— *Прим. авт.*

[2] Бенедек был назначен начальником австрийского генерального штаба в 1860 г.

[3] В Пруссии для управления армией существовало три самостоятельных учреждения, подчиненных непосредственно королю, который объединял их деятельность: 1) военное министерство, управлявшее всей административной и хозяйственной частью; 2) кабинет короля, ведавший личным составом, т. е. производством в чины, назначениями, переводами и наградами; 3) генеральный штаб, на котором лежали обучение и воспитание войск, мобилизация, оперативная часть и пр.

вытекают из ошибочного или устарелого характера всего государственного организма. С такими именно дефектами встретился Бенедек в австрийском генеральном штабе. В 1856 г. всесильный ген.-адъютант граф Грюнне разделил генеральный штаб на два строго обособленные учреждения: на ген.-квартирмейстерский штаб с Гессом во главе и на адъютантский корпус, которым руководил сам Грюнне. Ядро функций ген.-квартирмейстерского штаба составляла оперативная область; в ведении же адъютантского корпуса находилась служба связи, представляющая на войне дело исключительной важности. Однако, под руководством Грюнне адъютантский корпус превратился в цитадель аристократического духа, который в этой форме уже со времен Фридриха Великого не отвечал требованиям эпохи. Фридрих Великий разбил французов под Росбахом потому, что их благородные офицеры считали ниже своего достоинства заниматься «мелочами службы» («détail du service»). Такое небрежное отношение к служебным обязанностям царило также и в австрийском адъютантском корпусе. Оно еще более усиливалось презрительным отношением ко всякому учению и даже к военно-научной работе. Остальное офицерство также заражено было подобным враждебным к науке настроением, вполне отвечавшим тенденциям эпохи конкордата. Иезуиты содержали в Фельдкирхе гимназию, которую посещали молодые дворяне католического вероисповедания со всей Германии, — в частности, и из Пруссии, — если требуемый у них на родине образовательный ценз для поступления в армию казался им чрезмерно высоким. Невысокий уровень знаний, который требовался в Фельдкирхе, вполне удовлетворял австрийское военное управление. Солдат являлся человеком дела, а потому, согласно господствовавшим в австрийской армии взглядам, ему незачем было чему бы то ни было учиться. Чем аристократичнее был полк по своему офицерскому составу, тем ниже был его умственный уровень. А в адъютантском корпусе служебное усердие и военно-научные устремления считались еще более, чем в других частях армии, чем-то не соответствующим офицерскому достоинству.

Как доказал это горький опыт 1866 г., Бенедек мог бы приобрести огромную заслугу перед родиной, если бы он воспользовался эрой либерализма, для того чтобы реформировать феодальный адъютантский корпус. Однако, он и не помышлял о коренной реформе учреждений, а только жаловался на недостаток педантизма в отправлении службы снабжения, недостаток, от которого высокородные адъютанты никак не могли отучиться, пока они были самостоятельны.

Будучи сторонником Шмерлинга в области политики, Бенедек был заядлым консерватором в военных делах. Наряду с адъютантским корпусом, он хотел сохранить и другие пережитки прошлых столетий, уцелевшие в австрийской армии. Так, например, он противился отмене привилегии, предоставленной большинству высокородных шефов полков, — назначать по своему усмотрению обер-офицеров [1], несмотря на то, что такой порядок понижал уровень офицерского корпуса и поддерживал неподвижность тактики австрийской пехоты, — вопрос, к которому мне еще придется вернуться. Бенедек со своей стороны невысоко ценил в офицерах знание. В общем он считал, что офицер из дворян стоит выше офицера из трудолюбивого класса средней буржуазии.

[1] Это был пережиток средних веков, когда шеф (Inhaber) комплектовал свой полк вербовкой.

Поэтому у Бенедека были хорошие отношения с высшим дворянством, господствующее положение которого в государстве лишь в малой степени затрагивалось либеральным течением в политике, которому император Франц-Иосиф отдавался не без отвращения. Сам Бенедек принадлежал не к этим кругам, а к венгерскому поместному мелкому дворянству: его отец и брат — врачи. Мать его — немка, и сам он тоже женился на немке, мать которой была полька. По национальности среду Бенедека нельзя назвать венгерской. В то время среди чиновничества и офицерства образовалось что-то вроде австрийской национальности, на которую в период послемартовского абсолютизма опирался Бах, проводя свои германизаторские тенденции. После реформ Шмерлинга эта национальность утратила свою базу и стала понемногу испаряться; возможно, что это было лишь кажущееся явление; возможно, что представители этого искусственного коллективного национализма, заслуживающего, однако, с умственной и моральной стороны серьезного внимания, лишь отступили на второй план под напором националистов и снова выдвинулись бы вперед, если бы эрцгерцог Франц-Фердинанд вступил на престол.

Господствовавшее в Австрии феодальное дворянство, на взгляды которого Бенедек с присущей ему житейской мудростью старался ориентироваться, не захотело поставить преграды его честолюбию: сын врача-протестанта занял первое место в армии. Такая карьера представляется тем более удивительной, что Бенедек при всей своей гибкости и приспособляемости обладал слишком сильным характером и выдающимся умом, для того чтобы совершенно раствориться в отсталом феодализме. Хотя, как истинный солдат, он и не мог симпатизировать парламентским правам и приемам, тем не менее он впитал в себя демократический дух времени в большей мере, чем это казалось ему самому. Его собственный темперамент и расчет соединились вместе и придали приемам Бенедека в отношении поддержания дисциплины оттенок гуманности. Впрочем Бенедек обладал достаточными дипломатическими способностями, чтобы использовать для личной карьеры в равной мере как демократические, так и феодальные тенденции. Выше мы уже видели, что даже в реакционной австрийской армии начали больше, чем прежде, заботиться о благосостоянии рядового солдата [1]. Бенедека боготворили его унтерофицеры и солдаты. Во время итальянской кампании 1848 г. он писал как-то своей жене, что, когда полковник — не божество для своих солдат, дело обстоит плохо: «Я... отец моих гайдуков, бесконечно люблю своих молодцов. Умеет ли государство как следует вознаграждать бедных солдат за их службу и пролитую кровь?.. Бедный солдат! Что собственно побуждает его нести на рынок свои кости? Жертвовать своей жизнью? И все же он это делает с таким самоотвержением... Когда я гляжу на своих гайдуков, сердце у меня радуется в груди, — жалею только, что я не богат; так хотелось бы, чорт возьми, раздать им деньги».

Юлий Цезарь с пренебрежением относился к аристократическим военным трибунам и опирался на вышедших из масс центурионов. Точно так же и Бенедек обращался чуть ли не с безудержной резкостью с генералами и штаб-офицерами, не считаясь с их родовитостью [2], когда они не отвечали тем требованиям, которые он им

[1] См. стр. 228.— *Прим. авт.*

[2] Это противоречит сказанному выше, что Бенедек ориентировался на феодальное дворянство.

предъявлял. На смотрах он нередко разносил перед фронтом полкового командира и тут же хвалил унтерофицеров, приказывая им выступить из рядов. Он давал обеды унтерофицерам и говорил одним и тем же тоном со всеми подчиненными без различия рангов. Он защищал солдат из евреев от обид и после смотров раздавал денежные награды солдатам. Делал он это, по словам офицеров, не только из сердечной доброты, но, главным образом, для приобретения популярности среди солдат. Ген. Швейдниц, который, будучи военным атташе в Вене, посетил Бенедека в Вероне, говорит, что последний весьма ловко и несколько театрально разыгрывал роль честного грубого фронтовика, каким он отнюдь не был.

После парада, принятого Францем-Иосифом в Вероне, Бенедек обратился к нему с речью от имени «солдат, офицеров и генералов», — порядок перечисления должностей звучит как бы предвосхищением советского хода мыслей 1919 г. Бенедек поощрял не специфическую честь офицерского звания, а лишь общесолдатское чувство чести. Себя самого он называет солдатом и лишь в редких случаях офицером. Он говорит о поэзии солдатского звания, о философии солдата; особая моральная атмосфера, которой обычно дышат офицеры, была ему чужда. За его частые речи перед фронтом войск, в которых он провозглашал идеи верности императору, единства государства и солдатской чести, как святыни войска, офицеры называли его позером и комедиантом; он же сколотил себе из разнородных материалов — цезаризма, легитимизма и феодализма — прочную базу, на которой стоял твердо, как новый Валленштейн. Один из его корпусных командиров, фельдм.-лейт. Гартунг, писал ему осенью 1865 г.: «Кто, кроме тебя, с твоими блестящими дарованиями и широким кругозором, мог бы повести армию на войну? За тобою следуют с надеждой, полным доверием и величайшим послушанием. Командующим армии сделали тебя твоя воинская доблесть и подвиги; император и армия тебя им провозгласили...»

Вольно цитируя Шиллера, фельдм.-лейтенант заканчивает свое письмо словами:

«Военное сословие должно жить,
Трудящиеся должны его кормить,
Император — царить,
Армия — процветать,
А Бенедек — ею повелевать».

Один приказ по генеральному штабу, изданный Бенедеком в Вероне приблизительно одновременно с упомянутой нами тронной речью Шмерлинга, напоминает нам переходную эпоху от Римской республики к цезаризму. Правительство опубликовало его в одном журнале, чтобы престижем Бенедека оказать влияние на внутреннюю политику Дунайской монархии: «Его величество, — гласит приказ Бенедека, — даровал либеральную конституцию народам Австрии; призываю военных, обладающих избирательным правом, исполнить свой гражданский долг...

«Откуда исходят... затруднения, и кто те, которые противятся успеху великого дела?

«Извне — от враждебных правительств, от находящихся под их покровительством и без устали работающих революционеров всех стран... Изнутри — от адвокатов и докторов без практики, честолюбивых и алчных журналистов, недовольных профессоров и учителей...

от мелкого запутавшегося в долгах дворянства, для которого сам господь бог не сумел бы написать желанной конституции, избавляющей от задолженности. Только изменники, люди с нечистыми намерениями и часть так называемого интеллигентного пролетариата агитируют против нашей конституции. Однако, ее поддерживают высшее и низшее дворянство, сознающее свое достоинство и свои обязанности, истинная интеллигенция во всех слоях общества, широкие массы добрых бюргеров и крестьян, имеющих упорядоченные дела, мысли которых ясно выражены в их письмах к солдатам...

«Всякое сомнение в прочности монархии может лишь подорвать мужество, и я не намерен терпеть в рядах армии людей малодушных и таких, которых страх за свое будущее сбивает с толку... мы должны во что бы то ни стало победить!

«Таковы мои взгляды и образ мыслей, — и я предлагаю надлежащим образом ознакомить с ними все подчиненные мне части, особенно же солдат, на их родном языке, поскольку это их может касаться».

Бенедек оставался на посту начальника генерального штаба до конца 1864 г. Тогда по его указанию на его место был назначен фельдм.-лейт. барон Геникштейн, принявший после Стадиона командование над 5-м корпусом. Перед этим Геникштейн был адъютантом Бенедека, и их связывала тесная дружба. Геникштейн принадлежал к богатой еврейской семье и получил весьма тщательное воспитание. Своим познаниям он был обязан той карьерой, которую он сделал в среде, принципиально ничему не учившейся. Сам Бенедек, хотя он десятки лет работал в генеральном штабе, почти никогда не читал военно-научных книг, принципиально отвергал всякие размышления о теории войны, позировал этим недостатком образования и с гордостью называл себя комиссариатским солдатом. Хотя он и допускал существование того, что сам он называл стратегической искрой, но дальнейших выводов из этого не делал. Он не пытался ни сам разжечь в себе эту искру, ни найти такого человека, который принес бы ему этот огонь.

В конечном счете он стоял на той точке зрения, что оперативное искусство должно приобретаться на практике ведением дел генерального штаба и что стратегия является рутиной.

Геникштейн дополнял Бенедека, обладая известными знаниями, без которых в конце концов нельзя совершенно обойтись, но все же он подлаживался к главнокомандующему. Несмотря на свое плебейское происхождение, — а может быть именно по причине его, — Геникштейн так же, как и Бенедек, являлся противником всех новшеств в военном деле, какие пытался проводить либеральный военный министр Дегенфельд. В то время как Бенедек выражал эрцгерцогу Альбрехту надежду, что «сторонники чересчур поспешного прогресса не внесут слишком сильных потрясений в испытанный старый дух австрийской армии», Геникштейн со своей стороны называл поборников военных реформ иконокластами [1].

Он возражал против распоряжения военного министра, установившего, что при назначении ротных и эскадронных командиров командиры полков должны предварительно испрашивать согласия министра. Это распоряжение уже было уступкой консервативной партии, ибо первоначально военное министерство намеревалось передать вообще назначение всех обер-офицеров правительству.

[1] Иконокласты — активные иконоборцы, разрушители икон. Иконоборчество возникло в Византии в первой половине VIII в. и продолжалось почти до середины IX в.

Между фельдцейгмейстером Дегенфельдом, с одной стороны [1], Бенедеком и Геникштейном, с другой, возникли резкие трения, причем заместивший Грюнне в должности ген.-адъютанта граф Кренневиль выступал в роли посредника. Большим камнем преткновения служил вопрос об организации генерального штаба. Дегенфельд хотел отменить введенное Грюнне новшество и снова объединить адъютантский корпус с ген.-квартирмейстерским штабом. Ему удалось настоять на своем, и снова был образован единый генеральный штаб; когда же Бенедек свалил Дегенфельда (во всяком случае это произошло не без энергичного участия Бенедека), во главе генерального штаба был поставлен Геникштейн. По случаю его назначения Бенедек писал ему: «Обладаешь ли ты... гениальной способностью составления плана и в случае необходимости быстрого изменения операций, обладаешь ли ты искрой... я не знаю».

Бенедек относился враждебно к реорганизации генерального штаба не только потому, что ей противились высокородные военные, но он боялся, что в случае войны начальник генерального штаба будет ограничивать его собственную власть. Сохранение введенного Грюнне разделения Бенедек считал желательным для себя еще по следующей причине: без начальника штаба главнокомандующему непосредственно подчинялись бы начальник операционной канцелярии и начальник административной канцелярии (Détail-Kanzlei) для неоперативной работы генерального штаба со включением сюда и службы связи. Когда отношения между Австрией и Пруссией настолько испортились, что в конце апреля в Австрии, а в начале мая и в Пруссии была объявлена мобилизация, ген.-майор Крисманич был назначен начальником оперативной канцелярии. Крисманич под Сольферино был помощником начальника штаба 2-й армии, в состав которой входил 8-й корпус Бенедека. Эрцгерцог Альбрехт питал к нему особое доверие и рекомендовал его в 1866 г. для руководства операциями против Пруссии. Он отличался от прочих пессимистически настроенных генералов тем, что с известной бодростью принимал на себя бремя ответственности. Он думал, что задача будет ему по плечу. В самом деле по умственному развитию, а главное — по своим знаниям он превосходил почти всех императорско-королевских генералов. Бенедек, который сам не приписывал себе стратегической искры, полагал, что судьба редко посылает вполне квалифицированного начальника генерального штаба. По его мнению, необходимыми качествами начальника генерального штаба между прочим являются: «р у т и н а, д о с т а т о ч н а я сумма познаний в области теории штабного дела, д о с т а т о ч н а я степень таланта, прекрасный желудок и пищеварение» [2].

Можно подумать, что Бенедек с самого начала готов был отказаться от таланта в начальнике штаба, лишь бы он обладал рутиной. Большего он не требовал и от Крисманича. Геникштейну в роли непосредственного начальника Крисманича также предстояло быть на театре войны. В сущности Бенедек, как мы знаем, стоял на той точке зрения, что у главнокомандующего не должно быть начальника (генерального) штаба. Сам он желал бы иметь при себе в своем непосредственном подчинении Крисманича для стратегии и полк. Крыжа для прочих штабных дел. То, что Бенедек писал Геникштейну за несколько лет перед войною 1866 г., излагая свои взгляды на идеальную организа-

[1] Дегенфельд был военным министром.

[2] Слова, напечатанные в разрядку, подчеркнуты у Бенедека.—*Прим. авт.*

цию генерального штаба, прекрасно обрисовывает его сильный самовластный характер. Он спрашивает: на что собственно нужен начальник генерального штаба, которому были бы подчинены оба его отдела? Он оказался бы перегруженным, «даже если бы не был ни отцом семейства, ни бабником, ни гастрономом, ни игроком, ни охотником». Начальник генерального штаба всегда претендовал бы играть роль либо ловкого, либо властного подручного при командующем генерале. Поэтому вклинившийся между главнокомандующим, с одной стороны, и начальниками оперативной и административной канцелярий, с другой, начальник генерального штаба вызывал бы лишь одни недоразумения и коллизии.

Энергичный главнокомандующий, чтобы унизить своего начальника генерального штаба, будет охотно сноситься непосредственно с обоими подчиненными начальниками отделов штаба. В случае их неладов между собою это окажется на-руку главнокомандующему, «который, если он цельный, здоровый человек, обладающий сильной волей и умеющий властвовать над подчиненными ему органами, уже сумеет найти подходящий тон для того, чтобы справиться с этим затруднением». Если бы начальники оперативного и административного отделов оказались не на высоте положения, то такой главнокомандующий или указал бы наверху на необходимость их убрать, «или сам без всяких разговоров уволил бы их от должности».

«Ведь ответственным редактором является командующий генерал...»

При таком образе мыслей Бенедек едва ли стерпел бы другого начальника штаба, кроме Геникштейна, с которым он лично был близок. Таким образом, Геникштейну пришлось в 1866 г. заполнить брешь, хотя в случае начала военных действий он более, чем в мирное время, мечтал о командном посте на фронте. Он откровенно заявил императору, что не считает себя способным разрешать крупные стратегические задачи. Но так как на верхах не решались пересмотреть организацию высших военных учреждений и вернуться к старому, в духе Грюнне и Бенедека, то Геникштейну волей-неволей пришлось выступить в поход в роли начальника штаба для формального выполнения буквы закона [1]. На практике же Бенедек непосредственно сносился с Крисманичем, начальником оперативной канцелярии, и с полковником Крыжом, начальником административной канцелярии; таким образом, он добился своего.

Ко времени мобилизации против Пруссии австрийская армия находилась на более высоком уровне, чем в 1859 г. Бенедеку, Геникштейну, Дегенфельду и занявшему после него место военного министра ф.-Франку удалось достигнуть немалых успехов. Они улучшили обозы и снабжение армии, вызывавшие в 1859 г. резкую критику. В описании этой кампании я мало останавливался на этих вопросах, ибо факторы, обусловившие исход ее, были иные [2]. Я в большей мере подчеркивал слабое применение австрийской кавалерии, недостаточно подготовленной для разведывательной службы. Этот недостаток теперь был исправлен: австрийская кавалерия выступила против нового противника как в высшей степени действенный род войска [3].

---

[1] По закону начальник генерального штаба с объявлением войны обращался в начальника штаба при главнокомандующем.

[2] См. стр 228 и 235.—*Прим. авт.*

[3] Крупную роль в преобразовании кавалерии сыграл барон Эдельсгейм, командовавший дивизией в армии Бенедека. При Сольферино, как мы видели, он отличился в качестве командира полка.

Относительная слабость австрийской артиллерии, которая, в противоположность французской, была еще вооружена гладкоствольными орудиями, в значительной мере обусловила проигрыш сражения при Сольферино. Впрочем в день этого сражения большая часть батарей не оказалась на фронте. В 1866 г. Австрия располагала подвижной, целиком снабженной нарезными орудиями артиллерией, от которой ожидали блестящих действий [1].

Численно в 1859 г. австрийцы были бы достаточно сильны, для того чтобы разбить франко-сардинцев, ибо половина французской армии, в результате занятого Пруссией и Германским союзом угрожающего положения, оказалась связанной на Рейне.

В 1866 г. 220 000 австрийцев, стоявших в 1859 г. под ружьем в Италии, Далмации и Истрии, было бы недостаточно, ибо приходилось сражаться почти со всеми силами Пруссии, а также и Италии. Но конституционный строй предоставил в распоряжение венского правительства новые денежные средства, благодаря чему на этот раз была мобилизована действующая армия в 312 000 чел. [2]. Имея в виду, что тем временем территория империи уменьшилась на всю Ломбардскую провинцию, надо признать, что Австрия развернула значительные силы; в 1870 г. французы начали кампанию всего лишь с 250 000 чел.

В одном лишь крайне важном пункте австрийская армия с 1859 г. шагнула не вперед, а скорее назад: в отношении к а ч е с т в а пехоты. В сражениях и боях 1859 г. самой мелкой тактической единицей была дивизионная колонна. Дивизион состоял из 2 рот, в бою он насчитывал до 240 чел., и дивизионная колонна строилась в 20 рядов по фронту и 12 шеренг в глубину. 3 дивизиона составляли батальон.

Согласно уставу, интервалы между дивизионными колоннами должны были равняться 54 шагам. Но между эволюциями на плацпараде и эволюциями на поле сражения—большая разница. На пересеченной местности Ломбардии эти интервалы во время продвижения вперед значительно увеличивались. Если бы австрийские капитаны и обер-лейтенанты в мирное время прошли ту аскетическую школу, без которой, по словам Аристотеля, не достигается повышения моральных сил, они, преодолев широкие интервалы между их частями, оказывали бы друг другу поддержку. Однако, они этого не делали в достаточной мере, а потому в бою развертывалась следующая картина: австрийцы раздробляли свои силы на дивизионные колонны по 240 чел. в каждой, а французы, не делясь на дивизионные колонны и будучи построены по-батальонно, по 500 чел. в каждом, отбрасывали своими превосходными силами эти слабые части одну за другой.

---

[1] Тут автор упустил сказать, что австрийские орудия заряжались с дула, что значительно понижало скорострельность.

[2] Австрийская армия комплектовалась путем набора рекрут, которому подлежали, за некоторыми исключениями, все австрийские подданные по достижении 20-летнего возраста. Но от повинности можно было освободиться за деньги. Каждый пехотный и кавалерийский полк постоянно комплектовался из известного территориального округа; только специальные войска получали укомплектование со всей империи, а флот – из приморских провинций. Вследствие этого разные части армии недружелюбно и даже враждебно относились друг к другу. Кроме того, такой порядок чрезвычайно затруднял мобилизацию, потому что считалось опасным располагать полки на родине или близ нее. По той же причине офицеры назначались в полк иной национальности, чем нижние чины. Вообще в основу всей военной системы было положено неверие к народностям, входившим в состав империи. Дисциплина поддерживалась в солдатской среде телесными наказаниями, а в отношении офицеров—грубым обращением. Командный состав, за единичными исключениями, был лишен всякой инициативы.

Вообще австрийский командный состав так же, как и низшая его иерархическая ступень — капитаны и обер-лейтенанты, в бою не справлялся с задачей оказания взаимной поддержки, которой их обучали — впрочем довольно поверхностно — во время маневров. Чем медленнее продвигались отдельные батальоны, полки, бригады, дивизии и корпуса, тем больше они предоставляли французам незаполненных войсками пространств, дававших возможность прорваться сквозь них. Говорили, будто каждая австрийская часть оставляла позади себя резервы для прикрытия, чего не делали французы. Такая формулировка, пожалуй, не соответствовала действительности. И у французов начальники всех степеней, начиная от полковых и кончая корпусными командирами, не бросали сразу все свои силы в бой. Каждая маломальски изощренная тактика заботится о том, чтобы сохранить резервы, но у австрийцев предусмотрительность настолько преобладала над порывом, что целое оказывалось раздробленным, и ударная сила его парализовалась.

Когда Бенедек с Геникштейном и другими решили реорганизовать пехоту, их лозунгом было: дух наступления! У французов, говорили они, имелся этот дух, а потому они и выиграли войну. Ведь сами они об этом заявляли. Перед началом кампании Наполеон в своей прокламации призывали солдат не бояться дальнобойных ружей австрийцев; чтобы избегнуть действия огня, они должны бросаться на противника в штыки. Когда в 1859 г. прусский ген. ф.-Оллех присутствовал при вступлении в Париж победоносной армии, ему говорили: «У нас нет пехотной тактики; мы всегда идем вперед напролом!»

Роковым для австрийской армии оказалось то, что Бенедек и другие реформаторы поняли это слишком буквально. Правда, французы шли «toujours en avant» («всегда вперед»), но тактика их отнюдь не была совершенно первобытной: отдельные их части старались использовать условия местности, чтобы зайти во фланг или в тыл частям противника. Конечно, в данном случае у французов еще не было разработанной тактической системы; в этом боевом приеме много было естественного: при его помощи французы скорее инстинктивно, чем методически, пользовались случаем приблизиться к неприятелю при возможно более благоприятных условиях.

Реорганизаторы австрийской пехоты знали или по крайней мере подсознательно чувствовали, что для того, чтобы ввести у себя французскую тактику, им надо было завести у себя нечто вроде французского государственного строя, — если не национальное государство в прямом смысле, то по крайней мере государство равноправных и удовлетворенных национальностей, ибо военная тактика и государственное устройство друг друга обусловливают. Спор национальностей делал ненадежными не только солдат, но и обер-офицеров, т. е. командиров дивизионных колонн, — тех людей, которым в бою рассыпным строем приходилось в первую голову преодолевать все затруднения, вызываемые различием наречий [1].

Между тем, хотя монархия и стала уже на конституционные рельсы, однако, до примирения отдельных народностей предстоял еще длинный путь. Уже наблюдались реакционные течения. Введение всеимперской конституции было приостановлено. Пришлось пожертвовать чаяниями югославян и румын, чтобы достигнуть медленно налаживавшегося соглашения с венгерцами, после того как Шмерлинг до-

[1] См. стр. 240.—*Прим. авт.*

вел почти до конца переговоры с первыми двумя народностями. В связи с этим пришлось распустить войско граничар[1]—кроатов, как их называли во времена Фридриха Великого. Возможно, что причиной тому были отчасти недостатки этих иррегулярных частей румынской и сербской национальностей, но, по всей вероятности, и самое существование их могло казаться неудобным для правительства, видевшего свою первейшую задачу в соглашении с Венгрией. Но так как срок соглашения с Венгрией невозможно было установить на ближайшее будущее, то весьма естественно, что застарелый политический пессимизм продолжал царить среди австрийского генералитета. В результате его была проиграна кампания 1859 г., и он же после заключения мира помешал, вопреки данному императором Францем-Иосифом после Сольферино приказанию, заменить ударную тактику боем в рассыпном строю [2]. Правда, пехотная тактика должна была подвергнуться изменению, ибо при испробовании ее на кровавом опыте она слишком явно обнаружила свою несостоятельность. Однако, австрийские генералы считали нецелесообразным навязывать вавилонскому смешению языков австрийской армии французскую или еще более сложную прусскую тактику. Обе эти системы находились в полном соответствии с демократическим духом эпохи. Этому духу, как мы видели, Бенедек противопоставлял испытанный дух австрийской армии, расшатывать который нельзя было позволить сторонникам чересчур поспешного прогресса. Это не было закоренелым ретроградством, а было основанным на опыте пониманием практических возможностей. Колонная тактика настолько тесно срослась с историей императорской и королевской армии, что даже отрицавший все Бартелье пугался мысли о замене ее боевыми методами передовых военных держав. Однако, стоять на месте было невозможно. Что же нужно было делать? Остановились на среднем решении: заимствовать у французов-победителей то, что, повидимому, соответствовало также политическому положению Габсбургской монархии, а именно — наступательный дух, а бой рассыпным строем предоставить французам и пруссакам. Новый австрийский строевой устав ввел массовое линейное построение дивизионов. Оно достигалось путем почти полного уничтожения интервала в 54 шага между дивизионами. Таким образом, 3 дивизиона, составлявшие батальон, должны были наступать сомкнутым строем и уже не могли не поддерживать друг друга; зато они больше не были в состоянии оперировать самостоятельно и брать противника под перекрестный огонь. От использования условий местности для прикрытия и для охвата противника пришлось почти совершенно отказаться, — тем более, что обучение таким эволюциям, которое и раньше, в мирное время, производилось крайне небрежно, теперь еще более было заброшено [3]. Точно так же перестали заниматься разработкой оборонительно-наступательной тактики, которая в истории войн столь часто применялась с успехом, но для такого нерасчлененного пехотного построения казалась чересчур искусственной и сложной.

---

[1] О граничарах в армии 1859 г. см. стр. 240.—*Прим. авт.*

[2] Ср. стр. 282.—*Прим. авт.*

[3] На применение к местности австрийская пехота не обращала внимания; это отчасти объясняется тем, что она была вооружена заряжавшимся с дула при помощи шомпола нарезным ружьем Лоренца, делавшим невозможной стрельбу лежа.

Таким образом, оставалась лишь чистая оборона, в которой австрийцы проявили большую доблесть, защищая Мадженту, а затем — фронтальная атака. Опрокинуть противника сомкнутым строем батальонов, полков и бригад — и притом, по возможности, без выстрела — такова тактическая идея, положенная в основу реорганизации австрийской армии, произведенной одновременно с реформой Вильгельма I в Пруссии [1].

В новом построении боевые единицы австрийской пехоты почти ничем не отличались от русских боевых колонн, с которыми мы встречались в сражениях при Альме и Инкермане [2]. В то время как австрийское государство становилось конституционным, австрийская пехотная тактика стала уподобляться царской.

Развитые офицеры генерального штаба находили, что во время учений под руководством Бенедека ничему нельзя научиться в отношении обучения войск передвижениям, приноровленным к условиям местности. Когда однажды до сведения Бенедека дошли такие критические отзывы, он принял их без малейшего раздражения. Он возразил, что наблюдать за обучением солдат полевым эволюциям дело не его, а генералов, командующих отдельными частями. Такое отсутствие интереса к высшей тактике со стороны главнокомандующего более, чем когда-либо, отвечало духу австрийской армии после произведенной в ней реформы.

Когда после подавления движения 1848 г. стали проводить централизирующую политику Баха [3], в армии отказались от принципа формирования полков из людей, говорящих на одном языке. В большинстве полков можно было встретить представителей трех или четырех наречий [4]. В 1859 г. это вызывало величайшие затруднения в командовании; и поэтому комиссия по реорганизации армии снова отменила такой порядок формирования полков. В пользу этого говорила и политика, ибо теперь снова начали считаться с национальностями. Однако, последним все еще не оказывали полного доверия. Поэтому остановились на полумере: хотя полк и формировался по национальному принципу, но он никогда не стоял в том округе, из которого были набраны солдаты. Если полк стоял гарнизоном в Богемии, то пополнения он получал не из Богемии, а, скажем, из Трансильвании; галицийские гарнизоны пополнялись из Венеции и т. д. Этим ставилась преграда слиянию гражданского населения с солдатами. Вполне понятная с политической точки зрения, эта система представляла значительные неудобства с точки зрения военной, замедляя мобилизацию частей. Отпускные и запасные должны были проделывать длинный путь, чтобы присоединиться к своему полку. В Пруссии все мобилизационные передвижения происходили в узких рамках провинций, в общем совпадавших с корпусными округами.

---

[1] Австрийская реформа увеличила состав бригады с 5 батальонов до 7 (см. стр. 197). Теперь бригада состояла из 2 полков и 1 стрелкового батальона. Во время боя часто строили полки один за другим в две шеренги, причем второй полк строился не дивизионными линиями (т. е. частями батальона), а батальонными. При этом промежутки между дивизионами совершенно уничтожались; сосредоточение масс для всесокрушающего удара в данном случае доводилось до крайнего предела.— *Прим. авт.*

[2] Ср. стр. 24 и 54.—*Прим. авт.*

[3] Бах (1813—1893)—австрийский государственный деятель; с 1852 по 1859 г.— глава правительства.

[4] Ср. стр. 240.—*Прим. авт.*

Так как в соответствии с экономическим развитием обеих стран в Австрии сеть железных дорог была значительно реже, чем в Пруссии, то в Австрии мобилизация естественно протекала гораздо медленнее, чем в Пруссии. Следовательно, наблюдалось то же самое, что и во времена Марии-Терезии и Фридриха Великого, хотя причины этого явления с тех пор изменились. Перед австрийской мобилизацией в конце апреля 1866 г. Геникштейн подал императору памятную записку, в которой он указывал как на слабый пункт австрийской военной организации на удаленность полков от округов, из которых они пополнялись; это давало Пруссии возможность опередить Австрию в отношении мобилизации на 4 недели.

Мольтке решил всемерно использовать этот огромный шанс на стороне Пруссии. Зимою 1865/66 г. он составил памятную записку о войне с Австрией, которую назвал предварительной работой. Первый день мобилизации должен явиться, по его мнению, и днем объявления войны. Саксонское королевство, которое, как предполагалось, должно было выступить на стороне Австрии, он намеревался наводнить немобилизованным 4-м корпусом (саксонским) и гвардией и захватить в гарнизонных стоянках саксонские войска, находившиеся на мирном положении. На захват Саксонии исключительно войсками мирного состава Мольтке не решался. Поэтому до объявления общей мобилизации против Австрии несколько полков намечалось мобилизовать в некоторых немецких государствах под предлогом, будто Дания снова намеревается выступить. При этом Мольтке имел в виду воинские части 2-го (померанского) корпуса, расположенные в Штеттине, Штаргарде и Пирице. К инсценировке датской тревоги он намеревался мобилизовать 6 померанских батальонов и подготовить их перевозку по железной дороге в Гамбург и Штеттин, якобы по направлению к Шлезвигу, но по прибытии в Берлин они должны были быть переведены со Штеттинского вокзала на Ангальтский для направления против Саксонии. Эта уловка напоминает военную хитрость Фридриха Великого перед началом Семилетней войны, когда он, мобилизовав полки в Штеттине, Кестлине, Штаргарде и др., велел им проделать для отвода глаз несколько переходов под предлогом, будто он опасается нападения со стороны России [1].

Непосредственные цели, которые Фридрих и Мольтке преследовали своими якобы оборонительными мероприятиями, были разные, но тот и другой замышляли поход на Саксонию.

Фридрих один держал в своих руках и политику и ведение войны Пруссии, Мольтке же в Пруссии играл не большую роль, чем Кисманич в Австрии. Подобно тому как Бенедек оставлял за собою право следовать советам Кисманича или отвергать их, так и король Вильгельм хотел командовать армией самостоятельно. Он видел в Мольтке лишь одного из умнейших офицеров своей армии; такой же репутацией пользовался и Кисманич. В Пруссии никто еще не сознавал несравненных стратегических талантов Мольтке, — да и начальник генерального штаба, как таковой, не имел сам по себе того решающего голоса в оперативных вопросах, какой он получил впоследствии. Весною 1866 г. на начальника генерального штаба все еще смотрели как на помощника военного министра. Вообще он лишь в это время получил право участвовать в королевском совете при обсуждении во-

[1] Ср. H. Delbrück Erinnerungen, Aufsätze und Reden. Берлин 1905: Der Ursprung des Siebenjährigen Krieges, стр. 254.

просов, касавшихся дел генерального штаба. Однако, еще в продолжение многих недель все оперативные распоряжения Мольтке должны были проходить через военное министерство.

Следовательно, Мольтке зависел и от короля и от Роона, причем оба не желали войны. Да и Мольтке ее не хотел, поскольку дело шло об его политическом миросозерцании, но как стратег он считал себя обязанным, раз войну будут вести, настаивать на использовании тех 4 недель, на которые Пруссия могла опередить Австрию в своих военных приготовлениях. Вообще же в Пруссии никто не желал этой войны, кроме Бисмарка, тратившего массу сил и времени на то, чтобы втянуть в фарватер войны короля, двор, армию и политические партии. Об огромном риске этого предприятия говорит численное соотношение армий той и другой сторон. Вместе с саксонцами, которые, как и в Семилетнюю войну, примкнули к австрийцам, последние выставили против Пруссии 211 000 чел. пехоты и до 800 орудий. Пруссия могла выставить против Австрии 207 000 чел. пехоты и 500 нарезных орудий. Ее 300 гладкоствольных орудий едва приходилось принимать в расчет [1]. Если бы послушались Бисмарка, то 8-й (рейнский) корпус остался бы на местах своего расквартирования. Дело в том, что вмешательства Франции следовало ожидать раньше, чем был бы достигнут решительный исход в войне между австрийцами и пруссаками. Австрия заключила с Наполеоном Венский договор, согласно которому она обязалась даже в случае победоносного исхода войны уступить Венецию. В остальном Австрия пришла к соглашению с Наполеоном на следующих основаниях: Австрии должна была достаться Силезия, а Франции — буферные государства на Рейне.

Бисмарк считал махинации Наполеона настолько опасными, что если бы его послушались, то против 211 000 австрийцев Пруссия двинула бы только 182 000 чел. Вообще он, повидимому, не надеялся, что одних военных средств будет достаточно для того, чтобы расчистить пути для политики Пруссии. В отношении Австрии он не рассчитывал на такие военные успехи, какие фактически были достигнуты, в отношении же Франции он считался с возможной необходимостью призвать на помощь силы демократии в Германии и провозгласить имперскую конституцию 1849 г. Противодействие короля Вильгельма и всех прусских консерваторов политике Бисмарка является, таким образом, понятным, ибо Бисмарк замышлял втайне то, что Лассаль делал в действительности:

«Flectere si nequeo superos Acheronto movebo» [2].

Одна лишь мысль во всем ее ужасе не причиняла забот этим кругам,—что Пруссия на поле сражения может потерпеть от Австрии сокрушительное поражение. Вера в военное превосходство Пруссии над Австрией, — или по крайней мере в равенство сил обеих держав, — глубоко укоренилась в сознании правящих кругов Пруссии. Эта уве-

[1] При этом не принят в расчет 1-й прусский резервный корпус—частью потому, что он был использован для оккупации Саксонии, частью же потому, что он присоединился к действующей армии лишь после сражения при Кениггреце. В то же время мы не посчитали и австрийских гарнизонов в Богемии, Моравии и Кракове.

Прусская кавалерия была сильнее австрийской: согласно Леттова—3000 против 25 000 чел. Но этот род войск сыграл в сражении сравнительно второстепенную роль.—*Прим. авт.*

Что касается артиллерии, то пруссаки не успели к началу войны заменить все гладкие орудия старого образца нарезными. На 96 орудий корпусной артиллерии 60 было нарезных и 36 гладких.

[2] «Если я не смогу склонить богов, то обращусь к аду».

ренность не могла опираться ни на прусскую артиллерию и кавалерию, как мы это уже установили, ни на прусский генералитет, среди которого много людей средних и даже крайне ничтожных способностей занимало в начале высокие ответственные посты [1]. Качественное превосходство пруссаков над австрийцами могло основываться лишь на их пехотной тактике [2].

Прусская пехотная тактика далеко не представляла собой идеального разрешения вопроса. Еще невозможно было окончательно вытравить дух Фридриха Вильгельма I ни из одной области общественной и частной жизни Пруссии, а менее всего — из военного дела. На прусских плацпарадах еще царила муштра, как во времена «Fridericus Rex» (короля Фридриха). Хотя регламент Шарнгорста отменил методы ведения боя, потерпевшие крушение на поле сражения под Иеной, но в эпоху реакции после 1815 г. старая Пруссия снова возродилась и на плацпарадах, а регламент 1847 г. легализировал эти живучие тенденции.

Правда, это было лишь одним из течений в прусской армии, но это течение было сильно: по нему плыли прусский принц и консервативно настроенные военные. Впрочем наблюдалось и противоположное течение. Возвращение к линейной тактике, какую приняли англичане в боях Крымской войны [3], было невозможно для армий континентальной Европы, хотя в описаниях как Крымской войны, так и войны 1854 г. я привел доказательства тому, что даже военные представители демократической Франции питали особую симпатию к линейному построению пехоты [4].

В Пруссии со времен Шарнгорста придерживались построения ротными колоннами, которые ничем не отличались от австрийских дивизионных колонн. Но в то время как последние превратились в учебную схему, а потому не оправдали себя в 1859 г. и затем были фактически уничтожены, в Пруссии они показали себя практически пригодными и жизнеспособными. Хотя на плацпарадах и смотрели на ротную колонну как на нечто второстепенное, почему ее и отодвинули в строевом уставе на задний план, но в отличие от прочих государств военное обучение не ограничивалось плацпарадом и выполнением строевого устава. В одной только Пруссии устраивались полевые маневры, во время которых воинские части, одинаковые по численности, совершенно серьезно маневрировали одна против другой. Даже во Франции, считавшейся тогда первой военной державой в мире, ничего подобного не существовало. В Шалонском лагере довольствовались тем, что воспроизводили без малейших изменений прежние сражения, как Аустерлиц, Иена и Ваграм; над тактическими проблемами будущей войны французы не ломали головы.

---

[1] Ген. Драгомиров, состоявший во время войны 1886 г. при прусской армии, высказал такое мнение: «В прусской армии не было гениальных начальников... но зато все начальники проникнуты безусловной любовью к своему ремеслу—в духе, а не в форме его; все посвящают мирные досуги его теоретическому изучению; все проникнуты чувством долга, безусловной исполнительностью и отличаются полной свободой от страха ответственности. Эти качества имели следствием тот результат, что даже соображения, не вполне безукоризненные, увенчались громадным успехом».

[2] Главное отличие прусской армии заключалось в том, что она была проникнута патриотизмом. По сравнению с этим, тактические формы, о которых распространяется автор, играли второстепенную роль.

[3] См. стр. 29 и 282.—*Прим. авт.*

[4] См. стр. 26 и 50.—*Прим. авт.*

Если такие маневры производились лишь в одной Пруссии, то для этого были глубокие причины. Они связаны с духом протестантской Германии. Склонность к систематичности и методичности охватила также и офицерский корпус и нашла свое практическое выражение в маневрах. Профессиональная организация общества в Германии, создавшая в стольких областях превосходных специалистов, пошла на пользу и специалистам по тактике. Во всех других государствах идеалом офицерства был джентльмен. И Вашингтон, и Наполеон I оба заявляли, что от своих офицеров они ничего другого не требуют, как только того, чтобы они были джентльменами. И в прусском офицерском корпусе существовал подобный тип людей, но, наряду с ним, мы встречаем и другой, который весь отдавался своему делу, добиваясь высокого совершенства в своей специальности. В то время как среди офицерства других стран тактические движения заучивались схематически, среди прусского офицерства вырабатывались индивидуальности. «Индивидуализация была лозунгом тех дней, — говорит Шлихтинг, — особенно для должности ротного командира».

Среди появившихся в Германии специальных искусств, в которых усиленно упражнялись, значительное развитие получило искусство гимнастики. Гимнастика была введена и в армии для развития ловкости и гибкости в солдате, дабы он мог использовать условия местности во время боя в рассыпном строю. Кроме того, отводились специальные часы на методическое инструктирование, чего в других армиях в те времена не наблюдалось. Всюду самая мысль о подобной затее была бы подавлена насмешливым отношением офицеров к такому педантизму.

Унтерофицерам и солдатам, которых офицеры обучали с серьезностью пруссаков, можно было вручить игольчатое ружье. Ружье, заряжаемое с казенной части, позволяло стрелять лежа на земле, что немыслимо было при стрельбе из шомпольного ружья. Правда, офицерам приходилось наблюдать за тем, чтобы солдаты упражнялись в таком способе пользования ружьем. Превосходство игольчатого ружья над ружьем Лоренца заключалось не в его большей дальнобойности или меткости, а исключительно в утроенной скорости стрельбы. Но опять-таки предпосылкой этому явились усиленные упражнения для выработки дисциплины в стрельбе. Так как в те времена нигде, кроме Пруссии, офицеры не привыкли вникать в подробности службы, то военные управления выдвигали против ружья, заряжаемого с казны, то возражение, что с ним солдаты быстро расстреляют все патроны. В Пруссии этого нечего было опасаться. Все знали, что прусские военные с железной настойчивостью старались извлечь из нового оружия все, что только было возможно [1]. Ведь уже имелся опыт боя под Лундби летом 1864 г. Отряд пруссаков в 124 чел. был отрезан 184 датчанами. Последние пошли в атаку. Половина пруссаков залегла в ложбине, а другая половина стала за нею как резерв. Датчане, построенные в колонну, приближались по открытому полю. Все их движения дышали решимостью. Пруссаки, не дав ни одного выстрела, подпустили неприятеля на расстояние 250 шагов. Тогда залегшие в ложбине солдаты открыли беглый огонь. Под градом пуль датчане бе-

[1] Прусский солдат носил 60 патронов и, кроме того, 30 гильз с пистонами чтобы можно было, получив порох и пули, делать патроны в войсках. На применение к местности, в противоположность австрийской армии, обращалось особое внимание.

жали вперед, но в расстоянии 70 шагов от ложбины они остановились и в продолжение 10 мин. пытались поддержать огневой бой; затем не выдержали и повернули вспять; пруссаки преследовали их во время отступления убийственным беглым огнем [1].

В результате этой фронтальной атаки атакующая колонна была совершенно разгромлена, потеряв 100 чел. из 184. У пруссаков же оказалось только 3 раненых.

Французские офицеры находили, что ружье, заряжающееся с казны, слишком сложно для темперамента галльской расы. Французский солдат, говорили они, обращается со своим ружьем, как с девицей, которой пользуются, пруссак же,—как с женой, которую уважают. Это была хлесткая фраза, которой отделывались от проблемы вооружения. Австрийцы подошли к этому более серьезно. Но они и без того уже потребовали крупных ассигнований от рейхсрата и не хотели выдвигать еще вопрос о дорогом перевооружении пехоты. Впрочем ружье, заряжавшееся с казны, не могло сослужить большой службы в руках пехоты, которой все время внушали, чтобы она как можно меньше стреляла.

Мы видели, что французских военных 1854 и 1859 гг. сильно тревожили теневые стороны боя в рассыпном строю. Среди прусских военных это проявлялось не в такой мере, потому что среди прусского офицерского корпуса, наряду с тактиками современного направления, имелись многочисленные сторонники прежней тактики в лице высшего начальства; поэтому индивидуальные проявления обеих систем перемешивались в бесчисленных оттенках. Консервативные офицеры набрасывались на механическую муштровку с тем же суровым фанатизмом в работе, которым были проникнуты в Германии все профессии. По сравнению с более утонченными методами рассыпного строя такое чрезмерное увлечение муштровкой может показаться напрасной тратой времени. «Barbarus hic ego sum, quia non intelligor ulli» («Я здесь кажусь невежественным варваром, так как никто меня не понимает»), сказал своим офицерам командовавший дивизией в Потсдаме принц Фридрих-Карл, который не очень ценил медленный шаг, церемониальный марш и пр. Он предостерегал их, говоря, что такой метод обучения солдат приведет армию к новой Иене, и должен был к своему огорчению променять свою Потсдамскую дивизию на дивизию, стоявшую в Берлине.

На деле этот недостаток был не так велик, как он мог казаться. Строгая муштровка, заставляющая солдат, находящихся под непосредственным наблюдением начальников, напрягать последние силы, укрепляет дисциплину. Время службы в Пруссии продолжалось не менее двух лет, а в бедной деньгами Австрии — для большинства солдат—только один год [2]. Так как послушание благодаря суровой муштровке и продолжительному сроку службы входило, так сказать,

[1] В прусской пехоте была установлена строгая дисциплина огня. На дальние расстояния совсем не стреляли или же стреляли редко и только лучшие стрелки по команде. Зато по сближении с противником, перед атакой, огонь учащался до возможной степени, причем стреляли без точного прицеливания, а по-охотничьи—на вскидку. Благодаря такой системе, пруссаки, по словам Драгомирова, израсходовали за всю кампанию в среднем, не более 7 патронов на человека!

[2] По закону 1860 г. каждый прусский гражданин, начиная с 20-летнего возраста, служил 3 года в действующих войсках, 4 года в резерве и 9 лет в ландвере. В Австрии существовал 8 летний срок службы, но при широком увольнении солдат в отпуск, так что при мобилизации армия пополнялась не столько резервистами, сколько этими отпускными.

в плоть и кровь, то здесь можно было с уверенностью рассчитывать, что солдат, рассеявшихся или перемешавшихся во время боя в рассыпном строю, будет сравнительно легко вновь собрать.

То, что мы сейчас говорим, противоречит ставшему историческим изречению: «Под Кениггрецем победил прусский народный учитель». В действительности это не более как принятая на веру басня [1]. Она содержит в себе лишь то зерно истины, что более свободная тактика предполагает у унтерофицеров и солдат известную живость и подвижность ума, но этим качеством обладали также пехота революционной Франции и прусское народное ополчение 1813 г., хотя народные массы той и другой сторон в те времена прошли лишь очень плохую народную школу. Последняя играет второстепенную роль; гораздо большее значение имеет склад ума младших офицеров. Ни австрийские, ни русские офицеры не годились для руководства боем в рассыпном строю [2], в то время как прусские благодаря своему интенсивному трудолюбию приобрели в нем сноровку, которой раньше не имели.

В связи с этим низшей тактической единицей у французов являлся батальон, а у пруссаков — рота. Таким образом, тактика французской пехоты основывалась на том, что самостоятельно маневрировать на поле сражения должны были воинские части в 800 чел., в то время как в Пруссии такие единицы состояли только из 250 чел. Дело в том, что пруссаки располагали большим числом таких офицеров, которым можно было доверить самостоятельное руководство боем. Рота во французском батальоне представляла лишь административную единицу. То же наблюдалось и в Австрии.

По мнению ген. Штейнмеца, командовавшего 5-м прусским корпусом, 250 штыков было все еще слишком много для низшей тактической единицы. Поэтому он разделил в подчиненной ему воинской части батальон на 8 полурот вместо 4 рот. Так как он и батальоны разделил на полубатальоны, то эта реорганизация потребовала того, чтобы в бою рассыпным строем подпоручики могли командовать полуротами, а капитаны — полубатальонами. Штейнмец не сомневался, что он найдет среди своих офицеров достаточное число таких людей. К образованию полубатальонов его, повидимому, побудил также опыт войны 1859 г. В эту войну французы оперировали батальонами силою в 450—500 чел., но к этому их вынуждали не военные соображения, а политическая необходимость [3].

В боях под Находом и Скалицем полуроты не оправдали возлагавшихся на них надежд и после кампании снова исчезли из 5-го корпуса. Однако, это обусловливалось не тем, что офицеры оказались неспособными к самостоятельным тактическим действиям, а исключительно тем, что полурота была слишком слабой тактической единицей [4].

---

[1] Школьный учитель победил в том смысле, что прусская школа воспитывала молодежь в националистическом, патриотическом духе.

[2] Ср. стр. 24, 50 и 240.—*Прим. авт.*

[3] Ср. стр. 140, 161 и 197.—*Прим. авт.*

[4] В дополнение к пространным рассуждениям автора о тактических формах, полезно указать, что такой авторитетный наблюдатель, как Драгомиров, подчеркивал в прусской армии именно «свободу отношений к форме, несмотря на педантичное отношение к ней в мирное время». В доказательство он приводил следующие факты: «Ген. Штейнмец принимает в своем корпусе двухротный строй, находя, что ротная колонна слишком слаба сама по себе и что к двухротному строю легко применять батальонный устав, приняв полувзводы за взводы. В других корпусах предпочитают ротные колонны в две линии, имея задние две роты вместе. Принц

Однако, я забегаю вперед. Вернемся к тому моменту, когда мобилизация прусской армии была закончена и прусские войска двигались к границам Саксонского королевства, Богемии и австрийской Силезии. Для этого в их распоряжении имелось 5 железнодорожных линий. На их конечных станциях войска выгружались и понемногу стягивались; тем не менее образовалась дуга протяжением в 30 миль (около 200 км). Она простиралась от Торгау на Эльбе до Вальденбурга в Силезии.

Позади этой дуги стояла гвардия, еще не покинувшая Берлина.

Под верховным командованием короля в качестве генералиссимуса, с Мольтке в должности начальника генерального штаба, были образованы три прусские армии. Справа—Эльбская армия, силою в 1½ корпуса, под начальством ген.-от-инф. Герварта ф.-Биттенфельда, — состояла из 8-го корпуса и одной дивизии 7-го (рейнско-вестфальские войска) [1]. Центр построения прусских войск составляла 1-я армия, под командой принца Фридриха-Карла, в составе 5 корпусов: 4-го—саксонского, 3-го—бранденбургского, 2-го—померанского, 1-го—восточно-прусского и гвардейского.

Таким образом, 1-я армия составляла центр и главную массу прусских вооруженных сил. Она стояла в Нижней Лузации, у Шпремберга.

Левое крыло пруссаков находилось в Нижней Силезии у Вальденбурга; им командовал кронпринц и состояло оно из 5-го познанского и 6-го силезского корпусов [2].

Разведывательная служба у пруссаков [3] была поставлена плохо, в то время как у австрийцев она работала превосходно под руководством полк. Тегетгофа, брата победителя при Лиссе [4]. Так австрийцы еще во время передвижения пруссаков узнали о том, где оно происходит, между тем как Мольтке действовал вслепую еще несколько дней. Он думал, что австрийцы сосредоточивают свои силы в Богемии, а оттуда, присоединив к себе в Саксонии армию этой страны, намереваются пойти через Лузацию на Берлин. Потому-то Мольтке так и усилил армию принца Фридриха-Карла.

В действительности же в Богемии у австрийцев стоял лишь 1-й корпус под начальством фельдм.-лейт. Клам-Галласа, которого мы еще под Маджентой видели во главе этой воинской части. Главные силы сосредоточились в Моравии под прикрытием большого укрепленного лагеря Ольмюца. Бенедек не мог знать, что Пруссия откажется от преимуществ, которые ей доставляли более благоприятные условия ее мобилизации, и что ее армия выступит лишь незадолго перед выступлением австрийской. Однако, это произошло потому, что король Виль-

---

Фридрих-Карл в своей инструкции, написанной перед войной, советует для встречи кавалерийских атак двух- или четырехшереножный строй. Ген. Штейнмец держится того убеждения, что каре для той же цели лучше, и никому не приходит в голову приводить эти взгляды к единству, устанавливать для них какую-либо норму. Следовательно, в Пруссии очень хорошо понимали, что дело в том, чтобы цель была достигнута, а не в том, чтобы она достигалась именно в тех формах, которые составителю уставов казались лучшими».

[1] Остальные дивизии 7-го корпуса должны были действовать против мелких западных и южных немецких государств.

[2] Это была 2-я армия.

[3] Прусские кавалерийские дивизии готовились преимущественно для сомкнутых атак на полях сражения (Schlachtenkavallerie). Разведывательная же служба лежала на дивизионной кавалерии.

[4] 20 июля 1866 г. при Лиссе, в Адриатическом море, адмирал Тегетгоф разбил итальянскую эскадру Персано.

гелым из-за своего отвращения к войне всячески задерживал мобилизацию вопреки настояниям Бисмарка и Мольтке [1].

Бенедек знал кое-что об этой закулисной стороне дела, ибо венский и берлинский дворы были связаны между собою общей им легитимистической идеей и родственными узами. Однако, вполне понятно, что он не решился расположить свои войска в Богемии, защищенной лишь небольшими крепостями, опасаясь, чтобы неприятель не атаковал его еще не приведенную в полную боевую готовность армию, как то случилось с Австрией в 1757 г. Кроме того, Бенедек допускал возможность, что пруссаки выступят со стороны Верхней Силезии, ибо здесь прусская территория всего ближе подходила к Вене, а эту именно дорогу и прикрывал Ольмюц.

Действительно, наступление прусской армии из Верхней Силезии на Ольмюц было бы вполне возможно, если бы Мольтке не приходилось считаться с колебаниями короля. Это доказал с полной убедительностью полк. ф.-Леттов-Форбек.

Когда же в начале июня австрийцы узнали, что пруссаки выступают не со стороны Верхней, а со стороны Нижней Силезии и саксонской границы, они все же остались при своем первоначальном решении — сосредоточить свои войска в Моравии, ибо считали нецелесообразным прерывать сосредоточение своих сил, которое было в полном разгаре и развивалось вполне удовлетворительно, — в пределах тех возможностей, которые представляла организация австрийской армии.

Северная железная дорога пропускала на своем — частью одноколейном—пути ежедневно от 20 до 22 поездов, в то время как прусские железные дороги пропускали лишь от 8 до 10 поездов в день.

По окончании сосредоточения своих сил Бенедек рассчитывал двинуться в Богемию и здесь присоединить к себе не только саксонские войска, но и баварские. Баварский генерал фон-дер-Танн, который в Ольмюце вел переговоры относительно совместного операционного плана, получил сообщение, что австрийская армия прибудет к верхнему течению Эльбы никак не ранее, чем в последних числах июня. По соглашению между Бенедеком и фон-дер-Танном баварцы должны были присоединиться к саксонскому и 1-му австрийскому корпусам, предназначавшимся для образования левого крыла австрийской армии в Богемии. Имелся в виду также отход частей 8-го союзного корпуса в Богемию. При этих условиях Бенедек располагал бы 10 корпусами против 8 прусских. Такое соотношение сил значительно уменьшило бы шансы пруссаков нанести противнику сокрушительное поражение, а это способствовало бы осуществлению надежды Наполеона выступить в Германии в роли посредника после нескольких нерешительных сражений. Однако, дипломатия Бисмарка недаром работала перед войной над тем, чтобы хоть до известной степени разъединить Австрию и Баварию. Баварское правительство отвергло соглашение Бенедека с фон-дер-Танном: 45 000 баварцев не пошли в Богемию, но должны были действовать против Пруссии вместе с другими южногерманскими войсками и ганноверцами на отдаленных театрах войны,— как, например, в Тюрингии. Хотя мелкие германские государства и выставили совместно 120 000 чел. против 48 000 пруссаков, все же Мольтке рассчитывал на то, что пестрой коалиции на второстепенных театрах войны не удастся достигнуть каких-либо существенных

[1] Таким образом, король Вильгельм помешал Мольтке использовать то крупное преимущество, которое имела прусская армия в быстроте своей мобилизации.

результатов, раньше чем на главном театре войны не произойдет решающего сражения. Ведь целых две пятых вооруженных сил Пруссии были оставлены для обороны крепостей.

Завеса, скрывавшая от глаз Мольтке расположение австрийской армии, постепенно стала раздвигаться, но и тогда он не распознал, что австрийцы сосредоточились под Ольмюцем из страха перед тем, что пруссаки их застанут врасплох. Он, напротив, предполагал, что Бенедек намеревается вторгнуться в Верхнюю Силезию из Моравии и австрийской Силезии. Силезия была той территорией, которую Австрия надеялась в результате войны отторгнуть от Пруссии. Исходя из этих соображений, Мольтке отделил от армии Фридриха-Карла в Лузации 1-й корпус и гвардию и присоединил эти части к армии кронпринца в Силезии. В результате боевые силы оказались распределенными следующим образом: 1½ корпуса в Эльбской армии, под командой Герварта ф.-Биттенфельда, 3 корпуса в армии Фридриха-Карла и 4 корпуса в армии кронпринца.

Мольтке считался с возможностью, что саксонцы и баварцы сделают попытку двинуться на Берлин в то время, когда Бенедек будет захватывать Силезию. Каждый день он со страхом ожидал грозной вести, что Бенедек перешел в наступление и вырвал из рук пруссаков неоцененное преимущество инициативы. Когда же сообщения относительно планов Бенедека, направленных против Верхней Силезии, стали поступать все чаще и чаще, Мольтке приказал 1-й армии (Фридриха-Карла) и 2-й (кронпринца) произвести резкое движение влево для обороны Силезии.

2-я армия продвинулась от Вальденбурга к р. Нейссе, так что можно было начать оборону Силезии впереди Бреславля. 1-я армия продвинулась сперва от Шпремберга к Герлицу с тем, чтобы в случае наступления Бенедека еще глубже проникнуть в Силезию. Дальнейшее развитие событий рисовалось Мольтке в следующем виде.

Кронпринц медленно отходит на позицию между Бреславлем и Швейдницем. Здесь, опираясь на Одер и Эйленские горы, 2-я армия должна была подтянуть к себе 1-ю. Если бы удалось выполнить это своевременно, то решительное сражение могло быть дано 7 прусскими корпусами против 6 австрийских. Парировать вторжение в Силезию тем, что кронпринц преградит им дорогу на р. Нейссе, а Фридрих-Карл нанесет контрудар, вторгнувшись со стороны Герлица в Богемию, Мольтке считал нецелесообразным, имея дело, как он выразился, с таким энергичным полководцем, как Бенедек. Он считал необходимым непосредственно поддержать кронпринца в Силезии.

10 июня стратегическое развертывание прусской армии было закончено. Отход влево 2-й армии от Вальденбурга на р. Нейссу потребовал целых 7 дневных переходов, с 12 по 18 июня.

Можно было бы избавить войска от этого маневра, если бы, как того желал Мольтке, объявление войны последовало немедленно за сосредоточением армии. В таком случае Мольтке направил бы концентрически в Богемию 1-ю и Эльбскую армии через Саксонию, а 2-ю из Силезии. По имевшимся в то время у Мольтке сообщениям, австрийцы стояли частью в Богемии, частью в австрийской Силезии. На этом разделении неприятельских сил основывал Мольтке свою надежду появиться в Богемии с подавляющим превосходством сил. Однако, Бисмарку удалось убедить короля объявить войну лишь 15 июня. Тем временем Мольтке узнал, что главные неприятельские силы сосредо-

точились не в Богемии, а в Моравии. Поэтому он не приостановил передвижения кронпринца, и 7-дневный переход к р. Нейссе был закончен. В то же самое время в Саксонию вторглись Эльбская армия со стороны Торгау и 1-я—со стороны Герлица. Беспокойство Мольтке, как бы стратегическая инициатива не перешла из его рук в руки Бенедека, опиралось лишь на видимость, в действительности же оно было неосновательно. Ведь стратегическое развертывание австрийских сил не могло итти в ногу с пруссаками; из 205 000 пехоты нехватало еще около 45 000 чел., которые прибыли на место лишь в течение следующей недели или несколько позже. Сосредоточение прусской армии закончилось 10 июня, австрийская же армия закончила свое сосредоточение 17-го, одновременно с открытием военных действий. Что, собственно, намеревался предпринять Бенедек? Хотел ли он, как то предполагал Мольтке, вторгнуться в прусскую Верхнюю Силезию из Моравии и австрийской Силезии? О планах Бенедека мы узнаем из нескольких его писем Францу-Иосифу, в которых он говорит, что в зависимости от того, бросят ли пруссаки свои главные силы в Верхнюю Силезию или в Лузацию, сам он двинется в ту или другую область, ибо давать сражение, имея у себя в тылу главные силы противника, — слишком опасное предприятие. Повидимому, продолжает он, главные силы пруссаков стоят между Герлицем и Ландсгутом (под Вальденбургом), а движение нескольких корпусов в восточном направлении (на р. Нейссе), надо полагать, — только демонстрация.

Следовательно, писал он, его намерение — пойти (навстречу главным силам пруссаков) в Богемию и там либо дать на выгодной позиции оборонительное сражение, либо самому перейти в наступление. 1-му корпусу и саксонцам он предписал присоединиться к главной армии.

Бенедек отдал распоряжение об этом обширном перемещении влево 17 июня.

Он намеревался дать оборонительное сражение в том случае, если бы достигнуть границы между Богемией и Саксонией, находившейся от его расположения в Моравии на расстоянии 15—18 дневных переходов, было слишком поздно для того, чтобы воспрепятствовать вторжению пруссаков в Богемию. На тот случай, если последние не успеют своевременно появиться в Богемии, Бенедек составил план похода на Берлин через Саксонию.

Итак, 18 июня австрийцы двигались с востока на запад, в то время как прусский кронпринц во главе почти половины прусской армии продолжал свое передвижение с запада на восток.

Будучи задержаны осторожной политикой своего короля, пруссаки затруднили себе начало кампании, но дело могло бы принять еще худший оборот, если бы опасения Мольтке сбылись и Бавария предоставила бы свои железные дороги австрийцам для сосредоточения их армии в Богемии. В таком случае Бенедек выполнил бы сосредоточение своих войск на 8 дней раньше, чем пруссаки, и оказался бы на границе Богемии и Саксонии.

Предположим, что Бенедек закончил бы сосредоточение своих сил 4 июня. Естественно, что тогда пруссаки не решились бы высадить свои корпуса, подвезенные по 5 железнодорожным путям, образуя, таким образом, вдоль прусско-саксонской границы фронт протяжением в 60 миль (около 400 км) — с тем, чтобы пешими переходами сократить его наполовину. При этих условиях пришлось бы произвести

сосредоточение прусских войск поблизости от Берлина. Говорят, что Мольтке намечал и место решительного сражения — Ютербог. От короля также не ускользнула эта теневая сторона его политики. Когда его личный секретарь, Луи Шнейдер, попросил взять его с собою на театр войны, Вильгельм сказал: «Ну, до Гроссбеерена вам ведь не трудно будет доехать верхом!»

После того как Эльбская армия и части 1-й армии заняли Саксонское королевство между 16 и 18 июня, а австрийцы в этот последний день начали свое передвижение влево, Мольтке все еще гораздо менее уяснил себе стратегическую обстановку, чем Бенедек. «Мы до сих пор не знаем, — писал он ген.-майору ф.-Штюльпнагелю, ген.-квартирмейстеру Фридриха-Карла, — намеревается ли Бенедек двинуться (из Моравии) в Силезию или в Саксонию. Несмотря на множество разведчиков, место расположения 5 из 7 австрийских корпусов не установлено. 8-й союзный корпус понемногу собирается на Майне. И о саксонцах ничего неизвестно, куда они девались, пошли ли они в Богемию или в Баварию. Последняя альтернатива была бы крайне нежелательна, ибо в таком случае Эльбской армии пришлось бы последовать за ними в юго-западном направлении, тогда как она ведь предназначена к тому, чтобы попытаться примкнуть к армии принца Фридриха-Карла».

Неудивительно, что Мольтке все еще опасался сотрудничества баварцев с саксонцами и австрийцами. Бенедек же мечтал о том, чего опасался Мольтке. Только 18-го числа в Вене узнали о решении баварского правительства двинуть баварскую армию не на восточный, а на западный фронт.

Письмо Мольтке к Штюльпнагелю носит отпечаток внутреннего беспокойства. По поводу разрыва между 1-й и 2-й армиями Мольтке пишет: «И днем и ночью меня преследует мысль о том, как нам усилить ту из наших двух армий, которая поведет атаку на главные силы австрийцев. К счастью, каждая из них насчитывает от 130 000 до 150 000 чел., а такую армию не так-то легко застигнуть врасплох».

Если бы Бенедек вместо того, чтобы итти в Богемию, двинулся со своими 6 корпусами, которыми он располагал в Моравии, в прусскую Верхнюю Силезию, он столкнулся бы на первых порах всего лишь с 4 корпусами пруссаков. Но начальник штаба кронпринца был не кто иной, как Блюменталь. По всей вероятности, он смог бы продержаться до тех пор, пока с подходом Фридриха-Карла против 6 австрийских корпусов не оказалось бы 7 прусских [1].

Во всяком случае легко представить себе, как был озабочен Мольтке 18-го числа: пруссаки опасались, что им уже не удастся вырвать из рук австрийцев инициативу, хотя они и не знали, будет ли нанесен удар в Саксонии или в Верхней Силезии. Эта неизвестность была самой слабой стороной кажущегося перехода инициативы в руки противника. Пруссаки не знали также ничего о баварцах, которым давалось время для выполнения их медленной мобилизации.

Таково было настроение Мольтке 18-го; но на следующий день в нем произошел резкий поворот, ибо уже 19-го числа Мольтке узнал о переходе Бенедека из Моравии в Богемию. Эта весть освободила его от самой тяжелой заботы, ибо, теряя время на передвижение влево по австрийской территории, Бенедек отказался от инициативы. Теперь инициатива снова перешла к Мольтке, и он ухватился за нее обеими руками. Герварту был отдан приказ — распространиться от

[1] См. выше стр. 305.—*Прим. авт.*

Дрездена до Штольпена и стать под команду принца Фридриха-Карла. С этих пор Эльбская армия должна была составлять правое крыло 1-й армии. Последнюю осведомили о полученных известиях: «Все это, — добавлял Мольтке, — дает нам основание заключить, что неприятельские силы сосредоточиваются в Богемии. Воля его величества короля, чтобы 1-я армия перешла в наступление раньше, чем окончательно успеет завершиться это сосредоточение противника». 25 июня она должна была находиться под Гичином. 2-я армия должна была принять участие в наступлении на Богемию и под Гичином присоединиться к 1-й.

Однако, при тогдашнем расположении обеих прусских армий они никак не могли двинуться в Богемию: между ними зиял разрыв протяжением в 7 дневных переходов. Таким образом, оставался один исход, а именно — чтобы кронпринц снова совершил в обратном направлении только что выполненный им переход. Но до какого места? Ген.-адъютант короля, Густав ф.-Альвенслебен, — «Юстав», как Бисмарк называл этого фронтовика, — хотел так тесно сосредоточить прусскую армию, что кронпринцу пришлось бы пройти по прусской территории не 7, а целых 10 дней. «Правда, на это пойдет 10 дней, — согласен! Но к чему нам так уж спешить?» — спрашивал Альвенслебен. К прежней огромной потере времени он готов был добавить еще несколько драгоценных потерянных дней, лишь бы ему можно было сосредоточить прусскую армию в возможно более густую массу.

Мы знаем, что после Мадженты и Наполеон придерживался в своих передвижениях этого принципа, австрийцы же применяли его в то время с исключительным упорством [1]. Вообще этот принцип отвечал военным традициям всех народов. Однако, Мольтке отказался от него, не считая его отвечавшим современным условиям. По его настоянию король не утвердил преувеличенных сроков, предложенных Альвенслебеном, но в остальном контрмарш 2-й армии был неизбежен. Едва прибыв на р. Нейссу 18 июня, она должна была снова с 20-го по 26-е пройти в обратном направлении по пограничной прусско-австрийской территории, простиравшейся между Рейнерцем и Либау. Такое передвижение войск напоминало качание маятника. Хотя оно и не было доведено до той крайности, какую мы наблюдали у австрийцев перед сражением при Сольферино, но все же оно отнюдь не являлось бодрившим и увлекавшим вступлением в кампанию. Причиной тому были исключительно тормозившие дело колебания короля.

Впрочем свой отход вправо кронпринц выполнил не всеми 4 корпусами, а только гвардией, 1-м (восточно-прусским) и 5-м (познанским) корпусами; 6-й корпус (силезский) остался, по приказанию Мольтке, на р. Нейссе.

Мольтке был единственным генералом того времени, который совершенно ясно осознал, что теперь уже нет тех веских оснований, какие имелись во времена Наполеона I, для того, чтобы войска передвигались возможно более тесно сомкнутыми массами. С тех пор появился телеграф и значительно улучшилась сеть дорожных сообщений. Теперь полководец, наступавший широким фронтом, мог, несмотря на это, рассчитывать, что к сражению он успеет сосредоточить свои войска [2]. Но раз дело обстояло так, то полководец все время должен был

---

[1] Ср. стр. 219, 223 и 239.—*Прим. авт.*

[2] Этот принцип Мольтке выразил в лаконической форме: «врозь двигаться, вместе драться» («getrennt marschieren, zusammen schlagen»).

держаться следующей точки зрения: «Если два или несколько моих корпусов стоят один за другим, то они объединены лишь формально, но не фактически, ибо пройдет день или более, пока я введу в линию огня все свои силы; этой цели я достигну скорее, если поведу каждый из корпусов по особой дороге».

Для того чтобы проникнуть в Богемию из участка, расположенного между Рейнерцем и Либау, армии кронпринца предстояло перейти через Исполинские горы и их юго-восточные отроги. Так как можно

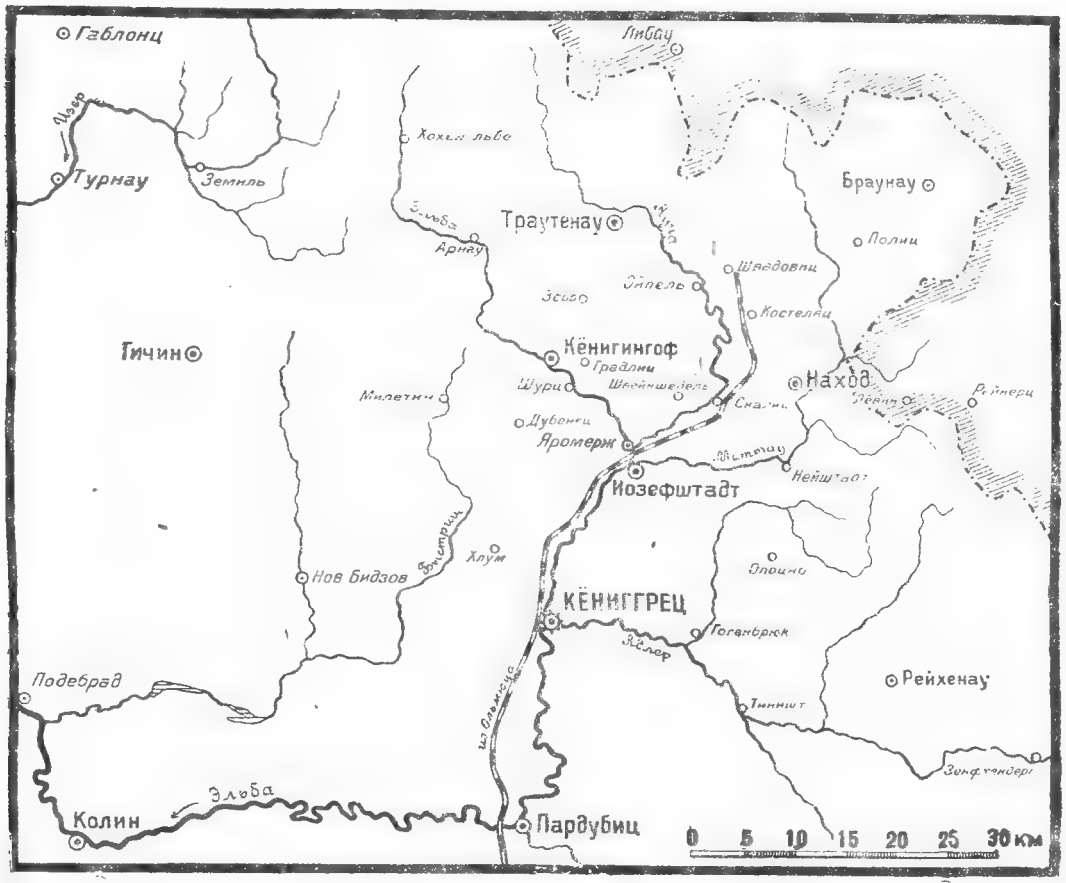


Схема 17. — Район военных действий.

было воспользоваться только тремя горными проходами — у Траутенау, Эйпеля и Находа, то 6-му корпусу, для того чтобы вступить в Богемию вместе с остальной армией, приходилось итти позади 5-го также через Находский проход. Мольтке был против того, чтобы направлять два корпуса один за другим по одной, да к тому же еще по тесной горной дороге. Ему хотелось, чтобы 6-й корпус оперировал от Нейссе или Глаца в направлении Гогенштадта в Моравии и, таким образом, угрожал железнодорожной линии между Ольмюцем и Иозефштадтом. Эта линия, полагал он, имеет такое значение для австрийцев, что для ее охраны они оставят не менее одного корпуса. Мольтке считал задачу, поставленную 5-му корпусу под Находом, особенно трудною, так как этот корпус, составлявший левое крыло прусской армии,

повис в воздухе. Тем более хотелось Мольтке облегчить положение ген. Штейнмеца при помощи демонстраций, которые выполнял бы 6-й корпус. Но так как ген. Блюменталь, начальник штаба кронпринца, держался иного взгляда, то 6-й корпус был направлен позади 5-го, по Находской дороге.

Мольтке, отдававший приказания именем короля, руководил обоими командующими армиями и их начальниками штабов гибкой, но твердой рукой. С удивительным тактом проводил он грань между теми мероприятиями, которые он предоставлял их усмотрению, и теми, которые он оставлял за собою. Ранее, по одному случаю, он писал ген. Блюменталю: «Надеюсь, вы не сделаете вывода из моей сегодняшней телеграммы, что я намерен ограничивать распоряжениями сверху операции армии, как только они начнутся против неприятеля; я всемерно буду стараться этому препятствовать; однако, общие директивы — должна ли армия действовать наступательно или оборонительно, должна ли она двигаться вперед или отступать — могут исходить только от его величества...» А «его величество» был Мольтке. Хотя король еще не оценил по достоинству великого гения, но все же принципом этого монарха было уважать ведомственные границы, и для каждого ведомства у него был верховный уполномоченный исполнитель. Пока он ему доверял, он следовал его советам. Безответственные советчики не пользовались никаким влиянием. Какое-либо смешение функций между отдельными ведомствами никогда не допускалось.

Насколько колебания в высших сферах ограничивали свободу действий Мольтке, подтверждается тем, что он 19-го все еще оставлял за собою право вновь предложить кронпринцу выполнить то же передвижение у Нейсе в обратном направлении. Ему лишь казалось, что имеются веские основания к тому, что Бенедек двинется в Саксонию; с полной уверенностью он на это не мог рассчитывать и допускал, как и раньше, что ему придется считаться с возможностью вторжения австрийцев в Силезию. В этом случае из армии кронпринца 1-й корпус должен был итти не на Траутенау, а двинуться в Богемию через Шрейбергау и здесь присоединиться к армии Фридриха-Карла. Главные силы 2-й армии должны были снова вернуться на Нейссу, после чего кронпринц двинулся бы с 3 корпусами на железнодорожную линию у Гогенштадта.

Лишь переждав 4 дня, Мольтке совершенно преодолел свои сомнения. В полдень 22 июня были отправлены чреватые последствиями телеграммы, предписывавшие обеим армиям вступить в Богемию и искать соединения в направлении на Гичин. 6-му корпусу предлагалось оставаться у Нейссы в ожидании дальнейших распоряжений. 1-й армии самым настоятельным образом было предложено, по присоединении к ней войск Герварта, как можно поспешнее двинуться вперед «дабы... сократить критический период..., ибо на более слабую 2-ю армию возложена тяжелая задача дебушировання из горных проходов».

В духе выдвинутой им новой теории Мольтке заклинал принца Фридриха-Карла во что бы то ни стало итти вперед не иначе, как широким фронтом. Нет никакой надобности, писал он, стягивать вместе под Рейхенбергом значительные силы. Ведь австрийцы наверно еще не успеют двинуть туда большие силы. Всякое сосредоточение крупных масс иначе, как для решающего сражения, представляет истинное бедствие, — такова была завершающая формулировка теории Мольтке.

Призыв к Фридриху-Карлу поспешить был более чем обоснован. Если бы 1-я армия не успела поддержать 2-ю в то время, когда она будет дебушировать из трех горных проходов, то последствия могли бы оказаться роковыми. Этот план кампании отличался такой оригинальностью, что даже до сих пор военная критика всех стран не вполне себе его уяснила. То, что Мольтке двинул прусские войска в Богемию двумя фронтами,— армию Фридриха-Карла из восточного угла Саксонии, армию же кронпринца из Силезского округа, расположенного, между Рейнерцем и Либау,— было сочтено за игру ва-банк. На этой отрицательной оценке сошлись военные авторитеты Австрии, Швейцарии, Англии и Франции. На их взгляд, Мольтке без всякой нужды предоставил противнику возможность действовать по внутренним операционным линиям. При большей энергии австрийцы могли ударить сначала на одну, а потом и на другую прусскую армию [1].

Такой же взгляд господствовал и среди прусских генералов. Его выразителем, как мы видели, был ген.-адъютант ф.-Альвенслебен. Если бы король Вильгельм как верховный главнокомандующий взял зигзагообразный курс и примкнул бы на этот раз к стратегии Альвенслебена, то 8½ прусских корпусов вступили бы в Богемию одним тесно сомкнутым фронтом из восточного угла Саксонии и столкнулись бы недалеко от границы с 8 австро-саксонскими корпусами, также наступавшими тесно сомкнутым фронтом. При таких условиях, насколько возможны в данном случае какие-либо предположения, последовали бы сражения вроде тех, какие произошли под Маджентой и Сольферино: Австрия вследствие худшего качества своей пехоты их проиграла бы, но не в той мере, чтобы ее боевая мощь была окончательно подорвана. В таком случае эта война, — так же, как и война 1859 г., — не могла бы быть завершена одними военными средствами. Но на этот раз австрийское правительство не оказалось бы настолько изолированным, как в 1859 г. Оно не имело бы против себя ни Англии, ни внутреннего врага, а на стороне австрийского правительства оказался бы Наполеон, который теперь заключил с Австрией направленный против Пруссии договор о территориальном разделе. После того как план кампании Мольтке развернулся в кенигтрецкий разгром, у Наполеона не стало мужества произвести вооруженное вмешательство, но если бы австрийцы, потерпев поражение на Изере, отступили, скажем, за Эльбу, — подобно тому как они отошли в четырехугольник крепостей в 1859 г. после сражения при Сольферино, — то Наполеон счел бы, что настал для него психологический момент выступить в роли посредника по немецкому вопросу.

План Мольтке открывал перспективы на более серьезную победу, чем план Альвенслебена, ибо он намечал наступательные действия не с одного фронта, а с двух. Такая стратегия была новшеством, которое, кроме Блюменталя, никто в прусской армии, сражавшейся против австрийцев, не понимал [2]. Правда, и раньше случались примеры на-

[1] Исторически доказанная пассивность австрийцев, наряду с лучшим качеством прусских войск и новыми средствами техники, вполне оправдывали принятый Мольтке план вторжения в Богемию. Кроме того, зная, что главные силы Бенедека еще не прибыли в Богемию, Мольтке мог рассчитывать на то, что две прусские массы соединятся там раньше. Ниже мы увидим, что это действительно произошло бы, если бы не медлительность принца Фридриха-Карла.

[2] Новшества тут не было, так как наступление по нескольким операционным линиям встречается в военной истории довольно часто, хотя иногда оно и оканчивалось поражением.

ступления двумя фронтами. Фридрих в 1757 г., в начале Семилетней войны, и в 1778 г., во время войны за Баварское наследство, вторгся таким образом в Богемию; тем же способом Наполеон окружил под Ульмом в 1805 г. Макка. Но Фридриху удалось в 1757 г. выполнить то, что Мольтке мог только задумать: атаковать Австрию раньше, чем она закончит свои приготовления к войне. Война 1778 г. была маневренной войной без размаха и порыва, в которой обе стороны сознательно избегали крупно рисковать. Наконец, Наполеон в его кампании против Макка располагал значительным превосходством сил.

Когда Наполеон в 1859 г. двинул корпус принца Наполеона в стороне от главных сил, то это было не наступлением двумя фронтами, а только диверсией и, следовательно, старым традиционным приемом. Но повести наступление против противника, численно равного, — а в основных родах войска, в пехоте и артиллерии, даже превосходившего в силах, — двумя отдаленными друг от друга фронтами и сознательно разъединив собственные силы, — так еще ни разу не действовал ни один полководец. И вполне понятно почему. Ведь при прежнем состоянии путей сообщения это было бы крайне опасным раздроблением сил. В те времена войска двигались по немощеным дорогам, а доставка донесений и посылка распоряжений всецело производились на лошадях. При таких технических условиях представлялось совершенно гадательным, удастся ли своевременно сосредоточить к решительному сражению раскинутые на широком пространстве войска. Война не представляет шахматной игры, с которой ее так любят сравнивать, где побеждает более острый ум; война по существу представляет собою сферу отваги и риска. Полководец должен принимать самые ответственные решения, основываясь на гипотезах, ибо действительное положение неприятеля всегда для него закрыто более или менее непроницаемой завесой. Но полководец должен соединять со смелостью решений, даже с отвагой, самый тонкий расчет. Без этого герой превратится в азартного игрока!

Можно ли Мольтке с его новой теорией наступления двумя фронтами признать за азартного игрока? Лишь опыт мог ответить на этот вопрос исчерпывающим образом: во всяком случае формы стратегии стали теперь совсем иными, чем раньше. Мольтке сразу не отправился с королем на театр войны, но оставался в Берлине. Отсюда шел живой обмен телеграммами. При его помощи Мольтке направлял действия принца Фридриха-Карла и кронпринца. Их передвижения происходили по шоссе, т. е. по замощенным дорогам.

Если к этому присоединить и железные дороги, которые шли от Берлина на Саксонию, Богемию и Силезию, то становится ясным, что насколько передвижение стало иным, настолько же окончательно изменился со времен Наполеона и весь комплекс передачи донесений и приказаний. Мольтке ясно и отчетливо охватил все эти условия, и это произвело в его голове полный переворот всех представлений, которые сложились в стратегии относительно преимуществ внутренней операционной линии и невыгод наступления несколькими фронтами.

Мольтке сообразил, что раз наступление несколькими фронтами перестало быть безумно рискованным предприятием, оно должно было превратиться в огромный шанс успеха, ибо неприятель, охваченный с двух сторон, уже наполовину разбит.

Это умозаключение было чрезвычайно просто, однако, критики Мольтке не поняли его до сего дня. В прусской армии, выступавшей

против Австрии, понял его, пожалуй, лишь один Блюменталь, да и тот, будь он на месте Мольтке, едва ли взял бы на свою ответственность осуществить на деле новую стратегию. Гениальный выход из военных или политических затруднений часто бывает поразительно простым, и все же находят его лишь немногие, да и тогда еще среди этих немногих должен найтись такой человек, который, — не говоря уже о том, что он должен занимать соответственный пост, — обладал бы необходимой силой характера, для того чтобы провести неиспытанное предприятие вопреки собственным сомнениям и убедительным на вид возражениям других.

Неслыханное счастье Пруссии в 1866 г. заключалось в том, что она в то время имела одновременно двух таких людей. Несомненно, таких людей, как Бисмарк и Мольтке, мог породить лишь тот специфический склад немецкой психики, о своеобразии которого я упоминал выше.

Однако, тот, кто вздумал бы утверждать, что наша внутренняя эволюция произвела как бы с естественно-исторической закономерностью эти две творческие личности, зашел бы чересчур далеко. Они были даром случайности или провидения, или чего другого, — как бы кто ни выразился, согласно своему индивидуальному миропониманию.

В оригинальном плане кампании Мольтке содержался еще один элемент успеха. Заключался он в том, что австрийское верховное командование не включило этот план в число тех возможностей, с которыми ему надлежало, по его мнению, считаться. Оно предполагало, что прусская армия намеревается вторгнуться в Богемию из Лузации одним фронтом, а что 5-й и 6-й корпуса оставлены на Нейссе в целях демонстрации.

На своем пути из Моравии в Богемию Бенедек лишь постольку принял во внимание эти силы, поскольку он издал приказ по армии: «Во время этого перехода армия должна быть все время готова вступить в бой, ввиду чего ей и дано соответственное построение». Это означало строжайшую сомкнутость. 200 000 чел. и 50 000—60 000 коней были распределены всего лишь по трем дорогам. Это был один из тех переходов, наподобие похода Ксеркса, которые австрийцы и французы взапуски выполняли в 1859 г. [1]. Уже и тогда они были излишни ввиду изменившихся условий, а все же еще в 1866 г. за них упорно держались по традиции во всех армиях.

Армия Бенедека должна была в качестве первого задания 9 переходами без дневки проникнуть вглубь Богемии так, чтобы, имея у себя в тылу крепости Иозефштадт и Кенигсгрец, пересечь путь наступления пруссакам, расположившись на сильной позиции. Эта позиция находилась между Милетином и Горицем и была обращена фронтом к Лузации. Образовать фронт в направлении Силезии не имелось в виду, ибо неприятеля ожидали только с о д н о г о фронта.

Бенедек мог воспользоваться и другой крепкой позицией, которая имела то преимущество, что она находилась ближе к саксонской границе. Это — дефиле у р. Изера. Клам уже стоял с 1-м корпусом под Мюнхенгрецем. В то время как армия Бенедека выполняла свои первые дневные переходы, саксонская армия — 24 000 чел. — эвакуировала свою страну и прошла к Лобозицу на Эльбе, приближаясь, таким образом, к р. Изеру. При этих условиях Бенедек имел возможность противопоставить на первое время 4½ корпусам, которыми Фридрих-Карл располагал после присоединения к нему Эльбской армии, 2 кор-

[1] Ср. стр. 222 и 239.—*Прим. авт.*

пуса [1], поместив их позади Изерского дефиле, форсировать которое было не легко. Но хотя Бенедек и достаточно был осведомлен о задержках в мобилизации и сосредоточении прусских войск, все же он, не без основания, сомневался в том, что успеет раньше противника достигнуть р. Изера. Поэтому он условился с саксонским кронпринцем Альбертом, что последний не пойдет со своими войсками к р. Изеру, но отступит дальше назад до Хлумеца на р. Цидлина для прикрытия с этой стороны левого фланга позиции Горицц — Милетин. Клам получил приказание прямо отвести свой корпус на эту позицию.

У Лобозица и соседней крепости Терезиенштадт на Эльбе саксонские пехота и артиллерия погрузились на железную дорогу, не подготовленную для выполнения такой задачи. Вечером 20 июня началась перевозка, а к полуночи 21-го ушли лишь 12 поездов, на которых погрузились приблизительно около половины саксонской пехоты и одна треть артиллерии. Все усилия и трудности, сопряженные с этой перевозкой, оказались напрасными, ибо как раз в тот момент, когда первые воинские поезда отходили от Лобозица, Бенедек в Ольмюце отвел саксонскому корпусу совершенно новую позицию. Он узнал, что через Нижнюю Силезию двигается неприятельская армия в составе 4 корпусов. То была 2-я армия, направлявшаяся к богемско-силезской пограничной полосе, расположенной между Рейнерцем и Либау, с тем чтобы проникнуть здесь через горные проходы в Богемию. Однако, Бенедек и Крисманич, не подозревавшие, что с появлением Мольтке наступила новая эпоха в стратегии, ни в каком случае не ожидали наступления пруссаков на двух фронтах. Им положение дел представлялось в следующем виде: пришедшее из Вены известие, что на р. Нейссе стоят в целях демонстрации лишь 2 неприятельских корпуса, оказалось неточным: там их стояло 4.

Если теперь эти корпуса двигаются в сторону от р. Нейссы, по направлению к Нижней Силезии, то они могут направляться только в Лузацию для присоединения к своим главным силам. Видимо, думал Бенедек, он недооценил несогласованности действий высшего прусского командования; раздробление неприятельских сил было так велико, что они могли быть сосредоточены лишь по прошествии многих дней. (Припомним, что Альвенслебен требовал перерыва операций в 10 дней.)

В результате такого понимания и было дано распоряжение кронпринцу Альберту, под начальством которого находился и 1-й австрийский корпус, не отходить на Милетин — Горицц — Хлумец, а занять линию р. Изера. Правда, он не должен был оборонять ее упорно, а лишь держаться в непосредственном контакте с пруссаками. Бенедек не ожидал от последних, чтобы они до соединения своих армий проявили особую склонность к энергичным наступательным действиям; Бенедек надеялся, что, выдвинув 2 корпуса к р. Изеру, он удержит неприятеля от занятия дефиле до тех пор, пока сам не успеет подойти для его обороны.

Мы знаем, что фактически у Бенедека не было начальника генерального штаба, ибо номинальный начальник — Геникштейн — на самом деле был лишь членом военного совета, созывавшегося тогда,

---

[1] 1 корпус состоял из 5 пехотных бригад (37 000 чел.) вместо обычных 4. В него входила бригада Абеле (Калик), стоявшая раньше в Гольштинии, как составная часть австро-прусского оккупационного корпуса.—*Прим. авт.*

когда это заблаговассудится Бенедеку [1]. Во всем остальном Бенедек непосредственно сносился с начальником операционной канцелярии, Крисманичем, и начальником административной канцелярии, Крыжем [2]. Начальнику административной канцелярии подчинялся адъютантский корпус. Бенедек возлагал большие надежды на полк. Крыжа, но этот полуштатский офицер не мог справиться с распущенностью, господствовавшей, по упомянутым мною раньше причинам, в высокоаристократическом адъютантском корпусе и расстраивавшей «службу связи» армии. Для доставки из Ольмюца в Теплиц, в главную квартиру Альберта, приказа, направлявшего саксонцев вместо Хлумеца к Изеру, потребовалось 24 часа. В административной канцелярии распорядились так, словно до сих пор еще не был изобретен электрический телеграф, на который Мольтке базировал свою новую стратегию. В труде саксонского генерального штаба, посвященном войне 1866 г., мы читаем: «Вследствие замедления в доставке приказа об изменении в назначении саксонского корпуса, последний оказался в течение 4—5 дней фактически разорванным на две группы; большая часть корпуса, вынужденная задержаться в Лобозице, затратила целый день на поход, и можно было опасаться, что непрерывные тяжелые переходы ослабят боеспособность войск еще раньше, чем их поведут против неприятеля».

От станции Пржелауча, где саксонцы выгрузились из поездов, с одной стороны, а с другой — из Лобозица разрозненные части корпуса устремились к р. Изеру.

Тем временем Бенедек получил в Бемиш-Трюбау, куда он перенес свою главную квартиру, новые, крайне важные донесения о пруссаках. Он узнал, что неприятель из саксонской Верхней Лузации перешел через границу Богемии. Далее он получил ложное, как мы знаем, известие, будто 6-й и 5-й корпуса остались на р. Нейссе. Что касается похода 1-го корпуса и гвардии, то относительно первого у Бенедека укрепилось впечатление, что он стремится на соединение с Фридрихом-Карлом, назначение же гвардии являлось для него неясным. Направлялась ли она также на соединение с Фридрихом-Карлом или же должна была итти через горные проходы? В первом случае это лишь замедлило бы наступление принца на линию р. Изера, во втором — гвардия действовала бы самостоятельно и могла произвести лишь демонстрацию, подобно 6-му корпусу, который несколько дней назад, выполняя отчасти указания Мольтке, произвел демонстрацию в направлении Гогенштадта.

В общем на этих-то сообщениях, изображавших раздробленность сил пруссаков в еще более ярких красках, чем прежние донесения, Бенедек строил свои надежды на то, что ему удастся удержать линию р. Изера и выступить здесь против принца Фридриха-Карла со значительным превосходством в силах, сосредоточив 8 австро-саксонских корпусов, в то время как у Фридриха-Карла могло быть не более 5½ корпусов. Раньше Бенедек поручил кронпринцу саксонскому ока-

[1] Тут обращает на себя внимание резкая разница между австрийскими и прусскими взглядами. В прусской армии начальники штабов занимали настолько влиятельное положение, что зачастую даже заслоняли собою командующих генералов. Вообще в Пруссии офицеры генерального штаба, получавшие под руководством Мольтке практическую подготовку, пользовались большим авторитетом в войсках, тогда как в Австрии их считали (отчасти справедливо) за теоретиков и схоластиков, мало пригодных для войны.

[2] Ср. по поводу сказанного и всего последующего стр. 292 — *Прим. авт.*

зывать лишь демонстративное сопротивление на р. Изере, теперь же он приказал ему оборонять дефиле до последней возможности, обещая ему поддержать его главными силами армии и лично прибыть на место.

В Ольмюце Бенедек не был в приподнятом настроении духа. Он вполне отдавал себе отчет в качественном превосходстве прусской армии над австрийской и с завистью поглядывал на эрцгерцога Альбрехта, сражавшегося против итальянцев, стоявших в военном отношении на низшем уровне. Он отказывался от командования армией, предназначенной против пруссаков, прося назначить его на итальянский фронт. В этой стране, говорил он императору, он еще капитаном производил топографические съемки и знает каждое дерево до самого Милана; что же касается Богемии, то он даже не представляет себе, где протекает Эльба [1].

Понятно, что при выборе полководца знакомство с военной топографией играет наименьшую роль. Наполеон сумел приобрести необходимый топографический глазомер на бесчисленных театрах войны, а Блюменталь перед началом войны 1866 г. писал: «Я никогда не думал о возможности войны с Австрией [2], и так же мало был знаком с Лузацией и Силезией, как и с Богемией и Моравией». Впрочем в отношении интереса к дугообразным черточкам, обозначающим на топографических картах хорошие позиции, — к «колбасной стратегии», как ее насмешливо называли критически настроенные офицеры генерального штаба, — Крисманич дополнял своего главнокомандующего, пожалуй, с чрезмерным успехом.

Создав себе в мирное время репутацию чуть ли не второго Валленштейна, Бенедек не мог серьезно отказываться от командования на главном театре войны. Роковая трагедия его состояла в том, что он не верил ни в свою армию, ни в свое государство. Уныло звучит его письмо к жене из Ольмюца:

«...Если господь бог ниспошлет Австрии и ее армии победу, я же где-нибудь лягу костьми, то жизнь моя окупится в миллион раз, ты же перенесешь этот удар с покорностью божьей воле и, может быть, с гордостью! Если же я вернусь к тебе разбитым полководцем, то будь снисходительна и дай мне перенести свое несчастье молча, как подобает мужчине».

«Спокойно и уверенно иду я навстречу своей судьбе... не покинет же меня мое старое боевое счастье...»

Покидая Ольмюц, он говорил тамошним дамам: «Молитесь за нас! Если нас поколотят, значит — вы мало молились!»

И во время шуток и в серьезную минуту поражение неотступно стояло перед глазами этого полководца — типичного носителя того пессимистического склада ума австрийских генералов, с которым мы уже познакомились в 1859 г. Из них один лишь Крисманич не был пессимистом. Шутливо говорил он войскам, с трудом пробиравшимся иногда по плохим горным дорогам, — железная дорога служила лишь

[1] Как видно, Бенедек, недавний начальник австрийского генерального штаба, не понимал значения карт и не любил ими пользоваться. Между тем в прусской армии было роздано 2 000 экземпляров карты театра войны—количество, неслыханное по тогдашним понятиям. Карту получил каждый ротный и эскадронный командир.

[2] Среди прусских военных, не понимавших политики Бисмарка, истинного врага видели в Наполеоне.—*Прим. авт.*

для доставки продовольствия, — что моравские пески потребуют от них еще больших усилий.

В общем все распоряжения по походу оказались превосходными. Во время железнодорожного переезда главной квартиры из Ольмюца в Моравское Трюбау можно было убедиться, насколько материальное — да и моральное — состояние армии улучшилось с 1859 г. По сравнению с тем временем, дух войск был превосходным. Немецкие части знали, что дело идет о гегемонии в Германии, и готовились отстаивать с оружием в руках традиционное первенство Австрии; чешские полки находили в федералистическом министерстве Белькреди, сменившем министерство Шмерлинга, нечто такое, что удовлетворяло запросы их воображения; среди венгерских контингентов господствовало настроение, созданное соглашением; словакские, румынские и южнославянские воинские части, хотя и разочарованные политически, получили по крайней мере полководца, пользовавшегося среди них безграничной популярностью. А ко всем этим благоприятным впечатлениям присоединялось ощущение Бенедека, что противник открыл неудачно кампанию!

Вера в свои силы в нем росла. Во время прогулки с несколькими офицерами по окрестностям Трюбау в Моравии его спутники были приятно поражены, услышав от человека, которого они привыкли видеть озабоченным и молчаливым, восклицание: «А все-таки я думаю, что я их поколочу!»

Одна военная хитрость принца Фридриха-Карла укрепила Бенедека в его ошибочном предположении, что прусский 1-й корпус проделывает длинный путь на соединение с 1-й армией. Принц чувствовал себя под угрозой нападения в неприятельской стране и добивался от Мольтке того, что австрийцы считали естественным намерением пруссаков, а именно — направления 1-го корпуса на соединение с 1-й армией через Шрейбергау.

Когда Мольтке отнесся к этому предложению отрицательно, Фридрих-Карл решил по крайней мере уверить австрийцев в том, что этот корпус к нему приближается. В Рейхенберге, занятом 1-й армией, посадили одну роту на телеги и ночью перевезли ее в Нейвальд по дороге к Шрейбергау у истоков р. Изера. Здесь к ней присоединился эскадрон Вармбруннских драгун. На следующее утро эта колонна на подводах вернулась в Рейхенберг в сопровождении драгун.

Таким образом, перед австрийскими разведчиками разыграли комедию якобы передвигавшихся по Шрейбергаускому горному проходу войсковых частей.

Ввиду картины, какую Бенедек и Крисманич составили в своем воображении относительно операций пруссаков, такая военная хитрость как нельзя лучше укрепляла австрийцев в их ложном представлении. И в австрийской главной квартире верили в реальность того, чего желали. Раз Фридрих-Карл действительно поджидал у Рейхенберга 1-й прусский корпус, то 3-й австрийский корпус, как главная часть главных сил, мог выдвинуться у р. Изера и помочь саксонскому кронпринцу при обороне реки. В том, что он мог выполнить такую задачу, Бенедек имел возможность убедиться, перенеся утром 26 июня свою главную квартиру из Богемского Трюбау в Иозефштадт. Прибытия 3-го корпуса к позиции Милетин—Гориц ожидали на следующий день, — и вообще все крупное передвижение армии влево было выполнено без всяких задержек в 8 дневных переходов.

Уже через 10 мин. после своего приезда в Иозефштадт Бенедек послал кронпринцу Альберту телеграфное распоряжение, чтобы он во что бы то ни стало удержал за собою переправы через р. Изер у Мюнхенгреца и Турнау, следовательно, не только в том случае, если это покажется целесообразным по соотношению сил противника, но и при каких бы то ни было условиях. В то же время кронпринцу настоятельно рекомендовалось внимательно следить за местностью у истоков р. Изера под Эйзенбродом,— иначе говоря, за дорогой Нейвальд — Шрейбергау.

Обратимся теперь к операциям принца Фридриха-Карла, которому Мольтке настоятельно предписал поспешно двинуться со своей позиции в Лузации на Гичин, для того чтобы отвлечь неприятеля от 2-й армии, которая должна была развертываться, дебушируя порознь из трех силезских горных проходов.

Апеллируя к самолюбию принца, Мольтке повторил на следующий день свое указание; он писал: «Только энергичное наступательное движение 1-й армии может высвободить 2-ю. . . Австрийцы двигаются всеми своими силами на север; вся задача в том, чтобы достигнуть р. Изера раньше, чем они. 100 000 чел. под командой принца Фридриха-Карла с резервом в 50 000 чел. позади на расстоянии дневного перехода имеют огромный шанс на победу».

Резервом на расстоянии дневного перехода являлась Эльбская армия, которая крайне медленно продвигалась по плохим дорогам через саксонскую Лузацию, намереваясь перейти через богемскую границу у Нейштадта.

На самом деле Герварт был на расстоянии не одного, а двух дневных переходов позади Фридриха-Карла; а так как последний был очень осторожным полководцем, то недостаток связи с Гервартом его крайне тревожил с тех пор, как он вступил на неприятельскую территорию у Графенштейна. Напрасно уверял его Мольтке, что присутствие значительных австрийских сил у Рейхенберга мало вероятно.

Если бы прусская кавалерия, подобно австрийской, сделала поучительный вывод из опыта кампании 1859 г., что она должна в большей мере, чем раньше, посвятить себя разведывательной службе, — и притом не только посредством дивизионной кавалерии, но и резервной, — кавалерийский корпус Фридриха-Карла силою в 41 эскадрон легко мог бы рассеять все заботы принца. Но подобно тому, как в 1859 г. это сделала кавалерия обеих сторон, в 1866 г. прусская кавалерия оставалась позади фронта.

Не осведомленный об отсутствии неприятеля, Фридрих-Карл продвигался со своими 3 корпусами крайне медленно, дабы дать Гервартy время присоединиться к нему.

Как Фридрих-Карл, так и Герварт начали испытывать затруднения с довольствием армии. Эти затруднения возникли частью из-за медленности продвижения, частью из-за того, что Фридрих-Карл вел свои 93 000 чел. чрезвычайно сомкнутым порядком, так что ограниченная территория, в которой войска оставались чересчур долгое время, уже ничего не могла доставлять армии. Продовольственные затруднения увеличивались еще и тем, что австрийские чиновники убедили чешское население, будто пруссаки пожирают детей, и перепуганные жители бежали в леса. Однако, это обстоятельство не побудило 1-ю армию ускорить свой поход, но, наоборот, оно парализовало и душевный порыв и физическую энергию.

Едва Фридрих-Карл перешел границу,—причем наступление его 93-тысячной армии оказалось ударом по воздуху, так как он натолкнулся лишь на несколько разъездов гусар Радецкого, — как, прибыв в Рейхенберг, он уже назначил двухдневный отдых, чтобы тем временем присоединить к себе 1½ корпуса Герварта. Уже в первый день своей стоянки он успел бы достигнуть места своего назначения, Гичина, чем избавил бы армию кронпринца от тяжелых усилий и чувствительного частичного поражения.

Начальником штаба у принца Фридриха-Карла был ген.-лейт. ф.-Фохтс-Ретц. Его считали даровитым человеком, но, повидимому, бо́льшим влиянием в оперативных вопросах пользовался обер-квартирмейстер ф.-Штюльпнагель, о котором мы уже упоминали. Мы никогда не должны при этом забывать о характеристике, данной Фридриху-Карлу Гебеном в его письмах: «Принц обладает многими превосходными, даже блестящими качествами, но он... колеблющаяся, нерешительная натура; его трудно заставить принять твердое решение, причем он готов слушать и того, и другого, и третьего» [2].

Мольтке ясно понимал, что главные силы австрийцев не могли еще прибыть в северо-западную часть Богемии. Но он не имел сведений о том, что там остались саксонцы и 1-й австрийский корпус. Он также не знал, что эти части сначала были направлены на позицию Милетан—Гориц и что затем их передвинули на р. Изер. Наоборот, из того факта, что Альберт и Клам поместили свою главную квартиру в Праге, он вывел заключение, что подчиненные этим генералам части предназначены для каких-то операций, направленных против Эльбской армии. Мольтке ошибочно предполагал, что и 2-й корпус стоит на запад от р. Изера. Поэтому ему казалось вполне возможной попытка австрийцев атаковать Эльбскую армию с правого фланга. Исходя из этих предположений, он побуждал принца Фридриха-Карла атаковать своими 4½ корпусами австрийцев, оттеснить их к Эльбе и разгромить: «Из моей официальной бумаги вы усмотрите, что хотя направление на Гичин в общем является основным и руководящим, но что действительный успех оправдывает уклонение от него, лишь бы это уклонение не превратилось в удар по воздуху. Перед действительной тактической победой бледнеют всякие стратегические соображения».

К тому же, добавлял Мольтке, кронпринцу едва ли удастся перейти границу до 26 июня. Поэтому Фридрих-Карл, предпринявший этот шаг уже 23-го числа, по мнению Мольтке, успеет временно направить свою армию к западу. Выполнил ли бы Фридрих-Карл операцию, предложенную ему Мольтке, если бы далеко на запад от Изера показались неприятельские массы,—вопрос, который остается открытым. Как бы то ни было, Мольтке пришлось оказать длительное давление на Фридриха-Карла для того, чтобы побудить его усвоить стратегию сосредоточения по направлению к Гичину. Наконец, Фридрих-Карл нехотя согласился произвести на второй день отдыха, 26 июня, несколько рекогносцировок из Рейхенберга по направлению к р. Изеру. Он перенес свою главную квартиру вперед из Рейхенберга в замок Зихров у

[1] Автор, описывая в последующем 6-м томе франко-прусскую войну, считает Фохтс-Ретца душевнобольным.

[2] Эта характеристика, вполне подтвержденная действиями принца Фридриха-Карла в австро-прусскую и франко-прусскую войны, находится в полном противоречии с рассуждениями автора в 6-м томе, где он неоднократно называет этого принца человеком воли (Willensmensch) и полководцем крупного масштаба (Feldherr von Format).

железнодорожной линии, соединяющей Рейхенберг с Иозефштадтом и пересекающей р. Изер у Турнау[1].

Кронпринц саксонский получил два распоряжения Бенедека: одно—по возможности держаться на р. Изере, другое—держаться на нем во что бы то ни стало — достаточно своевременно, так что он успел бы занять важнейшие пункты. Но он не счел нужным затратить последние силы своих солдат, окончательно замореннных по вине австрийской службы связи.

В то время как разведывательные отряды Фридриха-Карла и Герварта приближались 26 июня к р. Изеру, Альберт собирался 27-го приступить к организации обороны реки. До тех пор, пока саксонцы оставались на месте под Юнг-Бунцлау (Младо-Болеславом), а австрийцы под Мюнхенгрецем, Альберт не считал возможным непосредственно прикрывать р. Изер, но выбрал для этого, согласно донесениям кавалерии, позицию, расположенную приблизительно на 1 милю к северу от реки, у Гилловея. Здесь 27 июня в дефиле Зиммельберга Фридриха-Карла должны были встретить саксонцы и главные силы австрийцев. Остальные части 1-го австрийского корпуса уже построились под Мюнхенгрецем и Гюнервассером против Герварта и должны были оставаться на этой позиции.

Нельзя упрекнуть Альберта, выдающегося генерала, в том, что он по небрежности запоздал с занятием позиции у Гилловея. План Бенедека — удержать Изер 2 корпусами против 4½ — основывался на том расчете, что Фридрих-Карл еще долго не будет пытаться форсировать переправу через реку. На этом предположении строились и распоряжения Альберта. Ведь 1-й корпус мог присоединиться к 1-й армии не ранее 29 июня, а уже 27-го кронпринц саксонский намеревался занять позицию впереди р. Изера.

ГЮНЕРВАССЕР

Однако, стратег-новатор Мольтке, опрокидывавший все расчеты обеих сторон, уже 26 июня направил Фридриха-Карла к р. Изеру. Вечером этого дня головные части Герварта, всего 5 батальонов, встретились у Гюнервассера с одним стрелковым батальоном австрийской пехотной бригады Лейнингена. Несмотря на значительное превосходство сил пруссаков, ген.-майор граф Гондрекур, состоявший при штабе 1-го австрийского корпуса, приказал штурмовать Гюнервассер. Еще со времен боя при Лундби мы знаем, что фронтальная атака в открытом поле не может выдержать беглого огня игольчатого ружья обороняющегося даже тогда, когда наступление ведется с крупным превосходством сил. Видимо, Гондрекур вынес иное впечатление из датского похода. Он говорил, что пруссаки в стратегии еще не вышли из пеленок. Так без малейших тактических маневров на фронтальной атаке этой маленькой части оправдалось то, что Мольтке писал Блюменталю: «Австрийцы... ударились в... крайность — атаку напролом. Надо надеяться, что огонь нашей пехоты охладит их пыл...»

После того как атака была отбита, пруссаки преследовали отступавшего противника беглым огнем. Австрийцы легли на землю, но в

[1] Чрезвычайно медленное наступление 1-й армии принца Фридриха Карла, несмотря на полученный приказ и на постоянные подбадривания Мольтке, было грубой ошибкой, подводившей 2-ю армию кронпринца Фридриха.

этом положении они не могли пользоваться своими ружьями Лоренца[1]. А так как они не решались подняться, то пруссаки забрали много нераненых пленных. Всего австрийцы потеряли 277 чел. против 50 чел., выбывших из строя у противника.

Батальон, сражавшийся под Гюнервассером, пополнялся из контингентов Венецианской области; понятно, что после боя обрушились на предательство итальянцев, однако, и в последующих боях колоссальное несоответствие потерь обеих сторон оставалось таким же, из каких бы национальностей Австрии ни были составлены сражавшиеся части. Мы неизменно встречаемся все с тем же порочным кругом: недоверие к отдельным национальностям порождало отсталую тактику, а плохие результаты отсталой тактики выявляли скрытую ненадежность национальностей [2]. Но в то время как в 1859 г. потери побежденных превосходили потери победителей лишь в умеренной пропорции [3], в 1866 г. потери австрийцев всякий раз достигали прямо устрашающих размеров, ибо тактика пруссаков была более разработана, чем тактика французов, не говоря уже о превосходстве игольчатого ружья над гладкоствольным. Чем упорнее австрийцы проводили теперь наступление фронтальными ударами, тем вероятнее становился полный разгром их кадров. Против строго дисциплинированных, владевших своими нервами пруссаков, открывавших огонь по наступавшему противнику не раньше, чем он подойдет на надлежащую дистанцию, стрелявших и лежа, и стоя, пренебрегавших всеми местными препятствиями, находившихся повсюду и нигде,—в борьбе с таким превосходным противником ударная тактика австрийского батальона напоминала слепую ярость обреченного на смерть быка на арене испанского цирка.

В ночь с 26-го на 27-е, следовавшую за этим боем, произошел второй бой в эту кампанию. Впереди войск Фридриха-Карла стояла под Препером дивизия Горна. Далее, вверх по реке, у Турнау, занимала позицию дивизия Франзецкого. Остальные войска Фридриха-Карла и Герварта стояли: первые — между Нимесом и Изером, вторые — между Рейхенбергом и Изером. Стояли войска еще и позади этого местечка. Все эти силы растянулись на протяжении более дневного перехода и могли быть сосредоточены у р. Изера не ранее 28 июня.

Благодаря умелому использованию своей кавалерии австрийцы были более или менее осведомлены относительно расположения сил противника; не смогли они только разведать местонахождение 14-й дивизии, входившей в состав Эльбской армии; в значительной мере они недооценивали также силы прусских головных частей у Подола и Турнау. Кронпринц саксонский, понятно, имел горячее желание отбросить от р. Изера противника, неожиданно прорвавшегося к этой реке, так как он имел приказ во что бы то ни стало удержать это дефиле. Поэтому он условился с Кламом пробиться с их 2 корпусами к Земмельбергу после того, как австрийская бригада Пошахера произведет внезапную ночную атаку на слабые прусские отряды, занимавшие Препер и Турнау.

---

[1] Как сказано выше, это были шомпольные ружья, заряжаемые с дула.

[2] Выше автор сказал, что «дух войск был превосходный».

[3] Под Монтебелло у французов выбыло из строя 15%, у австрийцев — 25%; под Палестро — у французов 15%, у австрийцев 20%; под Маджентой — у французов 15%, у австрийцев 33%; под Сольферино потери обеих сторон равнялись 15%. — *Прим. авт.*

ПОДОЛ

В ночном маневренном бою, который вследствие этого разыгрался под Подолом между частями прусской дивизии Горна и бригадой Пошахера, австрийцы сначала одерживали верх. Однако, боевое счастье скоро перешло на сторону пруссаков, массами бросившихся из Препера к Подолу, не дождавшись даже возвращения солдат, высланных за водою, в то время как Клам не счел нужным поддержать завязавшийся бой. Ему не повезло с его планом внезапного налета; он увидел, что пруссаки гораздо сильнее, чем предполагалось, а его войска, как ему было известно, менее всего были пригодны для ночного боя. Поэтому он приказал прервать бой, что, однако, не так легко было сделать.

17½ австрийских рот сцепились с 22 прусскими. Воинская часть ген.-майора Пошахера со времени своей бесстрашной атаки напролом в 1864 г., — тактики, вполне применимой против датчан, — носила почетное прозвище «железной бригады». Она была составлена так: один полк — Львовского округа — из поляков и русин, другой — округа Кашау — из словаков и венгерцев, но в ней было также, особенно в стрелковом батальоне, много немцев. Бой в деревне принуждал сражаться рассыпным строем, с применением обороны и атаки отдельных построек и садов; надо было перейти р. Изер вброд, — словом, произвести целый ряд действий, которым войска в мирное время не обучались. Раздавалась разноголосица наречий; не все офицеры ими владели. Впереди села, в открытом поле, австрийцы вели бой, применяя свою ударную тактику; пруссаки ей противопоставили свое построение в 4 шеренги, причем первые две стояли на коленях. Австрийцев, отчетливо выделявшихся в ярком освещении луны, подпустили на 30 шагов, после чего раздался залп; австрийцы отхлынули и снова пошли в атаку; раздался второй залп, и австрийцы исчезли, преследуемые беглым огнем.

Со стороны австрийцев в самом жарком огне стоял Клам, со стороны пруссаков—ген.-майор Бозе с винтовкой в руках.

Лишь через 2 часа после отдачи приказа удалось вывести бригаду Пошахера из Подола. Вступила она в этот бой с 2 700 штыков, а потеряла 1 050 чел.; из них 430 — нераненых пленных. Из 5 000 пруссаков выбыло из строя только 130 чел.

Потеряв 30—40% своего состава, 4 австрийских батальона 1-го корпуса, введенные в бой и разбитые под Гюнервассером и Подолом, пришли в значительное расстройство.

Должен ли был кронпринц, невзирая на такое плохое начало, двинуть на следующее утро свои 2 корпуса на Гилловей? Представлялось крайне опасным бросать такой вызов 4½ корпусам Фридриха-Карла, хотя они еще и не сосредоточились, в то время как все силы Альберта уже собрались у Мюнхенгреца. К тому же это противоречило бы планам Бенедека, который ожидал наступления пруссаков лишь тогда, когда сам он подойдет к этой реке с главными силами. Как бы то ни было, кронпринца вывела из этой дилеммы депеша Бенедека, извещавшая, что в движении главных австрийских сил к р. Изеру произошла задержка. Вместе с тем предоставлялось усмотрению кронпринца, поведет ли он при этих условиях наступление на правом берегу Изера или нет. А так как без этого маневра оборонять реку было

невозможно, то в депеше содержалась косвенная отмена распоряжения защищать р. Изер во что бы то ни стало и разрешение кронпринцу отойти на позицию Гориц—Милетин.

Бенедек не мог выполнить свое решение — как можно поспешнее вести свои главные силы на р. Изер — в связи с известиями, доставленными ему за 26 июня разведчиками с силезской границы. Как мы уже знаем, он составил себе следующее представление о распределении армии кронпринца: 5-й и 6-й корпуса стоят на р. Нейссе; местонахождение гвардии — точно неизвестно; 1-й корпус идет на Шрейбергау. Теперь же, за 26 июня, он получил следующие донесения: 6-й корпус идет на Глац; крупные неприятельские силы следуют в направлении горных проходов — Находа, Эйпеля и Траутенау. Какие части входят в их состав, установить не удалось, но очень вероятно, что 1-й корпус идет к проходу у Траутенау.

Крисманич отрицал правильность последнего сообщения. Не так-то легко было поколебать его уверенность в том, что 1-й корпус идет на соединение с 1-й армией, — но мы видели, что и командование этой армии считало такое назначение 1-го корпуса с оперативной точки зрения правильным и его требовало. Впрочем Крисманич полагал, что предстоящее, повидимому, вторжение неприятельской армии в составе 2—3 корпусов из Силезии в Богемию требует принятия известных мер, хотя распределение неприятельской армии на два фронта — Лузацкий и Силезский — и является грубой ошибкой. Крисманич не мог понять, что это была не ошибка, а новая стратегия, — в противном случае он был бы вторым Мольтке.

Крисманич думал, что он поступит в полном соответствии с новой обстановкой, приостановив поход к р. Изеру до тех пор, пока армия не развернется на позиции Гориц—Милетин. Это должно было произойти через несколько дней. Позади остались лишь 2 корпуса и 3 кавалерийских дивизии; остальные части армии в составе 5 корпусов и 1 кавалерийской дивизии или уже сосредоточились, или же находились поблизости. Хотя, по мнению Крисманича, рассеянные по Средней Силезии прусские корпуса и не могли выполнить какие-либо более решительные действия, чем корпус принца Наполеона в 1859 г., все же, понятно, он не мог допустить, чтобы они беспрепятственно двинулись во фланг и тыл позиции Гориц—Милетин. В 8 час. вечера,—приблизительно в то самое время, когда подготовлялся бой под Подолом, — Бенедек издал на завтрашний день, 27 июня, следующий приказ: «По только что доставленным донесениям значительные неприятельские отряды двигаются через Полиц в направлении Штаркенбаха (на дороге к Шрейбергау) и Траутенау. 6-й (австрийский) корпус выступает... к Скалицу, где он занимает позицию, выдвинув к Находу авангард... 10-й корпус выступает... в направлении Траутенау, где он также, выдвинув авангард, временно занимает позицию...

«Это расположение имеет целью прикрыть еще незаконченное сосредоточение армии у Иозефштадта, что, однако, не должно служить препятствием к тому, чтобы энергично атаковать противника, где бы [1] он ни показался. Преследование неприятеля должно держаться в границах основного задания, и его не следует вести чересчур далеко...»

Приказы, данные этим 2 корпусам, отличались друг от друга лишь тем, что 6-й корпус должен был окончательно занять позицию у Скалица, 10-й же лишь временно стать под Траутенау. Это произошло от

[1] «Где бы» в данном случае скорее означает «когда бы». — *Прим. авт.*

того, что 6-й корпус должен был наблюдать за Находским горным проходом, к которому, несомненно, направился 5-й прусский корпус, в то время как 10-й австрийский корпус не получил окончательных распоряжений, ввиду того что о назначении 1-го корпуса и прусской гвардии Крисманич еще не составил себе ясного представления.

Прусские отряды у Полица принадлежали к составу гвардии, а те, которые находились близ Траутенау, — к составу 1-го корпуса. Так как части, стоявшие у Полица, легко могли быть двинуты на Эйпель, то 10-му корпусу угрожала опасность оказаться между двух огней. Но Крисманич такой возможности не предвидел, ибо он предполагал, что гвардия идет вместе с 5-м корпусом, а 1-й движется по направлению к Шрейбергау. Лишь ради предосторожности,— ввиду донесений его разведчиков, видевших будто бы в этом направлении 1-й корпус, — направил он 10-й корпус к Траутенау.

Под Находом, кроме 5-го корпуса и гвардии, он предполагал еще и 6-й корпус, но последний был еще далеко, понапрасну удлиняя вместе с гвардией тесно сомкнутые походные колонны 5-го корпуса.

Вообще Крисманич был слишком вышколенным стратегом для того, чтобы пытаться герметически закупорить горные проходы перед наступавшим противником. В 1866 г. это было так же невыполнимо, как во времена Леонида [1], ибо дорогу в горах можно всегда найти, а в XIX в. эти дороги значительно улучшились. По этому поводу Блюменталь говорил в 1890 г. Фридъюнгу: «Если бы даже одной из наших колонн пришлось повернуть вспять, остальные все же могли бы проникнуть, а если бы нас и отбросили, то мы возобновили бы попытку. Затруднения были не так велики, как, например, во времена Фридриха, когда тяжести и артиллерию можно было перевозить через горы только при помощи мулов. В наше время проложены в горах вдоль и поперек шоссе и отличные дороги».

Как бы то ни было, все время, пока пруссаки дебушировали из гор, только их головные части, вышедшие из горных проходов, были готовы для боя. В это-то время, пока они еще находились в таком невыгодном положении, следовало их энергично атаковать.

Командиры 6-го корпуса, фельдм.-лейт. барон Рамминг, и 10-го корпуса, фельдм.-лейт. барон Габленц, нам уже известны. Оба они в 1859 г. командовали бригадами; Рамминг, назначенный помощником Гесса, играл после Маджснты выдающуюся стратегическую роль; Габленц сражался под Сольферино у Монте-Фонтана, где Наполеон был вынужден ввести в бой свой последний резерв, чтобы сломить сопротивление австрийцев.

Война 1866 г. прошла не без славы для австрийцев. В то время как северная армия еще праздновала победу, одержанную южной армией в Италии, Габленц готовился нанести под Траутенау тяжелое поражение пруссакам.

---

[1] См. т. I этого труда, гл. VI, стр. 93—98 изд. 1936 г.

Глава II

Бои под Траутенау и Находом

ТРАУТЕНАУ

На основе приказов Мольтке о вступлении обеих армий в Богемию, Блюменталь в качестве начальника штаба кронпринца составил диспозицию, согласно которой 4 корпуса, пройдя по различным горным проходам, должны были соединиться 28 июня на верхнем течении Эльбы, между Арнау и Градлицем. Авангард 1-го корпуса должен был по возможности достигнуть Арнау еще 27-го числа. В качестве конечной цели похода главным силам этого корпуса указывался Пильникау, по ту сторону Траутенау.

Таким образом, 1-й корпус (западно- и восточно-прусский) перешел через границу утром 27 июня: 1-я дивизия — из Либау, 2-я — из Шемберга (схема 18). 1-я дивизия образовала авангард и резерв корпуса, 2-я—его главные силы. Позади главных сил 1-го корпуса шла прибывшая со стороны Квалиша 1-я гвардейская дивизия. Она не должна была итти с ним вместе до Траутенау, но, свернув у Паршница влево, должна была спуститься вниз по р. Аупе до Эйпеля. К этому пункту направлялась 2-я гвардейская дивизия через Штаркштадт и Костелец. 5-й корпус занял город Наход и шел по направлению к устью горного прохода; за 5-м шел на значительном расстоянии 6-й корпус.

Авангард — 1-й корпус — мог бы достигнуть дефиле у Паршница уже после 5-часового перехода, к 9 час. Однако, его прибытие замедлилось, и притом значительно, вследствие того метода, каким командовавший им ген.-адъютант ф.-Бонин приказал ему продвигаться. Лично находясь при авангарде, он вместо того, чтобы использовать для разведки местности дивизионную кавалерию, приказал пехоте осветить пространство, прилегавшее к горной дороге и представлявшее, по словам ф.-Леттова, несколько «жалких хуторов и деревушек; в этих последних с трудом могло бы укрыться не больше 100 чел., которые при приближении целой дивизии сами подвергались большой опасности, не представляя для нее никакой угрозы. С трудом карабкались тяжело навьюченные пренадеры по крутым скатам, в то время как вся дивизия стояла внизу с ружьем у ноги. Скоро силы рот, высланных на разведку, оказались истощенными; их пришлось сменить. Продолжались остановки, не только не доставлявшие отдыха, но еще более утомительные, чем ровный непрерывный поход» [1].

Бонин являлся придворным генералом. Он обязан был своим положением не высокой квалификации, а благосклонности короля, который обладал многими прекрасными качествами, но отнюдь не приписываемым ему знанием людей. Назначение Мольтке было случайным счастливым выбором из числа немногих генералов, имевших склонность к оперативной стороне военного дела и готовых занять далеко не спокойное место начальника генерального штаба. Призыву к власти Бисмарка король противился до последней минуты и решился на этот шаг только потому, что среди запутанных внутренних обстоятельств он не нашел иного пути избежать отречения от престола.

---

[1] Von Lettow. Der Krieg von 1866, II, Берлин 1899. Эта книга служит основой для изучения кампании 1866 г. — *Прим. авт.*

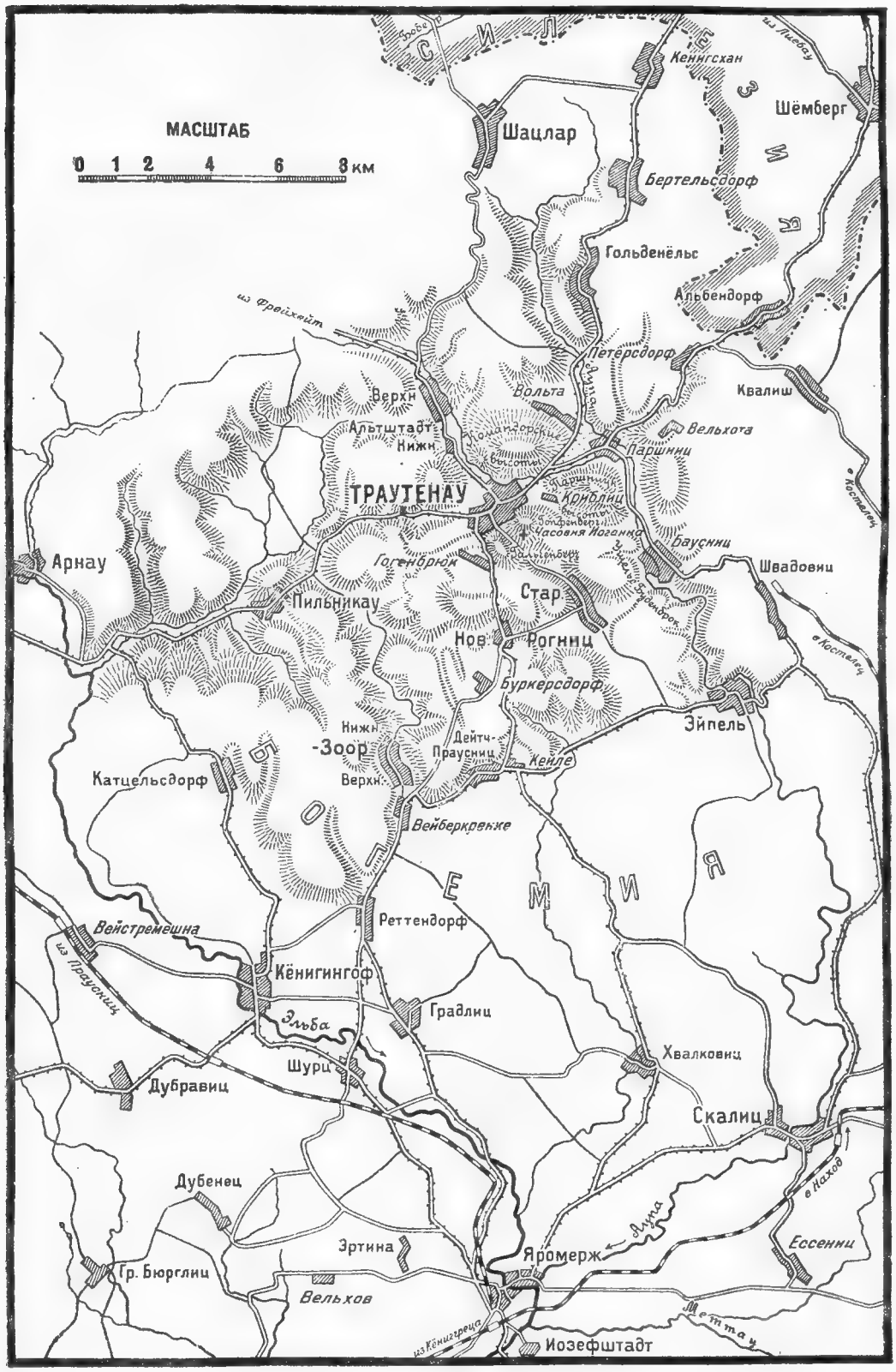


Схема 18. — Район действий под Траутенау.

Неспособный Бонин имел еще то особенно дурное свойство, что он ни от кого не хотел выслушивать советы. Таким образом, все высшее руководство 1-м корпусом пришло в полное расстройство. Служба связи в нем была поставлена едва ли лучше, чем у австрийцев. Но самые войска были так же хороши, как и в любой части этой армии.

Распоряжения Бонина во время перехода имели тот результат, что главные силы прибыли в Паршниц раньше, чем авангард. Это еще не являлось бы большой бедой, если бы командовавший главными силами ген.-лейт. ф.-Клаузевиц взял на себя исполнение обязанностей начальника авангарда. Авангард получил приказ занять соседний город Траутенау. Но так как Клаузевиц командовал главными силами, а не авангардом, то, точно выполняя схему F, он остался в бездействии в Паршнице, хотя его дивизионная кавалерия и установила, что Траутенау был занят лишь полуэскадроном драгун Виндишгреца. Если бы Клаузевиц овладел Траутенау, а главное — произвел бы рекогносцировку и занял высоты, прилегавшие к этому городу, бой едва ли закончился бы поражением пруссаков.

Почти одновременно с прибытием 2-й дивизии 1-го прусского корпуса в Паршниц, в 8 час. утра на высотах, прилегающих к Траутенау, показалась пехотная бригада Мондля 10-го австрийского корпуса. Согласно распоряжениям Крисманича, ей предстояло пройти до конца дороги из Паршница, чтобы преградить Траутенауский горный проход. Выполнить это уже не было возможности, хотя Габленц и произвел это движение с крайней поспешностью. Поэтому ген.-майор Мондль построил свою бригаду на возвышенностях Гопфенберга и Иоганнесберга. Без этих высот Траутенау не представлял для пруссаков никакой ценности.

Через 2 часа после прибытия главных сил пруссаков подошел, наконец, и авангард, за которым следовали резервы. Прусские силы были в сборе, тогда как еще много часов должно было пройти прежде, чем главные силы австрийцев могли примкнуть к бригаде Мондля, ибо Габленц в этот день поступил в роли корпусного командира так же, как он поступил под Сольферино в роли бригадного командира, а именно — задержал предписанное наступление из-за соображений продовольственного характера.

Таким образом, Бонин бесконечно долгое время располагал четверным численным превосходством сил над Габленцем, который, наконец, также появился на высотах; теперь оба корпусных командира лично руководили развертывавшимся боем.

7 прусских батальонов, преимущественно из состава авангарда, двинулись на равную по численности бригаду Мондля. Позади этих батальонов Габленц различал в долине густые неприятельские массы. Хотя Иоганнесберг и Гопфенберг представляли отличную оборонительную позицию, но превосходные силы пруссаков легко могли ее обойти. По этой причине Габленц приказал очистить высоты, так что потери штурмовавших пруссаков составляли всего лишь 3%. Тем тяжелее были потери австрийцев во время их отхода. Австрийцы отошли к Ней-Рогницу, где Габленц хотел подождать прибытия своих главных сил. Во время непродолжительного преследования пруссаки, превосходившие своих противников и тактикой и вооружением, нанесли им потери до 17% их состава. В общем бригада Мондля потеряла 911 унтерофицеров и солдат, из коих 310 нераненых пленных и

пропавших без вести[1]. Бригада Мондля состояла из русинско-польского пехотного полка из округов Перемышля и Коломыи и стрелкового батальона, составленного преимущественно из немцев.

Бонин следил из долины за боем, продолжавшимся с 11 до 12 часов дня. То, что заводные лошади его свиты, попав под обстрел, вырвались и ускакали и что, таким образом, все офицеры его штаба оказались только с одной лошадью на каждого, нанесло будто бы значительный ущерб службе связи, вследствие чего у генерала сложилось неправильное представление о ходе боя. Как бы то ни было, но он вообразил, что его авангард, имевший фактически дело лишь с равным по численности противником, потерявший всего только 3% и гнавший неприятеля перед собой, находится в страшной опасности, поэтому главные силы должны были сломя голову, даже не разведав дорог, взбираться на Паршницкие высоты. На эти высоты вел довольно удобный подъем, который предстояло обследовать командовавшему главными силами Клаузевицу еще утром, когда он прибыл в Паршниц раньше авангарда. Но это время было упущено, а теперь из-за чрезмерной поспешности Бонина наверстать его было уже поздно. Таким образом, войскам пришлось взбираться на высоты с того места, где они случайно стояли или двигались. По поводу этой операции, потребовавшей напрасной затраты громадных усилий, превосходный критик ген. Кюне говорит следующее: «Когда автор настоящих строк переходил эти высоты в конце сентября 1869 г. в легком костюме туриста, он добрался до Буденброкского ущелья, обливаясь потом и с дрожавшими от напряжения коленями; тут в прохладной тени деревьев он вспомнил о наших бедных малых, которые после 4—5-часового перехода в полуденную жару с тяжелой амуницией проделали этот путь, и пришел к заключению, что только благодаря возбуждению от грохота пушек и ожиданию предстоявшего боя силы их не были окончательно истощены.

«Однако, с переходом через Паршницкие высоты были преодолены далеко еще не все трудности, какие представляла эта местность. После того как батальоны рассыпным строем взобрались здесь на высоту 300 фут. (ок. 90 м), чтобы тотчас спуститься вниз на 200 фут. (ок. 60 м), им пришлось (правда, сняв свои ранцы) вновь с трудом взбираться по крутому склону Кацауерберга приблизительно на высоту 200 фут., после чего они опять попали на изрезанный ущельями участок».

Тем временем прусская пехота подвергалась медленному, но непрерывному обстрелу 4 австрийских батарей, одна за другой выехавших на позицию. Пруссакам с исключительным трудом удалось втащить на высоты одну из батарей, принадлежавших к главным их силам. Однако, после того как были ранены один юнкер и один канонир, ей

[1] Труд австрийского генерального штаба причисляет без вести пропавших к убитым, но при таком предположении, находящемся в вопиющем противоречии с фактами, число убитых по отношению к числу раненых достигает прямо фантастических размеров. Число пропавших без вести было установлено по окончании войны, после того как имелась возможность точно выяснить число раненых и нераненых австрийцев, попавших в плен. Уже тот факт, что из 3 265 унтерофицеров и солдат, значившихся пропавшими без вести в списках выбывших из строя под Траутенау, Находом, Скалицем и Зоором, оказалось всего лишь 7 офицеров, опровергает предположение о том, что эта категория принадлежала к убитым. Почти все пропавшие без вести были дезертирами. Во время всей кампании по Богемии, бродило множество дезертиров, как это наблюдалось после Сольферино в Тессинских Альпах. — *Прим. авт.*

пришлось сняться с позиции. В прусской артиллерии в 1866 г. так же, как и в русской в 1854 г., господствовал взгляд, что потеря орудия при каких бы то ни было обстоятельствах позорит артиллерийскую часть. Эта батарея опасалась понести от превосходства австрийской артиллерии слишком крупные потери, вследствие которых она не могла бы уже увезти свои орудия в случае необходимости отступления прусских войск. К тому же прусское командование считало слишком трудным втащить на Паршницкие высоты необходимое число орудий, а между тем и другие могли бы сделать то, что удалось выполнить одной батарее. Таким образом, пехота прусских главных сил, пытавшаяся привести в порядок свои части, пришедшие в расстройство под огнем неприятельских орудий между Альт-Рогницем (Стар. Рогницем) и Гогенбрюком, осталась без артиллерии против постепенно подходивших к Ней-Рогницу (Нов. Рогницу) бригад Габленца.

В главных силах пруссаков не заметили, что к неприятелю подходили все новые и новые войска; там создавалось впечатление, что артиллерийский огонь противника постепенно замирает. Полагали, что, отбросив бригаду Мондля, с боем в сущности покончили. Бонин и давал свои распоряжения, исходя из этого представления. Он дал указания относительно дальнейшего продвижения 1-го корпуса к Пильникау и сказал командиру 1-й гвардейской дивизии, прибывшей к Паршницу, что его часть может спокойно следовать дальше на Эйпель, так как он в ней не нуждается. Это было ошибкой, какую всякий легко мог сделать, но большим промахом надо признать то, что Бонин намеревался двинуться со всем своим корпусом на Пильникау, не заняв предварительно Траутенауского дефиле, т. е. высот к югу от города; главные силы и авангард должны были совершенно очистить высоты, и только небольшой арьергард должен был оставаться в самом городе Траутенау, не имевшем никакого стратегического значения.

И вот после 3-часового затишья, — как раз тогда, когда пошел небольшой дождик и жара несколько спала, — около 3 час. дня артиллерийский огонь по прусским главным силам усилился, и бригада Гривичича внезапно бросилась в атаку на левое крыло пруссаков у Стар. Рогница, под звуки марша Радецкого и при громких криках «эльджен» («ура» — по-венгерски). Немного позже бригада Вимпфена атаковала их правое крыло у Гогенбрюка, так что 9 прусским батальонам, боевой порядок которых сильно расстроился при их наступлении через Паршницкие высоты, пришлось вступить в бой с 14 австрийскими — совершенно свежими и сытыми, ибо накануне для 10-го корпуса был день отдыха, а в день боя часть его выступила в поход только в 10 час. утра. «45-й полк, — так описывает Кюне состояние прусских частей, — провел предшествующую ночь в сторожевом охранении, а 44-й вернулся в лагерь лишь между 10 и 11 час. вечера с диверсии, произведенной в направлении Браунау. После этого оба полка в 3 часа ночи уже находились на сборных пунктах, готовые к выступлению, затем выполнили тяжелый переход по горным дорогам и в заключение из Паршница в самое жаркое время дня карабкались на Паршницкие высоты».

«За все 16 час., проведенных на ногах, они ничего не ели».

Более свежие силы и численное превосходство, а также артиллерия и кавалерия, которыми они располагали, — все это доставило

австрийцам, выступавшим сомкнутыми рядами, как на плацпараде, победу над пришедшими в расстройство пруссаками. Однако, вновь бросается в глаза несоответствие потерь обеих сторон. Победитель потерял более 22%, побежденный — менее 7%. Все потери австрийцев легли целиком на бригаду Гривичича, ибо пруссаки отступили раньше, чем бригада Вимпфена успела вступить в серьезный бой. Полк Айрольди, пополнявшийся из Баната, потерял более трети своего состава. Очевидно, эта часть, состоявшая из румын, южных славян и немцев с небольшой примесью мадьяр, сражалась очень хорошо. Зато стрелковый батальон этой бригады оказался моральным «нетчиком». Хотя он и потерял 203 чел., причем среди них, как и в полку Айрольди, не было ни одного нераненого пленного, но из этих 203 чел., выбывших из строя, 110 были без вести пропавшие, т. е. дезертиры. Округ пополнения этого батальона находился в Моравии и австрийской Силезии, — в областях, относительно лояльных, — но гарнизоном этот батальон стоял в мадьярской части Трансильвании, где научился кричать «эльджен» и проникся изменническим духом.

Как ни велики были недостатки, выявившиеся в австрийской пехоте во время этого боя, тем не менее главные силы пруссаков потерпели поражение. Они, правда, отошли в порядке и подобрали свои ранцы, оставленные у Буденброкского ущелья, но не могло быть и речи о том, чтобы прусские батальоны, вторично взобравшись на высоты, могли вновь броситься в бой. Таким образом, задачи, которые Блюменталь поставил на 27-е число 1-му корпусу,—занять Траутенауское дефиле и двинуться на Пильникау,—едва ли могли быть выполнены.

В то время как с 3 до 5 час. пополудни прусский центр сражался с превосходными силами австрийцев, Бонин весьма естественно делал попытки поддержать его авангардом, который, как мы знаем, утром взял штурмом Иоганнесберг и Гопфенберг, занятые бригадой Мондля. Если бы эти 7 батальонов пришли на помощь 9 батальонам центра и если бы, таким образом, 16 прусских батальонов с 3 батареями, стоявшими на позициях на Гопфенберге, выступили против 14 австрийских, то бой под Траутенау закончился бы победой пруссаков. Но Бонин не понял, что ключ Траутенауского дефиле находился на высотах к югу от города. Поэтому он позволил частям авангарда отойти с Иоганнесберга и Гопфенберга в город, чтобы отдохнуть после напряженной работы этого дня. Здесь войска рассеялись; когда же они при получении печальных известий со стороны высот были вновь собраны, то едва ли можно было от них потребовать, чтобы они вторично взобрались по крутым террасам Иоганнесберга и Гопфенберга, не представлявшим почти никакого прикрытия от неприятельских пуль.

Таким образом, наступавшие через высоты на Траутенау австрийцы, теперь уже в составе всех 4 пехотных бригад 10-го корпуса, натолкнулись лишь на один прусский резерв в составе 5 батальонов. Этой частью руководили так же плохо, как и всем корпусом. Половина стояла на Иоганнесберге, остальные занимали оборонительную позицию у Криблица, отделенные от сражающихся на протяжении 1,5 км трудно проходимой местностью. Этот отряд не мог способствовать благополучному исходу боя; он был предназначен для того, чтобы прикрыть отступление после наперед предусмотренной неудачи; такое расположение игнорировало простейшие основы тактики.

Габленц приказал 7 батальонам бригады Вимпфена атаковать 2½ прусских батальона, стоявших на Иоганнесберге. Наступлению австрийцев предшествовал огонь 36 австрийских орудий, в то время как прусские резервы были лишены поддержки своей артиллерии. Принадлежавшая к резервам батарея не могла проехать по глубокой, пролегавшей в ущелье дороге, а батареи на Гопфенберге и Иоганнесберге, о которых мы упоминали раньше, отъехали назад, ибо мнение корпусного командира о том, что местность, где происходил бой, неудобна для применения артиллерии, морально парализовало этот род войск.

Бригада Вимпфена, один полк которой пополнялся из Падуи, а другой — из Станиславова в Галиции, сражалась не с большим успехом, чем вообще сражалась австрийская пехота против пруссаков в 1866 г. Несмотря на почти тройное численное превосходство и мощную артиллерию, она не могла устоять против одиночного стрелкового огня, беглого огня и залпов горсти прусской пехоты. Позиция последней была чрезвычайно сильной, и австрийцы потеряли во время своей бесплодной атаки 22% своего состава. Итальянцы дрались лучше, чем русины; у первых оказалось 121 чел. без вести пропавших и нераненых пленных, у последних — 303, т. е. свыше 10% их состава.

Снова тучи рассеялись над прусским 1-м корпусом, и на горизонте появился последний шанс на победу. После того как сверх ожидания Вимпфен оказался разбитым, у Габленца оставалась всего лишь одна нетронутая бригада, и он не имел никакого желания вводить ее в бой. По самому виду взятых в плен солдат 1-го корпуса у Габленца создалось впечатление, что австрийское верховное командование составило себе в одном важном пункте неправильное представление о стратегической обстановке: 1-й прусский корпус не уходил из Силезии на соединение с Фридрихом-Карлом, но он вместе с гвардией обрушился на Габленца. Правда, Габленц еще не знал, что на его правом фланге продвигалась вниз по течению р. Аупы неприятельская масса — 1-я гвардейская дивизия, но кто мог предсказать, сколько войск еще может появиться из Эйпельского прохода в 1 миле позади либо в тот же вечер, либо на следующий день поутру? Хотя ему и удалось опрокинуть между Стар.-Рогницем и Гогенбрюком 9 прусских батальонов, но ведь 1-й корпус насчитывал их целых 25 и многочисленную артиллерию, из которой в действие вступило совершенно ничтожное число орудий, хотя бой продолжался уже 8 час. Понятно, что Габленц, видевший все лишь как в тумане, а не с той отчетливостью, с какой мы теперь все обозреваем, не в меньшей мере страшился контратаки с фронта, чем атак, направленных на его правое либо левое крыло со стороны гвардии. Исходя из всех этих соображений, Габленц решил, что, кроме уже отведенной в резерв бригады Мондля, у Ней-Рогница должна была оставаться, не принимая участия в боях, и свежая бригада Кнебеля. Габленц полагал, что не следует вводить в бой с видимым противником более трех четвертей 10-го корпуса, дабы в случае появления невидимого еще врага иметь возможность отразить его хотя бы некоторым количеством свежих войск. Но порыв, с которым он повел свою атаку, до известной степени передался подчиненным ему командирам, и он уже совершенно не держал их в своих руках. Ген.-майор Кнебель на собственную ответственность повел свою бригаду, которая должна была оставаться в резерве, против пруссаков,

занимавших Иоганнесберг. Его батарея присоединилась к тем 5 батареям, которые раньше осыпали пруссаков гранатами. В то же время 3 батальона бригады Гривичича двинулись против 2½ батальонов прусского резерва, занимавших оборонительную позицию у Криблица, и этим стали угрожать левому флангу пруссаков, оборонявших Иоганнесберг. Тут только последние начали отходить, отражая беглым огнем наседавшую на них бригаду Кнебеля. Эта бригада, почти целиком состоявшая из силезцев и жителей Северной Моравии, была единственной почти целиком немецкой частью 10-го корпуса; несмотря на благоприятные для нее условия боя, она все же потеряла до 12% своего состава. Даже из этой бригады выбыл 61 чел., о судьбе которых ничего не было известно до возвращения на родину пленных по окончании войны. Надо полагать, что эти пропавшие без вести солдаты принадлежали к польскому и чешскому меньшинству ее личного состава.

Неудивительно, что один из двух батальонов 43-го полка, выдержавших часовой бой против двух австрийских бригад, потерял до 25%. Ген. Кюне, участвовавший в бою под Траутенау в качестве офицера генерального штаба, полагает следующее: если бы прусская пехота, входившая в состав резерва, была так построена у Криблица, чтобы иметь возможность действовать совместно с пехотой, занимавшей Иоганнесберг, то за поражением Вимпфена несомненно последовало бы поражение и Кнебеля, а если бы пруссаков на Иоганнесберге и не поддерживали их товарищи из-под Криблица, но они имели бы на соседнем Гопфенберге хотя бы несколько батарей, то наступление Кнебеля было бы во всяком случае приостановлено.

Таким образом, этот бой закончился поражением пруссаков. Резервная пехота, стоявшая как на Иоганнесберге, так и у Криблица, очистила высоты. При виде этого то же сделал и центр пруссаков, надев предварительно, как мы говорили выше, свои ранцы, оставленные солдатами в Буденброкском ущелье.

Всеобщее отступление сильно взволновало Бонина, стоявшего на командовавшей местностью возвышенности к северу от Траутенау («Командорской высоте»). С потерей высот к югу от города Траутенауское дефиле оказалось теперь запертым для пруссаков; но этого мало, — Бонин опасался, что его атакуют и в долине, причем не только со стороны высот, но и со стороны Пильникау, где, по донесению его разведчиков, были замечены надвигавшиеся неприятельские колонны. Он уже двинул по дороге на Пильникау корпусную резервную кавалерию, точно не уяснив себе ее назначения: должна ли она просто произвести разведку или же вступить там в бой. Для первой задачи кавалерийская масса в 2 000 сабель была чересчур велика, для второй — без поддержки других родов войск едва ли ее было достаточно. Резервную кавалерию на долгое время задержали внутри Траутенау отходившие обозы. Выбравшись, наконец, из города, она попала под артиллерийский и ружейный огонь, открытый по ней с южных высот, и, не встретив неприятеля, вернулась обратно после этого удара по воздуху.

На высоты Бонин не послал ни кавалерии, ни артиллерии, так как эта местность казалась ему непроходимой для обоих родов войск. Напротив, Габленц пользовался кавалерией в бою против прусского центра. У него имелось только 8 эскадронов, у Бонина—21; последний располагал 16 батареями против 9 австрийских, из которых к тому же

3 — по невыясненной причине — не успели во-время прибыть к месту боя. Но в то время как Габленц энергично пользовался своими вспомогательными родами войск, — особенно артиллерией, — Бонин не сумел этого сделать.

Когда Бонин убедился, что ему не грозит опасность атаки австрийцев со стороны Пильникау, он издал следующие распоряжения: авангард вместе со стоявшими позади батальонами центра, не участвовавшими в бою,— всего 11 батальонов,— должен был сосредоточиться на Командорских высотах; 5 батальонов резерва — между проходами Вольта и Вельгота, а 9 батальонов центра — на Паршницких высотах. Таким образом, 25 батальонов занимали трудно атакуемые позиции, прикрывали проходы пограничных гор, через которые они прибыли, и удерживали также в своих руках дорогу, которая вела вниз по течению Аупы к Эйпелю, следовательно, сохранили связь с гвардией.

4 прусских батальона не принимали участия в бою; большинство батарей не сделало ни одного выстрела, некоторые выпустили от 15 до 27 снарядов, а одна дошла до 75 при запасе в 180 выстрелов на батарею. На всю артиллерию — в составе 16 батарей — только одна лошадь поплатилась жизнью за весь день боя под Траутенау. Также нетронутою осталась кавалерия. В авангарде пехотные части отдыхали в течение нескольких часов. Что касается разбитых частей, то в них сохранилась образцовая дисциплина. Хотя физически они были сильно истощены, но и австрийцам нелегко дались переход и бой при жаре в 27° Реомюра.

Если бы 1-й корпус оставался на хорошей намеченной для него позиции,— с Траутенау и Аупой впереди правого крыла и с Буденброкским ущельем впереди левого крыла,— он мог бы на следующий день совместно с гвардией возобновить бой и уготовить 10-му корпусу ту участь, которой Габленц давно уже страшился. Но для этого требовался бы иной командир, чем Бонин. Подобно тому как у Габленца подчиненные ему начальники в своем стремлении вперед выскользнули из рук, так и Бонин не мог справиться с влечением своих подчиненных к отступлению. К тому времени, когда он в 7 ч. 30 м. вечера издал свой приказ, ген.-лейт. ф.-Клаузевиц, который должен был с центром удерживать Паршницкие высоты, уже отошел к деревне Паршниц. Как перед тем авангард, так теперь центр самовольно покинул высоты.

Даже после того как пруссаки очистили Паршницкие высоты, они могли бы еще, как утверждает Мольтке в своем разборе этого дела, удержаться под Траутенау, хотя южные высоты и господствуют над северными; но Бонин, который сперва не отдавал себе отчета в том значении, какое имело со стратегической точки зрения Траутенауское дефиле, теперь стал переоценивать значение южных высот и окончательно потерял голову. Он решил совершенно отказаться от всей местности, прилегающей к Аупе, как от высот, так и от долины. В то время как войска откатывались к проходам Вольта и Вельгота, 13 эскадронов резервной кавалерии столкнулись с пехотой; горячка отступления охватила войска, и кирасиры потоптали пехоту. Солдаты скоро справились с временным замешательством, но старшие командиры все более и более теряли голову. Хотя через местность между проходами Вольта и Вельгота более крупные массы неприятельских войск не могли бы пройти, но Бонин не подумал о том, чтобы занять эти дефиле и расположиться позади них лагерем на пригодной для обороны позиции.

В свое оправдание он ссылался на то, что его войска чересчур устали. «Чересчур устали для того, чтобы остаться на месте», саркастически замечает Шлиффен.

Действительно, войска ничего так не желали, как лечь там, где они стояли. «Во время отступления, — читаем мы в истории одного полка [1], — еще не доходя до Паршница, можно было видеть, как солдаты падали от истощения сил; ни уговоры и подбадривания, ни падавшие кругом гранаты не могли их заставить двинуться с места; они лежали, словно сраженные параличом».

Эти тысячи измученных людей должны были протискиваться через оба дефиле у Вольта и Вельгота; в темноте ночи роты стояли в ожидании входа. Затем они тащились дальше мимо черно-желтых и черно-белых пограничных столбов через гребень исполинских гор. «Стоило им остановиться, как некоторые из них погружались в глубокий сон, и нелегко было их разбудить. Многие, идя в походных колоннах, спотыкались, так как засыпали на ходу...»

Таким образом, после 6-часового ночного перехода добрались, наконец, до Либау и Шемберга, откуда выступили накануне утром. После 24 час. похода и боя 28-го числа невозможно было заставить людей вновь проделать переход по горам, выполненный ими 27-го, и вторично вступить в бой; войскам надо было дать отдохнуть 28-го. Это в значительной мере расстраивало операционный план Мольтке. По соглашению с Блюменталем, Мольтке распорядился, чтобы армия кронпринца вторглась в Богемию 3 колоннами через 3 прохода, причем каждая из этих колонн обязывалась помогать соседней при выходе из теснин. При выполнении этой опасной операции, требовавшей одновременного выступления всех сил, одна из трех колонн выбыла на 24 часа. Блюменталь метко охарактеризовал положение в памятной записке, представленной им в 1869 г.: «Когда ген. Бонин... доходит до того, что без малейшего повода, не будучи преследуем, отступает сломя голову на много миль назад, то для высшего командования прекращается всякая возможность каких-либо расчетов».

Потери, понесенные 1-м корпусом под Траутенау, не поддаются точному учету, так как многочисленные нераненые пленные, которых взяли, по их уверению, австрийцы, не могли быть ими зарегистрированы: на следующий день 10-й корпус был разбит гвардией в бою под Зоором, почти на том самом месте, где он нанес поражение Бонину, и пленные пруссаки оказались вновь на свободе. Потери пруссаков убитыми и ранеными едва превышали 5%, потери же австрийцев превосходили 20% [2]. Так же, как раньше под Гюнервассером и Подолом, под Траутенау проявилось все огромное превосходство прусской пехоты над австрийской, но тут исход дела уже не зависел от искусной тактики и хорошего вооружения: бой решило умелое руководство войсками.

---

[1] Richard Schmitt, Die Gefechte bei Trautenau, Gotha 1892, стр. 99. — *Прим. авт.*

[2] В сочинении Berndt «Die Zahl im Kriege», составленном по официальным данным, находим следующие цифровые данные о бое у Траутенау. Со стороны австрийцев в бою участвовало 20 900 чел. под начальством ген. Габленца. Общая потеря 4 587 чел., в том числе 1 176 пленных и без вести пропавших. Пруссаков под командой ген. Бонина было 32 000 чел., причем, проиграв бой, они потеряли всего 1 338 чел.

Несоразмерно большие потери австрийцев как в этом, так и во всех других боях, объясняются, с одной стороны, их ударной тактикой, а с другой — огромным превосходством прусского игольчатого ружья.

На следующий день после победоносного для прусской гвардии боя под Зоором Бонин явился к прибывшему в Траутенау кронпринцу. «Генерал Бонин, — обратился к нему кронпринц, — я нашел гвардейский корпус там, где надеялся встретить 1-й армейский корпус». — 1-й армейский корпус удрал, — был ответ Бонина.

Кронпринц пропустил мимо себя восточно-прусские полки, сказал несколько ласковых слов солдатам и похвалил их за проявленную храбрость. Обратившись к Бонину, он ему сказал, что не понимает, как он не пробился вперед с такими войсками. Затем последовало еще несколько резких замечаний. На это Бонин ответил: «Ваше высочество! После таких упреков мне, пожалуй, не остается ничего другого, как потребовать, чтобы надо мной было назначено следствие!» — Благодарите бога, — ответил кронпринц, — если я не предам вас военному суду.

НАХОД

Австрийское высшее командование указало Габленцу стать с главными силами 10-го корпуса у Траутенау, но в то же время выдвинуть авангард к теснинам Паршница и т. д. Если бы хватило времени для выполнения этой инструкции, указанная 1-му корпусу дорога оказалась бы преграждённой. Трудно сказать, как в таком случае развернулись бы события.

Как 10-й корпус под Траутенау, так и 6-й корпус должен был занять позицию у Скалица, тоже выдвинув вперед авангард. Пунктом, где австрийский авангард мог преградить прусскому 5-му (познанскому) корпусу выход из гор, было Високовское плато и Венцельсберг (Вацлавова гора). Корпусу фельдм.-лейт. Рамминга не пришлось преодолевать те продовольственные затруднения, какие задержали корпус Габленца. Но приказ о выступлении он получил лишь рано утром 27-го числа, так как для доставки этого приказа из Иозефштадта в главную квартиру Рамминга, Опочно, на расстояние 2 миль (около 14 км) потребовалось 4½ часа. Кроме того, вследствие неумелых распоряжений корпусного штаба произошло скрещение между бригадой Гертвека, направленной на Венцельсберг и Високово, и главными силами, двигавшимися на Скалиц. Кроме того, когда ген.-майор Гертвек, продвигаясь вдоль шоссе Нейштадт—Находд, заметил впереди Находа пруссаков, он потерял много времени на бесполезное обходное движение влево, чтобы построить боевой порядок для наступления со стороны деревень Шонова и Проводова. По его словам, он заметил, что неприятель был повернут фронтом к югу, и надеялся взять его во фланг. Вернее, надо полагать, он произвел это обходное движение из-за неуместной осторожности: для поддержания связи с главными силами, которые, будучи со своей стороны осведомлены о приближении прусских масс, двигались по скалиц-находскому шоссе. Гертвеку надлежало предоставить этим войскам фланговую атаку неприятеля, а самому держаться указанного ему направления. Наконец, его методическое развертывание, хотя и было принципиально правильным, однако, не отвечало данной обстановке, требовавшей исключительной поспешности, ибо авангард Штейнмеца, не обращая внимания на непроходимость местности, бросился очертя голову через камни и рытвины на Високов и Венцельсберг, дабы овладеть позициями, которые имели значение не меньшее, чем южные высоты у Траутенау.

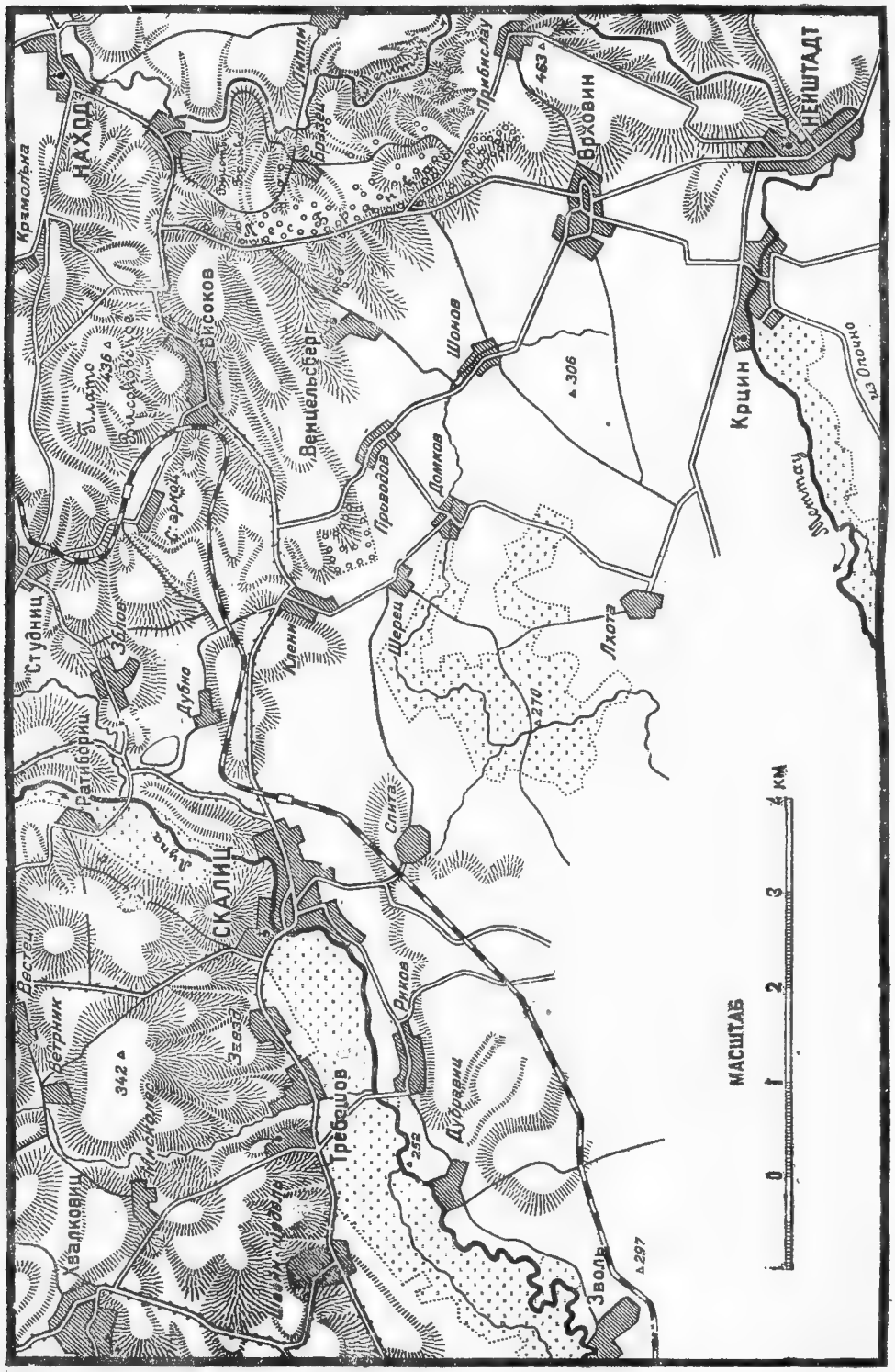


Схема 19. Район действий под Скалицем и Находом.

Прусский авангард, состоявший из 6½ батальонов и соответствующего числа вспомогательных родов войск, еще не весь прибыл на место, так что командовавший им ген.-майор ф.-Лёвенфельд мог пока противопоставить 7 батальонам Гертвека только 4 батальона, когда противники натолкнулись друг на друга в 8 ч. 45 м. под Венцельсбергом. Один из австрийских батальонов попытался обойти левый фланг пруссаков. Австрийцы редко выполняли подобные маневры, считая их чересчур сложными для их пехоты; однако, с тех пор как существует военная история, эти маневры надо было уметь выполнять, чтобы одерживать победы. Присутствие одного этого батальона на фланге было так чувствительно для прусского авангарда, что Лёвенфельд перебросил влево половину своих сил, чтобы сдержать этот батальон. Вообще он настолько ощущал нажим превосходных сил противника, что просил Штейнмеца разрешить ему отступить с Венцельсбергского плато. Однако, последний посоветовал Лёвенфельду сдать командование следующему по старшинству офицеру, если он не чувствует себя в силах удержать занятую им позицию.

Таким образом, завязался бой между Лёвенфельдом и Гертвеком. Последний, развернув жидкую стрелковую цепь и произведя недостаточную огневую подготовку, повел в атаку 4 батальона своей 1-й линии, построенные дивизионными колоннами. «Хотя разделение батальонов на дивизионы, — говорит ген. Кюне, — облегчало движение частей и несколько уменьшало их потери, но тактическая организация австрийской пехоты все же оставалась неповоротливой: то было лишь изменением формы, но дух оставался прежним».

Располагая двойным превосходством сил, австрийцы могли бы оказать совсем иное действие на оба фланга противника, а не ограничиться выделением одного этого батальона. Вместо этого они повели прямую фронтальную атаку точно так же, как и пехота Вимпфена под Сольферино. Глубокую промоину, расстроившую их ряды, они оценили лишь как препятствие, но не как прикрытие, при помощи которого они могли бы незаметно продвинуться пруссакам во фланг. Правда, для такого маневра следовало бы иметь во главе дивизионов таких офицеров, которые в мирное время были бы приучены действовать самостоятельно. Но в Вене совсем не желали того, чтобы младшие офицеры отличались инициативой; и без того национальная и социальная рознь между ними и штаб-офицерами ощущалась достаточно мучительно.

Пруссаки стояли на гребне возвышенности. Без единого выстрела они подпустили австрийцев на 100 шагов; лишь тогда их тонкие линии, допускавшие возможность пустить в ход каждое ружье, дали несколько последовательных залпов. С точным соблюдением прусского учебного устава 1861 г. 2 прусских батальона благодаря скорострельности игольчатых ружей развили силу огня 6 батальонов.

Австрийцы остановились и стали отходить назад, подвергаясь во время отступления всей силе беглого огня. После этого первого неудачного опыта они не решились 2-й линией возобновлять свою атаку по правилам ударной тактики. Они завязали огневой бой, но без всякого успеха, ибо не были ему обучены. Ничего не мог добиться и тот батальон, который угрожал левому флангу пруссаков; только 2 батальона достигли некоторого успеха, так как силы Лёвенфельда были недостаточны для того, чтобы занять деревню Венцельсберг,

в которой эти 2 австрийских батальона и засели на середине склона возвышенности. Остальные части бригады Гертвека отошли в 10 ч. 30 м. утра к Шонову. Эта бригада состояла из одного польского и одного румыно-русинского полка из Буковины. Несмотря на сравнительно небольшие потери, бригада ощущала свое полное поражение.

В это время к месту боя подошел и Рамминг. Он решил продолжать бой, пустив в дело все свои силы. На фронте появился и Штейнмец. Он хотел во что бы то ни стало овладеть местностью у Високова и Венцельсберга, от обладания которой зависела для пруссаков возможность выйти из горного прохода и которая была назначена целью их дневного перехода. На следующий день Штейнмецу предстояло пойти дальше к Эльбе, у которой должны были собраться все корпуса 2-й армии, выйдя из соответственных горных проходов.

Для обороны выхода из гор, уже занятого авангардом, Штейнмец крайне нуждался в артиллерии. У всех корпусов, которым пришлось продвигаться через горные проходы, артиллерия была размещена далеко позади. Штейнмец, лично входивший во все подробности, приказал вывести из гор артиллерию, невзирая на то, что это могло задержать продвижение пехоты, и без того сильно замедлившееся жарой и условиями местности. Австрийцы разрушили мост через р. Меттау. Прусские саперы его восстановили, но и двумя наскоро построенными временными мостами можно было пользоваться лишь с большой осторожностью. Хотя головные части главных сил пруссаков приближались к месту боя, но еще должны были пройти долгие часы, пока и центр, и арьергард всеми силами вступят в дело. Между тем у Рамминга весь его корпус находился под рукою. В 11 час. утра он двинул против прусского авангарда 2 свежих бригады. Пруссаки, численностью в 5 батальонов, стояли теперь у Венцельсберга и на юго-восток от него; таким образом, около 5 000 чел. растянулись на линии в 3 000 шагов, имея почти по 2 чел. на каждый шаг. К 14 свежим австрийским батальонам присоединились 2 батальона бригады Гертвека, удержавшихся в Венцельсберге, так что 16 австрийских батальонов повели атаку против 5 прусских. Тем не менее австрийцам не пришло в голову охватить фланги пруссаков, а бригады Ионака и Розенцвейга повели прямо фронтальную атаку по тому самому пространству, по которому перед этим отступил Гертвек, а слева — по направлению к роще. Когда последняя была эвакуирована прусским авангардом, который не мог здесь удержаться против значительного превосходства сил, в ней столпилось такое множество захвативших ее австрийцев, что они мешали друг другу при дальнейшем наступлении. Если бы бригада Розенцвейга, вместо того чтобы следовать этой первобытной тактике, повернула на Високов против правого крыла противника, она не встретила бы там пруссаков, кроме 6-го батальона, построившегося позади села. Штейнмец не располагал достаточными силами, чтобы занять это село; по той же причине не мог он занять и Венцельсберг. Если бы ген.-майор Розенцвейг захватил своими во много раз превосходившими противника силами Високов, австрийская артиллерия могла бы обстреливать оттуда прусские главные силы, по мере того как они дебушировали из Находа; да и вообще Високов и расположенное к северу от него Високовское плато принадлежали к числу важнейших пунктов, представляя как бы ключи к выходу из Наход-

ского дефиле. Австрийцы располагали достаточными силами, чтобы занять все это пространство почти без боя и тем самым лишить возможности пруссаков, отошедших от Венцельсберга за Бранку, удерживать свою позицию.

Но Рамминг не сумел произвести такой тактический маневр. Убедившись, что Бранкские высоты ему не взять простой лобовой атакой, он решил прекратить бой. К тому же и несколько туманная инструкция, полученная им, не предписывала ему во что бы то ни стало преградить неприятелю выход из горного прохода, а предлагала лишь энергично его атаковать. Это он и выполнил. Его пехота, не обращая внимания на расстройство рядов, преследовала на расстоянии 1 000 шагов пруссаков, которые, поддерживая вялую перестрелку, отходили от Венцельсберга за Бранку. Его резервная артиллерия, прибывшая теперь на место и занявшая 40 орудиями позицию у Клени, осыпала таким градом снарядов отдельные прусские батареи, по мере того как они дебушировали из прохода, что три из них были выведены из строя.

«... После 3-часового горячего боя, — писал в 12 ч. 30 м. Рамминг Бенедеку в Иозефштадт, — войска 6-го корпуса одержали полную победу на всех пунктах... По моим расчетам, неприятель развернул целый корпус» (на самом деле — всего лишь 6 батальонов). «Повидимому, мы одержали решительную победу». «Потери наши значительны, но я еще не могу их точно определить. Мои войска... держали себя превосходно... но они совершенно истощены, так что я не мог бы завтра возобновить бой. С наступлением ночи я отведу войска на позицию у Скалица... Если мне надо будет удерживать на более продолжительное время позицию у Скалица, то прошу прислать подкрепления или сменить мои части свежими войсками...»

Итак, Рамминг намеревался предоставить Штейнмецу свободный выход из гор. Но оторваться от противника бывает не так-то легко. Полк кронпринца прусского из бригады Ионака, состоявший из поляков, бросился вперед с частью бригады Розенцвейга и обоими батальонами Гертвека. Огонь игольчатых ружей прусского авангарда отразил с большими потерями эти массы. В довершение их разгрома во фланг отступавшим австрийцам ударили прусские драгуны, которые, отхлынув в беспорядке после боя с австрийской конницей, были снова собраны и построены самим Штейнмецом. Драгуны заставили австрийскую пехоту остановиться и построиться, вследствие чего она превратилась в мишень для стрелков прусского авангарда.

Прусский кронпринц, присутствовавший во время боя, разыскал командира подшефного ему австрийского полка, полк. графа Вимпфена, взятого в плен и истекавшего кровью от тяжелых ран, в то время как ему у садовой решетки делали первую перевязку. Глубоко взволнованный кронпринц, увидев умиравшего командира полка, распорядился, чтобы за ним был организован особо внимательный уход в замке Находе. Фридъюнг передает, со слов прусского врача, о последних днях жизни Вимпфена: «Он переносил свои физические страдания со стоической твердостью, но душевные страдания его были ужасны, так как он опасался, что на него может быть возложена ответственность за атаку. Он призвал к своей постели раненых офицеров своего полка и велел им подписать протокол о том, что лично он не давал приказания об атаке, но что полк самопроизвольно бросился вперед. Перед лицом смерти он хотел себя обелить от всяких нареканий...»

Мы знаем, что недостаточность боевой дисциплины у австрийцев глубоко коренилась в организации и войска и государства; однако, в этот жаркий день боролись между собою не только два государственных строя, но и живые люди, причем в данном случае решающее значение имело не поддающееся учету субъективное начало. Штейнмец приобрел в этот день историческое прозвище «Находского льва». Только подбадривание и брань из уст старика, строгого и к себе и к другим, дали авангардной бригаде пруссаков силы выдержать все эти бешеные атаки трех неприятельских бригад. Тем временем обочины шоссе позади Находа были полны изнемогавшими солдатами прусского центра, спешившими форсированным маршем к месту боя. Наконец, к полудню подошла первая его бригада. Командовавший центром ген.-лейт. ф.-Кирхбах отказался от систематического развертывания своих войск, так как место, где им пришлось бы развернуться, находилось под огнем тех грозных батарей, которые австрийская корпусная резервная артиллерия выставила у Клени. По мере того как полубатальоны подходили к месту боя, их поодиночке вели против сильной австрийской оборонительной позиции на Венцельсбергском плато, каждый — к тому пункту, где требовались свежие силы. В этой сумятице ярко выявилось все превосходство подготовки прусских войск.

Их самые мелкие тактические единицы — ротные колонны — крепко держались вместе и с уверенностью передвигались по трудно проходимой местности, каких бы эволюций от них ни требовали для того, чтобы зайти противнику в тыл и во фланг. Между тем австрийские дивизионы и тут оказались такими же неповоротливыми и беспомощными, как и под Сольферино, — тем более, что наступление на расстоянии 1 000 шагов под огнем противника превратило их в бесформенную массу.

Чтобы задержать наступление пруссаков, австрийцы ввели в дело на западной опушке рощи еще одну часть свежей бригады Вальдштетена, но безуспешно: 5 свежих батальонов Кирхбаха отбили у 16 потрепанных в бою и 2 свежих батальонов противника все захваченные им перед тем пункты Находского предгорья. Для последней операции австрийцев против Високова Рамминг пустил в дело большую часть бригады Вальдштеттена и один кирасирский полк. Сомнительно, чтобы Рамминг в данном случае имел намерение охватить противника; ведь он уже давно задумал отступить. Вернее всего, австрийцы лишь потому инстинктивно растянулись влево, что на пространстве, на котором дрались бригады Ионака и Розенцвейга, не было места для третьей бригады. Вследствие недостатка места и эти две бригады перемешались между собой в роще.

Во всяком случае, чтобы взять Високов, было уже слишком поздно. К тому времени из горного прохода уже успел выступить весь прусский центр, а также и полк, составлявший резерв. Наконец, Штейнмецу удалось вывезти и свою артиллерию. К 3 час. дня частью на возвышенности Венцельсберга, частью севернее от Високова, все батареи 5-го корпуса открыли уже сильный огонь. То, что прусской артиллерии все-таки удалось в конце концов выехать на позиции, оказалось возможным лишь благодаря разделению австрийского корпусного артиллерийского резерва. Дело в том, что большая его часть отъехала на высоты к северу от Високова, чтобы поддержать атаку Вальдштеттена.

Это открыло дорогу для прусской артиллерии. В первые фазы боя Штейнмец не располагал достаточными силами, для того чтобы занять Височков. Лишь по прибытии главных сил и резерва, на него постепенно было брошено 6 батальонов. Понятно, что 4 батальона ген.-майора Вальдштеттена не могли отбить у них этого села. Тем временем бригады Ионака и Розенцвейга отступили в ту местность между Шоновым и Проводовым, где строилась к бою австрийская пехота и где теперь бригада Гертвека уже несколько часов стояла без дела.

Было еще только 3 ч. 30 м. дня. Рамминг не мог ожидать наступления ночи, так как он уже израсходовал свой последний резерв пехоты. Хотя в таком же положении находился и Штейнмец, но у пруссаков 6 батальонов подвергались только артиллерийскому огню, ружейного же огня их противник не применил. Тем не менее австрийцам нечего было опасаться, что их будут беспокоить во время отступления. Пруссаки их не преследовали, так как они были слишком утомлены, да и стратегическая задача их была выполнена.

22 прусских батальона разбили 28 австрийских, хотя последние могли опираться на 88 нарезных орудий, в то время как одна треть из 90 прусских орудий были гладкоствольные. Из значительных потерь, понесенных австрийцами, — 20% всего их состава, — опять-таки одна треть приходилась на нераненых пленных. Потери пруссаков не превосходили 4% [1].

Под Находом произошло то же, что и под Траутенау. Решающим моментом были в конечном счете не тактика и не вооружение, а умелое руководство. В 1859 г. Рамминг сыграл сомнительную роль в качестве командира бригады и помощника начальника штаба. После Мадженты он выдвинул парадоксальный тезис, будто победу одержали австрийцы. Не лишенный крупных умственных дарований, он был главным виновником неповиновения тех генералов, которые хотели принудить Гиулая дать с 7½ корпусами новое сражение 8 французским, хотя в это время подходили 2 свежих австрийских корпуса, между тем как противник не мог ожидать подкреплений. При помощи безудержной критики Рамминг прокладывал себе в то время дорогу к оперативным постам в верховном командовании армии. Когда же ему пришлось показать себя на деле, он спасовал до, во время и после Сольферино, так что эрцгерцог Альбрехт написал на полях его талантливой с литературной точки зрения оправдательной записки: «Si tacuisses, philosophus mansisses» («Если бы ты промолчал, ты сохранил бы за собой славу мудреца»).

После 1859 г. Бенедек руками и ногами отбивался от предполагавшегося назначения Раммингa начальником генерального штаба. Рамминг, по его словам, мог только бойко и учено разглагольствовать о стратегических вопросах, но не действовать практически. Да и в области тактики цена ему — грош. Под Мадженто́й (где бригада Раммингa стояла на левом фланге, сражавшемся не без успеха) он, говорят, вдруг ускакал в тыл и, размахивая саблей, кричал: «Мои войска разгромлены!».

Корпус Бенедека под Мадженто́й стоял на другом фланге. Возможно, что то была лишь сплетня, передававшаяся дальше без проверки. Несмотря на свои недостатки, Рамминг отнюдь не был полным ничтожеством; во всяком случае он на две головы стоял выше Бонина

[1] Австрийцы потеряли: около 7 500 чел., в том числе до 2 500 пленных, 2 знамени и 7 орудий; пруссаки — около 1 300 чел.

Он бросил с полной решительностью на Штейнмеца весь свой корпус до последней бригады. После поражения он не отступил, подобно Бонину, в безбрежное пространство, но занял позицию по эту сторону Скалицского дефиле, мужественно выполняя полученное им указание из Иозефштадта, где хотели сохранить за собою возможность возобновить на другой день бой против Штейнмеца. Единственный укор, который историческая критика может ему сделать по поводу боя под Находом, это то, что он не был настолько крупной личностью, чтобы австрийская пехота под его начальством преодолела присущую ей неповоротливость. В 11 час. у Рамминга был 14 свежих батальонов против 5 прусских, сильно потрепанных в бою. Очень крупному военачальнику удалось бы увлечь их в охватывающее наступление на Високов, которое отбросило бы Штейнмеца.

Штейнмец был менее одарен в умственном отношении, чем Рамминг, но он был в полном смысле слова волевой натурой. В общем он являлся типичным представителем потсдамского склада ума не только как консервативный службист, но и как противник либеральных воззрений на явления потустороннего мира. Подобно Жанне д'Арк, он был духовидцем. Будучи ген.-майором, он сообщал на 15 печатных страницах своему приятелю,— повидимому, лицу духовного звания,— о своих переживаниях в области общения с духами. Его биограф называет эту его записку «подлинным документом, характеризующим психическую жизнь генерала». Написанная полгода спустя после смерти его дочери, она содержит между прочим следующее признание:

«Я думаю, что вы меня знаете как вполне трезвого человека,— человека, хотя и не лишенного фантазии, но обладающего критическим умом и действующего, безусловно, под его влиянием, а не по внушению одного лишь чувства; впрочем и чувство во мне более развито, чем то может предполагать большинство людей... Наша квартира расположена так, что я живу и сплю в нижнем этаже, а моя жена в бельэтаже... И вот однажды, когда во время вечерней молитвы я вспомнил о своей дорогой девочке, я увидал, как она в белой ночной одежде, поднявшись от пола туманным призраком, приблизилась ко мне и, обняв мои ноги, склонилась головкой к моей левой ноге, причем я ясно ощутил теплоту ее прикосновения... Когда на следующий день я закрывал обеими руками мои глаза, то мне ясно представлялась головка моей усопшей дорогой малютки... Она глядела на меня своими прелестными чистыми глазами, как живая... То же бывало со мною, когда я глядел на вязаное из разноцветной шерсти одеяло, которым я кутал ноги моей любимой дочки, в то время как она, обливаясь предсмертным потом, боролась со смертью, и под которым она и умерла... В этом общении с моей голубкой было что-то невыразимо отрадное...

«Жена моя ничего подобного не переживала и часто этим огорчалась...

«Другие явления мне пришлось испытать в своей постели... Однажды я увидел группу трех фигур, как бы изваянную из чудного каррарского мрамора. Первая моя мысль была: это — три моих ребенка [1]; все время державшаяся позади и словно подводившая ко мне двух других была столь любящая Зельма...

---

[1] Двое из них умерли уже раньше.— *Прим. авт.*

«Когда же я начал пристальнее в них всматриваться, — чего, как я неоднократно замечал, духи вообще не любят, — группа стала все больше и больше удаляться...

«Поэтому меня не удивляет, что люди, узнавшие кое-что о моих переживаниях... стали очень беспокоиться о моем здоровье... Дело дошло до того, что на меня стали смотреть как на человека, страдающего некоторым психическим расстройством, если не хуже.

«Я вам уже говорил, что мне приходилось переживать и отвратительные видения. То были какие-то существа, напоминавшие обезьян и молюсков... которые, когда я их впервые увидал, идя в свою спальню, ...заставили меня содрогаться. Далее, уже в кровати я видел безобразные признаки, — например, мерзкие чудовища, — а однажды вечером, едва я успел лечь, как мне привиделся прокаженный, который придвигал свою отвратительную голову вдоль простыни к моему лицу. Я с полным самообладанием остался лежать неподвижно, и только в то мгновение, когда ужасный призрак готов был прикоснуться к моему лицу, я сказал про себя: «Пусть будет так, если на то божья воля!» Тут призрак остановился на расстоянии от меня не более соломинки...

«До сих пор... мне приходилось встречаться лишь с безмолвными призраками... На этот раз мне привиделось молодое существо — не то юноша, не то девушка — скромной, довольно привлекательной наружности, но, повидимому, невысокого звания, во всяком случае не из идеального мира, с длинными, прямо свисавшими волосами, какие носят дети простолюдинов. Оно обратилось ко мне с одной лишь знаменательной фразой: «Еще две четверти года, и ты умрешь...».

Это пророчество Штейнмец услышал, по его словам, в 1855 г. В 1872 г. он писал автору «Нарцисса» Брахфогелю:

«...В то время, когда меня должна была постигнуть катастрофа, я был комендантом Магдебурга. Жена моя не подозревала о том, что меня ожидало: я с нею об этом не говорил... Поэтому я не возражал против ее поездки в Берлин... так что в роковой день я остался совсем один в своем доме. Пульс мой бился спокойно, как во всякое другое время, но я счел своей обязанностью избегать всего того, что могло бы подвергнуть опасности мою жизнь и послужить подтверждением суеверия. Поэтому целый день я не выходил из дома и даже отменил свою обычную верховую прогулку, ожидая покорно, не призовет ли меня к себе господь. Он этого не сделал; с тех пор прошло 17 лет, а все же я и по сей день готов утверждать, что возвещенное мне пророчество о моей смерти не было плодом иллюзии» [1].

---

[1] Приведенные автором сведения о тяжелом душевном состоянии Штейнмеца, вызванном потерей трех нежно любимых детей, относились к отдаленному прошлому и не повлияли на его действия в войну 1866 г. Очевидец последних — Драгомиров — дает о Штейнмеце такой отзыв: «В 70 лет сохранился так, как немногие сохраняются и до 50-летнего возраста. В полном цвете сил и здоровья, седой, как лунь, ген. Штейнмец отличается невероятной деятельностью, исключительной энергией и настойчивостью характера».

Интересуясь вопросом, можно ли сменять части, введеные в бой, Драгомиров спросил об этом «Штейнмеца, «Как сменять?» — был ответ, сделанный таким тоном, как будто я сказал что-нибудь на неизвестном языке. «Нет, часть, раз попавшая в огонь, должна оставаться до конца дела». Это было высказано с таким убеждением, тоном непоколебимым и спокойным, что перед нами вставал разом человек, который способен вытянуть у себя подобного все усилия ума, воли, физики, чтобы добиться успеха».

Мы видим, что человек этот обладал непоколебимой верой. Остановившись на мгновение на смутных движениях души героя, мы — люди трезвого, холодного рассудка — лишь расширим наш кругозор. Без подвигов этого мистика-дворянина, о которых нам еще предстоит поговорить, объединение Германии или вовсе не осуществилось бы, или совершилось бы в иных формах [1].

Глава III

Стратегическое соединение прусских армий (Бои под Скалицем, Зоором и Гичином)

Крисманич приостановил поход к Изеру, дабы сперва удостовериться, насколько глубоко продвинулись неприятельские силы в Среднюю Силезию. Впрочем армия могла сосредоточиться у Гориц — Милетина лишь 29-го. 30-го ей предстояло двинуться дальше к Гичину и Изеру. Но вот Крисманич получает 27-го в Иозефштадте известие, что неподалеку, под Находом, разыгрался довольно серьезный бой, и он принимает меры на тот случай, если первое серьезное сражение в эту кампанию придется дать не армии принца Фридриха-Карла, а армии кронпринца. Он приказал 8-му корпусу, приближавшемуся к Иозефштадту, итти не к этому городу, а стать позади 6-го корпуса. 4-й корпус, расположившийся было уже вблизи Милетина, получил приказ готовиться отойти в направлении места боя под Находом. Бенедек в этот день лежал больной в постели; Крисманич же вместо того, чтобы проехать верхом из Иозефштадта в Наход, спокойно пообедал и лег отдохнуть. Он упорно держался того взгляда, что все операции против 2-й прусской армии имеют лишь второстепенное значение, хотя им и были приняты известные меры на случай, если события примут иной оборот. Получив противоречивое донесение Раммминга о якобы одержанной 6-м корпусом победе, о вынужденном его отступлении к Скалицу и о том, что если он должен удерживать эту позицию более продолжительное время, то необходимо либо прислать ему подкрепления, либо его сменить, Крисманич приказал 8-му корпусу в случае нужды стать впереди 6-го. Когда же Раммминг сознался в своем поражении, добавляя, что его войска едва ли выдержат на следующий день атаку неприятеля, к Скалицу подтянули ночным переходом и 4-й корпус.

Таким образом, утром 28-го здесь должны были сосредоточиться три австрийских корпуса и одна кавалерийская дивизия. Однако, Крисманич вовсе не намеревался атаковать 5-й и 6-й корпуса, а также прусскую гвардию, присутствие которой здесь он подозревал. В случае, если бы неприятель 28-го не повел наступления у Скалица, Крисманич

[1] Автор вообще не соблюдающий меры в своих сужлениях, перешел здесь, в оценке роли Штейнмеца, все границы. В 6-м томе, при описании франко-прусской войны, он впадает в другую крайность.

предполагал в тот же день отправить 6-й и 8-й корпуса к Гичину (схема 17); один лишь 4-й корпус должен был остаться на месте. Но так как и победитель под Траутенау получил приказ итти через Кейле-Праусниц на Скалиц, то здесь должны были оставаться 2 австрийских корпуса против 3 прусских, стоявших, по предположению Крисманича, под Находом. Габленцу пришлось принять командование над обоими корпусами и медленно отходить к Иозефштадту. Теперь Крисманичу было известно, что 1-й прусский корпус шел не на соединение с армией Фридриха-Карла, а пытался проникнуть в Богемию через Траутенауский проход, но потерпел при этом поражение. Крисманич надеялся, что он может его игнорировать до тех пор, пока ему не удастся справиться с 1-й армией неприятеля. Он расценивал ее силы в 4 корпуса вместо 4½, которые в действительности в нее входили. Главные силы австрийцев после присоединения к ним Клам-Галласа и кронпринца саксонского должны были насчитывать 6 корпусов. Таким образом, Крисманич считал, что козыри у него на руках.

Утром 28 июня Бенедек отправился с Крисманичем и Геникштейном в Скалиц, где 8-й, 6-й и 4-й корпуса стояли один за другим, растянувшись на 1 милю в глубину. Головным был 8-й корпус; Рамминг просил его командира, эрцгерцога Леопольда, немедленно его сменить. Бенедек, прежнее недоверие которого к тактике австрийской пехоты еще более усилилось в результате опыта боя под Находом, сказал командиру 4-го корпуса, ген.-фельдцейгмейстеру графу Фестетичу: «В случае, если дело дойдет до боя... вывези сразу всю свою артиллерию вперед против атакующих пруссаков. Необходимо с самого начала расстроить их колонны сосредоточенным артиллерийским огнем». Когда Бенедек прибыл к месту стоянки 8-го корпуса, у него сложилось впечатление, что неприятель не имеет намерения перейти в наступление: здесь, по словам Бенедека, и не должно было дойти до боя, ибо у него иные планы, и он хочет остаться при ранее принятом им решении. После этого он в 11 час. отдал приказ о немедленном выступлении 6-го и 8-го корпусов к Гичину.

Бенедек знал, что ему уже не удастся дойти до Изера, ибо тем временем было получено донесение, что дольше удерживать линию реки невозможно, а потому он дал свое согласие на отступление австро-саксонских войск к Гичину.

В то время как Бенедек руководил отходом от Скалица на Гичин 6-го и 8-го корпусов, на Изере заканчивался арьергардный бой 1-го австрийского корпуса под Мюнхенгрецем. Бой этот возник после того, как Фридрих-Карл сосредоточил, наконец, свои войска и перешел в наступление. Пруссаки потеряли под Мюнхенгрецем 341 чел., австрийцы же — 1 600, следовательно, и здесь мы видим прежнюю картину. Бригада Лейнингена состояла из одного полка, пополнявшегося из округа Арад, населенного сербами, немцами и венгерцами, и одного полка, набранного в Венецианской области. Оба полка понесли приблизительно одинаковые потери, но в венгерском полку оказалось только 84 нераненых пленных и пропавших без вести, а в итальянском их было 403. Во всем 1-м корпусе, поскольку он принял участие в бою под Мюнхенгрецем, потери убитыми и ранеными составляли гораздо менее половины всех понесенных им потерь.

Было ли проблеском искры стратегического гения то обстоятельство, что Бенедек и Крисманич решили дать сражение принцу Фридриху-Карлу под Гичином?

То, что австрийское верховное командование не желало приступать к решительным действиям в Силезии, пока оно не убедилось, что здесь наступает второй неприятельский фронт, было в порядке вещей. Теперь, однако, и Бенедек и Крисманич знали, что из силезских горных проходов дебушпрует целая неприятельская армия. Бесспорно, Бенедек допустил крупную ошибку, не сказав тогда Крисманичу: «Hic Rhodus, hic salta» («Вот Родос, здесь и скачи!»). Бенедек не хотел давать сражение под Скалицем потому, что в гористой местности все недостатки австрийской пехоты должны были сказаться с особой силой. Но, с другой стороны, горы замедляли и сосредоточение прусских сил для одной крупной операции. Бенедек полагал, что под Находом пробились через горы 3 неприятельских корпуса. На самом деле Штейнмец подтянул к себе только одну бригаду 6-го корпуса; остальные части не могли подойти к нему в этот день и прибыли на место только к вечеру 29-го. Мы еще увидим, сколько времени и труда пришлось потратить гвардии на то, чтобы выбраться из горных проходов. Бенедек должен был иметь в виду, что тяжелые условия местности представляли невыгоды не для одних только австрийцев, но также и для пруссаков.

В данный момент против 5 бригад Штейнмеца в его распоряжении имелось 11. Но кроме 8-го, 6-го и 4-го корпусов 28-го числа Бенедек мог бросить на войска Штейнмеца еще и 2-й корпус: выступив из Опочны, он в этот день приближался к Скалицу. Тогда у австрийцев оказалось бы 15 бригад против 5. Правда, давая сражение под Скалицем, Бенедек должен был бы отказаться от составленного им плана кампании. Но такая эластичность вознаградилась бы лишь в том случае, если бы Бенедек мыслил так же, как Мольтке, который писал Фридриху-Карлу: «...хотя направление на Гичин и является правильным, но действительный успех оправдывает уклонение от него, лишь бы такое уклонение не оказалось ударом по воздуху. Перед лицом действительной тактической победы должны исчезнуть всякие стратегические соображения».

Даже допуская маловероятный случай, что австрийцам пришлось бы иметь дело под Скалицем с тремя прусскими корпусами сразу, Бенедеку не следовало уклоняться от решительного сражения в этом месте. Сражение это могло продолжиться даже больше одного дня, а 29 июня он мог рассчитывать на присоединение к остальной массе войск еще и 3-го корпуса, который уже подошел к Милетину. Тогда, вместе с находившимися тут же под рукой войсками Габленца у него было бы 6 корпусов против, самое большее, 4. Это представляло более благоприятное соотношение сил, чем то, на какое он мог рассчитывать у Гичина. А сражение с нерешительным исходом представляло бы решительный политический успех [1].

Мольтке выносит приговор над таким упорным нежеланием уклониться от заранее составленного плана в следующих словах: «Самообманом явилось бы представление, будто возможно заранее составить и довести до конца план кампании. Первое столкновение с главными силами противника создает, в зависимости от его исхода, новое положение вещей. Многое оказывается невыполнимым из того, что было намечено; другое, чего раньше нельзя было ожидать, оказывается возможным. Правильно охватить изменившиеся обстоятельства, наметить

[1] См. стр. 311. — *Прим. авт.*

сообразно с ними на ближайшее будущее наиболее целесообразное решение и смело приводить намеченное в исполнение — вот все, что может сделать командование».

За то, что Бенедек не сумел стать на такую точку зрения, он получил немедленно же под Скалицем жестокий удар в затылок.

СКАЛИЦ

В лагере пруссаков Штейнмец знал, что к австрийцам подошли подкрепления, но и он подтянул к себе одну бригаду 6-го корпуса, а кроме того Блюменталь обещал направить к нему 1-ю гвардейскую дивизию, которая, собственно, в этот день должна была итти из Костелиц на Эйпель. Еще с полудня предшествующего дня ее поджидала в Эйпеле 2-я гвардейская дивизия, пришедшая туда вниз по течению Аупы через Паршниц.

Вместе со 2-й гвардейской дивизией и бригадой 6-го корпуса Штейнмец располагал почти 2 корпусами. С этими силами он решил повести атаку, чтобы пробиться до того пункта, который ему был указан на этот день: до Градлица на дороге в Гичин.

Согласно выработанному Штейнмецем плану, одна часть его войск должна была атаковать австрийцев с фронта, другая же — двинуться вправо с тем, чтобы совместно с гвардией охватить противника с фланга.

Когда передвижение пруссаков уже было в полном разгаре, — а их отход влево произвел на Бенедека впечатление, что у пруссаков нет особого желания переходить в наступление,— Штейнмец получил известие, что он не может рассчитывать на помощь гвардии. Вследствие поражения под Траутенау Блюменталь спешно изменил назначение 2-й гвардейской дивизии, головные части которой уже двигались по дороге в Скалиц, и направил ее на Эйпель, чтобы всем гвардейским корпусом охватить с тыла войска Габленца. Блюменталь с тревогой спросил своего офицера генерального штаба ф.-Верди, сколько, приблизительно, неприятельских сил стоит против Штейнмеца? Тот ответил: «Он наверняка натолкнется на один свежий корпус, но поблизости должен быть еще другой, а если австрийцы правильно распорядились своими войсками, он встретит на своем пути еще и третий корпус». Блюменталь был слишком уверен в превосходстве прусских войск, чтобы потерять мужество. Однако, он так сильно волновался, что, сдвинув фуражку на затылок и ероша волосы, воскликнул: «Как жаль, что мы не можем быть с Штейнмецем! Хотелось мне посмотреть, как старик справится с ними!»

Что происходило в голове духовидца, мы не знаем; как бы то ни было, но он решил броситься и без гвардии на противника, хотя и не мог учесть его сил. Как раз в то самое время, когда Бенедек приказал двум своим корпусам отойти к Гичину, в 11 час. утра Штейнмец приказал атаковать третий. Его войска распадались на три группы: авангард — в составе 3 батальонов и вспомогательных родов войска под командой ф.-Фохтс-Ретца [1]; за ними главные силы — 12 батальонов с несколькими эскадронами кавалерии и сильной артиллерией; командовал ими ген.-лейт. ф.-Кирхбах; вправо двигался на Дубно

[1] Это брат того Фохтс-Ретца, который был начальником штаба у принца Фридриха-Карла.

фланговый отряд в составе 5½ батальонов с добавлением небольшой кавалерийской части и нескольких батарей. Этот отряд предназначался для флангового наступления; его вел ген.-майор ф.-Лёвенфельд, с которым мы познакомились еще в бою под Находом. Здесь-то и должна была действовать гвардия, которая получила другое назначение.

Наконец, другой левофланговый отряд, состоявший из бригады 6-го корпуса и соответствующего количества вспомогательных родов войск, разместился к югу от Високова, где и должен был пока оставаться.

Вследствие ухода двух австрийских корпусов и откомандирования одной бригады 8-го корпуса для охраны железнодорожной линии, перевес сил имел теперь Штейнмец: 27 батальонов против 23[1]; он также располагал превосходством артиллерии.

Задача эрцгерцога Леопольда заключалась в том, чтобы оторваться от этого сильного и энергично руководимого противника. Она была почти невыполнима вследствие особенностей занимаемой австрийцами позиции, совершенно непригодной для обороны. Австрийцы стояли впереди, а не позади дефиле Аупы. Глубина позиции была столь незначительна, что тесно сомкнутые массы австрийских батальонов представляли словно нарочно устроенную мишень для 5 прусских батарей, выехавших на позицию у Клени. Когда эти батареи обстреливали австрийскую артиллерию, гранаты попадали и в пехоту, стоявшую около и позади последней. Тревога, вызванная этим в рядах австрийских войск, усугублялась тем, что непосредственно за ними протекала бурная р. Аупа с крутыми, заросшими берегами, переправа через которую была бы затруднительна и для рассыпанной по ее берегам пехоты, не говоря уже о сомкнутых частях. Здесь не имелось ни мостов, ни переправ[2], кроме деревянного моста в Скалице в 8 шагов ширины, по которому должны были отступать все войска, в том числе и 64 корпусных орудия.

8-й корпус не имел возможности построить мосты, так как при спешности его выступления он оставил свои саперные и понтонные части в Иозефштадте. 6-й корпус, стоявший с вечера предшествовавшего дня под Скалицем, мог бы построить мосты, но Рамминг был всецело занят мыслью о возобновлении 28-го наступательных действий, ввиду полученных им от Крисманича указаний.

Прохождение целого корпуса по одному мосту представляет операцию, отнимающую несколько часов времени и сокращающую до минимума активные боевые силы. Понятно, что 2 австрийских бригады, занимавшие высоты к северу от Скалица, — третья уже успела отойти за р. Аупу, — считали свое положение крайне затруднительным ввиду наступления пруссаков. Правда, австрийцы располагали весьма мощным орудием обороны в лице своей многочисленной артиллерии, которая, будучи массирована в одном пункте, осыпала гранатами все пространство, по которому пруссаки вели свое наступление. Но последние, искусно пользуясь волнистой местностью, уклонялись от губительного действия неприятельского огня, уменьшая, таким образом, свои потери.

---

[1] Кроме 21 батальона 8-го корпуса, у австрийцев было 2 батальона из гарнизона Иозефштадта — *Прим. авт.*

[2] Относительно переправ см. Feldzeugmeister R. von Samonigg, Das Gefecht von Skalitz von einem Oesterreicher Wien 1914. — *Прим. авт.*

У Штейнмеца, типично волевого человека, нехватало той проницательности ума, без которой не может обходиться безнаказанно полководец, хотя его профессия по существу не интеллектуальная [1], а требует по преимуществу определенных свойств характера. Диспозиция, составленная Штейнмецем, предписывала главным силам растянуться влево за линию построения авангарда. Но дело в том, что трехтысячный авангард имел в своем распоряжении между фланговым отрядом и шоссе, соединяющим Скалиц с Находом, пространство шириною всего лишь в тысячу шагов. 12 000 пехоты главных сил, ведя наступление позади своего авангарда, растянулись бы за линию его фронта далеко вглубь пространства, расположенного к югу от шоссе. Этого Штейнмец хотел избежать, ибо здесь прусская пехота, попав на совершенно ровную открытую местность, подверглась бы ужасному огню массы неприятельских батарей.

Диспозиция, составленная Штейнмецем, была невыполнима: 15 000 чел. пехоты не могли наступать на пространстве шириною всего лишь в 1 000 шагов. Эту погрешность легко было исправить. Так как гвардия не подошла, то предназначенная для нее местность к югу от Студница оставалась свободною; сюда-то и следовало направить главные силы. В таком случае одна дивизия заняла бы место другой, и все оказалось бы в порядке.

Однако, Штейнмец в 11 час. приказал начать наступление, не изменив своей диспозиции, составленной им в 9 час., когда он еще предполагал, что 2-я гвардейская дивизия придет к нему на помощь. На левом фланге диспозиция была невыполнима, на правом — силы, предназначенные для охвата противника, отпали, хотя при правильном распределении войск гвардию имелось чем заменить.

Дело не дошло бы до серьезного столкновения, если бы это зависело от воли эрцгерцога и его бригадных командиров. Обвинения, направленные против этих генералов, неосновательны. Высшее командование поставило их в отчаянное положение.

Нечего было и думать о том, чтобы Штейнмец допустил переправу двух неприятельских бригад пехоты с многочисленной артиллерией по одному единственному мосту, не взяв с них кровавого мостового сбора по самому высокому тарифу. Как под Подолом и Находом, австрийцам и здесь не удалось благополучно оторваться от неприятеля. Переход в наступление не представлял никаких шансов на успех, ибо 2 бригады стояли против 5. Тем не менее пришлось прибегнуть к этому отчаянному средству, так как около 12 ч. 30 м. прусский авангард, поддерживаемый двумя батальонами флангового отряда, стал приближаться к вокзалу — сильной позиции, которая преграждала австрийцам путь отступления к городу. Для сохранения его свободным первой двинулась в атаку бригада ф.-Фрагнерна, которая прежде всего почувствовала угрозу. Она стояла на левом фланге, а, следовательно, ее отделяло самое большое расстояние от пути отступления. Кроме того, австрийская позиция могла подвергнуться атаке лишь на левом крыле; по этой-то причине Штейнмец и построил здесь «наступательный фланг».

Бригада Фрагнерна стала продвигаться вперед в южном направлении. Впоследствии это показалось необъяснимым, но ей ничего другого не оставалось делать, чтобы пробиться, хотя этим самым она подставляла свой фланг отряду Левенфельда. За бригадой Фрагнерна

[1] Странный взгляд на полководца!

с той же целью в восточном направлении двинулась и бригада Крейснерна.

12 австрийским батальонам [1] преградили дорогу только 11 прусских, ибо главные силы еще приближались, а 4 батальона левого флангового отряда оставались в резерве, так как это крыло Штейнмеца висело в воздухе. Сюда и намеревался Бенедек направить удар 4-м корпусом, если бы дело дошло до сражения.

Таким образом, австрийцам удалось пробиться; правда, некоторые их батальоны потеряли при этом 50% своего состава, — оба командира бригад были убиты, и большая часть орудий бригады Фрагнерна была потеряна, — но на этот раз тяжелые потери понесли и некоторые прусские части: потери двух батальонов достигали 17%, а двух других даже 25% их состава. В значительной мере эти крупные потери пруссаков можно отнести за счет сосредоточенных впереди Скалица австрийских батарей, огонь которых был открыт до начала пехотного боя и продолжался после него. Австрийская артиллерия в этом деле, как и в течение всей кампании, проявила себя превосходно, между тем как прусская под энергичным руководством Штейнмеца дала не большие результаты, чем под командой вялого Бонина. В бою под Скалицем пруссаки из своих 108 орудий ввели в дело не более 60. Дивизионная артиллерия не следовала за пехотой. Вся прусская артиллерия скучилась у Клени частью в 2 500, частью в 3 500 шагах от австрийской. Между тем надлежащим расстоянием для стрельбы из нарезных орудий считались 800—1 600 шагов. Что касается батарей, стоявших к западу от Клени, то они отъехали через объятое пламенем село и присоединились к остальной прусской артиллерии. Вся артиллерия в целом не хотела менять позиции, чтобы ей не пришлось снова начать пристрелку. Батареи с гладкоствольными орудиями должны были бы следовать за пехотой. Вместо этого они остались позади Клени на расстоянии в 2 500 и более шагов от места, где происходил пехотный бой, хотя максимальным расстоянием их действительного огня было 1 500 шагов. Прусская артиллерия в бою под Скалицем потеряла только 5 чел.

Поражение, понесенное двумя австрийскими бригадами, превратилось бы в полный разгром, если бы главные силы пруссаков вовремя прибыли на место. Но 10-я дивизия сперва сделала попытку выполнить диспозицию. Лишь после того как ген. ф.-Кирхбах на опыте убедился в том, что его пехота никак не может устоять против огня австрийской артиллерии на открытой местности к югу от находскалицского шоссе, он решил по собственной инициативе переместить свою дивизию с левого фланга на правый.

Благодаря этому главные силы пруссаков еще могли принять участие в заключительном акте боя. Одна гладкоствольная батарея явилась блестящим исключением среди остальной дивизионной артиллерии пруссаков, последовав за 10-й дивизией. Удар одной из бригад последней был направлен на 2 батальона бригады Крейснерна, оставшиеся на высотах. Сюда же укрылись и части бригады Фрагнерна, которым не удалось пробиться. Австрийцы спустились с высокого, крутого гребня к р. Аупе, в которой многие утонули.

Другая бригада главных сил пруссаков, подойдя к австрийской позиции, снова свернула влево и пошла в южном направлении к вокзалу,

[1] Два батальона бригады Крейснерна остались на высотах. — *Прим. авт.*

который она атаковала совместно с частями правого и левого фланговых отрядов и авангарда. Оба гарнизонных батальона из Иозефштадта, стрелковый батальон бригады Шульца, а главное—австрийская артиллерия, не понесшая никакого материального ущерба, доблестно прикрывали отступление, причем бой продолжался даже на улицах города.

Как бы то ни было, Штейнмец, все время находившийся на линии огня, нанес основательное поражение после 6-го австрийского корпуса и 8-му. Эрцгерцог Леопольд из 15 000 чел. пехоты, принимавших участие в бою, потерял свыше одной трети. Из этих потерь почти две пятых приходились опять-таки на взятых нераненых пленных и на пропавших без вести. Его корпус состоял из мадьяр, чехов и русин, а также значительного процента немцев.

По сравнению с 5 400 унтерофицеров и солдат, выбывших из строя у австрийцев, потери в 1 400 чел., которыми пруссаки заплатили за взятие Скалица, представляли ничтожную цену[1]. После боя, закончившегося в 3 часа дня, австрийцы в тот же день прошли, согласно предписанию, к Сальней и переправились здесь через Эльбу по дороге в Гичин. Штейнмец со своей стороны отложил переход к месту своего назначения — Градлицу — до следующего дня и разместил свои войска под Скалицем на биваках.

Раньше чем 8-й австрийский корпус ввязался в бой, 6-й корпус уже отошел в направлении к Гичину. Таким образом, против Штейнмеца оставался только 4-й корпус, расположенный несколько западнее Скалица, у Швейншеделя. Туда доносился грохот орудий со стороны Траутенау, откуда 10-й корпус намеревался подойти на соединение с 4-м. Оба вместе, под начальством Габленца, должны были прикрывать тыл армии Бенедека во время его похода на Гичин. Верховное командование приказало 4-му корпусу отрядить 2 батальона с некоторым числом орудий и отрядом кавалерии к Кейле-Праусницу, расположенному против Эйпельского горного прохода, пройти через который было приказано прусской гвардии. Согласно указаниям Крисманича, 10-й корпус должен был на пути к Швейншеделю занять в первую очередь позицию у Праусница-Кейле.

Распоряжение об отправке 2 батальонов чувствительно ослабляло силы 4-го корпуса, ибо он уже отрядил целую бригаду в Нейштадт, расположенный позади Траутенау на берегу Эльбы. Когда же Крисманич направил на Праусниц-Кейле весь 10-й корпус, он счел пребывание там 2 батальонов 4-го корпуса излишним, тем более, что представлялась возможной серьезная работа 4-го корпуса под Скалицем. Поэтому распоряжение об отправке 2 батальонов было отменено. Фельдм.-лейт. Габленц, которому было сообщено об отправке, согласно его желанию, 2 батальонов, не получил приказа об отмене этого распоряжения.

После того как вечером 28 июня войска 6-го и 8-го корпусов прошли мимо места расположения 4-го корпуса, последний получил тревожное известие из Иозефштадта: «С половины восьмого утра никаких известий от стоявшего на юг от Траутенау 10-го корпуса не поступало, ибо, как полагают, пруссаки уже проникли к югу от Траутенау». Что же случилось?

[1] Эти цифры гораздо ниже действительных. Кроме того, австрийцы потеряли 5 орудий.

3оор

Габленц получил в два приема приказание продвинуться к Швейншеделю. Первый приказ гласил: «Все войска 10-го корпуса должны вместе со 2-м драгунским полком отойти к Праусницу и там занять новые позиции». Габленц должен был занять позицию у Праусница не для того, чтобы преградить пруссакам выход из Эйпельского прохода; на 10-й корпус совместно с 4-м возлагалась обязанность прикрывать тыл войскам Бенедека. Поэтому последний и не повторил своего указания — ударить энергично на противника, как только тот покажется [1].

Габленц получил этот приказ 28-го в 7 ч. 30 м. утра в своей главной квартире, Ней-Рогнице. Поставленная задача показалась ему чрезвычайно опасной. Он уже знал, что 1-я гвардейская дивизия, следуя вниз по течению р. Аупы позади Бонина [2], прибыла в Эйпель. Так как можно было предполагать, что из Эйпельского прохода будут выходить понемногу и другие неприятельские части, то ему вполне естественно приходилось считаться с возможностью сражения за обладание той позиции, которую он займет в Праусницe. Но в то же время его неосновательно тревожила забота о своем тыле, ибо он не знал, что 1-й корпус совершенно отошел на ту сторону гор. Ген. Кюне справедливо ставит ему это в укор. Ведь еще рано поутру 28-го ему следовало произвести при помощи своей кавалерии разведку горных проходов у Траутенау. Так, говорит Кюне, поступил в это самое время Штейнмец и благодаря этому выяснил вызывающее на атаку расположение австрийцев.

Чувствуя себя между Траутенауским и Эйпельским проходами, как между молотом и наковальней, Габленц не знал, как ему построить на походе свой обоз, — впереди ли корпуса или позади него, либо отправить его в Нейштадт. Наконец, получив на свою просьбу — занять Эйпель — ответ от Крисманича, что часть 4-го корпуса перемещена туда, он решил отправить вперед свои обозы вместе с корпусным артиллерийским резервом. Однако, приказ для походного движения 10-го корпуса все же был рассчитан на то, чтобы иметь возможность отразить атаку пруссаков на двух фронтах. Бригаду Монделя, стоявшую у Ней-Рогница, отделяли лишь 3 км от Штауденца, куда выходит Эйпельское горное дефиле. Вместо того чтобы спешно бросить ее на этот решающий пункт, Габленц приказал ей оставаться на месте, построившись фронтом к Траутенау, до тех пор, пока не соберется рассеянная в городе и его окрестностях бригада Вимпфена. Тем временем обозы двинулись по обоим шоссе, разветвляющимся южнее Ней-Рогница, — часть на Реттендорф, часть на Праусниц-Кейле, — получив при этом указание следовать «без отдыха и с возможной поспешностью».

После того как обозы, артиллерийский резерв и снарядный парк двинулись в путь, выступили и бригады Кнебеля из Гогенбрюка и Вимпфена из Траутенау. Обе они должны были так же, как и артиллерийский резерв, следовать по шоссе на Праусниц-Кейле, в то время как обоз двигался по другому шоссе: через Вейберкренке к Реттендорфу. Бригада Монделя представляла как бы центр, вокруг которого двигались Кнебель, Вимпфен и обозы; она должна была выступить по-

[1] См. выше, стр. 323. — *Прим. авт.*
[2] См. стр. 325. — *Прим. авт.*

следнею и служить прикрытием со стороны Траутенау. Бригада Гривичича не воспользовалась ни одним из двух шоссе, но пошла через Рудерсдорф на Раач. Она, таким образом, шла во фланг тем прусским частям, которые выходили у Штауденца из дефиле и имели у себя перед фронтом остальные австрийские бригады. Между этой бригадой и главными силами двигался в сопровождении конной батареи драгунский полк князя Виндишгреца, поддерживавший связь между обеими колоннами.

Габленц считал, что он принял все меры к тому, чтобы, несмотря на угрозу из двух горных проходов, благополучно довести свой корпус до Прауниц-Кейле. Но вскоре после выступления он имел возможность лично убедиться, что влево от его головных частей, — следовательно, от артиллерийского резерва и обоза, — стали время от времени появляться неприятельские отряды: гусары и небольшие пехотные части. Из этого Габленц правильно заключил, что обещанного ему занятия Прауниц-Кейле не последовало. Как мы знаем, Крисманич отменил данное им 4-му корпусу приказание в предвидении того случая, что этот корпус придется повести в бой под Скалицем. По мнению Крисманича, после того как к Прауниц-Кейле был отправлен весь 10-й корпус, там скорее можно было обойтись без этих двух батальонов, чем под Скалицем. В этом отношении австрийское верховное командование, пожалуй, было и право, но крупным промахом являлось то, что высокородная служба связи не удосужилась уведомить Габленца об отмене первого распоряжения. Последний построил свое походное движение на предположении, что Прауниц-Кейле занят австрийскими войсками; обозы вместе с артиллерийским резервом шли под прикрытием одной лишь роты. Орудия артиллерийского резерва поспешно выехали на позицию; приближавшаяся позади бригада Кнебеля наскоро стала развертываться к бою — в замешательстве — сперва фронтом на юг вместо востока.

Еще большая паника охватила снарядный парк и остальной обоз: «Всем скакать, спасаться, бежать!» — таков был общий лозунг. Фургоны с грохотом неслись по изрытым проселочным дорогам от Вейберкренке, куда зарядный парк успел прибыть, к Нейштадтлю на Эльбе. Здесь стоял отряд 4-го корпуса. Части обоза, уже достигшие Реттендорфа, боясь быть захваченными неприятелем, поехали в Иозефштадт.

В то самое мгновение, когда Габленц переживал эту тягостную неожиданность, перед ним открылась перспектива второго успеха после боя под Траутенау. И на этот раз, 28-го, сорвать лавры представлялось легче, чем накануне. Тогда пруссаки успели выйти из Траутенауского дефиле задолго до того, как Габленц смог двинуть против них свои главные силы. Теперь же гвардия еще не выбралась из горного прохода так же, как под Находом 5-й корпус. В положении авангарда Лёвенфельда у Венцельсберга на этот раз оказались 4 батальона с несколькими орудиями и небольшим отрядом кавалерии, составлявшие под командой полк. ф.-Кесселя авангард гвардейского корпуса. Они миновали выход из Эйпельского дефиле, расположенный между Оберрааче м и Штауденцем, и заняли высоты на запад от Штауденца.

Эйпельский проход глубок и застроен домами, а вдоль него тянутся крутые скаты, не позволяющие свернуть в сторону. Предстояло переправиться через р. Аупу и пройти по улицам города. Позади

1-й гвардейской дивизии, которая пошла на Эйпель уже 27-го числа, теснилась 2-я, прибывшая лишь в этот день из Костельца.

Гвардейским корпусом командовал принц Август вюртембергский, всеми любимый и уважаемый, умственные способности которого были, однако, далеко не выдающиеся. Его прозвали «братоубийцей» не потому, чтобы он носил на своем челе печать Каина, но потому, что всякий раз, как ему представлялись офицеры, он показывал им чучело зубра, замечая при этом: «Это я убил в России». Его начальник штаба, полк. ф.-Данненберг, был умнее принца, который, в противоположность Бонину, охотно выслушал его советы.

В ту минуту, когда полк. ф.-Кессель собирался выйти из теснин, принцу Августу донесли, что неприятель идет от Траутенау к Эйпелю, а в обратном направлении — от Кенигингофа к Траутенау — движется сильная колонна. Вскоре затем из главной квартиры 2-й армии у Костельца получили известие, что накануне вечером 1-й корпус отошел в горы и что связь с ним утеряна.

Нервное настроение охватило окружавших принца вюртембергского. Следовало ли продолжать продвижение вперед согласно полученной инструкции, если к 10-му австрийскому корпусу после одержанной им победы подходят новые подкрепления? На этот вопрос отвечали отрицательно. Авангарду приказано было остановиться, а главным силам 1-й дивизии, только что перешедшим через р. Аупу, — отойти обратно за реку.

20 мин. спустя полк. ф.-Данненберг убедился в ложности сообщения о движении австрийцев от Кенигингофа на Траутенау. В противоположном направлении тянулись длинные вереницы австрийских повозок. Привели единичные повозки и людей. У полк. ф.-Данненберга создалось впечатление, что при благоприятных условиях можно предпринять наступление. Поэтому снова все двинулось вперед.

Отступление, хотя и кратковременное, было, несомненно, проявлением необоснованного припадка малодушия, замалчивать который не следует. Ведь в самом дефиле неприятель едва ли мог бы атаковать пруссаков.

Вскоре полк. ф.-Кессель, стоявший к западу от Штауденца, получил подкрепление в составе двух батальонов и одной батареи; теперь эти высоты были заняты 6 батальонами и 12 орудиями, так что 7 батальонов Кнебеля не могли отважиться на прямую атаку их. Не решились они на нее и совместно с бригадой Монделя, которая повернулась фронтом к Штауденцу после того, как Вимпфен отошел из Траутенау, не подтянув к себе своих сторожевых постов. Однако, у Габленца было тут же под рукой близ Буркерсдорфа 48 нарезных орудий, которые легко могли заставить замолчать 12 — частью гладкоствольных — орудий Кесселя, заняв господствующую позицию, расположенную на самой подходящей дистанции — по гребню гор, тянущемуся впереди выхода из теснины к югу от старой каменоломни. Да и большой вопрос, могли ли бы прусские войска, еще находившиеся позади, дебушировать из теснин под их огнем, не понеся чувствительных потерь.

Таково было положение обеих сторон до 12 час. дня; к тому времени подошел бы к Буркерсдорфу Вимпфен, а Гривичич появился бы у Штауденца на правом фланге пруссаков. В это время пруссаки успели вывести из гор только 7 с небольшим батальонов; вся остальная гвардия все еще была замкнута в узком дефиле, а арьергард 2-й ди-

визии даже не успел переправиться через р. Аупу. Таким образом, 7 с небольшим прусских батальонов, расстроенных предварительно артиллерийским огнем, подверглись бы с двух фронтов атаке 28 австрийских батальонов.

Хотя Габленц уже давно мог убедиться, что со стороны Траутенау ему не грозит атака, он все же не использовал этого блестящего шанса на успех. Вместо того, чтобы продвинуться вперед к командующему гребню гор, он остановился с бригадой Кнебеля и артиллерийским резервом там, где он построился в боевой порядок, натолкнувшись на нескольких прусских гусар и слабые пехотные части. Эта случайно выбранная позиция была так тесна, что половина артиллерии должна была занять позицию на расстоянии 3 000 шагов от неприятеля и не могла особенно противодействовать его выходу из гор. Остальные орудия артиллерийского резерва действовали также с довольно далекого расстояния. Они заставили одну из батарей Кесселя сняться с позиции и отъехать назад, но пехоте авангарда их огонь причинил лишь незначительный урон. Правда, прусские батальоны не нашли в этой местности иных прикрытий, кроме небольших неровностей почвы и высоких хлебов. Но малейшее из этих преимуществ было использовано полностью, причем менялось построение частей и производились перебежки через открытое пространство.

Когда одна рота, миновав небольшую лесную поросль, стала нести чувствительные потери, отчего и пришла в замешательство, командир ее, капитан Гёрне, заставил роту проделать под огнем австрийцев учение. Это испытанное средство сразу восстановило дисциплину.

Австрийская канонада тянулась часами, но она являлась единственным наступательным действием австрийцев во время этого боя, названного прусскими историками по имени находившегося по соседству исторического места Зоора, хотя с событием 28 июня 1866 г. эта деревня имела лишь крайне слабую связь. Когда же около 11 час. отозванная из-под Траутенау бригада Вимпфена приблизилась у Ней-Рогница к бригаде Монделя, а вместе с тем и к бригаде Кнебеля и артиллерийскому резерву, Габленц отдал приказ об отступлении всего корпуса в том самом направлении, в котором раньше отошел обоз. Приказ оторваться от противника был дан под Зоором в тот самый час и в ту самую минуту, когда аналогичный приказ был дан под Скалицем.

Итак, Габленц отказался от того, чтобы пробиться к позиции под Прауснищем, которую ему приказывалось занять 28-го. Вследствие отхода на Эльбу, его продвижение к Скалицу, намеченное на 29-е, должно было представить весьма кружный путь. Но главное — Габленц не воспользовался случаем нанести гвардии тяжелое поражение и подвергся необходимости произвести особенно опасный для австрийских войск маневр — отрыв от неприятеля. Габленца обескуражила та опасность, которой по вине главной квартиры подвергся неумело руководимый им обоз. Он знал также о неудаче под Находом. Сам он одержал победу под Траутенау лишь при помощи жестокого кровопролития и грубого напора. Однако, решающим моментом для прекращения боя под Зоором была не столько психика Габленца, сколько психика Бенедека. Высшее командование после далеко не ободряющего опыта под Находом хотело избежать дальнейших серьезных боев у себя в тылу в то время, когда оно готовилось к решительному сражению, намеченному им под Гичином. Поэтому инструкции, данные Бенедеком

Габленцу, далеко не подбадривали этого храброго генерала к наступлению; они предписывали ему вести оборонительное отступление от Траутенау к Праусницу, а не преграждать выход из Эйпельского дефиле.

Отход австрийцев от Зоора представлял крайне длительную, затяжную операцию, ибо под Ней-Рогницем находилась еще значительная часть обоза, который вместе с артиллерией надо было оттянуть назад по бездорожной местности. Дело настолько затянулось, что бригада Монделя, стоявшая в арьергарде, могла начать отступление лишь под вечер.

Тем временем у Штаудница продефилировала вся 1-я гвардейская дивизия, и хотя она и не преследовала отступавшего противника на далекое расстояние, но выставленные ею сильные отряды стрелков и небольшие колонны причинили своим огнем серьезные потери бригаде Кнебеля. Между тем то обстоятельство, что Габленц, не заняв Праусница, споткнулся на собственный обоз, превратилось в катастрофу для бригады Гривичича. Так как этой бригадой считали нужным воспользоваться для прикрытия обоза, то ей не сразу передали приказ об отступлении. Тем временем в 12 час. ее атаковали части 2-й гвардейской дивизии; главные силы последней еще не выбрались из горного прохода, но выдвинули вперед к Рудерсдорфу сперва 2-й, а затем и 1-й батальоны полка императора Франца. 2-й батальон отважился один повести атаку против 7 австрийских батальонов. Командир батальона ф.-Гауди лично застрелил из револьвера двух австрийцев. Его сбросили с коня штыками, а батальон, в течение получаса предоставленный собственным силам, потерял одну треть своего состава. Наконец, по другой дороге, через пашню, овраги и заросли, подоспел 1-й батальон полка императора Франца и высвободил товарищей,— конечно, со своей стороны понеся чувствительные потери.

Эти утратившие связь с главными силами части не подверглись худшей участи только потому, что к этому времени прекратился артиллерийский огонь со стороны Буркерсдорфа. Поэтому ген.-майор Гривичич не решился двинуться дальше за Рудерсдорф. Он остановился в ожидании приказаний командира корпуса. Наступил двухчасовой перерыв боя — от 1 до 3 час. дня. Тем временем 2-я гвардейская дивизия вышла из гор; она выслала за полком Франца полк Елизаветы и с остальными полками двинулась к Траутенау. Бригада Гривичича оказалась отрезанною от главных сил и обойденною. Посланный с запоздалым приказом Габленца об отступлении адъютант уже не мог до нее добраться. Слишком поздно по собственной инициативе приказал ген.-майор Гривичич своим войскам отступить. Его 7 батальонов были разгромлены 12 батальонами 2-й гвардейской дивизии, а сам он, раненный, попал в плен. К 5 час. и здесь умолкла стрельба.

Пожертвовали пехотной бригадой, чтобы спасти обоз; действительно, последний потерял лишь несколько подвод и один денежный ящик с 10 000 гульденов. Конечно, лучше было бы потерять часть обоза, а не войска, но находить в этом основание для обвинения Габленца в неправильном ведении боя едва ли будет справедливо, ибо среди волнений, колебаний и резкой смены впечатлений, которые обуревают руководителя боя, так сказать, коммерчески взвешивать прибыли и убытки выше человеческих сил. Однако, роковой ошибкой Габленца было то, что он поставил свой обоз в голове своего корпуса, а не в хвосте (ибо со стороны Бонина в этот день ему ничто не

угрожало) или же следовало отправить его к бригаде 4-го корпуса, стоявшей под Нейштадтлем. Умопомрачительная боязливость, овладевшая им между Траутенауским и Эйпельским дефиле, представляет один из тех плюсов, которые заранее не поддаются конкретной формулировке, но которые все же могут быть наперед учтены и записаны себе в актив стратегами вроде Мольтке.

Под Траутенау и Зоором 10-й корпус потерял третью часть своей пехоты, а бригада Гривичича—74%. Если к этому причислить ту убыль, какую понесла бригада Гривичича во время ее продолжительного похода из Ольмюца к Иозефштадту, то окажется, что 2 батальона, которые были теперь сформированы из остатков этой бригады, далеко не могли быть в полном составе [1].

За исключением полка императора Франца, потери у пруссаков снова были ничтожны [2]. Тем не менее в главной квартире кронпринца, прибывшего в тот же вечер в Эйпель, настроение было озабоченное. Кронпринц отправился из Костельца в Эйпель тогда, когда отзвуки артиллерийского боя, доносившиеся со стороны корпуса Штейнмеца, стали все больше и больше удаляться. Можно было думать, что под Скалицем дела шли хорошо, но как они обстояли под Эйпелем? Тут пришло известие о том, как тяжело пострадал полк императора Франца. С места боя под Буркерсдорфом, находившимся на расстоянии 1 мили (7 км), донесений не поступало. В это время приехал лейтенант Познанского уланского полка, ф.-Розенберг. Его послал Штейнмец после победы под Находом, чтобы осведомиться о 1-м корпусе. Сперва Розенберг проехал к Эльбе. Не найдя здесь никакого следа пруссаков, он повернул в направлении к прусской границе, наткнулся на отсталых солдат 1-го корпуса, затем встретил самый корпус и теперь приехал к кронпринцу, который от него и узнал, что 1-й корпус отошел даже по ту сторону гор. От самого Бонина еще никаких донесений не поступало. Таким образом, настроение в Эйпеле было крайне подавленное, когда из Буркерсдорфа прибыл майор ф.-Унгер и доложил, что 10-й австрийский корпус потерпел полное поражение и обращен в бегство и что принц Август вюртембергский уже расположился на квартире в Траутенау.

Тогда в Траутенау отправился и кронпринц, а Блюменталь остался в Эйпеле. Сюда ночью прибыла и резервная артиллерия гвардейского корпуса. Ею командовал принц Гогенлоэ, человек выдающийся [3]; но уже по тому черепашьему шагу, которым следовал этот род войска, мы видим, что он в 1866 г. не стоял на одном уровне с пехотой, в чем мы уже могли убедиться и по другому поводу. Практического значения запоздалое прибытие артиллерийского резерва в Эйпель не имело, ибо из бывших там в наличии батарей только четвертую часть удалось к тому времени вытащить из дефиле.

Гвардия достигла того пункта, который на этот день был ей намечен как цель ее похода. Она испытывала сознание одержанной победы, — и если тем не менее у нее было чувство неполной безопасности, то это вполне отвечало объективным условиям. Ведь у австрийцев в этот день было под Эйпелем и в окрестностях расположенного по со-

[1] Всего австрийцы потеряли около 8 000 чел., из коих половину пленными; кроме того, два знамени и несколько орудий.

[2] Пруссаки, по их сведениям, потеряли всего 700 чел. Этим они были обязаны главным образом, своему игольчатому ружью и применению к местности.

[3] О его книге «Strategischen Briefe» см. стр. 153. — *Прим. авт.*

седству Скалица целых 5 корпусов. Командиры гвардии не знали, что им готовят ночь и наступающее утро. 1-я дивизия выступила на соответственных пунктах сторожевые посты, по 10 чел. в каждом, которые частью окопались.

В действительности, как мы знаем, Бенедек не намеревался предпринимать 29-го какие-либо активные действия на левом берегу Эльбы, а предполагал в этот день пойти на Горжиц — Милетин, а оттуда далее на Гичин. Как значится в одном из приказов по армии от 28-го, 10-му и 4-му корпусам было предписано «составлять арьергард армии на походе к Милетину и Гичину». С этой целью Габленц должен был отойти в окрестности Скалица: «10-й... а также 4-й корпуса должны как можно дольше держаться на своей выдвинутой позиции и отступить лишь в случае крайней необходимости. Если они окажутся вынужденными отступить, то им надлежит отойти к Иозефштадту, где под общим командованием фельдм.-лейт. барона Габленца они снова станут на позицию и, опираясь на крепость, постараются всемерно приостановить наступление противника».

В существенных чертах эти указания еще могли бы быть выполнены даже после поражения под Зоором. Стоявший у Нейштадтля 10-й корпус легко можно было бы двинуть против Фридриха-Карла, а его место около 4-го корпуса мог бы занять 2-й, подошедший между тем из Опочно. Но прошло то время, когда Бенедек и Крисманич думали, что им удастся сдержать наступление пруссаков в Силезии при помощи двух корпусов. Теперь они поняли, наконец, что против них ведется наступление с двух фронтов, а не с одного.

Силезский фронт противника состоял из 4 корпусов, которые не только выполняли второстепенное задание, как это предполагал Крисманич еще до получения донесения о деле под Зоором, но вели чрезвычайно энергичное наступление. Теперь уже Крисманич не рассчитывал, что двух корпусов будет достаточно для отражения их натиска в течение тех 4 дней, которые ему понадобятся чтобы одолеть Фридриха-Карла. Поэтому он отказался от похода на Гичин и остановился на первоначальном решении, чтобы армия 29-го, — в тот день, до которого мы дошли в нашем повествовании,—сосредоточилась на позиции Горжиц—Милетин.

Однако, с самого начала Богемской кампании эта позиция мыслилась повернутой фронтом на запад; построение на ней фронтом на север и восток совсем не имелось в виду, так как серьезной атаки пруссаков ожидали со стороны Лузации. Теперь же неприятель вторгся в страну и вел самое энергичное наступление не только из Лузации, но и со стороны Силезии. Впрочем позиция Горжиц—Милетин казалась вполне пригодной и для вновь создавшегося положения. Надо было только приказать сосредоточенной на ней армии сделать поворот направо, чтобы занять позади Эльбы на Дубенецких высотах превосходную оборонительно-наступательную позицию, обращенную фронтом к армии кронпринца. Уже в роли преподавателя военного училища Крисманич проявил себя убежденным сторонником тезиса Клаузевица, что оборонительно-наступательный образ действий представляет самый сильный стратегический принцип. Со времен Марафонского сражения военная история неоднократно подтверждала это положение Клаузевица [1].

[1] Клаузевиц такого рецепта на все случаи никогда не давал.

Итак, 29 июня решено было приступить к перегруппировке австрийской армии. В 7 ч. 45 м. изданы были соответственные приказы. Из 4 кавалерийских дивизий 2 построились на правом фланге, а одна — на левом и одна оставалась в резерве, — да и то к вечеру большая часть ее была направлена на левый фланг. Кавалерии отводилась существенная роль в наступлении, начать которое намечалось после того, как артиллерия приведет в расстройство штурмовые колонны пруссаков. После донесений из Иозефштадта в Вене считали удачный исход сражения настолько вероятным, что Франц-Иосиф стал готовиться к отъезду на театр военных действий и к принятию верховного командования над армией.

Слабым пунктом нового австрийского операционного плана было то, что он, подобно старому плану, возлагал на австрийскую армию непосильную для нее задачу — сдерживать напор более сильной прусской армии. Согласно старому плану, 10-й и 4-й корпуса должны были противостоять кронпринцу прусскому, по новому же—выдвигались саксонцы и 1-й корпус против принца Фридриха-Карла. Если бы последний энергично пошел на Гориц-Милетин, ему должен был преградить здесь дорогу 3-й корпус, присоединившись к саксонцам и к 1-му корпусу; следовательно, не больше 3 австрийских корпусов против 4½ прусских. Однако, в новом плане заключалась возможность, которая могла спасти положение: до сих пор Фридрих-Карл проявлял невероятную медлительность в движениях; не исключалось, что он будет продолжать действовать в том же духе, а кронпринц тем временем произведет атаку и будет отражен.

Мы видим, что многочисленные частичные неудачи не вызвали в высшем австрийском командовании упадка духа. Оно отвергло мысль уклониться отступлением от атаки пруссаков с двух фронтов. Даже после присоединения к главным силам силезского корпуса план Мольтке, казалось, имел одну слабую сторону: разъединение обеих армий. Разумеется, это был меньший дефект, чем тот, который заключался в раздробленности 2-й прусской армии. Однако, все еще представлялась возможность разгрома 2-й армии раньше, чем подоспеет 1-я. Прежде чем начать намеченное отступление, Бенедек и Крисманич захотели испытать этот последний шанс.

КЕНИГИНГОФ И ШВЕЙНШЕДЕЛЬ

Перегруппировка главной австрийской армии привела к стычкам с отдельными частями 2-й армии, которая частью достигла Эльбы, частью приближалась к ней. На походе от Нейштадтля в направлении Дубенец Габленцу пришлось переходить по мосту через Эльбу у Кенигингофа. В полдень 29-го здесь произошла стычка между арьергардом Габленца и авангардом принца Августа вюртембергского. Австрийская часть принадлежала к составу не 10-го корпуса, который уже находился на той стороне р. Эльбы, а к составу той бригады 4-го корпуса, которая во время боя под Зоором стояла у Нейштадтля. На улицах Кенигингофа разыгрался арьергардный бой, во время которого один австрийский пехотный полк потерял больше пятой части своего состава, на этот раз преимущественно нераненными пленными и без вести пропавшими.

Чувствительный урон понесли еще и главные силы 4-го корпуса под Швейншеделем. Им приказывалось отойти за Эльбу лишь при по-

явлении значительных неприятельских сил. До 2 час. пополудни 29-го числа противник не тронулся с места, так как после обоих боев Штейнмец счел необходимым предоставить своим войскам некоторый отдых.

Если бы он попытался прямым путем достигнуть места своего назначения, Градлица, то ему пришлось бы переправляться через р. Аупу прямо против позиции, занятой 4-м корпусом, а затем продефилировать мимо противника на расстоянии 1 000 шагов. Ни о том, ни о другом, конечно, не могло быть и речи, — тем более, что в этот день Штейнмец и не хотел вступать в бой; для него важно было достигнуть того пункта, который указывался ему как цель его похода для соединения с другими корпусами силезской армии. Поэтому вместо прямого пути через Тржебешов он избрал дорогу на Злич. Правда, здесь он также проходил от артиллерии противника на расстоянии не более 2 500 шагов, а, кроме того, хотя на этом пути и представлялась возможность избежать переправы через р. Аупу, зато пруссакам пришлось итти по широкому оврагу между Льготой и Ветрником, где пехота вынуждена была продвигаться рядами, а кавалерия — в колонне по два.

Однако, австрийцы так же мало искали боя, как и пруссаки. Хотя они при появлении неприятельских походных колонн и построились, заняв высоты своей артиллерией, но сделали это из опасения, что их атакуют раньше, чем они успеют отступить.

Так как эти безобидные намерения противника не были известны начальнику прусского авангарда, ф.-Кирхбаху, то он, считая небезопасным продефилировать мимо австрийских батарей, приказал их атаковать. Фон-Кирхбах располагал одной бригадой и двумя батареями. 1-й полк его бригады бросился в бурном порыве на противника, прежде чем 2-й успел развернуться по выходе из теснин.

Один австрийский батальон пошел в контратаку. Незаметно построенный в ложбине, он внезапно бросился вперед. Беглый огонь пруссаков привел ряды австрийцев в полное расстройство; отхлынув назад, они натолкнулись на прусские части, пытавшиеся отрезать им путь к отступлению.

Другой батальон того же австрийского полка некоторое время храбро оборонял Швейншедель от значительно превосходивших его сил противника. Когда же он, наконец, начал отходить назад, то пруссаки преследовали его и упомянутый выше батальон своим беглым огнем, пока австрийцы, потеряв 60% своего состава, не были почти окончательно ликвидированы как воинские части; из их потерь снова около половины состояло из нераненых пленных и дезертиров.

Наконец, и другой полк авангарда выбрался из оврага и бросился на неприятельскую артиллерию. Против 36 австрийских орудий энергично действовали 18 прусских после того, как Кирхбаху с великим трудом удалось вывести из теснин на фронт еще одну батарею, шедшую в тылу прусского авангарда. Ввиду того, что большинство прусских орудий были не нарезные, австрийцам оказалось возможным направить главную силу огня на пехотный полк, атаковавший их артиллерию. Он шел довольно открыто прямо на нее сомкнутым строем, но все время используя местами высокую рожь, местами — древесные насаждения и другие преимущества местности. Вследствие этого австрийские батареи, прежде чем снялись с позиции и отошли назад, причинили пруссакам лишь ничтожные потери.

Один полубатальон пруссаков ворвался в Зебук, но в этой расположенной в низине деревне он оказался, как в западне, и подвергся одновременному обстрелу с фронта и с фланга втрое превосходившей его численностью австрийской пехоты. Все прусские офицеры, кроме одного, были выбиты из строя; лишь общее отступление всего 4-го корпуса освободило пруссаков из того критического положения, в которое они попали в Зебуке.

Бой продолжался с 4 ч. 30 м. до 6 час. пополудни. Штейнмец радовался, что австрийцы открыли ему свободный проход к Градлицу, и, не помышляя о преследовании их, он пошел дальше своей дорогой. Произошло так много задержек, что арьергард Штейнмеца, состоявший из бригады 6-го корпуса, мог двинуться в путь лишь поздно ночью.

Так же и австрийский 4-й корпус лишь ночью расположился на биваках по ту сторону Эльбы.

ГИЧИН

В тот самый день, 29-го, когда близ Эльбы происходили бои под Кенигингофом и Швейншеделем, произошел решительный бой между принцем Фридрихом-Карлом и кронпринцем саксонским. Мы видели, что Фридрих-Карл должен был прибыть в Гичин еще 25-го, если бы он продвигался с надлежащей скоростью [1]. В таком случае 2-я армия не потерпела бы поражения под Траутенау и не волновалась бы за исход боев под Зоором и Находом. После того как Фридрих-Карл, наконец, перешел 28-го через Изер, он настолько не понимал истинного положения вещей, что намеревался итти не на Гичин, а вниз по течению р. Изера. Мольтке все время из Берлина держал его в курсе всех дел, и Фридрих-Карл не должен был бы сомневаться в том, что Альберт и Клам отступают не на Ней-Бунцлау (Младо-Болеслав), а на Гичин. Но суть заключалась в том, что прямым путем на Гичин пошли одни лишь австрийцы, саксонцы же избрали дорогу, которая сначала приближала их к Ней-Бунцлау; саксонская резервная артиллерия и часть их обоза даже прошла через это местечко. Вот почему в главной квартире принца Фридриха-Карла сложилось впечатление, что под Ней-Бунцлау сосредоточиваются крупные неприятельские силы, а поэтому принц и намеревался итти не на Гичин, а за ними.

Совершенно правильно отмечает ф.-Леттов-Форбек: «... Трудно найти оправдание тому, что до такой степени игнорировали приказание его величества (Мольтке) соединиться со 2-й армией и двукратное предложение Мольтке, от 22-го и от 23-го, облегчить себе выполнение этой трудной задачи, двинувшись вперед на Кениггрец».

Однако, Фридрих-Карл не имел намерения и 29-го прямо пойти на австро-саксонцев, желая сперва предоставить войскам однодневный отдых. 23-го числа он перешел границу, а уже 25-го и 26-го были назначены дневки; 29-го снова предполагалось отдыхать. Он объяснял продовольственные затруднения, которые испытывали его войска, не тем, что они шли слишком тесно сомкнутой колонной, а чрезмерной поспешностью своих передвижений [2].

---

[1] См. выше, стр. 308 и 325. — *Прим. авт.*

[2] Принц Фридрих-Карл, не желая соблюдать новое правило Мольтке «врозь двигаться, вместе драться», вел свою армию попрежнему в скученном порядке.

Если бы принц выполнил свое намерение и двинулся вниз по течению р. Изера, он снова произвел бы такой же удар по воздуху, как перед тем у Рейхенберга; и немудрено: ведь его кавалерийский корпус попрежнему стоял лагерем к северу от р. Изера, составляя самый задний эшелон его армии.

Лишь 29-го, когда его положительно засыпали телеграммами от Блюменталя и из Берлина, Фридрих-Карл решился двинуть 1-ю армию на Гичин и далее на Милетин. Но выступление состоялось лишь в полдень, а тесное сосредоточение всех сил парализовало подвижность армии.

В распоряжении были лишь две дороги, причем эшелонированные дивизии могли частично выступить лишь к вечеру. Эльбская армия вообще не могла двинуться в поход прямо перед собой, а должна была сперва податься вправо, чтобы попасть на другие дороги. «Ясно, насколько важно сохранять разъединенность колонны возможно дольше, — писал Мольтке в сочинении генерального штаба, посвященном кампании 1866 г., — ибо, сужая фронт, мы сокращаем число дорог, которыми можно было бы располагать для продвижения вперед, и увеличиваем на них число эшелонов, причем походные колонны растягиваются на расстояния целых дневных переходов. Своевременное же сосредоточение к моменту решительного боя зависит в такой же мере от расстояния в глубину, как и от расстояния по фронту».

В голове прусских колонн, приближавшихся к Гичину по Турнауской дороге, шла одна из дивизий 3-го (бранденбургского) корпуса. В 3 ч. 30 м. пополудни Клам подвергся атаке к северу от Гичина (схема 17). В этот день он так же не ждал уже боя, как и Альберт, стоявший в селе, расположенном к юго-западу от Гичина. Ни Альберт, ни Клам еще ничего не знали о решении Бенедека отказаться от похода на Гичин. Оно было принято накануне 28-го в 11 час., причем верховное командование не сочло нужным в ту же ночь уведомить о нем Альберта.

Правда, гичинская телеграфная станция была временно закрыта, потому что прусские кавалерийские разъезды доходили до самого города, но соседние телеграфные станции сохранили связь с Иозефштадтом; впрочем провод между последним и Гичином уже снова работал в ночь с 28-го на 29-е, но Крисманич им не пользовался. 29-го в 12 час. дня Альберт донес по телеграфу из Гичина, что австро-саксонцы прибыли сюда и что неприятель непосредственно им не угрожает; одновременно Альберт испрашивал разрешения назначить на 30-е дневку; иозефштадтский телеграф ответа не дал, так как главная квартира уже была перенесена в Дубенец, а полевого телеграфа у нее не имелось. Телеграмма Альберта еще не была вручена Крисманичу, как тот отправил в 4 часа пополудни майора, графа Штернберга, чтобы уведомить кронпринца Альберта о приостановке похода главной армии на Гичин и предложить австро-саксонцам, избегая более крупных столкновений с противником, присоединиться к главной армии.

Повидимому, «приостановка» не служила в данном случае одним лишь смягчением выражения, под которым надлежало разуметь «отмену». Крисманич вовсе не отказывался от похода на Гичин. Он с часу на час ожидал атаки кронпринца прусского и рассчитывал его разбить.

Это было бы самовнушением, но без него он вообще не мог бы пойти на Дубенец; он все еще не мог разгадать истинного смысла двухфронтовой стратегии Мольтке. Правда, теперь он уже понимал, что его атакуют с двух фронтов, но этот рутинер не мог отделаться от традиций стратегии Наполеона, который не применял этого метода подобным образом. Один из двух прусских фронтов все еще представлялся ему чем-то вроде диверсии [1]. Как он выражался, на стороне противника была, так сказать, первичная и второстепенная боевая сила. Сперва он видел такую первичную, основную силу в армии принца Фридриха-Карла, а потому и намеревался устремиться на нее даже тогда, когда имел возможность атаковать 2-ю армию под Скалицем, повидимому, при чрезвычайно благоприятных для него условиях. Крисманич тогда предполагал, что она в качестве второстепенной силы, — вроде отряда принца Наполеона, предназначенного для производства диверсии, — будет уклоняться от решительного боя.

Теперь взгляд его на прусские военные силы изменился. Кронпринц, одержав три победы, прорвался через горы и достиг Эльбы. Очевидно, первичная основная сила была у кронпринца, а второстепенная — у принца Фридриха-Карла. Эта второстепенная сила, полагал Крисманич, не будет особенно торопиться с опасным походом на Гичин. Действительно, мы видим, что кронпринц решился на этот шаг лишь после настоятельных побуждений из Берлина. Чтобы план Крисманича мог осуществиться, принц Фридрих-Карл не должен был его пока принимать, ибо от гориц-милетинской позиции, в тылу австрийской главной армии, Гичин отделяло расстояние всего лишь в один дневной переход.

Поэтому психологически представляется понятным, почему Крисманич, ожидавший с часу на час атаки силезской армии, так поздно отправил графа Штернберга в расчете на то, что австро-саксонцы очистят Гичин не раньше, как 30-го числа. Может быть, он надеялся одержать победу под Дубенцем еще в этот день. Если 2-я прусская армия тогда подойдет, то, думал он, тем хуже для нее.

Итак, Альберт и Клам в тот момент,—в 3 ч. 30 м. 29-го числа, — когда их атаковали пруссаки, ошибочно предполагали, что австро-саксонцы стоят под Гичином в качестве авангарда главной армии. Однако, они не могли понять, отчего до сих пор не показывается 3-й корпус, который 27-го стоял под Милетином и прибытие которого 29-го числа в Гичин им было возвещено. Как бы то ни было, но у них не возникало ни малейших сомнений, что они должны держаться во что бы то ни стало.

Казалось, что им нечего было бояться даже тогда, когда через 2 часа после прибытия по Турнауской дороге одной прусской дивизии стала приближаться по мюнхенгрецкой дороге и вступила в бой вторая. То были померанцы 2-го корпуса. Против этих 2 дивизий бой вели 1½ австро-саксонских корпуса. Кроме того, к югу на шоссе на расстоянии 1 мили (около 7 км) от Гичина стояла еще одна саксонская пехотная дивизия. Она только что стала на бивак, отступив от Мюнхенгреца.

---

[1] Не диверсия, а демонстрация. В стратегии диверсией называется отвлекающая операция, производимая на другом театре или во всяком случае на очень отдаленном пункте.

Несмотря на двойное превосходство сил и на то, что 2 прусских дивизии были отделены одна от другой поросшей лесом горой Привисин, непроходимой для более крупных воинских частей, ни Альберт, ни Клам не думали переходить в наступление. Они хотели лишь использовать крайне выгодные условия местности для чистой обороны. Ведь надо было продержаться только до вечера. На другой день, согласно полученному Альбертом приказу по армии, главные силы должны были прибыть к Гичину. Тогда к северу и востоку от этого города должны были стоять 6 корпусов, — 4 корпуса главной армии впереди и австро-саксонцы позади, — и притом фронтом, обращенным не к армии принца Фридриха-Карла, а на Берлин.

Сам Бенедек хотел перенести 30-го свою главную квартиру в Гичин. Пусть же он и возьмет наступление в свои руки.

Вместо этого 29-го в 7 ч. 30 м. вечера прибыл граф Штернберг с приказом об отступлении австро-саксонцев, которые до того успешно обороняли свою позицию к северу и северо-западу от Гичина [1].

Приказ об отступлении по своей редакции не особенно торопил с его выполнением. Такой же характер носил и прибывший приблизительно одновременно телеграфный ответ Бенедека на запрос относительно назначения на 30-е дня отдыха:

«Назначить дневку, если крайне необходимо. Армия остается на завтра (30-е) в Дубенце в ожидании боя. Желательно скорое присоединение».

Итак, от Клама и Альберта всецело зависело продолжать бой еще около 1½ часов до наступления темноты, а затем под покровом ночи

---

[1] Утверждали, будто Штернберг, получив письмо в 7 ч. 45 м. утра, доставил его кронпринцу саксонскому лишь через 12 час. Так как Дубенец отстоит от Гичина всего лишь в 4 милях (ок. 28 км) по воздушной линии, причем оба эти пункта соединены хорошими дорогами, то это служило бы новым доказательством организационных дефектов административной канцелярии. Однако, мы не имеем оснований не верить данным, приведенным в сочинении австрийского генерального штаба, согласно которым приказ, хотя и подписанный в 7 ч. 45 м. утра, был отправлен лишь после полудня. Длительные сроки между изготовлением и отправкой бумаг были обычными явлениями в практике австрийского генерального штаба.

Один саксонский офицер, на сообщение которого опирается ф.-Леттов-Форбек (III, 489), утверждает, будто он застал Штернберга в 8 час. утра в замке Милитшовес, не доезжая до Гичина. От Дубенца до Милитшовеса ровно 4 мили (ок. 28 км); Штернберг не мог проехать их за четверть часа. Так как саксонский офицер оставался еще в замке и после обеда, то, надо полагать, что он перепутал часы, — ошибка, с которой исследователю исторических документов нередко приходится встречаться.

Штернберг будто бы рассказывал уже после кампании этому саксонскому офицеру, что против него возбуждалось дело в военном суде за небрежное доставление приказов, которое, однако, было прекращено. Доктор Ганс Пичек (Danzers Armeezeitung", апрель 1904 г.) рассматривал подлинные документы, но не нашел ни малейшего повода к уголовному преследованию против Штернберга. Впрочем саксонский офицер утверждает, что сведения эти он получил в августе 1866 г., когда ни одно из возбужденных после кампании военно-уголовных дел еще не было закончено.

Как мы видим, даты, указанные саксонским офицером, не соответствуют действительному ходу событий, и нет никаких оснований считать его рассказы более достоверным источником, чем труды австрийского генерального штаба. На счетах у австрийского адъютантского корпуса стоят гораздо более серьезные минусы в связи с боем под Зоором, но в деле под Гичином он столь же мало повинен, как и в деле под Скалицем. Сочинение Фридъюнга, придерживавшегося иного взгляда, отмечено явно антиаристократической тенденцией. — *Прим. авт.*

беспрепятственно отступить. Помимо пехотной дивизии, стоявшей к югу от Гичина, у них имелось еще 3 нетронутых пехотных бригады, у противника же — только одна. То, что они тем не менее сделали ошибку, приказав немедленно оторваться от неприятеля, надо приписать подавленности духа, вызванной в них колебаниями верховного командования.

Сначала саксонцев отвели к Пржелаучу, затем вновь бросили вперед к Изеру. Был возвещен поход главных сил на Изер, позднее приостановленный. Снова о нем возвещают, причем массы главных сил, казалось, подошли уже вплотную, как снова происходит приостановка в движении и притом как раз в момент, когда превосходные неприятельские силы уже двинулись для окружения этой оторванной от армии части.

Пересеченная местность, облегчавшая австро-саксонцам оборону, затрудняла их отрыв от пруссаков, поскольку не все части, завязавшие бой в деревнях и лесах, получили приказ от отступлении. Вследствие этого один австрийский стрелковый батальон потерял почти третью часть своего состава. Батальон одного австрийского полка был прижат к болоту, другая — несколько большая воинская часть — к пруду; обе эти части положили оружие. Одна австрийская бригада, видя, что стоявшие рядом саксонцы начали отступать, сочла своим долгом сама, не получая приказа об отступлении, притти последним на помощь обычным в таких случаях ударом в штыки; при этом один из ее полков потерял до 25% своего состава.

Отхлынувшие массы войск стеснились в ночной темноте перед Гичином, через который пролегал их путь. Через город должны были также пройти: артиллерийский резерв 1-го австрийского корпуса, резервная артиллерия саксонцев, лазаретные и другие фуры. Лишь вследствие крайнего истощения своих сил, противник ничем из этого не овладел.

По уговору между Кламом и Альбертом, одна саксонская бригада должна была занять Гичин в качестве общего арьергарда. Но раньше чем она успела прибыть на место, австрийцы так поспешно эвакуировали город, что Клам, диктовавший на рыночной площади приказы относительно краткой ночной стоянки и дальнейшего похода, остался совсем без прикрытия; передовые части пруссаков вспугнули его, и он был вынужден спасаться бегством вместе со своей свитой.

Таким образом, австрийцы потеряли 15% своего состава — большей частью нераненными пленными и без вести пропавшими. Среди саксонцев число здоровых, взятых в плен, и пропавших без вести солдат было ничтожно, ибо среди них политическое недовольство было мало распространено; тем не менее 3 батальона пехотной бригады, принимавшей серьезное участие в бою, потеряли до 15%. Из 45 офицеров этой бригады выбыло из строя 18, так что у принца Альберта сложилось впечатление, что она в значительной мере утратила свою боеспособность. Потери пруссаков достигали 7%, причем на этот раз в смысле понесенных потерь разница между ними и австрийцами не была уж так велика, как обыкновенно, ибо в этом чисто оборонительном бою, рассчитанном исключительно на сдерживание пруссаков, австрийцы мало применяли свою ударную тактику. Опираясь на скалы, болота и леса, они могли с тем большим успехом пользоваться своими шомпольными ружьями, что и артиллерия их находила здесь очень выгодные позиции. Под действием огня австрийских стрелков и ору-

дий прусская пехота местами пришла в расстройство. Ей приходилось ложиться на ровном поле без малейшего прикрытия. В таком положении даже игольчатое ружье не могло оказать ей существенной помощи [1].

На следующее утро в 7 ч. 30 м. из Милетина в Дубенец отправлена была от 3-го корпуса телеграмма следующего содержания: «Прибывают отдельные части 1-го корпуса; последний утратил боеспособность: снарядный парк его пуст, провианта нет». Позднее офицер 3-го корпуса доносил в Дубенец, что бригады 1-го и саксонского корпусов рассеялись, а части их отступают по разным дорогам. Он же рассказывал и о частях, оттесненных к пруду: один из батальонов имеет в настоящее время в своем составе только 250 чел. Когда Бенедек получил эти мрачные вести, три его корпуса только что — вполне или отчасти — приготовились к бою, ибо артиллерия Штейнмеца уже открыла огонь; а головные части 5-го корпуса стали показываться на опушке леса. Бенедек еще собирался принять сражение, хотя и сознавал, что на предстоящий день тыл его не обеспечен. Но кронпринц прусский не наступал. Правда, с вечера предыдущего дня,— следовательно, с того времени, как происходил бой под Гичином,— его армия была в сборе на берегу Эльбы; лишь один 6-й корпус стоял немного позади, у Скалица. Но кронпринц имел только 4 корпуса против 6, и 2-й армии не было никакой необходимости немедленно двигаться вперед, не дожидаясь поддержки со стороны Фридриха-Карла. Это понимал и Блюменталь, несмотря на то, что одержанные победы подняли его боевое настроение, и он телеграфировал Мольтке: «Армия миновала горные проходы и стоит на Эльбе, будучи сосредоточена между Арнау и Кенигингофом; последний пункт занят. 5-й корпус очень утомлен после двух победоносных сражений. Поэтому на сегодня все спокойно... Перейдем ли Эльбу в ближайшие дни, сомнительно. Не могла ли бы 1-я армия продвинуться вперед?»

Конечно, и Мольтке был далек от мысли, чтобы 2-я армия одна атаковала возвышенную позицию неприятеля. Он даже проявлял некоторое беспокойство, как бы австрийцы со своей стороны ни перешли в наступление против левого крыла 2-й армии — 5-го корпуса, так как Мольтке еще находился под впечатлением ошибочного донесения Блюменталя, согласно которому под Зоором победу одержал 1-й корпус; поэтому приходилось предполагать, что гвардия еще находится позади, в горных проходах. Но и после того как выяснилось истинное положение дел в этом пункте, судьба 5-го корпуса продолжала тревожить Мольтке. Он не ждал от австрийцев, чтобы они все еще могли удержать позицию Гориц—Милетин между двумя прусскими армиями, но предполагал, что они несколько отошли по дороге на Ольмюц и стоят на левом берегу Эльбы между крепостями Иозефштадтом и Кениггрецем (схема 17). Со стороны Иозефштадта он и опасался флангового удара, направленного против Штейнмеца.

---

[1] Так как автор не приводит общей цифры потерь, а лишь некоторые проценты, то мы обратимся к австрийскому сочинению Berndt «Die Zahl im Kriege», составленному по официальным данным. В бою под Гичином участвовало: австрийцев и саксонцев 44 000 чел. (в том числе кавалерии 6 000) при 128 орудиях; пруссаков 28 000 (кавалерии 1 200) при 48 орудиях. Австрийцы и саксонцы потеряли 5 490 чел., из коих пленными и без вести пропавшими 2 520 чел. Из этого числа на долю саксонцев приходится только 26 офицеров и 566 нижних чинов. Потеря пруссаков составляла всего 1 556 чел.

Среди серьезных размышлений по поводу данной обстановки, справедливо возбуждавшей его опасения при черепашьем ходе 1-й армии, в его голове зародилась новая гениальная мысль.

После тех категорических приказаний, которые даны были принцу Фридриху-Карлу, можно было надеяться, что теперь, наконец, он прибыл в Гичин. В таком случае обе армии находились друг от друга на расстоянии лишь одного крупного перехода, и между ними не имелось ни одной неприятельской части. Но из этого, согласно ходу мыслей Мольтке, еще не следовало, что армии должны объединиться тактически, т. е. что войска кронпринца должны непременно перейти на ту сторону Эльбы. Мысль об атаке с двух фронтов, оправдавшуюся стратегически, Мольтке захотел провести до конца и тактически. Исходя из предположения, что неприятель находится между Иозефштадтом и Кениггрецем, он задумал план, по которому 2-я армия должна была обойти его через р. Аупу, в то время как 1-я армия направилась бы против его фронта за Эльбой. Не будучи уверен в правильности своего предположения о местонахождении противника и незнакомый с местностью, пролегавшей у рек Эльбы и Аупы, Мольтке не остановился окончательно на этом операционном плане, но приказал Блюменталю остановиться на левом берегу Эльбы, а принцу Фридриху-Карлу, не задерживаясь, итти на Кениггрец. Обе телеграммы были отправлены с железнодорожной станции Кольфурт, так как король и Большой генеральный штаб выехали 30 июня на богемский театр войны.

Тем временем 1-й австрийский корпус в большой своей части достиг Горица и Милетина, проведя в движении все утро, несмотря на крайнее истощение сил; лишь некоторые довольно значительные части его при появлении на горизонте нескольких прусских эскадронов отошли от своей линии отступления и свернули на Смирдар. То была дорога, предназначенная для саксонцев. Последние отступали в полном порядке, так как из всего корпуса только 3 батальона приняли серьезное участие в бою. Один из этих батальонов был также оттеснен от назначенной ему линии отступления и попал в Милетин. Здесь Клам полагал, что он имеет возможность оставаться со своими расстроенными войсками лишь до следующего утра — с тем чтобы отвести их на другой день под защиту кениггрецких орудий.

Но те же 3 эскадрона, которые спугнули часть его корпуса и загнали ее в Смирдар, отважились добраться и до Горжица, причем этот небольшой отряд 2-го гвардейского уланского полка оказал немалое воздействие на дальнейший ход событий. Тогда Клам решил тотчас же эвакуировать Гориц—был 1 час пополудни—и отойти на Кениггрец: «ибо,—как сказано в сочинении австрийского генерального штаба,—войска были расстроены, истощены, без боевых припасов и небоеспособны».

Но и у Садовой, где корпус расположился на биваках, смертельно измученные войска еще не могли отдохнуть, до ночи оставаясь под ружьем, так как то и дело раздавались восклицания: «Пруссаки идут!» Причиной этих ложных тревог была отходившая лавина обоза главной армии, ибо и последняя покинула свои позиции после того, как 3-й корпус по телеграфу оповестил о появлении под Горжицем «головных частей пруссаков», т. е. гвардейских улан. В 3 часа пополудни 30 июня Бенедек отдал приказ об очищении Дубенецких высот и об отходе на позиции к западу от Кениггреца: «Выступление начать в 1 час пополуночи, обозы же должны быть немедленно отправлены

в том самом направлении, куда пойдут войска. Части, которые должны будут двигаться по одной дороге, обязаны согласовать свои действия между собою. Предлагаю принимать все необходимые меры предосторожности, особенно с той стороны, где можно ожидать атаки...».

Этот приказ об отступлении сопровождался инструкцией всем корпусным командирам и начальникам кавалерийских дивизий, строжайше предписывавшей пресекать «всякие деморализующие проявления и тревожные слухи». Верховное командование сознавало, что его способ ведения армии вызывает недоверие. Под натиском превосходной прусской стратегии 6 из 8 австрийских корпусов потерпели чувствительные удары и, видимо, утратили ориентировку, напоминая шахматные фигуры, наугад передвигаемые плохим игроком; их отправляли то к линии железной дороги, то к Изеру, то на Горжиц—Милетин, то на Гичин, то к Эльбе. Наконец, 30 июня утром, повидимому, все собрались, готовясь к генеральному сражению, и вдруг снова после обеда раздалась команда: «Все — назад!»

6 корпусам, 4 кавалерийским дивизиям, армейскому артиллерийскому резерву и обозу пришлось тесниться на четырех дорогах, если не говорить о плохих проселках, которые вследствие дождей стали еще более непроезжими. Два орудийных выстрела, раздавшиеся со стороны Штейнмеца, заставили 2 австрийских корпуса и 1 кавалерийскую дивизию приготовиться к отражению внушавшей такой страх атаки, а показавшаяся к востоку от Милетина кавалерия принца Фридриха-Карла внушила Бенедеку тревогу, что его одновременно атакует и другая прусская армия. Пруссаки в это время ворвались бы в колонны противника, приведенные в хаотическое состояние, главным образом потому, что обозу не удалось достаточно опередить остальные части войска.

В самом деле, сражение разыгралось бы в тот же день, если бы Фридрих-Карл, следуя указаниям, посланным ему из Кольфурта, двинулся без задержек на Кениггрец. Но принц, прошедший за 9 дней со времени перехода им через границу расстояние всего лишь в 12 миль (около 84 км) по воздушной линии, полагал, что его войска настолько утомлены, что им необходимо несколько дней отдыха для восстановления якобы подорванной боеспособности 1-й армии. Неохотно выполнил он 1 июня небольшой переход, к которому приказал приступить лишь в 3 часа пополудни [1]. Вечером 1-я армия расположилась лагерем в двух милях от Быстрицы, за которою австрийцы предполагали стать биваком. Их отступление заметили кавалерийские разъезды обеих армий, но так как для разведок пользовались лишь дозорами, а не более крупными массами, то скоро контакт с неприятельскими войсками был утрачен.

Впрочем пруссаки ничего не потеряли от того, что они упустили случай застигнуть австрийцев на походе в их беспорядочном состоянии, ибо хотя прусские армии вступили в контакт в направлении Арнау, где их кавалерийские части приветствовали друг друга, но оперативная связь еще не была установлена. Поездки адъютантов из одной главной квартиры в другую требовали многих часов. Сношения по полевому телеграфу были ненадежны, ибо нередко собственные

[1] Такое явное, упорное и длительное неисполнение приказаний верховного командования могло происходить лишь потому, что Мольтке должен был нянчиться с командующим 1-й армии как с самым влиятельным и самолюбивым принцем королевского дома.

войска разрушали непонятные для них сооружения. До тех пор, пока король не завершит своего путешествия и не возьмет в свои руки командования обеими армиями, генеральное сражение представлялось с прусской точки зрения нежелательным.

Бенедек этого не понимал, считая себя под непосредственной угрозой; однако, и в этом кризисном положении он продолжал высоко держать голову. Занявшись, главным образом, обозом, он 17 час. оставался на коне. Никогда он не был позером больше, чем в это время, стараясь своим самоуверенным поведением следовать тезису Фридриха Великого, что хороший полководец должен быть также и хорошим актером. Однако, Францу-Иосифу он телеграфировал из Кениггреца: «Убедительно прошу ваше величество во что бы то ни стало заключить мир; катастрофа для армии неизбежна».

1 июля армия — все 8 корпусов — стояла сосредоточенно под Кениггрецем, занимая сильную позицию. Благодаря обильному снабжению, войска скоро оправились от понесенных ими трудов и лишений; при всяком появлении Бенедека они приветствовали его радостными кликами, ибо кризис доверия охватил лишь высшие командные круги и штабы. Правда, в неудачных боях армия потеряла 30 000 солдат, но 20 000 обученных рекрут были готовы заполнить образовавшиеся бреши. Вероятно, еще до получения телеграммы, возвещавшей близкую катастрофу,— на основании более ранней телеграммы, сообщавшей о поражении под Гичином и эвакуации Дубенецкой позиции,— в Вене было решено просить посредничества Наполеона и уступить ему Венецию. Этот шаг во всяком случае освобождал 2 корпуса итальянской армии и давал возможность использовать их на богемском театре войны; при таких условиях против 8½ прусских корпусов стояло бы 10 австрийских.

Казалось, что Австрия далеко еще не проиграла войны: почему же Бенедек пришел в такое отчаяние? Уже не веря в формулу Крисманича о первичной и второстепенной силах, он был убежден, что прусская атака с двух фронтов, не состоявшаяся 30 июня и 1 июля, тем неизбежнее произойдет 2-го либо 3-го. Уклониться от нее, отойдя за Эльбу на позицию Пардубиц—Хрудим, Бенедек считал почти невозможным, ибо на то, чтобы переправить через Эльбу обоз, ему пришлось бы затратить весь день 2 июля. Между тем Кениггрецкие высоты были благоприятны для одной лишь чистой обороны — той формы боя, о которой Бенедек знал, что, придерживаясь ее, победы не одержишь; эта позиция не представляла никаких удобств для мощного контрудара. Кроме того, под Кениггрецем пришлось бы сражаться, имея реку у себя за спиной. Маленькая крепость Кениггрец не могла бы служить прикрытием для отступления.

Итак, австрийская армия под Кениггрецем находилась в совершенно ином положении, чем под Дубенцем,— тем более, что там Бенедек добивался решительного сражения, располагая 5 корпусами против 4 корпусов кронпринца, в то время как здесь ему 8 корпусами приходилось выступать против 8½ прусских корпусов.

Как и следовало ожидать, в Вене признали невозможным заключить мир раньше, чем произойдет решающее сражение. Однако, совершенно неправильно предположение некоторых историков, будто Бенедек именно по этой причине и принял сражение под Кениггрецем. «Если отступление необходимо, отступайте», телеграфировал Франц-Иосиф, ни в какой мере, следовательно, не стесняя Бенедека в выборе

времени и места сражения. Бенедек сомневался, что отступление до пардубиц-хрудимской позиции, о котором он сообщал императору, как о намечаемой им операции, даст ему возможность дать бой, успешно применяя оборонительно-наступательную тактику. Он даже опасался, что, несмотря на все преимущества этой позиции, противнику удастся его обойти: «Если меня не обойдут,— телеграфировал он императору в 11 час. вечера, — если я буду иметь возможность рассчитывать на свои войска и если представится благоприятный случай для перехода в наступление, я атакую неприятеля; в противном случае постараюсь по возможности привести армию обратно в Ольмюц».

В письме Бенедека к жене мы читаем: «Возможно, что я снова тебя увижу. Лучше было бы, если бы меня сразила пуля, но я готов перенести даже позор, если я этим смогу в последний раз послужить императору и армии».

Повидимому, это относится к отходу на Ольмюц. Несомненно, такое отступление вызвало бы строгое осуждение со стороны многих, как и сам Бенедек его осуждает в этом письме; однако, с военной точки зрения оно было бы правильным, а с точки зрения политической явилось бы спасением. При авторитете Бенедека в войсках ему удалось бы заставить их выполнить этот 8-дневный отход. А какое действие могла оказать на Наполеона такая потеря времени для пруссаков?

На вопрос ген.-интенданта, посылать ли ему в кениггрецкий лагерь дальнейшие транспорты противника, Крисманич отвечал: «Никаких новых отправок сюда не делать!» Пытались также в следующую ночь перебросить на ту сторону Эльбы обоз, чтобы уже 2-го иметь возможность начать отступление. Но,— как это, вероятно, сами предвидели,— такая попытка не удалась; чтобы очистить для армии дорогу на Пардубиц, пришлось затратить еще весь день 2-го и ночь на 3-е число.

Тем временем 2-го, в 12 час. дня, Бенедек созвал корпусных командиров, их начальников штабов, начальников кавалерийских дивизий, командиров бригад и начальников армейского артиллерийского резерва и снарядного парка. Желая скрыть, что противник предписывает ему его движения, Бенедек поставил перед собравшимися вопрос, не ощущается ли на биваках недостатка в воде и не следует ли по этой причине изменить место стоянки войск? «На этот вопрос все дали отрицательный ответ», читаем мы в сочинении австрийского генерального штаба... «При трудном положении, в котором находилась армия, все ожидали... каких-либо важных сообщений... Однако, главнокомандующий поставил на обсуждение лишь вопросы, касающиеся внутренних порядков службы; он требовал прежде всего поддержания дисциплины и поднятия в войсках пошатнувшегося доверия; от подчиненных начальников он требовал ясности и четкости в их распоряжениях».

Бенедек делал вид, будто он имеет возможность предоставить войскам несколько дней отдыха на позиции под Кениггрецем и намерен это сделать. Однако, слишком очевидно было, что он не обладал свободой действий. Самый младший из присутствовавших на совете 40-летний кавалерийский генерал Эдельсгейм, с которым мы познакомились еще под Мадженто и Сольферино [1], сказал, что едва ли ар-

[1] См. стр. 242 и 249. — *Прим. авт.*

ми-л удастся отдохнуть, так как надо ожидать, что либо сегодня же, 2 июля, либо завтра утром ее атакует противник. Бенедек отклонил эту тему, заметив, что молодые люди всегда своеобразно мыслят.

Как Габленц под Зоором, так Бенедек под Кениггрецем споткнулся на собственный обоз. Припертый к стене, он был вынужден принять сражение.

Глава IV

Сражение под Кениггрецем

Мольтке и не подозревал о подобном успехе своего операционного плана, когда главная квартира прибыла 2 июля в Гичин. В королевском приказе обеим командующим армиями говорилось, что первая задача — установить, где находятся главные силы противника, ибо, несмотря на ряд удачных боев, контакт с ним утерян [1]: по всей вероятности, они находятся где-нибудь за Эльбой, между Иозефштадтом и Кениггрецем. «Надо было либо атаковать австрийцев в этой позиции, либо при помощи маневра заставить их очистить ее», — пишет Мольтке в сочинении прусского генерального штаба. «Для этой последней задачи (т. е. для того, что Бенедек в своем донесении императору обозначил обходом) армии пришлось бы сделать поворот направо кругом и двинуться на Пардубиц вдоль неприятельского фронта, минуя его, откуда она, правда, угрожала бы всем сообщениям противника. При этом, однако, надо было принять меры, чтобы этому фланговому маршу не могли помешать наступательные действия с позиции противника».

Этому вытеснению противника из его позиции при помощи маневра или обхода, путем сдвига всей прусской армии в направлении Пардубица, Мольтке предпочел, как мы уже знаем, атаку по двум направлениям: одну — в направлении Эльбы, другую — Аупы. Блюменталь, одобрявший стратегию двух фронтов, выдвигал серьезные возражения против тактики двух фронтов. Учитывая наличие двух крепостей и реки Эльбы, он опасался, что если пруссаки будут итти врозь, то их врозь могут разбить. Блюменталь высказывался за переход 2-й армии через Эльбу, чтобы повести ее на соединение с 1-й. По этой причине он уже приказал 1-му корпусу переправиться через реку. Он не допускал мысли, что Бенедек захочет отступить на Ольмюц, предполагая, что последний будет отходить по направлению к Вене. Поэтому Блюменталь предполагал, что противник находится не у Хрудима, а под Колином.

Однако, Мольтке в своей непреклонной твердости не дал сбить себя с намеченного пути доводами Блюменталя. Подобно тому как он бомбардировал Фридриха-Карла, подгоняя его вперед, так теперь он поступал и с Блюменталем, чтобы удержать его на этой стороне Эльбы. Лишь в том случае, если бы условия местности представили

[1] Этот факт представлялся бы невероятным, если бы не был установлен в королевском приказе.

слишком большие затруднения, он был готов согласиться на соединение обеих армий и на сдвиг вправо. 3 июля 1-я армия должна была занять Садовую, чтобы произвести рекогносцировку линии р. Эльбы, 2-я армия должна была выполнить ту же задачу на р. Аупе. Таким образом, принц Фридрих-Карл, повидимому, мог рассчитывать на тот продолжительный отдых, который он так желал предоставить своим войскам. С тех пор как 30 июня 6-й корпус достиг Эльбы, кронпринц не произвел никаких сколько-нибудь значительных передвижений, если не говорить о переходе 1-м корпусом Эльбы у Нейштадтля и занятии им позиции под Обер-Праусницем. После ударов, нанесенных противнику пруссаками между 27 и 29 июня под Находом, Скалицем, Зоором и Гичином, наступила приостановка в операциях, а впереди, повидимому, предстоял ряд дней, в которые должны были производиться лишь рекогносцировки и маневрирование. Удастся ли Бенедеку в конце концов выбраться в Хрудим, где его офицеры уже обследовали высоты? Будущее Германии и Европы зависело от того ответа, какой судьба даст на этот вопрос. Раз австрийской армии, сравнительно мало подорванной в моральном и материальном отношении, удастся добраться до дороги на Ольмюц, интервенция Наполеона станет неизбежной, и Бисмарк сделает свой контршаг — признание конституции 1849 г. и черно-красно-золотого знамени, под сенью которого выступал в это время 8-й союзный корпус против Фалькенштейна. Уже теперь Бисмарк использовал против Австрии революционную идеологию, которая в 1859 г. доставила победу Наполеону. При своем вступлении в Богемию пруссаки выпустили прокламацию «К достославному чешскому народу». Правда, результаты были пока в значительной мере отрицательные [1], но тем большие надежды подавали переговоры с венгерской эмиграцией, которые Бисмарк завязал так же, как Наполеон в 1859 г. Последний, как я о том говорил во введении к истории войны 1859 г., хотел возбудить к войне против Австрии и сербов; по его примеру, Бисмарк пытался склонить к тому же Румынию. Он содействовал вступлению на румынский престол Карла Гогенцоллерна, который незадолго перед началом войны 1866 г. тайно проехал через Австрию, чтобы вступить в управление страною. На венском вокзале Карл наблюдал суматоху, поднятую военными, отъезжавшими в Ольмюц.

Эта армия еще не была разгромлена. Она еще могла взамен Венеции завоевать Силезию. Правда, для этого Австрии пришлось бы выдержать «огневое испытание» борьбы рас, какому она подверглась в мировую войну. Если бы Бенедеку удалось ускользнуть через Кенигрецкие теснины и благодаря этому война превратилась бы в войну всеобщую, то, наряду с демократическими силами Германии, в движение пришел бы и Восток; к этому уже готовилась Россия, шедшая в области дипломатии рука об руку с Пруссией. Кабинетная война превратилась бы тогда в войну идеологическую, подобно войне 1859 г., но гораздо более грандиозных размеров.

С другой стороны, могло также случиться, что доверие короля Вильгельма к Бисмарку поколебалось бы, ввиду нерешительного исхода военных действий, и он отказался бы вступить в союз с немецкой и интернациональной революцией. И в этом случае Бенедек политически выиграл бы кампанию.

[1] См. стр. 325. — *Прим. авт.*

Все возможности того или иного развития событий, которые теперь нам представляются фантастическими, но в то время являлись вполне реальными, были предотвращены разъездом улан: прусская кавалерия проглядела выступление австрийской армии из Дубенца. Она не преследовала ее во время отхода с этой позиции и не сумела поддержать с нею контакт. Однако, в конце концов ей все же удалось установить место пребывания противника. Майор ф.-Унгер, выехав за Миловиц, заключил из показаний пленных и разговоров местных жителей, что впереди стояло лагерем не менее 3 корпусов. Он прорвался со своими людьми через цепь австрийских аванпостов и действительно увидел массы неприятельских войск. Эскадрон австрийских улан заметил разведчиков противника, которым удалось ускакать. Майор Унгер, получив удар пикой, который пробил его мундир, благополучно добрался до главной квартиры принца Фридриха-Карла в Каменице.

Хотя Мольтке тогда уже не предполагал, что австрийцы еще стоят западнее линии Эльбы, однако, инструкции, преподанные им командующим обеих армий, предусматривали возможность и такого случая. «Если впереди этой линии окажутся более значительные силы противника,— так значилось в этих инструкциях,— то их надлежит атаковать с возможным превосходством сил». Таким образом, Фридрих-Карл знал, что он должен делать, — тем более, что сообразно складу своего ума он предполагал не отход неприятеля, а его наступление против своей армии. 2 июня в 9 час. вечера принц отдал приказ 1-й армии выступить еще ночью к Быстрице. Одновременно он отправил в главную квартиру кронпринца, в Кенигингоф, письмо с просьбой принять участие в его действиях, а его начальник штаба ф.-Фохтс-Ретц лично поехал в Гичин, в главную квартиру верховного главнокомандующего. Когда Мольтке познакомился с сообщениями Унгера, можно себе представить, с какой радостью он велел разбудить короля, и, по его совету, был дан следующий приказ кронпринцу: «Согласно полученным в 1-й армии сведениям, неприятель силою, примерно, в 3 корпуса,— которые впрочем могут получить дальнейшие подкрепления,— продвинулся до участка Быстрицы у Садовой, где ожидается завтра рано поутру его встреча с 1-й армией... Соблаговолите немедленно принять все необходимые меры к тому, чтобы иметь возможность выступить против правого фланга наступающего, как можно предполагать, противника с тем, чтобы ваши войска смогли возможно скорее принять участие в предстоящем сражении. Распоряжения, отданные сегодня пополудни при иных обстоятельствах, настоящим отменяются» [1].

В полночь два экземпляра этого приказа были отправлены двумя различными путями. Так как путь одного из посланных адъютантов шел через место стоянки 1-го корпуса, который, хотя уже и переправился через Эльбу [2], однако, находился от неприятеля на более далеком расстоянии, чем остальные части 2-й армии, то адъютанту была вручена также и непосредственная инструкция для Бонина. Она гласила: «Завтра рано поутру ожидается столкновение 1-й армии с тремя неприятельскими корпусами в окрестностях Садовой... соблаговолите

[1] План Мольтке для предполагаемого ганерального сражения состоял в том, чтобы 1-й армией Фридриха-Карла сковать противника с фронта и левого фланга, не дав ему возможности уйти за Эльбу, а 2-й армией кронпринца ударить ему в правый фланг.

[2] См. выше, стр. 534.

немедленно собрать свой корпус, дабы вы были в полной готовности ко времени получения вами приказаний от его королевского высочества кронпринца либо для самостоятельного вступления в бой, если то понадобится...» [1].

В Кенитингоф адъютант приехал 3 июля в 4 часа утра, а через час выпущены были приказы о походе — на 8 час. позднее, чем в 1-й армии. А так как эта последняя к тому же находилась ближе от австрийцев, чем 2-я армия, то прусская атака с двух фронтов могла бы быть

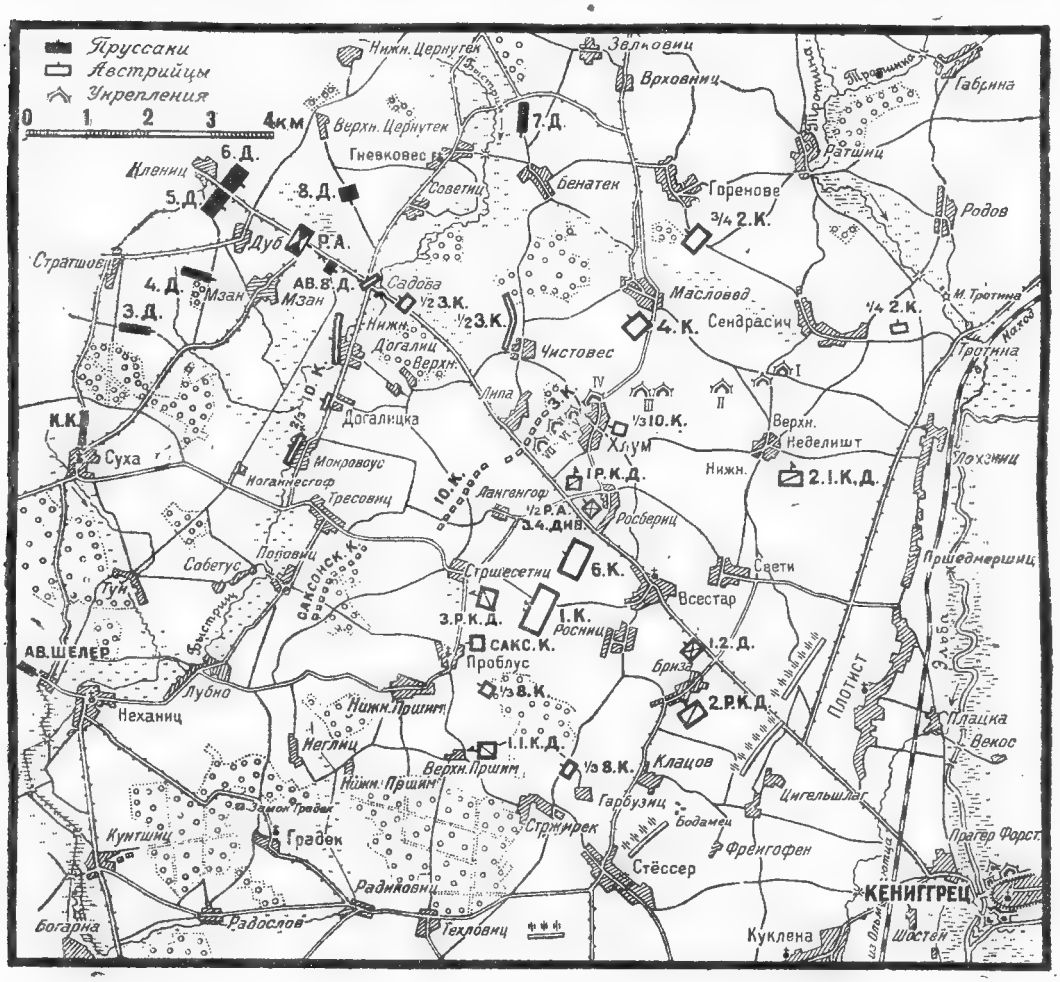


Схема 20. Сражение под Кениггрецем.

выполнена одновременно лишь в том случае, если бы 1-я армия простояла пассивно против неприятеля в течение нескольких часов. Но об этом, конечно, не могло быть и речи, ибо, во-первых, в таком случае

[1] Согласно устному преданию, Бонин будто бы выполнил этот приказ с большим промедлением и слишком поздно прибыл к месту боя. Однако, это — едва ли заслуженный упрек. Приказ, переданный адъютантом Мольтке сторожевым постам 1-го корпуса, доставлен был начальнику его штаба лишь в 4 ч. 45 м. утра, а в 9 час. корпус уже выступил.

В 4 часа адъютант прибыл в Кенигингоф к Блюменталю. Стоявшая здесь гвардия выступила в 8 час. Следовательно, и в том и в другом случае со времени прибытия приказа до выступления прошло около 4 час. — *Прим. авт.*

австрийцам дана была бы возможность уйти, а, во-вторых, потому, что Фридрих-Карл должен был попытаться охватить левый фланг австрийцев точно так же, как кронпринц должен был ударить им в правый. Между тем такой удар представляет операцию, требующую много времени, и подготовлять ее надо насколько возможно заранее. Поэтому поневоле 4½ прусским корпусам 1-й армии пришлось атаковать 8 австро-саксонских корпусов.

Перед фронтом саксонцев протекала Быстрица — незначительная речка, но с сильно заболоченными берегами, — через которую переправиться можно было только по мостам, но их заранее сломали (схема 20). Правда, мост в Неханице был лишь наполовину поврежден, так как кронпринцу саксонскому надо было дождаться возвращения австрийских разведчиков. Далее против фронта австрийцев протекал ручей; он хотя и вздулся от дождей, но пехота могла перейти его вброд. Впрочем здесь австрийцы оставили мосты нетронутыми, чтобы сохранить возможность повести контратаку, если бы наступление пруссаков удалось сломить артиллерийским огнем.

Как перед фронтом — Быстрицей, так и перед своим загнутым, в предвидении наступления кронпринца, правым флангом австрийцы располагали превосходным прикрытием для фланга — сильно заболоченной речкой Тротиной.

Согласно выработанному Крисманичем приказу для боя, правому крылу, в составе 4-го и 2-го корпусов, предстояло расположиться между Хлумом и Неделиштем. Но корпусные командиры продвинулись несколько вперед и разместили свои войска между Горшеновесом и Сендрасичем, где местность им показалась более удобной. Такой степенью самостоятельности подчиненные генералы должны располагать; если в результате этого сражение могло оказаться проигранным, то их нельзя в этом обвинять, ибо второстепенные командиры всегда делают ошибки; полководец же не должен ставить свою армию в такое положение, при котором подобные ошибки могут оказаться роковыми.

Построение между Горшеновесом и Сендрасичем имело тот недостаток, что здесь 4-й корпус не мог всецело стать фронтом к северу против кронпринца, но еще задолго до его приближения ввязался в бой фронтом на запад, ибо другая прусская армия повела наступление через Масловедский лес. Ген. ф.-Франзецкий перешел через Быстрицу с 7-й дивизией [1] и в 8 час. утра проник в лес. В этом лесу, шириной 1 500 м и длиной 700 м, имелись крутые пригорки и глубокие овраги; он состоял частью из высокоствольных насаждений, частью из заповедников, на которых были сложены многочисленные клетки дров, предоставлявших стрелкам превосходное прикрытие. Здесь завязался кровопролитный бой между 12 батальонами Франзецкого и 10 австрийскими батальонами, принадлежавшими большей частью к 4-му корпусу. Командиру его, фельдм.-лейт. Фестетичу, гранатой раздробило ногу. И с той и с другой стороны тактическое построение пришло в полный беспорядок вследствие закрытой и пересеченной местности. Все воинские части перемешались, и офицерам приходилось собирать солдат из своих и чужих частей, какие только оказывались в поле их зрения. Австрийцы не смогли устоять против фланговых охватов и

[1] В 1-й армии был лишь один корпус — 2-й (померанский); остальные корпуса, не имея корпусных командиров но были раздроблены на дивизии. — *Прим. авт.*

беглого огня пруссаков, тем не менее они продержались в лесу в течение 1½ час.

Открыла бой дивизия Франзецкого, составлявшая левое крыло 1-й армии. За ней последовали через Быстрицу другая отдельная дивизия и 2-й корпус, в то время как 3-й корпус оставался в резерве на правом берегу речки. Три дивизии Эльбской армии сосредоточились около 10 час. утра у полуразрушенного моста в Неханице, откуда авангард армии вытеснил передовые саксонские войска. Здесь командование оказалось не на высоте положения. Не без основания отмечает по этому поводу книга австрийского генерального штаба: «Ген'-от-инфантерии ф.-Герварт, командующий Эльбской армией, искал переправ через Быстрицу, но, не найдя их, сам ни одной не соорудил и должен был ограничиться Неханицким мостом... Это крайне замедлило переправу через Быстрицу».

Для перехода одной дивизии по мосту требовалось по крайней мере ¾ часа. А кроме 3 дивизий, здесь находились еще 36 эскадронов кавалерии и 144 орудия. Таким образом, с 10 час. утра должно было пройти еще много часов, пока охват левого крыла австрийцев мог оказать надлежащее действие; и еще было под большим вопросом, удастся ли выполнить этот охват.

2 бригады австрийцев в Садовой и других деревнях у Быстрицы оказали 3 дивизиям центра Фридриха-Карла, согласно полученной ими инструкции, сопротивление, носившее характер «лишь арьергардного боя», после чего они отошли на высоты Липы и Лангенгофа. Там к 10 ч. 30 м. оказались собранными 10-й корпус, под командой Габленца, и 3-й корпус, эрцгерцога Эрнста. Пруссаки, стоя на Быстрице, не могли видеть австрийскую пехоту, размещенную за гребнем высот. Таким образом, и прусская артиллерия, поскольку она переправилась через Быстрицу, не могла против них действовать. Точно так же она не имела возможности нанести какой-либо вред австрийской артиллерии, ибо она стояла в низине, а у Фридриха-Карла вместе с Эльбской армией имелось всего лишь 200 нарезных орудий против 730 австро-саксонских.

Пройти под огнем этих батарей те 3 000 шагов, которые отделяли Быстрицу от неприятельской позиции, прусской пехоте представлялось невозможным. Там, где она пыталась это сделать по ровной с легким подъемом местности, она терпела кровавый урон. Поэтому она укрылась в деревнях по течению Быстрицы и в лесу Гола, тянувшемся вдоль шоссе из Садовой в Кениггрец. Этот лес представлял довольно правильный четырехугольник, имевший около 1 100 шагов в длину; вдоль шоссе росли высокоствольные лиственные и хвойные насаждения; в остальном лес представлял густую заросль, через которую можно было пробраться лишь по проложенным повсюду просекам. Эта заросль представляла весьма сомнительное прикрытие от действия 160 орудий, сосредоточивших со стороны Липы и Лангенгофа свой огонь на дивизии Горна.

Под воем и свистом гранат, в треске деревьев и сучьев, расщепляемых снарядами, стояли в расстраивающем нервы бездействии тюрингенцы и магдебуржцы с неустрашимостью, вызвавшей восхищение даже авторов книги австрийского генерального штаба.

Однако, на южной опушке леса дольше выдерживать этот обстрел стало невозможно; особенный вред наносили осколки деревьев, расщепляемых снарядами. Чтобы удержать свои поколебавшиеся войска,

ген. Горн испросил подкреплений от стоявшей неподалеку дивизии Герварта. Тем не менее в конце концов железная дисциплина пруссаков поколебалась на этом пункте. Отдельные роты бросались вперед и откатывались, беспорядочно отступая и неся еще более тяжелые потери. Сначала поодиночке, затем небольшими кучками, а под конец целыми частями пруссаки стали покидать лес, отходя назад; офицерам, напрягавшим всю силу своего авторитета, уже не удавалось удержать их. «По причине недостатка пространства», как значится в книге прусского генерального штаба, некоторые офицеры стали отходить с отрядами солдат, собранными из их полка, за Быстрицу. Они проходили мимо холма Росгос, откуда, по совету Мольтке, боем руководил король. «Обычно столь благодушный и милостивый король встретил, повидимому, раненого офицера (подполковника, который вел солдат) очень сурово, приказал записать имена, произвести расследование и, обратившись к батальону, сказал: «Я велю снова послать вас вперед на фронт, деритесь же, как настоящие пруссаки!»

Настроение среди окружавших короля и Фридриха-Карла стало настолько пессимистичным, что король в сильном волнении сказал ген.-адъютанту ф.-Бойену: «Добудьте мне корпус у кронпринца; промедление грозит величайшей опасностью!», а Фридрих-Карл принял отчаянное решение: он велел перевести свой резерв — обе бранденбургские дивизии — через Быстрицу, чтобы послать их на штурм высот [1]. Этого-то и ждали австрийцы, наблюдавшие сверху, как их снаряды попадали в еще задолго перед сражением намеченные цели; пункты для обстрела были намечены еще дальше, до самого гребня возвышенности. Приказ с холма Росгос запретил командиру бранденбуржцев, ген.-лейт. ф.-Манштейну, вести их на штурм. Однако, это распоряжение, отменявшее первый приказ, исходило от Мольтке, а не от короля, переехавшего к мосту у Садовой, чтобы пропустить мимо себя бранденбуржцев,— видимо, и его охватило всеобщее нервное настроение. Когда адъютант Мольтке стал разъяснять ген. Манштейну всю невозможность штурма, последний отвечал: «Все это совершенно верно, но кто такой генерал фон-Мольтке» [2].

Нам, в теперешние времена, такой вопрос кажется странным: мы-то знаем, кто такой был Мольтке. Но раньше чем успех доказал его правоту, он представлял собой лишь оперативного советника короля, непосредственных приказов которого генералы не принимали,— да и не считали себя вправе принимать к исполнению.

Штурм тогда не состоялся, ибо Фридрих-Карл, которого адъютант Мольтке разыскал, одумался и отменил свое распоряжение. Бранденбуржцы остановились между лесом Гола и Быстрицей — в месте, достаточно защищенном от австрийского огня. Тем не менее фактически они были без всякого к тому основания выдвинуты в зону опасности. Однако, то, что померанцев из нее вывели, представляло тактически еще более сомнительное мероприятие. Их командир ф.-Шмидт был уже тогда ненормален; после войны его психическое заболевание проявилось с полной силой. В настоящую минуту его нервы не выдержали

[1] Как мы видели, принц Фридрих-Карл был вообще чрезмерно осторожен и нерешителен, но когда дело запутывалось, он становился безрассудно смелым. Так было и во франко-прусскую войну в сражении при Гравелоте-Сен-Прива.

[2] Ответ формально правильный. Первое приказание исходило от командующего армией, а поэтому могло быть отменено или королем, или Мольтке, но только от имени короля.

напряжения, и он стал подготовлять отступление дивизий Герварта и Вердера; это движение повлекло бы за собою очищение и леса.

Под таким же жестоким артиллерийским огнем, как лес Гола, находился и Масловедский лес, а Франзецкий так же, как и Горн, не имел возможности двинуться вперед. Если бы 4-й австрийский корпус удовольствовался создавшейся обстановкой, то уклонение от составленного Крисманичем приказа не имело бы особо вредных последствий. Но когда фельдм.-лейт. ф.-Моллинари, принявший вместо Фестетича командование над 4-м корпусом, увидел, что у Масловедского леса фронт Фридриха-Карла оказался висящим в воздухе, он счел, что время обороны — арьергардных боев и артиллерийского обстрела — прошло, и хотел контратакой решить исход сражения. Он бросил весь свой корпус на Масловедский лес и побудил стоявший справа от него 2-й корпус принять участие в его наступлении.

С 10 до 12 час. дивизия Франзецкого, получив в подкрепление лишь 2 батальона из дивизии Горна, подвергалась натиску всех этих масс.

Моллинари, который, подобно Раммингу, был человеком большого ума, пишет в своих воспоминаниях: «Если бы я знал, что 2-я прусская армия стояла в предшествующую ночь в окрестностях Кенигингофа, то я без труда предусмотрел бы, что сегодня, 3-го числа, эта армия двинется вперед на соединение с собственной 1-й армией и ударит нам в правый фланг. Я не только усомнился бы в выполнимости задуманного мною наступления, но я, конечно, отказался бы от самой мысли о нем, имея в виду огромное превосходство сил названного противника над теми, которыми мы располагали на нашем правом крыле».

Сочинение австрийского генерального штаба, проникнутое вполне понятной военно-политической тенденцией, пытается по возможности свалить всю вину проигранной кампании на Бенедека, порицает лаконичность приказа, составленного для этого сражения. По этой причине, говорится в сочинении, командиры 4-го и 2-го корпусов не были в курсе дела. Правда, приказ почти ничего не сообщал генералам, кроме места, где их войска должны быть развернуты. Но эта сжатая форма и категоричность тона приказов была традиционна в австрийской армии. Уже ген.-лейт. ф.-Кеммерер в своей книге «Маджента» отмечает то неприятное впечатление, которое на него производили с этой точки зрения приказы Гиулая и Куна. Несомненно, эта сухость и резкость тона, порожденные подозрительностью, связаны с почти невыносимой политической напряженностью в организме Габсбургской монархии. Но лаконизм приказа, составленного для сражения, был не только плодом традиции, но и естественным результатом данного положения. Ведь для Австрии сражение было заранее проиграно. Бенедек это сознавал; он был приперт к стене и чувствовал свое положение безнадежным. Понятно, он не мог этого сказать подчиненным ему генералам; не признавался он в этом открыто даже самому себе,— ему все еще хотелось надеяться на военное счастье. Утром в самый день боя он писал своей жене: «Теперь я жду на сегодня и во всяком случае не позднее, как на завтра, большого решительного сражения. Если мое прежнее счастье меня не покинет, сражение это может привести к благополучному концу; если же исход будет иным, я в смирении скажу: да будет воля твоя! О мой император, моя Австрия! Моя последняя мысль, последнее чувство принадлежат вам. Я спокоен и на все готов — и когда пушки загремят совсем близко от меня, тогда мне будет хорошо!»

Полководец, находящийся в таком подавленном состоянии, конечно, не может посвящать подчиненных ему генералов в свои мысли в той мере, в какой это делал Мольтке. Моральное состояние вождей, начиная с главнокомандующего и ниже по иерархической лестнице, покоилось на самовнушении и внушении [1].

Трудно решить, кому в рядах 1-й армии принадлежит пальма первенства,— дивизии ли Горна или войскам Франзецкого. Выстаивать в полном бездействии целые часы под гранатным огнем противника — страшное испытание. Дивизия Франзецкого могла все же проявлять деятельность и тем ослаблять внутреннее напряженное состояние. Но зато ей приходилось вести борьбу с втрое сильнейшим противником. В лесном бою одна прусская рота — 8-я рота 27-го полка — потеряла всех офицеров, всех зауряд-офицеров и фельдфебелей. Батальонный командир ф.-Гильза, уже неоднократно раненный, повел навстречу неприятелю несколько рот, опираясь на горниста. Лишь потеряв последние силы, он покинул своих бойцов со словами благодарности. Через несколько дней он скончался. Под самим ген. Франзецким и его адъютантом, в то время как они подъезжали к оврагу у северного лесного бастиона, были убиты лошади австрийскими стрелками, спрятавшимися в ржаном поле. Пешком перебравшись через овраг, Франзецкий устремился к передним линиям, чтобы ознакомиться с ходом боя. Тут его окружил новый отряд австрийских стрелков, но ему удалось собрать вокруг себя кучку отбившихся от своих частей пруссаков и с ними пробиться к своим батальонам.

Дивизия Франзецкого потеряла в этом лесу, который даже не был обозначен на прусских картах, одну пятую часть своего состава и две пятых офицеров.

Много геройства было проявлено и со стороны противника. Один австрийский полк потерял всех своих штаб-офицеров, кроме одного майора, всех адъютантов и конных вестовых. Командир 4-го корпуса и начальник одной из его бригад были тяжело ранены, а начальник штаба этого корпуса — убит, командир 2-го корпуса, граф Тун, также получил ранение. Труд австрийского генерального штаба говорит об «ужасной картине лесного боя». Не случайно, что мы встречаем это патетическое выражение именно в нем, а не в труде прусского генерального штаба, который описывает бой в Масловедском лесу с присущей ему — почти деловой — трезвостью. Этот бой рассыпным строем, доведенным до крайнего предела, явился пагубным для австрийской пехоты. Так как она была наступавшей стороной, а противник укрывался за сотнями дровяных клеток, сложенных из старых бревен, то с особой силой и в полной мере могли выявиться оба преимущества заряжающегося с казны ружья — его скорострельность и возможность стрелять в лежачем положении.

«Тот, кто хотя бы раз в жизни был свидетелем опустошительного действия фронтального огня части, вооруженной скорострельным ружьем,— читаем мы в труде австрийского генерального штаба,— тот не откажет императорским батальонам в дани восхищения перед их подвигами».

---

[1] Вышеприведенные пространные рассуждения автора нисколько не оправдывают Бенедека. В своем приказе он обязан был познакомить корпусных командиров с обстановкой, а не ограничиваться указанием мест, где их войска должны были развернуться. Это повторение того, что сделал князь Меньшиков на Альме в 1854 г. (см. 1-ю часть этого тома).

Конечно, нельзя не удивляться их дисциплине и мужеству; к этому нас вынуждают понесенные ими тяжелые кровавые потери. Но надо заметить, что они бросились прямо на фронтальный огонь пруссаков потому, что не умели маневрировать. «Лобовые атаки австрийцев производили на нас впечатление, что они перед нами щеголяли», — говорил один прусский генерал Фридъюнгу. «Нам приходилось наблюдать, как они штурмуют напрямик, в то время как простым обходным движением они могли бы достигнуть своей цели».

Австрийцы со своей стороны говорили, что пруссаки ведут нечестный бой, и отмечали обезьянью проворность, с которой они прятались за деревья. Тесно сомкнутым строем, под звуки военной музыки, с криками «ура» и «эльджен», и с офицерами впереди австрийцы вступали в лес, являя картину, любезную сердцу бога войны. Но когда здесь колонны приходили в расстройство, то в резком контрасте с этой великолепной картиной выявлялись все присущие австрийской армии дефекты; снова оказывалось бесчисленное множество нераненых пленных и дезертиров.

В одном из полков 4-го корпуса под Кениггрецем дезертировало 588 чел., в другом полку 2-го корпуса — даже 754 чел., а в 8-м стрелковом батальоне, пополнявшемся из Венецианской области, целых 326 чел. уклонилось от боя!

Так же неохотно, как итальянцы, сражались и румыны, которых озлобило присоединение их страны к Венгрии, от которой они было отделились. В одном полку, пополнявшемся в Трансильванском округе, под Кениггрецем было взято в плен нераненых солдат и пропало без вести 883 чел. Один из батальонов этого полка в лесном бою заблудился и вместо того, чтобы выйти к высотам, пошел к Быстрице. Атака прусского эскадрона заставила 16 офицеров и 665 солдат этого батальона без сопротивления положить оружие. Однако, среди них оказался один верный долгу службы человек, спрятавший в надежное место одно из двух черно-желтых знамен.

Мы и под Гичином видели, как сдавались целые батальоны. Но в Масловедском лесу моральные и технические несовершенства австрийской пехоты уже не играли такой роли: около полудня тройное превосходство сил противника прорвало линию пруссаков. Часть дивизии Франзецкого бросилась в высокоствольные лиственные и хвойные насаждения на юго-западной опушке леса. Отдельные группы пруссаков, мимо которых пронесся поток австрийских масс, залегли с игольчатыми ружьями на-изготовке за клетками срубленных лесных материалов в глубине леса. Обороной северо-восточного бастиона лично руководил сам Франзецкий. «Сам он, — читаем мы в труде генерального штаба,— ген. ф.-Шварцгоф, полк. ф.-Медем и ф.-Бланкензе служили войскам примером... Повсюду офицеры собирали ближайших к ним солдат, к какому бы полку они ни принадлежали, и опять вели их вперед. Вытесненных из леса снова в него посылали, а остатки совершенно растаявших частей поставили в резерве».

Франзецкий, который снова сел на коня, объезжал остатки своей дивизии и говорил им: «Держитесь, ребята, держитесь, кронпринц подходит. Здесь мы должны стоять или умереть».

Тем временем Бенедек покинул свою главную квартиру в Кениггреце и направился к высотам Липы, обозначенной в приказе Кризманича как место пребывания главнокомандующего.

Он проехал мимо двух корпусов — Гондрекура [1] и Раммингa, которые, согласно приказу, должны были совместно с кавалерийскими дивизиями и армейской резервной артиллерией произвести контратаку. Бурное „Caesar, morituri te salutant!“ [2] встречало современного Валленштейна, когда он объезжал свои резервы. Всюду военные оркестры играли австрийский гимн «Бог да хранит императора Франца!» Клики и звуки военной музыки сопровождали Бенедека до его стоянки посреди 3-го корпуса, которым командовал эрцгерцог Эрнст [3].

В штабе Бенедека находился и Крисманич, которого Бенедек сместил перед самым выездом... Бенедек это сделал по телеграфному соглашению с Францем-Иосифом из-за кризиса доверия, возникшего в генеральном и прочих штабах. Лично он не питал к оперативным способностям заместителя Крисманича, ген. Баумгартена, такого доверия, как к своему прежнему начальнику операционной канцелярии, хотя назначение это и состоялось по его представлению. Впрочем Крисманич не впал в немилость у Бенедека: когда он высказывал свое мнение, его выслушивали так же, как и Баумгартена.

Во время объезда австрийских позиций ген.-майор Баумгартен заметил, что 4-й корпус выдвинулся вперед против той позиции, какая ему была указана, и доложил об этом Бенедеку. Тотчас послан был к 4-му корпусу адъютант, чтобы отвести его на линию Хлум—Неделишт, где перед самым сражением Крисманич распорядился соорудить несколько окопов. Моллинари послал с адъютантом записку, помеченную 11 ч. 45 м.; из нее Бенедек узнал, что 4-й корпус не может выполнить немедленно его распоряжение, ибо он слишком был связан боем в западном направлении. В то же время Моллинари сообщал, что он побудил и 2-й корпус его поддержать. Он не сомневался в том, что Бенедек одобрит его действия. Обладание Масловедским лесом, пишет Моллинари в своих воспоминаниях, оказало бы большую пользу и для наступления, предпринятого из центра австрийской армии: «Ведь надо было полагать, что верховное командование после первоначальной обороны наметит переход в наступление, необходимое для того, чтобы одержать победу; а что надеялись на победу, на это указывало самое решение принять бой под Кениггрецем».

Ясно, что Моллинари не представлял себе того состояния принуждения, в котором Бенедек решил противостать противнику под Кениггрецем. Правда, у высшего командования наблюдались как бы некоторые зачаточные устремления к оборонительно-наступательной тактике. Стояли наготове для контрудара 2 резервных корпуса, половина армейского артиллерийского резерва и 3 кавалерийских дивизии. 2 других кавалерийских дивизии австрийской армии, поставленные на правом и на левом крыле, Бенедек также оставил в своем исключительном распоряжении для контратаки. Но разве он мог серьезно думать о наступлении? После того как Мольтке приостановил задуман-

[1] 1-й корпус. — После Гичина Клам-Галлас был смещен и вызван для ответа в Вену. Его совершенно справедливо признали ни в чем неповинным.

С Гондрекуром мы познакомились из описания боя под Гюнервассером. — *Прим. авт.*

[2] «Цезарь, идущие на смерть тебя приветствуют!» — возглас гладиаторов, которым они приветствовали перед боем императора на арене римского цирка.

[3] Все такие сцены рисуются австрийскими писателями для красоты картины. В действительности же настроение австрийцев после ряда неудачных боев и отступательных маршей было подавленное. Особенно влияло на них сознание, что противник лучше их вооружен. Это была своего рода «игольная паника», как называл ее Драгомиров.

ный Фридрихом-Карлом срыв фронта вперед, пруссаки сохранили в резерве сравнительно нетронутый бранденбургский корпус, да и померанский корпус, размещенный по деревням вдоль Быстрицы, пока еще не очень пострадал; даже многострадальная дивизия Горна в лесу Гола еще сохраняла свою боеспособность и, несомненно, сумела бы постоять за себя, если бы наступление австрийской пехоты вывело ее из удручающего бездействия.

На запад от Быстрицы, так же как и на восток от нее, тянулась возвышенность. Заняв на ней позиции, прусская артиллерия начала проявлять свою деятельность, и если бы к ее огню присоединился огонь игольчатых ружей прусской пехоты, то австрийской пехоте, несмотря на двойное превосходство сил, едва ли удалось бы прорвать фронт 1-й прусской армии. Если бы кронпринц не подошел во-время на выручку принца Фридриха-Карла, а австрийцы тем временем захотели бы сокрушить последнего, то австрийско-саксонской армии представлялась лишь одна сулящая успех тактика: охват пруссаков с обоих флангов. Правда, это надо было делать не так, как Моллинари, который пытался опрокинуть фронт пруссаков лобовой атакой. Это был слишком длительный прием даже в том случае, когда на одну дивизию бросали два корпуса. Но и в 1866 г. австрийцы не больше смыслили в высших формах тактики, чем под Сольферино. Если бы Рамминг под Находом справился с затеянной им обходной операцией на Високов, он несомненно разбил бы 5-й прусский корпус. Точно так же и под Кениггрецем 2-му австрийскому корпусу удалось бы опрокинуть фронт 1-й прусской армии, если бы он обошел Масловедский лес в направлении на Бенатек вместо того, чтобы ввязаться вместе с 4-м корпусом во фронтальную атаку.

Понятно, все высказанное нами представляет чисто теоретический тезис: после подхода кронпринца положение австрийской армии оказалось бы тем хуже, чем дальше она выдвинулась бы против Фридриха-Карла, но об этой опасности ни Моллинари, ни Тун ничего не подозревали, и их лобовые атаки никакой связи с этим не имеют.

Между тем, незадолго до того, как посланный к Моллинари адъютант вернулся, не выполнив данного ему поручения, Бенедек был встревожен за положение своего правого крыла телеграммой иозефштадтского коменданта следующего содержания: «5-й прусский корпус, повидимому, намеревается действовать против правого крыла нашей армии со стороны Градлица. Крупные колонны тянутся, минуя крепость; некоторые из них проходят в сфере огня крепостных орудий, которые обстреливают их с изрядным успехом. . .»

То был не 5-й, а 6-й корпус, прохождение которого наблюдал иозефштадтский комендант. 6-й корпус составлял левое крыло походных колонн кронпринца, с трудом приближавшихся по размокшим от дождя дорогам. Рядом с 6-м корпусом шла гвардия, дальше справа — 1-й корпус, а 6-й следовал сзади, в качестве резерва.

2-я армия шла прямо через поля, так что рожь, перемешанная с илом, закручивалась на колеса орудий. Лошади от чрезмерного напряжения падали мертвыми в упряжи. 6-й корпус мог переправиться через болотистую долину Эртины лишь по гати, которую ливни последних дней окончательно испортили. Дальше подошли к Тротине, через которую вел один единственный мост. Через речку удалось перекинуть несколько толстых балок; впрочем пехота перебралась через нее вброд по грудь в воде.

Деревни на пути словно вымерли; лишь несколько стариков стояло на улице. Зато с юга навстречу войскам тянулась вереница крестьян с больными, детьми и скотом; на причину этого переселения указывали столбы дыма, поднимавшиеся от пылавших деревень, которые увидели кронпринц и его свита в 11 ч. 15 м. утра. Кроме того, в туманном воздухе виднелись лишь вспышки орудийных выстрелов. «Это — решающее сражение!» — сказал кронпринцу Блюменталь [1].

В полдень головные части 6-го корпуса и гвардии достигли Рачица и Горшеновеса. Орудия пруссаков открыли огонь в тылу 2-го австрийского корпуса как раз в то время, когда Бенедеку, наконец, удалось повторными приказаниями заставить оба свои фланговые корпуса прекратить бой с Франзецким и отойти на укрепленную позицию между Хлумом и Неделиштом. Им, действительно, удалось оторваться от сильно расстроенной дивизии Франзецкого, но 2-й австрийский корпус был еще более дезорганизован и не мог удержать окопов против атаки свежего 6-го корпуса. Преодолев слабое сопротивление австрийцев, пруссаки к 2 час. дня заняли Тротину, Сендрасич и Неделишт. 2-й австрийский корпус отступил к переправам через Эльбу у Лохеница, Плака и Предмерица, а одна его бригада даже перешла на ту сторону реки.

Одновременно с этим охватом австрийской армии с правой стороны потерпели поражение саксонцы и 8-й австрийский корпус, составлявшие левое крыло Бенедека.

Подобно Моллинари, кронпринц Альберт также занял не ту позицию, какая ему была предназначена по плану Крисманича, но он счел нужным донести об этом Бенедеку, который и дал свое согласие на это перемещение. Таким образом, к тому времени, когда в 10 час. утра 3 дивизии Эльбской армии начали переправляться по мосту у Неханица [2], саксонцы занимали высоты Нидерпршима (Нижнего Пршима) и Проблуса. 8-й корпус построился позади саксонцев у Гарбузица. Он состоял лишь из трех бригад, вместо четырех [3], да, кроме того, ему пришлось отрядить в другие места некоторые части; так что вместо 28 батальонов он насчитывал их только 18. Всего 38 батальонов австро-саксонцев стояло против такого же числа батальонов Эльбской армии.

Если бы Эльбская армия при переправе через Быстрицу проявила такую же энергию, как и 6-й корпус у Тротины, Бенедек оказался бы охваченным не с одного правого крыла, но с обоих. Один стрелковый батальон Герварта, продвинувшись от Неханица к Комарову, частью перешел вброд, частью переплыл Быстрицу, глубина которой местами достигала 4 фут.; остальные части Эльбской армии почти целиком перешли по одному лишь мосту. Ясно поэтому, что Герварту ф.-Биттенфельду пришлось отказаться от каких-либо широко охватывающих операций, которые разве только к вечеру могли оказать свое действие на противника. Вместо этого он решил одной из своих дивизий атаковать австро-саксонскую позицию с фронта, другою обойти ее слева. Для третьей у него уже не было применения,

[1] Автор упустил сказать, что подход 2-й прусской армии к полю сражения был облегчен тем, что австрийское командование не позаботилось выдвинуть в этом направлении авангарды для задержания противника; мало того, не были даже высланы кавалерийские части, которые могли бы своевременно донести о его приближении.

[2] См. выше, стр. 376. — *Прим. авт.*

[3] См. выше, стр. 348. — *Прим. авт.*

тем более, что трудно было даже сказать, когда она закончит свою переправу через Быстрицу. Кронпринц саксонский решил не ожидать пассивно атаки Эльбской армии, а атаковать превосходными силами противника, как только часть войск последнего минует дефиле.

У саксонцев имелось 20 батальонов. Альберт оставил 8½ батальонов на высотах, чтобы прикрывать их от правого крыла Фридриха-Карла; то была, главным образом, бригада, перенесшая в чужом пиру похмелье под Гичином. На ее активную наступательную способность кронпринц не рассчитывал по причине понесенных ею крупных потерь в офицерском составе. Для атаки предназначались 11½ саксонских батальонов. К ним должны были присоединиться 14 батальонов австрийцев.

В 1 час дня эти 25½ батальонов атаковали 16 прусских, переправившихся через Быстрицу. Правое крыло составляли саксонцы у Нижнепршимского фазаньего двора, левое — австрийцы в Стржирекском лесу. За час боя в лесу эти последние оказались настолько дезорганизованными, что начальник штаба 8-го корпуса донес кронпринцу саксонскому о полном разгроме австрийцев. Фактически это можно было сказать лишь про один полк, составленный из чехов и потерявший 646 чел., из коих не менее 456 были убиты. А о том, каково было моральное состояние австрийских частей, свидетельствуют следующие цифры: в одном Моравском полку на 264 чел. убитых и раненых насчитывалось 167 нераненых пленных и дезертиров. Оставалось еще 2 полка и 2 стрелковых батальона; в обоих полках соотношение между кровавыми и бескровными потерями выражалось цифрами 36 : 38, а у стрелков в одном батальоне 93 : 123, в другом же 59 : 75.

Австрийцы обратились тылом к позиции Проблус — Нижний Пршим и отошли за Бризаский лес. Тем временем через Быстрицу переправилась и 2-я дивизия Эльбской армии, так что теперь против 20 саксонских батальонов уже стояло 26 прусских. Правое крыло пруссаков, овладев Стржирекским и Верхнепршимским лесами, угрожало линии отступления саксонцев.

В отношении тактики саксонская пехота стояла приблизительно на одном уровне с французской и, как последняя, была вооружена шомпольным ружьем; поэтому саксонцы ощущали свою относительную слабость как в качественном отношении, так и в отношении позиции и численности. Альберт не считал поэтому возможным удержать одними силами саксонцев позицию Нижнего Пршима и Проблуса. Хотя он и сознавал, что благодаря этому становится невозможным удерживать и всю позицию Бенедека, тем не менее в 2 ч. 30 м. дня он отдал приказ саксонским войскам очистить высоты и проследовал за 8-м корпусом, чтобы стать позади Бризаского леса [1].

Между тем на правом крыле Бенедека наряду с Туном отошел к окопам и Моллинари; за ним по пятам следовала прусская гвардия. Ее быстрое наступление отделило от 4-го австрийского корпуса одну бригаду, так что ей пришлось отступить на центр Бенедека. Кроме

[1] Труд саксонского генерального штаба заявляет: кронпринца утвердило в его решении отступить то обстоятельство, что он заметил неблагоприятный оборот, какой сражение принимает в центре и на правом фланге. Леттов доказывает неосновательность этого утверждения; первым отступил левый фланг. Труд саксонского генерального штаба очень хорош, но, как все подобные сочинения, он должен быть подвергнут основательному критическому анализу. — *Прим. авт.*

того, Трансильванский полк, потерявший в этом бою 883 чел. нераненными пленными и дезертирами [1], в своем поспешном отступлении, напоминавшем бегство, зашел далеко за линию окопов, так что 4-й корпус занял за ними позицию лишь в составе 2½ бригад.

Тем временем небо прояснилось (хлумские туманы — один лишь миф), и австрийцы, занявшие окопы, заметили наступление гвардии. То была пока лишь 1-я дивизия с 54 орудиями. У Моллинари за укреплениями II и III было не менее 120 орудий, расставленных на выгодной возвышенной позиции. Они стали осыпать пруссаков гранатами. Гвардейская пехота пользовалась привитыми ей тактическими сноровками, чтобы, укрываясь от артиллерийского огня, пробираться во весь рост вперед по засеянным рожью полям и по низинам. Возможно поэтому, что 4-й корпус, как он то утверждает, недооценил силы противника и был совершенно ошеломлен всесокрушающим натиском его масс. 17 австрийских батальонов, стоявших за укреплениями II и III, были по числу бойцов, пожалуй, равны 13 батальонам 1-й гвардейской дивизии; качественное же различие между пруссаками и австрийцами было огромно. Среди австрийцев находился и тот венецианский стрелковый батальон, у которого оказалось 326 дезертиров. Один неитальянский полк, стоявший за укреплением III, потерял под Кениггрецем 173 чел. нераненными пленными и без вести пропавшими, другой — в укреплении II — 221.

Большая часть войск Моллинари истощила свои силы в бою за Масловедский лес, в то время как гвардия оставалась нетронутой. Но для исхода боя еще большее значение имело то обстоятельство, что после отхода 2-го корпуса правое крыло 4-го повисло в воздухе. Именно на правое крыло к западу и востоку от укрепления III гвардия и направила свой удар. В то же время ему угрожал и 6-й корпус со стороны Неделишта. Правое крыло австрийского 4-го корпуса — 1½ бригады — состояло в большей его части из батальонов венгерской и словацкой национальностей, не бывших еще в деле, но здесь же стояли и венецианские стрелки. Решающим для исхода столкновения моментом была невозможная тактическая обстановка австрийцев. После охвата этих 1½ бригад весь фронт Моллинари был свернут. 55 австрийских орудий попали в руки пруссаков, а стоявшие к востоку от Хлума австрийцы были вынуждены отступить. После того как еще в Масловедском лесу был ранен командир 4-го корпуса и пал его начальник штаба, теперь на укреплениях был убит также и новый начальник штаба.

В 2 ч. 45 м. пруссаки ворвались в Хлум через восточный неукрепленный край села. Здесь стоял фронтом, повернутым на запад, полк 3-го корпуса. Когда офицеры доложили командиру, что по ложбинам к востоку от Хлума замечены острия прусских касок, он отвечал: «Вы — пессимисты, вам померещилось!» При таких условиях этот австрийский полк и был атакован. Во время завязавшегося боя со стороны Росберица подъехал австрийский уланский полк. Построенный фронтом на запад, он подвергся обстрелу гвардии с фланга. Ничего не зная о происшедших переменах, он отступил на 3-й корпус к Хлуму, причем вновь попал под фланговый огонь. Тут полк утратил всякую дисциплину и растоптал в своем ускоренном отступлении целый австрийский батальон. «Уланы носились ураганом

[1] См. выше, стр. 330. — *Прим. авт.*

взад и вперед, — пишет один из офицеров австрийского батальона, на который они наехали. — Их путь был обозначен трупами убитых с их и с нашей стороны; вот та помощь, которую они нам оказали».

Австрийский пехотный полк под Хлумом подвергся полному истреблению. На 216 раненых приходилось 405 убитых. Такое несоответствие в потерях, неожиданная атака противника с тыла и наскок своих же улан произвели на психику солдат — то были венгерцы — потрясающее впечатление, которое изгладило в них последние следы верности императору; в результате из 1 400 пленных 800 чел. согласились записаться в венгерский легион, т. е. столько же, сколько в него поступило из 22 остальных венгерских полков.

Уланы объехали Хлум вокруг его северной окраины, и им удалось прорваться, хотя и с потерей 45% конского состава и 30% людей. Эскадрон кирасир, примкнувший к уланам, был уничтожен.

Теперь уже 2 гвардейских дивизии стояли вместе со своей артиллерией на укрепленных высотах Хлума в тылу австрийского центра, который, повернувшись фронтом на запад, занимал позиции от Липы до Лангенгофа. Влево от гвардии 6-й корпус достиг у Лохеница и Пршедмершица трех самых северо-восточных переправ через Эльбу из десяти, которыми располагала австрийская армия для своего отступления. В 3 ч. 45 м. дня часть 6-го корпуса свернула вправо, чтобы установить связь с гвардией. Головные части 1-го корпуса дошли до поля сражения. 5-й корпус, находившийся в резерве, стоял под Хотеборжеком, на расстоянии 1 мили (около 7 км) от моста через Эльбу, занятого австрийцами. Австрийцы окончательно проиграли сражение после того, как их загнутое правое крыло было вдавлено, а на левом фланге саксонцы и 8-й корпус также сдали свои позиции.

Всего правильнее поступил бы теперь Бенедек, если бы он поставил своей армии задание отступить в порядке, мерным шагом, под прикрытием сильного арьергарда. Так поступил саксонский кронпринц и этим сохранил свои войска, в то время как настигавшей их Эльбской армии не поздоровилось. Так, например, в стрелковом батальоне 56-го Вестфальского полка из строя выбыло не менее 12 офицеров, в том числе все 4 ротных командира, а, кроме того, до 200 чел. рядовых.

Но было бы несправедливо поставить в укор Бенедеку то, что он не поступил, как Альберт. Последний имел возможность обозревать свое положение, между тем как главнокомандующий, которому приходилось охватывать взором фронт в 2 мили (около 14 км) длиной, не мог немедленно улавливать происходившую на нем смену событий. Правда, он уже за много дней перед тем считался с возможностью окружения, но совсем иной облик являет уже наступивший кризис, чем потенциальная его угроза. После того как угловая укрепленная позиция была взята внезапным штурмом, Бенедек все еще надеялся возобновить сражение. Ему еще не было известно, что корпус Туна уже отходил за Эльбу. Он приказал одной бригаде 3-го корпуса, стоявшего на Липе, и двум резервным корпусам, развернувшимся у Вестара и Росница фронтом на запад, повернуться фронтом к Хлуму и бросил эти огромные массы войск на гвардию. Одна бригада пыталась снова отобрать и Проблус. Все это опять-таки были лобовые атаки колоннами. Командир 1-го корпуса, граф Гондрекур, — тот самый, который под Гюнервассером довел до такой крайности принцип ударной тактики, — на этот раз приказал итти на штурм не

боевыми, а походными колоннами, так что его пехота могла использовать ружья еще в меньшей мере, чем то было принято в Австрии.

Штурм 1-го корпуса с развевавшимися знаменами и с барабанным боем длился всего лишь 20 минут и был отбит с потерей 4 000 чел. убитыми и ранеными при общем числе атаковавших в 15 000 чел.

Кровавые потери других корпусов не могут итти в сравнение с количеством жертв такого слепого напролом штурма, — количеством, приближавшимся к 30% боевого состава. Даже корпус Моллинари, который в течение нескольких часов дрался сначала в Масловедском лесу, затем в окопах и, наконец, при отступлении еще и против 4-го корпуса, в своих потерях убитыми и ранеными достиг лишь 20%. По этой же причине он понес и гораздо меньше потерь нераненными пленными и дезертирами, чем корпус Гондрекура. Вообще потери этой категории, понесенные всеми остальными корпусами, несравнимы с потерями 1-го корпуса.

Общая сумма потерь, понесенных 1-м корпусом, немногим меньше 40%, в то время как из всей армии выбыло из строя не более как 20% ее состава. Войска смотрели на Гондрекура так же, как на Пелиссье [1], — как на мясника; ему были присущи отрицательные черты характера французского генерала, но он не обладал умом последнего. В пылу раздражения он замахивался на солдат и на офицеров. После Кениггреца он бросился на одного капитана с жердью из изгороди в руках, а капитан обнажил саблю. В конце концов Гондрекура удалили из армии за его необузданный нрав. Но таков был тон Бенедека и всей австрийской армии, выразителем которой он являлся. Гондрекур был тем, чем мог быть обезумевший Бенедек, который тоже мог настолько вспылить, что Бартелье, намекая на его венгерское происхождение, называл его диким гунном; тем не менее характер у него был иной. Кениггрецкая катастрофа, вероятно, приняла бы еще более роковые для австрийской армии размеры, если бы Бенедек походил на Гондрекура. Так, когда отступление уже стало неизбежным, Бенедеку удалось заставить войска проявить высшее напряжение сил не только в продолжение 20 мин., но и в течение многих часов. Он лично бросился навстречу 1-й прусской армии, когда последняя, — после того как австрийская артиллерия снялась с позиций, — выйдя из своего крайне тяжелого положения, в свою очередь пошла в наступление против высот. Во главе наступавших пруссаков стала кавалерия Фридриха-Карла, но вследствие ошибок командования она не оказалась в полном сборе. Таким образом, в большом кавалерийском бою под Стршесетицем только 34 прусских эскадрона дрались с 40 австрийскими. Но это неравенство сил было более чем восполнено участием, какое приняли в бою бранденбургские, померанские и восточно-прусские пехотные части, причинившие храброй и выдержанной австрийской кавалерии тяжелые потери. Один кирасирский полк потерял из 600 всадников 269 рядовых, 21 офицера и 363 коня. Бенедек лично снова построил разгромленный полк и послал его вторично в атаку. Командира полка и адъютанта Бенедека, Мюллера, — этого Макса Пиколомини [2] современного Валленштейна, — сразили пули рядом с главнокоманду-

[1] См. стр. 104 и 109. — *Прим. авт.*

[2] Герой трагедии Шиллера «Пиколомини» и «Смерть Валленштейна» из его трилогии «Валленштейн».

ющим, в то время как Мюллер держал перед ним развернутую карту местности. Свите Бенедека показалось, что он остался тем же позером и среди кровавой сумятицы боя, когда, например, он театрально обнял офицера, под которым убило лошадь. В общем эта кавалерийская атака обошлась австрийцам в 900 чел. убитыми и ранеными на 5 000 бойцов. Потери кавалерии 1-й прусской армии достигли при этом лишь 400 чел., но самоотверженность противника внесла такое расстройство, что она прекратила преследование.

Для спасения разбитой армии австрийская артиллерия сделала еще больше, чем кавалерия. Она понесла лишь 8% потерь при значительном числе дезертиров, хотя орудийный расчет был составлен почти исключительно из немцев, а солдат, не знавших немецкого языка, назначали только ездовыми. Но 740 нарезных орудий, переезжавших отстреливаясь с одной возвышенности на другую, чтобы дать возможность остаткам войска позади их отхлынуть назад, представляли огромную оборонительную силу. У пруссаков было немногим больше, чем 500 нарезных орудий, которые лишь постепенно прибывали на место сражения. Правда, прусские стрелки представляли для батарей неприятеля опасность, не меньшую, чем для его кавалерии; так 161 австро-саксонское орудие перешло в руки пруссаков. Бенедек разъезжал по рядам орудий и ободрял орудийные номера держаться до конца. Он взял с командира армейского артиллерийского резерва, подполк. ф.-Гофбауера, честное слово, что тот будет держаться до последнего заряда. Гофбауер свое слово сдержал. Когда командиры батарей ему докладывали, что они израсходовали все заряды, от них требовалось, чтобы они дали честное слово в подтверждение истинности своего донесения, и лишь под этим условием им разрешалось сняться с позиции.

Несколько батарей, не входивших в состав армейского артиллерийского резерва, были окружены во время их отступления отрядами прусских стрелков. Казалось, что они пропали, но тут их спас капитан ф.-дер-Гребен, пожертвовав собою и своей конной батареей. Он велел повернуть обратно, подъехал к пруссакам на расстояние 200 шагов, снялся с передков и открыл по ним огонь. Стрелки сосредоточили свой ответный ружейный огонь на этой батарее, а остальные ускакали. Гребен пал, все его люди — 53 чел.— были либо убиты, либо ранены. Только один лейтенант и один ездовой умчались на зарядном ящике. Когда кронпринц проезжал мимо места этого кровавого подвига, он снял шлем.

На другом пункте поля сражения одна батарея, под командой капитана Куна, также оборонялась до тех пор, пока все, кроме 3 канониров, не были перебиты. Прусские стрелки находились всего лишь на расстоянии 50 шагов, когда эти трое дали еще один выстрел.

Под мужественным прикрытием своих вспомогательных родов войск австрийская армия проходила в достаточном порядке ту линию, которая отделяла ее от Эльбы. Победители не преследовали ее дальше известной демаркационной линии, которую австрийская артиллерия начертала на довольно значительном расстоянии от берега реки, хотя прусское командование располагало еще достаточным числом совершенно свежих частей: обе бранденбургские пехотные дивизии, 5-й корпус, 3-я пехотная дивизия Эльбской армии, почти вся кавалерия кронпринца и одна кавалерийская дивизия принца Фридриха-Карла. Не приходится какими-либо искусственными толко-

ваниями затушевывать тот факт, что и у Мольтке нервы сдали, как они сдали у Наполеона III после Мадженты и после Сольферино; Мольтке и так достаточно сделал [1].

Из соображений психологического порядка Крисманич не отдал точных распоряжений относительно отступления; в розданных генералам приказах для сражения значилось лишь, что, если армия окажется вынужденною отступить, надлежит итти в направлении Голич-Готенмаут. Мосты не были распределены между отдельными частями войск. Теперь Крисманич попытался (Баумгартен был чересчур большим новичком в своей новой должности) продиктовать необходимые указания, но ему удалось это выполнить лишь для саксонцев и для 8-го корпуса, так как долетавшие снаряды помешали ему закончить эту работу. Мы видели, что три из десяти переправ уже оказались в руках 6-го корпуса. Вследствие беспорядков, возникших у входа на мосты, лишь здесь стали проявляться худшие моральные последствия поражения, — уже после того, как разбитой армии с грехом пополам удалось оторваться от неприятеля. Австрийский генеральный штаб пишет: «Это пространство (перед Эльбой) оказалось для армии более роковым, чем самое сражение».

Что сражение во всяком случае должно было привести к большому поражению австрийцев, было ясно с самого начала, насколько вообще является возможным учитывать элементы непредвидимого в области военных действий. Когда вечером накануне сражения Мольтке указывали на опасность наступления по двум направлениям, он иронически отвечал: «Война вообще вещь опасная». Тут создалось неожиданно критическое положение, ибо вследствие плохого состояния дорог прибытие 2-й армии задержалось на несколько часов. Кризис обострился тем, что вожди 1-й армии не стояли на высоте стратегии Мольтке. Если в конечном счете ожидаемый счастливый исход все же наступил, то это лишь подтвердило основанное на историческом опыте положение, что правильная оперативная основная идея легко одерживает верх над неблагоприятными случайностями и над посредственностью ее исполнителей.

Благодаря победе под Кениггрецем Пруссия выиграла кампанию не только в военном, но и в политическом отношении. Положение Вильгельма I было теперь совсем иным, чем положение Наполеона III после Сольферино. Правда, кампания 1859 г. подняла престиж французской армии, но это лишь постепенно изменило соотношение военных сил в Европе; между тем достижения прусской пехоты в 1866 г. придали им принципиально новое направление. Пруссаки одержали победу под Кениггрецем, потеряв при этом 9.000 чел., между тем как потери австро-саксонцев достигали 44 000 чел. [2]. 1-я прусская гвардейская дивизия, так сказать, одна разбила 6-й и 1-й корпуса и части 3-го и 4-го, ибо она потеряла 1 022 чел., а 2-я — только 198.

[1] Конечно, это не оправдывает полководца, который, как сказано выше, имел в своем распоряжении достаточное число совершенно свежих частей для преследования. Но мало того, — на следующий день прусское командование дало войскам дневку. По этому поводу Бисмарк говорит в своих мемуарах («Gedanken und Erinnerungen», 1898, т. II стр. 35), что полная эксплоатация одержанной победы имела бы последствием не только просьбу о перемирии, но и немедленное принятие австрийским правительством основных условий будущего мира.

[2] В том числе 20 715 пленными и без вести пропавшими. Кроме того, австрийцы потеряли 187 орудий. Каковы же были бы результаты сражения, если бы пруссаки преследовали хотя бы до Эльбы?

Дивизия 6-го корпуса потеряла 460 чел., а дивизия 1-го корпуса — 219. Следовательно, массы австрийских войск, отчаянно оборонявшиеся, оказались разбитыми одной прусской частью, потерявшей при этом лишь 8% своего состава! Наполеон хорошо знал, что он делал, когда, покинув разбитую Австрию, он решил отложить столкновение с Пруссией до той поры, пока Ниель, назначенный им военным министром, не реорганизует французской пехоты.

Лишь одно Наполеон видел как бы в тумане, и притом самое важное — это роль Мольтке в победе прусского оружия. Международная критика не одобрила прусского операционного плана. При этом говорили, что таким способом можно было победить австрийцев, но если бы проходы охраняли французы, то Мольтке, разделив свои силы на две части, потерпел бы крушение. В действительности же, если бы принц Фридрих-Карл выполнил этот план по мысли его автора, пруссакам вообще не пришлось бы переживать те критические дни, которые они пережили, ибо в таком случае прусские армии объединились бы еще 25 июня, т. е. раньше, чем Бенедек прибыл из Моравии. Но Фридрих-Карл стратегически спасовал. Впрочем, повторяем, хороший план кампании должен выдержать и такие условия, когда руководящие посты заняты известным числом и менее даровитых людей. А таких небезупречных генералов в прусской армии было немало. Не только Фридрих-Карл проявил себя весьма посредственно: Бонин прямо-таки осрамился; под Сен-Прива спасовал принц Август вюртембергский, — так называемый братоубийца; ген. ф.-Шмидт — душевнобольной; не вполне нормальным был и Штейнмец, а в 1870 г. он тоже спасовал. Эту черную доску можно бы заполнить и другими именами. В общем же приходится сказать, что прусские генералы, — конечно, исключая Мольтке, — стояли не выше австрийских. Ведь и у австрийцев имелся главнокомандующий такого калибра, как Бенедек; были у них и Габленцы, и Альберты саксонские, и, наконец, такие два умные и способные на мертвую хватку генерала, как Рамминг и Моллинари!

Благодаря наступлению пруссаков по двум направлениям, положение сложилось так, что у Альберта оказалось на Изере слишком мало войск, чтобы что-либо предпринять; Габленц, под угрозой атаки с тыла и с фронта, лишен был внутренней уверенности и был разбит под Зоором, а сам Бенедек, находясь между двумя прусскими армиями, стоял под Скалицем, как буриданов осел между двумя охапками сена [1]. Так как он не уловил момента и не бросился на Штейнмеца, то последний разбил эрцгерцога Леопольда, а принц Фридрих-Карл — кронпринца саксонского. Этим в сущности кампания была уже выиграна пруссаками, хотя еще оставалось проделать тяжелую кровавую работу.

«Итак, — вопрошает критика, еще доныне не смолкнувшая за границей, — план кампании Мольтке удался потому только, что Бенедек сделал крупную ошибку под Скалицем? Но ведь на таких грубых промахах Мольтке не имел права строить свои расчеты; так поступать — уже не отвага, а азартная игра!»

---

[1] Буридан, схоластик XIV в., отвергал в человеке свободу воли и между прочим приводил в доказательство такой пример: осел, поставленный между двумя совершенно одинаковыми стогами сена, при наличии полной свободы воли, неминуемо погиб бы от голода, потому что не имел бы основания к предпочтению одного из двух стогов.

Нет, это не была азартная игра! Если бы Мольтке отказался от разделения прусских сил на две армии, для него не оставалось бы никакой иной стратегии, кроме стратегии вторжения в неприятельскую страну сомкнутой массой. Тогда 8½ прусских корпусов столкнулись бы с 8 австрийскими. Возможно, что ошибки подчиненных вождей вообще поставили бы под сомнение счастливый исход войны; впрочем, благодаря качественному превосходству прусской пехоты были бы одержаны одна или несколько побед, однако, при численном равенстве сил, какой характер носили бы — насколько это можно предугадать — эти успехи? Едва ли они значительно отличались бы от побед, одержанных Наполеоном под Маджентой и Сольферино.

А ведь удачные сражения без серьезных военных результатов оказались бы в политическом отношении пирровыми победами, ибо в таком случае достижения прусской пехоты едва ли произвели бы на императора французов такое ослепительное впечатление и вряд ли удержали бы его от интервенции в пользу Австрии [1]. Хуже этого с Пруссией не могло бы произойти даже в том случае, если бы Бенедек перешел в наступление под Скалицем, ибо прусская пехота в гористой местности, конечно, воспрепятствовала бы тому, чтобы первоначальный успех, который он тогда, вероятно, одержал бы, не превратился в полный разгром 2-й армии.

Остается еще один вопрос: а если бы на месте австрийцев стояли французы? Мы не будем отговариваться тем, что Мольтке составил свой операционный план 1866 г. именно против австрийцев, а не французов; не будем мы настаивать и на том, что объединение армий могло бы совершиться уже 25-го, а не 29-го. Допустим, что критические дни наступали 27-го и 28-го, причем против пруссаков под Находом, Траутенау, Скалицем и Зооором стояли французы. Как предположительно развернулись бы при этих условиях события? Под Находом, где австрийцы были разбиты вследствие неповоротливости своей пехоты, возможно, что французам удалось бы одержать победу. Аргументируя таким образом, я принимаю в расчет только фактические, материальные моменты, — моменты же личного, субъективного порядка, как не поддающиеся никакому учету, я устраняю. Но в таком случае надлежит устранить и личность Бонина под Траутенау, а при этих условиях победа пруссаков под Траутенау все равно, что доказана, ибо в течение нескольких часов у австрийцев для обороны высот была лишь одна бригада против целого корпуса.

Следовательно, 1-му корпусу удалось бы выйти из горных проходов, а разбитые под Траутенау французы еще менее могли бы преградить гвардии выход из Эйпельского прохода, чем это мог сделать победоносный Габленц. Словом, если бы Мольтке имел против себя даже французов, он мог бы с успехом применить свой план кампании. Вероятно, и при этих условиях пруссакам удалось бы перейти через горы. Но если бы даже они были отброшены

[1] Все-таки Наполеон III, хотя и захваченный врасплох, сделал попытку дипломатического вмешательства. В ночь с 4 на 5 июля Вильгельм получил телеграмму Наполеона, который сообщал, что император Франц-Иосиф уступил ему Венецию и просит его посредничества. По докладу Бисмарка, король дал уклончивый ответ. Позднее в Никольсбурге Бисмарк спросил Мольтке, как он поступил бы в случае военного выступления Франции. Мольтке ответил: «Оборона против Австрии, ограничиваясь линией Эльбы, а тем временем ведение войны против Франции» («Gedanken und Erinnerungen», 1898, т. II, стр. 32—33).

назад, — ибо война — всегда дело рискованное, — то и тогда им нечего было опасаться полного разгрома со стороны французов. 4 корпуса в трудно проходимой местности всегда могут продержаться некоторое время против 6 корпусов. А тем временем вождь другой армии, — не столь нерешительный, как Фридрих-Карл, — стоял бы с 4½ корпусами против 2.

К этому, понятно, надо добавить, что французы в 1866 г., хотя и не имели в рядах своей армии такой массы уклонявшихся, но вооружены были не лучше австрийцев, а их тактика, хотя и превосходила австрийскую, не могла равняться с прусской. Однако, этот аргумент мне не хотелось бы выдвигать на первый план, ибо неоспоримым является то положение, что даже и при одинаковых методах ведения боя и одинаковом вооружении войск план кампании Мольтке все же оказался бы самым лучшим.

Неизмеримо то влияние, которое этот человек оказал в 1866 г. на ход исторических событий! Не окажись он на том месте, которое он занимал, или если бы кампания была проведена согласно взглядам остальных генералов, то не удалось бы и добиться такого окончательного решающего исхода военных действий. Тогда, возможно, Бисмарк был бы уволен, и трудно сказать, какой оборот приняли бы в таком случае дела Германии.

Лишь основательно все это продумав, мы можем дать справедливую оценку Бенедеку. Он не скрыл от Франца-Иосифа, что «стратегической искрой» он не обладает, что таковую едва ли можно вообще найти во всей армии и что ему в отношении стратегии придется довольствоваться каким-нибудь рутинером. И он создал бы стратегию, — поскольку ее надо было создать для удовлетворения политических потребностей, — если бы его партнером в игре не оказался случайно, на погибель его и Австрии, гений. По своему политическому положению Бенедек представлял собой своего рода второе правительство. Фридъюнг, который пролил так много света на историю его жизни, написал также книгу, основанную на его письмах к жене [1]. Эту книгу легко понять превратно, и Бенедек, — кстати сказать, весьма счастливый в браке, — может представиться читателю в сентиментальном свете. В действительности он был довольно крепкой, мужественной натурой с непосредственным грубоватым честолюбием. Когда официальная Австрия свалила на него вину в поражении, то в этом, с чисто объективной точки зрения, она не расходилась с истиной; но то, как этот тезис проводится в сочинении австрийского генерального штаба, — в общем представляющем основательную работу, — является лживым и злобно пристрастным.

Особенно горькое чувство испытал Бенедек, уволенный после войны и умерший в отставке в городе Граце от того, что Франц-Иосиф не захотел ни разу его больше принять [2]. Но ведь в порядке вещей, что монархи не любят Валленштейнов, а когда последние бывают разбиты, они перестают для них существовать. Правда, Бенедек противился назначению его главнокомандующим в войне с противником, превосходство которого над собою он чувствовал; однако, перед войной он не без собственных сознательных стараний достиг

[1] Friedjung, Benedek's nachgelassene Papiere, 2-е изд., 1901. — *Прим. авт.*

[2] Бенедек умер в 1881 г., причем до самой смерти хранил полное молчание относительно проигранной кампании, не отвечая ни на какие обвинения и нападки.

такого положения, при котором ни ему не было никакой возможности отказаться от командования, ни императору — не призвать его на этот пост. Вот каким образом между Францем-Иосифом и Бенедеком завязался трагически запутанный узел, который был рассечен не так, как несколько столетий перед тем пиками убийц в Эгере [1], а бескровно, перед военным трибуналом. Но в XIX в. поступили более несправедливо, чем в XVII, что и нанесло моральный ущерб и династии и армии.

Бенедек был самым достойным и блестящим представителем этой армии: ведь, в самом деле, во главе ее он в 1866 г. сделал больше, чем в 1859 г. Гиулай, Грюнне и все прочие. Что в глубине своей души он сомневался в будущности этой армии, — подобно всем императорским и королевским генералам 1859 и 1866 г., не верившим ни в свое государство, ни в свою армию, — это составляло также трагическую черту его судьбы [2]. Тем не менее Бенедек так сумел руководить этой армией, что 29 июня в 11 часов утра от одного лишь решения и от одного лишь австрийца зависело, завоюет ли Пруссия для себя в эту кампанию гегемонию в Германии или нет. Возможно, что ей удалось бы при ином исходе все же добиться такой гегемонии политическими средствами, но сказать это с уверенностью нельзя; во всяком случае кризис был бы ужасный, который до известной степени предвосхитил бы катаклизм 1918 г.

Сражение под Кениггрецем, сказал Бисмарк, на целое столетие поставило верно немецкие часы. На одно лишь столетие, но не навсегда! Доколе он правил, его внешняя политика была построена на предпосылке, что Австрия может потребовать восстановления ее положения в Германии. Бисмарк проделал сражение под Кениггрецем в свите короля. Он пережил вместе с осыпаемой снарядами 1-й армией ее мучительное ожидание подхода 2-й армии; он видел бушующее море кавалерийского боя, во время которого австрийские штандарты развевались выше прусских; перед его глазами разыгралась кровавая драма корпуса Гондрекура; он видел и то, как австрийская артиллерия принесла в жертву свои «батареи мертвых» и построила отнедышащую плотину из 700 орудий, за которой окруженная с трех сторон армия все же, наконец, достигла реки и мостов. А когда солнце зашло, Бисмарк оказался свидетелем страшного истощения сил победителей, которые просто окончательно изнемогли [3].

С этими-то впечатлениями от сопротивления, оказанного Австрией под водительством Бенедека прусским вожделениям, вернулся Бисмарк домой. Tantae molis erat! (Столь грандиозны были события!) И притом не надо забывать, что победа под Кениггрецем досталась пруссакам легче всего. Самые большие затруднения им пришлось преодолеть раньше. Вся кампания длилась только одну

---

[1] В Эгере в 1634 г. был убит Валленштейн, знаменитый императорский полководец в Тридцатилетнюю войну, заподозренный в измене.

[2] Таким образом, уже в эпоху 1859 — 1866 гг. все австрийские генералы не верили ни в свое государство, ни в свою армию. Тем удивительнее, что в 1907 г. историк и политический деятель Дельбрюк, в редактируемом им журнале «Preussische Jahrbücher», — возражая людям, указывавшим на неизбежное разложение Австро-Венгрии, — сказал: «Я противопоставляю этому утверждение, что Австрия имеет великую будущность». Нельзя сказать, чтобы это пророчество свидетельствовало об особой дальновидности.

[3] Т. е. изнемогло командование, хотя, по словам самого автора, оставалось еще «достаточное число совершенно свежих частей для преследования».

неделю, но она была для Пруссии опаснее войны 1870 г., длившейся много месяцев![1]

Если бы Бенедек обладал «стратегической искрой», все же исход был бы таким же благодаря тому всеобщему недовольству государством, при котором десятки тысяч австрийских солдат как омертвевшие члены обременяли тело армии[2].

Вероятно, и великий австрийский полководец не одержал бы победы с такими войсками, ибо, — как я подчеркивал в конце моих рассуждений по поводу Сольферино, — миром управляют идеи. Но для Австрии в данном случае не так уж важно было победить, а достаточно было добиться состояния военного равновесия. Что этого Бенедеку не удалось достигнуть, зависело не столько от психического состояния его армии, от ее тактики и вооружения, сколько от калибра стратега, с которым он столкнулся. Из всех военных его эпохи Мольтке один понял, что с изменением материальных условий, в которых приходится применять военное искусство, стали возможны и необходимы новые оперативные формы.

Миром правят идеи, но историю творят люди.

---

[1] Это заключение следует запомнить, так как в 6-м томе автор будет тенденциозно доказывать, что война 1870—1871 гг. была необыкновенно трудна и опасна для Германии.

[2] За всю войну пруссаки потеряли: убитыми 3 473, ранеными 12 675, без вести пропавшими 459, итого 17 090 чел. Потери австрийцев и саксонцев: убитыми 10 404, ранеными 30 418, без вести пропавшими 12 494, нераненными пленными 22 040, а всего 75 356 чел.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

встречающихся в тексте V тома труда Дельбрюка «История военного искусства в рамках политической истории».

А

Абердин, лорд, англ. мин., 77
Август, принц вюртембергский, прусск. ген., 354
Австрия, 8, 9, 46, 60, 81, 82, 112, 128, 179
Адриатический флот, франц., 274
Александр, принц гессенск., австр. ген. (1859), 166, 253, 260, 264, 265
Александр II, 171, 121, 125
Альберт, кронпринц саксонск., 313, 315, 316, 318, 319, 362, 364, 384, 386, 391
Альбрехт, эрцгерц. австр., 239, 249, 254 290, 291
Альвенслебен, ген.-адъют. Вильгельма I прусск., 308
Алушта, дер., 83, 84
Альма, сражение (1855 г.), 17, 30
Альмазан, герц., историк, 158
Аппель, австр. майор, 235, 236

Б

Баварцы, 304, 306, 307
Базен, франц. ген., 121, 214, 250
Балаклава, дер., 14, 34, 40; бой, 42, 86
Бараге д'Илье, франц. ген. (1859), 151, 214, 215, 236, 250, 259, 260, 265
Бартелье-фон-Бартберг, австр. ген., 146
Бах, австр. гос. деят., 212
Белградское дело, 132
Белькреди, австр. гос. деят., 316, 317
Бенедек, австр. ген., главноком. (1866 г.), 151, 220, 251, 254; 260, 261, 266, 284, 285, 314, 316, 318, 322, 345, 355, 358, 364, 391
Бизо, нач. франц. артилл. в крым. камп., 78
Бисмарк, прусск. канцлер, 288, 304, 306, 307, 394
Блументаль, прусск. ген., 307, 309, 311, 313, 316, 371, 382, 383
Бозе, прусск. ген., 322
Бомарзунд, креп., 8
Бонин, прусск. ген., 329, 330, 374
Боске, франц. ген., 22, 103
Бранденштейн, австр. ген., 259, 264
Бресчия, гор., 232, 275
Броненосные суда, крым. камп., 121
Буоль, граф, австр. мин. иностр. дел, 64, 99
Бурбаки, франц. ген., 141
Бургойн, англ. ген., 45, 56, 57, 65, 68, 87, 93

В

Валленштейн, полков. Тридцатилетней войны (1583—1634), 289
Вальдштеттен, австр. ген., 340
Вальян, франц. маршал, воен. мин., 72, 81, 82, 86, 101, 106, 141, 158, 172
Варна, гор., 12, 13
Веллингтон, англ. ген., 91
Венгерские войска, 208, 277
Венгерский легион, 275, 276
Венгрия, 275
Венская мирная конференция, 82
Верди, фон, австр. офиц. генштаба, 347
Виктория I, англ. королева, 94
Виктор-Эммануил II, сардинск. (1849), впоследствии итальянск. король (1864), 224
Виллафранка, австр.-франц. мирн. перегов. (1859 г.), 282
Вильгельм I, король прусск., импер. герм., 296, 299, 302, 310, 377

Вимпфен, австр. ген., 238
Вимпфен, франц. ген., 279, 280
Винуа, франц. ген., 246

Г

Габленц, австр. ген., 260, 261, 327, 351, 376, 390
Гамелен, франц. адмир., 12
Гарибальди, итал. патриот, 173, 174, 224, 273, 275
Геникштейн, барон, австр. фельдмаршал, 290, 314
Герварт, прусск. ген., 378
Герварт-фон-Биттенфельд, прусск. ген., команд. Эльбской армией (1886), 302, 318, 375, 376
Германский союз, 10
Гертвег, австр. ген., 335, 341
Гесс, австр. нач. ген. штаба, 212, 226, 228, 234, 238, 240, 286
Гиулай, граф, австр. фельдцейгмейстер, 140, 152, 179, 182, 196, 212, 219, 225, 277
Гогенлоэ-Ингельфинген, принц, прусск. воен. писатель, 150 185
Годар, франц. воздухоплав., 244
Гондрекур, австр. ген. 320, 380, 387, 388
Горчаков (Александр), кн., русск. дипломат, 81, 380
Горчаков (Петр), русск. ген., 133, 153, 49, 98, 113, 114
Граничары, австр., 247, 248
Гривичич, австр. ген., 329, 353, 354, 356
Грюнне, граф., австр, ген.-адъют., 154, 157, 174, 179, 230, 286
Гюбнер, австр. дипломат, 134, 136, 139

Д

Данненберг, прусск. полк., нач. штаба гв. к-са, 354, 355
Данненберг, русск. ген., 47, 48
Дегенфельд, австр. воен. мин., 290, 291
Друин-де-Люис, франц. мин. иностр. дел, 82
Дундас, англ. адмирал, 12

Е

Евпатория, гор., 14, 57, 59, 67

Ж

Жирарден, Эмиль, франц. полит. деят., 137

З

Зуавы, 73, 104, 125, 178

И

Инкерманское сражение (1855 г.), 47
Ионак, австр. ген., 338

К

Кавур, итал. госуд. деят., 156
Кадорна, сардинск. полк., 175
Камышевая бухта (Севастополь), 35, 86
Канробер, франц. маршал, команд. фр. силами в крым. камп., 37, 45, 66, 67, 80, 97, 109, 155, 249, 258, 266, 272
Каффа (Феодосия), гор., 11
Кекрен (лорд Дендональд), 110
Кеммерер, нем. воен. писат., 149, 172
Керчь, гор., 11, 96, 99
Кессель, прусск. полк., 353, 354
Кнальдини, сардинск. ген., 272, 273
Кинбурн, креп., 120
Кинглек, англ. историк, 19
Кирбах, прусск. ген., 340, 347, 350, 360, 361
Клам-Галлас, австр. ген., 195, 202, 203 244, 303, 313, 322, 362, 365, 381
Клаузевиц, фон, прусск. ген., 327
Кнебель, австр. ген., 332
Кобден, англ. экономист, 91
Кодрингтон, англ. маршал, 125
Корабельная сторона (Севастополь), 70, 104, 106
Корнилов, русск. адмир., 33, 41
Кошут, венгерск. полит. деят., 140, 246
Крейснер, австр. ген., 349
Кренневиль, граф, австр. ген.-адъют., 290
Крисманич, австр. ген., 291, 314, 323, 344, 355, 358, 363, 365, 381, 389
Кронпринц прусский, Фридрих, команд. 1 арм. (1866 г.), 303, 382
Крыж, австр. полк., 291, 315
Крым, п-ов, 13
Кун, австр. полк., нач. штаба Гиулая, 149, 181, 200, 225, 229
Ксеркс, царь персид. (485—465 до н. э.), 223

Л

Лебрен, франц. ген., 173, 250
Левенфельд, прусск. ген., 337, 348
Лейнинген, австр. ген., 345
Леопольд, эрцгерц, австр. ген., 345
Ливен, русск. княг., 73

Лундби, бой (1864), 320, 380
Людендорф, ген.-кварт. герм. арм. (1914—1918), 169, 172
Люзиде, франц. ген., 243
Лямиро, франц. ген., 215, 244

М

Маджента, сражение (1859), 191
Мак-Магон, франц. маршал, 115, 137, 189, 197, 209, 210, 217, 249, 258, 262
Малахов курган (Севастополь), 71, 115
Масса-Каррара, итал. окр., 148, 276
Мекензиев хутор (Крым), 33, 70
Меленьяно, бой (1859 г.), 214
Меньшиков, кн., команд. русск. силами в Крыму (1854), 8, 11, 16, 22, 32, 37, 67, 84
Минье, ружье, 25, 50, 54, 90, 91, 164
Модена, итал. обл., 146, 148, 229
Молдавия и Валахия, 132, 133
Моллар, сардинск. ген., 260
Моллер, русск. ген., коменд. Севастополя (1854), 50
Моллинари, австр. ген., 378
Мольтке, нач. прусск. ген. штаба (1866 и 1871), 150, 258, 296, 303, 309, 310, 311, 319, 357, 361, 366, 371, 372, 374, 377, 389, 390, 391, 394
Мондль, австр. ген., 327, 329
Монтебелло, бой (1859), 160
Мюнхенгрец, бой (1866). 345

Н

Найтингаль, Флоранс, мисс, 92
Наполеон III, франц. импер., 69, 86, 102, 106, 143, 144, 164, 168, 169, 171, 172, 188, 195, 206, 209, 219, 222, 223, 232, 261, 265, 271, 274, 282, 390, 391
Наполеон, принц (см. Наполеон III), 26, 136, 139, 208, 229, 273, 281
Нахимов, русск. адмир., 111
Ниель, франц. инж. ген., 8, 35, 67, 82, 106, 155, 249, 255, 258, 267, 390
Николаев, гор., 121
Нугент, австр. ген., 255
Ньюкестльский, герцог, 90

О

Оливье, Эмиль, франц. мин., 144
Орсини, итал. революц., 137, 138
Оскар I, шведск. король, 9
Остен-Сакен, русск. ген., коменд. Севастополя, 73, 75

П

Палестро, бой (1859), 175
Пальмерстон, лорд, англ. госуд. деят., 22, 77, 86, 91, 92, 123, 136, 139, 280
Панмур, лорд., англ. воен. мин., 76, 80, 92
Парма, гор., 324, 148, 228
Пелисье, франц. ген., 82, 98, 122, 135, 142
Перекопский перешеек (Крым), 84
Пломбьер, гор., 135
Подол, бой (1866), 322
Пошахер, австр. ген., 322
Принц-супруг (Альберт), 90, 93
Прудон, франц. соц.-утопист, 137

Р

Раглан, лорд, ген., команд. англ. силами в крым. камп., 19, 109
Радецкий, австр. фельдмаршал, 277
Рамминг, австр. ген., 203, 204, 226, 228, 243, 255, 257, 274, 277, 335, 339, 340, 342, 381
Розенберг, прусск. лейт., 357, 358
Розенцвейг, австр. ген., 338
Ромен-Дефоссе, франц. адмир., 281
Роон, прусск. ген., воен. мин., 298
Руссель, Джон, лорд, англ. мин., 82
Руссель, спец. кор. англ. газ. «Таймс», 60

С

Сардинцы, 81, 86, 161, 175, 178, 200, 207, 208, 251, 252, 260
Севастополь, осада (1855—1856), 10, 15, 41, 44, 77, 102, 164, 105, 114, 117, 118
Селенгинский редут (Севастополь), 72, 73
Сент-Арно, ген., команд. франц. сил. в крым. камп., 12, 20, 37
Симпсон, англ. ген., 109, 124, 125
Симферополь, гор., 13
Скюдье, австр. ген., 240
Соймонов, русск. ген., 48
Сольферино, сражение (1859), 237
Стадион, австр. ген., 157, 244, 245, 285
Стратфорд, англ. посол в Константинополе, 80

Т

«Таймс» (Times), англ. газ. в крым. камп. 67, 68
Танн, фон-дер., бавар. ген., 304

Татары, крым. камп., 57
Тегетгоф, полк., н-к австр. развед. сл., 303
Тоскана, итал. обл., 146
Тотлебен, русск. инж. ген., 15, 34, 35, 71, 78, 82
Тун, граф, австр. ген., 379
Турки, крым. камп., 38, 57, 79, 80, 81, 86, 120, 121, 127, 128

У

Унгер, фон, прусск. майор., 373
Урих, франц. ген., 148

Ф

Фальиде, франц. ген., 245
Фестетич, австр. ген., 345, 376
Флери, ген.-адъют. Наполеона III, 172, 173, 209, 281
Форей, франц. ген., 74, 75, 161, 244
Фохст-Ретц, фон, прусск. ген., 327, 373
Фрагнер, австр. ген., 249, 250
Франзецкий, прусск. ген., 376, 377, 378
Франк, австр. воен. мин., 292
Франц-Иосиф I, австр. импер., 138, 174, 252, 264, 269, 295, 359, 360
Франц-Фердинанд, австр. эрцгерц., 284, 288
Фридрих-Вильгельм IV, прусск. король, 8
Фридрих-Карл, прусск. принц., команд. I арм. (1866), 301, 303, 317, 318, 345, 361, 364, 369, 373, 377, 383, 390, 391
Фридъюнг, австр. историк, 364, 380

Х

Херсон, гор., 84

Ц

Цедтвиц, австр. ген., 242
Цобель, австр. ген., 176, 177, 203, 240, 259, 261, 262, 264, 271

Ч

Черная речка, сражение (1855), 112
Черноморский флот, русск., 12, 32, 36, 37

Ш

Шабо, австр. ген., 178
Шамиль, вождь кавказ. горцев, 16
Шафготч, австр. ген., 160, 244
Швеция и Норвегия, 8, 9, 81, 126
Шербург, воен. порт, 135
Шлик, австр. ген., 238, 239
Шмерлинг, австр. премьер-мин. (1851), 284, 316, 317
Щмидт, прусск. ген., 377, 378
Штейнмец, прусск. ген., 282, 302, 338, 340, 342, 346, 347, 349, 352, 360, 366, 367, 368
Штернберг, австр. майор, 362, 363
Штюльпнагель, фон, прусск. ген., 307, 325

Э

Эдельсгейм, австр., кав. ген., 242, 249, 371
Эрей, англ. ген.-квартирм., 34, 35
Эрнст, эрцгерц. австр., ген., 376
Эспинас, франц. ген., 198, 202

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие автора 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВАЯ ПОЗИЦИОННАЯ ВОЙНА В МИРОВОЙ ИСТОРИИ.

(Крымская война 1854—1856 гг.)

Глава I. Первоначальные действия союзников и сражение на реке Альме (20 сентября 1854 г.) 7

Глава II. Наступление русских (бой под Балаклавой 25 октября 1854 г. и Инкерманское сражение 5 ноября 1854 г.) 40

Глава III. Зима под Севастополем и англо-французский спор о плане операций 60

Глава IV. Английское военное устройство и победа английского операционного плана 88

Глава V. Вторжение в русскую позицию 99

Глава VI. Вторая зима под Севастополем. Замирание войны 119

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

(Австро-французская война 1859 г.)

Глава I. Политические события перед войной 131

Глава II. Фельдцейгмейстер граф Гиулай и сардинцы. Развертывание французов. Бой при Монтебелло (20 мая 1859 г.) и его стратегические последствия 145

Глава III. Фланговый марш Наполеона. Бои при Палестро (30 и 31 мая 1859 г.) Австрийцы отходят за р. Тиччино 171

Глава IV. Сражение при Маджente (4 июня 1859 г.) 191

Глава V. Бой при Меленьяно (8 июня 1859 г.). Принц Наполеон и французский флот 214

Глава VI. Сражение при Сольферино (24 июня 1859 г.) 237

Глава VII. Мир по соглашению (12 июля 1859 г.) 271

Стр.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ГЕНИЙ И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ РУТИНА

(Австро-прусская война 1866 г.)

Глава I. Дух армий и способ ведения боя. Главнокомандующие. Первые бои (Гюнервассер и Подол) 283
Глава II. Бои под Траутенау и Находом 325
Глава III. Стратегическое соединение прусских армий. (Бои под Скалицем, Зоором и Гичином) 344
Глава IV. Сражение под Кениггрецем 371
Указатель собственных имен и названий 395

К печати подготовили:
Редактор Н. М. Потапов
Технич. редактор Д. Моисеенко
Корректоры: Н. Ширяева и А. Косоурова
Художник Б. Иванов
Выпускающий Ф. Виноградов

Сдано в набор 16/IV 1935 г. Подписано к печати 11/X 1936 г.
Формат бумаги 72×110/16. 32,027 авт. л. 25 печ. л. 51.200 зн. в 1 п. л.
Текст книги отпечатан на бумаге Камского Бумкомбината
Цена книги 6 р. 50 к., переплет 1 р. 50 к.
Г — 35033
Изд. № 142. Заказ № 831
Тираж 10.000 экз.

Адрес Издательства: Москва, Орликов пер., 3

2-я типография ГВИЗ НКО СССР им. Клима Ворошилова
Ленинград, ул. Герцена, 1

30-

6435/-
11